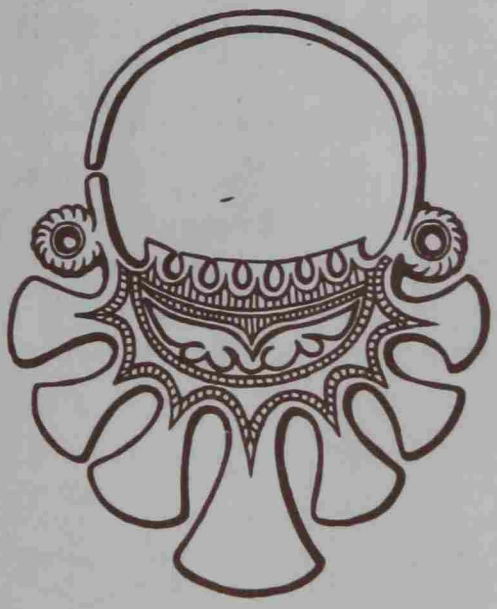
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1997 2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь)
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1997 2

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) 5

Балабина В.И. Фигурки животных и их символика на сосудах как отражение одной из знаковых систем древних земледельцев Европы 29

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья 47

Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке 63

Попова Е.А., Коваленко С.А. Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве (по материалам городища "Чайка") 78

Зубарь В.М. О так называемой "тавро-скифской" войне в истории Ольвии 85

Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид 91

К 850-летию города Москвы

Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации) 104

Чернов С.З. Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на бересте 123

Дискуссии

Рычков Н.А. Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий) 150

Ольховский В.С. Обычай и обряд как формы традиции 159

Публикации

Горелик А.Ф. Находки предметов изобразительной деятельности палеолитического человека у хутора Рогалик (Украина) 169

Курбансахатов К., Пилипко В.Н. Стратиграфия Кумыш-Депе (Туркменистан) 181

© Российская академия наук,
Институт археологии, 1997 г.

Борзунов В.А. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау) 197
Пузикова А.И. Уникальный комплекс из могильника скифского времени у деревни Дуровка (Среднее Подонье) 211
Гаджиев М.С. Две бронзовые статуэтки из Дагестана (к хронологии культовой пластики) 222
Прошкин О.Л. Древнерусский слой Мощинского городища 229

История науки

Золотарев М.И., Буйских С.Б. Неизвестный план Ольвии П.И. Кеппена 241

Критика и библиография

Гуляев В.И. Археология в Испании (краткий обзор) 246
Артемьев А.Р. *Kazakevicius V.* Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos archeologija 10. Vilnius, 1993 251

Из новой литературы по Великой греческой колонизации

Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. *Dougherty C.* The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. New York; Oxford, 1993 254
Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. *Plana Mallart R.* La chora d'Emporion. Paysage et structures agraires dans le nord-est Catalan à la période pré-romaine. Paris, 1994 265
Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. The Archaeology of Greek Colonization. Essays dedicated to Sir John Boardman. Oxford, 1994 269

Хроника

Албегова З.Х. Конференция "Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа" (XIX "Крупновские чтения") (Москва, 1996) 279
Чеченов И.М. Обращение участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа ("Крупновские чтения") к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования 285
Кауров Э.Н., Потемкина Т.М. Археоастрономия в России (по материалам конференции "Наша галактика" и междисциплинарного совещания; Москва, март 1996 г.) 287

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1997 2

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V. I. Gulyaev

CONTENTS

Munchaev R.M., Merpert N.Ya. The Most Ancient Cult Complex of North Eastern Syria (the third millenium BC) 5
Balabina V.I. Animal Figures and their Symbols Found on Vessels as a Reflection of One of the Sign Systems Used by the Earliest Farmers of Europe 29
Zdanovich G.B. Archaim as a Middle Bronze Age Cultural Complex of the Southern Trans-Urals area 47
Matveeva N.P. Trade Contacts between Western Siberia and Central Asia in the Early Iron Age .. 63
Popova E.A., Kovalenko S.A. On the Aspects of the Hercules Cult in the Khersonesus State (Using the Materials of the Hill-fort "Chaika") 78
Zubar V.M. On the So-Called "Tauro-Scythian" War in the History of Olvia 85
Byrnya P.P., Ryaboy T.F. Monumental Architecture of a Golden Horde Fourteenth Century City Shehr al-Dzhedid 91

Towards the 850th anniversary of Moscow

Koval V.Y. Ceramics oriental in Medieval Moscow (Experience of Systematization) 104
Chernov S.Z. Moscow Birch Bark Letter № 1 is the First Act of Moscow Rus on the Birch Bark 123

Discussions

Rychkov N.A. A Tradition, a Custom, a Rite (Correlation of the Terms) 150
Olkhovsky V.S. A Custom and a Rite as Forms of Tradition 159

Publications

Gorelik A.F. Finds of Goods of a Paleolithic Man Figurative Activity near a Farmstead Rogalik (Ukraine) 169
Kurbansakhatov K., Pilipko V.N. Stratigraphy of Kumysh-depe (Turkmenistan) 181
Borzunov V.A. New Materials on the Early Iron Age of the Kama Basin (the Hill-fort Alten-Tau) 197
Puzikova A.I. A Unique Complex from a Scythian Age Burial Ground Located near the village Durovka (the Middle Don Basin) 211

Gadzhiev M.S. Two Bronze Statuettes from Daghestan (to the Chronology of the Cult Plastics) ... 222
Proshkin O.L. The Ancient Russian Layer of the Moshini Hill-fort 229

History of science

Zolotarev M.I., Buiskikh S.B. The Unknown P.I. Keppen' Plan of Olbia 241

Criticism and bibliography

Gulyaev V.I. Archaeology of Spain (bibliographical review) 246
Artemiev A.R. *Kazakevicius V.* Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos archeologija 10. Vilnius, 1993 251

From new foreign literature on the great greek colonization

Marinovich L.P., Koshelenko G.A. *Dougherty C.* The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. New York – Oxford, 1993 254
Marinovich L.P., Koshelenko G.A. *Plana Mallart R.* La chora d'Emporion. Paysage et structures agraires dans le nord-est Catalan à la période pré-romaine. Paris, 1994 265
Marinovich L.P., Koshelenko G.A. The Archaeology of Greek Colonization. Essays dedicated to Sir John Boardman. Oxford, 1994 269

Chronicle

Albegova Z.Kh. The Nineteenth Readings on Archaeology of the North Caucasus (Moscow, 1996) 279
Chechenov I.M. The Appeal of the Participants of the Nineteenth Inter-regional Scientific Conference on Archaeology of the North Caucasus (The Krupnov readings) to Historians-Specialists on the Caucasus, to All Representatives of Science and Education 285
Kaurov E.N., Potemkina T.M. Archaeastronomy in Russia (using the materials of the conference "Our Galaxy" and of the interdisciplinary seminar; Moscow, March, 1996) 287

Р.М. МУНЧАЕВ, Н.Я. МЕРПЕРТ

ДРЕВНЕЙШИЙ КУЛЬТОВЫЙ ЦЕНТР В ДОЛИНЕ ХАБУРА

(Северо-Восточная Сирия)

В 1988 г. экспедиция Института археологии РАН начала широкомасштабные раскопки Телль Хазны I – одного из многочисленных теллей левобережья Хабура, левого притока Евфрата. Итоги первых двух сезонов исследований этого интереснейшего памятника уже были освещены, в том числе в настоящем журнале (Мунчаев Р.М. и др., 1990, с. 5–24). Работы на Телль Хазне I были заметно расширены в 1990 и особенно в 1991 г. (Munchaev R.M. et al., 1993; Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 1994). К сожалению, из-за финансовых затруднений в 1992–1993 гг. исследования рассматриваемого объекта не велись. В эти годы наши работы в Сирии ограничились зондажными раскопками на соседнем холме – Телль Хазне II, относящемся к VI–III тыс. до н.э. (Мунчаев Р.М. и др., 1993, с. 25–42). Исследования Телль Хазны I возобновились в 1994 г. благодаря гранту, выделенному международным фондом "Культурная инициатива" (фонд Сороса), а с 1995 г. они финансируются Российским Гуманитарным научным фондом (РГНФ), поддержка которого обусловила возможность широкомасштабных и плодотворных работ.

Телль Хазна I расположена в 25 км к северо-востоку от г. Хасаке (Hasake), на полпути между ним и Телль Браком, на левом берегу р. вади Ханзир (или вади Риджла), впадающего в Джаг Джаг – левый приток Хабура. Холм имеет округлую в плане форму со склонами, более крутыми на северной и восточной сторонах. Диаметр холма превышает 150 м, высота 17,2, а мощность культурного слоя более 16 м.

Раскопками охвачена площадь свыше 1500 м^2 на южном и западном склонах холма (рис. 1). Участки вскрыты на различную глубину, на четырех из них достигнута поверхность материка на глубине в среднем 17 м. Основная часть культурного слоя относится к раннединастическим периодам I–III (III тыс. до н.э.). Она подстилается 3-метровым слоем с материалами урукской и – ниже – убейдской культур (V–IV тыс. до н.э.) (См.: Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1982). Эта древнейшая часть слоя вскрыта лишь в ограниченных зондажах и пока четко не стратифицирована. Основные же исследования охватили слой раннединастических периодов. Первоначально материалы его рассматривались как остатки последовательных поселений, относящихся к первой – третьей четвертям III тыс. до н.э., однако дальнейшие исследования привели к заключению, что перед нами – единый комплекс взаимосвязанных сооружений большого культового центра (Merpert N.Y., Munchaev R.M., 1994, p. 38–40). Наиболее древние и фундаментальные из этих сооружений находятся внутри урукского слоя. Это позволяет предполагать, что создание культовых сооружений здесь началось, возможно, в позднеурукское время, в конце IV – начале III тыс. до н.э.

На исследованной площади вскрыта довольно плотная и весьма сложная система многочисленных построек конца IV – III тыс. до н.э., подчиненных определенному плану (рис. 2; 3). Как установлено, при неоднократных перестройках и реконструкциях на протяжении всего значительного периода существования культового центра (вплоть до третьей четверти III тыс. до н.э.) сохранялись основные принципы единой, связывающей все сооружения планировки. При этом главными, опорными звеньями,

© Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт, 1997 г.

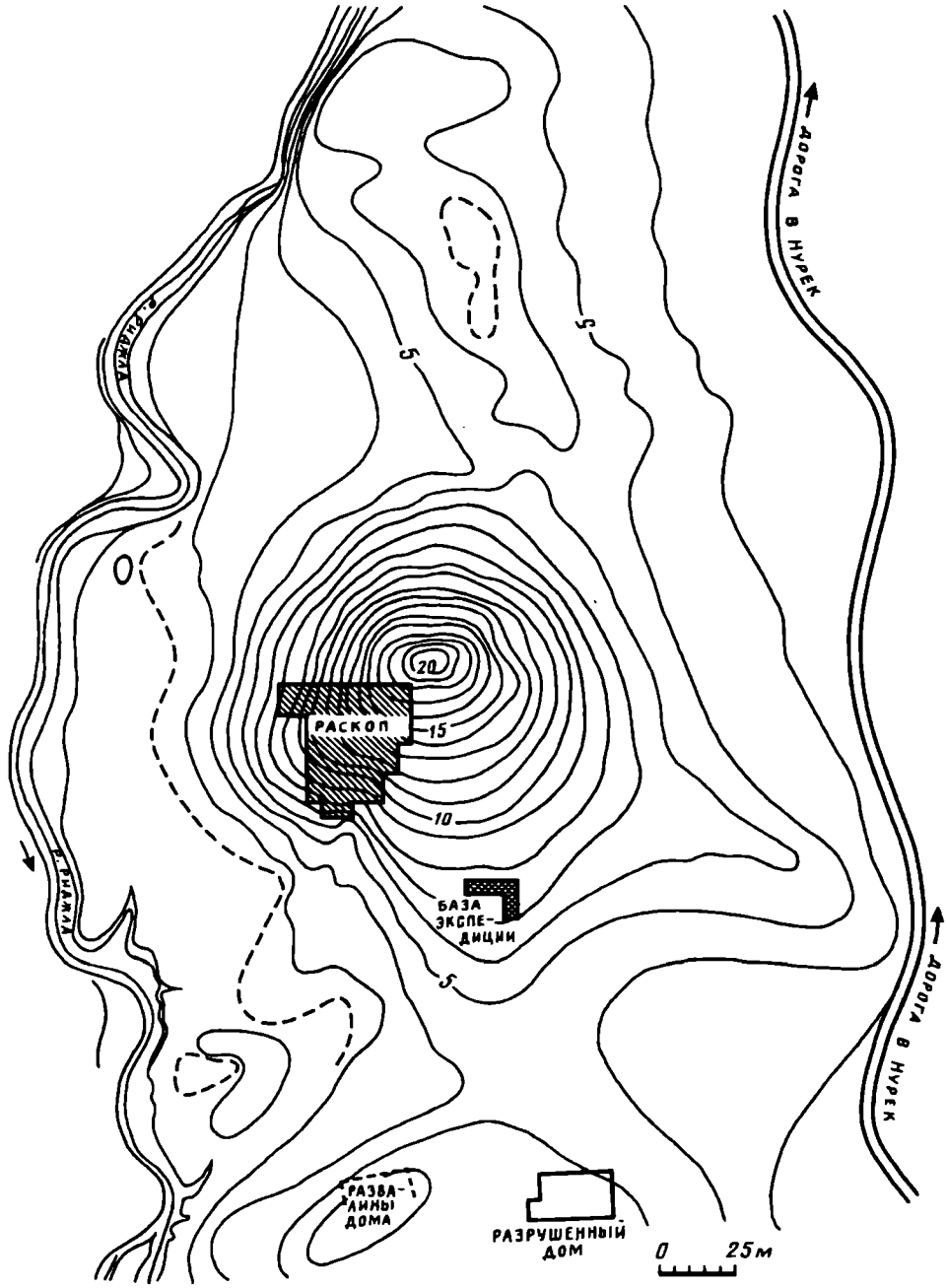


Рис. 1. Телль Хазна I. Топографический план

определявшими планировку памятника в целом, являлись наиболее монументальные и долговременные сооружения. Последние, равно как и все прочие постройки, не носили жилого характера.

Действительно, ни одно из почти 200 вскрытых помещений на Телль Хазне I не имеет ни характерного для жилищ интерьера, ни соответствующих кухонных и производственных остатков. С другой стороны, оформление стен храмовых сооружений своеобразными контрфорсами или пилястрами, обмазка их цветной штукатуркой, характерная для храмов группировка помещений по сторонам открытого двора, заполнение отдельных небольших комнат золой и культовыми, преимущественно зооморфными, статуэтками, совершение внутри ряда построек или под их полами погребений и т.д. позволяют уверенно рассматривать раскопанные на Телль Хазне I архитектурные остатки как единый культовый комплекс. Именно храмовой

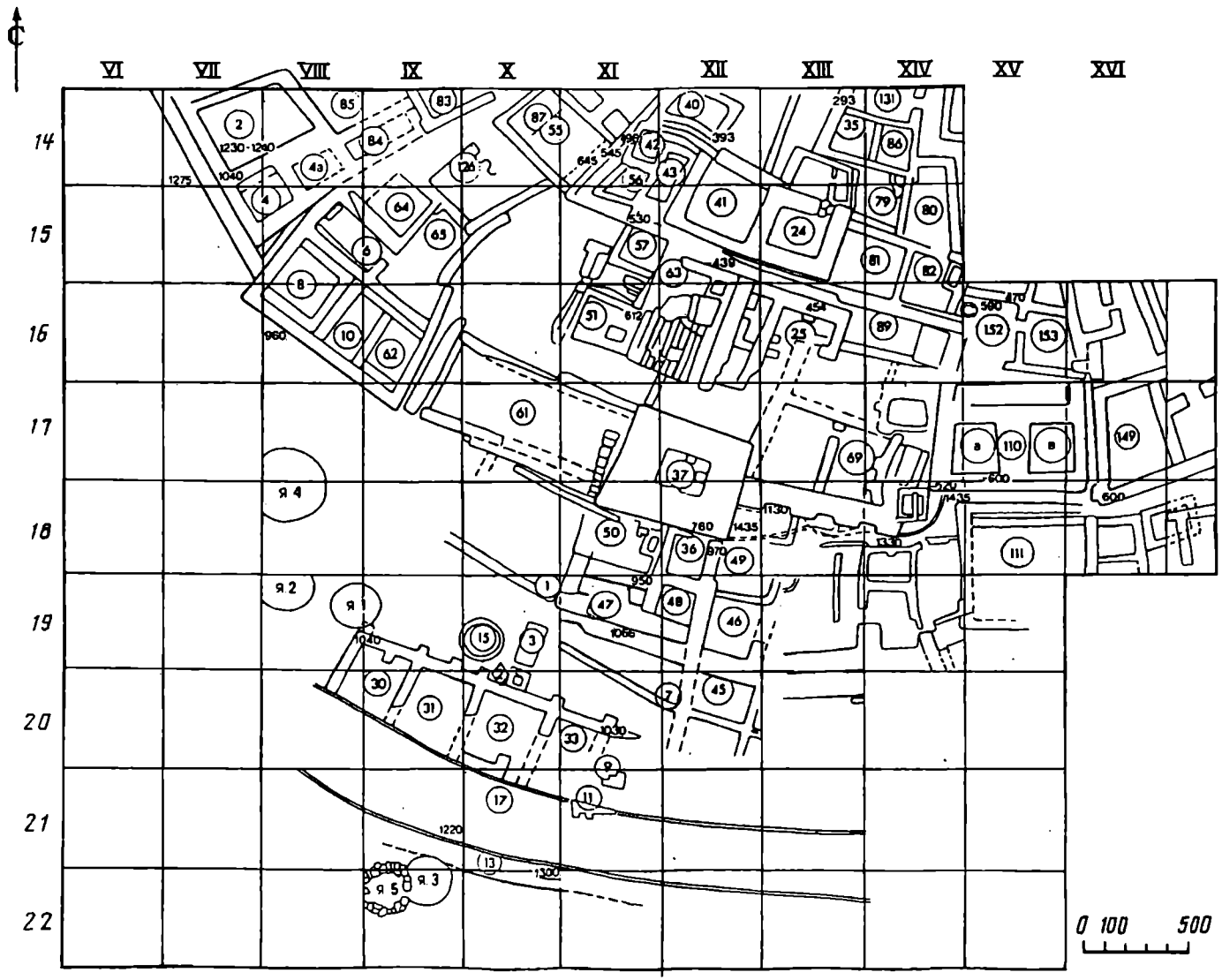


Рис. 2. Телль Хазна I. Генеральный план раскопа. Линии квадратов X–XIV/14–16 – верхние горизонты; VII–IX/14–16, X–XVI/17–22 – нижние горизонты

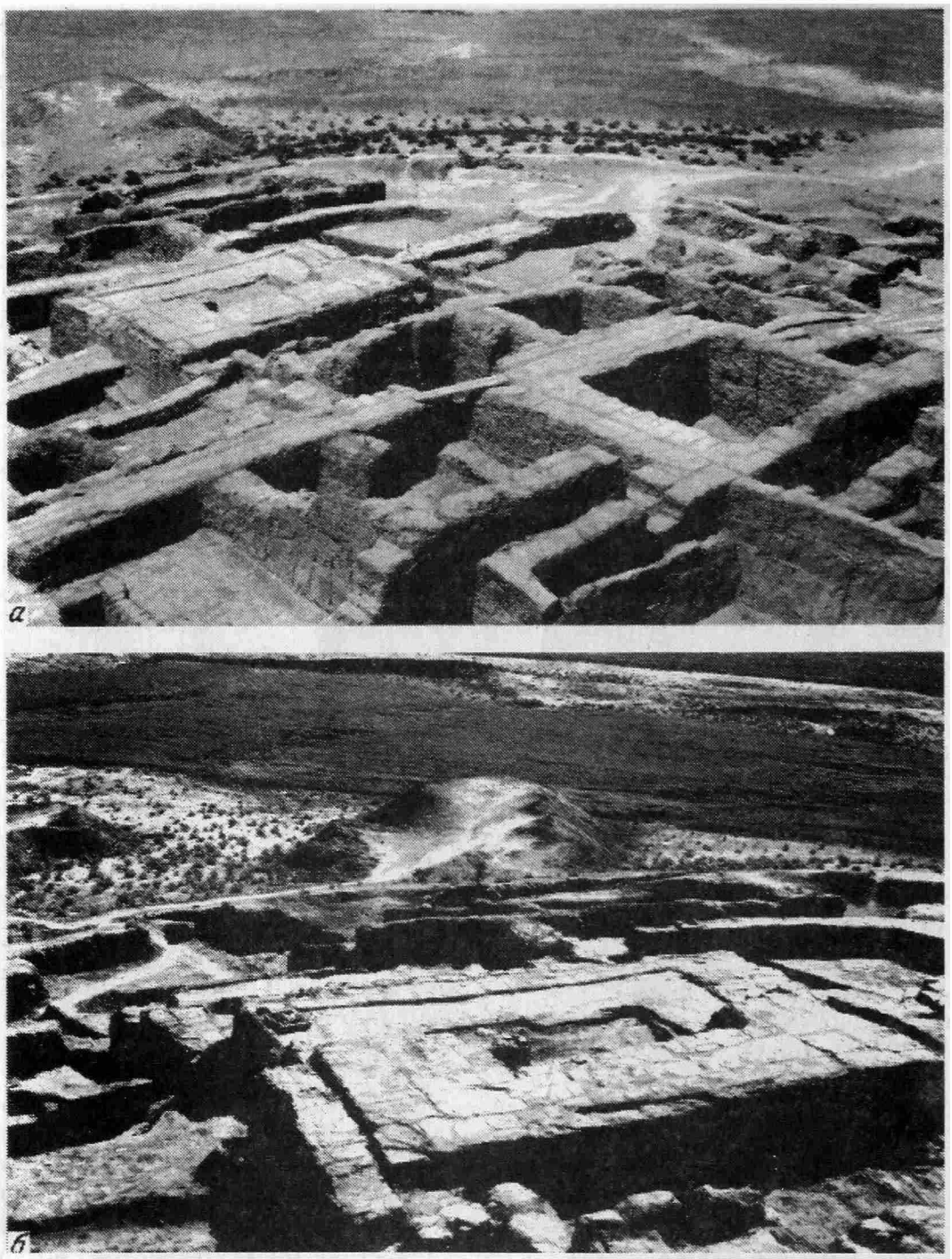


Рис. 3. Телль Хазна I. Центральная часть храмового комплекса (*а*); верхняя площадка башни 37 (*б*)

архитектуре соответствует и такая специфическая особенность исследуемого памятника, как расположение его сооружений на нескольких последовательных платформах.

Исследования Телль Хазны I продолжаются, поэтому ряд черт общей структуры памятника требует еще дальнейших уточнений. Но ныне установлено уже наличие не менее трех основных строительных уровней, внутри каждого из которых четко фиксируются реконструкции и перестройки.

Сооружения первого (нижнего) строительного уровня стоят непосредственно на остатках более ранних – убейдского и урукского – поселков, а в отдельных случаях –

внутри них. К числу наиболее ранних сооружений этого уровня должны быть отнесены остатки массивных стен, ограждавших с южной стороны культовый центр. Речь идет о единой стене с двумя периодами существования. От древнейшей (13) сохранился лишь пятиметровый участок стены, лежавший на материке (рис. 2). О ее параметрах судить трудно, поскольку на глубине 13 м она перекрыта новой стеной (17) шириной до 4,3 м, сохранившейся на высоту 3,5 м и вскрытой на протяжении более 30 м. Она, как и первая, сложена из толстых пластов глины и с обеих сторон обмазана штукатуркой. Перед нами – безусловное свидетельство реконструкции и усиления обводной стены, имевшей скорее всего овальный план и ограждавшей либо комплекс в целом, либо основную его часть. Известно, что обводные стены овального плана, ограждавшие храмовые комплексы и также подвергавшиеся реконструкциям и надстройкам, открыты на таких синхронных памятниках, как Хафадже и Телль Убейд в средней и южной Месопотамии (Tunca O., 1984, p. 39, 96).

С тем же нижним уровнем связан ряд наиболее монументальных храмовых сооружений. Это прежде всего массивная башня (37), являвшаяся, возможно, архитектурным центром всего исследуемого участка (рис. 3, *а*). В плане башня близка к квадрату. Верхняя площадка ее – 5 × 6,4 м (рис. 3, *б*). Книзу башня несколько расширяется. Она сохранилась на высоту 8 м. Башня стояла на специальной платформе высотой 1,7 м, сложенной из крупных сырцовых кирпичей (50 × 30 × 9 см). Край ее выступал относительно стены башни на 10–15 см (рис. 4). Стены башни были сложены также из сырцовых кирпичей, но меньшего стандарта (30 × 20 × 7 см) и обмазаны слоем глиняной штукатурки, поверх которой сохранились следы зеленой окраски. Стены же платформы оставались не оштукатуренными: она, очевидно, была вкопана в землю.

С верхней площадки внутрь башни впущено квадратное помещение (2 × 2,2 м), вскрытие которого лишь начато. В нем сохранились остатки консолей, поддерживавших перекрытие, возможно, сводчатой формы.

С востока к башне примыкала массивная стена (69) длиной 8,2 м с четырьмя контрфорсами-полупилястрами с внешней стороны (рис. 5). Толщина стены достигает 1 м. Как и башня, она стояла на цоколе, основание которого – на глубине 13,35 м; высота цоколя 0,95 м. Он состоял из таких же крупных сырцовых кирпичей, как и платформа башни, и не был оштукатурен (рис. 4). Сама стена достигала в высоту 5,5 м. Она была сложена из кирпичей единого стандарта с башней и покрыта такой же штукатуркой с зеленой окраской. Между пилястрами в верхней части стены имелись симметрично расположенные узкие сквозные проемы в виде вертикальных щелей (14 × 36 см), полностью обмазанные штукатуркой. Вероятно, это были световые вентиляционные отверстия.

Описанная стена поворачивала к северу, почти вплотную примыкая к следующей монументальной конструкции (110), стоящей на уровне, близком к основанию башни (37), и не уступающей последней по массивности (рис. 6; 7). Основание ее открыто на глубине 14,3 м, а верхний срез – 6 м; таким образом, сооружение, также имеющее форму башни, сохранилось в высоту на 8,3 м. Однако с должной определенностью очерчены пока три его стены. Южная стена длиной 7,3 м ориентирована с востока на запад с незначительным отклонением к северу – заметно меньшим, чем у соответствующей стены башни 37. Западная и восточная стены ориентированы почти строго к северу, длина их до наметившейся северной стены 4,5 м. Башня могла примыкать к расположенной к северу от нее террасе. Конструктивно же сооружение совершенно идентично башне 37. И здесь в основании сооружения находилась метровая платформа, сложенная из таких же крупных (50 × 30 × 9 см) кирпичей и лишенная штукатурки (рис. 8). А выше шла кладка из кирпичей обычного стандарта (30–25 × 20 × 7 см), покрытая толстым слоем штукатурки. Строительные приемы и материалы, примененные при создании обеих башен совпадают по всем показателям, подтверждая стратиграфические свидетельства их синхронности и принадлежности к единому комплексу. Отметим еще одну показательную деталь. В верхнюю часть башни 110 тоже были впущены помещения, но в отличие от башни 37 здесь их бы-

Рис. 4. Телль Хазна I. Кирпичные платформы башни 37 (слева) и стены 69 (справа)

Рис. 5. Телль Хазна I. Башня 37 и стена 69 (с востока)

ло два (110а, 110в). Они оба прямоугольные, ориентированы по длинной оси с юга на север (рис. 7). Размеры их на поверхности башни в среднем 2,5 × 2,0 м, оба расширяются вглубь. Вскрытие их не завершено, хотя углублены они уже на 2 м. Внутри них зафиксирован ряд перегородок, а в западном (110а) на глубине 1,15 м от среза башни открыто богатое погребение. Оба помещения явно уходят далеко вглубь башни.

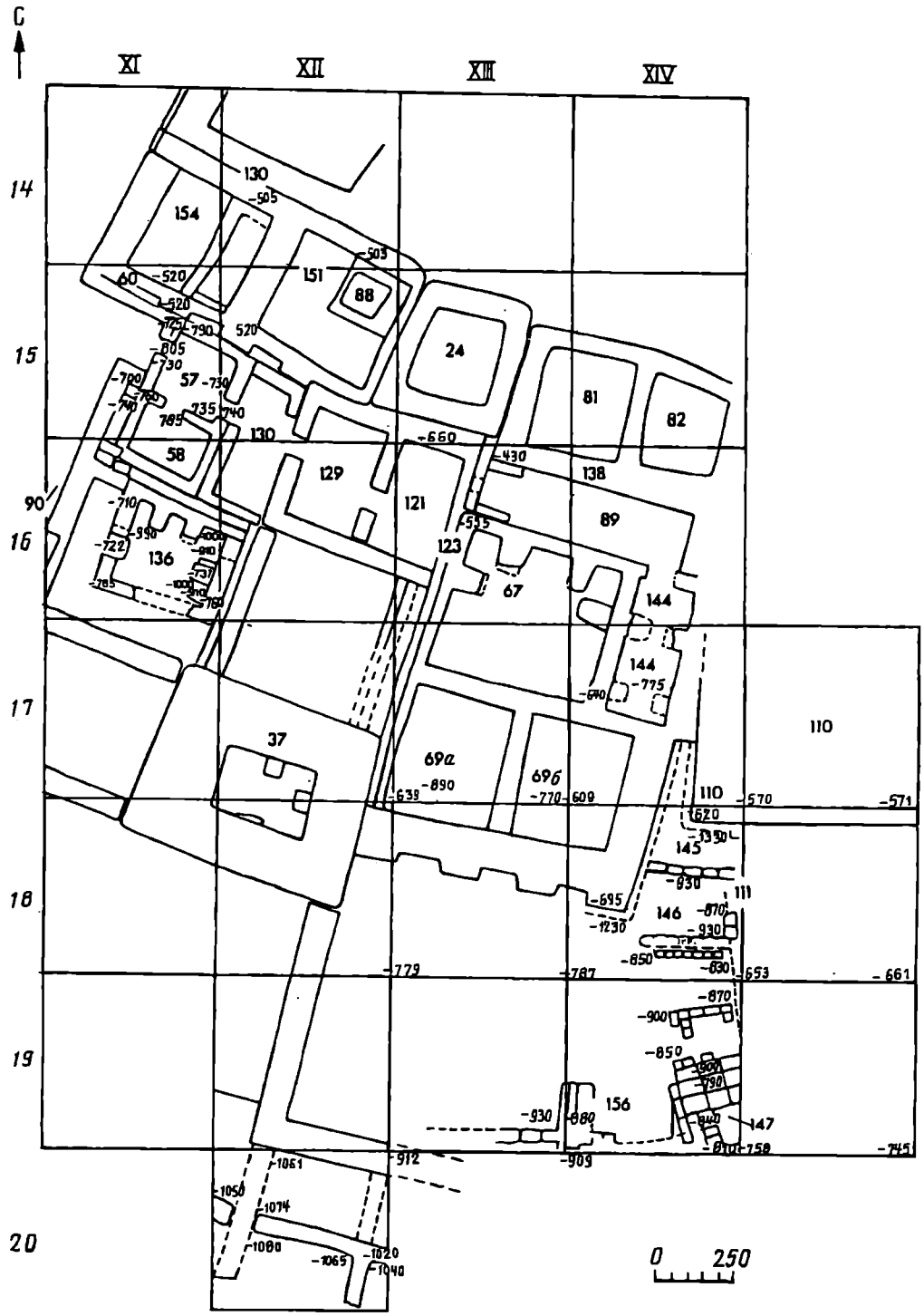


Рис. 6. Телль Хазна I. План построек на уровне второго горизонта

С востока же к башне 110 почти вплотную примыкает столь же массивное сооружение (149); у южного конца их стены разделяет лишь узкая щель, севернее же они сливаются (рис. 7). Стены толщиной 0,6 м ограничивали ряд смежных помещений, примыкавших к башне 110 на разных уровнях. В одном из них располагалась массивная кирпичная конструкция, возможно, алтарного характера. Весьма примечательно, что внутри нее, между кирпичами, было замуровано ожерелье из 109 пастовых, хрустальных, сердоликовых, гагатовых, бирюзовых, костяных и раковинных бусин, а также нескольких серебряных (?) подвесок. Особо отметим, что южная стена сооружения 149 заметно отклоняется к северу (по отношению к соответствующей стене башни 110),

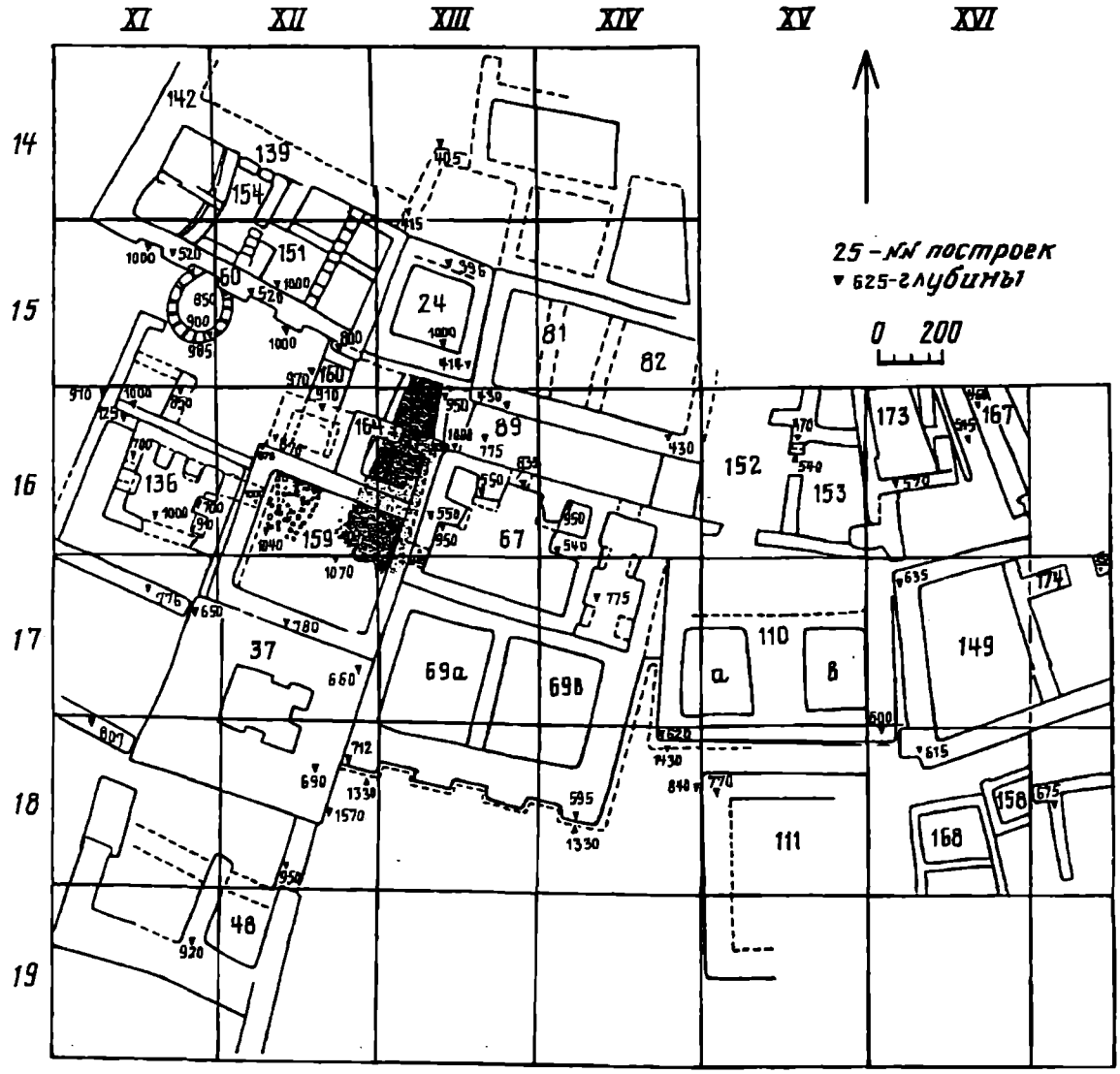


Рис. 7. Телль Хазна I. План построек на уровне третьего горизонта. *1* – номера построек, *2* – глубины

что подчеркивает возможность округлого очертания всего исследуемого комплекса. Раскопки этого важнейшего сооружения будут продолжены, но уже сейчас стены его вскрыты до глубины 11 м, что позволяет предполагать принадлежность их к тому же первоначальному строительному уровню, что и охарактеризованные выше конструкции. Несомненно, постройка продолжается и к востоку, общая длина раскопанной части ее южной стены уже ныне превышает 6,5 м.

Все рассмотренные сооружения объединяются принадлежностью к первоначальному периоду застройки Телль Хазны I. Поверхность, на которой они основаны, зафиксирована на глубине от 15,4 до 14,0 м от вершины телля. Есть все основания считать, что сооружения 37, 69, 110 и 149 взаимосвязаны и составляют определенную систему монументальных построек южного участка храмового комплекса. Система эта продолжается в северо-восточном направлении, подчиняясь дугообразному плану, согласованному с ходом внешней, обводной стены. В этом аспекте в качестве аналогов Телль Хазне I могут быть указаны овальные стены и соответствующие планы храма Нинхурсаг в Телль Убейде (Delougaz P., 1938, p. 1–11; Tunca O., 1984, p. 96) и так называемого Овального храма в Хафадже на Диале (Delougaz P., 1940, p. 18 sqq., fig. 3; Tunca O., 1984, p. 37, sqq., fig. 55, 58, 59).

Пространство между отмеченной системой и обводной стеной было застроено срав-

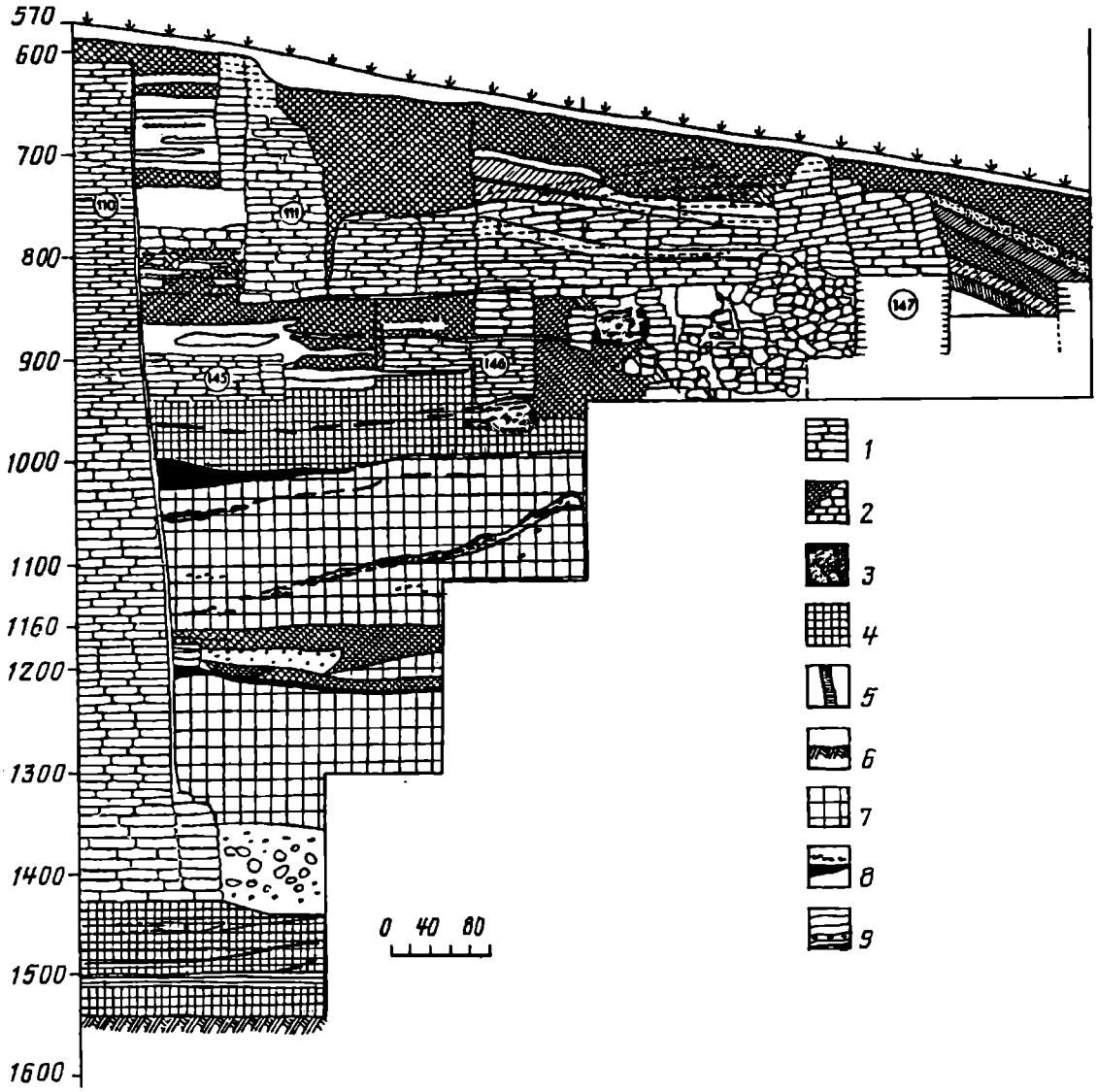


Рис. 8. Телль Хазна I. Восточный профиль участка XIV/18. *1* – кирпичная кладка; *2* – строительный развал; *3* – красная прокаленная глина; *4* – плотные массы коричневой (серо-коричневой) глины; *5* – штукатурка; *6* – материк; *7* – плотные массивы серой глины; *8* – уголь; *9* – зольные прослойки

нительно позже и менее интенсивно. Об этом свидетельствуют сделанные на данной площади разрезы (рис. 8). Зафиксированные здесь глинистые слои без регулярных строительных остатков дают основания говорить о наличии платформы, повысившей поверхность площади до 11–10 м. На этой поверхности отмечен ряд сооружений, примыкавших как к обводной стене на юге (№ 30–33), так и к башням на севере (№ 36, 38, 48, 50 и др.). Все эти сооружения подвергались неоднократным реконструкциям. На этой платформе открыта большая двухъярусная гончарная печь (рис. 9). Находки таких печей в храмовых комплексах зафиксированы неоднократно (Tunca O., 1984, p. 262,263).

Особенно интересен и показателен комплекс сооружений на той же поверхности, непосредственно примыкавший к башне (№ 37) с севера, запада и востока. Прежде всего отметим квадратный двор (№ 159) размером 4 × 3,5 м, соединенный дверными проемами с двумя крытыми помещениями (№ 136 с запада и № 67 с востока), стены которых сохранились на высоту от 3 до 4 м. В обоих этих помещениях сохранились консоли, поддерживавшие плоские перекрытия. В небольшом помещении № 136 (2,5 × × 2,3 м), стены которого сохранились на полную высоту (3 м), расчищена прямоуголь-

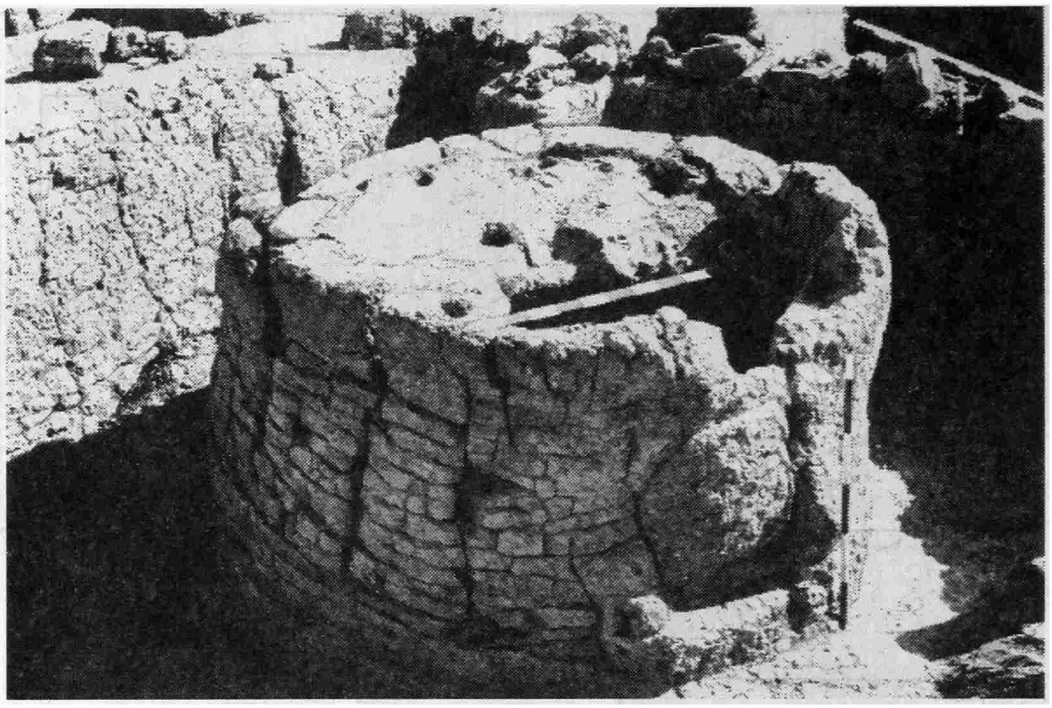


Рис. 9. Телль Хазна I. Гончарная печь

ная кирпичная выкладка (1,25 × 0,6 × 0,8 м), являвшаяся скорее всего столом для жертвоприношений. Отметим весьма близкие аналогии этому сооружению среди святилищ Овального храма в Хафадже (Delougaz P., 1940, fig. 63). Поэтому есть основания считать святилищем и само сооружение № 136 (рис. 10). Отметим, что сочетание открытых дворов с примыкающими к ним святилищами и прочими храмовыми строениями является одним из основных признаков культовой архитектуры древней Месопотамии. И здесь это сочетание представлено с предельной выразительностью. С востока к двору (159) примыкало прямоугольное сооружение № 67 (4,45 × 3,25 м), замыкая анфиладу из трех соединенных дверными проемами построек. С севера другой проем соединял это сооружение с коридором (№ 89), в свою очередь соединенным аркой с другим помещением (№ 144). С юга же к помещениям № 67 и 144 примыкали две разновеликие комнаты, огражденные основной храмовой стеной с контрфорсами (№ 69). Последняя принадлежит, как отмечено выше, к числу наиболее ранних храмовых сооружений с основанием на глубине 13,3 м. Примыкавшие к ней упомянутые помещения еще не вскрыты на эту глубину. В них зафиксировано по несколько уровней полов. Отмечены также следы реконструкций и надстроек стен. В этой связи подчеркнем, что сохранение местоположения и очертания построек также является характерным принципом для культовой архитектуры Месопотамии. Весь рассмотренный комплекс можно именовать условно "Нижним храмом".

Это обусловлено тем, что на глубине 10 м от вершины телля определено основание еще одной стены с контрфорсами, полностью идентичной стене "Нижнего храма". Между контрфорсами и на этой стене расчищены узкие сквозные отверстия. Стена стоит на одной из следующих платформ, на 4 м превышающей нижнюю, первоначальную поверхность. Подъем этой платформы подчеркнут спускающимися с ее поверхности большими каменными вымостками. Последние уходят как под основание верхней стены (рис. 11), так и под стены описанного выше двора (159). Верхняя стена (№ 60) сохранилась на высоту 5 м и прослежена в длину на 9,25 м. В дальнейшем стена эта была заметно укреплена и расширена с южной стороны. При этом контрфорсы были заложены и закрыты новой кладкой, а с юга к стене пристроена анфилада из помещений № 121, 129, 130. Далее к востоку стена – уже без контрфорсов – продолжается еще на 11 м. С северной стороны к ней примыкает ряд

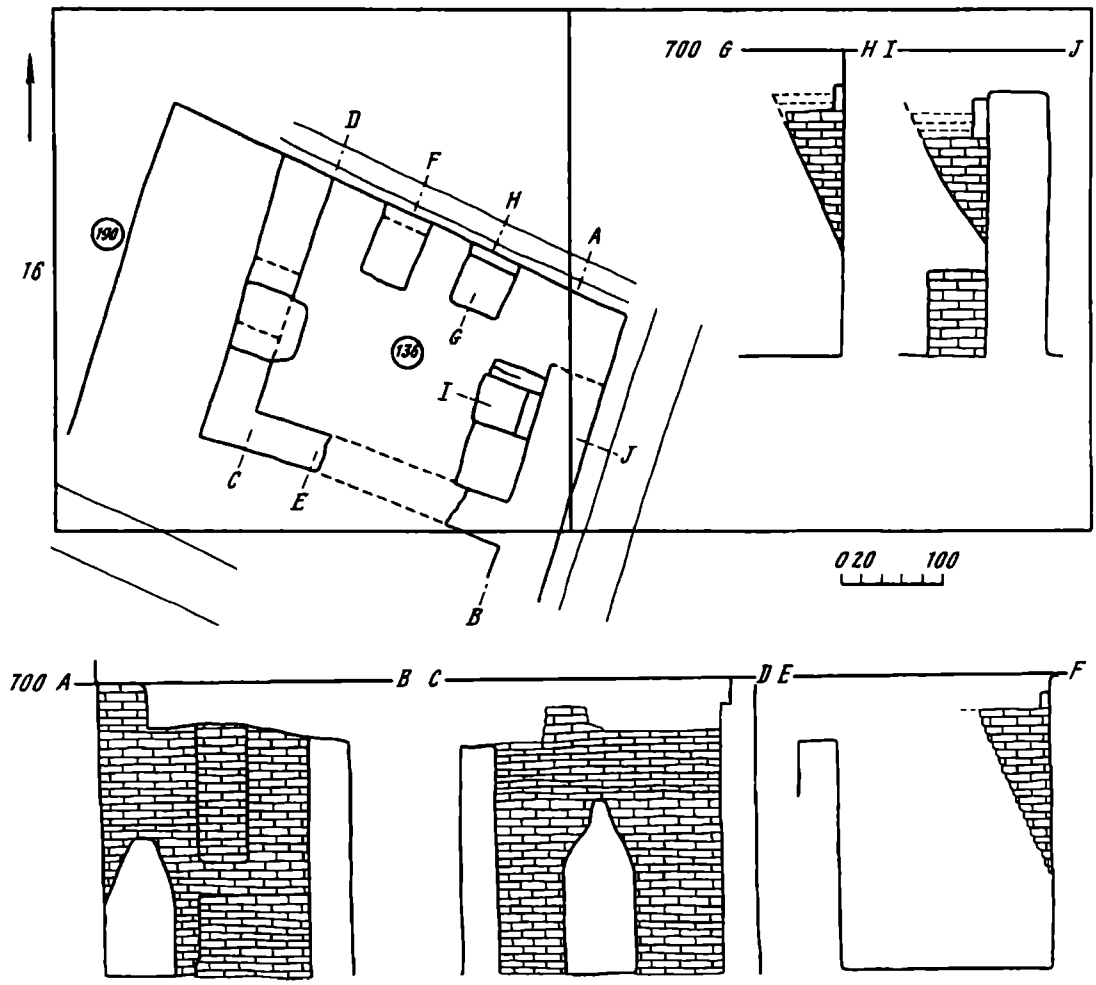


Рис. 10. Телль Хазна I. План сооружения № 136 и разрезы стен

помещений (рис. 7). Первые два (№ 151 и 154) соответствуют стене с контрфорсами. Эти помещения имели по два яруса и были соединены дверным проемом. Внутренними перегородками они были расчленены на небольшие ячейки, в которых отмечены прежде всего значительные зольные скопления, уровень их нижних полов соответствует основанию стены. Наверху же сохранились консоли для плоских перекрытий. Это позволяет полагать, что стена сохранилась на свою первоначальную высоту (отметим, что стена "Нижнего храма" сохранилась на высоту 6,3 м).

К помещению № 151 вплотную примыкало массивное башнеобразное сооружение № 24 (3,25 × 3,5 при высоте 6 м). Оно стояло за пределами стены № 60, располагаясь на одной оси с башней (№ 37) "Нижнего храма". Особой сложностью отличался ее интерьер: он включал ряд пересекавших внутреннее помещение массивных стен, а в нижней своей части, на глубине 7,6–9,4 м, – большую кирпичную конструкцию (рис. 11). Внутри последней открыт выложенный кирпичами канал (шириной и высотой 20 см) для отвода воды. Он понижается в южном направлении и подводит к отверстию в соответствующей стене. Укажем в данной связи, что водоотводные сооружения различного характера (каналы, открытые желобы, трубы) неоднократно встречались в храмах Месопотамии; только в Овальном храме Хафадже они зафиксированы в восьми случаях, составляя иногда целые системы (Delougaz P., 1940, p. 47, 91, fig. 15; Tunca O., 1984, p. 42–44).

К востоку от сооружения № 24 расположены постройки под № 81 и 82, примыкавшие с севера к стене (№ 133). Последняя продолжает направление стены № 60. Правильность планировки подчеркивает взаимосвязь всех ограниченных этими

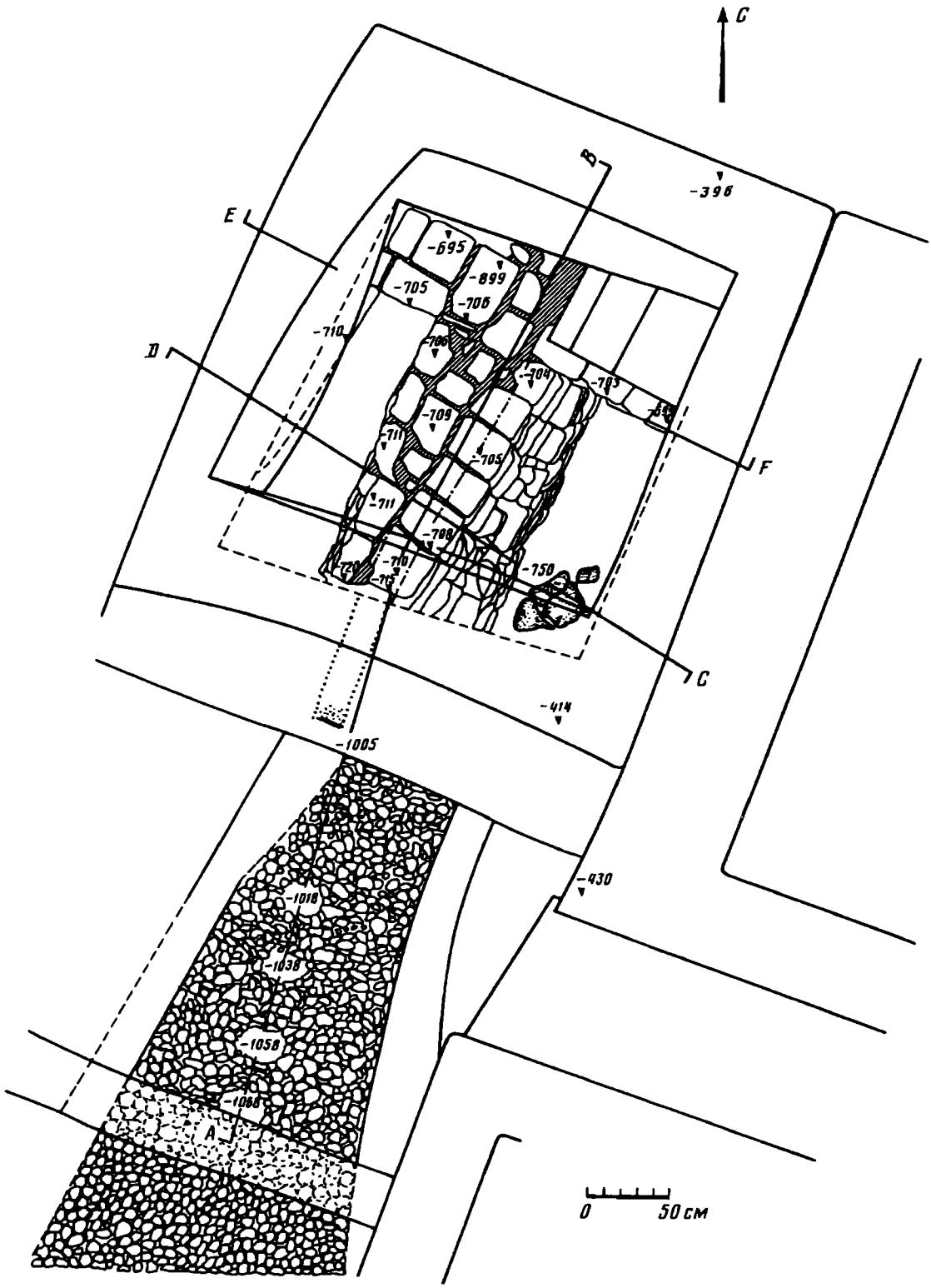


Рис. 11. Телль Хазна I. План сооружения № 24 и каменной вымостки

стенами сооружений. Центральное положение между ними занимает башнеобразное сооружение (№ 24). Весь же комплекс может условно именоваться "Верхним храмом". Он включал не только рассмотренный ряд построек, примыкавших к отмеченным стенам, но и сооружения к северу от них, исследование которых лишь начато. С западной же стороны Верхний храм четко ограничен стеной № 142, образующей угол со стеной № 60 и уходящей в северный борт раскопа. Все постройки более

Рис. 12. Телль Хазна I. Погребение № 22

западных участков расположены на более низких платформах, у подножья "Верхнего храма".

В поздний период существования храмового комплекса произведена серьезная реконструкция, в результате которой основные сооружения "Верхнего храма" были перекрыты сетью небольших помещений. Однако и последние в большинстве случаев подчинялись ранее выработанному плану (Мунчаев Р.М. и др., 1990, с. 6–9, рис. 2; Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 1994, fig. 15). Не исключена возможность наличия и следующей – наиболее высокой – платформы. Об этом свидетельствует выявленный на вершине телля план крупного прямоугольного сооружения с окрашенными стенами и значительным скоплением раннединастической керамики.

Особо должен быть отмечен комплекс помещений на западном склоне телля. Здесь также открыты остатки мощной стены толщиной до 2 м, идущей по дуге с юго-востока к северо-западу. К ней примыкают остатки двух больших многокомнатных домов (рис. 2). Стены одного из них (№ 2) сохранились на высоту до 8 м. Они основаны на материке (убейдский и урукский поселки на этот участок не распространялись) и не могут быть признаны жилыми: они носили скорее всего складской характер.

В ряде помещений были совершены погребения, располагавшиеся в кирпичных цистах, крупных сосудах или на полах. Пока их открыто 23.

Как показано выше, структура исследуемого архитектурного ансамбля отличается чрезвычайной сложностью. Определение основных ее особенностей потребует как дальнейшего расширения вскрытых площадей, так и прежде всего углубления их вплоть до материка на нижних участках и до поверхности соответствующих платформ на верхних. Но уже сейчас есть все основания считать, что группы рассмотренных взаимосвязанных сооружений стояли на разных уровнях. Вместе с тем они подчинялись единому плану и на определенных этапах составляли единый комплекс. Это позволяет со значительной долей вероятия относить исследуемый памятник к числу так называемых высоких храмов ("high temples"), расположенных в отличие от наземных храмов ("ground-level temples") на одной или нескольких последовательных

искусственных платформах (Lloyd S., 1978, p. 94). Еще раз подчеркнем при этом, что уровень первой платформы Телль Хазны I в среднем на 3 м превышал уровень основания древнейших монументальных конструкций. Так, "Верхний храм" стоял на 5 м выше "Нижнего храма", а остатки постройки на вершине телля еще на 5 м возвышались над стенами "Верхнего храма". Платформа последнего имела округлую или овальную форму. Размеры ее еще предстоит установить (протяженность ее с востока на запад при всех условиях превышала 85 м). В ряде разрезов зафиксированы плотные глиняные пласты, составлявшие платформы. Перспективы исследования их в Телль Хазне I безусловны. И это еще раз свидетельствует об особом значении памятника.

Традиция сооружения храмов на значительных искусственных возвышениях-террасах имеет в Южной Месопотамии глубокие корни. Построенные таким образом храмы зафиксированы уже в урукском периоде и особенно на позднем его этапе (так называемый период Джемдет Насра), в самом Уруке, Эриду, Телль Укейре и др. (Heinrich E., 1957; Mallowan M.E., 1965, p. 36 sqq., ill. 27–30; Hrouda B., 1971, p. 82; Safar F. et al., 1981, p. 78–82). Возможно их появление и ранее – в убейдский период (Schmidt J., 1968, p. 13, 14, fig. 3; Tunca O., 1984, p. 226), но платформы раннединастических "высоких храмов", объединявшие целые комплексы сооружений, своеобразны и конструктивно отличны от таких террас. И лишь в двух случаях удалось определить основные их параметры: в храме Нинхурсаг в Телль Убейде и в "Овальном храме" в Хафадже. Так называемый Красный массив в Мари лишь предположительно может быть связан с платформой. То же и в храме Эанны в Уруке, где не определены ни функции, ни формы, ни размеры открытого сооружения. В Телль Ингуре, т.е. в Кише, терраса пока не раскопана и наличие ее гипотетично. Что же касается храма Нинхурсаг и "Овального храма" Хафадже, то в обоих случаях сохранность платформ весьма неравномерна: обе резко нарушены эрозией. Значение данных Телль Хазны I с редкой сохранностью ее сооружений в этой связи совершенно очевидно.

С другой стороны, данные исследований упомянутых памятников, особенно "Овального храма", тщательно изученного П. Делугазом (Delougaz P., 1940), крайне важны для интерпретации материалов Телль Хазны I. На западном склоне холма Хафадже был вскрыт овальных очертаний "священный участок" (теменос) размерами 100 × 70 м (Delougaz P., Lloyd S., 1942). На нем стоял типичный "высокий храм", вознесенный на искусственную платформу (Lloyd S., 1978, p. 94). Он имел две концентрические стены, очертившие внешний и внутренний дворы, причем последний располагался уже на искусственной террасе. По краям ее располагались образовавшие прямоугольник служебные постройки. Значительная часть оставшейся площади была занята следующей платформой, на которую вела единственная лестница. Эта платформа укреплена стеной с полупилястрами и угловыми башенками, в центре же ее стоял сам храм, стены которого, расположенные двумя ярусами, также укреплены полупилястрами (Delougaz P., 1940, fig. 3, 54, 101–103 и др.; Lloyd S., 1978, ill. 51). П. Делугаз определил три стадии застройки, относящиеся к раннединастическим II и III периодам (отметим в данной связи, что ряд существенных корректив к интерпретации этого памятника предложил О. Тунча (Tunca O., 1984, p. 36 sqq.)). Нетрудно заметить принципиальное сходство между "Овальным храмом" и Телль Хазной I по целому ряду существенных параметров. В обоих случаях зафиксирована система обводных стен. И там и здесь выдержан террасный принцип расположения конструкций и ему подчинена их планировка. Соответственно на обоих памятниках представлены стоящие на разных уровнях стены с полупилястрами. Как для Телль Хазны I, так и для «Овального храма» фиксируется несколько стадий застройки с сохранением единого плана. Наконец, в обоих случаях открыто значительное число погребений, расположенных более всего под полами домов и варьировавших от простых шахтных могил до цист и крупных кирпичных камер (Delougaz P. et al., 1967).

Уверенно можно говорить и о синхронности обоих памятников, во всяком случае,

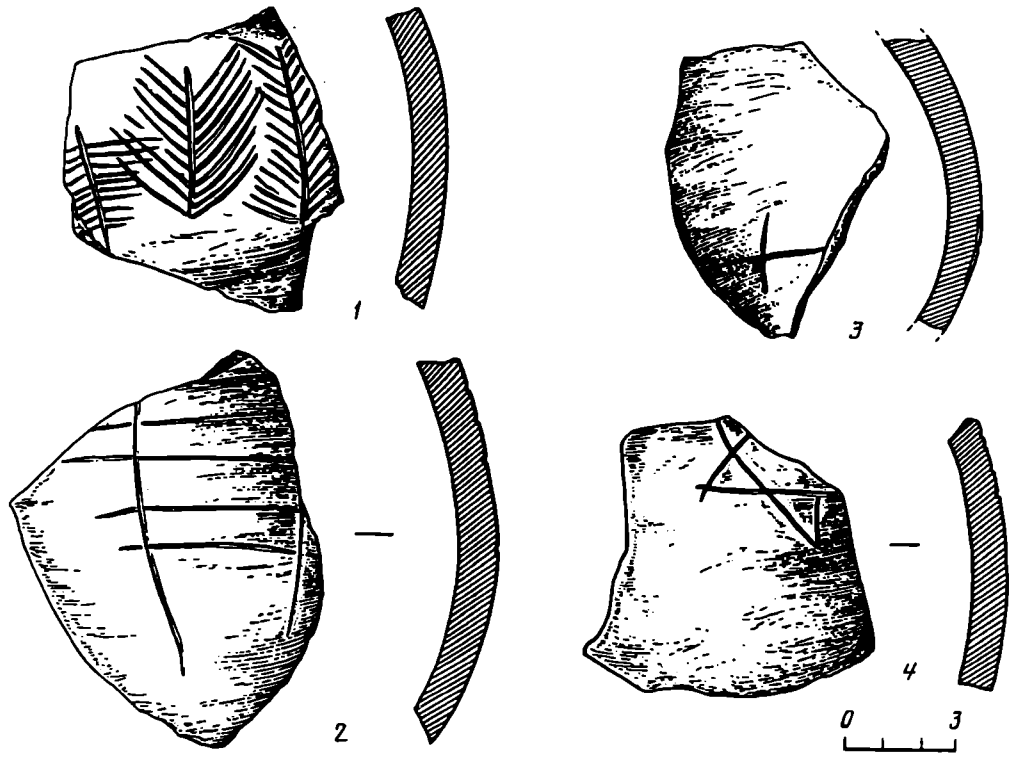


Рис. 13. Телль Хазна I. Фрагменты сосудов, украшенные резным орнаментом

как и в Хафадже, основная часть слоя Телль Хазны I принадлежит раннединастическому периоду, хотя, как уже отмечалось, храм здесь мог быть основан еще в урукский период. Поразительное сходство архитектурных традиций свидетельствует о постоянных и активных контактах различных регионов Месопотамии, обусловивших значительную степень ее культурного единства на протяжении III тыс. до н.э. Это подтверждается и результатами недавних исследований храмового комплекса на Телль Кашкашоке III, расположенном примерно в 35–40 км к северо-западу от Телль Хазны I, в той же долине Хабура. Там отмечены как овальная форма обводной стены, так и наличие искусственных террас-платформ (Suleiman A., 1996, p. 55).

Особо подчеркнем, что ряд исследователей отмечают значительную роль платформ и соответственно "высоких храмов" в процессе формирования таких специфических архитектурных феноменов древней Месопотамии, как зиккураты (Lenzen H., 1941; Parrot A., 1949; Busink Th.A. 1969–1970). Нам представляется это заключение справедливым, несмотря на высказанные О. Тунчей критические замечания (Tunca O., 1984, p. 225, 226). Среди материалов Телль Хазны I здесь достаточно показательны не только системы платформ, но и высокие храмовые башни с углубленными в них конструкциями на вершинах.

Мы не будем подробно останавливаться на погребениях, открытых на Телль Хазне I и в частности внутри его храмовых построек. Целый ряд из них нами уже опубликован (Мунчаев Р.М. и др., 1990, с. 11–14, рис. 4–6; Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 1994, fig. 33, 35–38, 40–42). Укажем лишь, что в 1995 г. в засыпи башенного сооружения 110а открыто погребение (№ 22), сопровождавшееся четырьмя сосудами, двумя крупными бронзовыми булавками и несколькими ожерельями бус (свыше 1200) из горного хрусталя, кварца, сердолика, гагата, известняка, белой пасты и раковин (рис. 12).

Расположение многих из погребений в засыпи помещений доказывает сравнительно поздний их характер. Вероятнее всего, они относятся ко времени, когда культовый центр перестал функционировать, но в сознании местного населения оставался священным участком. При этом особо подчеркнем почти полную идентичность состава инвентарей большинства погребений (керамики, бронзовых изделий и разнообразных

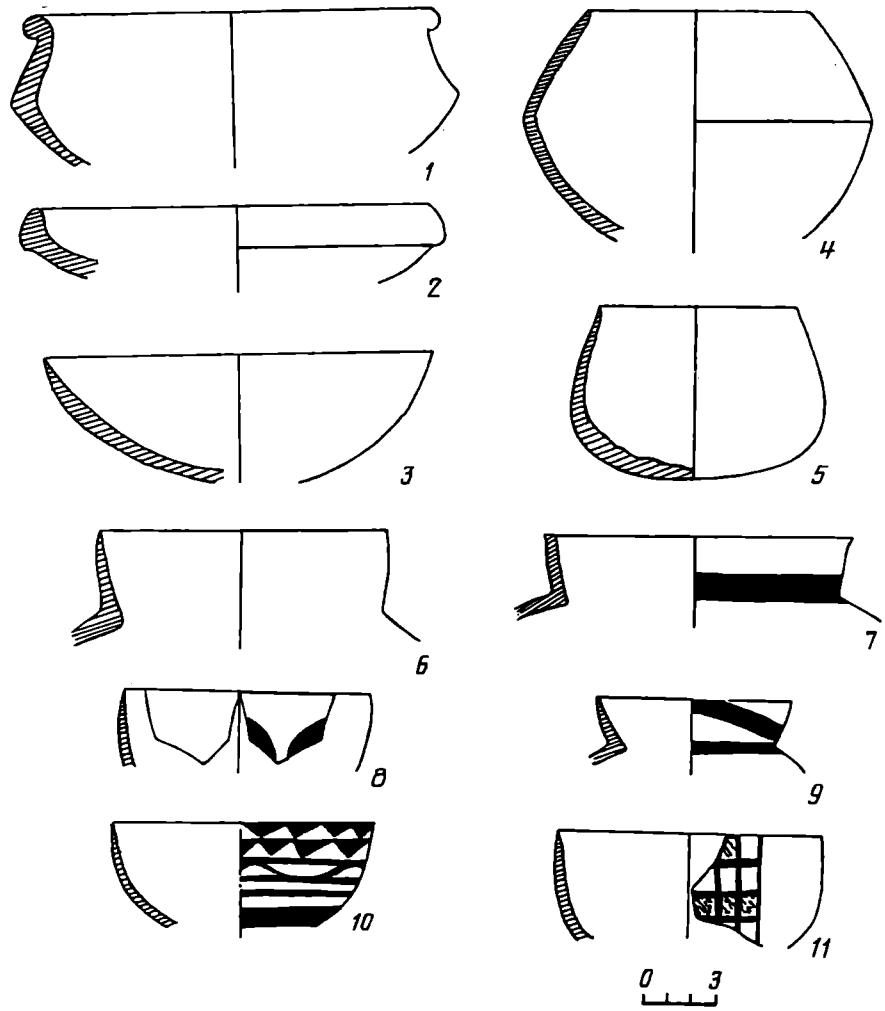


Рис. 14. Телль Хазна I. Керамика

бус). Сравнительный анализ предметов из погребений позволяет отнести их к самому концу раннединастического, а возможно, и к началу аккадского периода.

В заключение кратко рассмотрим основные категории находок из культурного слоя и погребений Телль Хазны I. Подавляющую часть их составляет керамика. Основная ее масса принадлежит трем раннединастическим периодам, значительно меньшая доля – более ранним – урукскому и убейдскому (Мунчаев Р.М. и др., 1990, рис. 15). Благодаря зондажам, доведенным до материка, удалось получить материал указанных ранних слоев. Распределение его по глубинам позволяет говорить об основной концентрации фрагментов убейдской керамики на уровнях 15,8–15,0 м, а урукской – с уровня от 15,0 до 13,5 м.

В материалах представлен ряд основных форм, характерных для урукской керамики в целом и для северного ее варианта в особенности. В керамике из раннединастического слоя сохраняются не только реминисценции урукских форм, но и сами эти формы и технология их изготовления, включая специфику глиняного теста, примесей, характер обжига и обработку поверхности. Как и ранее, изготавливается как круговая, так и лепная керамика, но процент последней заметно возрастает. Наиболее распространенные цвета – серый, желто-серый, бурый, зеленоватый, темно-коричневый и красный. Поверхность заглаживалась, лощилась, покрывалась ангобом. Основные виды редко встречающейся орнаментации – резьба (рис. 13), роспись, подковообразные, полусферические, овальные аппликации.

Формы раннединастических сосудов – чаши, миски, горшки, флаги, пифосы,

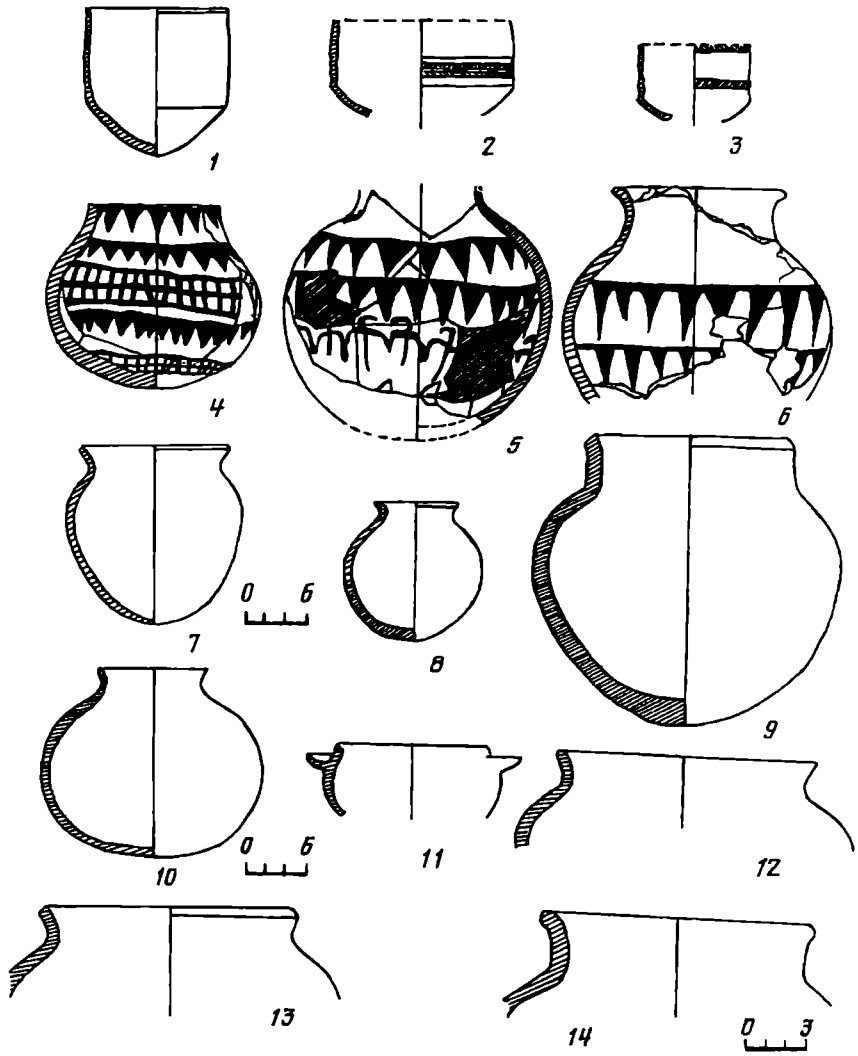


Рис. 15. Телль Хазна I. Керамика

"чайники", сита, подвесные сосуды, кубки, бокалы и др. Выделяются как "сквозные" формы, сохраняющиеся начиная с Урука и далее на протяжении III тыс. до н.э. (рис. 14, *8–10*; 15, *1–14*), так и специфические. Речь, в частности, идет о таких керамических комплексах, как Ниневия V (рис. 15, *1–6*; 16, *15–17*; 17, *1–10, 12–15, 17*), "metallware" (рис. 17, *11, 16*) и др. Фрагментов тонкостенных сосудов группы Ниневия V найдено уже более 115, из них 36 с росписью, а остальные украшены каннелюрами или резьбой, в том числе "метопным" орнаментом (рис. 17, *1*). Отметим, что в хорошо стратифицированном слое Телль Лейлана "метопный" орнамент распространен прежде всего в горизонте периода III–C, соответствующего раннединастическому II периоду по южномесопотамской шкале (Schwartz G., 1988, fig. 31, *11*, *14*; tab. 13). Это подтверждается и материалами из Чагар Базара (Mallowan M.E.L., 1936, fig, 1, pl. III, *1*, *2*), Телль Ракае (Curvers H.H., Schwartz G., 1990, fig. 21, *1*) и многих других. Особо выделим сферический сосуд из погр. 13 с двумя прочерченными изображениями копытных животных – козлов (рис. 18). Из прочих форм отметим бокалы и кубки на полых, заметно расширяющихся книзу поддонах и на тонких высоких ножках. И те и другие хорошо известны во всех раннединастических периодах (Schwartz G., 1988, fig. 47, *g*; Gurvers H.H., Schwartz G., 1990, fig. 16, *14*).

Таким образом, самый обобщенный анализ некоторых форм сосудов из Телль Хазны I убедительно указывает на принадлежность основного слоя памятника к раннединастическим периодам.

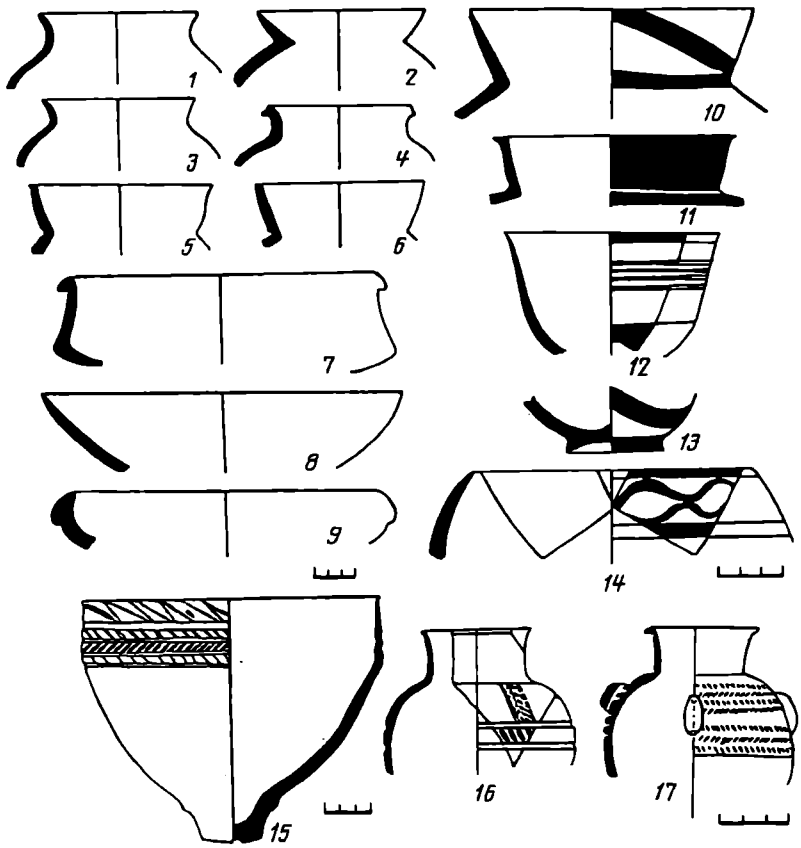


Рис. 16. Телль Хазна I. Керамика

Укажем и на другие глиняные изделия. Среди них – очажные подставки (рис. 19), многочисленные модели колес с выделенными ступицами, конические пряслица, дисковидные и шаровидные грузила для рыболовных сетей и ткацкого станка, цилиндрические и сферические подвески и бусы.

Несомненный интерес представляет коллекция глиняной пластики (Munchaev R.M., Merpert N.Y., 1994, fig. 30, 31). Она включает 6 антропоморфных и более 100 зооморфных статуэток. Антропоморфные фигурки стоячие, с расширенной и уплощенной базой, моделированными руками или отростками на их месте, цилиндрической и круглой головкой и намеченными резьбой или наколами лицом, волосами, ожерельями (Мунчаев Р.М. и др., 1990, рис. 12). Размеры их колеблются от 3,3 до 7,5 см.

Зооморфные фигурки иногда обнаруживаются целыми скоплениями. Так, в сооружениях № 42 и 56 их найдено свыше 60. Оба эти помещения почти полностью были заполнены золой, а на дне одного из них (№ 42) открыты остатки детского погребения в большом сосуде. В ряде случаев моделировка рогов и хвоста позволяет видеть в фигурках изображения баранов. Идентификация прочих фигурок требует еще специального анализа. В целом же зооморфная пластика из Телль Хазны I продолжает здесь длительную месопотамскую традицию, начавшуюся по крайней мере с халафской культуры.

Значительную группу находок составляют также каменные изделия. Среди них – кремневые вкладыши серпов (их найдено уже свыше 60), в большом количестве зернотерки, терочники, ступы, песты и жернова. В единичных случаях встречены каменные топоры, мраморные и алебастровые пряслица, обломки каменных сосудов, фрагменты обсидиановых браслетов и т.д. Весьма многочисленны бусы, происходящие в основном из погребений и составляющие часто большие ожерелья. Все они дисковидные и сделаны в основном из горного хрусталя, кварцита, гагата и сердолика.

Большой интерес представляют три цилиндрические печати и один керамический фрагмент с отпечатками печати, обнаруженные в культурном слое Телль Хазны I. Две

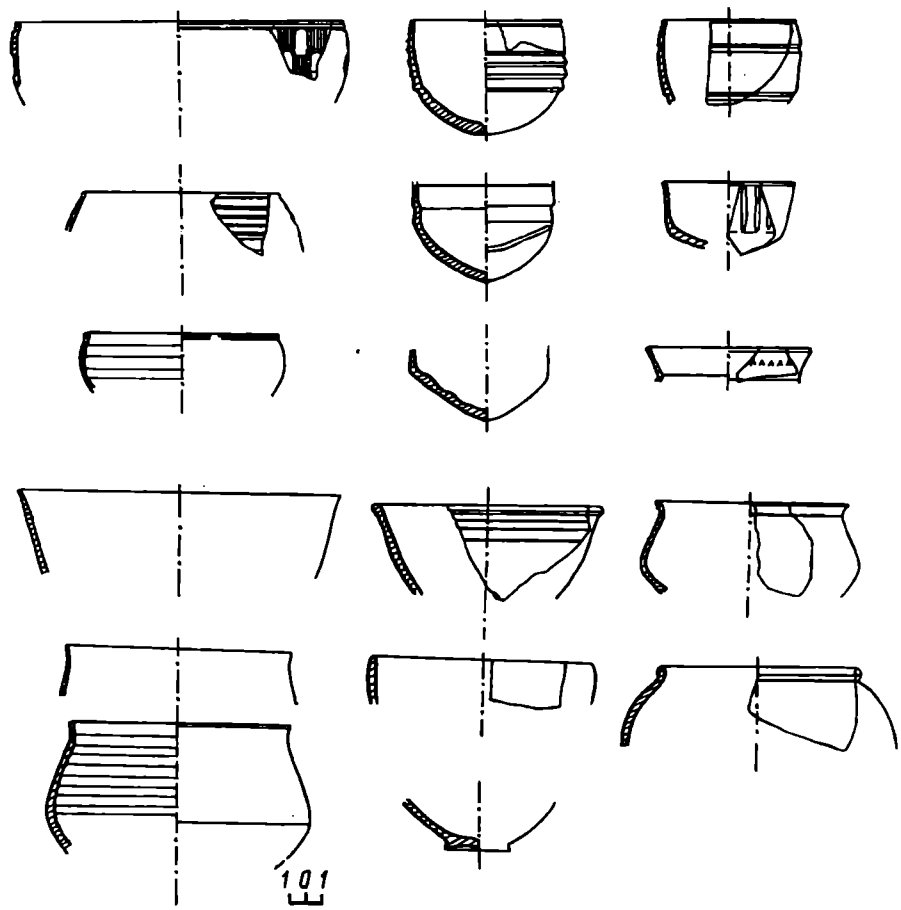


Рис. 17. Телль Хазна I. Фрагменты керамики типа Ниневия V и "metallware"

печати каменные (рис. 20, *2*, *3*) и одна глиняная (рис. 20, *4*). Рисунки на всех печатях содержат геометрические или сильно стилизованные растительные мотивы. Наиболее характерны шевроны, углы, двойной или многорядный зигзаг с точечными вдавлениями внутри углов, "herring bones", ветви и листья. В целом рисунки во всех случаях стилистически единообразны. Исследователи подчеркивают появление цилиндрических печатей с подобными схемами в самом начале III тыс. до н.э. Они были распространены на значительной территории – от Месопотамии и до Центральной Азии (Collon D., 1988, p. 22, 23, fig. 41, 42). Мотив "herring bones" известен в позднеурукских памятниках типа Джемдет-Наср (Collon D., 1988, p. 20, fig. 31). В целом цилиндрические печати с подобными схемами рисунков Д. Коллон относит к выделенному ею периоду II-а и датирует 3000–2340 гг. до н.э. Весьма важно отметить, что все соответствующие находки Телль Хазны I сделаны в верхних строительных горизонтах культурного слоя и могут знаменовать terminus ad quem для сравнительно позднего этапа существования памятника.

Обратим внимание еще на металлические изделия из Телль Хазны I. За редким исключением они происходят из погребений. Некоторые из них довольно характерны. Это прежде всего бронзовые тесловидный топор и долотовидное орудие с желобчатым рабочим краем (погр. 3). Обе эти формы были широко распространены во второй половине III тыс. до н.э. от Месопотамии до Кавказа и Эгейско-Балканского региона (Мунчаев Р.М. и др., 1990, с. 15). Интересен также бронзовый нож с изогнутым лезвием (Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 1994, fig. 42). Аналогии ему относятся к тому же времени и известны как в Сирии, так и в Передней Азии (Deshayes J., 1960, p. 124, 125, tabl. XLI).

Из металлических изделий чаще всего встречены крупные бронзовые булавки. Все они найдены в погребениях. Могут быть выделены несколько их типов, в том числе с

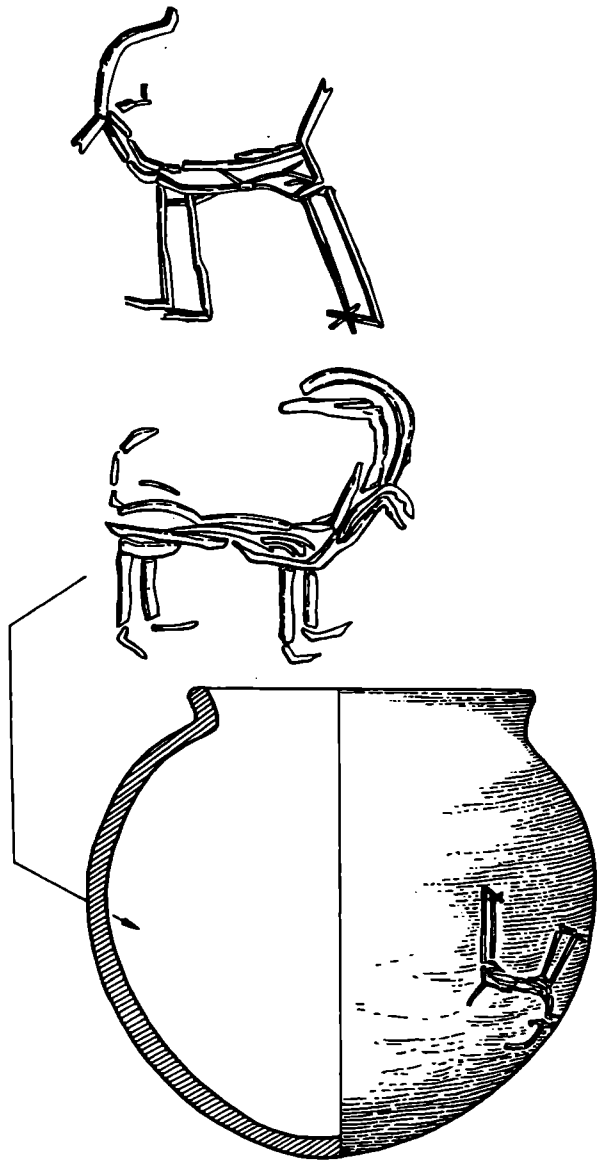


Рис. 18. Телль Хазна I. Глиняный сосуд из погребения 13

петлевидным навершием (рис. 21, *4*) и с дисковидным навершием и отверстием в верхней расширенной части (рис. 21, *1–3*). Аналогичные булавки характерны прежде всего для раннединастического III периода. Они часто встречаются в памятниках Месопотамии, в частности в слое VI Тепе Гавры (Speiser E.A., 1935, pl. LXXXII, *14–16*; pl. L, *8*). Но особенно много их найдено в Сирии, где известны и их изображения на цилиндрических печатях (Orthmann W., 1975, abb. 93, *b*).

Таким образом, все находки в целом подтверждают принадлежность основного слоя Телль Хазны I вместе с погребальными комплексами к раннединастическим периодам I–III.

Раскопки Телль Хазны I продолжаются. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что перед нами – древнейший на территории Сирии самостоятельный храмовый комплекс, не уступающий ни по времени своего создания, ни по сложности сооружений немногочисленным аналогичным памятникам Южной и Средней Месопотамии.

Известно, что развитие духовной культуры и прежде всего религиозных представлений сыграло весьма значительную роль в процессе формирования древ-

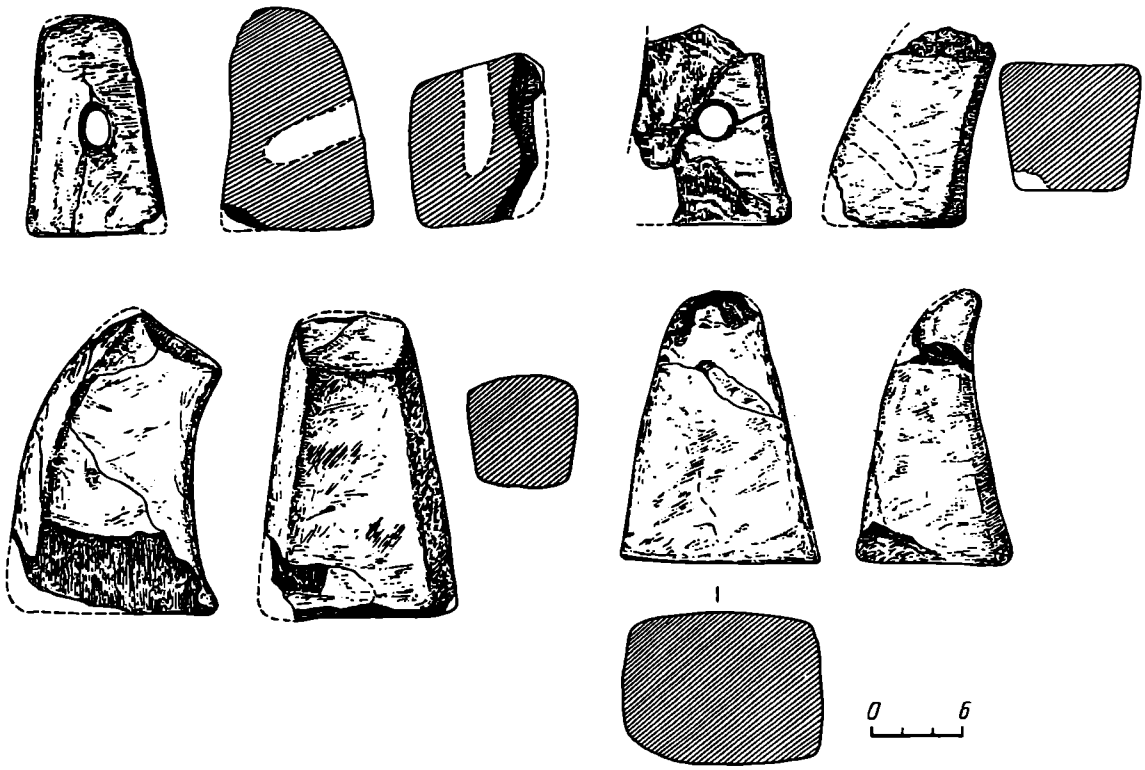


Рис. 19. Телль Хазна I. Глиняные очажные подставки

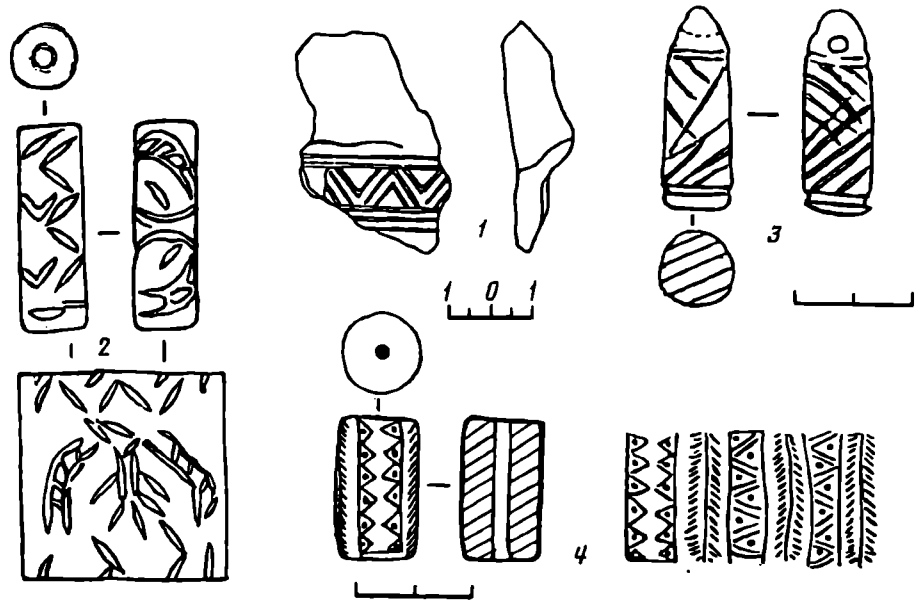


Рис. 20. Телль Хазна I. Каменные (*2, 3*) и глиняная (*4*) цилиндрические печати и фрагмент с отпечатками печати (*1*)

нейших цивилизаций Старого и Нового Света. Это в полной мере касается Месопотамии (в широком значении этого понятия). Естественно, памятники материальной культуры, документирующие это развитие, особенно важны. Представлены же они главным образом религиозной архитектурой. И закономерно то большое внимание, которое уделяют последним исследователи Месопотамии, начиная с выделения первых храмовых комплексов в Ашшуре (Assur), Уруке (Uruk), Эриду (Eredy), Хафадже (Hafaji) и т.д. При этом в аспекте нашей работы представляется

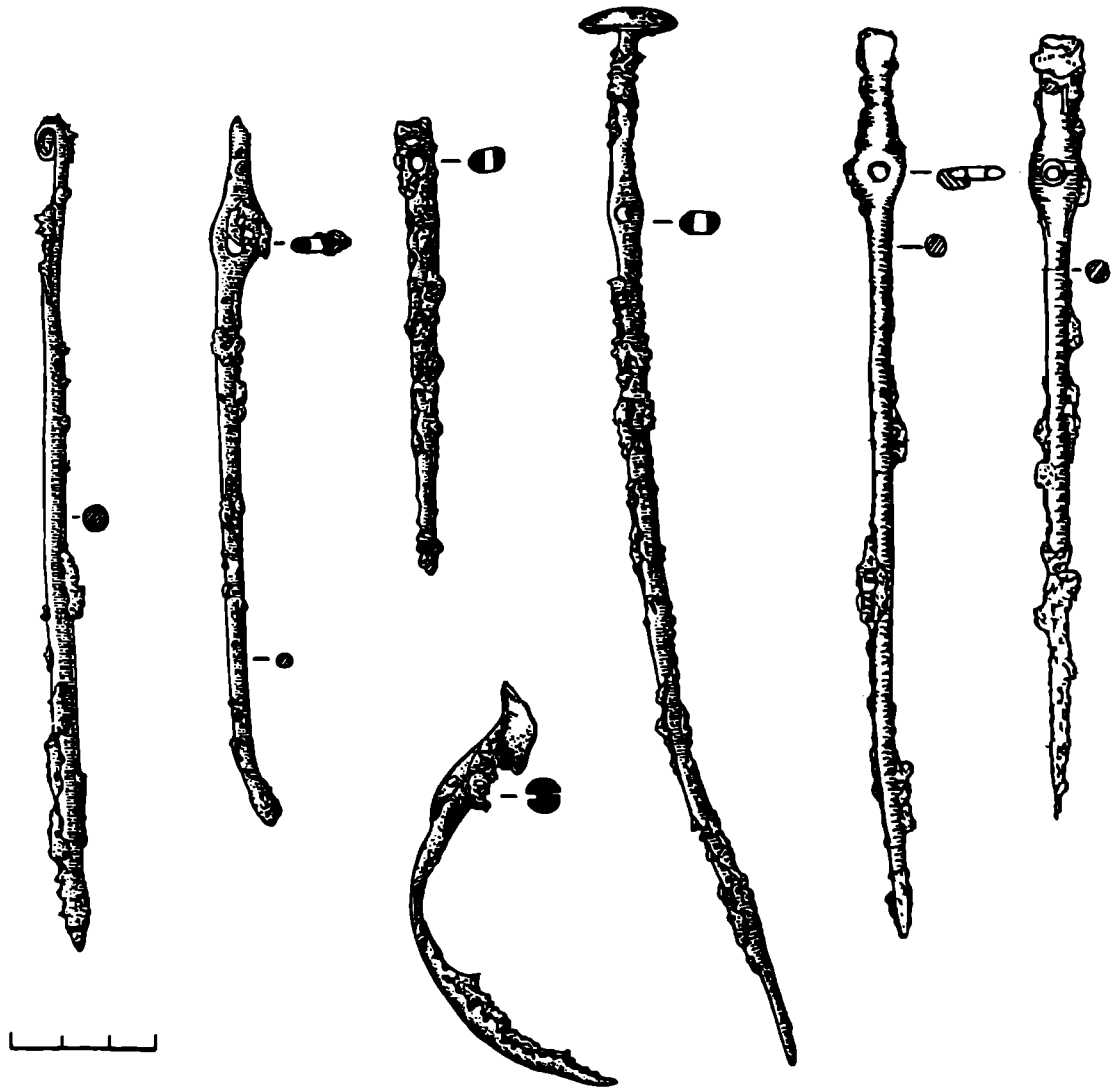


Рис. 21. Телль Хазна I. Бронзовые булавки

наиболее важным изучение древнейших памятников культовой архитектуры, лежащих в самой основе ее формирования. Уже в 1942 г. Г. Франкфорт, как известно, выделил как особую тему храмовую архитектуру протодинастического периода (Frankrfort H., 1942). Эта тема получила в дальнейшем признание и определенное развитие (Lenzen H., 1955; Aurenche O., 1977, etc.). Более того, исследование значительного числа соответствующих памятников обусловило публикацию специальной сводной работы, посвященной религиозной архитектуре протодинастического периода Месопотамии (Tunca O., 1984). Полностью признавая большое значение труда О. Тунчи, отметим, что из 14 проанализированных им конкретных памятников подавляющее большинство расположено в Южной и Средней Месопотамии. Что же касается Северной Месопотамии, то известные там памятники единичны и данные о них, как показал О. Тунча, достаточно ограничены. Кроме того, все рассмотренные архитектурные комплексы были связаны с определенными поселениями и располагались внутри них. Вопрос же о наличии специальных, находящихся вне поселков религиозных центрах оставался открытым.

В этом плане особое значение приобретает Телль Хазна I – древнейший культовый центр в Северо-Восточной Сирии, исследования которого должны быть продолжены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1982. Убейдское поселение Ярымтепе III в Северной Месопотамии // СА. № 4.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., 1990. Телль Хазна I // СА. № 3.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н., 1993. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. № 4.

Aurenche O., 1977. Dictionnaire illustre multillingue de l'architecture du Proche Orient ancient. Lyon.

Busink Th.A., 1969–1970. L'origine et L'evolution de la ziggurat babilonienne. Jaarbericht van het Voorasiatisch – Egyptisch Genootschap Ex Oriente lux. Leyde.

Collon D., 1988. First Impressions Cylinder Seals in the Ancient Near East. Chicago.

Curvers H.H., Schwartz G., 1990. Excavations at Tell al-Raqai // Journal Archeology. № 94.

Delougaz P., 1938. // Iraq. № 5.

Delougaz P., 1940. The Temple Oval at Khafajah // Oriental Institute Publications. № 53. Chicago.

Delougaz P., Hill H., Lloyd S., 1967. Private Houses and Graves in the Diyala Region // Oriental Institute Publigations. № 88. Chicago.

Delougaz P., Lloyd S., 1942. Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region // Oriental Institute Publigations. № 58. Chicago.

Deshayes S., 1960. Les Kulturus de bronze de L'Indus au Danube. Vol. II. Paris.

Frankfort H., 1942. Conclusions. // Delougaz P., Lloyd S. Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region, 1942. Oriental Institute Publigations. № 58. Chicago.

Heinrich E., 1957. Bauwerke in der altsumerischen Bildknst. Berlin.

Hrouda B., 1971. Vorderasier 1. Mesopotamien Babylonien, Iran und Anatolien // Handbuch der Archaologie. Vol. 1. Munich.

Lenzen H.J., 1941. Die Entwicklung der Zikurrat von ihren Arfängen bis zur Zert der III. Dynastie von Vr. Leipzig.

Lenzen H., 1955. Mesopotamishe Tempelanlagen von der Fruhzeit bis zumzweiten Jahrtausend // ZA. № 51.

Lloyd S., 1978. The Archeology of Mesopotamia. London.

Mallowan M.E.L., 1936. The Excavations at Tell Chagar Bazar and Arcgaeological Survey on the Habur region 1934–1935 // Iraq. № III. Part 1. London.

Mallowan M.E., 1965. Early Mesopotamia and Iran. London.

Merpert N.Y., Munchaev P.M. 1994. The religious complex at Tell Hazna I in North-East Syria // The International colloguium " Allppo and Silk road". Damascus.

Munchaev R.M., Merpert N.Ya., Bader N.O., 1993. The excavations at Tell Hazna I, Syria. 1991 // Cahiers de L'Euphrate, № 7.

Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 1994. Da Hassuna a Accad. Scavi della missione russa nella regione di Hassake, Siria di NE // Mesopotamia. № XXIX.

Orthmann W., 1975. Der Alte Orient // Propylaen Kunstgeschichte. B. 14. Frankfurt am Main; Berlin; Wien.

Parrot A., 1949. Ziggurats et Tour de Babel. Paris.

Safar F., Mustaa M. Ali, Lloyd S., 1981. Eridu. Baghdad.

Schmidt J., 1968. Vorlaufiger Bericht über die (in Uruk-Warka unternommenen) Ausgrabungen in Uruk-Warka. Berlin.

Schwartz G., 1988. Ceramic Chronology from Tell Leilan Operatio 1. New Haven; London.

Speiser E.A., 1935. Excavations at Tepe Gawra. Vol. 1. Philadelphia.

Suleiman A., 1996. The temples at Tell Kashkashok in the third millenium B.C. // The International Colloguium " The Syrian Djezireh. Cultural Heritage and Interrelations". Damascus.

Tunca O., 1984. L'architecture religiese protodinastique en Mesopotamie. № I–II. Leuven.

Институт археологии РАН,
Москва

R.M. MUNCHAEV, N.Ya. MERPERT

THE MOST ANCIENT CULT COMPLEX OF NORTH EASTERN SYRIA
(the third millenium BC)

Summary

The processes of urbanization, formation of state structures and civilization including the appearance of special religious centers were considered untill recently only on the basis of materials of Lower and Middle Mesopotamia. Nowadays the stituation has changed signigicantly. At present one may contend that the said processes enveloped a wide space including also North Eastern Syria. This area possesses an astounding concentration of the sites of the fourth-the third millennia BC. One of the most interesting of these sites is Tell Hazna I. A large scale excavation of this site has been conducted starting from 1988. Tell Hazna is a multi-level settlement, situated 25 km to the north-east of Hasake city on the left bank of the Wadi Ridjla. Its average diameter is 150 m, the height is 17.2 m. The stratum of Tell includes cultural levels of the first-the third Early Dynastic periods (the third millennium BC), the Uruk and Ubaid cultures levels (the fourth millennium) of a thin (not more than three meters) and very mixed layer beneath it. The temple complex which occupied practically the whole place of the mound is of particular interest. Now more than 1,500 m^2 containing more than 200 structures have been uncovered, most of them having no household remains typical for dwellings. All of them have a special religious character. They include very massive towers, two of which still stand to their original height of eight meters. These towers stood on the plinth of a platform 1.8 m high. A number of chambers and yards adjoined them. A massive wall with semi-pilasters, typical for temples of ancient Mesopotamia extends to the east of one of the towers, and a small chamber which is rectangular in its cross-section has been discovered in the north. A wet-mud brick altar rectangular in its cross-section was situated inside the latter. The whole tepmle-complex was enclosed with a thick wall four meters wide which was made of clay layers. The constructions of this complex are located on several consecutive artificial platforms and may be referred to the socalled "High Temples". It is one of the earliest examples of such temples and the first one in the Syrian territory. Enormous material from this site dates to, first of all, the Early Dynastic periods.

В.И. БАЛАБИНА

ФИГУРКИ ЖИВОТНЫХ И ИХ СИМВОЛИКА НА СОСУДАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОДНОЙ ИЗ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЕВРОПЫ*

Понимание роли зооморфной символики в культуре сводимо к двум, как кажется, лишь внешне противоречивым моделям. Первую, давно бытующую в этнологии и органично воспринятую поколениями археологов, можно было бы назвать "диахронической". Согласно ей, животные сначала были связаны с промысловыми культами и тотемизмом, из коих потом могли развиваться зоолатрические культы, а объекты последних постепенно принимали антропоморфный облик, сохраняя зооморфные атрибуты или определенных жертвенных животных. Вторая модель начала складываться в 1960-е годы. Она предполагает, что в каждой конкретной традиции все известные образы животных могут оказаться элементами одной или нескольких классификационных (знаковых) систем. Поэтому определим ее как "классификационную". Наиболее четкая формулировка позиций принадлежит В.Н. Топорову: "Животные в течение длительного времени служили некоей наглядной парадигмой, отношения между элементами которой могли использоваться как определенная модель жизни человеческого общества и природы в целом (прежде всего в аспекте плодородия и цикличности). В этом смысле использование образов животных в эпосе или в аллегорической системе апологов, басен, притч и т.п. (вплоть до средневековых бестиариев) продолжает архаическую традицию. В мифопоэтическом сознании животные выступают как один из вариантов мифологического кода..." (Топоров В.Н., 1980, с. 448, 449). Очень созвучны такому взгляду на зооморфную символику давние размышления Л.С. Выготского о причинах устойчивого однозначного восприятия определенных животных в баснях, по его мнению, обусловленного в традиции общими ассоциациями с видовыми поведенческими стереотипами (Выготский Л.С., 1968, с. 133). Анализ терминологических нюансов позволяет не только сблизить "диахроническую" и "классификационную" модели, но и рассматривать первую как частный случай второй. Вспомним, например, о постепенном изменении смысла существующего уже не одно столетие термина "тотемизм". Сейчас под ним тоже понимают классификационную систему с устойчивым сочетанием зооморфных символов (Lévi-Strauss C., 1962; Иванов В.В., 1981; Мелетинский Е.М., 1983, с. 478).

В рамках "классификационной" модели возможно прочтение и фиксируемых археологически зооморфных образов конкретной изобразительной традиции. Но система в их подборе должна быть доказана. В одних случаях выявляются определенные закономерности размещения изображений в пространстве, как это получилось при анализе графики и росписей в верхнепалеолитических пещерах. Существенной оказалась фиксация полного или частичного совпадения композиций, наличие в них адекватных по форме символов и устойчивых групп из них (Leroi-Gourhan A., 1964; Торопов В.Н., 1972; Фролов Б.А., 1978). Не менее важно постоянство образов для целой свиты археологических культур, равно как и их повторяемость посредством разной передачи (те или иные формы пластики, росписи, графики). Наблюдения такого

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта "Проблемы этногенеза в эпоху энеолита и ранней бронзы на Балканах" (код проекта 95-06-17667).

© В.И. Балабина, 1997 г.

рода позволили реконструировать фрагменты разных зооморфных классификаций доземледельческих и раннеземледельческих культур Анатолии, Ближнего Востока (Иванов В.В., 1981; Антонова Е.В., 1984; 1987). Ниже предлагается попытка рассмотрения с этих позиций зооморфных образов в пластике раннеземледельческого ареала Юго-Восточной Европы. Анализ статуэток животных только одной из культур данного круга – Кукутени-Триполья – обнаружил их "видовую" и типологическую общность с соответствующей пластикой Старчева-Криша, Винчи, Дудешти, Вэдастры, неолитических слоев памятников Болгарии и Греции, Гумельницы, Тиссы, Лендьела (Балабина В.И., 1990). Поэтому мы вполне можем допустить принадлежность зооморфных фигурок, равно как и антропоморфных, к знакам, в виде которых постоянно (на протяжении неолита и энеолита) воспроизводились определенные образы, актуальные для всех древних земледельцев Европы.

Однако в реконструкциях системы мировоззрения носителей интересующих нас культур большинству зооморфных персонажей пластики традиционно отводят довольно скромную роль. Соотношение "зоологических видов" по статуэткам с одного или нескольких памятников обычно сопоставляют с фаунистическими данными и трактуют как отражение значимости персонажей – хозяйственной (Маевський К.К., 1945; Патокова Э.Ф., 1957), культовой (Cehak H., 1933; Качалова Н.К., 1977) либо той и другой (Бибиков С.Н., 1953, с. 240; Попова Т.А., 1970). Подобный подход к изобразительным материалам не совсем корректен в двух аспектах. Большой массив трипольских фигурок обнаружил некоторые закономерности, ускользающие при анализе материалов отдельных памятников. В частности, на многих разновременных поселениях были выявлены статуэтки медведей, оленей и птиц. Поэтому кажется все менее убедительным привычное восприятие зооморфной пластики как своего рода "модели стада". А очень давнее наблюдение Д. Перкинса о несоответствии состава остеологической коллекции Чатал-Хююка набору зооморфных изображений на этом знаменитом памятнике (Perkins D., 1969) напоминает о возможной независимости культового осмысления тех или иных представителей фауны от их хозяйственного значения.

Несколько разновидностей фигурок животных не только постоянно присутствуют в разновременных выборках кукутенско-трипольской пластики, но и распространены в пределах всего юго-востока Европы, что позволяет допустить их принадлежность к общей классификационной системе. Один же тип статуэток – "фишки" – достаточно надежно вписывается в некую систему образных знаков, попытке воссоздания которой и посвящена эта работа.

В триполиеведении "фишками" (ассоциативно с атрибутами современных игр) называют мелкие глиняные конусы, присутствующие в коллекциях большинства памятников. Неоднократно встречались разрозненные "фишки" с антропоморфными и зооморфными головами. Но лишь после обнаружения на поселении Коновка (Кукутень В1) скопления таких предметов, лежавших на полу жилища, появился шанс систематизировать и интерпретировать весь этот материал. Из-за четкости контекста данную находку можно рассматривать как (полный или неполный) комплект. Общее число "фишек" близко к 40. Семь из них сделаны с головами животных и людей. К сожалению, в публикацию материалов Коновки помещена лишь часть "фишек" (Шмаглій М.М. и др., 1985), но благодаря любезности авторов раскопок, позволивших ознакомиться с комплексом, можно составить о нем достаточно полное представление. Сразу обратили на себя внимание две особенности данных "фишек" – их разные размеры и варьирование у них цвета формовочной массы и поверхности.

1. Самыми крупными оказались две "фишки" с головами баранов (рис. 1, *1*, *2*). Диаметры их оснований 4 и 5 см, высота (измерялась до затылка) 3 и 4,5 см. Рога баранов, моделированные вытягиванием, разведены в стороны и опущены, концы их повернуты вперед. Морды сделаны посредством вертикального защипа. Обе "фишки" вылеплены из белой глины и окрашены в красный цвет.

2. Следующую группу образовали четыре "фишки" меньшего размера с головами

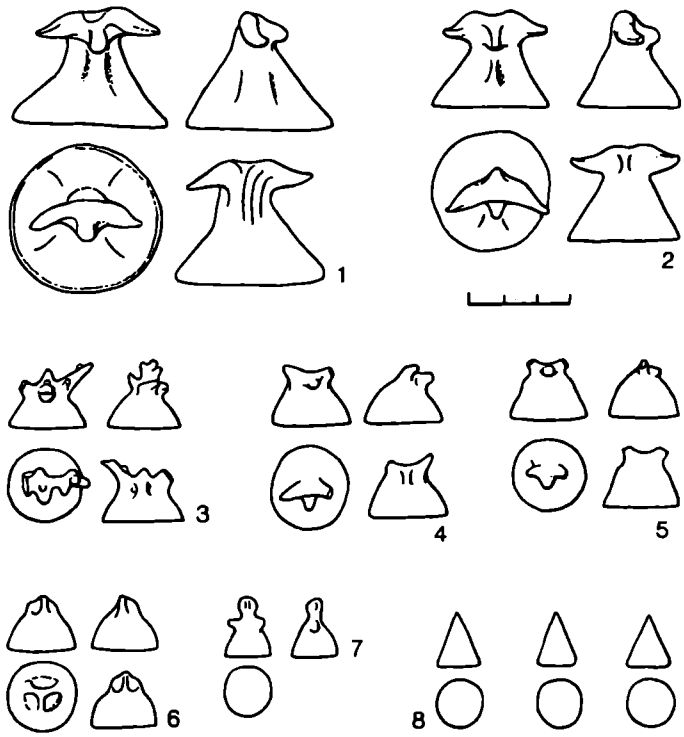


Рис. 1. "Фишки" из Коновки (Кукутень В1). *7* – по Шмаглій Н.М. и др., 1985

бовинов, оленя и условно антропоморфной. Диаметры их оснований около 2,5 см, а высота – 1,6–1,8 см. "Фишка" с головой оленя увенчана ветвистыми рогами; ее длинная морда моделирована вытягиванием, рот прочерчен (рис. 1, *3*). Из-за отсутствия сколов цвет теста неясен. Поверхность же окрашена в красный цвет. У "фишек" с головами бовинов конические морды и небольшие прямые рога, расставленные под некоторым углом. Морда и рога одной из них моделированы вытягиванием, у второй – морда прилепная, рога вытянутые (рис. 1, *4*, *5*). У этой пары цвета́ теста и поверхности перекрестно различаются: у одной тесто белое, а облицовка красная, у второй – наоборот. Лицо "фишки" с антропоморфной (?) головой моделировано защипом (рис. 1, *6*). Она вылеплена из белой глины и облицована красной.

3. Последнюю размерную группу составляют еще одна антропоморфная "фишка" и все простые "фишки"-конусы, имеющие диаметр основания около 1,5 и высоту 1,6 см. Сведения об этой группе почерпнуты из публикации, где, к сожалению, отсутствует информация о цвете формовочной массы и поверхности фигурок (Шмаглій М.М. и др., 1985). У антропоморфной "фишки" выделены голова (нос моделирован защипом) и руки в виде выступов (рис. 1, *7*).

В комплекте из Коновки впервые и для трипольской пластики, и для всего раннеземледельческого ареала Европы фиксируется сочетание разновеликих зооморфных и антропоморфных образов. Как оказалось, каждая последующая группа "фишек" почти в полтора раза мельче предыдушей. Столь отчетливая их дифференциация может соответствовать значимости "персонажей". Тогда особенно любопытно, что у двух самых крупных "фишек" головы баранов (а не бовинов и не антропоморфные). Если комплект сохранился полностью, отметим в нем наличие одиночных персонажей (олень-самец) и парных (бараны, бовины, антропоморфные). Антропоморфные "фишки" и бараны составляют отчетливо разновеликие пары. Пара бовинов одного размера, но оппозиционна по цвету поверхности и формовочной массы. Поскольку цветовая маркировка, видимо, бинарна у всех "фишек" с головами, возможна подобная оппозиционность и у антропоморфной пары.

Для Кукутени-Триполья известно еще несколько "фишек" с зооморфными и антро-

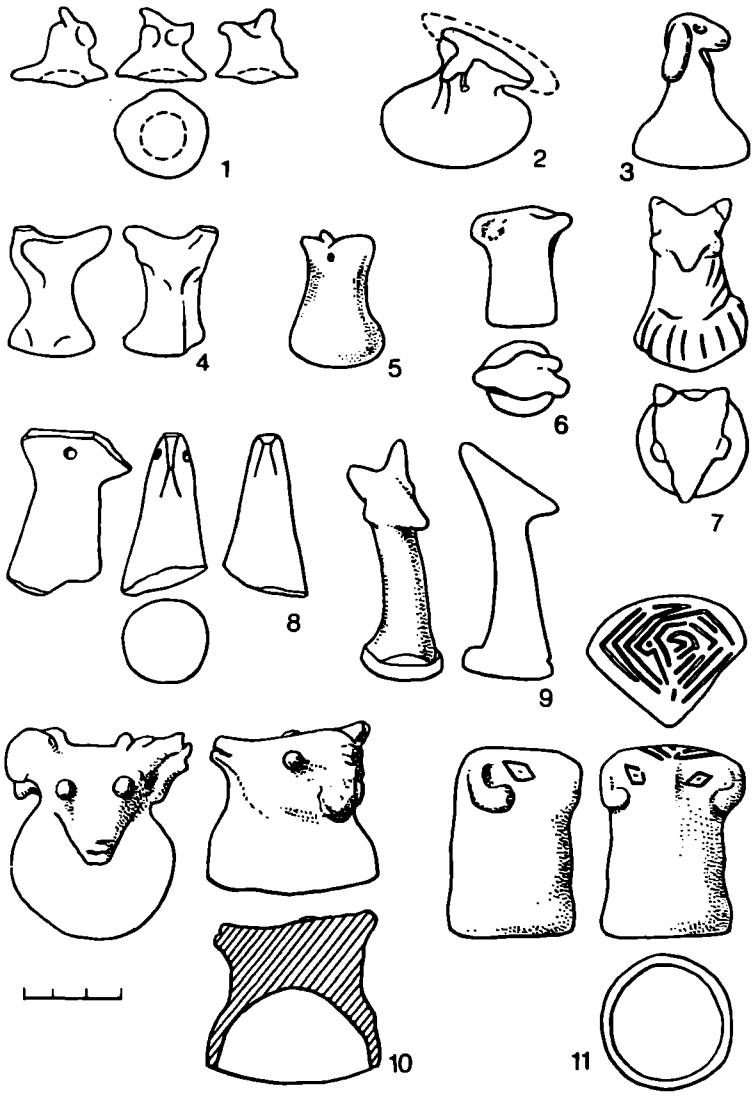


Рис. 2. Зооморфные "фишки" и фигурки на столбчатом основании (*11*) с европейских древнеземледельческих памятников. *1* – Старые Дуруидоры (Кукутень А4); *2* – Трушешть (Кукутень А2); *3, 5* – Градешница (энеолитический горизонт); *4* – Винча, *6* – Зорленц, *7* – Любкова – Ла Орница (культура Винча); *8* – Друцы 1 (Кукутень А4); *9* – Кармадин (культура Винча); *10* – Голямо Долчево, горизонт XVI (Караново VI); *11* – Курило-Кременица (Караново IV). *2* – по Nicu A., 1972; *3* – по Николову Б., 1974; *4* – по Васић М., 1936; *5* – по Николову Б., 1970; *6* – по Lazarovici Ch., 1979; *7* – по Comşa E., 1969; *9* – по Tasic N., 1973; *10* – по Тодоровой Х., 1975; *11* – по Вайсову И., 1984

поморфными головами. Оценка их размеров из-за разрозненности не имеет смысла. Но бинарность цветовой маркировки (при визуальном знакомстве) встречена и среди них. Из Старых Дуруидор (Кукутень А4) происходит "фишка" с головой бовина. Ее морда моделирована защипом, рога – вытягиванием (рис. 2, *1*). Эта "фишка" со слегка вогнутым основанием, диаметром 2,8 см и высотой (до затылка) 1,8 см вылеплена из смеси красной и белой глины. Коническая "фишка" с птицеобразной головой есть в Друцах 1 (Кукутень А4). Голова моделирована условно: затылок заострен, темя узкое, плоское. Глаза изображены сквозным горизонтальным отверстием. Клюв отбит (рис. 2, *8*). Диаметр основания – около 2,5 см, высота "фишки" – 4,5 см. Она вылеплена из белой глины с добавлением сухой красной. Две "фишки" с головами найдены в Тырпешти (Кукутень А2). Одна из них антропоморфна (лицо моделировано защипом) высотой 2,9 см при диаметре основания 2,2 см (рис. 3, *1*). Вторая, более крупная фрагментированная, имела зооморфную рогатую голову (оленя?, бовина?) (рис. 2, *2*).

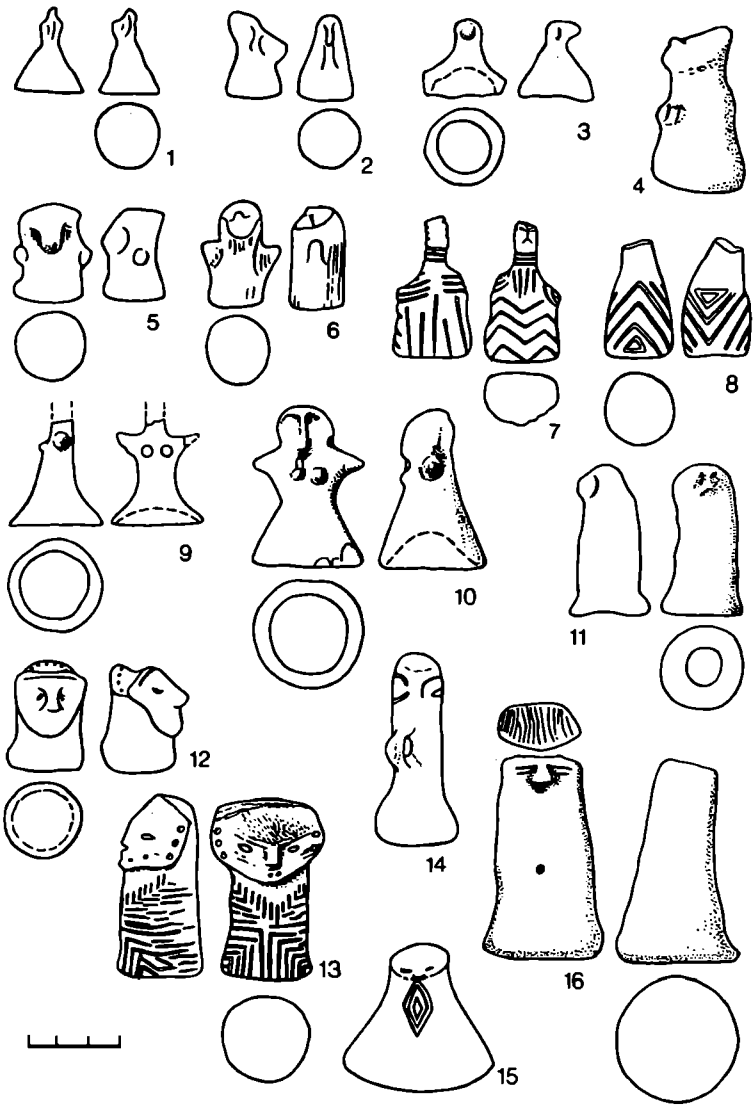


Рис. 3. Антропоморфные "фишки" и фигурки на столбчатом основании (*11–13, 16*) с европейских древнеземледельческих памятников. *1* – Трушешть (Кукутень А2); *2* – Винча (культура Винча); *3* – Фрумушика (Кукутень А2); *4* – Парца, *5* – Винча, *6* – Зорленц (культура Винча); *7, 8* – Ситагри (горизонт III); *9* – Обрицберг (Лендьел); *10* – Касчиоареле (Гумельница); *11* – Хебешешть (Кукутень А3); *12* – Винча (культура Винча); *13* – Голямо Делчево, горизонт XIII (Караново VI – Гумельница); *14* – Чрнокалашка Бара, *15* – Бенска Бара (культура Винча); *16* – Слатина (Караново IV). *1* – по Petrescu-Dîmboviţa M. at al., 1953; *2, 5, 12* – по Васић М., 1936; *3* – по Mataşa C., 1946; *4, 6* – по Lazarovici Ch., 1979; *7, 8* – по Renfrew C. at al., 1986; *9* – по Podborský V., 1985; *10* – по Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968; *11* – по Dumitrescu V. at al., 1954; *13* – по Тодоровой Х., 1975; *14* – по Galović R., 1968; *15* – по Трбуховић В., Васильевић М., 1983; *16* – по Николову В. и др., 1991

Предмет, в равной мере напоминающий "фишку" с птичьей или антропоморфной головой и вогнутым основанием, либо крышечку миниатюрного сосудика, присутствует во Фрумушике (Кукутень А2) (рис. 3, *3*). Диаметр ее основания – 2,7 см, высота – 2,5 см. В Хебешешти (Кукутень А3) известно несколько мелких схематических антропоморфных статуэток, похожих на "фишки", у которых моделировано только лицо (рис. 3, *11*).

Среди опубликованных материалов других раннеземледельческих культур Европы тоже встречаются конические "фишки" с головами и без них. Антропоморфные есть на поселениях, относящихся к Старчеву-Кришу и неолиту Болгарии (рис. 3, *16*) (НЦБ, кат. 41), на винчанских, гумельницких и лендьелских памятниках (рис. 3, *2, 4–6, 9, 10,*

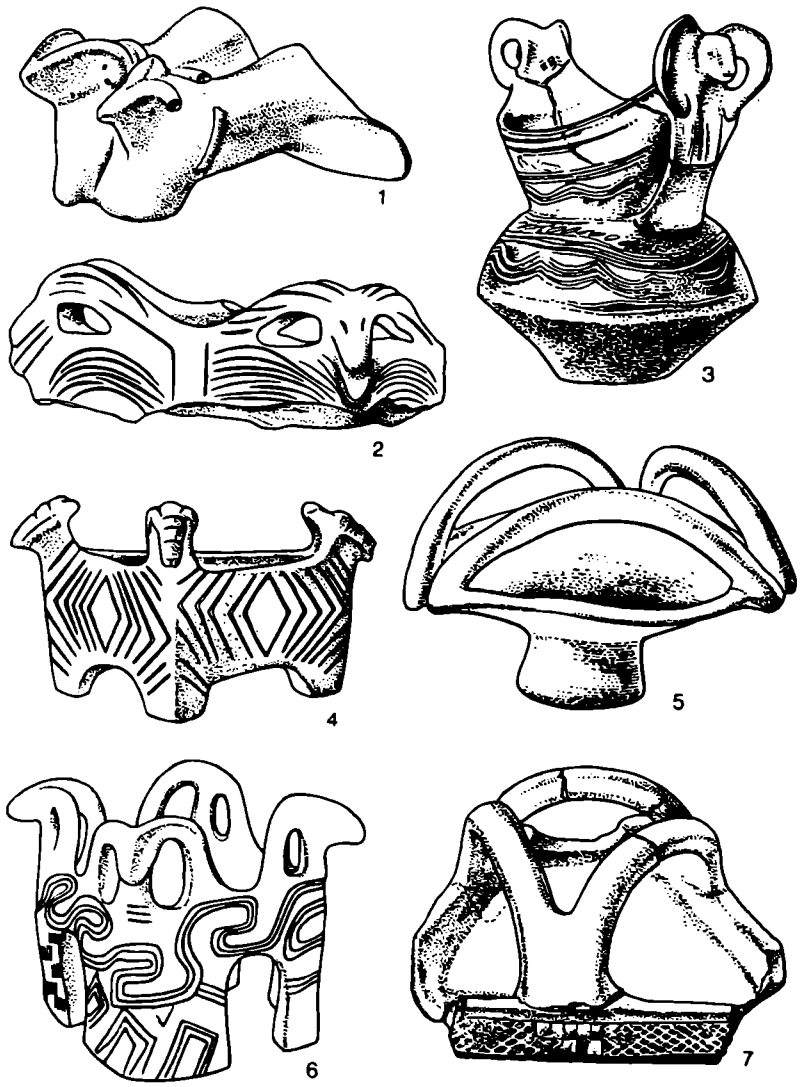


Рис. 4. Группы баранов на европейских сосудах и жертвенниках (неолит – бронза). *1* – Крженица Яра (культура воронковидных кубков); *2* – Цирцеа "Виадукт" (культура Винча); *3* – Сэрата Монтеору (культура Монтеору); *4* – Винча (культура Винча); *5* – Бубань (Бубани-Хум); *6* – Зегед (Тисса); *7* – Ясатепе (Караново II). *1* – по Piggot S., 1968; *2* – по Nica M., Nița T., 1979; *3* – по Dumitrescu V. at al., 1983; *4* – по Gimbutas M., 1989; *5* – по НЦБ, кат.; *6* – по Kalicz N., 1970; *7* – по Детеву П., 1959

14, *15*). Иногда проскальзывают сообщения об их парности (Николов В., и др., 1991). Фигурки, похожие на антропоморфные "фишки", демонстрирует пластика III горизонта Ситагри (рис. 3, *7*, *8*). На некоторых разрозненных "фишках" обозначены признаки женского либо мужского пола (рис. 3, *4*, *9*, *10*, *14*, *15*) (Гарашанин Д., 1968, сл. 8). Зооморфные "фишки" с головами бовинов, баранов, птицы, самки оленя или олененка, неясных безрогих зверей зафиксированы на ряде винчанских поселений, в Градешнице, Ситагри (рис. 2, *3–7*, *9*) (Renfrew C. at al., 1986, fig. 9. 170 (95)). "Фишка" с головой оленя и вогнутым основанием (или крышка миниатюрного сосудика) происходит из XVI горизонта Голямо Делчево (рис. 2, *10*).

Число возможных сопоставлений значительно возрастет, если привлечь известные на многих европейских неолитических и энеолитических памятниках мелкие фигурки на столбчатом основании, названные в классификации Х. Тодоровой идолами-бюстами (Тодорова Х., 1980, с. 58). Они бывают антропоморфны и зооморфны (рис. 2, *11*; 3, *12*, *13*) (Васић М., 1936, сл. 182, 183, 186, 189; Тодорова Х., 1980, рис. 5, *1*, *2*, *4*, *8*, 10, *4*,

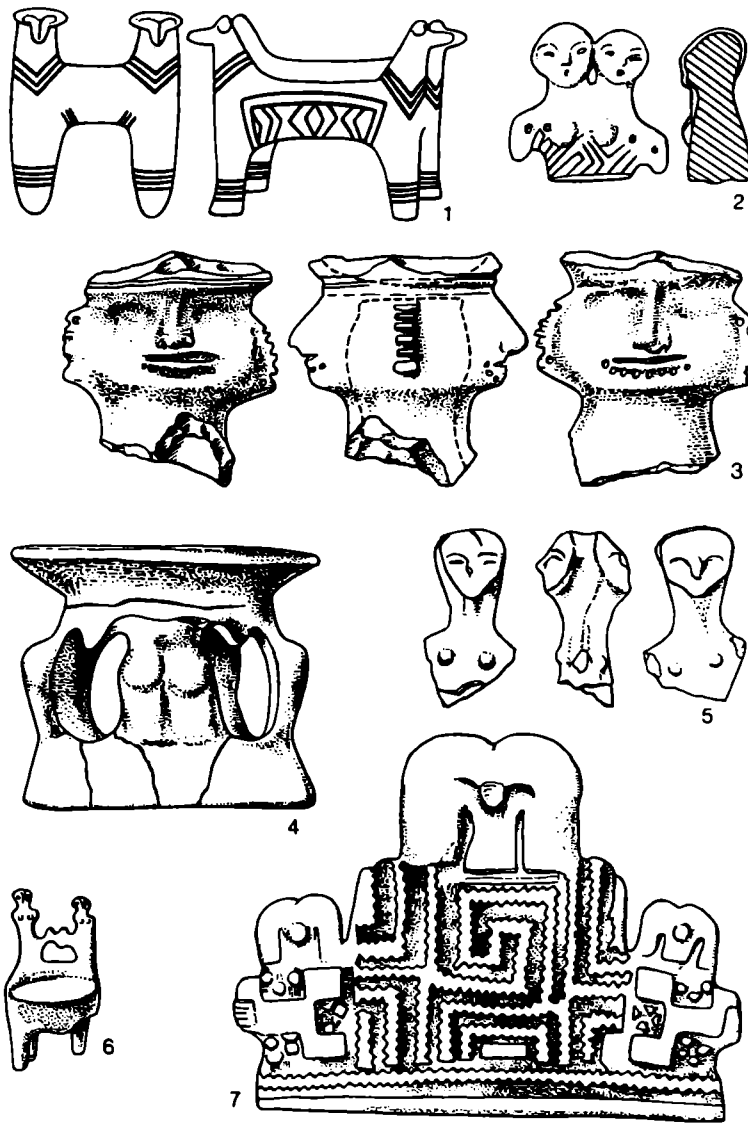


Рис. 5. Группы из баранов и антропоморфных персонажей (европейский неолит – энеолит). *1* – Приштина, *2* – Раст (Винча); *3* – Касчиоареле (Караново VI – Гумельница), *4* – Берешть (Кукутень АЗ), *5* – Бенска Бара (Винча); *6* – Липканы (Кукутень В2); *7* – Хотэрни (Винча-Вэдастра IV). *1*, *7* – по Gimbutas M., 1989; *2* – по Dumitrescu V., 1980; *3* – по Maritnescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968; *4* – по Dragomir I. T., 1984; *5* – по Трбуховић В., Васильевић М., 1983; *6* – по Ambrojievici C., 1933

7; Fol A. at al., 1989, Taf. 13, *4*). На морфологическую близость этих фигурок и конических "фишек" с головами обратил внимание еще М. Васич (Васић М., 1936, с. 93).

Несмотря на явные информационные лакуны, уже сейчас ясно, что по отдельности все персонажи из коновского комплекта представлены однотипной пластикой в разных древнеземледельческих культурах Юго-Восточной Европы. Более того, список зооморфных образов по разрозненным "фишкам" оказался шире ("фишки"-птицы, неясные безрогие звери, самка оленя или олененок). В интересующем нас ареале на протяжении неолита, энеолита, бронзы воспроизводились и группы из тех или иных образов, встреченных в Коновке. Они украшают сосуды, крышки, жертвенники, алтари, разные вотивные предметы.

Парным образам комплекта (баранам, бовинам и антропоморфным) можно найти соответствие во множестве симметричных групп, состоящих из двух – четырех одинаковых персонажей. Равновеликие головы баранов есть на сосудах культуры воронко-

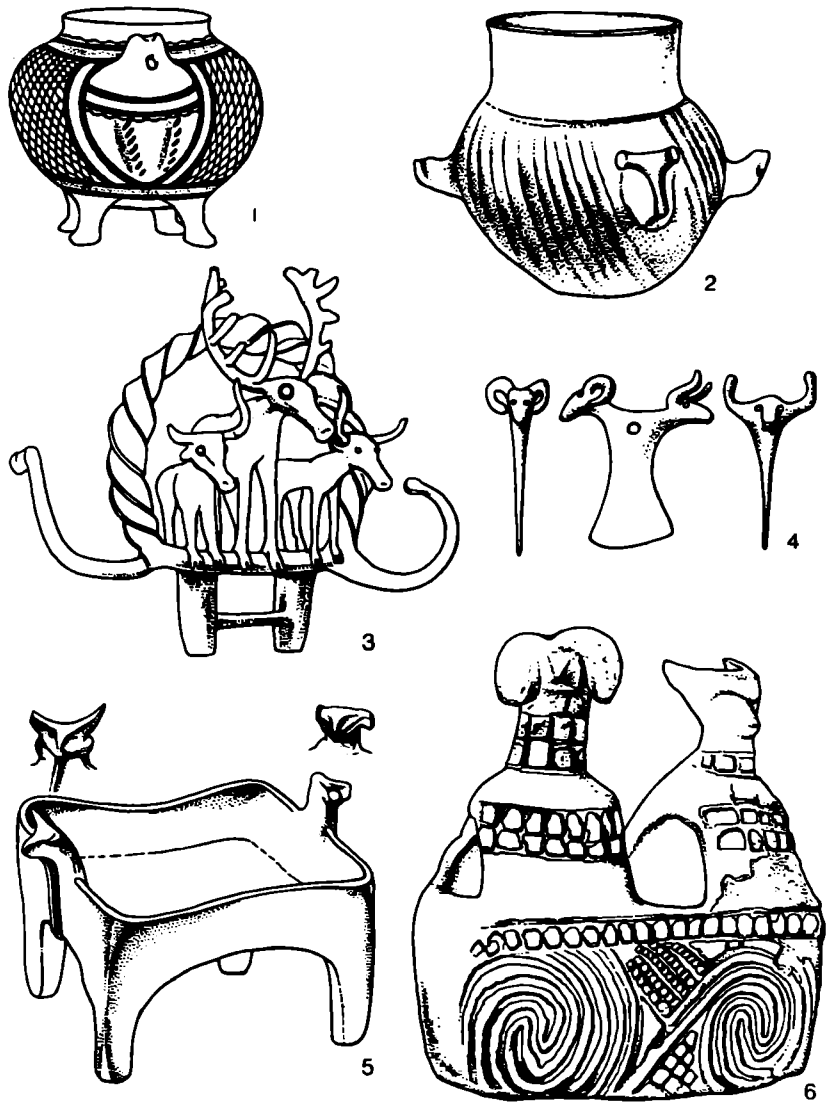


Рис. 6. Группы из бовинов (*1, 2*). Сочетания разных образов, входящих в коновский комплект "фишек" (*3–6*). Неолит – энеолит (*1, 2, 6*), эпоха бронзы (*3, 5*) и железа (*4*). *1* – Парканы (Триполье С2); *2* – Обреж (Винча); *3* – Аладжа-Хююк (Анатолия, ЕВ III); *4* – Старо Село (Болгария, конец VI – начало V в. до н.э.); *5* – Пархай II (Туркмения, эпоха бронзы); *6* – Вэдастра II (культура Вэдастра). *1* – по Passek T., 1935; *2* – по НЦБ, кат.; *3* – по Yakar J., 1985; *4* – по Николову Б., 1990; *5* – по Хлопину И.Н., 1989; *6* – по Mateescu C.N., 1962

видных кубков и Монтеору (рис. 4, *1, 3*). Они украшают винчанские трианглы (рис. 4, *2, 4*), а стилизованные бараньи рога – трианглы, относящиеся к Каранову II и Бубанихум (рис. 4, *5, 7*). Четырехугольные жертвенники с четырьмя головами баранов по углам встречаются в Винче, Тиссе и на фессалийских памятниках (рис. 4, *6*; 5, *1*) (Gimbutas M., 1989, fig. 120). Известна группа из трех разновеликих баранов. Это "алтарь" из Хотэрни (Винча-Вэдастра) (рис. 5, *7*). Антропоморфные симметричные пары изображались в фигуративной пластике (рис. 5, *2, 5*) и в виде сосудов (рис. 5, *3*). Группы из трех и четырех антропоморфных фигур образуют специфические сквозные "сосуды-подставки" (рис. 5, *4*). Очень давно зафиксированы и разновеликие антропоморфные пары. Одна из них украшает спинку миниатюрного "трона" из Липкан (Кукутень В2) (рис. 5, *6*), а вторую реконструируют на "алтаре" из Трушешти (Кукутень А3) (Petrescu-Dîmboviţa M., 1963). Пары головок бовинов особенно часты на сосудах. Они бывают помещены рядом (на кухонных сосудах, мисках) (Маркевич В.И., 1981, рис. 97, *2*; Косаківський В.А., 1990, рис. 2, *23*) либо симметрично

относительно поворотной оси сосуда (рис. 6, *2*). В виде них делались противолежащие ручки (рис. 6, *1*). Известны сосуды и с тремя головами бовинов на тулове (Pavúk J., 1981, fig. 45, 46).

Поскольку целая серия аналогий в раннеземледельческом регионе Европы подтверждает и парность определенных персонажей коновского комплекта, и даже встреченную среди них разновеликость, можно признать то и другое в нашем наборе неслучайным. Еще более убедительны в этом отношении известные в пластике разного времени группы из нескольких образов, повторяющие сочетания персонажей Коновки.

Три головы баранов и сидящая антропоморфная фигура (фрагментированная, сохранились только ноги) представлены на выпуклой крышке из Султаны (Гумельница) (рис. 7, *1*). Два крупных фигуративных сосуда – в виде барана и в форме женской фигуры – обнаружены вместе в помещении "А" на энеолитическом поселении Гилат, расположенном в пустыне Негев, районе весьма отдаленном от рассматриваемого ареала. Авторы раскопок считают Гилат культовым центром (Alon D., Levy T.E., 1989, fig. 8, 9). Пары, включающие барана и бовина, отмечают предметы разного времени. Прежде всего вспомним своеобразный двойной неолитический сосуд (или модель) из Вэдастры II (культура Вэдастра). Своды над его емкостями венчают окрашенные в красный цвет головы животных. Справа находится голова барана. Она значительно крупнее соседней головы бовина (рис. 6, *6*). Сравнительно недавно опубликованы подобные, но равновеликие пары более позднего времени. Среди материалов могильника Пархай II (эпоха бронзы, Туркмения) есть несколько прямоугольных сосудов, к торцовым сторонам которых прилеплены головки животных: с одной стороны баран, а с другой – бовин (рис. 6, *5*). Головки барана и бовина украшают торцы обушка вотивного фракийского топорика из Старо Село (Болгария) (рис. 6, *4*). С материалами более позднего времени перекликается и группа из оленя и бовинов. Подобная триада представлена на знаменитом бронзовом штандарте из Аладжи-Хююка (Анатолия, ЕВ III). Правда, здесь находящийся в центре олень крупнее расположенных по обе стороны бовинов (рис. 6, *3*). А на сосуде из Волимидии (Мессения, SH III) эти же персонажи образуют иную композицию – бовин помещен между двумя оленями (Das Mikenische Hellas..., 1988, Taf. 179).

Как мы видим, сочетание антропоморфного (женского) образа и барана (баранов) фиксируется в весьма удаленных друг от друга материалах эпохи энеолита. Совместные изображения оленя (оленей) и бовинов (бовина) уводят нас к раннему бронзовому веку Анатолии и более поздним периодам эпохи бронзы Греции. Но самый широкий ареал и наибольшую временну́ю протяженность (от неолита до эпохи железа) охватывают представления о паре "баран и бовин". У ранних земледельцев Европы баран в этой паре доминирует.

Композиционно комплект из Коновки можно сопоставить с рельефными изображениями животных или животных и людей на нескольких сосудах из Центральной Европы, декор которых строится относительно поворотной оси, либо относительно оси и зонально[1]. Под венчиком высокого сосуда из Стржелце (Лендьел) помещены четыре фигурки неопределимых животных. Накольчатый орнамент на плечиках включает четыре антропоморфные фигуры. Ниже, на середине тулова находятся четыре рогатые головы (явно не бовины) (рис. 7, *4*). На сосуде из Дворы над Житавой (Желиз) также присутствуют три яруса изображений. На шейке – нелепная голова бовина. На плечиках – три неясных зверя. Ниже находятся три зооморфные ручки в виде подтреугольных морд (рис. 7, *5*). Из Жлковицы (Болераз) происходит миска с вереницей налепных четвероногих по краю (рис. 7, *3*). Она, несомненно, напоминает известный ритуальный сосуд из Тоголока 1 (эпоха бронзы, Маргиана) и подобные ему предметы с замкнутыми композициями из налепных фигур людей и животных

[1] В свою очередь эти сосуды могут быть семантически близки многочисленным расписным древнеземледельческим сосудам с тем же принципом построения декора.

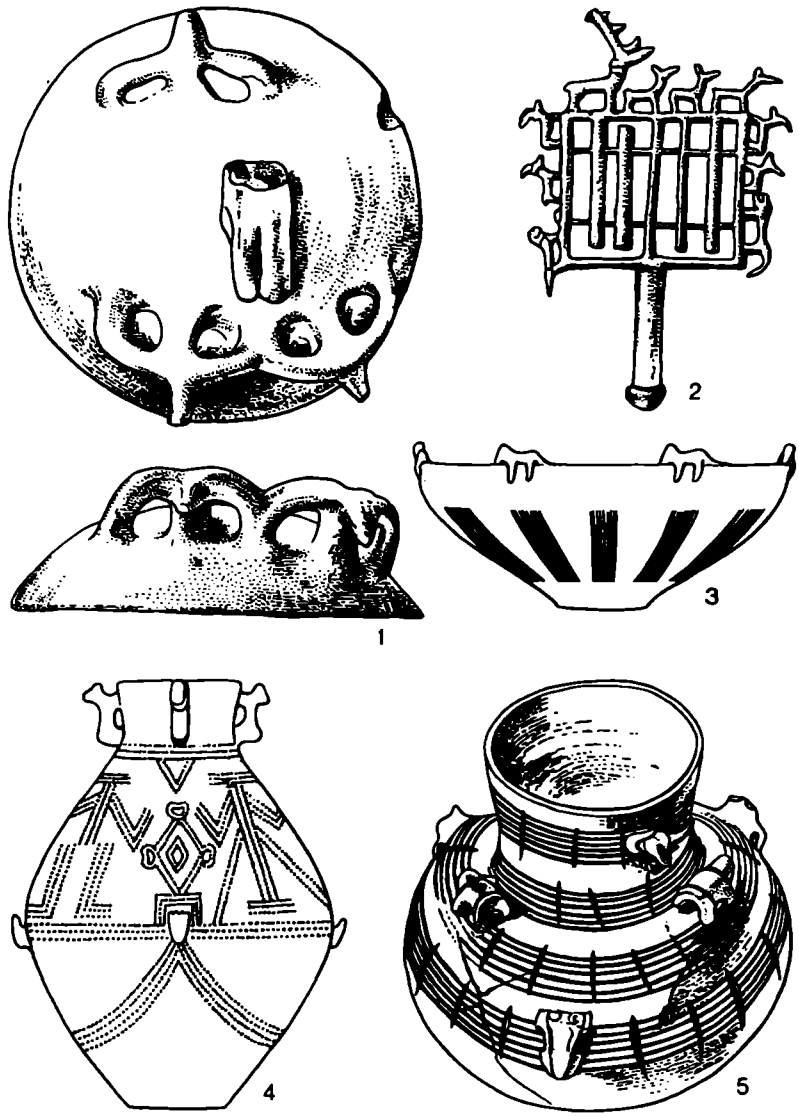


Рис. 7. Группа из антропоморфного персонажа и баранов (*1*) и предметы, композиционно сопоставимые с коновским комплектом (*2–5*). Энеолит – бронза. *1* – Султана (Гумельница); *2* – Хонортепе (Анатолия, эпоха бронзы); *3* – Жлковце (Болераз); *4* – Стржелце (Лендьел); *5* – Двора над Житавой (Желиз). *1* – по Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968; *2* – по Yakar J., 1985; *3* – по Nemejkova-Pavúkova V., 1984; *4* – по Podborský V., 1989; *5* – по Pavúk J., 1981

(Сарианиди В.И., 1980). Вереницы животных, включающих оленя (наиболее читаемый персонаж), есть и на некоторых анатолийских штандартах эпохи бронзы (рис. 7, *2*).

Итак, среди изобразительных материалов разных культур Центральной и Юго-Восточной Европы на протяжении неолита, энеолита, бронзы фиксируются и сложные зооморфные (зоо-антропоморфные) композиции, и разные сочетания из образов, входящих в трипольский комплект "фишек" из Коновки, подтверждая неслучайность их сочетания и, отчасти, иерархичность. Ареал аналогий более позднего времени оказался весьма обширен. Поэтому правомерно использование связанных между собой вербальных и изобразительных текстов, способствующих интерпретации наших материалов. Специфика же последних ограничивает этот экскурс лишь двумя направлениями – сведениями об использовании в ритуалах определенных групп зооморфных образов и особенностями символики в разных традициях барана, оленя, бовинов – персонажей, фигурирующих в комплекте из Коновки.

Хорошо известно, что группы зооморфных символов часто использовались в

календарной обрядности. Особенно широко были распространены "наборы" фигурок из теста, подобные регионально варьировавшим рождественским (у славян и немцев), выставлявшимся на стол 24 декабря. Такие "наборы" включали преимущественно домашних животных – коров, быков, овец, "коников", "поросят". Но в них мог входить и олень (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974, с. 255), что препятствует объяснениям данного обычая с позиций "скотоводческой магии". Похожие зооморфные хлебцы фигурировали и в нескольких хеттских ритуалах. Там их называют жертвенными (Ардзинба В.Г., 1982, с. 66, 67). Примечательно, что в хеттской обрядности фиксируется и совершенно иная система зооморфных образов из шести диких зверей: барса, волка, льва, медведя, дикой "свиньи тростника" и дикого барана. Во время весеннего ритуала килам их статуэтки из золота и серебра проносили перед царем. В виде этих же "священных" животных делались и зооморфные сосуды для жертвоприношений. Предполагают, что все они соотносились с определенными божествами или даже их символизировали. В.Г. Ардзинба склонен интерпретировать фигурки "священных" животных как знаки социальных единиц, поскольку их число почти совпадает с числом хранилищ городов, объезжавшихся во время килам царской четой (Ардзинба В.Г., 1982, с. 30, 33–35). Если приведенные реконструкции справедливы, у хеттов эта система символов оказывается одним из способов соотнесения космологической и социальной структур.

Зооморфные образы, сопряженные в комплекте фишек из Коновки, существовали в вербальных и изобразительных традициях несколько тысячелетий. Их символика и взаимосвязь в разных текстах в какой-то мере помогают реконструкции космологической системы древних земледельцев Европы.

Образ барана в культурах неолита и энеолита только недавно стал привлекать специальное внимание (Маркевич В.И., 1981, с. 158; Bąbel I.T., 1982). Думается, его недооценка, принижение значения и даже атрибуция наиболее ярких изображений как бычьих объясняются тем, что обычно раннеземледельческую пластику соотносили с домашними животными и соответственно видели в баранах представителей покорных, мирных копытных. Вот как пишет о нраве домашних и диких баранов. А. Брэм: "Бараны больше других домашних животных показывают, как одомашнивание влияет на привычки и нрав. Домашняя овца – только тень дикой... Дикие бараны едва ли кому уступят по живости движений, ловкости, осторожности и мужеству..." (Брэм А., 1930, с. 604). Такое восприятие барана помогает понять причину его почитания в Египте, Иране, Греции. Баран-Хнум в некоторых центрах Египта считался демиургом и символизировал плодородие. В Фивах баран-Амон – воплощение солнца. Кроме того, он близок к богу войны Монту и богу плодородия Мину. В эпоху Нового царства Амон отождествлялся с богом солнца Ра. Он – "владыка мира" и "царь всех богов". Фараон считался сыном и воплощением Амона-Ра. Баран фигурирует в хеттском ритуале стимуляции плодородия (Ардзинба В.Г., 1982, с. 101, 102). В иранской мифологии баран – одно из воплощений бога войны и победы Веретрагны, образ которого восходит к эпохе индоарийской общности, а имя соответствует эпитету веддийского громовержца Индры. В сасанидском искусстве баран ассоциировался с Фарном (свет, солнце). В греческой мифологии баран считался одним из воплощений солнцеликого Аполлона. Примечательно, что в некоторых традициях барану или баранам отведена роль сверхъестественного транспортного средства, на котором путешествуют боги и волшебники. Трехликий Агни и подобный ему персонаж – трехликая глиняная русская игрушка "перевертыш" – сидят верхом на баране. На знаменитой золотой чаше из Хасанлу одно из изображений предположительно принадлежит Шавушке (владычице плодородия и любви у хурритов), которая едет стоя на паре баранов. Античные терракоты изображают Афродиту в повозке, запряженной баранами. В мифе об аргонавтах посланный Нефелой золотой баран несет Фрикса и Геллу в Колхиду. Даже в сказках Ш. Перро волшебницы путешествуют в карете, запряженной бараном, "который все знал". В этой связи представляют особый интерес и баранья упряжка из Крженицы Ярой (рис. 4, *1*) и бараны, расположенные вок-

руг человека на выпуклой крышке из Султаны (рис. 7, *1*), как возможное отражение близкой мифологемы.

В литературе о древнеземледельческой пластике Европы изображения бовинов чаще всего соотносят с образом быка. Однако сами фигурки во всех энеолитических культурах принадлежат особям разного пола. Поэтому столь однозначная их интерпретация вряд ли уместна. Этнографы очень давно отметили, что в некоторых традиционных обществах, в частности, африканских, существует знаковая ритуальная идентичность человека и бовина (не важно, быка или коровы) (Иванов В.В., 1976, с. 53), ср. в хеттских ритуалах: быков посвящали божествам мужского пола, а коров – богиням; в ритуалах очищения мужчина приносил в жертву быка, а женщина – корову (Ардзинба В.Г., 1982, с. 67). Идентичнось, взаимозаменимость человека и бовина может объяснить особое отношение к бовинам в Индии, которых нельзя употреблять в пищу, прогонять с дороги и т.д. Истоки данного феномена находят в очень давнем метафорическом истолковании биологической случайности – совпадения репродуктивных циклов у женщин и самок всех видов бовинов (десять лунных месяцев). Не удивительно, что образы женщины и коровы представляют одно из древнейших семантических отождествлений, читаемое даже на материалах палеолита (Фролов Б.А., 1978). Во многих изобразительных традициях раскинутые руки женских фигур и рога (головы) бовинов передавали одну и ту же метафору лунного серпа. Известны и подтверждающие их равнозначность "наложенные" изображения – женские фигуры, вписанные в абрис головы бовина. Но обычно подобные материалы интерпретируют в связи с "культом быка".

Традиционно в реконструкциях космологическая схема для носителей культур интересующего нас круга включает либо только антропоморфные образы ("богиня-мать", "богиня" или "госпожа" разных стихий и занятий), либо состоит из отчетливой пары "богиня и бык", либо в ней допускается сочетание того и другого (Bulanda E., 1947; Бибиков С.Н., 1953, с. 237; Рыбаков Б.А., 1965; Маркевич В.И., 1981, с. 156; Погожева А.П., 1983, с. 132; Радунчева А., 1971; Gimdutas M., 1974; 1989). Причина такого восприятия имеющихся изобразительных материалов, видимо, кроется в очень давних традициях интерпретации, восходящих к антиковедению и востоковедению. Именно оттуда в свое время были привнесены образы "богини-матери" и "быка" (и гипотеза о его культе). Более полувека назад имевшийся в распоряжении исследователей раннеземледельческий европейский материал, равно как и ближневосточный, не противоречил постулируемой модели. За прошедшие годы не только существенно выросла источниковедческая база, но в востоковедении изменился и подход к памятникам, поэтому там данная модель постепенно становится принадлежностью истории науки (Антонова Е.В., 1984, с. 94; 1990, с. 14–19, 118). В европейских штудиях, напротив, она воспринимается все более органично и почти утратила свою гипотетичность. Особую роль в этом сыграли опубликованные в 1960-е годы материалы Чатал-Хююка со знаменитыми фигурами "богинь" из "святилищ": VII. 31; VI. B. 10; VI. A. 50; VI. A. 66. (Mellaart J., 1967, p. 115–117, 124–125, 161, 162, 166) с раскинутыми в стороны руками и ногами, либо раскинутыми и поднятыми. Под "богинями" в ряде случаев находятся одна или несколько голов бовинов, поэтому традиционно такие сцены трактуют как "роды" или "роды бычьих голов" (Антонова Е.В., 1984, с. 88). Рога бовинов имеют тот же абрис, что раскинутые руки и ноги "рожениц", как бы подчеркивая уподобление женских фигур и рогатых голов друг другу. И, возможно, с неменьшим основанием, нежели реконструкция пары "богиня и бык", можно оценивать эти композиции в русле метафорического отождествления женщины и коровы, человека и бовина.

Образ женщины-коровы, небесной коровы, родившей солнце и всех остальных богов, сохранился в древнейших пластах египетской мифологии в отождествлявшихся друг с другом Хатхор, Нейт, Нут, Мехет, Урт, Мут. В более позднее время и Исида изображалась с коровьими рогами (либо со знаком "ка" на голове в виде двух разведенных и поднятых рук). В мифологии разных центров Древнего Египта фигури-

руют и быки – Апис, Мневнис, Бухис, Бык Маат, Бык Небес. Согласно Геродоту, и в Египте существовал пищевой запрет на говядину. Коров (посвященых Исиде) почитали больше всех животных. Их не употребляли в пищу и не приносили в жертву. В жертву можно было приносить "чистых" (лишенных порока) быков и телят. (Геродот, II; 41.) В греческой мифологии с коровой отождествлялись Алкмена, Ио, "волоокая" Гера. А Зевс почитался на Крите в образе быка.

Пара баран и бовин, изображенная на неолитической модели из Вэдастры II и более поздних предметах пластики, возможно, находит свое подтверждение не только в коновском комплекте фишек, но и среди материалов Чатал-Хююка, где в ряде "святилищ" (VII. 21; VII. 10; E. VI. 10; E. VI. 14) помимо букраний или голов бовинов, встречены также рога и головы баранов, которые обычно не увязывают с прочими материалами, либо вовсе не интерпретируют (Антонова Е.В., 1984, с. 193–197). Есть такие пары и в одной из вербальных традиций. В разновременных египетских космогониях главную пару образуют баран и корова. Это – Хнум и Нейт, Амон и Мут, Амон-Ра и Исида. Поэтому вполне логичной и правомерной кажется реконструкция подобной разнополой пары и для знаковой системы древних земледельцев Европы.

Изображения оленя в Кукутени-Триполье и в других близких по времени культурах Европы могут принадлежать либо взрослому самцу, увенчанному мощными рогами (коновская "фишка"-олень, сосуды-олени из Мулдавы, декор разновременных сосудов от Старчева-Криша до позднего Триполья), либо безрогому оленю – олененку (?), самке (?) (фигурки, погремушки, одна из "фишек") (рис. 2, 9). Это обстоятельство может указывать как на сосуществование нескольких образов оленей в традиции, как и на отображение возрастных изменений единственного образа. Пока наиболее интересная "внутренняя" информация (по коновским "фишкам") об образе оленя-самца содержится в его подчиненности баранам, нигде более не зафиксированной, и в сочетании с бовинами, что перекликается с анатолийскими и микенскими материалами. В данной связи уместно вспомнить о выявленной лингвистами особой ритуально-культовой значимости оленя. В некоторых индоевропейских диалектах его название табуируется. В иранском, в частности, оно было заменено сложным словом "бык-козел" (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 518). Может быть, в этом – ключ к прочтению триады из оленя и двух бовинов? У хеттов культ оленя восходил к древней малоазиатской (хаттской) традиции. Он соотносился с божеством солнца (Ардзинба В.Г., 1982, с. 17).

В нескольких космологических схемах обнаруживается совпадение иерархических позиций образов, воплощением которых являются бараны, и образов, соответствующих бовинам. О баране известно, что он – солнце, демиург, символ плодородия, воитель, сверхъестественный возчик. Бовин равнозначен человеку, лунарен; корова–мать всего живого, персонификация главных богинь. В одной из космогоний баран и корова образуют главную пару. Информация об олене скуднее. Он тоже соотносился с солнцем, а лингвистическая реконструкция указывает на его табуированное название "бык-козел". Мы знаем и о парах – баран + корова, баран + женский образ, олень (олени) + бовин (бовины) – в изобразительных традициях. Учитывая привлеченные материалы, попытаемся частично воссоздать систему, отраженную в "фишках" из Коновки. Если их дифференциация соответствует определенной иерархии, "главными" образами комплекта оказываются бараны. Следующий уровень принадлежит оленю-самцу, двум бовинам и антропоморфному. Образы "третьего уровня" – еще один антропоморфный персонаж и несколько десятков "анонимов" в виде "фишек"-конусов. Достаточно очевиден пол некоторых персонажей комплекта: бараны и олень – самцы. Пол антропоморфных "фишек" и бовинов не известен и равно вероятен любой. Для антропоморфных это устанавливается при сопоставлении с инокультурными антропоморфными "фишками", а для бовинов – по обычной маркрировке пола статуэток данных животных. Красный цвет "фишек"-баранов и оленя и оппозиционность окраски бовинов в данном комплекте могут указывать на возможное соответствие цвета "фишек" полу персонажей. Но эту гипотезу нельзя признать единственно возможной.

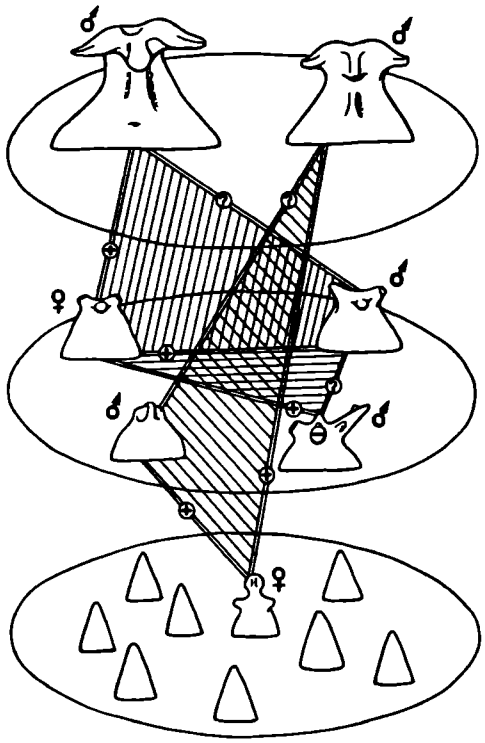


Рис. 8

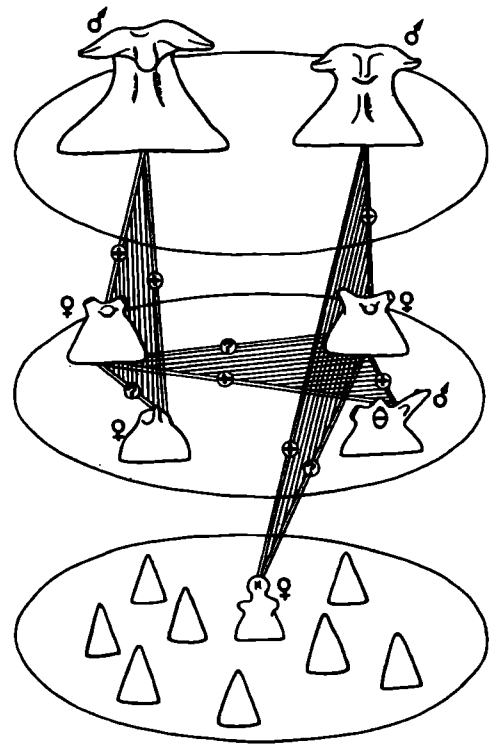


Рис. 9

Рис. 8. Первая версия реконструкции системы зооморфных и антропоморфных символов у древних земледельцев Европы (по "фишкам" из Коновки)

Рис. 9. Вторая версия реконструкции системы зооморфных и антропоморфных символов у древних земледельцев Европы (по "фишкам" из Коновки)

Столь же вероятно, что для всех "фишек" была обязательна именно бинарность цветового решения, присутствие в них белого и красного в любом сочетании, не связанное с внешней маркировкой и имеющее другой смысл. Кроме того, цвет одной антропоморфной "фишки" нам не известен. Поскольку то или иное отношение к значимости цвета поверхности "фишек" склоняет к разным версиям их согласования в наборе, будем рассматривать оба решения как равноценные. Вне наших версий оказался только один фрагмент: в комплекте присутствуют бараны и антропоморфные фигурки. Сопоставление с гумельницкой крышой из Султаны указывает на возможную связь одного из антропоморфных образов и баранов (баран – небесный возчик в ряде более поздних традиций).

В рамках первой версии (рис. 8) мы допускаем, что красная "фишка"-бовин изображает быка, а белая – корову; красная антропоморфная "фишка" – это мужской образ; вторая "фишка" неизвестного цвета предположительно соответствует женскому образу. То есть и антропоморфные "фишки", и бовины образуют "естественные" пары: мужской антропоморфный образ + женский и бык + корова. Разнополая пора бовинов находит соответствие в космогониях Египта, Греции, Индии. Привлечение "модели" из Вэдастры II позволяет выделить в комплекте третью пару – баран + бовин (корова). Как мы помним, подобная пара – главная в египетской космогонии. Находка в Гилате указывает на возможность реконструкции четвертой пары – баран + женский антропоморфный образ. Обе последние пары можно было бы назвать "космологическими". В каждой из них баран заместил "естественного" партнера (мужского персонажа и быка), что согласуется со знаковой идентичностью людей и бовинов в разных традициях. В итоге образуются две семантически увязанные группы: баран/мужской образ + женский образ и баран/бык + корова. Триады из оленя (оленей) и двух бовинов (бовина) (материалы Аладжи-Хююка, Волимидии) и данные об иранском названии

оленя – "бык-козел" – позволяют реконструировать в комплекте еще одну похожую группу: олень/бык + корова, в которой "космологический" партнер (олень) равнозначен "естественному" (быку).

В рамках второй версии реконструкции (рис. 9) мы предполагаем, что бовины и антропоморфные образы не составляют "естественных" пар. Судя по уже приведенным примерам из разных вербальных и изобразительных традиций, бараны – "космологические" партнеры женских персонажей. Поэтому придется допустить, что в нашем комплекте антропоморфные "фишки" – это именно женские образы, а бовины – коровы. Тогда реконструируются две пары баран + корова и две пары баран + + антропоморфный женский персонаж. Равнозначность коров и антропоморфных женских образов подтверждается и тут, но обе семантически увязанные группы выглядят иначе: баран + корова/антропоморфный образ. Олень (бык-козел) становится "космологическим" партнером коров.

Обе версии реконструкции показывают, что "фишки" из Коновки могут соответствовать фрагменту весьма сложно структурированной системы образных знаков, совсем не похожей на космологические модели, известные для ранних земледельцев Европы. Непривычны и иерархическое соподчинение, и множество возможных перекрестных связей. К сожалению, восстановление лишь структуры как своего рода каркаса пока дает мало шансов для надежного прочтения изобразительного текста, фрагментарно запечатленного во множестве артефактов, а наиболее полно – в комплекте "фишек" из Коновки. Вербальная же традиция, соответствующая этому тексту, во многом утрачена. Мы можем опираться лишь на несколько наблюдений, касающихся иерархии и смысловых оппозиций; а) главенство барана в ряде космологий, б) солярность его и оленя, в) лунарность бовинов и людей, г) их знаковая идентичность. Некоторые пункты (а, г) вполне соответствуют и нашим результатам. Если же мы распространим их все на космологию древних земледельцев Европы, то в обеих версиях ее реконструкции солярные мужские образы (баран и олень) образуют пары с лунарными женскими (женщиной и коровой), ср. в разных традициях: оппозицию "луна–солнце", сопоставление жениха и невесты со светилами и символику брачного обряда как воспроизведение иерогамии (Иванов В.В., Торопов В.Н., 1974, с. 245, 258, 269–273).

В вербальных традициях большинство зооморфных (зоо-антропоморфных) классификаций фрагментарно сохранилось в текстах, связанных с ритуалами, поэтому почти все они реконструктивны. Очень показателен пример хеттской ритуальной практики, в которой обнаруживается сосуществование нескольких зооморфных классификаций (группа "священных" зверей, зооморфные хлебцы, олень-солнце), но их соотношение не ясно. И наш ключевой комплект "фишек", очевидно, не исчерпывал системы зооморфных и антропоморфных символов у носителей раннеземледельческих культур. Об этом говорит его недостаточность по отношению к выявленным "видам" фигурок и даже собственно "фишек".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е.В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.

Антонова Е.В., 1987. Дикие животные в искусстве древних земледельцев Востока (к семантике представлений о пространстве) // Центральная Азия. М.

Антонова Е.В., 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.

Ардзинба В.Г., 1982. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.

Балабина В.И., 1990. Зооморфная пластика культура Триполье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Бибиков С.Н., 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре // МИА. № 38.

Брэм А., 1930. Жизнь животных. Млекопитающие. Т. III. М.; Л.

Васић М., 1936. Преисториска Винча II, Београд.

Вайсов И., 1984. Антропоморфная пластика из праисторического поселения Курило-Кременица Софийского округа // SP. N 7.
Выготский Л.С., 1968. Психология искусства. М.
Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси.
Гарашанин Д., 1968. Религија и култ неолитског човека на Централном Балкану // НЦБ. Београд.
Геродот., 1972. История в девяти книгах: Пер. с дрвнегреческ. Г.А. Стратановского / Ред. С.Л. Утченко. Л.
Детев П., 1959. Материали за праисторията на Пловдив // ГНМ. № III.
Иванов В.В., 1976. Очерки по истории семиотики. М.
Иванов В.В., 1981. Природные символы как элементы знаковых систем культуры // Общество и природа. М.
Иванов В.В., Торопов В.Н., 1974. Исследования в области славянских древностей. М.
Качалова Н.К., 1977. Изображение быка в пластике трипольских племен // СГЭ. № 42.
Косаківський В.А., 1990. Про деяки особливості трипільского поселения Чечельник // I Полевой семинар Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине (тез. докл.). Тальянки.
Маевський К.К., 1945. Трипільська пластика в західніх областях України // Архив ИА НАНУ. Ф. 12. № 155.
Маркевич В.И., 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
Мелетинский Е.М., 1983. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Стросса // Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.
Николов Б., 1970. Идолната пластика от с. Градешница // Археология. Кн. 4. София.
Николаев Б., 1974. Градешница. София.
Николов Б., 1990. Тракийски находки от Северозападна България // Археология. Кн. 4. София.
Николов В., Григорова К., Сиракова Е., 1991. Раннонеолитно селище Слатина в София: първи строителен хоризонт // Археология. Кн. 3. София.
Патокова Э.Ф., 1957. Изображение животных на памятниках Большого Куяльника – Усатова // МАСП. Вып. 1.
Погожева А.П., 1983. Антропоморфная пластика триполья. Новосибирск.
Попова Т.А., 1970. Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр // КСИА. Вып. 123.
Радунчева А., 1971. За предназначението на някои глинени енеолитни животински фигурки // Археология. Кн. 2. София.
Рыбаков Б.А., 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА № 1, 2.
Сарианиди В.И., 1980. Культовый сосуд из Маргианы // СА. № 2.
Тодорова Х., 1975. Археологическо проучване на селищната могила и некропола при Голямо Делчево, Варненско // РП. Вып. V. София.
Тодорова Х., 1980. Классификация и числовой код пластики неолита, энеолита и ранней бронзовой эпохи в Болгарии // SP. № 3.
Топоров В.Н., 1972. К происхождению некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха) // Ранние формы искусства. М.
Топоров В.Н., 1980. Животные // МНМ. Т. 1. М.
Трбуховић В., Васильевић М., 1983. Најстарије земљорадничке културе у Подриньу. Шабац.
Фролов Б.А., 1978. Палеолитическое искусство и мифология // У истоков творчества. Новосибирск.
Хлопин И.Н., 1989. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА, № 3.
Шмаглій М.М., Рижов С.М., Дудкин В.П., 1985. Трипільське поселення Коновка в середньому Подністров'ї // Археологія. № 52. Київ.
Alon D., Levy T.E., 1989. The Archaeology of Cult and the Chalcolithic Sanctuary at Gilat / JMA. Vol. 2. N 2.
Ambrojievici C., 1933. L'epoque neolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest // Dacia. N III–IV. Bucureşti.
Bąbel I.T., 1982. Kultowe wyobrażenia baranów // ZOW. R. 48. № 1/3.

Bulanla E., 1947. Kult Bogini-Matki w Kulturach prehistorii i etnologii // Swiatowit. Vol. XVIII. Wroclaw.
Cehak H., 1933. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce // Swiatowit. Vol. XIV. Wroclaw.
Comşa E., 1969. Donees concernant la civilisation Vinca du sud-ouest de la Romanie // Dacia. N.S. XIII. Bucuresti.
Dragomir I.T., 1984. La ronde de Berești // La civilisation de Cucuteni en context Europeen. Iași; Piatra Neamț.
Dumitrescu V., 1980. The Neolithic Settlement at Rast // BAR. I. S. № 72.
Dumitrescu V., Bolomey A., Mogoşanu F., 1983. Esquisse de'une prëistoire de la Romanie. Bucureşti.
Dumitrescu V. et collaborateurs., 1954. Habaşeşti. Bucureşti.
Fol A., Katincarov R., Lichardus J., Bertemes F., Iliev I., 1989. Bericht über die bulgarisch-deutschen Ausgrabunen in Drama (1983–1988). Frankfurt am Main.
Galović R., 1968. Die Starcevokultur in Jugoslawien // Fundamenta. Monographien zur Urgeschichte. Reihe A. B. 3. T. II. Köln.
Gimbutas M., 1974. The Gods and Goddesses of Old Europe. London.
Gimbutas M., 1989. The Language of the Goddess. San Francisco.
Kalicz N., 1970. Clay Gods. The Neolithic Period and Copper Age in Hungary. Budapest.
Lazarovici Ch., 1979. Neoliticul Banatului // BMN. N IV.
Leroi-Gourhan A., 1964. Les religions de la préhistoire (Paleothique). Paris.
Levi-Strauss C., 1962. Le totemism aujourd'hui. Paris.
Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968. Catalogue sculpturilor eneolitice din Muzeul raional Oltenița. Oltenița.
Mataşa C., 1946. Frumuşica. Bucureşti.
Mateescu C.N., 1962. Sapaturi arheologice la Vadastra // MCA. № VIII.
Mellaart J., 1967. Çatal Huyuk. A Neolithic Town in Anatolia. London.
Das Mykenische Hellas Heimatder Helden Homers, 1988. Katalog. Berlin.
Nemejkova-Pavúkova V., 1984. K problematike bolerazskej skupiny na Slovensku // SLA. T. XXXII. № 1.
Nica M., Niţa T., 1979. Le établissements néolithiques de leu et Padea de la zone d'interfirence de cultures Dudeşti et Vinca // Dacia. N. S. T. XXIII. Bucureşti.
Niţu A., 1972. Reprezenările zoomorfe plastice pe ceramica neo-enăeolitica parpato-dunazeana // AM. T. VII.
Passek T., 1935. La ceramique Tripolienne. M.; L.
Pavúk J., 1981. Umenie a zivot doby kamennej. Bratislava.
Perkins D., 1969. Fauna from Catal Huyuk: Evidence for Early Cattle Domestication in Anatolia // Science. Vol. 164. № 3876.
Petrescu-Dîmboviţa M., 1963. Die wichtigsten Ergebnisse der archaologischen Ausg abungen in der neolithischen Siedlung von Truşeşti (Moldau) // PZ. Bd. XLI.
Petrescu-Dîmboviţa M., Barsan M., Radulescu M., 1953. Santierul Truşeşti // SCIV. T. IV. № 1–2.
Piggot S., 1968. The Earliest Wheeld Vehicles and the Caucasian Evidence // PPS. N.S. Vol. XXXIV.
Podborský V., 1985. Tesetice-Kyjovice 2. Figuralni plastika ludi s moravskou malovanou keramikou. Brno.
Podborský V., 1989. Neolithische Kultsitten der Bevolkerung im mahrischen Gebiet // Beligion und Kult. Berlin.
Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986. Excavations at Sitagroi // Monumenta Archaeologica. 13. Los Angeles.
Tasic N., 1973. Neolitska plastika. Beograd.
Yakar J., 1985. The Late Prehistory of Anatolia // BAR. № 268 (I, II).

Институт археологии РАН,
Москва

V.I. BALABINA

ANIMAL FIGURES AND THEIR SUMBOLS FOUND ON VESSELS AS A REFLECTION OF ONE OF THE SIGN SYSTEMS USED BU THE EARLIEST FARMERS OF EUROPE

Summary

Availability of specific varieties of zoomorphic figures in all earliest agricultural cultures of the south-east of Europe is a possible evidence of a common symbolic system. But so far there is only one type – "chips" that is correlated with a system of figurative signs that can be reconstructed with the help of a set of "chips" from a Tripolye culture settlement Konovka. Seven of them have heads of animals and people (Fig. 1). These "chips" vary in color of the surface and a molding mass, and as regards their size they are divided into three groups. As all personages of the set are represented by similar plastics (Fig. 2, 3) and various combinations of such images are known (Fig. 4–7), it is possible to single out several semantically linked proups. A vast area of later period analogues allows to use verbal texts for interpretation. Given the size, "main" images of the set are rams which coordinates with a priority of the ram in a number of cosmologies. The following level belongs to a stag, two bovines and an anthropomorphic personage, and the third belongs to another anthropomorphic personage and dozens of "anonyms" in the form of the "chips"-cones. Red color of the ram and the deer (stags) and an opposite color of bovines may indicate a correspondence between the color of the "chips" and the sex of the personages. But it is also likely that it is the use of binary color with its own different meaning that was important. Therefore, two options of coordinating images in the set have been offered (Fig. 8, 9). They both show that the "chips" from Konovka could correspond to a fragment of a rather complex system of figurative signs that is very different from the reconstructions of the cosmological model of the early farmers of Europe suggested before.

Г.Б. ЗДАНОВИЧ

АРКАИМ – КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

История исследования культурного комплекса Аркаим несколько необычна. Он был открыт весной 1987 г. на юге Челябинской обл. в районе строительства крупной оросительной системы. Строительство находилось фактически на стадии завершения, и по прошествии одного-двух сезонов памятник должен был быть затоплен.

Все это предопределило характер крупномасштабных полевых исследований и напряженную борьбу с Минводхозом РСФСР за спасение уникального археологического объекта (Аркаим..., 1995, с. 196–222). Глубокая лабораторная обработка массовых материалов была отодвинута на будущее.

В настоящее время в археологической лаборатории ЧелГУ и в Центре "Аркаим" ведется работа по комплектованию двух объемных коллективных монографий, которые будут посвящены комплексным исследованиям Аркаимской долины. Тем не менее в связи с публикацией в журнале "Российская археология" материалов 3-й международной научной конференции "Россия и Восток: проблемы взаимодействия" мы считаем целесообразным привести краткую информацию о результатах полевых работ на Аркаиме и направлениях лабораторных исследований. Это тем более правомерно, что небольшие публикации прошлых лет помещены в труднодоступных малотиражных изданиях (Зданович Г.Б., 1989, с. 179–189; 1992, с. 79–84; Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с. 48–62).

Аркаим как культурный комплекс включает укрепленное поселение, прилегающие к нему хозяйственные площадки, могильник и ряд неукрепленных селищ. Памятник расположен на р. Большая Караганка и ее левом притоке – р. Утяганка, в предгорной долине у восточных склонов Уральских гор. Название "Аркаим" (возможно, тюркское "спина", в географической терминологии – хребет, водораздел) дано по наименованию сопки и урочища.

Укрепленное поселение имеет хорошую сохранность и четко дешифрируется на аэрофотоснимках. На снимках масштаба 1:17 500, сделанных в 1956 г. (рис. 1), Аркаим дешифрируется в виде кольцевой концентрической структуры, образованной двумя вложенными друг в друга кольцами белого фототона. С севера, запада и юга намечаются фрагменты третьего, незамкнутого внешнего кольца, которое в настоящее время визуально не фиксируется. Участки поверхности, заключенные в двух соседних кольцах, имеют упорядоченную радиальную структуру, обусловленную чередованием темных и светлых полос – развалами жилищных конструкций и радиальных стен. На стереомодели в центре Аркаима выделяется плоская незастроенная площадка прямоугольной формы, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад[1].

На аэрофотоснимках различных лет за пределами укреплений фиксируются участки специального назначения, связанные с жизнедеятельностью поселения. Это так называемые аркаимские огороды – следы мелиоративных сооружений и древней обработанной почвы[2] (рис. 2, *б*), упорядоченные структуры неизвестного назначения (рис.

[1] Дешифровка выполнена И.М. Батаниной – Лаборатория археологического мониторинга ЧелГУ, Центр "Аркаим".

[2] Данные Ю.А. Лаврушина и Е.А. Спиридоновой – Геологический институт и Институт археологии РАН, Москва.

© Г.Б. Зданович, 1997 г.

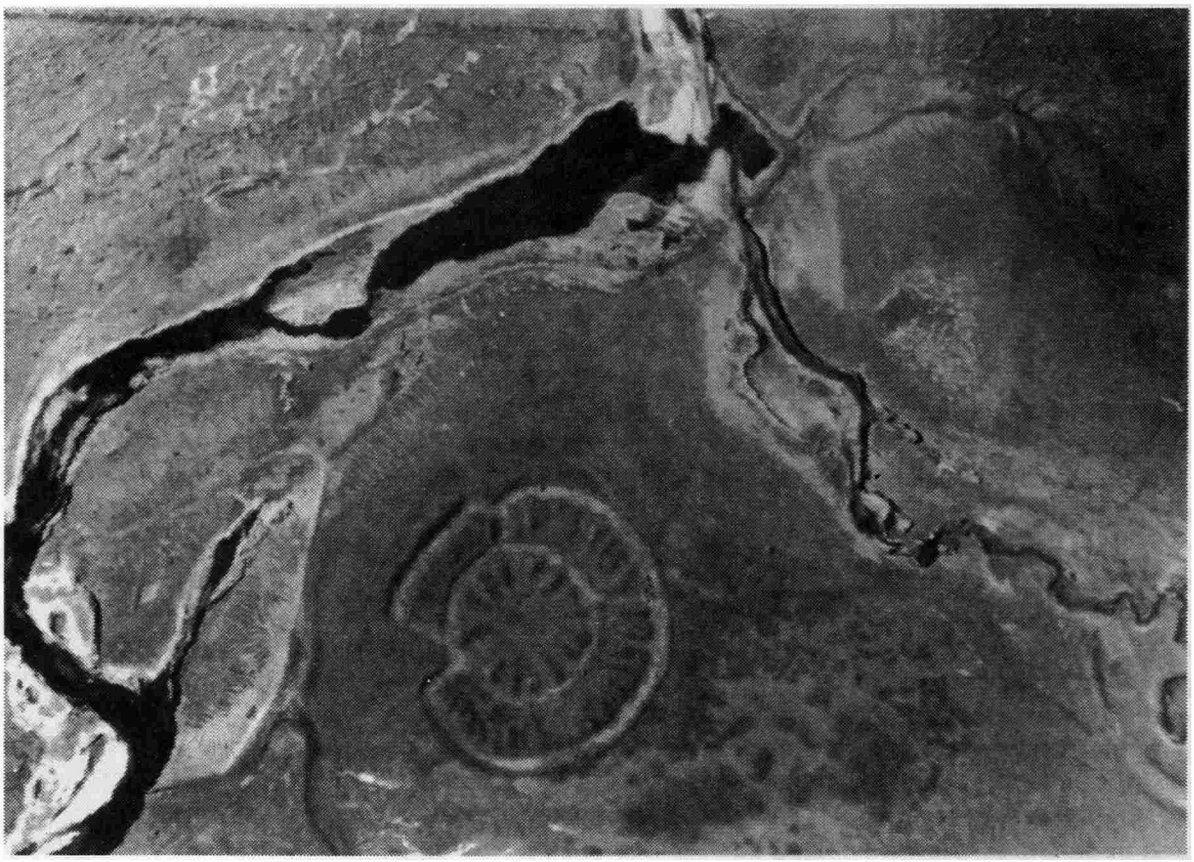


Рис. 1. Поселение Аркаим. Аэрофотоснимок

2, *7*). Кроме этого, в районе укрепленного поселения расположены неолитические стоянки (рис. 2, *8*), могильник позднеямного времени (рис. 2, *2*), несколько погребальных сооружений поздней бронзы (рис. 2, *3*, *4*). Некрополи, связанные с Аркаимом находятся на расстоянии 1, 2 км к северо-востоку от поселенческого комплекса (Зданович Д.Г., 1995, с. 43–53).

В процессе полевых исследований поселения и могильника аэрофотосъемка велась регулярно с двухместного мотодельтаплана обычной и специальной фотоаппаратурой, позволяющей получать качественные стереопары[3]. В последние годы с воздуха регулярно ведется видеосъемка[4]. Аэрофото- и видеодокументация, а также геофизические работы, проведенные комплексом высокочастотной микромагнитной съемки и электроразведки методом симметричного профилирования каппаметрии (Тибелиус В.Я., 1995, с. 184–193), позволили целесообразно и результативно решать многие чисто археологические задачи.

Площадь поселения в пределах двух колец фортификационных сооружений около 20 000 м^2. Археологическими раскопками вскрыто 8055 м^2. Геофизические исследования[5] проведены на площади более 14 000 м^2.

Археологические раскопки показали, что валы, фиксируемые на поверхности, являются остатками оборонительных стен, сооруженных из заливного грунта, сырцовых блоков и дерева. Диаметр внутренней стены (стены цитадели) 85 м, диаметр обводной стены 143–145 м, толщина стен по основанию от 3 до 5 м. Высота грунтовой части

---

[3] Работа выполнена С.А. Батаниным – Лаборатория археологического мониторинга. ЧелГУ, Центр "Аркаим".

[4] Работа выполнена А.Н. Бадановым – студия "Видеофакт", Центр "Аркаим".

[5] Работы выполнены В.Я. Тибелиусом и Б.Н. Пунеговым – Западная Геофизическая партия, Геолком, Челябинск.

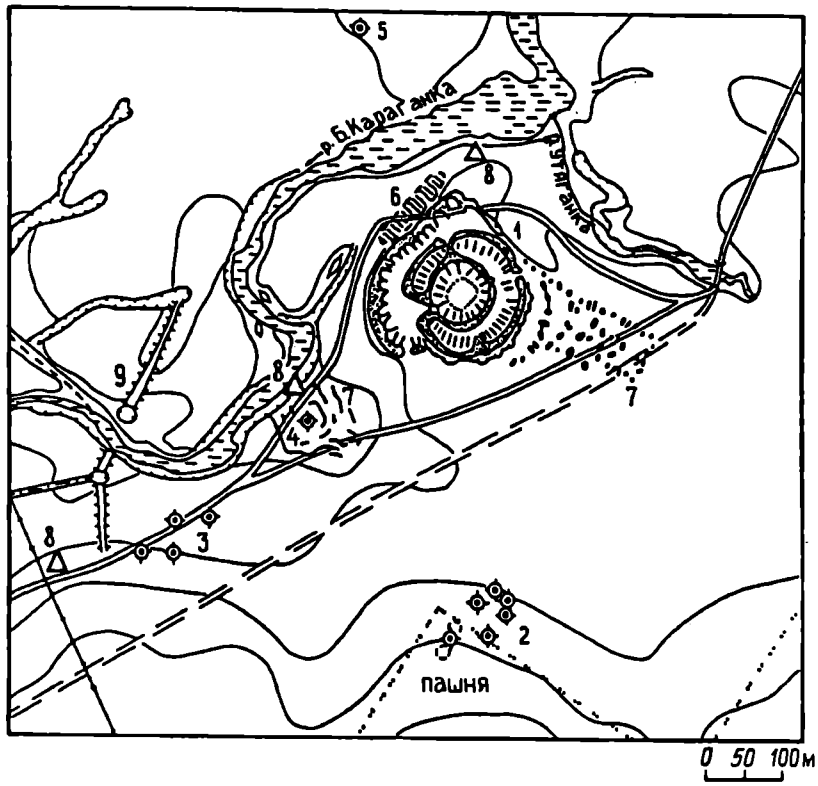


Рис. 2. Топографическая ситуация и археологические памятники в районе поселения Аркаим: *1* – укрепленное поселение; *2* – курганный могильник позднеямного времени; *3*, *4* – курганные сооружения эпохи средней бронзы; *5* – одиночный курган; *6* – "аркаимские огороды" – поля древнего земледелия; *7* – структуры неизвестного назначения; *8* – стоянки эпохи неолита; *9* – плотина водяной мельницы рубежа XIX–XX вв. н.э.

обводной стены в древности была не мене 3–3,5 м. Стена цитадели менее массивна по основанию в сравнении с внешней стеной. К фортификационным сооружениям также относятся внешний ров (глубина 1,5–2 м), привратные башни, радиальные стены. Последние разбивали внешнее кольцо на сектора и формировали для них автономную систему обороны.

Во внешней оборонительной стене зафиксировано четыре входа на территорию поселка: один из них раскопан полностью, один – частично. Входы расположены почти по сторонам света с небольшими отклонениями, главный ориентирован на запад. Конструкции входов отличаются особой сложностью. Только левые "ворота" главного входа напрямую выходили на круговую улицу и имели ширину 5–6 м. Остальные входы представляли собой узкие лабиринты, сооруженные внутри массивных радиальных стен. Длина лабиринтов до 20 м, они начинались за пределами поселка и выводили к круговой магистрали внешнего жилого кольца. На двух участках обводной стены в районах входов археологически зафиксированы внутренние помещения-ниши, которые соединялись между собой узкими коридорами шириной не более 1 м. Коридоры оборонительных стен были связаны проходами (щелями) с жилыми помещениями.

В стене цитадели археологическим раскопом был вскрыт один проход в западной части кольцевого сооружения. Однако геофизические исследования показали, что входов в центральную часть поселка в разное время его существования могло быть несколько.

Жилища располагались по кругу. Смежные постройки имели общие длинные стены. Одна из торцовых стен дома являлась составной частью фортификационного сооружения. Жилища имели в плане трапециевидную форму, площадью 110–180 м^2, котлованы углублены в древнюю поверхность на 0,4–0,5 м. Стены сооружены из бревенчатых каркасов и грунта. Около $^1/_3$ площади дома отводилось под общее пользова-

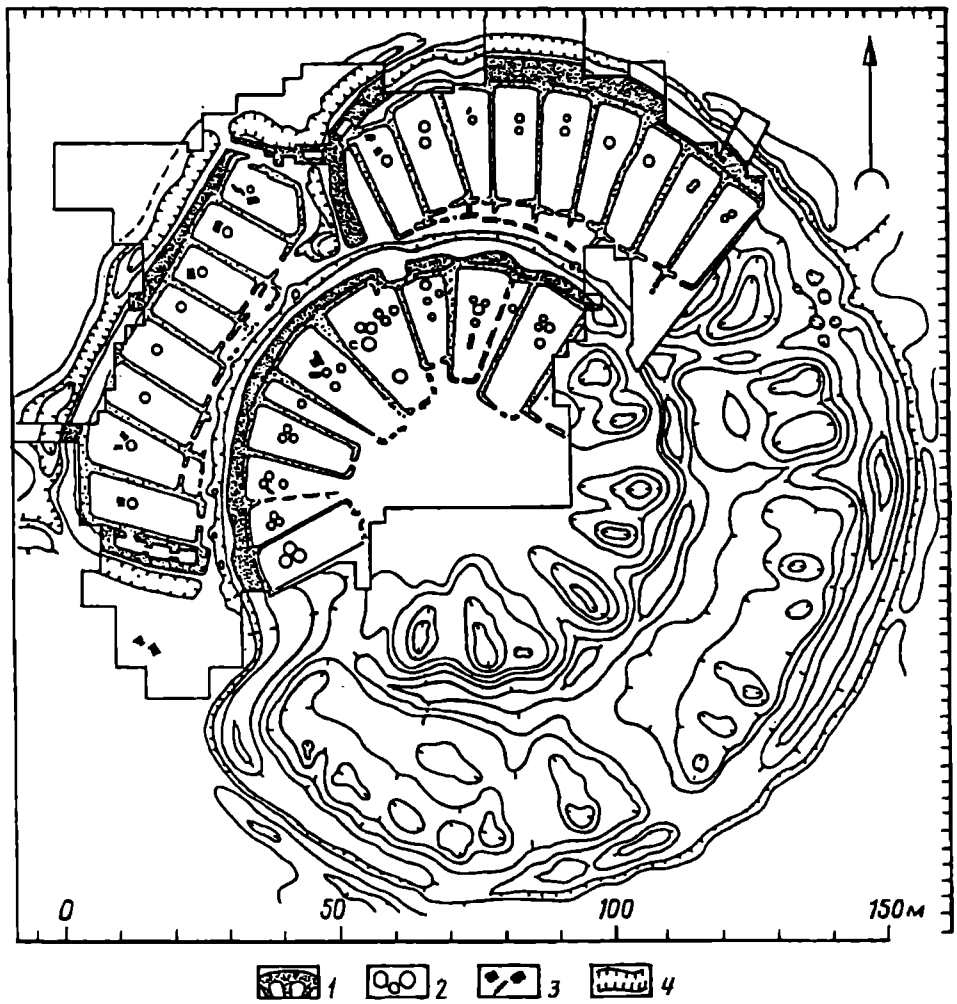


Рис. 3. Поселение Аркаим. Современный рельеф и схематический план раскопа: *1* – грунтовые стены жилых домов и фортификационных сооружений; *2* – колодцы, хозяйственные ямы; *3* – очаги, очажные канавки; *4* – обводной ров и ров ливневой канализации

ние – здесь расположены колодец, погреб, очаги, металлургическая печь (рис. 3). Жилища цитадели обращены выходами к центральной площади. Площадь имела подпрямоугольную форму, примерные размеры 25 × 27 м. Жилища внешнего кольца обращены выходами к круговой улице. В ряде случаев зафиксированы проемы, ведущие из жилища во внутренние помещения оборонительной стены и, вероятно, на кровлю дома.

Круговая улица связывала все входы в поселок и все жилища между собой и с центральной площадью. По всей длине кольцевой магистрали шел ровик глубиной 1,2–1,5 м при ширине 1,5 м. Большую часть времени существования поселка ровик был перекрыт деревянной мостовой и использовался в качестве ливневой канализации. На дне ровика зафиксированы водосбросные колодцы.

На укрепленном поселении вскрыто 29 жилищ: 17 – во внешнем кольце и 12 – во внутреннем круге. Геофизическими методами установлено, что всего во внешнем круге было 39–40 жилищ, во внутреннем – 27 (19 – "полнометражных" и 8 длинных узких сооружений, встроенных между основными жилищами в процессе роста населения)[6].

[6] Расхождение с ранее опубликованными данными вызвано тем, что некоторые из длинных помещений, возможно, не были связаны с жильем. По мере всесторонней обработки полевых материалов и данных геофизики цифры могут уточняться.

На поселении были проведены палеопочвенные исследования, направленные на выявление литолого-стратиграфических особенностей строительных грунтов, их минерального и органического состава[7]. Они показали одновременно и устойчивость и разнообразие традиций и достаточно высокий уровень специализации. Строительные грунты отличались прочностью за счет добавления в них цементирующих агентов, вероятно, карбонатов и гипса. Кроме этого, отмечена геохимическая аномалия почвогрунтов Аркаима. Если учесть, что основной объем строительного материала происходит с территории самого городища, то несовпадение химсоставов элементов конструкции и исходного сырья (конечно, с учетом вторичных изменений) свидетельствуют об искусственном обогащении строительных грунтов какими-то добавками с большим количеством солей и неизвестных нам технологических приемах.

Аркаим как крупный поселенческий и культурный центр создавался в течение какого-то, достаточно хорошо выраженного на археологическом материале, отрезка времени. Он строился по заранее подготовленному и глубоко продуманному плану, основные реперы которого, вероятно, станут понятными не только в процессе восстановления социальной структуры аркаимского общества, но и по мере накопления палеоастрономических данных (Потемкина Т.М., 1995, с. 144–154). Древним зодчим удалось связать воедино задачи обороны поселка, жилые и хозяйственные комплексы, а также сложный узел коммуникаций от верхних и нижних улиц и переходов по ливневой канализации с ее водосбросными ямами и отстойниками. Каждый элемент поселения находился в тесной связи с целым, а четко обозначенное архитектурное единство говорит о целенаправленном воплощении в объемно-пространственных формах определенных идеологических и культурно-хозяйственных целей.

На поселении было собрано около 9000 фрагментов керамики. В целом комплекс близок посуде с поселения Синташта (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 90–99). Среди особенностей аркаимской коллекции необходимо отметить ее малочисленность по отношению к вскрытой площади культурного слоя и относительно хорошую сохранность фрагментов по сравнению с посудой других поселений эпохи бронзы степного Зауралья.

Из обломков керамических изделий, обнаруженных во внешнем кольце, реконструировано 104 сосуда, из фрагментов, найденных в жилищах внутреннего круга, воссоздано около 200 сосудов. Интересно, что 20% от общего количества восстановленных изделий составляют банки и горшки крупных и очень крупных объемов (от 16 до 52 л). Плотность залегания керамических остатков значительно выше в жилищах цитадели.

Типологически керамика поселения Аркаим очень разнообразна и в короткой информации невозможно дать ее представительную характеристику. Это тем более сложно, что попытки классифицировать посуду традиционными методами вызвали значительные затруднения. Поэтому считаю целесообразным остановиться на нескольких наиболее ярких ее группах, которые в той или иной степени определяют облик поселенческого керамического комплекса[8].

Прежде всего это горшки (группа I) с широкой горловиной, относительно узким днищем, с короткой, едва намеченной шейкой, оттянутой наружу и образующей внутреннее ребро на месте перехода к плечику. Изгиб перехода от тулова к плечу проходит на высоте $^2/_3$ от днища горшка. Переход достаточно резкий: часто с внешней стороны сосуда он подчеркнут ребром: реже изгиб может иметь и несколько сглаженную, плавную форму (рис. 4; рис. 5, *6*, *10*). Сосуды этой группы имеют малые и средние объемы.

Орнамент покрывает весь сосуд или бóльшую его часть с непременным подчеркиванием горловины и зоны изгиба плечо – тулово. Значительное количество

---

[7] Работы проводил И.В. Иванов – Институт почвоведения и фотосинтеза РАН.

[8] Археологическая систематика керамического комплекса ведется под руководством Т.С. Малютиной – ЧелГу.

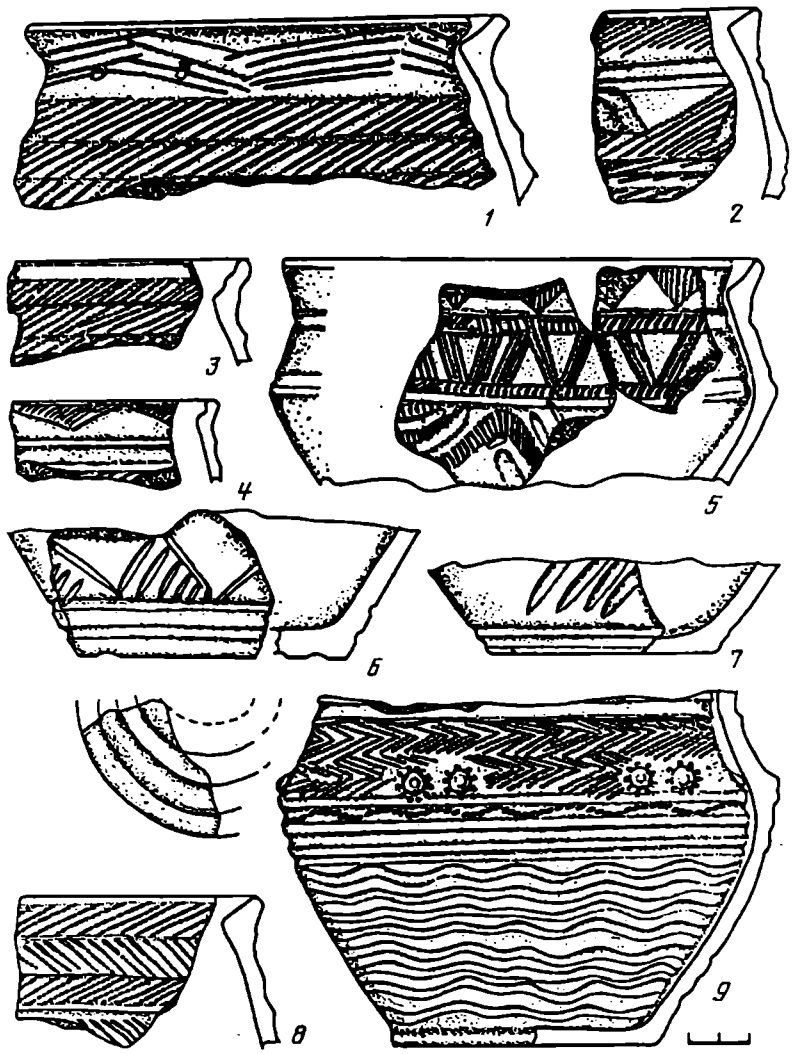


Рис. 4. Керамика. Жилища 1–4

сосудов украшено широкими желобками, заштрихованными наклонными оттисками гребенчатого штампа. Широко использовались горизонтальные каннелюры, реже встречаются каннелюры, образующие волнообразный рисунок. В этой же группе выделяются сосуды с геометрическими знаками: треугольниками, ромбами, простыми и сложными меандрами. По линии излома плечо – тулово встречаются парные и одиночные сосцевидные налепы.

Особо следует выделить группу сосудов (группа II) с высокой прямой или оттянутой шейкой. На шейке подчеркнуты дугообразный прогиб изнутри и внутреннее ребро при переходе к плечику. В основе формы тулова лежит яйцевидный овал (рис. 5, *1*; 6, *1*). Наиболее яркие представители группы имеют очень высокую шейку и сильно раздутое тулово. Однако встречаются и менее выразительные, почти баночные формы, когда прямая шейка сливается со слабо профилированным туловом. Большая часть сосудов не орнаментирована или покрыта очень бедным орнаментом, нанесенным плоским штампом или грубой гребенкой. Иногда используется желобчатая техника. Однако в отличие от сосудов группы I желобки нанесены небрежно, не глубокие и не образуют единого более или менее широкого орнаментального поля. Среди элементов орнамента можно отметить линии наклонных насечек, защипы по краю венчика, рисунок в виде прямоугольной решетки и длинных вертикальных полос в верхней части тулова. Из геометрических знаков встречены только равнобедренные треугольники, заполненные небрежной штриховкой и образующие одиночные пояски на плече сосуда.

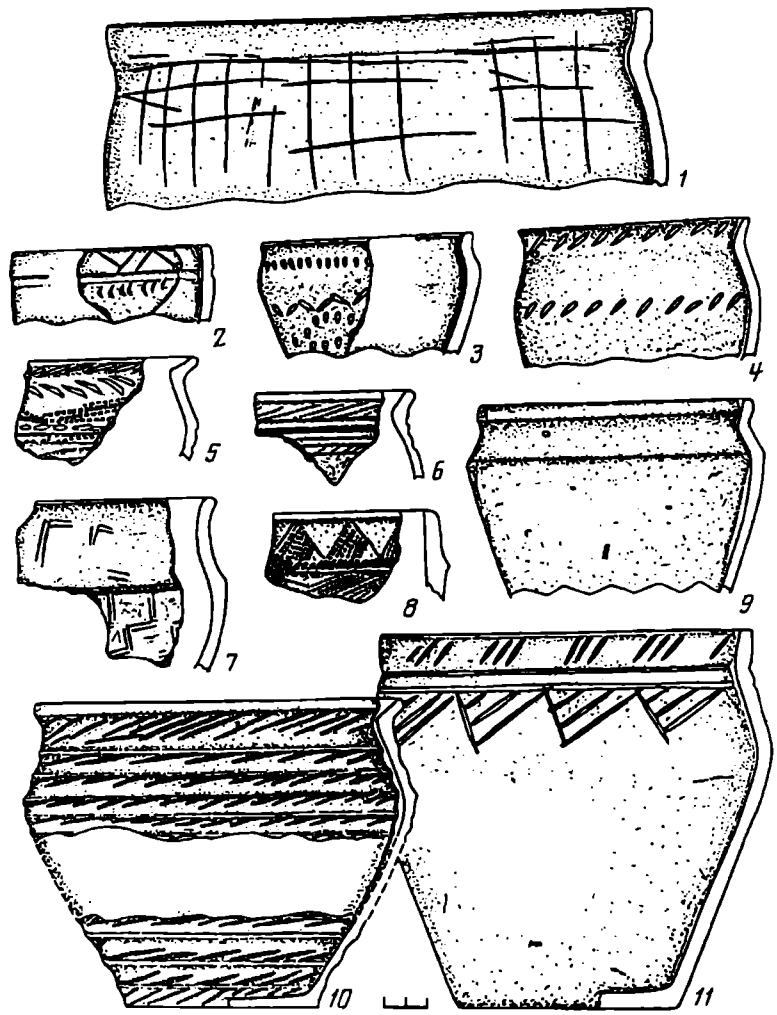


Рис. 5. Керамика. Жилища 1–6

Следующую группу характерных сосудов аркаимского комплекса (группа III) составляют горшки с высокими прямыми шейками и коротким плечом, переходящим в тулово через уступ (рис. 5, *7, 9, 11*; 6, *3*). Орнамент покрывает только шейку и верхнюю часть тулова. Он выполнен оттисками гребенчатого штампа или веревочки. Рисунок простой. Обычно это прямые горизонтальные линии, зигзаг, равнобедренные или прямоугольные "лежащие" треугольники, редко встречается ступенчатый меандр.

Значительное количество аркаимской поселенческой посуды составляют банки (группа IV). Их характеризуют закрытые горловины и крупные яйцевидные формы (рис. 7, *2–4*; 8, *1–4*). По орнаментации хорошо выделяется подгруппа банок с налепными валиками в верхней части тулова. Валиков чаще всего два, но встречается и по три, и по одному. Стенки сосудов у горловины имеют хорошо выраженные утолщения, ниже они становятся равномерно тонкими по всему объему тулова. Верхняя часть сосудов, примыкающая к венчику, и пространство между валиками заполнены рисунками из ромбов и поясками наклонных оттисков гребенчатого штампа. Почти вся поверхность тулова покрыта многорядовым зигзагом в виде "древа".

Особую подгруппу составляют банки с желобками, нанесенными по плечикам. Желобки широкие, в основном без каких-либо дополнительных орнаментальных элементов. При переходе от плеча сосуда к тулову иногда встречаются короткие насечки либо пояски наклонных оттисков гребенчатого штампа. Тулово в ряде случаев украшалось вертикальным зигзагом или волной. В эту же группу входят сосуды, тяготеющие к горшечно-баночным-типам. Они имеют короткую шейку с внутренним ребром и внешним уступом в верхней части плеча. Шейка обычно не ор-

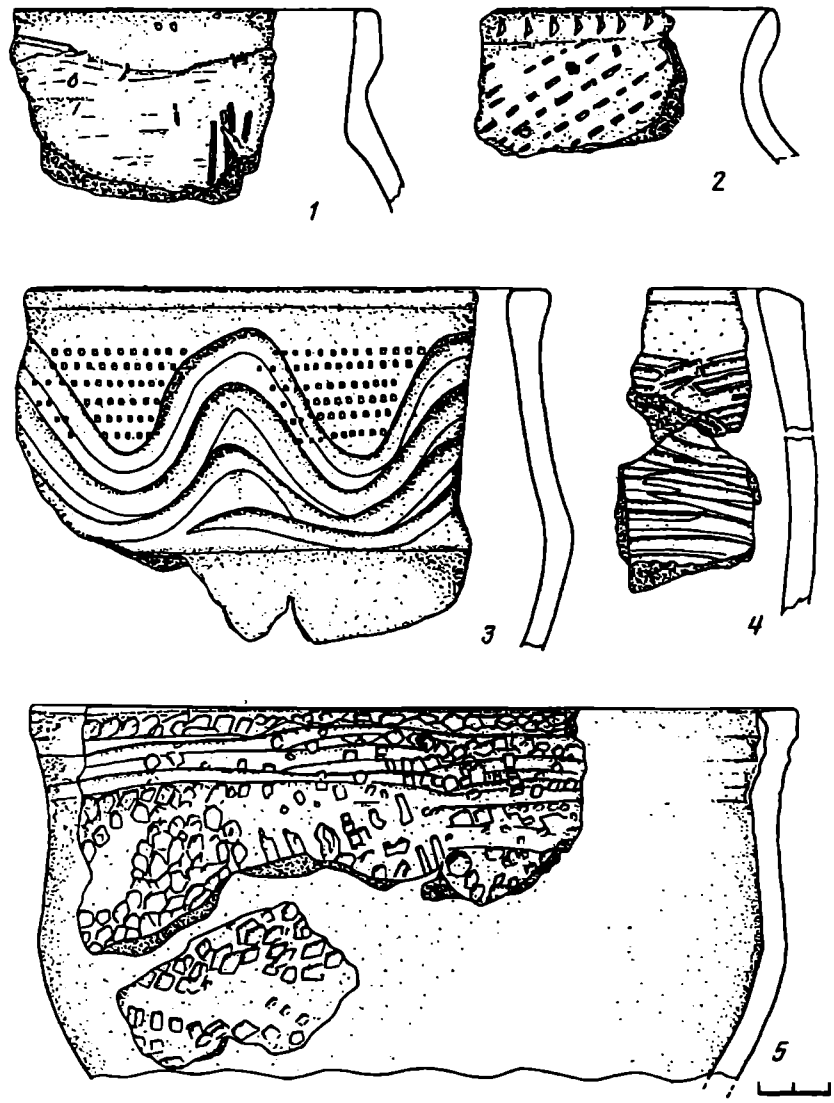


Рис. 6. Керамика. Жилища 1–2

наментирована, а тулово покрыто расчесами или украшено рисунком в виде волны.

Керамика поселения Аркаим, несмотря на все разнообразие форм и орнаментации, безусловно, представляет единый комплекс, имеющий свою узнаваемость, свою "знаковость". Однако если оказаться в плену традиционных поисков аналогий выделенным группам и типам, вплоть до отдельных сосудов, то окажется, что таких аналогий множество и они не сконцентрированы на одной территории, а охватывают значительные пространства степей и лесостепей Евразии (Гутков А.И., 1995). Наиболее близкие параллели всему аркаимскому комплексу дают поселенческие материалы баланбашской (абашевской) культуры Приуралья (Сальников К.В., 1954, с. 52–81; Пряхин А.Д., 1976, с. 88–115; Горбунов В.С., 1986, с. 22–35, табл. II–IV, VI, VIII). Отдельные типы аркаимской посуды находят аналогии в многоваликовой керамике Украины, в катакомбных и полтавкинских древностях, абашевских и раннесрубных материалах на всей территории распространения этих культур. К востоку от "Страны городов" аналогии ограничиваются петровскими и раннеалакульскими материалами.

На поселении Аркаим собрана небольшая, но достаточно представительная коллекция из металла: серпы-струги, ножи с перехватом, шилья, украшения (рис. 9), а также набор каменных и глиняных литейных форм, сопла, медные шлаки и кусочки руды. Первые анализы металлических изделий (серп, рыболовный крючок, бусина)

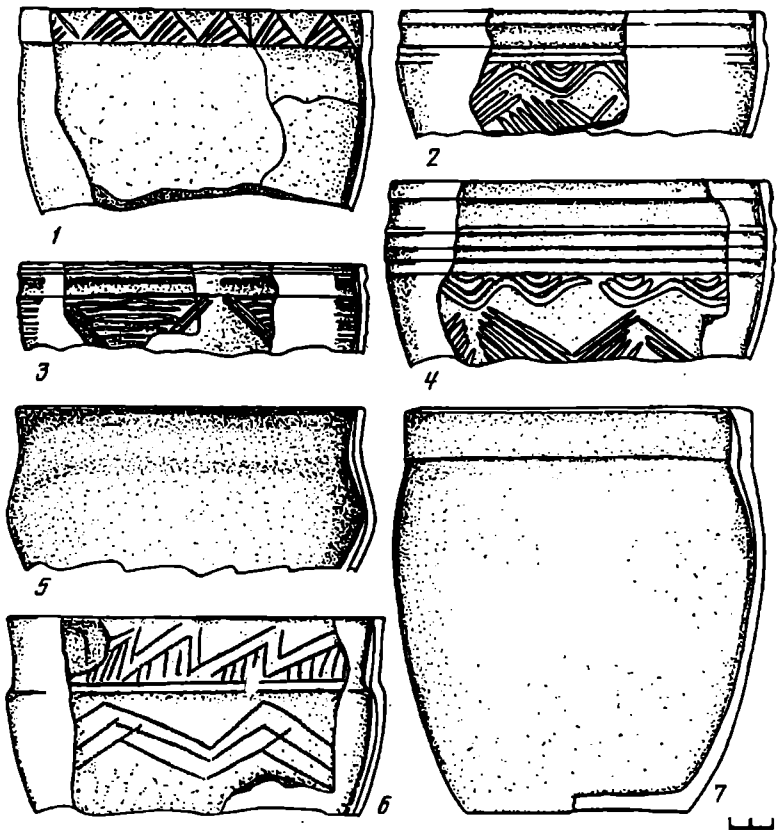


Рис. 7. Керамика. Жилища 1–6

были выполнены Е.В. Зайковой в Институте минералогии Уральского отделения РАН. Они показали, что изделия изготовлены из меди. Учитывая геохимическую информацию, полученную при исследовании металла поселения Синташта (Зайкова Е.В., 1995, с. 157), а также результаты обработки шлаков с памятников "Страны городов" (Григорьев С.А., 1995, с. 122–126), следует полагать, что основная масса металлических изделий поселения Аркаим выполнена из меди и мышьяковистой бронзы.

В культурном слое поселения обнаружено более 200 предметов из камня. Бóльшая часть из них имеет или четко выраженные функциональные признаки, или следы сработанности, позволяющие отнести изделия к какой-либо функциональной макрогруппе[9]. Подавляющее большинство орудий из камня относится к горнометаллургическим и металлообрабатывающим. В первую группу вошли клиновидные и мотыгообразные орудия, куваллы, песты, куранты, молоты, молотки для дробления руды и терочные плиты. По удельному весу они составляют $^1/_5$ часть коллекции. Для изготовления ударных орудий использованы твердые, устойчивые к расщеплению породы камня: габбро-диабаз, риолито-дацит, фтанит, реже базальт и кварцит. Литейные формы из камня единичны (3 экз.). Все они изготовлены из талькита. Наибольший интерес представляет форма для отливки двух плоских серпов-стругов.

Среди металлообрабатывающего инструмента – наковальни, гладилки-выпрямители, молотки для ковки и образивы. В коллекции 12 экз. наковален. Предпочтительным материалом для их изготовления являются силицит, базальт и риолито-дацит. Молотков для ковки в коллекции около полутора десятков. Они изготовлены из эпидозита, силицита, микродиорита, черного кремня и кварцита. Единственный тщательно обработанный молоток выполнен из нефрита.

---

[9] Функционально-типологическая характеристика каменных орудий выполнена С.Я. Зданович – ЧелГУ; петрофонд проанализирован В.В. Зайковым – Институт минералогии РАН.

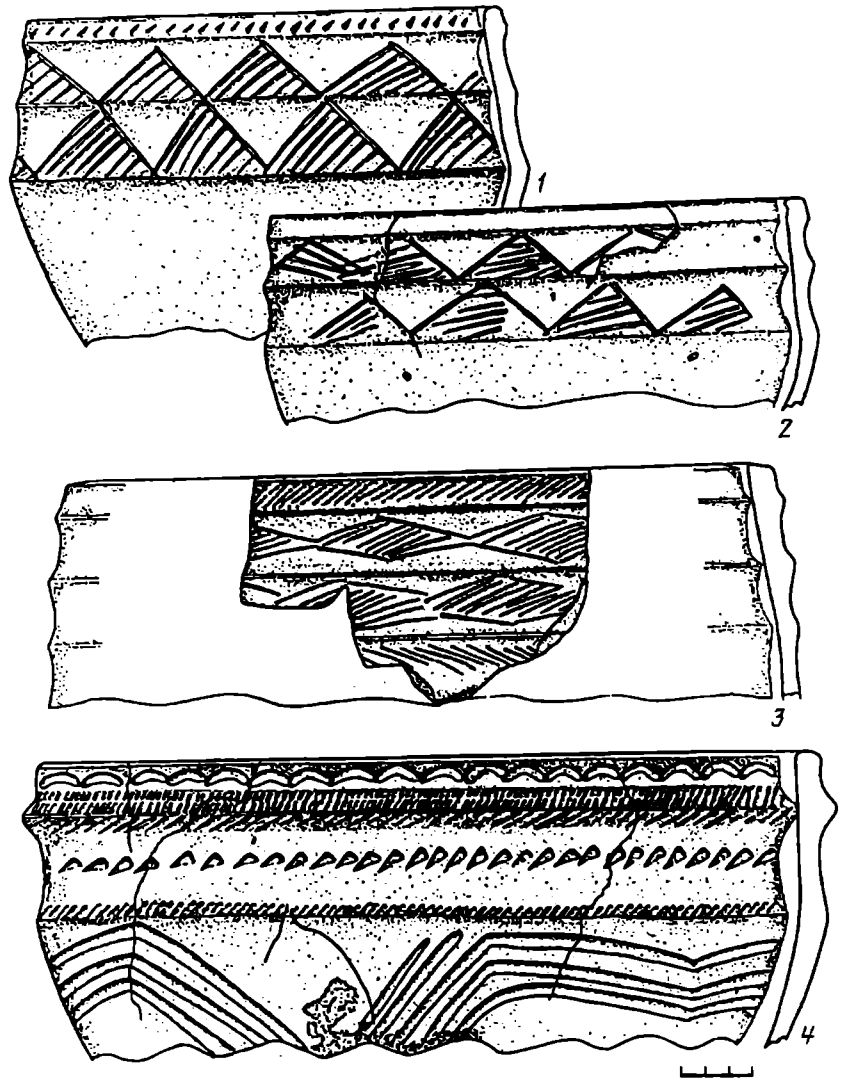


Рис. 8. Керамика. Жилища 1–4

Незначительное количество изделий связано с другими формами производственной деятельности, бытовой и социальной сферой. Среди них – скребки, лощила, обломки пряслиц, терочка-ступка, керны, обломки разверток. Социально значимые предметы представлены булавами и сверленым топором. Небольшая коллекция предметов вооружения содержит пращевые камни, наконечники стрел и дротиков. Для их изготовления использованы серпентенит, базальт, кварцито-песчаник, кварцит и яшма.

Коллекция костяных изделий с поселения Аркаим крайне малочисленна. Преобладают струги из челюстей домашних животных, есть наконечники стрел, проколки, диски с отверстиями. Среди отдельных находок – пластина с зубцами, обломки двух щитковых псалиев, изделие из рога лося – вероятно, составная часть орудия для прокладывания борозд.

Палеозоологические остатки представлены в основном костями домашних животных – 96% от общего количества находок[10]. Кости крупного рогатого скота составляют 60,4%, мелкого рогатого скота – 24,2, лошади – 15,4%. Единичные кости свиньи, возможно, кабана. В целом скотоводство имело мясо-молочное направление с некоторым преобладанием молочного. В коневодстве выделяются два четко выраженных

[10] Обработка палеозоологических материалов аркаимского культурного комплекса ведется П.А. Косинцевым – Институт экологии животных и растений УрО РАН, и Л.Л. Гайдученко – Кустанайский университет.

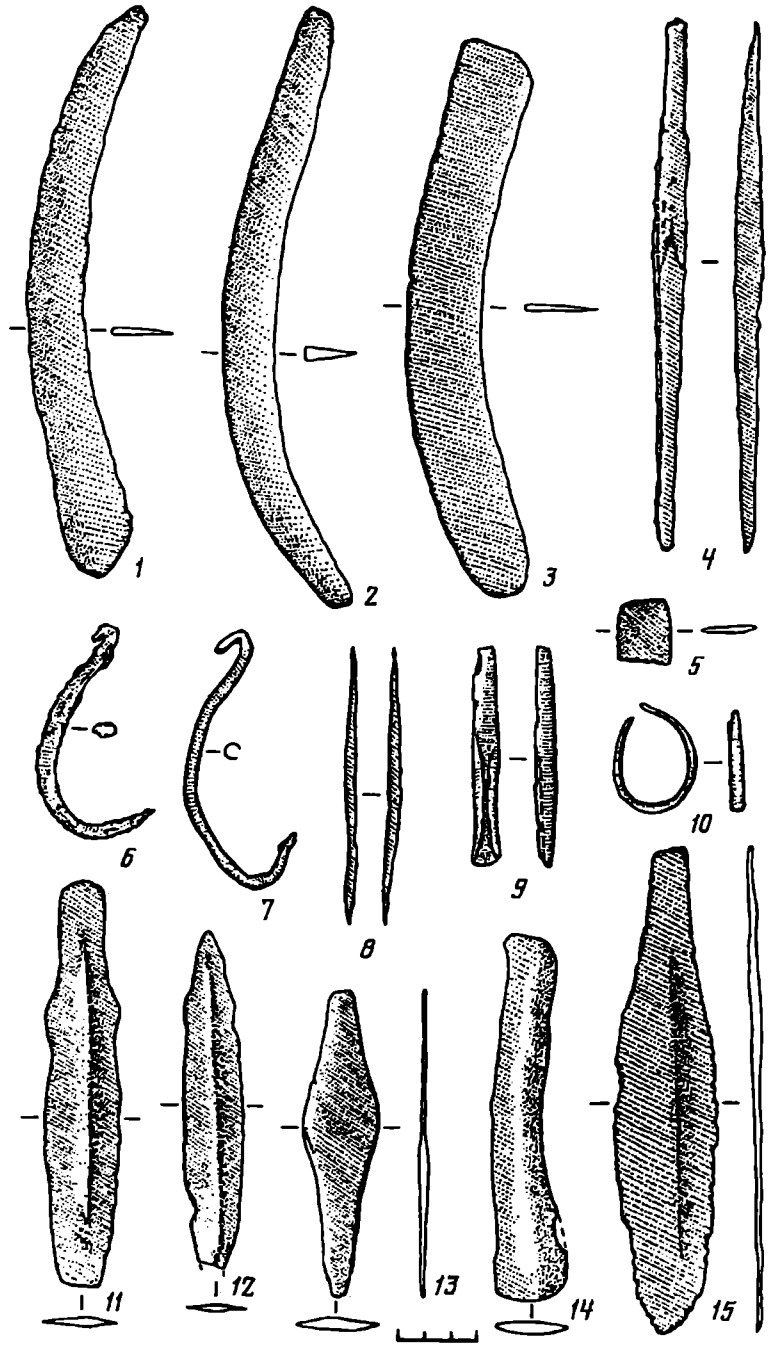


Рис. 9. Поселение Аркаим. Изделия из бронзы

направления: рабочее, в том числе, вероятно, военно-верховое, и мясное. Последнее занимало явно подчиненное положение. Материалы поселения Аркаим, соотнесенные с синташтинскими палеозоологическими коллекциями, свидетельствуют о том, что население целенаправленно разводило лошадей с высокими эксплуатационными качествами, пригодных к запряжке под верх и под вьюк. Свиноводство как отрасль хозяйства отсутствовало. Об этом свидетельствуют очень малая доля остатков свиньи, а также то обстоятельство, что к репродукционному возрасту могут быть отнесены только единичные особи.

Среди остатков диких животных кости бобра речного, сурка-байбака, волка, лисицы, бурого медведя, барсука, благородного оленя, кабана, лося, косули, сайги, тура. Такой видовой состав остатков дикой фауны позволяет сделать некоторые палео-

географические выводы. Находки на одном поселении следов лесного (медведь, лось, заяц-беляк) и степного (сайга, корсак) териокомплексов свидетельствуют о наличии в ближайшей к поселению округе и степных, и лесных ландшафтов.

Палеоклиматические наблюдения на материалах поселения Аркаим и других памятников Аркаимской долины для отрезка времени среднего и позднего суббореала охарактеризованы палеогеографическими[11] и палеопочвенными[12] данными. Однако их результаты не всегда согласуются между собой. По данным споро-пыльцевых анализов, начало хроноинтервала 4,3–3,5 тыс. л.н. характеризуется резкой аридизацией. На месте современных настоящих степей существовали сухие степи и полупустыни с преобладанием полыней и маревых. По палеогеографическому варианту, Аркаим возник в кризисной экологической ситуации и существовал в дальнейшем в более благоприятных условиях. В районе Аркаима для интервала времени 3800–3400 л.н. отмечается возросшая гумидность климата; появились островные леса (сосна, лиственница, ель, береза). В степных сообществах доминируют разнотравие, злаки. По палеопочвенному варианту Аркаим был создан в условиях, близких к современным, и прекратил свое существование в условиях, несколько более аридных и континентальных.

Расхождения в результатах палеогеографических и палеопочвенных исследований, вероятно, связаны с отсутствием корректировки данных, полученных различными методами и для узких хроносрезов. Ситуация осложнена тем, что для позднего этапа суббореала в целом характерно непостоянство природной обстановки.

Археологические и палеозоологические свидетельства позволяют судить о климате аркаимского времени как о достаточно влажном, с относительно теплыми зимами. Косвенным указанием на существование богатых лесных масссивов является широкое использование древесины при строительстве жилищ и в металлургическом производстве.

Палеоантропологические наблюдения говорят о стабильном питании аркаимского человека и в целом о хорошем состоянии здоровья населения эпохи средней бронзы[13].

С укрепленным поселением, как уже отмечалось, связано могильное поле, расположенное от него к северо-востоку на расстоянии немногим более 1 км. Могильник в значительной степени разрушен карьером, из которого брали песок для строительства плотины. Нам удалось обнаружить и исследовать только пять погребальных сооружений ("курганы" 11, 20, 22, 24, 25)[14]. Несмотря на признаки ограбления, они дали достаточно богатый материал (Зданович Д.Г., 1995, с. 43–53). Не исключено, что с помощью геофизических методов будут найдены и другие могильные сооружения. Кроме перечисленных погребальных объектов, принадлежащих укрепленному поселению, на территории Аркаимской долины (площадь около 40 км^2), обнаружено пять местонахождений керамики аркаимского типа. Одно из них связано с однослойным кратковременным поселком, состоящим, вероятно, из двух-трех небольших построек. Четыре пункта находок оказались на территории крупных многослойных поселений поздней и финальной бронзы. Мощность культурных слоев среднего бронзового века на этих объектах пока не установлена. Однако с определенной долей уверенности можно говорить, что они не имели каких-либо серьезных оборонительных укреплений.

Углубленные разведочные работы дали возможность рассматривать аркаимский культурный комплекс в системе других древностей Южного Зауралья первой половины II тыс. до н.э. В конце 1980-х – начале 1990-х годов ЧелГУ провел большой объем исследований, связанных с аэрокосмоархеологией[15]. Оригинальная методика обработки аэрофотоснимков, интенсивные воздушные разведки на вертолетах и двухместных мотодельтапланах позволили очертить район распространения укрепленных поселений

---

[11] Ю.А. Лаврушин – Геологический институт РАН, Е.А. Спиридонова – Институт археологии РАН.

[12] И.В. Иванов, В.А. Демкин – Институт почвоведения и фотосинтеза РАН.

[13] Антропологические исследования проведены Ричардом У. Линдстромом – Чикагский университет.

[14] Авторы раскопок С.Г. Боталов, С.А. Григорьев, Д.Г. Зданович.

[15] И.М. Батанина, Н.В. Левит – ЧелГУ, Центр "Аркаим".

средней бронзы. Район этот получил условное название "Страна городов". Он протянулся вдоль восточных склонов горного хребта к югу от р. Уй на расстояние около 400 км при глубине (по линии запад–восток) 120–150 км.

К осени 1995 г. в пределах "Страны" известны 17 пунктов с 21 укрепленным поселением. Наравне с укрепленными поселками протогородского типа широко распространены небольшие неукрепленные селища и сезонные стоянки. Взаиморасположение культурных комплексов позволяет определить радиус освоенной территории, связанной с протогородским центром. По материалам южной, наиболее хорошо обследованной части "Страны городов" он составляет 20–30 км. Таким образом, площадь "территориального округа" с размещенными на ней иерархизированными неукрепленными поселениями (вторичного или третичного порядка) равна 1,5–2 тыс. км^2.

"Страна городов" характеризуется ярко выраженным единством стиля культуры (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995, с. 48–62). Организующим началом этого стиля является появление крупных поселенческих центров с хорошо продуманной планировкой, системами коммуникаций, замкнутой системой монументальных оборонительных сооружений. Такие поселения можно определять как поселения протогородского типа.

Наиболее ранними, по современным представлениям, являются поселения овальной формы, затем появляются фортификационные сооружения округлых и прямоугольных форм[16]. Какое-то время они сосуществуют (на "классическом" синташтинском этапе и части позднего этапа), но завершают развитие военного зодчества бронзового века прямоугольные в плане крепостные сооружения.

Овальных поселений на территории "Страны городов" известно пять-шесть. Наиболее яркие памятники Берсуат (рис. 10), Аландское, Исиней I, Кизильское. Примерно столько же круглых поселений. В качестве эталонных памятников здесь можно назвать поселения Синташта, Аркаим, Сарым-Сакла (Зингейка), Исиней II. Поселений, близких по форме прямоугольнику, насчитывается около десятка. Среди наиболее выразительных Степное, Андреевское, Устье, Родники. Почти все прямоугольные поселки имеют сильно скошенные углы, что роднит их с овалами, однако ранние поселения имеют четко выраженную круговую внутреннюю планировку, а поздние – линейную. Отдельные укрепления фиксируются на современной поверхности как ромбы или многоугольники.

Аэрофотоснимки дают сведения о наложении фортификационных сооружений различных типов друг на друга: круг наложен на овал (Исиней I – Исиней II, возможно, Родники и Устье); прямоугольник наложен на овал (Степное I – Степное II, возможно, Родники). В ряде случаев фиксируется наложение трех конструкций друг на друга (Степное, Куйсак, Устье (?)), при этом наиболее поздним сооружением всегда является прямоугольник.

Многослойность памятников подтверждена археологическими данными и материалами дешифровки аэрофотоснимков. Имеются случаи, когда одно поселение протогородского типа частично перекрывает другое, при этом руины более раннего поселения, их конфигурация не учитываются поздними строителями (Исиней I – Исиней II, Степное I – Степное II и др.). Эти факты, а также полевые наблюдения за историей создания строительных комплексов, характером их разрушения и трансформацией в культурные слои позволяют предположить, что традиции протогородской архитектуры имеют достаточно длительную историю в Южном Зауралье. Возможно, "Страна городов" существовала 150–250 лет.

Достаточно длительный срок существования памятников протогородской культуры подтверждается данными полеопочвоведения и палеоботаники, вариабельностью развития керамических комплексов и разбросом радиоуглеродных датировок. В настоящее время имеется 10 радиоуглеродных дат, выполненных на материалах поселе-

---

[16] Материалом для создания предварительной шкалы относительной хронологии служат стационарные раскопки (поселения Синташта, Аркаим, Куйсак), данные разведок (на поселениях Берсуат, Исиней, Аландское, Степное произведены шурфовки культурных слоев) и данные дешифрирования аэрофотоснимков, соотнесенные с результатами стационарных раскопок.

Рис. 10. Поселение Берсуат. Аэрофотоснимок

ния Аркаим: 8 из них получено в лаборатории Л.Д. Сулержицкого, ГИН РАН, и 2 – в лаборатории Аризонского университета, США. Кроме этого, в лабораториях России и США получено еще 9 дат для памятников "Страны городов" – могильнику "Кривое Озеро" (раскопки Н.Б. Виноградова) и поселению Куйсак (раскопки Т.С. Малютиной)[17].

Основная зона совпадения доверительных интервалов соответствует XVIII–XVI вв. до н.э. Однако имеется еще одна группа дат, лежащая в пределах XXI–XX вв. до н.э. Не останавливаясь подробно на причинах столь выраженных расхождений, отметим, что имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные даты не могут быть приняты однозначно и нуждаются в серьезном критическом анализе.

В поисках ранних истоков аркаимских керамических традиций правомерно указать на культуры энеолита – ранней бронзы Прикаспия и Волго-Уралья, в частности – на ивановские и токские комплексы позднего этапа самарской культуры (Моргунова Н.Л., 1995, с. 63–65). Из коллекции поселения Аркаим хорошо выделяется посуда,

[17] Благодарю A.G.T. Jube, который любезно проанализировал образцы пос. Куйсак при выполнении гранта: US NSF EAR 92-03883, а также профессора Ю.А. Лаврушина за содействие в этой работе.

близкая турганикской керамике Поволжья и Приуралья (Моргунова Н.Л., 1984; Васильев И.Б., 1981, с. 119, табл. 34).

Отмечая самобытность Приуральских и Зауральских энеолитических культур, исследователи неоднократно указывали на общие черты позднего этапа самарской культуры и ее восточных соседей. Ряд аналогий керамика ивановского и токского типов находит в материалах суртандинской (Матюшин Г.Н., 1982, с. 264–270), терсекской (Логвин В.Н., Калиева С.С., 1986, с. 57–80, рис. 7, 8), ботайской культур (Зайберт В.Ф., 1993; Мартынюк О.И., 1985, с. 59–72). Это еще раз подчеркивает участие местного (восточного) субстрата в формировании культуры "Страны городов". Не вызывает сомнения, что в ее сложении определенную роль сыграло население вишневской (кротовской) группы памятников Приишимья (Татаринцева Н.С., 1984; Стефанова Н.К., 1988) и ташковской культуры Нижнего Притоболья (Ковалева В.Т., 1988).

В заключение необходимо отметить, что процесс формирования "Страны городов" шел на определяющем, глубоком фоне древнеямных традиций.

Феномен аркаимского поселенческого слоя, который содержит керамику с разнокультурными и с археологической точки зрения разновременными характеристиками, вероятно, следует рассматривать через призму реальных исторических процессов, происходивших в эпоху позднего энеолита – ранней бронзы. Сложность в освоении металлургии меди и поиски наиболее рациональных вариантов хозяйства производящего типа в тех или иных конкретных экологических и культурных нишах приводили к неравномерности историко-культурного развития отдельных человеческих коллективов. При наличии генеральной линии этно-культурные процессы протекали, вероятно, противоречиво и носили многоуровневый характер. Параллельно с коллективами, пережившими новации, существовали многочисленные и достаточно замкнутые локальные группы населения, которые в течение длительного времени сохраняли традиционные наборы социальных норм и технологических приемов. Различные соотношения традиционного и нового создавали крайне пеструю картину жизни, которая, безусловно, находила отражение в материальной культуре.

При подобном течении исторического процесса одинаковых наборов керамической посуды даже на близко расположенных и однокультурных объектах, вероятно, не существовало. Археологические свидетельства с того или иного памятника фиксируют этап развития отдельного коллектива, который не обязательно отражает современный ему уровень эпохальных достижений. Во всяком случае керамический комплекс "эпохи перемен" без стратиграфических наблюдений не может быть использован для создания периодизации, ориентированной на шкалу абсолютного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Степь, лесостепь. Куйбышев.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск.

Горбунов В.С., 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.

Григорьев С.А., 1995. Металлургическое производство эпохи бронзы Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Матер. 3-й междунар. науч. конф. Ч. V. Кн. 2. Челябинск.

Гутков А.И., 1995. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск.

Зайберт В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск.

Зайкова Е.В., 1995. Состав металлических изделий поселения Синташта // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Матер. 3-й междунар. науч. конф. Ч. V. Кн. 2. Челябинск.

Зданович Г.Б., 1989. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Зданович Г.Б., 1992. Архитектура поселения Аркаим // Маргулановские чтения. 1990. Сб. матер. конф. Ч. 1. Алма-Ата.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. Протогородская цивилизация. "Страна городов" Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Матер. 3-й междунар. науч. конф. Ч. V. Кн. 1. Челябинск.

Зданович Д.Г., 1995. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоиранцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск.

Ковалева В.Т., 1988. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. № 19. Свердловск.

Логвин В.Н., Калиева С.С., 1986. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Мартынюк О.И., 1985. Керамика поселения Ботай // Энеолит и брозовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.

Моргунова Н.Л., 1984. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.

Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.

Потемкина Т.М., 1995. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Матер. 3-й междунар. науч. конф. Ч. V. Кн. 1. Челябинск.

Пряхин А.Д., 1976. Поселение абашевской общности. Воронеж.

Сальников К.В., 1954. Абашевская культура на Южном Урале // СА. № XXI.

Стефанова Н.К., 1988. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. № 19. Свердловск.

Татаринцева Н.С., 1984. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Тибелиус В.Я., 1995. Результаты геофизических исследований на Аркауме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Матер. 3-й междунар. науч. конф. Ч. V. Кн. 2. Челябинск.

Челябинский государственный университет,
Природно-ландшафтный историко-археологический
центр Аркаим

G.B. ZDANOVICH

ARCHAIM AS A MIDDLE BRONZE AGE CULTURAL COMPLEX OF THE SOUTHERN TRANS-URALS AREA

S u m m a r y

In 1987 in the south of the Chelyabinsk area a research of a cultural Bronze Age complex "Archaim" began. It consisted of a fortified settlement, a burial ground, ancient agriculture fields as well as of a number of non-fortified villages located within a small piedmont valley. The planning of the fortified settlement has been restored with the help of archaeological and geophysical methods, foundations of the towers located before the entrance, entrances-labyrinths, a round street with a system of storm sewage, two rings of housing dwellings have been identified. A ceramics complex of Archaim has traits of the Eneolithic cultures, the Early and the Middle Bronze Age cultures that occupied regions to the west of the Ural ridge. A local population of the Trans-Urals region and that of Western Siberia played a significant part in the development of the Archaim (Sintashta) type monuments. At the moment there are 10 radiocarbon dates. The main zone of confidence intervals coincidence corresponds to the eighteenth-the sixteenth centuries BC. But there is another group of dates that is within the twentieth-the nineteenth centuries BC. The cultural complex Archaim is an integral part of the early pre-state formations (chiefdoms) that developed in the south of the Trans-Urals region and got a conventional name "The Country of Cities".

Н.П. МАТВЕЕВА

О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В результате многолетних исследований памятников саргатской культуры, занимающих лесостепную зону Западной Сибири, мы получили представление о довольно высоком уровне социально-политического развития и материальных достижений населения раннего железного века, близкого в целом в этом отношении к лесостепным скифам и сарматам.

Устойчивое тысячелетнее развитие саргатской культуры, видимо, было обусловлено комплексным многоотраслевым хозяйством при ведущей роли скотоводства, легко приспосабливаемом к изменяющимся природным условиям, высокими ресурсными возможностями и демографической емкостью лесостепи, а также функционированием сложно структурированного общества, контролировавшего внутреннее равновесие и взаимодействие с другими общностями.

Археологические открытия последнего десятилетия показывают экономическое и политическое господство носителей саргатской культуры в лесостепи Западной Сибири от Урала до Оби, от границ тайги до степей Алтая и Казахстана. В настоящее время выявлены сеть городищ, локализующихся по границам саргатской территории, видимо, форпостов на оборонительных рубежах (Корякова Л.Н., 1988, с. 23; Хабдулина М.К., 1993, с. 112; Матвеева Н.П., 1993а, с. 112), а также значительное число памятников, превышающих количество открытых объектов для других археологических культур. Разнообразны типы поселений – сезонные с легкими постройками, кратковременные стоянки без жилищ, оседлые с большими усадьбами и распланированные обширные, долговременно существовавшие (не менее чем несколько веков) центры межплеменной торговли (Матвеева Н.П., 1993б) и управления (?).

Изучение погребального обряда и его социальный анализ указывают на явную имущественную дифференциацию в среде саргатцев вплоть до выделения знати, вождей, "царей" с одной стороны, и бедняков, зависимых лиц – с другой. Дифференциация общества проявляется особенно наглядно в строительстве больших дерево-земляных усыпальниц с обширными камерами и богатой утварью, включавшей драгоценные и редкие вещи, предметы импорта (Матвеева Н.П., 1989; 1993б).

Несмотря на ограбление подавляющего большинства курганов, у нас есть основания считать, что серебряные или золотые украшения, драгоценные или поделочные камни, стеклянные бусы, дорогие ткани, привозные браслеты, перстни, поясные и косметические наборы, зеркала, металлическая посуда были обычной утварью. Они зафиксированы не менее чем в каждом шестом погребении, что указывает на значительное накопление материальных ценностей саргатцами.

Что же обеспечивало столь высокое благосостояние саргатского населения и постоянный приток предметов роскоши? Надо полагать, военные походы, сбор дани и доходы с международной караванной торговли, в которой они участвовали.

Доказательство существованию военно-демократических порядков, постоянных военных дружин и народного ополчения в случае необходимости, военной подготовки всего населения можно усмотреть в погребальном обряде саргатцев, где каждый мужчина выступает как воин, треть женщин захоронена с оружием, боевые наконечники стрел имеются в погребениях детей. Примером некрополя военной дружины

© Н.П. Матвеева, 1997 г.

является Абатский 1, где отсутствовали детские могилы, не только в мужских, но и во всех женских погребениях было найдено оружие (Матвеева Н.П., 1993в), боевые наконечники стрел имеются и в погребениях детей.

Доказательства эксплуатации иноэтнического населения не так явны. Например, так называемая "саргатская вуаль" в археологических культурах сопредельных территорий (Корякова Л.Н., 1991а, с. 4), отражающая, по нашему мнению, процесс аккультурации соседних этнокультурных общностей. Особенно она заметна на всем протяжении развития в южнотаежном Тоболо-Ишимье кашинской культуры (Викторова В.Д., Кернер В.Ф., 1987, с. 133), а также на среднем и заключительном этапах гороховской (Матвеева Н.П., 1991, с. 161; Корякова Л.Н., 1991б, с. 26). Кроме того, саргатцы эксплуатировали иткульский очаг цветной металлургии горно-лесного Урала и пытались проникнуть, видимо, в этих же целях на Алтай (Иванов Г.Е., 1991, с. 119).

Уникальный случай неравноправных этнических контактов мы усматриваем в Абатском 3 могильнике. Здесь обнаружено необычное с точки зрения планиграфии размещение коллективных погребений кашинской культуры за пределами насыпи саргатского кургана, относящееся ко времени функционирования могильника. Захоронение иноплеменников в одном некрополе с саргатцами может объясняться их статусом зависимых лиц – домашних рабов или пленников (Матвеева Н.П., 1990, с. 188).

Продвижение саргатской культуры на север, в зону южной тайги, фиксируется до широты Тобольска, но заселение этой территории на было сплошным. Господство на ней было закреплено строительством или завоеванием ряда форпостов, таких, как Ст. Погост, а также функционированием поселений с разноэтничным населением, давших при раскопках смешанный саргатско-кашинский, саргатско-богочановский или саргатско-кулайский материал (Могильников В.А., 1986, с. 28; Могильников В.А. и др., 1991, с. 217). Эти поселения могли играть роль торговых факторий.

Локализация городищ по периферии саргатского ареала, что уже ранее отмечалось Л.Н. Коряковой (1991б, с. 38) и что особенно хорошо видно на Исети (северо-западный рубеж), Среднем Тоболе (западный), Омском Прииртышье (северо-восточный), Петропавловском Приишимье (южный рубеж), указывает на стремление не только закрепить за собой племенные территории, но и сделать их базой для завоевания прилегающих земель. Последнее подтверждается тем, что в пределах вышеназванных границ памятники саргатской культуры многочисленны и разновременны, что свидетельствует о многовековом проживании ее населения, а за пределами, особенно в Зауралье, Башкирии, единичны, причем позднего времени: на Алтае, в Казахстане они относятся к периоду ее наивысшего подъема в последней трети I тыс. до н.э. Свидетельством далеких военных походов, на наш взгляд, является трофей, найденный в Южном Зауралье, – серебряный сосуд с хорезмийской тамгой (Сальников К.В., 1952).

Военизированный характер жизни саргатских племен виден в сравнении с мирным бытом большереченцев, их восточных соседей, Земледельцы и скотоводы Приобья не имели городищ, у них нет богатых воинских погребений, невелико количество оружия в могилах и на поселениях в целом (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 82). То же можно отметить и для носителей кашинской культуры, северных соседей саргатцев.

Говорить именно о торговле на дальние расстояния, а не о межплеменном обмене в раннем железном веке в Западной Сибири нам позволяет ряд данных.

1. Постоянный приток предметов импорта на территорию саргатской культуры, о чем свидетельствует массовый характер их находок на памятниках. Предметы импорта найдены в могильниках и поселениях всех хронологических групп, но число их увеличивается в первые века нашей эры. Причем если в памятниках V–III вв. до н.э. преобладают оружие савромато-сарматских форм, бусы и курильницы, то позднее ассортимент привозных предметов расширяется. Это украшения (браслеты, перстни, пряжки, подвески), туалетные принадлежности (зеркала, палочки для сурьмления глаз), металлическая посуда и гончарная; ткани (например, парча, полотно, расшитое

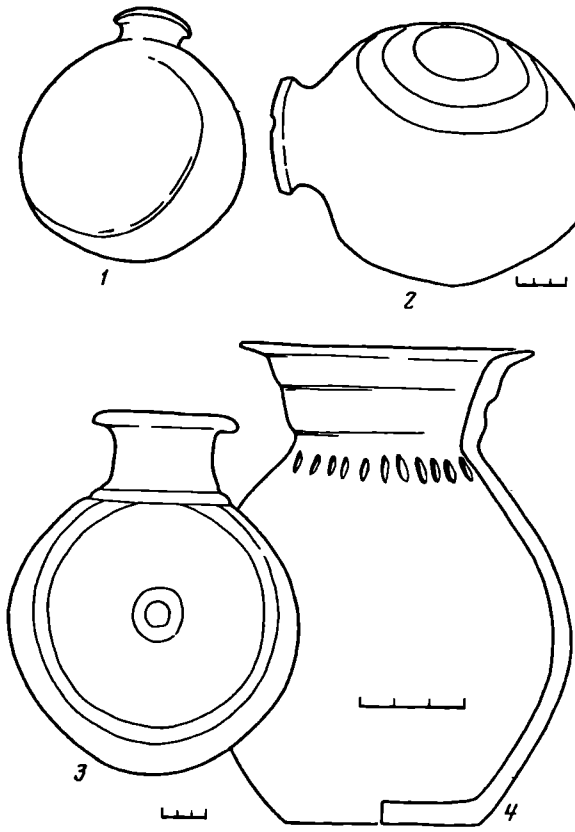


Рис. 1. Привозная керамика из могильников саргатской культуры. *1* – Сидоровка (по В.И. Матюшенко и И.В. Спириной); *2* – Савиновский; *3* – Абатский 1; *4* – Тютринский

золотым и серебряным шитьем и бляшками), принадлежности конской упряжи, курительные трубки и пр.

2. Находки костей верблюдов на Узловском поселении III–I вв. до н.э. и городищах Рафайловском, Ак-Тау V–III вв. до н.э. (Матвеева Н.П., 1987, с. 51; Смирнов Н.Г., 1975, с. 38; Корякова Л.Н., Сергеев А.С., 1989, с. 171). Пока они обнаружены лишь на 14% изученных объектов Тоболо-Ишимья. Этот факт не позволяет считать разведение верблюдов отраслью скотоводства у саргатцев. А обнаружение в одном раскопе Рафайловского городища останков сразу восьми особей, видимо, не что иное, как результат выбраковки животных из каравана. Такое предположение согласуется и с большим количеством импортных предметов на этом памятнике.

3. Находки гончарной посуды не редкое явление при раскопках саргатских памятников. Известны разнообразные, преимущественно тарные, сосуды из могильников: фляга с одним плоским боком, красноглиняная с терракотовым ангобом из Савиновского могильника (рис. 1, *2*), полушарной формы фляга с узким горлом из Абатского 1 могильника (рис. 1, *3*), вьючная фляга-мустахара с тамгой из Сидоровки (рис. 1, *1*), сосуды с городищ Богдановo, Вознесенского, Чуланкуля (Могильников В.А., 1992, с. 302), из могильников Богдановo 1, Исаковка. Черепки от крупных тарных сосудов, видимо, хумов: стенки, горловины, куски плоских днищ, ручки – найдены на Рафайловском городище в довольно большом количестве (19 экз.), а также на поселении В. Ингальский борок 1 (рис. 2, *4*, *6*). Довольно часто встречаются на памятниках пряслица, выточенные из стенок таких сосудов. Яркого красного цвета, из плотного звонкого черепка они, должно быть, были более красивы и прочны, чем из лепной местной посуды кострового обжига. По тем же причинам, видимо, из стенок кружальных сосудов вытачивали сурьматаши и подвески (рис. 2, *2*, *3*, *5*). В целом из 35

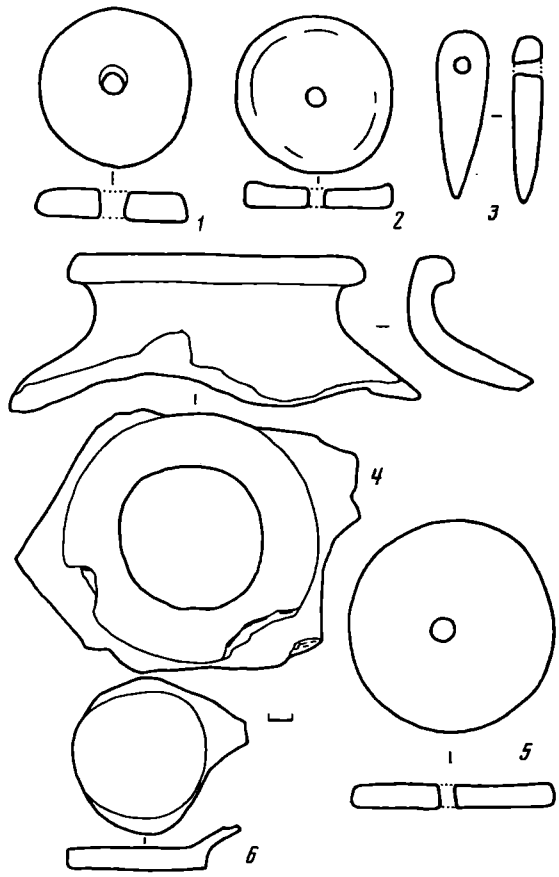


Рис. 2. Бой гончарных сосудов и изделия из него с памятников саргатской культуры. *1, 3* – Тютринский могильник, *2, 4–6* – Рафайловское городище

изучавшихся раскопками памятников Притоболья кружальная керамика или изделия из нее найдены на 6, т.е. на около 15% объектов.

Следует заметить, что образцы этих привозных сосудов осматривались ведущими специалистами по археологии раннего железного века Средней Азии и признаны происходящими не из Хорезма, Бактрии, Ферганы, Кангюя, а относящимися к неизвестным центрам Южного Казахстана или Синьцзяна (Могильников В.А., 1992, с. 310), возможно, Чача[1].

Кроме того, в саргатских комплексах встречены сосуды хотя и ручной лепки, но явно чуждых форм и технологических приемов исполнения. Например, плоскодонный сероглиняный кувшин с ангобом из Тютринского могильника (рис. 1, *4*), имеющий сходство с приуральской и северокавказской сарматской керамикой, кувшины со сливом плоскодонные и с ручкой, с примесью органики в тесте, из Абатского 3 могильника (Матвеева Н.П., 1994), сходные по форме с сакскими.

4. Образцовые комбинации бус. Н.П. Довгалюк при изучении сарматских бус установлено, что значительная их часть, найденная в одном погребении, а еще чаще в могильнике, сходны по химическому составу и происходят из одной мастерской (Довгалюк Н.П., 1993, с. 54). Следовательно, они собирались в наборы изготовителями и в короткий срок поступали в таком виде к покупателям.

Исходные территории для торговли саргатских племен могут быть с известной долей условности определены по следующим критериям: аналогиям импортным изделиям; спектральному анализу металлла; химическому анализу стеклянных бус; тра-

[1] Благодарю за консультации Е.А. Антонову, Н.Г. Горбунову, Н.И. Колякова, А.А. Литвинского, А.В. Седова.

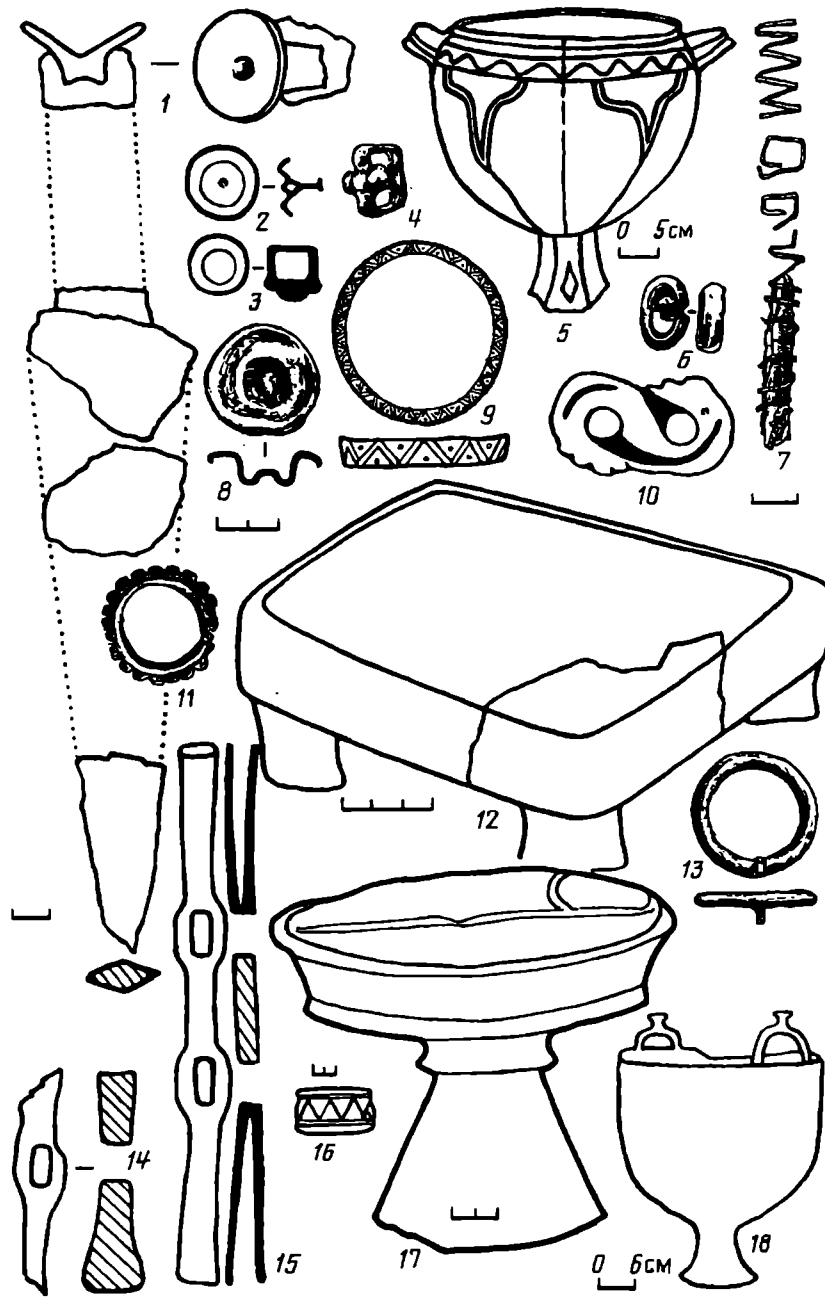


Рис. 3. Импортные оружие, предметы конской упряжи и предметы культа саргатской культуры. *1* – железный кинжал с бронзовым навершием; *2–4*, *6* – украшения узды, бронза; *5*, *18* – котлы, бронза; *7* – оплетка рукояти нагайки (?), серебро; *8* – фалар, серебро; *9* – блюдо, глина; *10*, *11*, *13* – пряжки, бронза; *12* – алтарик, камень; *14*, *15* – псалии, железо; *16*, *17* – курильницы, глина. *1–3*, *7*, *10*, *14*, *14*, *17* – Тютринский могильник; *4*, *6*, *11*, *13* – Абатский 1 могильник; *5*, *9* – Савиновский могильник; *8* – Абатский 3 могильник; *12* – Рафайловское городище; *16* – Красногорский борок; *18* – Красногорский 1 могильник

диционным маршрутам кочевания на прилегающих к саргатским землям; ведущим направлениям культурных связей, проявившимся в погребальном обряде и материальной культуре.

Так как племена саргатской культуры имели собственное железоделательное производство и металлообработку (Зиняков Н.М., 1991), несмотря на заимствование ими ряда форм оружия ближнего боя, изготовление его будем считать местным. Что касается оружия и орудий из бронзы (кельты, наконечники стрел), то данные о местном бронзолитейном производстве, с одной стороны, и состав металла – с другой, указывают на уральское происхождение сырья и большей части изделий. Импортными

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39

товарами, привезенными издалека, являются преимущественно ювелирные изделия, бижутерия, урашения костюма и упряжи, предметы туалета, культа (рис. 3–5).

Поскольку работа по анализу круга аналогий этим вещам проделана автором в специальных публикациях (Матвеева Н.П., 1993б; 1994), то приведем здесь общие результаты в виде таблицы.

Как видно даже из такого беглого обзора, в списке импортных вещей, перечисленных по типам (о количестве судить невозможно из-за значительного ограбления могил), преобладают изделия, широко распространенные в среде сарматов и кочевников Средней Азии. Причем доля вещей с приуральскими аналогиями невелика: это курильницы, "молоточки", ряд предметов поясной гарнитуры и конской упряжи (около 15% импорта).

Значительно больше предметов, имеющих аналогии в Фергане, Семиречье, междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, Бактрии. Это бусы и подвески из полудрагоценных камней, восточного и индийского стекла, раковин каури, латунные перстни и браслеты, ювелирные изделия с привесками в виде листочков, виноградной грозди, декоративные бляшки, сурматаши, фигурные пряжки, что составляет не менее 25% от общего числа привозных изделий. Среди прииртышских находок к их числу относятся высокохудожественные ювелирные изделия, такие, как серебряные фалары с грифонами, пряжка с противостоящими хищниками, золотая накладка с лежащим кошачьим хищником, поясные прямоугольные пластины с изображением борьбы дракона с тиграми, украшенные вставками из рубина, бирюзы и яшмы, парные ажурные пряжки, а также серебряная чаша с надписью, железная курительная трубка с серебряным чубуком и другие предметы роскоши из Сидоровки (Матющенко В.И., 1989, с. 55–58). Имеются в импорте и казахстанские вещи, характерные для культур саков и усуней: жертвенники на ножках, блюда, заколки для волос, пуговицы с инкрустацией.

Немалая доля приходится на импорты хуннского круга (около 25%). Это преимущественно предметы воинского снаряжения: оружие, детали упряжи, котлы (как престижный предмет быта военачальников), ложечковидные застежки, ряд пряжек от поясных наборов – относящихся к рубежу – первым векам нашей эры. В богатых погребениях Прииртышья найдены нефритовые скобы для крепления мечей к портупее (Матющенко В.И., 1989, с. 57). Поскольку у восточных соседей саргатцев – большереченцев – и юго-восточных – племен Северного Казахстана,.– контакты с Южной Сибирью, Тувой и Забайкальем не прослеживаются, то следует связывать появление вещей хуннского круга с завоеваниями хуннов в Средней Азии. Символы их самобытной культуры быстро стали престижными и включились в сферу торгового обращения. Но, видимо, не путем специального производства в местных мастерских, а через трофеи, подарки, обмен и т.д.

Рис. 4. Некоторые импортные украшения саргатской культуры, *1* – изображение Гарпократа, египетский фаянс; *2* – ожерелье из однотонного и многоцветного, глазчатого стекла, граненого сердолика, шпинели, бус с внутренней позолотой; *3–9* – серьги из золота (*4*), золота со стеклянными и сердоликовыми вставками (*3, 8, 9*), серебра с позолотой (*6, 7*), бронзы (*5*); *10* – многоцветное стекло; *11* – янтарь; *12* – пронизка синего витого стекла; *13* – ожерелье из стеклянных б ус с многоцветной металлической амальгамой и золотых пронизок; *14* – бусы золотые многогранные, цилиндрические из розового туфа, округлые из сердолика; *15* – глазчатая с синими глазками в белых ободках; *16* – дольчатая из египетского фаянса; *17* – стеклянный перстень; *18, 27–34* – нашивки из золотой фольги; *19* – ожерелье из двух позолоченных бочонковидных с валиками, сердоликовой с меридиональными гранями и четырнадцатигранных бус из сапфиршпинели; *20* – золоченая бугорчатая бусина; *21* – ожерелье из непрозрачных одноцветных, золоченых, полосчатых, глаз чатых бус; *22* – ожерелье из многочастных золоченых и синих стеклянных бус; *23–26* перстни, бронза (*24, 25, 26*) и серебро (*23*); *35* – железная пуговца с инкрустацией бронзовой проволокой; *36* – подвеска из агата; *37* – птицевидная подвеска, бронза; *38* – раковина каури; *39* – браслет из гагатовых бус, цветного и бесцветного прозрачного стекла. *1, 2, 3, 7–9, 10, 12–14, 16, 19, 20, 28, 32, 36, 38, 39* – Тютринский могильник; *4, 6, 17, 18, 21–25, 28–31, 34, 35* – Абатский 3 могильник; *5* – Чистолебяжский, Абатский 3 могильники; *11, 15, 26* – Савиновский могильник; *33, 37* – Красногорский 1 могильник

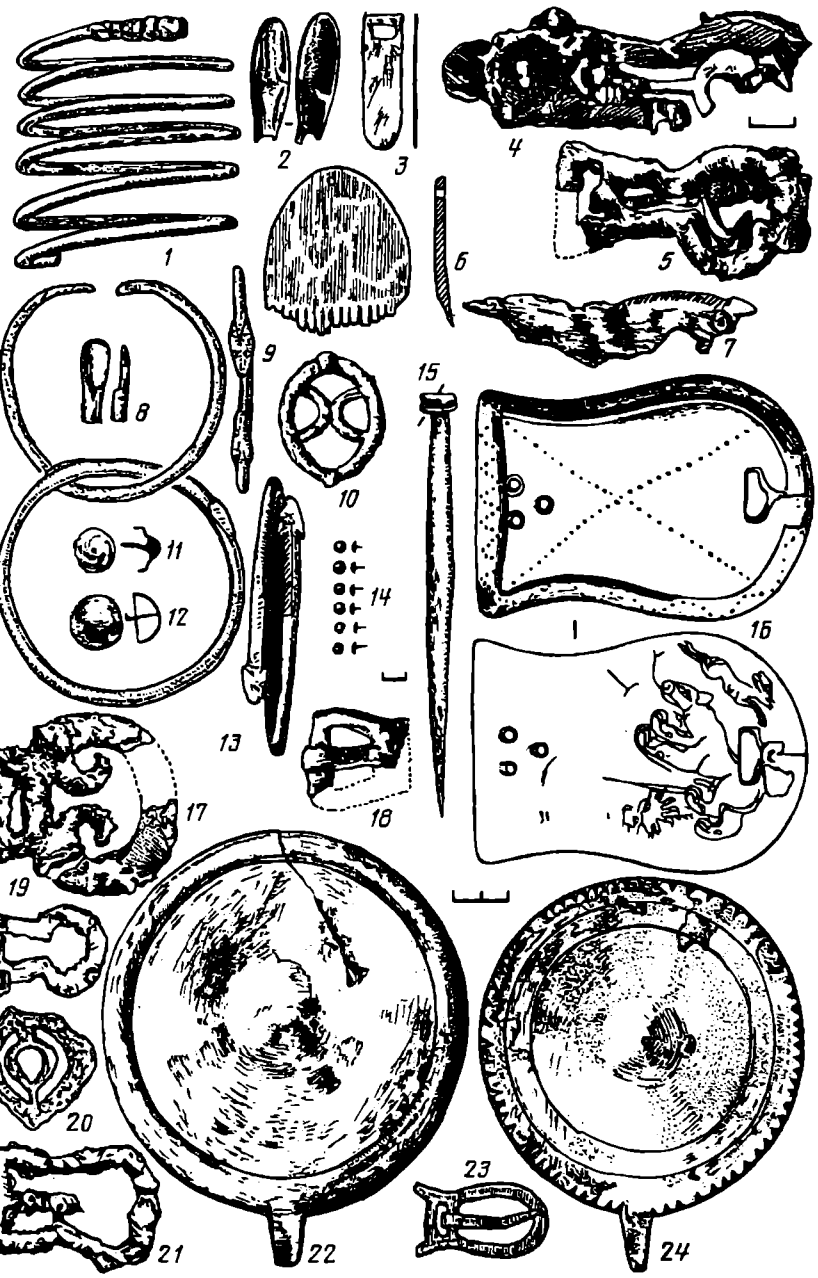


Рис. 5. Некоторые украшения, принадлежности костюма и предметы туалета саргатской культуры. *1, 9, 13* – браслеты, бронза; *2, 8* – ложечковидные застежки, бронза; *3* – наконечник ремня; *4, 5* – пряжки железные с бронзовым лопаточковидным язычком; *6, 7* – гребни рог; *10, 23* – пряжки, бронза; *11, 12* – бронзовые пуговицы; *14* – гвоздики; декор поясов и парадного оружия, бронза, серебро, золото; *15* – шпилька, кость; *16* – пряжка, рог, серебро; *17–21* – пряжки, железо; *22, 24* – зеркала, бронза. *1–5, 10, 17–19, 22, 24* – Абатский могильник; *6, 8, 9, 13, 20, 23* – Савиновский могильник; *7, 11, 12, 15, 21* – Абатский 1 могильник

Весомый вклад в изучение связей саргатской культуры с Центральной Азией внес Л.И. Погодин[2], блестящие материалы раскопок которого в Исаковке позволили ему утверждать, что уже с III в. до н.э. лесостепное население Прииртышья поддерживало непосредственные интенсивные контакты с Китаем. В состав китайского импорта он включает зеркала, монеты, шелк, ткани, крашеные зеленым грецким орехом (шерсть, полотно, тонкорунный войлок, золотное шитье на шелке), лаковые изделия, оружие, крытое лаком (в основном по находкам портупейных ремней и ножен), посуду (брон-

[2] Доклад "Ханьский импорт в саргатской культуре" на саргатском семинаре. Омск, 1995.

Аналогии импортным предметам в памятниках саргатской культуры Тоболо-Ишимья

№ пп	Наименование предмета	Дата	Аналогии
	Оружие		
1	Биметаллический меч с бронзовым воронковидным навершием	III–II вв. до н.э.	Северный Китай
	Упряжь		
2	Восьмерковидные двудырчатые железные псалии с концами в виде закругленного стержня, полых трубочек, треугольных лопастей	"	Монголия Ноин-Ула
3	Литые восьмерковидные бронзовые пронизки-обоймы для нащечных ремней	"	Южный Урал, савроматы
4	Литые полушарные бронзовые бляшки с петлей	"	Скифы, савроматы
5	Рукоять нагайки с серебряной оплеткой	"	Скифы
	Бусы и подвески		
6	Из полудрагоценных камней: сердолика, аметиста, агата, шпинели	III в. до н.э. – III в. н.э.	Средняя Азия
7	Золотые бочковидные с меридиональными гранями	"	Бактрия
8	Из янтаря и гагата	"	Причерноморье
9	Раковины каури	I–III вв.	Средняя Азия
10	Из одноцветного и многоцветного стекла	IV в. до н.э. – IV в. н.э.	Причерноморье Средняя Азия, сарматы
11	Из египетского фаянса	I–III вв.	Причерноморье
12	Из прозрачного бесцветного стекла	"	Китай, Индия
13	Из стекла с позолотой, стекла с металлической амальгамой серебристо-белого, голубого, фиолетового, желтого цветов	"	Причерноморье
	Личные украшения и предметы туалета		
14	Браслеты латунные с концами в виде змеиных головок	I–III вв.	Среднеазиатское междуречье
15	Браслеты латунные с зооморфными окончаниями	"	Сарматы, скифы
16	Перстни бронзовые с овальным щитком, гнездом для инкрустации	"	Среднеазиатское
17	Перстни бронзовые с квадратным щитком с крестовидным узором	"	Сарматы
18	Перстни железные с овальным или розетковидным щитком	"	Среднеазиатское междуречье
19	Серьги с привесками из золотых листков, колец с пирамидками зерни, спиральными подвесками	I–III вв.	Бактрия, сарматы, саки
20	Гребни роговые с навершием в виде конских головок	"	Фергана, саки, Южный Урал, Поволжье
21	Зеркала бронзовые	III в. до н.э. – IV в. н.э.	Сарматы, Средняя Азия
22	Заколки костяные и железные	с IV в. до н.э.	Кочевники Казахстана и Сибири
23	Сурьматаши	I–III в.	Фергана
	Украшения костюма		
24	Пряжки бронзовые и железные пластинчатые квадратные и круглые с языком и без	с IV в. до н.э.	Сарматы, Средняя Азия, Сибирь

Таблица (продолжение)

№ пп	Наименование предмета	Дата	Аналогии
25	Пряжки железные фигурные с завитками внутри овального щитка и прямоугольной рамкой	II–IV вв.	Северная Корея, среднеазиатское междуречье
26	Железные пряжки с лопаточковидным язычком, удлиненно-трапециевидной рамкой и округлым приемником	"	Тува, Крым
27	Ложечковидные застежки бронзовые и железные, в том числе с головой сайги	с III в. до н.э.	Южная Сибирь, Средняя Азия
28	Пряжка с гравировкой лаковая?	II–IV вв.	Хунну
29	Бляшки декоративные штампованные золотые, серебряные, бронзовые розетковидные, крестовидные, вафельные, ступенчатые, полушарные	I–IV вв.	Бактрия, скифы, саки, сарматы, Семиречье, Приаралье
30	Наконечники ремней бронзовые	II–IV вв.	Сарматы, хунну
31	Пряжки бронзовые лировидные с язычком	со II в. до н.э.	Южная Сибирь, Монголия, Средняя Азия, сарматы
32	Пряжки бронзовые кольцевидные со шпеньком	II в. до н.э. – II в. н.э.	Азия, сарматы
33	Пуговицы железные с инкрустацией бронзовой проволокой	с VI в. до н.э.	Казахстан
	Предметы культа		
34	Курильницы лепные стакановидные, чашевидные, цилиндрические с выступом на дне, в виде вазы с перегородкой	III–II вв. до н.э.	Сарматы
35	Блюда керамические круглые	I в. до н.э. – I в. н.э.	Саки
36	Жертвенники четырехугольные на ножках	V–III вв. до н.э.	"
37	Молоточки-гальки со сверленными отверстиями	III–II вв. до н.э.	Сарматы
38	Жертвенные плиты каменные	V–III вв. до н.э.	Зауралье
	Утварь		
39	Котлы медные полусферические на конусовидном поддоне с вертикальными ручками и гвоздевидными выступами на них	с VIII в. до н.э.	Степи Евразии
40	Котлы полусферические на воронковидном прорезном поддоне с валиковым орнаментом	конец I тыс. – рубеж эр	Хунны, Северный Китай, Южная Сибирь
41	Керамика гончарная	V–III вв. до н.э. – III в. н.э.	Чач? Кангюй? Синьцзян

зовые чайники, кальян) и украшения. Не вдаваясь в обсуждение характера взаимоотношений саргатской культуры с Китаем, для чего пока недостаточно опубликованных источников, заметим, что связи эти были опосредованы кочевниками Восточного Туркестана и хуннами, в среде которых ханьские предметы вооружения и роскоши были чрезвычайно популярны и высоко ценились. Вряд ли они могли являться дипломатическими или иными дарами непосредственно саргатцам, так как оружие и бронзовые изделия были запрещены законами этого времени для вывоза за пределы Китая и распространялись в основном контрабандно (Гугуев В.К., Трейстер М.Ю., 1995, с. 153).

Спектральный анализ саргатского металла Прииртышья, произведенный С.В. Кузьминых (1993, с. 122), показал, что в украшениях велика доля южных импортов, а

именно оловянистых бронз специфичного состава и латуней. Подобное же исследование, выполненное В.А. Галибиным на материалах Притоболья (Матвеева Н.П., 1993б), показало, что весь металл делится на две основные группы: "чистой меди" и высокооловянистой бронзы. Из металла второй изготовлены украшения, причем наибольшие концентрации искусственных примесей содержатся в зеркалах. Примеси сходны по составу и указывают на происхождение зеркал из одного центра. Цинк и свинец в сочетании с оловом в лигатуре определены в предметах первых веков нашей эры: котле хуннского типа, бляшках из Савиновского могильника. Характер сплава последних близок изделиям Забайкалья, Ордоса. Не анализировались латунные браслеты и перстни из того же могильника, по типам близкие среднеазиатским (см. таблицу).

Саргатское стекло из могильников Притоболья по химическому составу принадлежит к трем группам, производившихся в разных ремесленных центрах. Щелочное с высоким содержанием алюминия производилось в странах Древнего Востока: Иране, Двуречье, Малой и Центральной Азии – и поступало в Сибирь через Среднюю Азию и Казахстан. Египетское щелочное на природной соде характерно для мастерских Средиземноморья и Северного Причерноморья в том числе. Индийское калиевое с малым содержанием кальция характерно для юга Западной и Восточной Сибири I в. до н.э. – I в. н.э. Его появление может быть связано с началом функционирования Великого Шелкового пути и деятельностью какой-то кратковременно существовавшей мастерской (Матвеева Н.П., 1993б, с. 159, 160).

Кроме того, как уже отмечалось в литературе, существенны для саргатской культуры традиционные связи с казахстанскими и южно-уральскими саками, Приаральем (Кангюем и Хорезмом), что нашло отражение в погребальном обряде и инвентаре (Могильников В.А., 1983; Корякова Л.Н., 1977; Матвеева Н.П., 1993 г.).

Таким образом, на протяжении всего существования саргатской культуры носители ее вели активную торговлю с Центральной Азией, с V–III в. до н.э. – с сопредельными территориями Казахстана, Кангюем и Хорезмом, а позднее – с более отдаленными и высокоразвитыми центрами в Семиречье, Фергане, Восточном Туркестане. Торговля, очевидно, велась через посредничество кочевников Казахстана и Приуралья по традиционным караванным дорогам, проложенным по путям многовековых меридиональных маршрутов кочевания (рис. 6).

Широко известно, что среднеазиатские кочевники, зимовавшие в Прибалхашье, на Сырдарье, в низовьях рек Чу, Сарысу, летом передвигались далеко на север по долинам Тургая, Тобола, Ишима, Иртыша, достигая лесостепи. До постройки Троицкой укрепленной линии казахи, кочевавшие в Южном Зауралье, передвигались от своих зимовок на Сыр-Дарье к летовкам на р. Уй и севернее ее (Хозяйство казахов... 1980, с. 74–77). Для нас интересно, что последняя является географической границей притобольской лесостепи.

Выразительные сведения о движении караванов по традиционным путям кочевания из Северо-Восточного Приаралья в Южное Приуралье и Притоболье собрал А.Д. Таиров (1990, с. 105, 106). Например, один из караванных путей шел из Средней Азии по Тоболу, Туре, затем по ее притокам через Уральские горы на притоки Камы и далее на Волгу; другие дороги пролегали от низовий Сырдарьи через Тургайские степи на Южный Урал. По одной из них проследовали русские послы Скибин и Трошин в 1694 г. Эти пути сходились в местах традиционных стоянок, к примеру на р. Убаган, в долине р. Уй (Маргулан А.Х., 1979, с. 75–77).

Из археологических подтверждений глубокого проникновения подвижных скотоводов в лесостепь можно привести факты расположения самых северных памятников савроматов на южном берегу р. Миасс (Смирнов К.Ф., 1964, с. 272), а также расселения полукочевых гороховских племен от Челябинска и Куртамыша до низовьев Исети (Матвеева Н.П., 1993б, с. 158). Значительная доля предметов общесарматского круга, в том числе янтарь, гагат, античное стекло, египетский фаянс, возможно, зеркала и часть бронзовых украшений костюма и упряжи, поступала

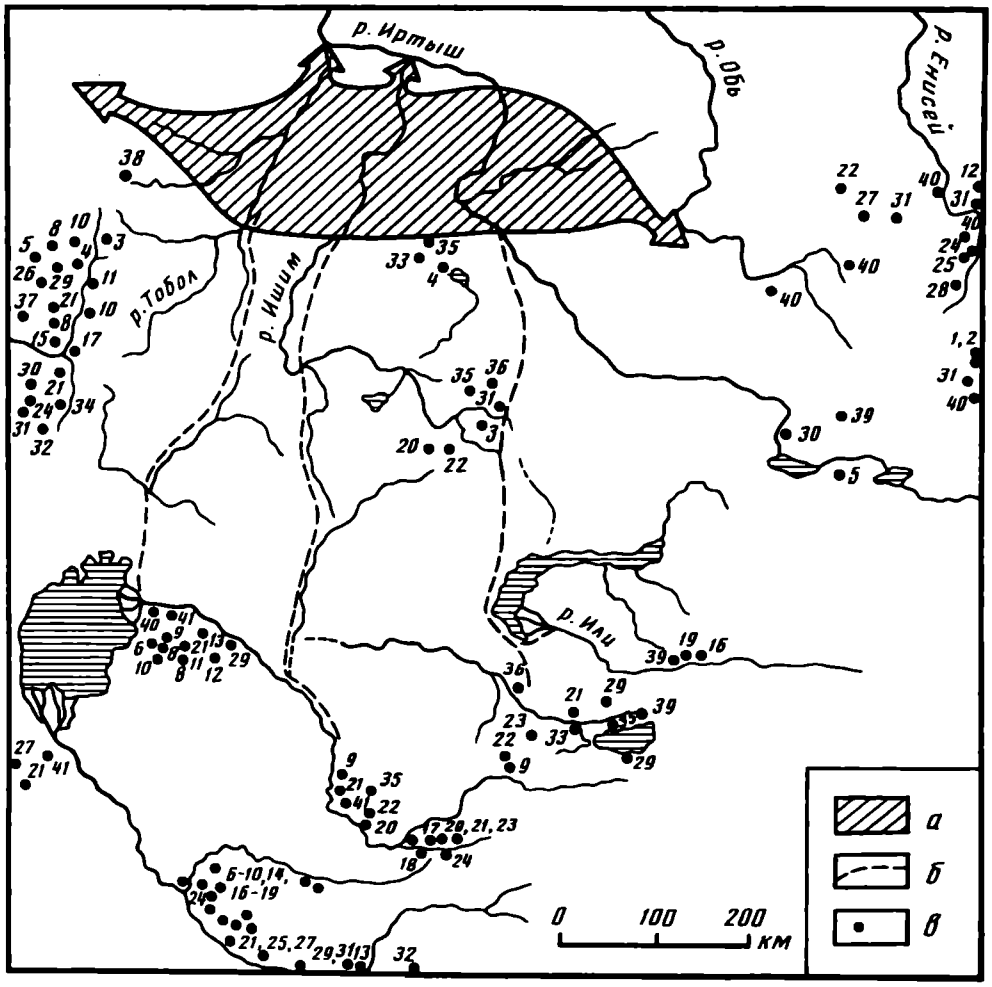


Рис. 6. Схема центральноазиатских связей саргатской культуры. *а* – ареал саргатской культуры; *б* – предполагаемые маршруты кочевания; *в* – аналогии импортным предметам, номер на схеме соответствует номеру в таблице

с запада через контролировавшееся сначала аорсами, а потом аланами каспийско-поволжское направление караванной торговли.

Активизация обмена на дальние расстояния у населения саргатской культуры отчетливо прослеживается с III в. до н.э., что, возможно, было связано с перегруппировками и миграциями в сарматской среде, обусловившими частичное изменение путей доставки среднеазиатских товаров на север. Но вне всякого сомнения, что в первые века нашей эры среднеазиатский импорт усилился. Это обстоятельство наряду с такими аргументами, как появление стекла индийских и китайских рецептов, сапфир-шпинели, месторождения которой известны в россыпях Восточного Казахстана и Индии, тканей, гончарной посуды, может свидетельствовать о функционировании в Центральной Азии северных ответвлений от Великого Шелкового пути, ведущих в богатые сибирские земли.

А.П. Франкфор, собравший сведения о находках шелка, античных монет и произведений искусства во второй половине I тыс. до н.э. от Северного Китая до Европы, считает все же их проявлением лишь эпизодических контактов между оседлыми и кочевыми народами, результатами распространения трофеев военных вторжений (Франкфор А.П., 1989, с. 216). Наши же материалы позволяют нам встать на сторону исследователей, реконструирующих древний торговый путь, предшествовавший Шелковому, севернее от известных исторических ориентиров – по Восточному Туркестану, а затем территориями среднеазиатских саков. Кроме того, имеются данные античных

авторов о борьбе Ахеменидов с кочевниками за контроль над среднеазиатскими торговыми путями (Десятчиков Ю.М., 1979, с. 94, 95).

Дискутируя с А.П. Франкфором, отметим, что при таком подходе к проблеме Великого Шелкового пути ситуация не является парадоксальной, как он считает (Франкфор А.П., 1989, с. 217). Громадная трасса международной торговли между Востоком и Западом именно потому и появилась в 1 в. н.э., когда кочевая знать захватила власть в античных государствах Центральной Азии. Она использовала свой опыт организации караванной торговли, перенеся ее на контролируемые пути сообщения между оазисами.

Чем же торговали лесостепные племена Западной Сибири?

Поскольку свидетельств денежного обращения в кочевой среде не зафиксировано, видимо, всеобщими эквивалентами были слитки цветных и драгоценных металлов, скот. Получая украшения, ткани, ювелирные изделия, дорогую утварь, вино и наркотические средства, саргатские вожди расплачивались кожами, зерном, продуктами таежных промыслов, пушниной. Причем из-за больших расстояний наибольшим спросом, должно быть, пользовалась последняя.

Есть основания полагать, что саргатцы, хотя сами добывали пушнины мало (Матвеева Н.П., 1987), скупали ее и брали в качестве дани с таежных племен. Именно этим, на наш взгляд, следует объяснять далекое проникновение на север инвентаря скифо-сарматских форм, таких, например, как плющенные и гравированные уграми сарматские зеркала из собрания Ханты-Мансийского музея; оружие Холмогорского клада; серебряное изображение Артемиды бактрийской работы в Истяцком кладе; медальон с изображением парфянского царя из Пиковки; золоченые и цветные стеклянные бусы в кулайских могильниках Нижнего Приобья и др. Правда, В.А. Могильников (1969, с. 258) и М.Ф. Косарев (1974, с. 143) считают, что сами таежные племена кулайской культуры поддерживали тесные связи с государствами Ближнего Востока и Парфией в частности, с чем в силу приведенных выше аргументов мы не можем согласиться.

Иначе обстояло дело с проникновением хуннских импортов в среду кулайских племен Приобья. Наибольшее их количество (ханьские зеркала, ажурные художественные пластины в прямоугольных рамках, некоторые орнаменты и сюжеты бронзового литья) найдено в долине Верхней и Средней Оби, Васюганье (Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991, с. 75, 76). Они попадали туда непосредственно из Южной Сибири и Алтая через кулайские поселения в Барнаульском Приобье и Ачинско-Мариинской котловине. Нельзя не отметить, что и набор предметов в этих районах отличен от встречающихся в ареале племен саргатской культуры и их северных соседей.

В качестве гипотезы можно высказать предположение, что существенной статьей в торговле были кони, кожи, рабы, вяленая рыба, рыбий клей, смолы, кедровый орех, моржовая и мамонтовая кость, возможно, зерно (данные о саргатском земледелии имеются).

Торговля, вероятно, осуществлялась преимущественно в бартерной форме и не достигла, таким образом, высшего уровня развития. Но поскольку в ассортименте импортных изделий преобладали предметы, служившие выражением богатства и престижа, то стимула для развития денежной формы не было. Здесь мы согласны с М. Рашке, считающим, что роль монеты в торговых контактах велика там, где нет большого спроса на привозные товары по причинам низкого уровня социально-экономического развития и культуры (Raschke M.G., 1978, p. 632, 670). Устойчивые связи с городскими цивилизациями и сложная иерархия общества кочевников создавали прекрасные условия для импорта разнообразной продукции, особенно предметов роскоши.

Итак, объединившие под своей властью почти всю лесостепь и часть южной тайги Западной Сибири саргатские племена создали прочное раннепотестарное объединение и взяли в свои руки контроль над караванной торговлей того времени.

Прекращение ее обусловлено изменением политической ситуации в Центральной Азии в IV–V вв. В определенной мере это наряду с оттоком части населения в период Великого переселения народов вызвало экономический кризис саргатской общности и было одной из причин ее упадка.

Позднее тюркскими владетелями Средней Азии торговля с Сибирью была восстановлена, и апогей ее пришелся на время расцвета Бухары и Самарканда. Традиционные связи обусловили затем и включение западносибирских земель в государство Узбекских Шейбанидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Викторова В.Д., Кернер В.Ф., 1987. Арехеологические памятники у оз. Осинового // Материальная культура населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Гугуев В.К., Трейстер М.Ю., 1995. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. № 3.

Десятчиков Ю.М., 1979. Дахи и Держава Ахеменидов // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент.

Довгалюк Н.П., 1993. Анализ признаков составления ожерелий Исаковского 1 могильника // Археологические культуры и историко-культурные общности Большого Урала. Екатеринбург.

Зиняков Н.М., 1991. Железообрабатывающее производство саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск.

Иванов Г.Е., 1991. Саргатская керамика с поселением Островное III // Проблемы хронологии периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.

Корякова Л.Н., 1977. Ансамбль некрополя саргатской культуры // ВАУ. Вып. 14.

Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск.

Корякова Л.Н., 1991а. Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск.

Корякова Л.Н., 1991б. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Екатеринбург.

Корякова Л.Н., Сергеев А.С., 1989. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.

Косарев М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.

Кузьминых С.В., 1993. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения // Археологические культуры и историко-культурные общности Большого Урала. Екатеринбург.

Маргулан А.Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Матвеева Н.П., 1987. О скотоводстве саргатских племен лесостепного Притоболья // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово.

Матвеева Н.П., 1989. К методике реконструкции социальной структуры саргатского населения Западной Сибири по данным погребального обряда // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск.

Матвеева Н.П., 1990. К вопросу об этнической интерпретации памятников кашинского типа // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск.

Матвеева Н.П., 1991. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.

Матвеева Н.П., 1993а. Рафайловское городище – памятник саргатской культуры Среднего Притоболья // РА. № 1.

Матвеева Н.П., 1993б. Саргатская культура на Тоболе. Новосибирск.

Матвеева Н.П., 1993в. Абатский 1 курганный могильник саргатской культуры. Тюмень.

Матвеева Н.П., 1993г. Некоторые аспекты взаимодействия населения саргатской культуры с сакскими племенами // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск.

Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.

Матющенко В.И., 1989. Погребение воина саргатской культуры (предварительное сообще-

ние) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Вып. 1. Новосибирск.
Могильников В.А., 1969. Находки из Пиковки // СА. № 3.
Могильников В.А., 1983. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
Могильников В.А., 1986. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // КСИА. Вып. 186.
Могильников В.А., 1992. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я., 1991. Богачановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // СА. № 3.
Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск.
Сальников К.В., 1952. Хорезмийская тамга в Зауралье // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М.
Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.
Смирнов Н.Г., 1975. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. Вып. 13.
Таиров А.Д., 1990. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II вв. до н.э. Дис. ... канд. ист. наук. М.
Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск.
Франкфор А.П., 1989. Существовал ли Великий Шелковый путь во II–I тыс. до н.э.? // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
Хабдулина М.К., 1993. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург.
Хозяйство казахов. Приложение "Направление кочевых путей и типы водопоев", 1980. Алма-Ата.
Raschke M.G., 1978. New Studies in Roman Commerse with the East // Aufsties und Niedergang der romischen Welt. H. Temporini. II.9.2. Hsgb.

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Тюмень

N.P. MATVEEVA

TRADE CONTACTS BETWEEN WESTERN SIBERIA AND CENTRAL ASIA IN THE EARLY IRON AGE

Summary

The article is devoted to the problem of trade contacts between a forest-steppe population of the Sargatskaya culture and the regions of Central Asia of the Early Iron Age. The parallels of import artifacts (more than 40 categories of the finds: swords, details of bridles, bracelets, beads, plates, pendants, mirrors, toilet, cosmetic and ritual goods, cauldrons and pottery ceramics as well as bones of camels), the spectral analysis of bronze objects, and the chemical composition of the beads show that they were delivered from the east Aral region, Sevenrivers region, Fergana, Chuch, Bactria, and, maybe, East Turkestan. Many artifacts have Hunnish analogies, that is confirmed by conquests of the Haus in Middle Asia. High living standards of the Sargatskaya culture tribes and keeping treasures in the graves of nobility and chieftains were closely connected with the exploitation of the southern taiga population and the organization of military and trade expeditions to Middle Asia. The author suggests that a caravan trade under the nomadic people control preceded the Great Silk Route in the second half of the first millennium BC. It developed by means of traditional meridional roaming from place to place. The trade between Siberia and Central Asia became more active at the beginning of the first millennium AD, with the Great Silk Route already functioning. It came to a halt in the fourth – the fifth centuries AD when the Great Migration of peoples started, this being one of the reasons of the Sargatskaya culture decay.

Е.А. ПОПОВА, С.А. КОВАЛЕНКО

ОБ АСПЕКТАХ КУЛЬТА ГЕРАКЛА В ХЕРСОНЕССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

(по материалам городища "Чайка")

Территория Северо-Западного Крыма в античное время, а именно с середины IV в. до н.э., принадлежала Херсонесу, представляя собой его дальнюю хору. Культура населения этого района, которую отражают материалы поселений, основанных этим полисом, очень близка, чтобы не сказать тождественна, культуре метрополии. Одной из важных составных частей культуры были религиозные представления, о которых мы можем судить по произведениям искусства и эпиграфическим памятникам. Одним из наиболее популярных культов в Херсонесе и на его хоре был культ героя – бога Геракла.

Проблема культа Геракла в Херсонесе давно разрабатывалась в отечественной историографии. Она поднималась и в связи с находками отдельных памятников, были и работы обобщающего характера. К первым следует отнести статьи С.Ф. Стржелецкого (1939, 1948), А.Н. Щеглова (1960, 1964), М.М. Кобылиной (1966, с. 92–98), Г.Д. Белова (1976), М.А. Наливкиной (1940). Первой работой, посвященной обобщению и осмыслению материалов Херсонесского музея, была статья Н.В. Пятышевой (1948). В ней была сделана попытка на основании анализа всех археологических памятников Херсонеса, свидетельствующих о культе Геракла, показать его широкое распространение. Но в то время в распоряжении автора статьи имелись памятники в основном римского времени, что и повлекло за собой ошибочный вывод о возрастании культа Геракла в религиозной жизни Херсонеса к III в. н.э. С тех пор прошло много времени, и археологические памятники служат доказательством того, что наибольшую популярность культ Геракла в Херсонесе и на его хоре приобрел в IV–III вв. до н.э. В этом смысле очень важны находки комплексов – таких, как святилище Панского-1, где памятники искусства были найдены с эпиграфическими памятниками: каменный рельеф с изображением Геракла и сосуд с дипинто с именем героя (Щеглов А.Н., 1976, с. 135, 137), а также надпись на канфаре с посвящением ему же (Столба В.Ф., 1989, с. 55).

Материалы городища "Чайка" представляют замечательный комплекс памятников – изображения Геракла в камне и терракоте, а также надписи – граффити и дипинти на керамике. Прежде всего это два каменных рельефа с городища.

Первый был найден в 1965 г. на полу помещения конца IV – начала III в. до н.э. (Карасев А.Н., 1966, с. 115). Он изображал героя отдыхающим после трудов, возлежащим под деревом на шкуре льва (рис. 1). Рядом с ним лежит его палица, на дереве висит горит. Геракл полулежит, опираясь на локоть левой руки, в которой он держит канфар. Лицо, к сожалению, сильно сбито. На рельефе сохранились следы раскраски: тело героя было окрашено красным, фон – голубым цветом. Канфар бы покрыт черной, а шкура льва – желтой красками. И.В. Яценко, издавшая рельеф, обратила внимание на несовершенство работы мастера, на что указывают такие детали, как укороченные ноги, некоторая припухлость рук с тонкими перевязками у кистей, что

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта "Греки и варвары в Северо-Западном Крыму" № 96-01-00298.

© Е.А. Попова, С.А. Коваленко, 1997 г.

Рис. 1. Каменный рельеф с изображением пирующего Геракла

придает телу инфантильный характер (Яценко И.В., 1977, с. 98). Резкий фасовый разворот верхней части фигуры и анатомически неправильная передача тела – все это характерно для искусства греческих городов Северного Причерноморья в III–I вв. до н.э. И.В. Яценко тем не менее датирует рельеф эпохой эллинизма и при этом не делает ошибочного вывода о негреческом происхождении памятника, что было в свое время почти правилом, аргументом для чего служил низкий уровень технического исполнения памятников.

Второй рельеф был найден в 1993 г. на полу одного из помещений (пом. 10) усадьбы III в. до н.э. Размеры рельефа 50 × 35 см. Он изготовлен из местного известняка. Рельеф очень высокий, фигура почти объемная. Геракл изображен стоящим, на правом плече он держит палицу, через левую руку перекинута львиная шкура, свисающая до земли (рис. 2). Геракл стоит, перенеся тяжесть тела на правую ногу. Левая нога согнута в колене и отставлена в сторону и чуть назад. Такой прием создает впечатление задержанного движения. Голова слегка повернута вправо, что также придает фигуре живость. В техническом исполнении памятника есть погрешности, некоторая неправильность в анатомии передачи тела. Это в основном непропорциональность в соотношении отдельных его частей: коротковатые ноги по сравнению с верхней частью тела; слишком большая голова, которая составляет одну пятую от общей высоты фигуры, тогда как для классических памятников это соотношение равно одной шестой или одной седьмой. Все перечисленные погрешности приводят к тому, что фигура в целом производит впечатление тяжеловесности, массивности. Но, несмотря на это, в целом рельеф сделан не без знания канонов эллинистической пластики. Знакомство с анатомией человеческого тела ощущается в том, как проработана мускулатура – грудные мышцы, мышцы брюшного пресса, рук и ног. Переход от бедра к ноге отделен четким валиком мышц, что было характерно для позднеклассических и эллинистических скульптур. По сравнению с рассмотренным выше рельефом со сценой пира Геракла, который отличается статичностью и плоскостностью изображения, рельеф со стоящим Гераклом более близок традициям греческой скульптуры.

Чрезвычайный интерес представляет фрагмент терракотовой статуэтки, изобра-

Рис. 2. Каменный рельеф с изображением стоящего Геракла. *1* – фото; *2* – прорисовка

Рис. 3. Фрагмент терракотовой статуэтки, изображающей сидящего на скале Геракла

жавшей Геракла, сидящего на скале. К сожалению, сохранились только нижняя ее часть, небольшой фрагмент туловища и левое плечо (рис. 3). Высота сохранившейся части статуэтки 30 см, ширина в нижней части 22 см. Статуэтка полая в верхней части, в нижней сплошная, представляет собой почти круглую скульптуру, только сзади поверхность плоская, значительную часть которой занимает овальное отверстие размером 12 × 7 см. Статуэтка сделана в традициях эллинистической скульптуры и была раскрашена. Следы красной краски сохранились на теле и плаще, перекинутом через плечо, сапоги были окрашены голубой краской, скала – серой. Необычным в данном произведении искусства является изображение Геракла не обнаженным, как обычно, а в одежде. Он одет в короткий хитон, край которого рельефно выступает выше колен, мелкие складки одежды проработаны стекой по сырой глине. Через левое плечо перекинут короткий плащ, крупные складки которого также сделаны стекой по сырой глине. На ногах героя – мягкие сапоги, доходящие до середины икры, края которых были оторочены рельефными валиками (фрагмент сохранился на правой ноге). В том, что изображен именно Геракл, нас убеждает присутствие обязательного для этого мифологического персонажа атрибута – львиной шкуры. Герой сидит, обернув ею бедра, на уровне колен сложены передние лапы льва. Скала дана грубыми асимметричными выступами. С каждой стороны в ней располагаются по три углубления, видимо, для укрепления каких-то атрибутов, в частности палицы.

Статуэтка стояла в нише, устроенной в стене одного из помещений греческого эмпория конца IV – первой половины III в. до н.э. Ниша внутри была обмазана глиной, размеры ее 35 × 45 см, глубина 20 см. Часть статуэтки была найдена в самой нише, что позволяет с уверенностью говорить о ее изначальном местонахождении.

Сделана статуэтка, несомненно, мастером-греком и является, видимо, репликой какой-то реальной статуи. Статуарный тип сидящего на скале Геракла хорошо

известен (LIMC, 1988–1990, 963, 965, 966, 990), но чаще он изображался обнаженным. Сюжет, как правило, связан с походом Геракла за яблоками Гесперид: он сидит на скале в саду, опираясь на палицу. Иногда в правой руке у него – яблоки, как, например, на краснофигурных сосудах второй половины IV в. до н.э. (LIMC, т. V, v. 1–2, 2703, 2725). Тот же сюжет воспроизводит статуя из Рима (LIMC, т. V, v. 1–2, 2703, 2725). Герой здесь опирается левой рукой, отставленной в сторону, на палицу, как на скипетр, а в протянутой правой руке, повернутой ладонью вверх, держит три яблока. Расположение остатка левой руки на нашей статуэтке позволяет предположить, что ею Геракл опирался на палицу. Но сидящим Геракл изображался и во время пира. О существовании статуи, изображавшей Геракла эпитрапедзиос, сидящего на скале, которая была сделана Лисиппом, говорит стихотворение поэта Стация:

"...он приглашает к столу.
Одною рукою он держит
Братнюю чашу вина, другою – дубину.
На жесткой он восседает скале, покрытой
немейскою шкурой"

("Настольная лисиппова статуя Геракла") (Парнас, 1980, с. 328–331).

То, что статуе посвящено целое стихотворение, свидетельствует о ее известности. Она, видимо, служила эталоном и воспроизводилась многократно разными мастерами, вносившими в нее элементы творчества. Чайкинская статуэтка также, видимо, является репликой одного из вариантов такой статуи. Датировать статуэтку следует концом IV – первой половиной III в. до н.э.

И наконец, еще одна категория материалов, свидетельствующих о культе Геракла на хоре Херсонеса, – граффити на керамике с посвящениями этому герою. На "Чайке" были найдены фрагменты чернолаковых канфаров с процарапанным на них именем Геракла. Это горло с надписью НРАКЛ[ειος] из погребения на Чайкинском некрополе и почти целый канфар также с надписью НРАКЛ[Нς] (рис. 4). Сосуды датируются концом IV в. до н.э. Кроме того, на керамике довольно часто встречается монограмма НР. Но говорить с уверенностью о том, что такие надписи означают посвящение Гераклу, мы не можем. Они могут быть и началом теофорного имени.

Комплекс чайкинских материалов свидетельствует об устойчивости и большой значимости культа Геракла на хоре Херсонеса. В отечественной литературе нет единого мнения относительно аспектов этого культа. С.Ю. Сапрыкиным была высказана идея, что одной из основных сторон в культе Геракла является хтоническая, связанная с почитанием умерших (Сапрыкин С.Ю., 1978, с. 38–52). В качестве доказательства С.Ю. Сапрыкин приводит иконографию надгробных рельефов Северного Причерноморья первых веков н.э. В.Ф. Столба справедливо считает неправомерным такое обратное сопоставление (Столба В.Ф., 1989, с. 59, 60). Э.И. Соломоник делает акцент на ином аспекте хтонической стороны культа Геракла, якобы имевшем место в Северном Причерноморье, – покровительстве земледелию и плодородию (Соломоник Э.И., 1984, с. 14). Она ссылается при этом на комплекс Панского-1, что опять-таки встретило возражение со стороны В.Ф. Столбы, утверждающего невозможность совмещения функций Геракла, Деметры и Сабазия (Столба В.Ф., 1989, с. 60). Исследователь отстаивает приоритет сотерической функции культа Геракла (Столба В.Ф., 1989, с. 61–69). Представленный в данной статье чайкинский материал прибавляет, как кажется, доказательств в пользу именно последней точки зрения. Чтобы не быть голословными, обратимся вновь к иконографии рельефов и терракоты с городища "Чайка", к их семантике.

Рельеф с изображением возлежащего Геракла представляет собой, несомненно, сложившуюся в вазописи еще по крайней мере в VI в. до н.э. иконографическую схему Геракла на Олимпе после его обожествления и обретения им бессмертия. Об этом свидетельствуют помимо обычной позы и атрибуты-эпитеты, отражающие именно

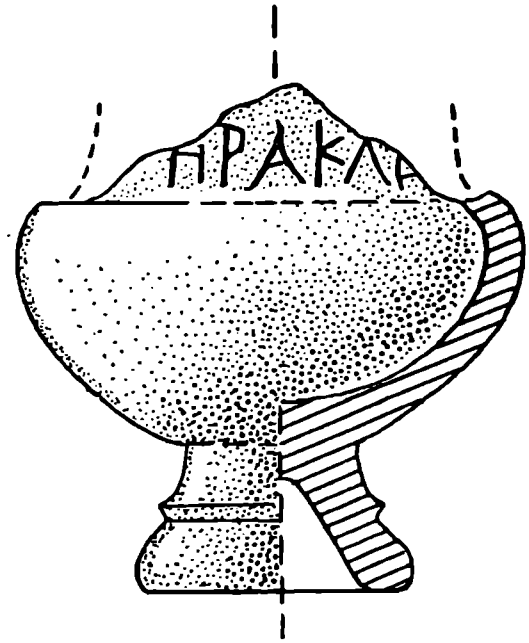


Рис. 4. Граффити на чернолаковых сосудах с посвящением Гераклу

героическую сущность Геракла, а стало быть, его защитную функцию. Это прежде всего оружие. Подробно, с привлечением всех подобных памятников из Крыма, об этом писала Е.А. Савостина (1983). Говоря о семантике изображений лука на рельефах, она касается и аспектов культа Геракла в целом, удачно показав линию развития иконографии, а следовательно, и религиозных воззрений от VI в. до н.э. до первых веков н.э., выразившуюся в семантической связи "герой – бог – героизированный человек" (Савостина Е.А., 1983, с. 54, 55).

К тому же типу памятников, видимо, следует относить и терракотовую статуэтку, также воспроизводящую этот персонаж в момент его обожествления. Наличие такого атрибута, как львиная шкура, свидетельствует о его физической мощи, готовности к борьбе с хаосом.

Второй каменный рельеф с "Чайки", со стоящим Гераклом, представляет героя в период совершения его подвигов. Весь облик и атрибуты его, несомненно, говорят опять-таки о сотерической функции изображения. Таким образом, комплекс материалов с "Чайки", дополняя материалы других городищ, в частности Панское-1, подтверждает распространенность и большое значение культа Геракла – Сотера в Херсонесском государстве в конце IV – первой половине III в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов Г.Д., 1976. Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. № 4.

Карасев А.Н., 1966. Раскопки у санатория "Чайка" в Евпатории // АО-1965 г.

Кобылина М.М., 1966. Глиняный торс Геракла из Херсонеса // Культура античного мира. М.

Наливкина М.А., 1940. О некоторых находках памятников античной эпохи Северо-Западного Крыма. Новая находка рельефа в Херсонесе // СА. № 1.

Парнас, 1980. М.

Пятышева Н.В., 1948. О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. № 2.

Савостина Е.А., 1983. К символике изображения лука на Боспоре // СА. № 4.

Сапрыкин С.Ю., 1978. О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма // СА. № 1.

Соломоник Э.И., 1984. Граффити с хоры Херсонеса. Киев.

Столба В.Ф., 1989. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. № 4.

Стржелецкий С.Ф., 1939. Рельефное изображение Геракла из Херсонеса // КСИИМК. Вып. II.
Стржелецкий С.Ф., 1948. Жертвенник Гераклу из так называемого Страбоновского Херсонеса // ХС. Вып. IV.
Щеглов А.Н., 1960. Светильник с изображением Геракла // СХМ. Вып. I.
Щеглов А.Н., 1964. Подвиги Геракла. Л.
Щеглов А.Н., 1976. Полис и хора. Симферополь.
Яценко И.В., 1977. Искусство эпохи раннего железа. Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.
LIMC, 1988–1990: Lexicon iconographicum mythologiae classiae.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Государственный музей изобразительных искусств,
Москва

E.A. POPOVA, S.A. KOVALENKO

ON THE ASPECTS OF THE HERCULES CULT IN THE KHERSONESUS STATE

(Using the Materials of the Hill-fort "Chaika")

S u m m a r y

The territory of the north-west Crimea belonged to Khersonesus starting from the middle of the fourth century BC. The culture of the population living in this region is very similar to the culture of the metropolis. Religious conceptions were one of important ingredients of the culture, we can form an idea about what they were on the basis of works of art and epigraphic monuments. The Hercules cult was one of the most popular cults in Khersonesus and the chorus. Two stone relieves and a fragment of a terra-cotta statuette with images of Hercules as well as graffiti on ceramics with what seems to be dedications to this hero-god have been found in the hill-fort "Chaika" in Eupatoria. One relief reproduces a usual ikonograpfic scheme of Hercules having a feast, and the second one represents a standing figure. The terra-cotta statuette represents Hercules with a lion hide sitting on the rock. All finds date back to the end of the fourth-the first half of the third centuries BC. They supplement a complex of materials from other hill-forts of the north-west Crimea and serve as an indication of a spread and a great significance of the Herucles-Soter cult in the Khersonesus state in the Hellenic Age.

В.М. ЗУБАРЬ

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ТАВРО-СКИФСКОЙ» ВОЙНЕ В ИСТОРИИ ОЛЬВИИ

В литературе, посвященной истории и культуре Ольвийского государства в первые века н.э., общепризнанной является точка зрения о том, что в середине II в. город и его сельская округа подверглись нападению каких-то варваров, в результате чего погиб целый ряд античных городищ Нижнего Побужья (Ростовцев М.И., 1915, с. 12, 13; Гайдукевич В.Ф., 1955; с. 62; Беляев С.А., 1968, с. 133; Бураков А.В., 1976, с. 5; Карышковский П.О., 1988, с. 122, 123; Анохин В.А., 1989, с. 72, 73; Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 162; 1990, с. 96; Буйских С.Б., 1991, с. 134; Крапивина В.В., 1993, с. 148). Эти события послужили отправной точкой для выделения в истории Ольвии специального этапа развития, охватывающего вторую половину II – третью четверть III в. н.э. (Крапивина В.В., 1993, с. 148, 149; Крижицький С.Д. и др., 1994, с. 39, 41). Основанием для такого единодушного вывода послужило сообщение, приписываемое Юлию Капитолину, о том, что император Антонин Пий (138–161 гг.) послал на помощь Ольвии войска против варваров, которые определены как тавро-скифы, и, победив последних, заставил их дать заложников ольвиополитам (SHA, Ant. Pius, 9,9). Тем самым угроза со стороны тавро-скифов была ликвидирована, что способствовало укреплению положения города. Опираясь на этот письменный источник, исследователи именно к этому времени относили ввод в Ольвию римского гарнизона, и к середине II в. так или иначе привязывались следы разрушений на городищах, расположенных на берегах Бугского лимана (Крыжицкий С.Д., 1985, с. 177, 178; Буйский С.Б., Иевлев М. М., 1986, с. 72, 73; Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 162; Буйских С.Б., 1991, с. 134, 135; Крапивина В.В., 1993, с. 149 и др.), хотя каких-либо разрушений, которые можно было бы связать с этим событием, в самой Ольвии пока не выявлено (Крапивина В.В., 1993, с. 16, 148–150). Это в свою очередь позволяет заключить, что варвары разорили округу города, но саму Ольвию взять не смогли.

Однако сейчас есть веские основания поставить под сомнение историческую достоверность сообщения, приписываемого Юлию Капитолину. Как убедительно показал Р. Сайм, который провел скрупулезный анализ всей "Истории Августов", этот источник содержит значительное количество фактических ошибок и, возможно, даже прямых фальсификаций (Syme R., 1968, p. 70, 73, 74, 165–175 et al.). К тому же тавро-скифы, о которых говорится в "Истории Августов", в настоящее время достаточно четко отождествляются с одной из групп варварского населения Крымского п-ова, которое вряд ли могло через степную зону Северного Причерноморья, занятую кочевыми сарматами, угрожать Ольвии (подробнее см.: Зубарь В.М., 1993а, с. 185–188; Ср.: Браунд Д., 1991, с. 29, 30: Крыкин С.М., 1992, с. 142). Поэтому нельзя реконструировать историю Ольвии II в. только на основании этого источника и привлекать его для решения вопроса о времени появления стационарного римского гарнизона в этом центре (См.: Зубарь В.М., 1993а, с. 186, 187; Зубарь В.М., Сон Н.А., 1995, с. 181–187).

Данные о римском гарнизоне Ольвии свидетельствуют, что пока это событие следует относить ко второй половине 60-х – началу 70-х годов II в. и связывать с ним латинскую строительную надпись с упоминанием трех нижнемезийских легионов (Зубарь В.М., Сон Н.А., 1995, с. 181–187). Причем, если отвлечься от сообщения

© В.М. Зубарь, 1997 г.

Юлия Капитолина, датировка гибели городищ ольвийской округи именно серединой II в. не подкреплена какими-либо иными надежными источниками, в том числе и археологическими. К сожалению, описание археологического материала, обнаруженного в процессе раскопок этих памятников, дано суммарно, в пределах I–III вв., что пока не позволяет четко разграничить комплекс находок I в. до н.э. – середины II в. и второй половины II – первой половины III в., а закрытые комплексы, на основании вещей из которых можно было бы определить время пожаров и разрушений, отсутствуют (подробнее см.: Бураков А.В., 1976, с. 64–128; Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 162, 197). Мало что дает обращение к нумизматическому материалу, найденному на городищах округи Ольвии, так как римские монеты датированы в целом периодом правления императоров, а ольвийские – в пределах полустолетия (Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 207, табл. I, II). Ссылка на то, что почти на всех городищах обнаружены римские монеты времени правления Антониана Пия, при котором Ольвии якобы была оказана военная помощь (Буйских С.Б., 1991, с. 135, 136), также не позволяют уточнить время их гибели. В публикациях не определен год чеканки этих монет. Судя же по находкам аналогичных монет в Ольвии, они поступали сюда на протяжении всего периода правления этого императора (Карышковский П.О., 1965, с. 53, прим. 16; 1971, с. 57), а возможно, и позже. Если исходить из этого, то так называемое нападение тавро-скифов на Ольвию нужно относить к промежутку времени между 138–161 гг., а не суммарно к середине II в.

Для того чтобы уточнить время гибели городищ округи Ольвии, необходимо обратиться к анализу военно-политической обстановки, которая сложилась в Северном Причерноморье в конце I – первой половине II в., и к тем источникам, которые имеются по истории самой Ольвии в это время. Такой подход может дать определенные результаты, а сделанные выводы могут быть подтверждены или опровергнуты на основе целенаправленной обработки керамики из раскопок и уточнения времени чеканки монет периода правления Антонина Пия, найденных при раскопках на приольвийских городищах.

Сейчас твердо установлено, что к концу I – началу II в. относится новая миграция сарматских племен с востока к границам Римской империи (Раев Б.А., 1989, с. 117; Щукин М.Б., 1989а, с. 80; 1989б, с. 50; Скрипкин А.С., 1984, с. 80–101; 1990, с. 204, 214, 223). С продвижением сарматов на запад исследователи связывают не только увеличение количества погребений на территории степной зоны Северного и Северо-Западного Причерноморья (Гросу В.И., 1990, с. 48, 83, 98; Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1986, с. 87; Костенко В.И., 1986, с. 67; Симоненко А.В., 1993, с. 30–91, рис. 22), но и гибель большинства позднескифских городищ (Щукин М.Б., 1989б, с. 73; Храпунов И.Н., 1990, с. 167 и литература). Часть позднескифского населения с Нижнего Днепра, вероятно, переселилась в Крым, а часть – на берега Днестровского лимана, где ко второй половине I–II в. относится появление поселения и типично позднескифского могильника Молога II (Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1982, с. 55–113; Щукин М.Б., 1989б, с. 50; Храпунов И.Н., 1990, с. 167; Малюкевич А.Е., 1993, с. 97–100). Продвижение новых сарматских племен привело не только к обострению обстановки в Нижнем Поднепровье, но и затронуло равнинную часть Крыма, в частности его Северо-Западный район, где именно в это время прекращается жизнь на поселениях, а на ряде позднескифских памятников прослеживаются следы пожаров и разрушений (Храпунов И.Н., 1990, с. 167, 168). Видимо, этими событиями был затронут и Боспор, где следы разрушений археологически прослежены на целом ряде памятников (Храпунов И.Н., 1990, с. 168). О тревожной обстановке, сложившейся на границах государства, красноречиво свидетельствует военная активность на рубеже I–II в. и в начале II в. боспорских царей Савромата I (93/94 – 123/124 гг.) и Котиса II (123/124 – 132–133 гг.) (КБН, № 32, 33; Раевский Д.С., 1973, с. 110–119; Масленников А.А., 1990, с. 165).

Из краткого обзора обстановки, сложившейся в Северном и Северо-Западном Причерноморье, которую достаточно хорошо можно реконструировать по архео-

логическим данным, следует, что с продвижением сюда с востока новой, видимо, аланской, волны сарматских племен здесь не только меняется военно-политическая ситуация, но и гибнет целый ряд позднескифских городищ, на Нижнем Днепре, в Крыму и поселений на территории Боспорского царства. Все это позволяет заключить, что разгром городищ в округе Ольвии и следы пожаров на них, прослеженные в ходе археологических исследований, следует относить не к середине, а к первой половине II в.

Вместе с этим целый ряд эпиграфических и нумизматических источников позволяет уточнить хронологические рамки этого события. К промежутку времени между 106 и 111 гг. Ю.Г. Виноградов относит пребывание в Ольвии военного отряда, посланного в город римской администрацией (Виноградов Ю.Г., 1991, с. 29–31), а рубежом 20-х – 30-х годов II в. датируется присутствие в городе боспорских кавалеристов, появление которых в Ольвии было также инициировано римлянами (Зубар В.М., 1994б, с. 149, 150). Следовательно, в первой четверти II в. в связи с возникшей угрозой римская администрация оказала Ольвии помощь, что, безусловно, было связано с общей политикой Рима, направленной на укрепление границ империи (SHA, Hadr., 21).

К заключительному периоду правления императора Траяна (98–117 гг.) и первой половине правления императора Адриана (117–138 гг.) относятся укрепление римских опорных пунктов у сел Барбоши и Орловка (Карышковских П.О., Клейман И.Б., 1985; с. 97; Чаплыгина Н.А., 1990, с. 109), появление вексилляции римских войск в Тире (Сон Н.А., 1993, с. 31–34) и вооруженных сил империи в Таврике (Зубарь В.М., 1994а, с. 35, 36). Дислокация в Ольвии союзных Риму войск в первой четверти II в. хорошо согласуется с начавшимся со времени правления императора Траяна массовым поступением в Ольвию римских монет, главным образом денариев, которые, вероятно, шли на выплату жалования пехотинцам и кавалеристам, расквартированным в городе (Карышковский П.О., 1965, с. 54, 56–74; 1971, с. 59, 61; 1988, с. 26).

В связи с этим следует обратить внимание на некоторые эпиграфические памятники, обнаруженные в Ольвии. К концу I – первой половине II в. относятся декреты в честь Карзоаза, сына Аттала, и Посидия, сына Сатира, в которых говорится о посольствах к соседним царям и о встрече соседних царей (IOsPE, I^2 № 39, 51; Карышковский П.О., 1993, с. 81, 82). Исходя из этих документов, можно предположить, что, как и во время посещения Ольвии Дионом Хрисостомом (Dio Chrys., XXXVI), обстановка вокруг города была достаточно сложной и ольвиополиты путем дипломатических миссий пытались заручиться поддержкой предводителей соседних варварских народов. Однако упоминание в декрете в честь Карзоаза, сына Аттала, о том, что он был известен Августам, видимо, позволяет говорить о посольствах не только к соседним варварам, но и к римской администрации. Скорее всего в результате этого в Ольвии появился отряд пехотинцев, вооруженных длинными щитами, а несколько позже – союзные Риму боспорские кавалеристы. Если соотнести эти факты с текстом посвящения Аполлону Простату от имени стратегов, в котором говорится о "трофееносной победе" над врагами (IOsPE, I^2, № 175), то, вероятно, успешные действия ольвиополитов и присланных им на помощь войск следует относить ко времени не позднее первой трети II в., ибо П.О. Карышковский убедительно отнес это посвящение к концу I – началу II в. (Карышковский П.О., 1993, с. 82).

Сказанное хорошо согласуется с данными нумизматики, которые свидетельствуют о том, что к начальному периоду правления Адриана относится чеканка монет с именем магистрата Адоя, известного и по эпиграфическим памятникам (IOsPE, I^2, № 156). После этой серии вплоть до рубежа 50–60-х годов II в. гражданская община Ольвии не возобновляла чеканку собственной монеты, а производила надчеканку бывших уже в употреблении экземпляров (Карышковский П.О., 1988, с. 122, 123; Анохин В.А., 1989, с. 72).

В.А. Анохин указывал, что прекращение чеканки медных монет в это время

связано якобы с запретом Рима (Анохин В.А., 1989, с. 72). Однако вряд ли это так. Запрет римской администрации на чеканку монет мог касаться золота или серебра (ср.: Анохин В.А., 1986; с. 82; Сапрыкин С.Ю., 1990, с. 209), а не меди, без которой не мог нормально функционировать внутренний рынок любого полиса. К тому же запрет чеканки медных монет не имел для империи в это время сколько-нибудь оправданного экономического или политического смысла, так как Ольвия находилась вне пределов Римской державы и, насколько можно судить по имеющимся данным, ее статус еще не был четко определен римской администрацией (Зубарь В.М., 1993б, с. 40, 41).

В данном случае, вероятно, прекращение чеканки связано с комплексом экономических и политических причин (Карышковский П.О., 1986, с. 26). Именно изменение военно-политической ситуации вокруг города и, возможно, гибель городищ, расположенных на берегах Бугского лимана, дестабилизировали положение Ольвии, что не могло не отразиться на выпуске монет. Как установлено П.О. Карышковским, Ольвия во второй и в начале третьей четверти II в. монет не выпускала (Карышковский П.О., 1988, с. 122). Следовательно, начало кризисных явлений, с которыми скорее всего было связано прекращение монетной чеканки, следует относить ко второй четверти II в. или ко второй половине правления императора Адриана.

Как было сказано выше, именно в это время наблюдается активизация в Северном Причерноморье аланских племен, под ударами которых гибнут городища на территории Боспора, в Северо-Западном и Центральном Крыму, а также на Нижнем Днепре. Если это соотнести с присутствием в Ольвии до рубежа 20–30-х годов II в. боспорских кавалеристов и прекращением монетной чеканки во второй половине правления императора Адриана, то напрашивается вывод, что не позднее второй четверти II в. территория Ольвийского государства подверглась опустошительному нашествию сарматских племен, в результате которого погибли городища на берегах Бугского лимана. На этот раз, судя по имеющимся источникам, Ольвия не была разгромлена, но экономике города был нанесен существенный урон. Только к рубежу 50–60-х годов II в. здесь возобновляется монетная чеканка (Карышковский П.О., 1988, с. 123), а к рубежу 60–70-х годов II в. относится первый эпиграфический памятник, свидетельствующий о присутствии в Ольвии стационарной римской вексилляции, силами солдат которой в городе велось строительство (Зубарь В.М., Сон Н.А., 1995, с. 181–187). Сближение с Римом и стабилизация обстановки в регионе привели к экономическому подъему в Ольвии именно во второй половине II в. (Крапивина В.В., 1993, с. 151, 152), что является дополнительным, хотя и косвенным, аргументом в пользу вывода о выходе города из полосы кризиса не ранее рубежа 50–60-х годов II в. и о появлении стационарного римского гарнизона в Ольвии не ранее третьей четверти II в.

Таким образом, сейчас есть все основания заключить, что городища, расположенные на берегах Бугского лимана, гибнут не в середине, а во второй четверти II в. А это в свою очередь привело к кризисным явлениям в экономике Ольвии и обусловило прекращение на время чеканки местной монеты. Естественно, окончательно этот вопрос может быть решен, как уже говорилось, только после углубленного анализа археологического и нумизматического материала, а также уточнения датировки целого ряда эпиграфических памятников. Однако уже сейчас ясно, что вне зависимости от окончательного решения вопроса о достоверности сообщения "Истории Августов" о нападении тавро-скифов на Ольвию, этот источник не дает точных хронологических привязок, которые можно было бы использовать для построения периодизации истории не только самой Ольвии, но и городищ ее округи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А., 1986. Монетное дело Боспора. М.

Анохин В.А., 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Беляев С.А., 1968. К пониманию CIL, VIII, 619 // ВДИ. № 4.

Браунд Д., 1991. Діон Хрісостом, торгівля Ольвії та "ольвійськотавроскіфська" війна // Археологія. № 3.
Буйских С.Б., 1991. Фортификация Ольвийского государства (первые века н.э.). Киев.
Буйских С.Б., Иевлев М.М., 1986. О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев.
Бураков А.В., 1976. Козырское городище рубежа и первых веков н.э. Киев.
Виноградов Ю.Г., 1991. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Тез. докл. М.
Гайдукевич В.Ф., 1955. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. Т. 1. М.; Л.
Гросу В.И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днепро-Прутского междуречья. Кишенев.
Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1986. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев.
Зубарь В.М. 1993а. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. н.э. (SHA, 9, 9) // РА. № 2.
Зубарь В.М., 1993б. Септимий Север и Северное Причерноморье // ВДИ. № 4.
Зубарь В.М., 1994а. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.
Зубарь В.М., 1994б. Ольвія і Боспор у першій третині II ст. // Археологія. № 2.
Зубарь В.М., Сон Н.А., 1995. К интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOsPE, I^2, № 322) // ВДИ. № 3.
Карышковский П.О., 1965. Находки монет Римской империи в Ольвии // НС. Вып. 2.
Карышковский П.О., 1971. Из истории монетного дела Ольвии в I–III вв. н.э. // НЭ. Т. 9.
Карышковский П.О., 1986. Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев.
Карышковский П.О., 1988. Монеты Ольвии. Киев.
Карышковский П.О., 1993. Новые Ольвийские посвящения первых веков н.э. // ВДИ. № 1.
Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985. Древний город Тира. Киев.
Костенко В.И., 1986. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н.э. Днепропетровск.
Крапивина В.В., 1993. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.
Крыжицкий С.Д., 1985. Ольвия: Историографическое исследование архитектурно-археологических комплексов. Киев.
Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М., 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М., 1990. Античные поселения Нижнего Побужья. Археологическая карта. Киев.
Крижицький С.Д., Крапівіна ВВ., Лейпунська Н.О., 1994. Головні етапи історичного розвитку Ольвії //Археологія. № 2.
Крыкин С.М., 1992. Deus Sanctus Porobonus // ВДИ. № 3.
Малюкевич А.Е., 1993. Этнические признаки погребального обряда могильника Молога II // Древности Причерноморских степей. Киев.
Масленников А.А., 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
Раев Б.А., 1989. Аланы в Евразийских степях: Восток – Запад // Скифия и Боспор. Тез. докл. Новочеркасск.
Раевский Д.С., 1973. К истории греко-скифских отношений (II вв. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. № 2.
Ростовцев М.И., 1915. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. Вып. 60.
Сапрыкин С.Ю., 1990. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. № 3.
*Симоненко А.В., 1993.*Сарматы Таврии. Киев.
Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.
Сон Н.А., 1993. Тира римского времени. Киев.
Храпунов И.Н., 1990. О причинах гибели некоторых позднеантичных поселений // МАИЭТ. Т. 1.
Чаплыгина Н.А., 1990. Население Днестро-Карпатских земель и Рим в I – начале III вв. Кишинев.
Щукин М.Б., 1989а. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. № 1.
Щукин М.Б., 1989б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск.
IOsPE: *Latyschev B., 1916.* Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Petropolis.
Syme R., 1968. Ammianus and the Historia Augusta. Oxford.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

V.M. ZUBAR

ON THE So-CALLED "TAURO-SCYTHIAN" WAR IN THE HISTORY OF OLVIA

S u m m a r y

The article contains a comprehensive analysis of the events related to the so-called "Tauro-Scythian" war in the history of Olivia. On the basis of all sources available at the moment, the author comes to the conclusion that antique hill-forts located on the banks of the Bug firth perished as a result of a new Sarmat wave advancing from the east. There are all grounds to date these events not to the middle but to the second quarter of the second century AD. It, its turn, resulted in the development of crisis phenomena in the economy of Olivia and was a reason for a temporal suspension of local coins minting. Naturally, this issue can be resolved only after a deep analysis of archaeological and numismatic materials as well as the establishment of a more accurate dating of the whole series of epigraphic monuments. Nevertheless, it is even now clear that regardless of a final resolution of the issue on the authennticity of a report contained in "the History of Augustus" on the attack of "Tauro-Scythians" against Olivia, this source does not give accurate chronological markings that could be used for constructing a periodization of the history of not only Olivia itself, but also of the history of hill-forts located in its area.

П.П. БЫРНЯ, Т.Ф. РЯБОЙ

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА XIV в. ШЕХР АЛ-ДЖЕДИД

На любой стадии развития человеческого общества одним из признаков или составных элементов цивилизации является присутствие городов (Павленко Ю.В., 1984, с. 173–176; Новикова Л.И., 1992, с. 20). Принадлежность города как типа поселения к той или иной цивилизации нередко проявлялась во внешнем облике городов. Города, являющиеся социально-экономическими организациями государства, обладали своей специфической структурой, отражавшей их полифункциональный характер, которая в зависимости от места и времени их зарождения была различной.

Составляющими элементами структуры города были строения различного назначения: дворцы, церкви, жилища, хозяйственные, ремесленные, торговые и другие сооружения. Но решающую роль в определении облика самого города применительно к той цивилизации, которую он представлял, во многих случаях играли само присутствие, характер и расположение на его территории монументальных сооружений. Это были общественные здания, отражающие социальный уклад современной им эпохи, монументальные объемы которых определяли силуэт города.

Все сказанное имеет прямое отношение и к средневековым городам Днестровско-Прутского междуречья. Археологические исследования в Старом Орхее позволили установить существование здесь остатков двух средневековых городов: золотоордынского города XIV в., известного как Шехр ал-Джедид (Новый город) (Янина С.А., 1977, с. 192–213) и молдавского города XV – начала XVI в. Орхей (Абызова Е.Н. и др., 1981; 1982). Было установлено, что для каждого из них были характерны разные, свойственные лишь каждому из них монументальные сооружения.

Монументальные общественные городские строения по своему назначению представлены двумя разновидностями: сооружениями религиозного характера и гражданскими зданиями. Из-за кратковременности существования города, а также учитывая тот факт, что он возник не в результате длительного социально-экономического местного развития общества, а начал строиться внезапно, на пустом месте, ни одно из монументальных сооружений не было достроено до конца. К сооружениям религиозного характера относятся остатки мечети и двух мазаров.

Остатки первой открыты в центре городища. Эта была прямоугольная в плане постройка (рис. 1), чуть вытянутая с севера на юг. Размеры ее 57,7 × 51,5 м; стены толщиной 1,3 м, опираются на фундамент толщиной 1,7 м, высотой 0,25–0,35 м (Бырня П.П., 1985, с. 24–35). Судя по сохранившимся на высоту 0,3–1,25 м остаткам стен, последние были сложены из двух панцирей слегка подтесанного крупного известняка с забутовкой внутреннего пространства мелким камнем на извести.

Сооружение симметрично относительно оси главного входа, который находился в северной стене и был ограничен остатками двух выступающих пилонов длиной 4,08 и шириной 1,55 м с расстоянием между ними 3,8 м. Пилоны были поставлены на древнюю дневную поверхность и примыкали с внешней стороны северной стены здания.

В средней части южной стены по оси главного входа прослежено основание полукруглого выступа диаметром 2,6 м. Выступ сооружен вперевязку со стеной и в той же технике. Сохранился он на высоту 0,6 м. В его основании обнаружен фундамент,

© П.П. Бырня, Т.Ф. Рябой, 1997 г.

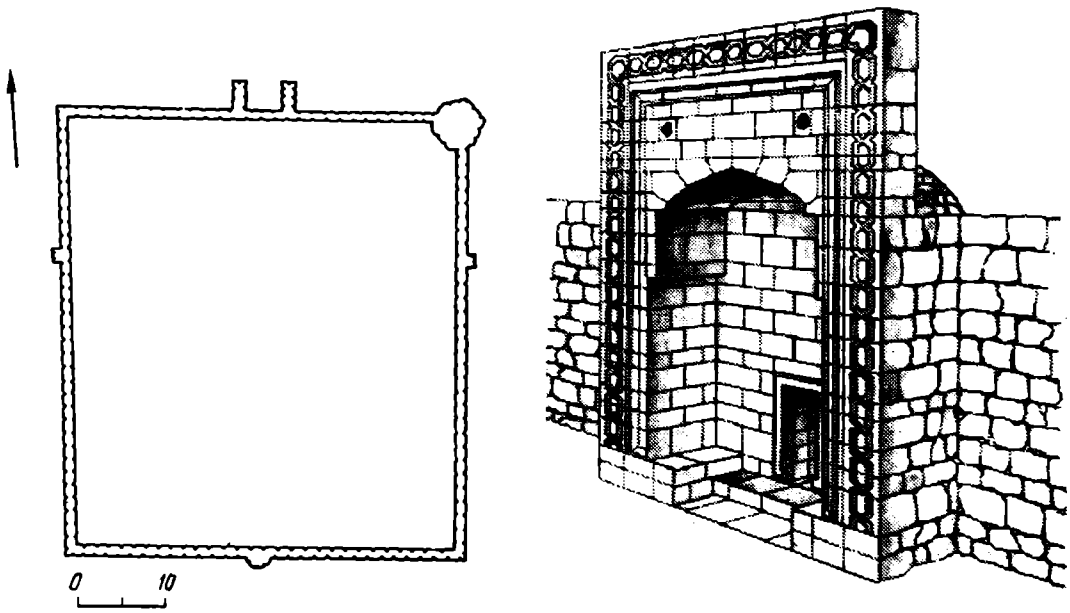


Рис. 1. План мечети и вариант реконструкции большого портала

состоящий как бы из двух ярусов: нижний выступает за пределы выступа на 0,2, верхний – на 0,15 м.

Северо-восточный угол сооружения был «охвачен» цоколем какого-то наземного здания. Цоколь имел форму шестиугольника со сторонами от 3,05 до 3,4 м. Центр шестиугольника находился на пересечении внутренних контуров северной и восточной стен здания. Цоколь покоился на фундаменте толщиной 1,5 м также в форме обтекаемого шестиугольника размерами примерно 7,4 × 9 м, представляющего собой мощный блок объемом около 100 м^3. Его фундамент состоял из раствора извести с песком и мелкотолченного камня, напоминающего очень прочный бетон, залитый пятью слоями, каждый из которых выдерживался до полного затвердения вяжущего материала.

Стены цоколя (высотой 0,9 м) сложены из трех рядов тщательно обтесанных, плотно подогнанных друг к другу прямоугольных блоков из местного ракушечника. Таким образом, северо-восточный угол здания был охвачен фундаментом ступенчатого цоколя, который, судя по форме, размерам и прочности, служил основанием для какого-то сооружения башенного типа.

В северо-восточном углу сооружения и у цоколя найдено большое количество каменных архитектурных деталей и блоков, подготовленных для строительства здания: баз, частей колонн, карнизов и др., изучение которых позволило сделать попытку восстановления некоторых его частей, например входа.

Судя по характеру пилонов и ряду архитектурных деталей, центральную часть фасада, ориентированного на север, должен был занимать мощный богатый портал, выступающий из плоскости фасада, который должен был служить главным украшением здания. В раме портала, который мог быть высотой до 10 и шириной около 7 м, имелась высокая арочная ниша глубиной около 4 м стрельчатого очертания. Лицевую раму портала обрамлял пояс выбитых в известняковых блоках Х-образных фигур, которые, соединяясь, составляли отдельное звено так называемой сельджукской цепи, придававшей фасаду здания парадный вид (рис. 1). О возможном подобном обрамлении рамы большого портала свидетельствуют находки каменного блока с этой деталью орнамента у западного пилона сооружения. Более сложный, но близкий по деталям декор нанесен на обрамлении лицевой части портала мавзолея XIV в. «Неизвестный» в архитектурном комплексе Шахи-Зинда в Самарканде (Памятники архитектуры..., 1971).

В глубине ниши находился малый портал прямоугольной формы, очерчивающий вход во двор. Он также был сооружен из тщательно отесанных блоков. Высота его около 2,3, ширина 1,5 м.

Сооружение датируется находками медных монет середины XIV в., относящихся к правлению хана Джанибека, т.е. ко времени строительства здесь золотоордынского города, периоду, когда он был наиболее тесно связан с центрами Золотой Орды.

Сам факт, что здание не было достроено, затрудняет выяснение его назначения, однако изучение основных его элементов – характера входа, назначения полукруглого выступа в южной его стене и цоколя наземного сооружения в северо-восточном углу – позволяет считать его мечетью. Мощные порталы со входом в стрельчатой арочной нише в рассматриваемое время были характерны для многих архитектурных сооружений Востока: мечетей, медресе, караван-сараев, мавзолеев и др. Поэтому один портал не может служить решающим фактором при определении назначения этого сооружения.

Полукруглый выступ в южной стене здания, построенный вперевязку одновременно со стеной, вне всякого сомнения, указывал место ниши – михраба (обычно с арочным венчанием), утопленной, видимо, в этот полукруглый выступ. Он правильно, в соответствии с мусульманским каноном ориентирован на юг, на Мекку, на Каабу (Всеобщая история..., 1969, с. 18).

Другим важным элементом, характеризующим мечеть, является минарет, остатки которого открыты в северо-восточном углу постройки. Мощный фундамент с шестигранным цоколем диаметром около 5 м служил прочным основанием для минарета, представлявшего собой обычно высокое башнеобразное сооружение.

В плане данная мечеть принципиально не отличается от золотоордынской мечети, исследованной Г.А. Федоровым-Давыдовым и В.Л. Егоровым на Водянском городище в Нижнем Поволжье (Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с. 108, 109, рис. 1). Основные элементы последней сохранились лучше, так как она функционировала определенное время. Кирпичная михрабная ниша была четко выражена, а внешний ее выступ имел прямоугольную форму. Прямоугольный в плане цоколь минарета был также пристроен к северо-восточному углу.

Материалы, полученные раскопками на Водянском городище, позволили выяснить или по крайней мере предположить конструктивные особенности внутреннего пространства мечети. Там были обнаружены пять рядов квадратных кирпичных баз со скошенными углами от деревянных колонн, поддерживающих перекрытие. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в Шехр ал-Джедиде у северо-восточного угла мечети среди каменных архитектурных деталей различных форм были найдены и несколько квадратных баз со скошенными внешними углами из местного известняка, близкие по форме найденным на Водянском городище. Видимо, они также предназначались в качестве опор для деревянных колонн, которые должны были поддерживать перекрытие, но не были использованы, так как мечеть не была достроена. Дополнительным и очень важным доводом в пользу строительства мечети в Шехр ал-Джедиде является находка в кладке более позднего сооружения каменного обломка с арабской надписью, гласившей: «Благотворитель благочестивый приказал построить эту мечеть Алих... сан» (Смирнов Г.Д., 1960, с. 80).

Мечеть сохранила каноническую форму, создававшуюся на протяжении длительного времени, а именно квадратный двор, окруженный каменными стенами, к которым за исключением южной (с михрабом) должны были примыкать галереи с айванами, с плоским перекрытием, поддерживаемым деревянными колоннами, покоящимися на каменных фигурных базах.

Это была, видимо, центральная, единственная в городе соборная мечеть, которая, судя по ее площади, могла вместить около 6000 молящихся (судя по современным реалиям, когда на 1 м^2 приходится два молящихся). Являясь одновременно не только культовым, но и культурным центром, она занимала главное место на центральной

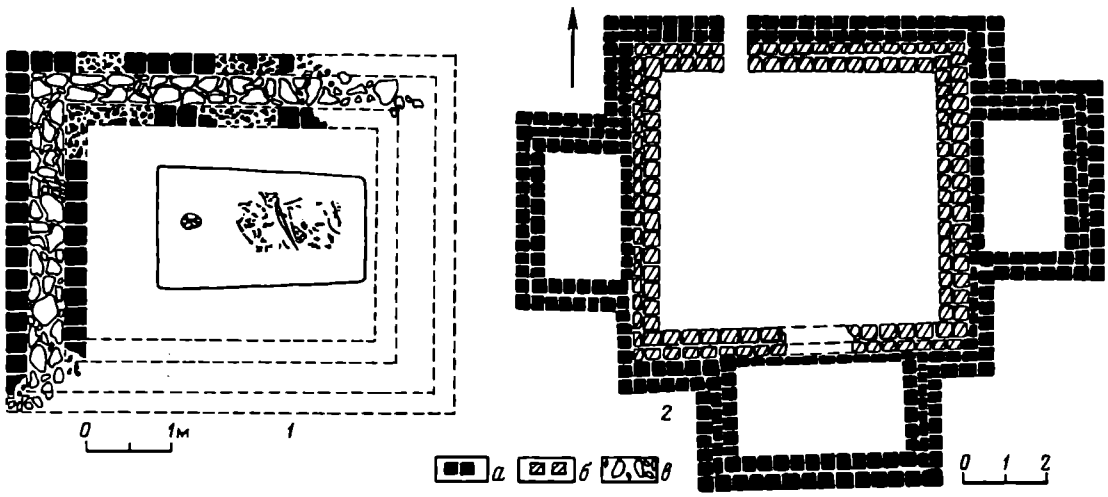


Рис. 2. Планы мазаров. *1* – план мазара I; *2* – план мазара II. *а* – обоженный кирпич; *б* – сырцовый кирпич; *в* – известняковые камни

площади города, а высокий минарет должен был служить отличной акцентирующей и видовой точкой.

Остатки другого культового сооружения открыты на восточном склоне второй террасы, над самым обрывом каменного правого берега Реута в виде скопления битого кирпича, исследование которого позволило вскрыть остатки и северо-западный угол фундамента строения. Прослежены примерно половина фундамента северной и бóльшая часть западной его стены. Фундамент был сложен из двух параллельных стенок из обожженного квадратного кирпича с забутовкой между ними известняковым камнем. Расстояние между кирпичными стойками составляло 0,4 м, общая толщина фундамента стен около 1 м. Лучше всего сохранились остатки кирпичной стены, фрагмент которой уцелел благодаря тому, что он при разрушении стены как бы лег на склон, возвышающийся над сооружением, а затем сверху был засыпан развалом сооружения. Сама стена была сложена из красного квадратного кирпича, причем в основании стены снаружи был применен декоративный прием торцовой кирпичной кладки.

Сооружение (рис. 2, *1*) прямоугольное в плане, ориентировано по странам света, размерами примерно 5,4 × 4,4 м. В центре его была обнаружена выдолбленная в скале прямоугольная погребальная яма, ориентированная по линии запад – восток, размерами 2,5 × 1,5 м, несколько расширяющаяся к западу. В верхней части погребальной ямы, заполненной песком, известняковой крошкой и битым кирпичом, были обнаружены фрагменты известняковой плиты с нерасшифрованной арабской надписью, куски обожженной глины и древесного угля, а также фрагмент кашинной керамики с голубой поливой, что позволяет датировать сооружение золотоордынским временем (XIV в.). На дне ямы обнаружены раздробленные человеческие кости вперемешку с битым кирпичом, камнями и кусками истлевшего дерева – остатки человеческого скелета очень плохой сохранности. Кости его частично раздроблены, смешаны с битым кирпичем и остатками деревянного гроба. Раздробленный и сильно обожженный череп лежал в западной части ямы, что свидетельствует о западной ориентировке погребенного. На дне ямы, в ее северо-западном углу, найден фрагмент золотоордынского сосуда красного цвета с волнистым орнаментом, подтверждающий датировку.

Несомненно, в данном случае мы имеем дело с захоронением золотоордынского времени, помещенном в усыпальницу – мазар (мазар I). Мазары строили для погребения высокопоставленных или духовных лиц, поэтому они всегда стояли отдельно от городского кладбища и обычно на видном месте. Вход в мазар, видимо, располагался с юга, ориентировка погребенного была западной, а лицо его должно

было быть повернуто на юг, ко входу, т.е. на Кыблу, что являлось обязательным условием мусульманского обряда (Халикова Е.А., 1986).

Мазар II располагался примерно в 250 м к востоку от мазара I, также над обрывистым берегом Реута, примерно в 5–8 м от его края. Остатки этого сооружения были открыты во время исследования дворца пыркалаба Г.Д. Смирновым (Бырня П.П., 1991, с. 11, 12) и использовались при строительстве в 60-х годах XV в. в качестве помещений для подземного бассейна. Этот мазар (рис. 2, *2*) имел форму, близкую к крестообразной, и состоял из четырех помещений, сооруженных на материковом грунте без фундамента. Центральным является помещение почти квадратной формы размерами 7,6 × 6,5 м. Глубина его достигала 4 м от поверхности развалин дворца пыркалаба. Вместо фундамента вся площадь здания была заполнена грунтом на глубину 1,6 м над уровнем дневной поверхности, что составляло как бы цоколь. Стены его толщиной до 0,9–1 м и сложены с наружной стороны из двух рядов обожженного кирпича на известняковом растворе, а с внутренней стороны – из двух рядов сырцового кирпича на глиняном растворе. Размеры кирпичей 23 × 23 × 5, 24 × 24 × 5 и 25 × 25 × 5 см. В материковом полу центральной камеры прослежена яма, по форме близкая к прямоугольной со скругленными углами размерами 2 × 1,3 м, глубиной около 0,6 м яма вытянута с востока на запад.

К восточной, южной и западной стенам центрального помещения примыкали еще по одному помещению прямоугольной формы, слегка вытянутые вдоль стены центрального. Стены их сложены из того же обожженного плоского квадратного кирпича на известковом растворе и, судя по чертежам, могли состоять из одного, а местами нескольких рядов кирпича, ибо их толщина была разной. Как уже отмечалось, дополнительные помещения вытянуты слегка вдоль стен центральной камеры размерами около 3,3 × 2,2 (восточная), 4 × 2,5 (южная) и 3 × 1,9 (западная). Все внешние камеры изолированы от центральной и с ней, судя по имеющимся планам, не сообщались, ибо отделены от стен центральной камеры двойной кирпичной стеной. Имеющиеся материалы не позволяют проследить, строились ли все камеры одновременно с центральной или боковые помещения к нему пристраивались позже.

Вход в центральное помещение, очевидно, был со стороны реки, т.е. с севера, так как там обнаружен прямоугольный проем высотой 1,56 и шириной 0,9. Между кирпичами в стене сохранились остатки тлена, видимо, от двери.

К сожалению, все имевшиеся в заполнении этого сооружения материалы не сохранились, так как были уничтожены при более позднем строительстве дворца пыркалаба, когда остатки мазара могли быть расчищены под подземные помещения для дворцового бассейна.

Сама форма всего сооружения в целом, а также строительный материал, из которого оно было воздвигнуто, – красный обожженный кирпич квадратной формы – позволяют допустить, что это сооружение также являлось мавзолеем – мазаром, который по числу камер мог быть коллективной или семейной усыпальницей. Следует отметить, что для этого типа культовых сооружений, появившихся впервые на Востоке, еще издревле одним из характерных элементов было использование в качестве строительного материала красного квадратного обожженного кирпича. Это явление можно проследить примерно с X–XI вв. в Иране, в Средней Азии (Всеобщая история..., 1969, с. 155, 213–217, 231–236), а с образованием городских центров Золотой Орды – в Нижнем Поволжье. Известны главным образом кирпичные мазары, три из которых были исследованы на Водянском городище (Егоров В.Л., 1980, с. 74–88).

Восточные мавзолеи XI–XIV вв. обычно прямоугольной формы и, как правило, с нишами в каждой стене по осям здания, являющимися частями интерьера (Всеобщая история..., 1969, с. 236, рис. 16; с. 249, рис. 29; с. 283, рис. 6; с. 290, рис. 13; с. 293, рис. 15). Ниши некоторых мавзолеев, видимо, использовались в качестве мест погребений. Наиболее известен в этом плане кирпичный мавзолей XI в. Абу-Саида в Мехне, в южной Туркмении. Мавзолей состоял из одного помещения, квадратного в

плане, с глубокими нишами в стенах (Всеобщая история..., 1969, с. 236, рис. 16). У восточной стены находилось надгробие, обмазанное глиной, в южной нише – второе надгробие (Прибыткова А.М., 1955, с. 28).

Мазар II из Старого Орхея был как бы крестообразным, и ниши здесь заменены дополнительными помещениями, как уже говорилось, глухо примыкавшими с трех сторон к центральной камере мазара. Вероятнее всего, во всех помещениях были погребения, которые в процессе строительных работ дворца были разрушены.

Интересен также тот факт, что из всех монументальных сооружений Шехр ал-Джедида лишь усыпальницы-мазары были построены из красного плоского кирпича, а остальные же сооружения – из местного известнякового камня. Использование при строительстве мавзолеев только кирпичной кладки подтверждают и материалы раскопок двух мазаров XIV в., открытых в 25 км севернее Шехр ал-Джедида, у с. Бравичены Оргеевского р-на. Их стены были сооружены в той же технике из четырех рядов плоских кирпичей этого же типа и размера (Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П., 1960, с. 45–52).

Таким образом, даже не располагая полноценными данными о результатах исследования этого сооружения, можно говорить, что сама его прямоугольная форма и строительный материал (красный кирпич) являются элементами, характерными для мавзолеев Востока. Все это позволяет видеть в данном сооружении остатки золотоордынского мазара.

Таким образом, культовые сооружения в Шехр ал-Джедиде представлены остатками каменной мечети и двух кирпичных мазаров. Первая, занимавшая видное место в общественной жизни города, находилась в его центре. Мазары же как усыпальницы знатных жителей города были размещены на самом его видном месте, над обрывистым, более чем 100-метровой высоты, правым берегом Реута.

Сооружения гражданской архитектуры в Шехр ал-Джедиде представлены прежде всего тремя общественными банями. Средневековые бани при значительном многообразии их планировки имеют общую черту: пол их был устроен на столбиках, с тем чтобы горячий воздух, распространявшийся от топки по подпольному пространству, обогревал его. Впервые в истории такая система отопления была применена в древнем Риме. На Востоке бани этого типа появились во время арабских завоеваний. Арабы не только восприняли римско-византийские традиции, но и способствовали распространению бань с подпольным отоплением не только на территории своего государства, но и в сопредельных странах. Результатом этого на Востоке стало возникновение особого типа восточных бань – хаммам[1], генетически связанных с римскими термами, но все же принципиально отличающихся от них. Общей чертой, объединяющей все типы планировки хаммам, является наличие в ней центрального зала в виде многоугольника – креста или звезды. По мнению В.Л. Ворониной, уделившей большое внимание изучению этого типа зданий, основную черту хаммам составляла влажная парильня, что отличало их от античных бань (Воронина В.Л., 1983, с. 165), для которых был характерен сухой жар.

Другим отличием восточных хаммам от римских терм, для которых плановая структура представляла собой как бы анфиладу помещений с постепенно нарастающей температурой, было наличие в хаммам композиционно доминирующего центрального зала крестообразной или звездообразной формы.

Широкое распространение хаммам не привело к исчезновению бань, построенных по античным планировочным принципам. Если в странах, тяготеющих к мусульманскому Востоку (Иран, Афганистан), странах Ближнего Востока и Магриба, Средней Азии (Воронина В.Л., 1983, с. 165), Азербайджане (Уссейнов М.А., 1951; Бретаницкий Л.С., 1966, с. 208) к XIV в. общественные бани стали настоящими хаммам с центральным залом, то в регионах, находящихся под влиянием Византий, – Грузии (Мусхалишвили Л., 1946, с. 262–272), Армении (Халпачьян О.Х., 1960), Крыму (Якобсон А.П., 1950,

[1] «Хаммам» – от арабского корня «хамма» – греть, топить.

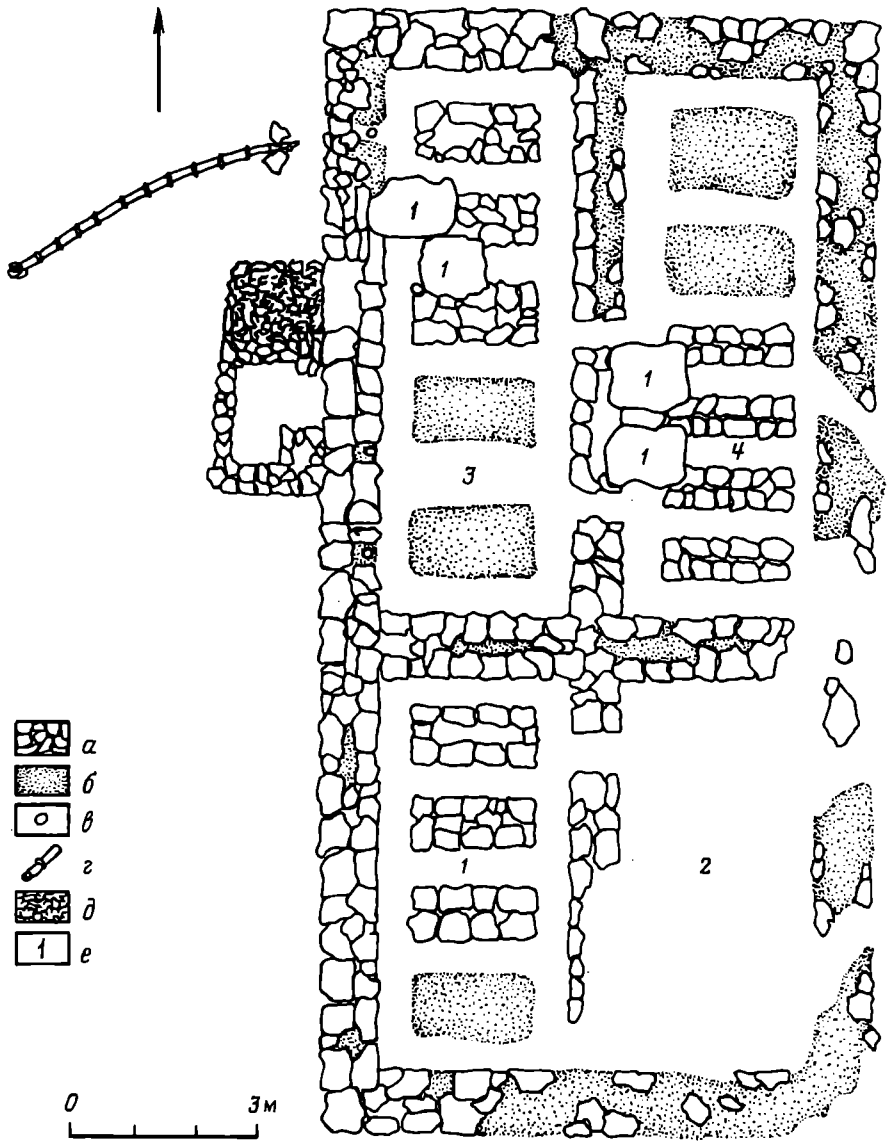


Рис. 3. План бани I. *а* – каменная кладка; *б* – известковый раствор; *в* – каналы вертикального дымохода, *г* – гончарные трубы; *д* – обмазка; *е* – остатки каменной вымостки пола

с. 78–86), Болгарии (Георгиев П.П., 1981, с. 100–108), в планировке банных сооружений продолжала господствовать античная традиция.

В Золотой Орде, где общественная и городская жизнь складывалась под влиянием завоеванных народов, стоящих на более высокой ступени развития, также были распространены общественные бани. Они известны в Болгаре (Смирнов А.П., 1951, с. 209–221; Хованская О.С., 1954, с. 343–423), Мохше (Алихова А.Е., 1976, с. 166–169), на Водянском (Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1976, с. 42, 43) и Селитренном городищах (Зиливинская Э.Д., 1991). На некоторых из этих памятников открыты остатки бань, построенные как по античным, так и по восточным образцам.

Не являются исключением золотоордынские общественные бани, открытые в Шехр ал-Джедиде. Они располагались на окраине города, на правом берегу реки. Баня I (рис. 3), раскопанная в 1948 г., представляла собой прямоугольное здание, ориентированное по линии север – юг, размерами 18 × 8 м, сложенное из необработанного известняка на известковом растворе. Внутреннее пространство было разделено на четыре помещения, шириной 3 м каждое. Длина двух южных (№ 1 и 2)

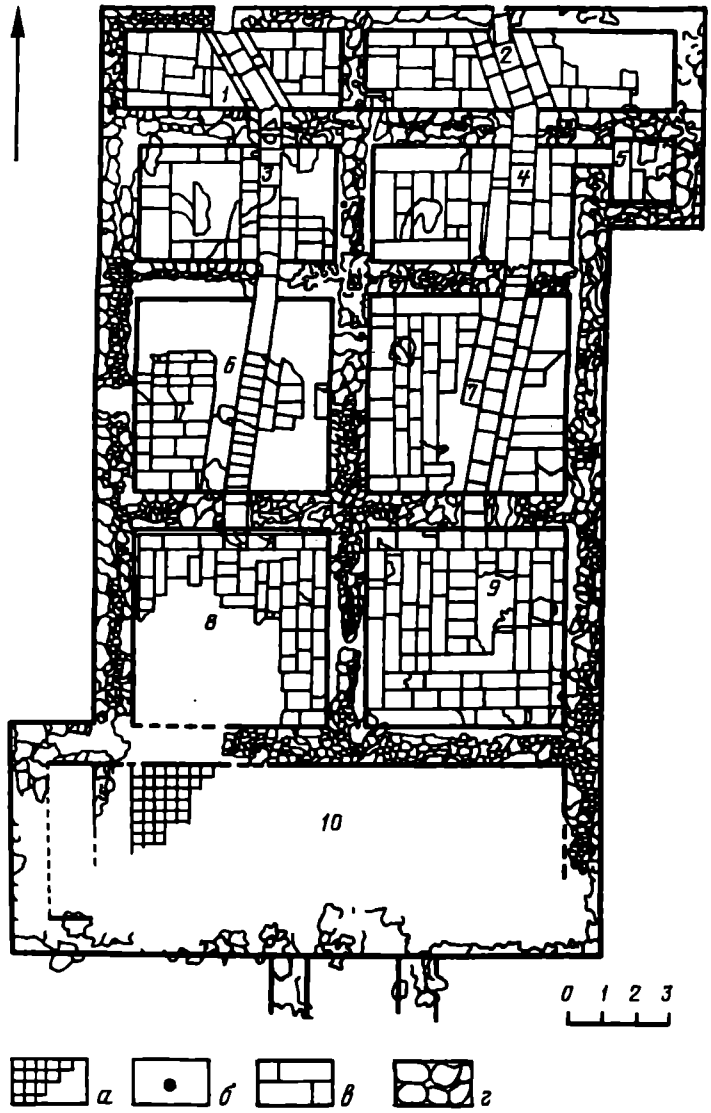


Рис. 4. План бани III. *а* – кирпичный пол; *б* – вертикальные трубы калориферного отопления; *в* – каменный пол; *г* – каменная кладка

помещений равна 6,25 м, а двух северных (№ 3 и 4) – 8,75 м. В юго-западном и в обоих северных помещениях прослежена система подпольного отопления с каменными устоями для опоры плит пола, образующими ряды, идущие вдоль оси здания, и обогревающими пол, состоявший из крупных каменных плит. Печь для обогрева воды располагалась у западной стены северо-западного помещения бани. Здесь находилось трапециевидное в плане строение из мелких камней. Сточные воды удалялись по трубопроводу, остатки которого прослежены у северо-западного угла здания. Предположительно, баня I состояла из неотапливаемого тамбура (юго-восточное помещение), теплой раздевальни (юго-западное помещение) и двух мылен (северные помещения), или же из двух отделений: женского и мужского.

Баня III (рис. 4), исследованная в 1959 г., представляла также удлиненный с севера на юг прямоугольник размерами 18 × 28 м, разделенный на 10 помещений. В северной части располагались две неотапливаемые комнаты шириной 2,25 и длиной 6,25 м (западная) и 9 м (восточная). К югу от них находились два отапливаемых помещения размерами 3,5 × 6 м. В восточной стене одного из них имелся проход (0,5 м), который вел в небольшую комнату размерами 2 × 1,5 м. Далее к югу располагались четыре квадратных (3 × 3 м) помещения с теплым полом. С юга, со стороны реки, к зданию

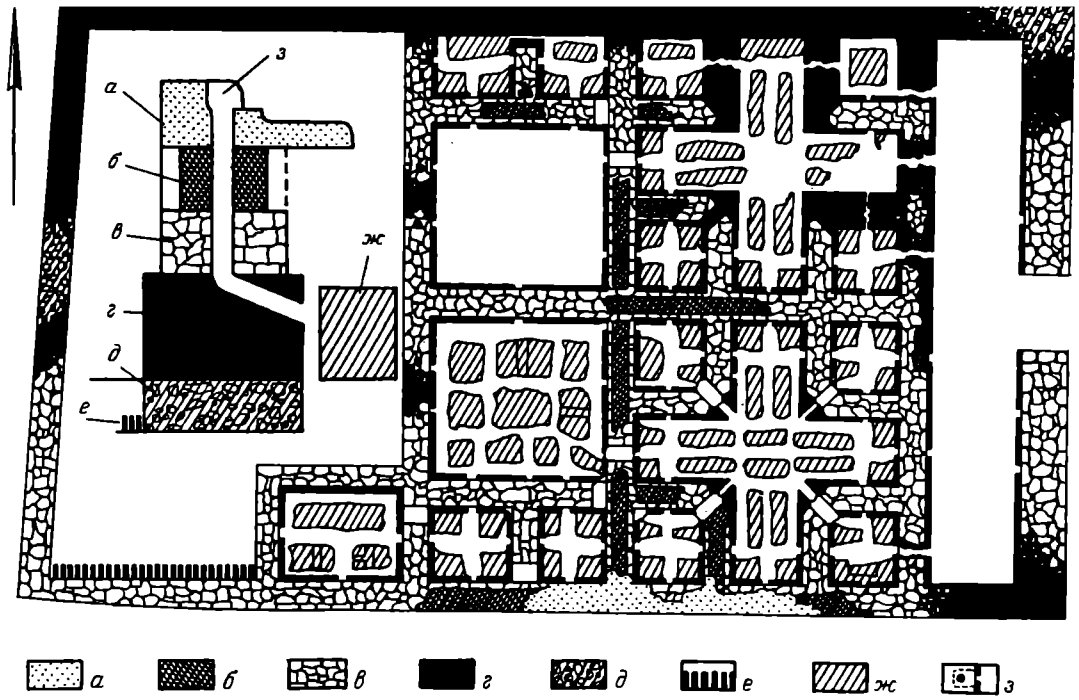


Рис. 5. План бани II. *а* – стена выше выемки; *б* – стена на уровне выемки; *в* – стена ниже выемки; *г* – цоколь; *д* – фундамент; *е* – добавочный фундамент; *ж* – опоры для плит каменного пола; *з* – вертикальные трубы

примыкало большое помещение с остатками кирпичного пола, где, видимо, находились печь и цистерны для воды.

В полу здания были сделаны канавки для стока воды, которые пересекали всю баню с севера на юг. В стенах были вертикальные дымоходы из глиняных труб. Вода в бане проходила по керамическим трубам. Отсутствие переходов между западными и восточными помещениями позволяет, как уже говорилось, предположить, что баня состояла из мужского и женского отделений. Каждое из них состояло из неотапливаемого входного тамбура, теплой раздевальни и двух мылен. В одном из них, видимо, мужском, имелась дополнительная комната.

Наибольший интерес представляет баня II (рис. 5), частично раскопанная в 1949–1950 гг. и полностью доследованная в 1979–1982 гг. В плане она трапециевидной формы, вытянута вдоль берега Реута по линии восток – запад, шириной 23,6, длиной 40 м в южной части и 37,6 м в северной. Баня состояла из 19 помещений. Все здание по поперечной оси было разделено на три неравноценных помещения: предбанник, мыльное отделение и топочную часть. Баня также имела систему подпольного отопления. В отапливаемых помещениях плиты пола опирались на нижнюю ступеньку стен и на массивные устои из необработанного ракушечника на известняковом растворе.

Помещение 1 – неотапливаемый предбанник, возможно, был общим или разделялся легкой перегородкой на два помещения. Далее к западу располагалось первое отапливаемое отделение, использовавшееся главным образом для мытья. В северной части она состояла из помещений 2, 3 и 4, а в южном – из помещений 10, 11 и 12. Как видим, две эти части – северная и южная – по планировке, формам и размерам помещений были идентичными и располагались симметрично продольной оси. Далее к востоку располагались основные отделения бани – две наиболее теплых мыльни – два идентичных крестообразных зала (5 и 14) с четырьмя лоджиями и четырьмя угловыми мыльнями (северные помещения 6, 7, 8 и 9 и южные помещения 15, 16, 17 и 18), которые обычно перекрывались куполами: двумя большими для центральных залов и

восемью малыми над угловыми камерами. Завершает помещение бани прямоугольное топочное отделение (помещение 19), которое находилось в восточной ее части и соединялось с примыкающими к нему помещениями горизонтальными каналами. Системы подачи воды и водостока полностью не изучены. Судя по водопроводу, состоящему из двух веток, расположенных одна над другой, цистерн должно было быть по меньшей мере две: для горячей и холодной воды.

Таким образом, баня II представляла собой уникальный образец бани золотоордынского времени. Поражают огромные размеры здания, соответствующие тому размаху, с каким строились и другие сооружения Шехр ал-Джедида – мечеть, «караван – сарай». Необычна и планировка здания – наличие двух крестообразных залов. Здесь мы имеем дело также с двумя отделениями сдвоенной бани: мужским и женским.

Бани крестового плана с двумя практически равноценными отделениями известны в Крыму (Засыпкин Б.Н., 1927, с. 160), несколько позже, в XVI в., в результате турецких завоеваний (Воронина В.Л., 1983, с. 151). Баня II отличается от прочих золотоордынских не только размером и наличием двух отделений. Во всех известных до настоящего времени хаммам Золотой Орды крестообразный зал с угловыми мыльнями занимал основной объем здания. В бане II Шехр ал-Джедида ситуация совершенно иная: крестообразные помещения сравнительно невелики и занимали небольшую часть здания. Кроме того, между ними и предбанником находился блок из шести прямоугольных в плане мыльных комнат. Следовательно, баня II по своей планировке сочетает в себе одновременно черты восточной (хаммам) и римско-византийских традиций (терм). Общественные функции хаммам весьма разнообразны – это место отдыха, общения, развлечений. Мытье в хаммам сопровождалось интенсивным массажем.

Рассматривая бани Шехр ал-Джедида, в целом следует отметить, что для этих сооружений характерно наличие двух отделений: женского и мужского. При этом в двух больших, явно общественных банях, мужское отделение имеет дополнительную комнату. Сам факт, что нигде в Золотой Орде не встречаются бани с двумя отделениями, позволяет видеть в этом местное явление, продиктованное спецификой общественных отношений. Из трех описанных бань наиболее грандиозной является баня II. Видимо, она предназначалась для зажиточных слоев горожан, что соотносится с данными исследований болгарских и нижневолжских бань, являвшихся наиболее богатыми постройками. Что же касается общих планировочных принципов, то в банном строительстве Шехр ал-Джедида явно превалирует римско-византийская традиция, представленная банями I и III. Баня II представляет собой пример смешения восточной и западной традиций.

В Шехр ал-Джедиде бани были построены на окраинах города, на берегу реки, в самой низкой его части, ближе к воде. Это связано с тем, что воды на самом городище не было, и чтобы не возить ее издалека и не заполнять котлы вручную, бани были построены в нескольких шагах от реки. Водоснабжение могло осуществляться и посредством так называемого огородного поливного колеса, приводящегося в движение течением реки.

Раскопками в Старом Орхее в 1975–1977 гг. неподалеку от мечети были открыты остатки еще одного крупного каменного сооружения (рис. 6). Оно располагалось примерно в 18–20 м к востоку от нее, вытянуто так же, как и мечеть, по линии север – юг, т.е. параллельно ей. Это сооружение известно в литературе как «караван-сарай» (Бырня П.П., 1974, с. 230, 231). Оно прямоугольной формы, размерами 52 × 26 м. На северном и южном фасадах точно по продольной оси сооружения размещены входы, отмеченные выступающими пилонами. Оформление входов, судя по фрагментам, напоминает восточные пештаки (порталы), аналогичные тем, что у мечети.

Материал сооружений – известняк с применением известкового раствора. Фундамент ленточный, сплошной подо всем сооружением, включая пилоны входов. Он положен по рельефу, сложен из разнообразных по форме и размерам камней и залит известняковым раствором. Верх фундамента представляет сплошной слой раствора

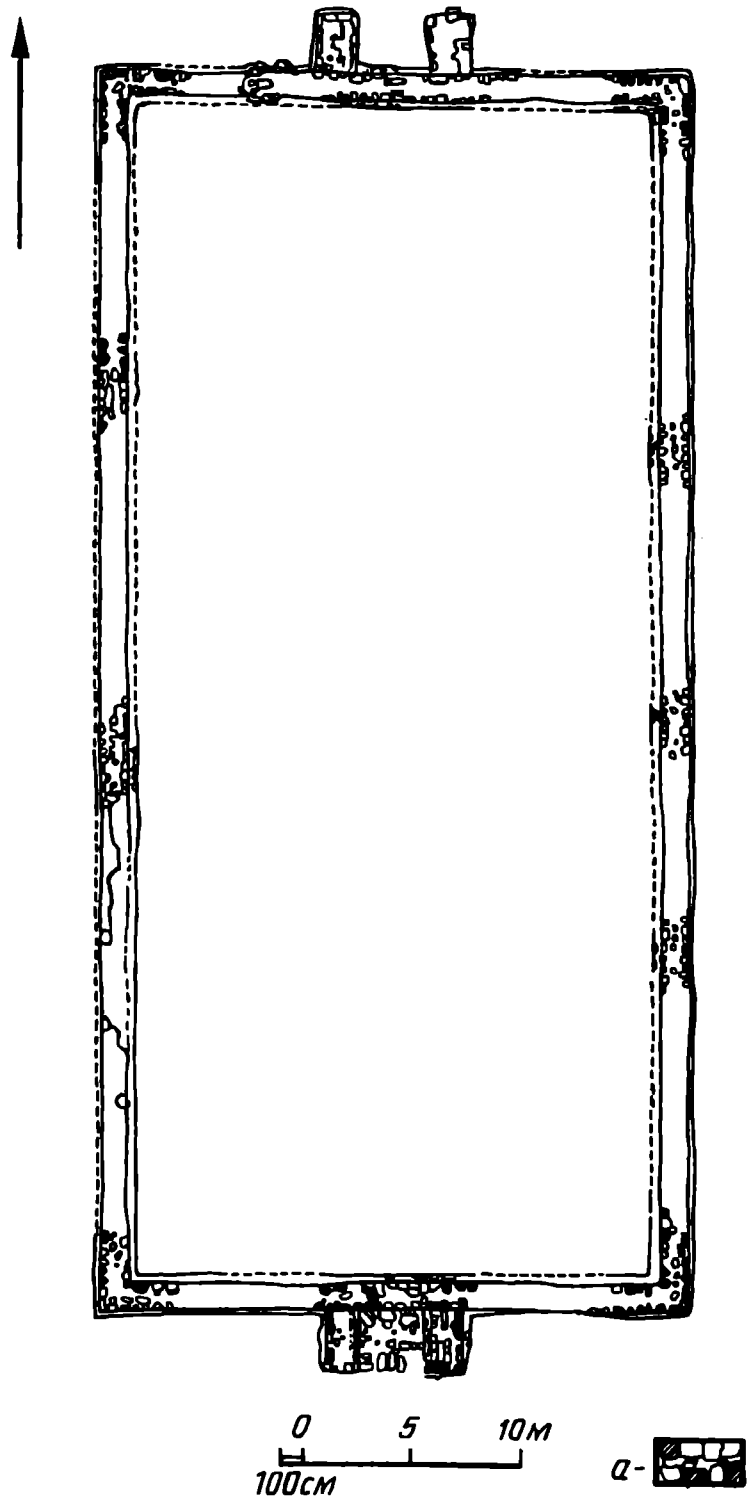


Рис. 6. План караван-сарая. *а* – каменная кладка

толщиной до 0,1 м с примесью мелких камней, образующих постель для кладки стен. Высота фундамента от 0,2 до 0,5 м. В плане от линии кладки стен фундамент выступает наружу на 0,1–0,15 м, внутрь сооружения – на 0,3–0,5 м. Вертикальные поверхности фундамента обмазаны известняковым раствором. Стены сложены из крупных обработанных камней на известковом растворе без соблюдения рядов, пространство между которыми забутовано камнями и залито раствором. Ширина стен составляет 1,1 м. Они сохранились над фундаментом на высоту не более 0,5 м.

Углы сооружения имели четко выраженный геометрический абрис. Это достигалось тем, что обе лицевые торцовые, а также верхняя и нижняя поверхности угловых камней наружной версты обработаны троянкой точно под прямым углом друг к другу.

Входы с севера и юга размещены друг против друга, строго по продольной оси и сходны по решению. Их пилоны связаны со стеной и выступают на 2,8 м. Северный вход, вероятно, главный, он крупнее по габаритам. Его общая ширина 6,9, ширина пилонов 1,8 м. Расстояние между пилонами 3,4 м. Торцы и внутренние стенки пилонов облицованы, как и в мечети, крупными, хорошо притесанными друг к другу блоками, поверхность которых обработана троянкой. Высота обработанных блоков 0,4, длина 0,6–0,8, ширина 0,25–0,27 м. На участке стены, ограниченной пилонами, близ западного угла сохранился порожный камень, в котором уцелело гнездо (пята) для крепления ворот, отворяющихся внутрь сооружения. Порог состоял из двух камней длиной 0,8 м и, таким образом, дверной проем северного входа имел ширину 1,6 м.

Южный вход имел общую ширину, включая ширину пилонов, 6,04 м, толщина пилонов 1,52 м, расстояние между ними соответственно равно 3 м. Пилоны выложены в той же системе кладки, что и стены сооружения. Установлено сходство южного входа с северным как по габаритам, так и по форме и величине порога. Судя по толстому слою камней, прослеженному вдоль всего периметра стен, сооружение могло быть близким к завершению, когда строители покинули город.

Таким образом, «караван-сарай» II представлял сооружение, близкое по технике строительства, форме, ориентировке, длине и некоторым строительным приемам описанной выше мечети, а отличало их лишь наличие второго южного входа у «караван-сарая» и его ширина, составляющая ровно половину ширины мечети. Видимо, в практической деятельности строителей применялась определенная модульная система, которая облегчала перенос в натуру проектируемого сооружения. Модулем могла служить величина какого-нибудь элемента здания – сторона прямоугольника сооружения и т.д. (Всеобщая история..., 1969, с. 199).

Сооружения монументальной архитектуры золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедида определяли основной его облик. Центр города был отмечен соборной мечетью и караван-сараем, олицетворявшими культовую и торговую функции города. Мазары I и II, располагавшиеся на самом видном месте в городе – на высоком обрывистом берегу реки, выражали религиозно-идеологические воззрения зажиточных горожан-мусульман. Общественные бани – носители культурных традиций, привязанные к основному источнику водоснабжения – реке, занимали место по периметру города на берегу реки.

Таким образом, присутствие сооружений монументальной архитектуры в золотоордынском городе Шехр ал-Джедиде свидетельствует о том, что он формировался под влиянием канонов специфических престижных строений мусульманского Востока, определивших его облик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1981. Древности Старого Орхея. Золотоордынский период. Кишинев.

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А., 1982. Древности Старого Орхея. Молдавский период. Кишинев.

Алихова А.Е., 1976. Постройки древнего города Мохши-Наровчата // СА. № 4.

Бретаницкий Л.С., 1966. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М.

Бырня П.П., 1974. Ювелирная мастерская XIV в. из Старого Орхея // АИМ (1973 г.). Кишинев.

Бырня П.П., 1985. Каменное сооружение I в Старом Орхее // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.

Бырня П.П., 1991. Из истории исследований Старого Орхея (1946–1958 гг.) // Археологические исследования в Старом Орхее. Кишинев.

Воронина В.Л., 1983. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. Вып. 31. М.
Всеобщая история архитектуры в 12 томах, 1969. Т. 8. М.
Георгиев П.П., 1981. К вопросу о древнерусских банях // СА. № 1.
Егоров В.Л., 1980. Мавзолеи Водянского городища // СА. № 1.
Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М.
Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.
Засыпкин Б.Н., 1927. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. Кн. 2. М.; Л.
Зиливинская Э.Д., 1991. Монументальное строительство в городах Золотой Орды. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Мусхамишвили Л., 1946. Раскопки в Дманиси // СА. № IV.
Новикова Л.И., 1992. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизация. Вып. I. М.
Павленко Ю.В., 1984. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы древних обществ. Киев.
Памятники архитектуры Средней Азии, 1971. М.
Прибыткова А.М., 1955. Памятники архитектуры XI века в Туркмении. М.
Смирнов А.П., 1951. Волжские Булгары // Тр. ГИМ. Вып. XIX.
Смирнов Г.Д., 1960. Из истории Старого Орхея // Изв. МФ АН СССР. № 4 (70). Кишинев.
Уссейнов М.А., 1951. Памятники азербайджанского зодчества. М.
Халикова Е.А., 1986. Мусульманские некрополии Волжской Булгарии X – начало XIII в. Казань.
Халпачьян О.Х., 1960. Средневековые бани Армении // СА. № 1.
Хованская О.С., 1954. Бани города Болгары // МИА. № 42.
Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П., 1960. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г. // Изв. МФ АН СССР. № 4 (70) Кишинев.
Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес XII–XIV вв. // МИА. № 17.
Янина С.А., 1977. «Новый город» (-Янги–Шехр-Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Нумизматический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 49.

Институт археологии и древней истории
АН РМ, Кишинев

P.P. BYRNYA, T.F. RYABOY

MONUMENTAL ARCHITECTURE OF A GOLDEN HORDE FOURTEENTH CENTURY CITY SHEHR AL-DZHEDID

S u m m a r y

An attempt to give characteristics and typology of the city's monumental constructions, to determine their role in its social life has been made in this article. This study has been conducted on the basis of the analysis of remains discovered during the excavations, i.e. monumental buildings, given their architectural peculiarities, a character of construction techniques. Two varieties of architectural constructions have been identified: cult constructions (a mosque, mazars) and civil constructions (bath-houses, caravansaries), their topography and the functions performed by each construction have been specified. It has been established that the city Shehr al-Dzhedid was developed under the influence of canons of specific prestigious buildings of the Moslem East that determined its appearance.

К 850-летию города Москвы

В.Ю. КОВАЛЬ

КЕРАМИКА ВОСТОКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЕ

(опыт систематизации)

ЧАСТЬ I. ФАЯНСЫ И ПОЛУФАЯНСЫ

Керамика восточного происхождения (КВП) составляет интереснейшую группу памятников материальной культуры, свидетельствующую о внешнеторговых и культурных связях древней Руси. В Москве такая керамика практически не была известна до начала археологических раскопок. Единственное исключение – фарфоровая сулея царевича Ивана Ивановича, сына царя Ивана IV, сохраненная в Оружейной палате Московского Кремля (Арапова Т.Б., 1980, с. 108, рис. 1). Об использовании КВП в быту московского царского двора говорят письменные источники, в частности опись имущества Бориса Годунова (Фехнер М.В., 1956, с. 93). Первые находки КВП в Москве сделаны в конце XIX в., когда под полом Благовещенского собора Кремля были найдены поливные кашинные сосуды и селадоновые чаши, до сих пор опубликованные лишь частично (Фехнер М.В., 1956, вклейка). При археологических раскопках КВП впервые обнаружена в 1950 г. в Зарядье (Рабинович М.Г., 1954, с. 77, рис. 20). Часть находок, сделанных при работах Московской археологической экспедиции (МАЭ) Института археологии АН СССР и Музеев Кремля, была опубликована Р.Л. Розенфельдтом (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 69, 70, табл. 23, 24), А.Ф. Дубыниным, Н.С. Шеляпиной (Владимирской), Г.П. Латышевой, М.Г. Рабиновичем, но, к сожалению, без профилей образцов. В 1970–1980-х годах КВП найдена при раскопках А.Г. Векслера (Музей истории и реконструкции Москвы) в Зарядье у дома бояр Романовых, а также при работах в Кремле (Панова Т.Д., 1986), в Историческом проезде (Чернов С.З., 1991, табл. 38, № 419) и в Коломенском (Беляев Л.А., 1991а, с. 43). В 1989–1995 гг. многочисленные образцы восточной керамики были найдены на ул. Ильинке, на Манежной площади и в других районах Занеглименья, Замоскворечья и Заяузья при широкомасштабных работах Центра археологических исследований (ЦАИ) Управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы (руководитель – А.Г. Векслер) и при архитектурно-археологических исследованиях ИА РАН в 1990–1992 гг. на месте Казанского собора (Беляев Л.А., 1991б; 1992)[1].

Значительный объем и разнообразие накопленного за годы археологических работ материала (около 300 ед. хр.) заставили обратить особое внимание на систематизацию найденной КВП, поскольку прежний подход к материалу, применявшийся при изучении небольших серий КВП, оказался неприемлемым. М.Г. Рабинович разделял КВП в Москве на две группы: амфоры и поливную "среднеазиатскую" керамику (Ра-

---

[1] Выражаю свою глубокую благодарность А.Г. Векслеру, Т.Д. Пановой, Л.А. Беляеву за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал из их раскопок и ценные консультации. Благодарю также Т.В. Скоробогатову (МИГМ), Т.Д. Авдусину (Музеи Кремля) и Е.Л. Трегубову (ГИМ) за помощь в работе с музейными коллекциями.

© В.Ю. Коваль, 1997 г.

бинович М.Г., 1971, с. 23). В последнюю включалась вся поливная (в основном золотоордынская) КВП, среди которой, однако, почти нет керамики из Средней Азии. Р.Л. Розенфельдт выделял "восточную" керамику XIV–XVI вв., иранскую XVI–XVII вв. и китайскую XV–XVII вв. (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 69–71). В настоящее время основательно классифицированы только находки КВП 1959–1979 гг. из Московского Кремля, сгруппированные Т.Д. Пановой (Панова Т.Д., 1986, с. 222) в соответствии со схемой Н.М. Булатова (Булатов Н.М., 1968, с. 95–109). Однако для осмысления многообразной КВП, найденной на всей территории Москвы, потребовалась разработка более дробной типологии, предлагаемый вариант которой основан на следующей **иерархии признаков группировки**.

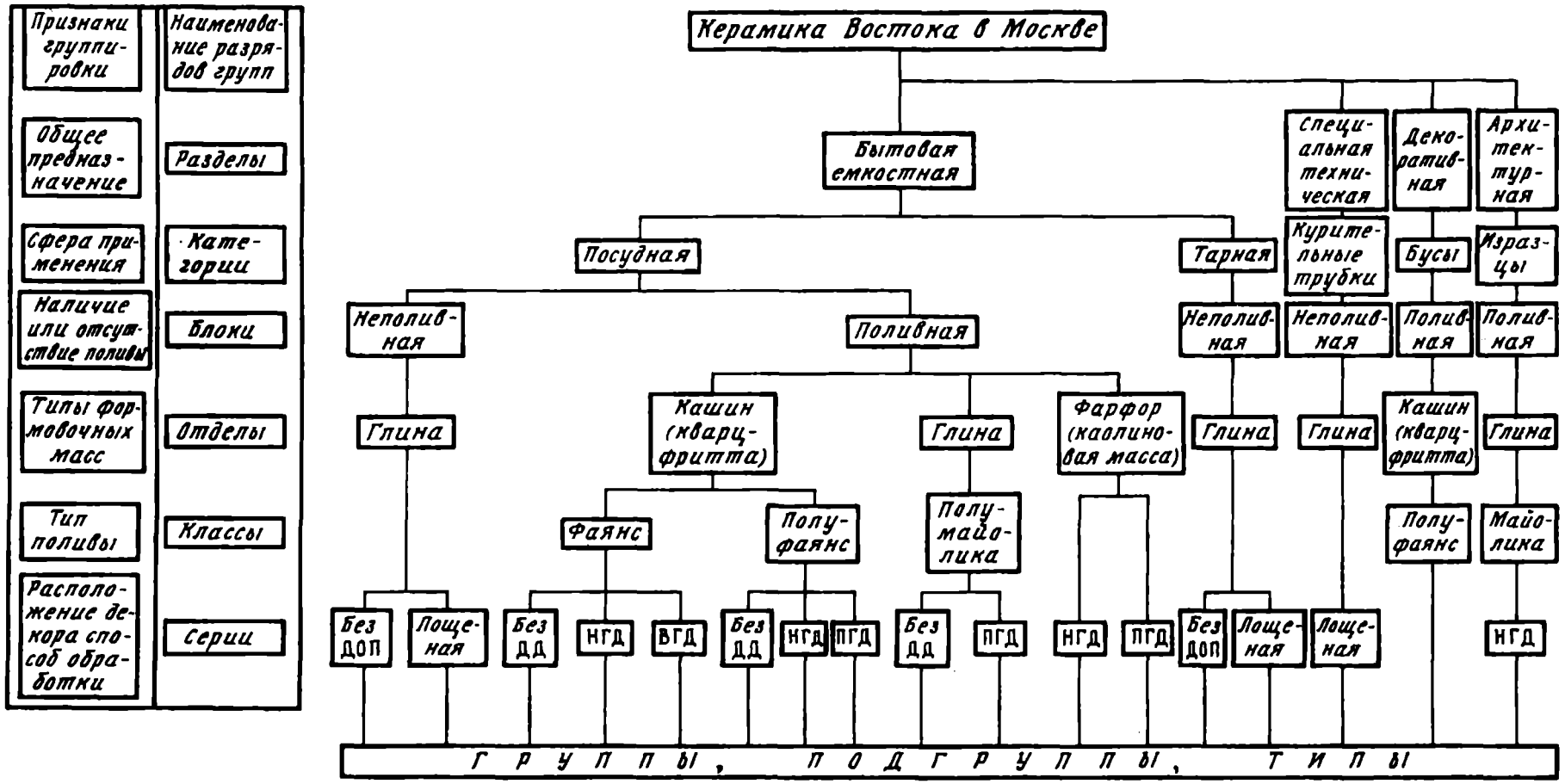
1. Укрупненная группировка КВП по ее **функциональному предназначению** (см. рис. 1 – разделы и категории).

2. Группировка по признакам **технологии** изготовления КВП (рис. 1 – отделы, классы). **Главными признаками** такой группировки являются тип формовочной массы (т.е. глина, кашин или фарфор) и тип поливы (прозрачная или непрозрачная), позволяющие определить **класс** КВП[2].

Фаянсами принято называть глазурованную керамику, изготовленную из силикатных формовочных масс, называемых обычно кварц-фриттой, каменной массой (stonepaste) или кашином (Mason R.B., Keall E.Y., 1991, p. 52), покрытую непрозрачной (глухой, опаковой) или полупрозрачной поливой (Кубе А.Н., 1923, с. 10). Полуфаянсы отличаются от настоящих фаянсов только тем, что они покрыты *прозрачной* поливой (глазурью) (Кверфельдт Э.К., 1947, с. 8). **Полумайоликой** называют поливную керамику, изготовленную из обычных глин, покрытую прозрачной глазурью (Салтыков А.Б., 1962, с. 668). Чаще всего использовались при этом красножгущиеся (т.е. сильноожелезненные) глины, но могли применяться и беложгущиеся. **Фарфором** называется поливная керамика, изготовленная из особых глин с большой примесью каолина (породы осадочного происхождения с высоким содержанием алюминия), отличающаяся высокой плотностью черепка. До XVIII в. фарфор изготавливался только в Китае. Частные признаки технологии производства (например, различия в примесях к тесту) учитываются на низшем уровне группировки (в составе видов), так как характеризуются бесконечным многообразием и на сегодняшний день изучены недостаточно.

3. На третьей стадии систематизация КВП проводится по признакам декора, причем вначале – по его технологическим характеристикам, т.е. по способу размещения декора по отношению к слою глазури (подглазурный, надглазурный, внутриглазурный). Поскольку сама глазурь также несет декоративную нагрузку, все другие декоративные элементы (роспись, рельеф и т.п.) рассматриваются как дополнительный декор, который может присутствовать или отсутствовать у глазурованной керамики (см. рис. 1 – серии). По признакам технологии исполнения дополнительного декора выделены **группы КВП**: с росписью (выполненной красками и (или) ангобами), рельефом (тисненым, налепным, резным), гравировкой по основе или по ангобу (техника "сграффито") и др. Группы включают **подгруппы**, различающиеся по цвету кроющей поливы и объединяющие типы КВП. **Типы** – основная единица группировки. Они отличаются цветовой гаммой декора (полихромный, монохромный) и его стилем, составляющими сложившуюся *традицию орнаментации*. Подобная схема систематизации КВП впервые была применена Ф. Сарре (Sarre F., 1925), затем Т.И. Макаровой и Г.В. Шишкиной (Макарова Т.И., 1967; Шишкина Г.В., 1979, с. 9, 10). В состав типов могут входить **виды,** определяемые по особенностям формовочной массы (цвету глины, твердости кашина) и варианты, различающиеся набором элементов

[2] При этом цвет глазури не признается нами за один из первостепенных признаков группировки (как у Н.М. Булатова и ряда других исследователей), поскольку он имеет не столько технологическое, сколько чисто декоративное назначение.



ДОП – *дополнительная обработка поверхности*

ДД – *дополнительный декор*

НГД – *надглазурный декор*

ВГД – *внутриглазурный декор*

ПГД – *подглазурный декор*

Рис. 1. Схема группировки КВП

орнаментации. Выделяются три вида кашина: *рыхлый* (рассыпчатый, песчанистый, "сахаристой" структуры, характерный для керамического производства золотоордынских центров Поволжья); *мягкий* (однородного состава, мелкопористый) и *твердый* (идентичный "каменной массе", присущий только Иранской керамике). Виды и варианты КВП являются низовыми ячейками группировки, которые допустимо соотносить с конкретными производящими центрами.

В разделе бытовой емкостной керамики основное значение имеет блок поливной посудной КВП (см. рис. 1).

I. ФАЯНСЫ

Серия 1. Фаянсы без дополнительного декора (группа монохромных фаянсов)

Подгруппа А. Белые фаянсы

Обломок дна вазы (?), побывавшей в огне (полива местами оплавлена), из сероватого мягкого кашина (Кремль–1959 – № 24661/365)[3]. Полива (с крупным цеком) покрывает черепок с обеих сторон, в том числе кольцевой поддон и нижнюю сторону дна. Следов росписи нет. Сложная профилировка поддона (рис. 2, *1*), характер кашина и глазурование дна с нижней стороны имеют аналоги в Иране, где белые монохромные фаянсы известны уже с XII в. Невысокое качество кашина указывает на относительно позднюю дату образца (XIV–XV вв?).

Подгруппа Б. Бирюзовые фаянсы

Тип. 1. Сосуды из белого рыхлого кашина с двусторонней непрозрачной бирюзовой поливой

Два обломка стенок от одной чаши найдены в Кремле (1959 – № 24661/352, 353), один – на ул. Ильинке в Китай-городе (1995 – участок 3 – № 20). К этому же типу, возможно, принадлежали побывавший в огне обломок чаши (Кремль – 1994 – № 9) и сосуд для розовой воды ("гюльабдан") из состава находок под полом Благовещенского собора в Кремле[4]. Полива нанесена толстым слоем, цек крупный (по составу, очевидно, щелочная).

Тип. 2. Сосуды, покрытые изнутри прозрачной, а снаружи – непрозрачной поливой бирюзового цвета

Один мелкий обломок чаши (?) найден на ул. Ильинке (1995 – участок 2 – № 132); обломок стенки сосуда известен также в Кремле (Панова Т.Д., 1986, с. 226, 227). Отличительная их особенность – полива низкого качества с черными точечными включениями.

Бирюзовые фаянсы обоих типов производились в золотоордынских городах Поволжья в XIV в. (Булатов Н.М., 1968, с. 107).

---

[3] Шифры образцов состоят из места находки, года раскопок и музейных номеров по основному фонду. Находки из раскопок в Кремле хранятся в Музеях Кремля, за исключением материалов из раскопок 1959–1960 гг., хранимых в Музее истории города Москвы (МИГМ). Материалы раскопок 1950–1957 гг. в Зарядье и 1990–1992 гг. на месте Казанского собора хранятся в МИГМ, а из раскопок 1984–1985 гг. в Зарядье – в ГИМ (филиал "Палаты в Зарядье XVI–XVII вв."). При этом для КВП из раскопок Казанского собора, работ 1984–1985 гг. и раскопок 1995 г. на ул. Ильинке в шифрах приведены только полевые номера находок.

[4] Сведения о составе "клада" из 13 поливных восточных сосудов, найденных в конце XIX в. под полом Благовещенского собора, почерпнуты из неопубликованной статьи Т.Д. Пановой, любезно предоставившей автору все материалы проделанной ею работы по описанию и атрибуции этих находок, хранящихся в ГИМ и показанных нам Н.И. Асташовой.

Серия 2. Фаянсы с надглазурным декором

Представлена в Москве единственной *группой керамики с надглазурной полихромной росписью* матовыми и стекловидными эмалями, получившей в литературе название **фаянсов типа "минаи"**.

Четыре обломка, найденные в Кремле в 1959 г. (Латышева Г.П., 1971, рис. 4, *1, 4–7*), принадлежали одной чаше из белого рыхлого кашина, покрытого молочно-белой поливой с крупным цеком, поверх которой нанесена роспись черной, красной[5] и густо-синей матовыми эмалями, зеленой стекловидной эмалью с накладкой тончайшей золотой фольги. Обломок второй подобной чаши имел роспись только красной краской (Панова Т.Д., 1986, с. 227, тип 2 группы 1). Еще один обломок сосуда из мягкого кашина, близкого образцу белого монохромного фаянса (см. выше), найден в Зарядье (1955 – № 28958/258). На его внутренней поверхности арабская надпись коричневой матовой эмалью, на внешней – роспись синей и красной красками (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *20*).

Керамика типа "минаи" производилась в конце XII–XIV вв. в Иране, а в XIV в. и в золотоордынском Поволжье (Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989, с. 199)[6]. Идентичность формовочной массы и растительной орнаментации кремлевской чаши с золотоордынскими образцами позволяет допускать ее поволжское происхождение и датировку XIV в. На Руси керамика типа "минаи" найдена, кроме Москвы, в Новгороде, Твери и Владимире-на-Клязьме.

Серия 3. Фаянсы с внутриглазурным декором

Внутриглазурный декор характерен исключительно для керамики с *белыми* опаковыми поливами, относящейся к группе *расписных* изделий. Достигался он росписью по "сырой" глазури, т.е. **до ее обжига,** при котором краситель проникал глубоко в слой поливы. Фаянсы этой серии из раскопок в Москве относятся к одному типу – белым фаянсам **с монохромной синей росписью**. Техника нанесения кобальта на сырую глазурь практиковалась при производстве керамики типа "минаи" (Масленицына С.П., 1975, с. 180–182, № 87, 96, 153, 154), а монохромная синяя роспись являлась отличительной чертой так называемой "тимуридской" керамики.

Вид 1. Фаянсы из рыхлого белого кашина. Единственный обломок чаши из раскопок на месте Казанского собора (1991 – № 196) имел на внутренней поверхности растительный орнамент. Рыхлый кашин невысокого качества характерен для золотоордынского керамического производства XIV в.

Вид 2. Фаянсы из мягкого кашина. Обломок сосуда редкостной формы (блюдо на высокой тонкой ножке) из сероватого кашина, аналогичного тесту белого монохромного фаянса, был полностью (включая и внутреннюю поверхность полой ножки) покрыт тонкослойной полупрозрачной глазурью с цеком среднего размера (Зарядье – 1954 – № 28958/293). Роспись на дне блюда выполнена в сине-черных контурах со светло-синей подцветкой (рис. 2, 2). Учитывая, что аналогичная форма блюда известна среди сирийской керамики XII–XIII вв. (Grube E.J., 1963, abb. 23) и

---

[5] Химические анализы свидетельствуют, что красная краска надглазурной росписи имеет неглазурное происхождение (Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В., 1971, с. 134, табл. 3).

[6] Это название обычно связывается с изделиями собственно иранского производства, однако единство технологических приемов изготовления, орнаментации, цветовой гаммы позволяют переносить данный термин и на золотоордынские подражания иранским образцам, тем более что различия между теми и другими прослеживаются в основном по отсутствию в ордынской "минаи" сюжетных рисунков, доминировавших в Иране. В то же время само производство такой керамики вне Ирана не могло быть налажено без участия иранских мастеров – носителей традиции изготовления "минаи".

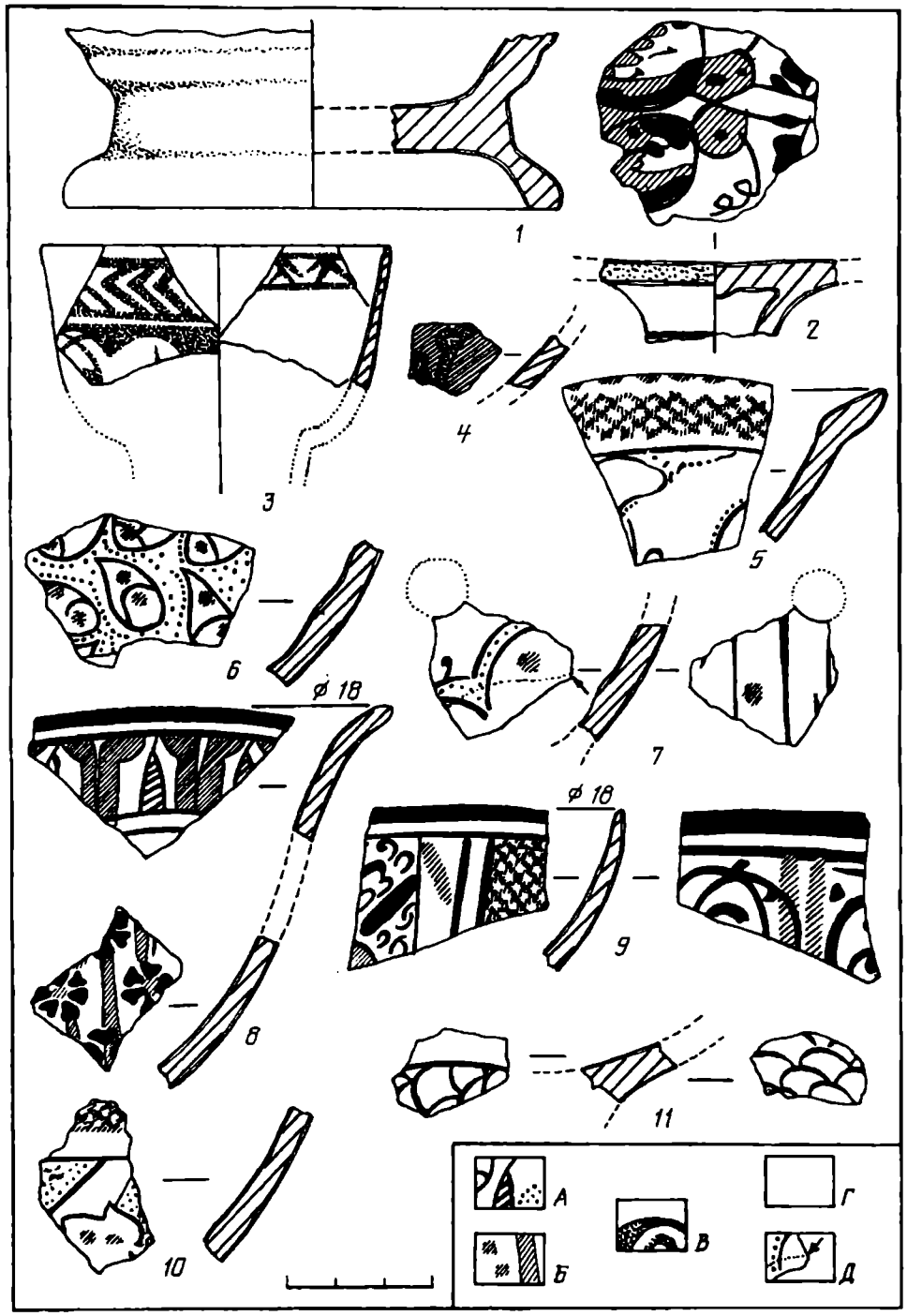


Рис. 2. Восточные фаянсы (*1–2*) и полуфаянсы (*3–11*) XIV–XVIII вв. из раскопок в Москве: белый монохромный (*1*), с синей внутриглазурной росписью (*2*), люстровые (*3, 4*), полихромные (*5–11*). А – черная и зеленая роспись, Б – синяя роспись, В – люстр, Г – бирюзово-зеленая расцветка, Д – нижний край поливного покрытия

иранской керамики типа "ладжвардина" XIII–XIV вв., найденной в Увеке (Булатов Н.М., 1969, с. 120), допустимо предполагать иранское происхождение этого сосуда и датировать его в пределах конца XIV–XV в. (уточнить датировку невозможно, так как находка поступила в МИГМ депаспортизированной).

II. ПОЛУФАЯНСЫ

Серия 1. Полуфаянсы без дополнительного декора (группа монохромных полуфаянсов)

Подгруппа А. Бирюзовые полуфаянсы

Чаши. Три обломка чаш из рыхлого белого кашина, покрытых с обеих сторон толстослойной ярко-голубой (в одном случае бледно-голубой) глазурью с крупным цеком, найдены в Кремле (1963 – № 236; 1983 – № 3) и Зарядье (1985 – № 29290/120).

Сосуды закрытого типа. Внешняя поверхность покрыта толстым слоем бирюзовой поливы, внутренняя – тонким слоем более светлой глазури. В Кремле найдены три обломка таких сосудов: двух альбарелло (1983 – № 4; 1968 – № 143) и одной вазы "гюльабдан" (1995 – № 212). Неорнаментированные бирюзовые полуфаянсовые кувшины и альбарелло были распространены в XIV в. в золотоордынских городах Поволжья (Булатов Н.М., 1968, с. 104, 105). Кремлевские образцы датированы по стратиграфическим данным серединой XIV в. (Панова Т.Д., 1986, с. 226).

Подгруппа Б. Полуфаянсы с ультрамариновой и бирюзовой поливами

Эти изделия отличались тем, что их внешняя поверхность покрывалась толстым слоем ультрамариновой (т.е. темно-синей, окрашенной кобальтом) глазури с крупным цеком, а внутренняя – бирюзовой глазурью. По невысокому качеству кашина они идентичны керамике, атрибутируемой золотоордынскому керамическому производству XIV в. В Москве найдены три небольших обломка сосудов этой группы (Кремль – 1979 – № 57; 1994 – № 1; ул. Ильинка – 1995 – участок 2 – № 264).

Серия 2. Полуфаянсы с надглазурным декором

Представлены они в Москве единственной **группой люстровых полуфаянсов.** *Люстровой* называют керамику, покрытую поверх глазури росписью люстром – особым красочным составом, придающим рисунку мягкий золотистый отблеск, который достигался обжигом в восстановительном режиме. Сложнейшая технология люстровой росписи была известна в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.) только в Сирии (до XV в.), Иране и Испании (впоследствии – в Италии).

Тип. 1. Люстровые полуфаянсы с бесцветной глазурью

Вариант 1. Люстры с монохромным белым фоном

Обломок края бутыли (или чашки?) из твердого белого кашина с глазурью типа Na–Ca–Mg–Si[7] без цековых трещин и тусклой, местами полустертой люстровой росписью коричневого цвета (рис. 2, *3*), найден в 1993 г. при раскопках ЦАИ на Манежной площади (раскоп 8) в закрытом комплексе конца XVII – начала XVIII в. (Векслер А.Г., 1993, илл. 503, *5*). По высокому качеству кашина, составу глазури и рисунку росписи он находит только один круг аналогий – иранскую люстровую керамику XVII – начала XVIII в. (Pope A.U., 1965, pl. 797, *a–f*, 798, *a*, *b*), место производства которой достоверно не известно, хотя многие исследователи связывают его с г. Керман (Рапопорт И.В., 1970, с. 54–56).

Вариант 2. Люстры с бихромным (белым и ультрамариновым) фоном.

---

[7] Количественный спектральный анализ этого и последующих образцов поливы был выполнен во Всероссийском Институте минерального сырья Министерства геологии Н.И. Чистяковой. Определение типов поливы всех образцов проведено сотрудником ЦАИ Ю.А. Лихтер по методике Ю.Л. Щаповой.

Отличие второго варианта от первого заключалось в применении на части поверхности сосудов (обычно в виде отдельных вертикальных панелей) синей кобальтовой подглазурной подцветки (Рапопорт И.В., 1970, с. 54; Pope A.U., 1965, pl. 795). Обломок чаши этого типа из слоя конца XVII–XVIII вв. (Дубынин А.Ф., 1954, с. 185), в Зарядье (1954 – № 28958/249) опубликован в цвете (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *14*): оливково-зеленая люстровая роспись нанесена как на внешнюю синюю, так и на внутреннюю белую поверхность. Орнаментация, включающая побеги, отдаленно напоминающие пальмовые листья, находит аналогии только в иранской люстровой керамике XVII – начала XVIII в. (Fehervary G., 1973, pl. 77*a*; Pope A.U., 1965, pl. 797*B*; Lane A., 1957, pl. 84, *a*, *b*).

Тип. 2. Люстровые полуфаянсы с ультрамариновой (темно-синей) поливой

Всего один и к тому же очень маленький обломок чаши из белого мягкого кашина, с двусторонней прозрачной ультрамариновой глазурью (Кремль – 1977 – № 93), побывавший в огне (глазурь вспузырилась, а люстровая роспись приобрела матовый медно-красный цвет) (рис. 2, *4*), был известен ранее, но не учитывался в составе люстровой керамики (Панова Т.Д., 1986, с. 227, группа II). Люстры с ультрамариновой поливой производились в XII–XIV вв. в основном в Сирии (Kuhnel E., 1976, p. 123; Porter V., 1981, p. 47), хотя известны и в Иране[8]. На Руси они найдены в Старой Рязани, Переяславле Рязанском, Владимире, Твери (Коваль В.Ю., 1996), датируются XIII–XIV вв.

Серия 3. Полуфаянсы с подглазурным декором

Группа 1. Полуфаянсы с подглазурной росписью красками, ангобом и рельефной моделировкой поверхности

Включает она только одну *подгруппу* КВП (с бесцветной поливой), характеризующуюся единым **типом декорировки**, общим на широких пространствах средневекового Востока от Египта до Хорезма. В отечественной литературе за этим типом закрепилось наименование "кашинной керамики с полихромной подглазурной росписью и подглазурным рельефом". Учитывая, что кашинный "рельеф" является здесь очень низким и играет вспомогательную роль для последующей росписи красками, предпочтительно вернуться к более точной терминологии А. Поупа, называвшего такой декор **рельефной моделировкой** поверхности сосуда (Pope A.U., 1965, p. 1635). Кроме того, "рельеф" у сосудов данного типа достигался обычно не тиснением в форме-матрице, а росписью жидким кашином, т.е. тем способом, результаты которого, как правило, не называются "рельефом" (например, при аналогичной росписи ангобом). После росписи кашином производилось сплошное покрытие сосуда белым ангобом, но часто ангоб наносился только на рельефные детали и тогда остальная поверхность приобретала под чуть зеленоватой поливой серый оттенок. Часто эффект более темного фона достигался подцветкой серой краской, наносившейся до росписи кашином (серая полоска от нее видна на изломе черепка под накладными деталями). Контурная роспись производилась коричнево-черной и (или) зеленой красками с расстановкой крупных синих (кобальтовых) и бирюзовых пятен-точек. У трети московских образцов (16 из 44 находок) черная контурная роспись была заменена зеленой.

Орнаментальные схемы росписи на золотоордынской керамике данного типа

---

[8] Иранские люстровые полуфаянсы с синей поливой, хранящиеся в Государственном музее искусств народов Востока (коллекционные номера 129–131, 136 II), любезно показанные нам научным сотрудником музея Н.В. Сазоновой, датированы XII–XIII вв. (Масленицына С.П., 1975, с. 179, 181) и имеют отличия в качестве кашина и оттенке поливы от находок таких полуфаянсов на территории Руси и, в том числе, в Москве.

систематизированы Т.В. Скоробогатовой (Скоробогатова Т.В., 1983, с. 93–100). Следует лишь уточнить, что декор внешней поверхности чаш, описываемый обычно как "арочный", является стилизацией рельефных лепестков лотоса[9], имевшихся на китайских селадоновых чашах эпох Сун и Юань (X–XIV вв.) (Morgan P., 1991, fig. 6–11), послуживших прототипом для полусферических "лотосовых" чаш, ставших популярными на Востоке в XII–XIV вв. (Lane A., 1957, p. 9; Morgan P., 1991, p. 67). "Арочные" стилизации лепестков лотоса присутствуют и на всех разновидностях иранской керамики "султанабадского типа" (Lane A., 1958, fig. 64a, 93b, 96b; Islamische Keramik, 1973, № 246, 247; Oriental Islamic Art..., 1963, № 20, 22), послужившей образцом для подражания в золотоордынской кашинной керамике (Булатов Н.М., 1969, с. 69).

Среди сосудов этого типа в Москве наиболее часто встречаются пиалообразные чаши со слегка отогнутым наружу краем (рис. 2, *5*). В Кремле найдено 26 обломков таких чаш (Панова Т.Д., 1986, с. 222, 223, рис. 1; Латышева Г.П., 1971, рис. 4, *2, 3*; Шеляпина Н.С., 1971, рис. 3, *3*). Один фрагмент принадлежал, вероятно, вазе "гюльабдан" (Кремль – 1959 – № 24661/347). Интересна стенка чаши (?), в которой еще до глазурования было просверлено отверстие, а внутренняя поверхность с росписью покрыта поливой лишь частично (Кремль – 1968 – НВ № 1274/2 – рис. 2, *7*). Пять обломков чаш найдены в Зарядье (Рабинович М.Г., 1954, рис. 20, внизу), два из них опубликованы в цвете (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *7, 13*). В 1995 г. при раскопках на ул. Ильинке найдено пять обломоков чаш, один фрагмент происходит из раскопок 1991 г. на месте Казанского собора (№ 114) и один – из раскопок в Историческом проезде (Чернов С.З., 1991, табл. 38, *419*). Возможно, к этому же типу относился и крошечный обломок кашинной керамики, обнаруженный при раскопках 1976 г. в Коломенском (Беляев Л.А., 1991а, с. 43). В 1994 г. первый обломок полихромной расписной чаши был найден в Белом городе Москвы в слое XV в. при раскопках на Манежной площади (Векслер А.Г., 1994, с. 36, ил. 144. *1*) (рис. 2, *5*).

В декоре внутренней поверхности чаш, обломки которых найдены в Москве, узнаваемы орнаментальные схемы золотоордынской керамики: чаще всего встречаются чаши с поясом косой синей сетки по краю, ниже которой обычно располагался орнамент типа "павлиний глаз" (Зарядье – 1950 – № 7401/181, 7397/466, 358, № 455 – см. рис. 2, *6*) – каплеобразные фигуры с синими точками (Скоробогатова Т.В., 1983, рис. 2, *3*; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, рис. 3, *3*; 5, *2*; 6, *1*), возможно, являющиеся стилизованными изображениями рыбок (ср.: Islamische Keramik, 1973, № 247); орнамент из круглых "колесовидных" цветков (Скоробогатова Т.В., 1983; рис. 3, *1*) отмечен в Кремле (1965 – № 16-б, 1994 – № 4) и в Зарядье (1950 – № 7397/454); орнаментация в виде цветка лотоса (Скоробогатова Т.В., 1983, рис. 4, *5*) имеется на образцах из Кремля (1959 – № 24661/347; 1965 – № 16-а) и с ул. Ильинки; эпиграфический орнамент в виде стилизованного арабского слова "успех" (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, рис. 3, *1, 2*; 5, *2*) присутствует на фрагментах чаш из Кремля (Панова Т.Д., 1986, с. 223) и раскопок в Казанском соборе (1992 – № 114); зооморфный орнамент (изображение птицы) встречен только на одном обломке чаши из Кремля (1965 – № 17) (Панова Т.Д., 1986, рис. 1); отметим редкую орнаментацию двух обломков кремлевских чаш (1965 – № 14, 15) с заполнением фона диагональными полосами (рис. 2, *10*).

Таким образом, по характеристикам формовочной массы (белый, розовый или красный (Кремль – 1975 – № 75) рыхлый кашин), глазури и росписи все образцы полихромных полуфаянсов из Москвы идентичны золотоордынской керамике Поволжья

[9] На этот терминологический нюанс, связанный с формальным описанием орнамента, наше внимание обратил И.В. Волков (НИИ культурного и природного наследия, Москва), которому приношу свою глубокую благодарность за эту и многие другие консультации.

XIV в.[10] Полуфаянсы этого типа известны практически во всех крупных городах Руси золотоордынской эпохи (в Новгороде, Твери, Владимире, Рязани и др.), в слоях XIV – начала XV в.

Группа 2. Полуфаянсы с подглазурной росписью красками (без рельефной моделировки)

Подгруппа А. Расписные полуфаянсы с бесцветной поливой

Тип. 1. Полуфаянсы с полихромной (черной, зеленой, синей и бирюзовой) росписью

Четырехцветная роспись производилась по белому фону, причем на одном сосуде могли присутствовать не обязательно все четыре краски сразу, чаще всего встречались сочетания черной и синей или зеленой и синей красок (последний вариант встречен в Москве в 1/3 случаев – 13 из 40 находок). Все сосуды изготовлены из белого или розового рыхлого кашина, идентичного тесту полихромных полуфаянсов с рельефной моделировкой поверхности.

В Кремле найдены 22 обломка, в том числе 16 – от одной чаши (Панова Т.Д., 1986, с. 224, рис. 2) и 1 от сосуда закрытого типа (1959 – № 24661/350); 6 обломков от четырех различных чаш – в Зарядье (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *1, 6, 8*); 10 обломков от семи или восьми чаш – на ул. Ильинке в 1995 г. Однообразная орнаментация внешней поверхности чаш в виде косой сетки из черно-зеленых штрихов или зигзагообразных линий с вписанными в ячейки синими кругами и треугольниками (Рабинович М.Г., 1971, рис. 4, *30, 31*, рис. 15, *10*) была самой распространенной среди аналогичной керамики золотоордынского Поволжья (Скоробогатова Т.В., 1983, с. 100, рис. 1, *3*), являясь, видимо, имитацией диагонально перекрещивающихся арабских надписей, выполненных почерком "насх", как это видно на кувшине первой половины XIV в. из Селитренного городища (Галкин Л.Л., 1971, рис. 1, 2). Встречен также орнамент, состоявший из 2–3 параллельных вертикальных синих полос, чередующихся с панелями, заполненными черными или зелеными завитками (Ильинка – 1995 – участок 1 – № 101; Кремль – 1977 – № 92, рис. 2, *9*), который был известен в Золотой Орде (Баллод Ф.В., 1923, табл. 18, *1, 2*), Иране и Сирии (L'Islam..., 1977, № 141). Декор внутренней поверхности московских образцов включает растительный орнамент, в том числе мотивы "листа папоротника" (Скоробогатова Т.В., 1983, с. 101, рис. 4, *2*) – на обломках чаши из Зарядья (1950 – 7397/465, 466-б) (Рабинович М.Г., 1954, рис. 20), 6-лепестковые цветки (рис. 2, *8*) (ср.: Федоров-Давыдов Г.А., 1994, рис. 12, *2*) – на обломках другой чаши (Зарядье – 1955 – № 28958/257, 262) (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *1, 8*).

Полихромные полуфаянсы типа 1, несомненно, происходят из золотоордынского Поволжья, где в XIV в. находились центры их производства. Они известны почти во всех крупных средневековых городах Руси. По стратиграфическим данным эта керамика связывается в Москве со слоями XIV–XV вв.

Особое место в этом ряду занимают две чаши из числа находок в Благовещенском соборе Кремля (Фехнер М.В., 1956, вклейка), для растительного орнамента одной из которых (изрезанный абрис листьев) можно указать прямую аналогию в керамике Самарканда XIV – начала XV в. (Сухарев И.А., 1948, рис. 2). Роспись внешней поверхности второй чаши имеет полные аналогии среди сирийских полуфаянсов XIII–XIV вв. (Riis P.J., Vagn Poulsen, 1957, fig. 715). Внутри ее кольцевого поддона – пятно бесцветной глазури. Обе эти чаши, видимо, являлись разновременными образцами дальнего импорта, требующими специального изучения.

---

[10] Импорт такой посуды на Русь из Хорезма, предполагавшийся ранее (Рабинович М.Г., 1971, с. 23), маловероятен, учитывая наличие производящих центров аналогичной керамики в Поволжье.

Тип 2. Полуфаянсы с полихромной (синей, зеленой, красной, коричневой и желтой) росписью

Характерными для этих сосудов являются основа из белого твердого, но пористого кашина и прозрачная полива без цека, плотно соединенная с черепком. Единственный обломок такой керамики из раскопок в Зарядье (1957 – № 28958/300) принадлежал стенке сосуда, покрытого изнутри бледно-голубой (подцвеченной кобальтом), а снаружи бесцветной глазурью. Растительно-травяной орнамент наружной стороны выполнен яркой светло-зеленой краской (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *10*), его стиль находит ближайшую аналогию в иранской полихромной керамике XVII в., приписываемой городу Керману, в расцветке которой обычно участвовало три цвета: зеленый, синий и красный, а также изредка коричнево-черный и желтый (Lane A., 1957, p. 83, fig. 60a). Высокое качество глазури и кашина подтверждает иранскую атрибуцию находки (условия ее залегания в культурном слое неизвестны, так как она депаспортизирована). В других городах Руси подобный тип керамики не известен.

Тип 3. Полуфаянсы с полихромной (черной, синей, бирюзовой и красной) контурной росписью

Сосуды этого типа изготовлены из белого или розоватого мягкого кашина, роспись выполнена в черных контурах с заполнением рисунка синей, бирюзово-зеленой красками и ярко-красным ангобом. В 1955 г. в Зарядье найден обломок горла кувшина с изображением синих тюльпанов и красных роз на черных стеблях с бирюзово-зелеными листьями (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *18*). Позже, при раскопках у дома бояр Романовых (1985 – № 397), обнаружен обломок блюда с бирюзово-зеленым "чешуйчатым" орнаментом (рис. 2, *11*). К этому же типу относятся обломок блюда (Миллер Ю.А., 1972, с. 118) и целое блюдо из внешнего декора церкви Троицы в Хорошове (г. Москва) (Памятники..., 1983, рис. 18*в*), стиль орнаментации и набор красок росписи которых имеют прямые аналогии в керамике Турции, датируемой второй половиной XVI в. и производившейся в городах Изник и Дамаск (впервые их атрибуция установлена Ю.А. Миллером). "Чешуйчатый" орнамент на обломке из раскопок 1985 г. (рис. 2, *11*) находит аналогии как на блюде из Троицкой церкви, так и на множестве блюд и кувшинов второй половины XVI в. изникского (Lane A., 1957, pl. 35a; Fehervary G., 1973, pl. 107*a*; Atil E., 1973, pl. 16) и дамасского производства (Миллер Ю.А., 1972, с. 120). Все эти образцы относятся к типу III керамики Изника, выделенному А. Лэйном (Lane A., 1957, p. 54, 55) и известному ранее под названием тип "Родос". Иногда эту керамику называют в литературе белоглиняной (Aslanapa O., 1971, p. 215; Миллер Ю.А., 1972, с. 26), однако ее легкая пористая масса имеет силикатную основу, т.е. является разновидностью кашина. Датировка московских образцов по аналогиям подтверждается использованием изникских блюд в декоре Троицкой церкви в Хорошове, построенной в 1590-х годах (Памятники..., 1983, с. 63). В других городах Северо-Восточной Руси такая керамика пока не известна.

Тип 4. Полуфаянсы с полихромной (синей, зеленой и пурпурной) росписью "в резерве"

Отличительная особенность этой керамики – роспись синей кобальтовой краской "в резерве" (фон синий, рисунок белый). Два обломка блюд из Зарядья из белого твердого мелкопористого кашина, покрытых бесцветной поливой без цека, несли подобную роспись: один – на внутренней поверхности (1950 – № 7397/464), с подцветкой деталей зеленой краской (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *12*) (рис. 3, *5*), второй – на внешней стороне (1984 – № 125) и имел пурпурно-марганцевую подцветку (рис. 3, *6*). По характеристикам кашина, поливы, способу и стилю росписи оба образца идентичны турецкой керамике XVI в., производство которой приписывается городу Изник. Роспись "в резерве" была характерна для изникской керамики типа I, датируемой по А. Лэйну 1490–1525 гг., однако применение в расцветке изделий зеле-

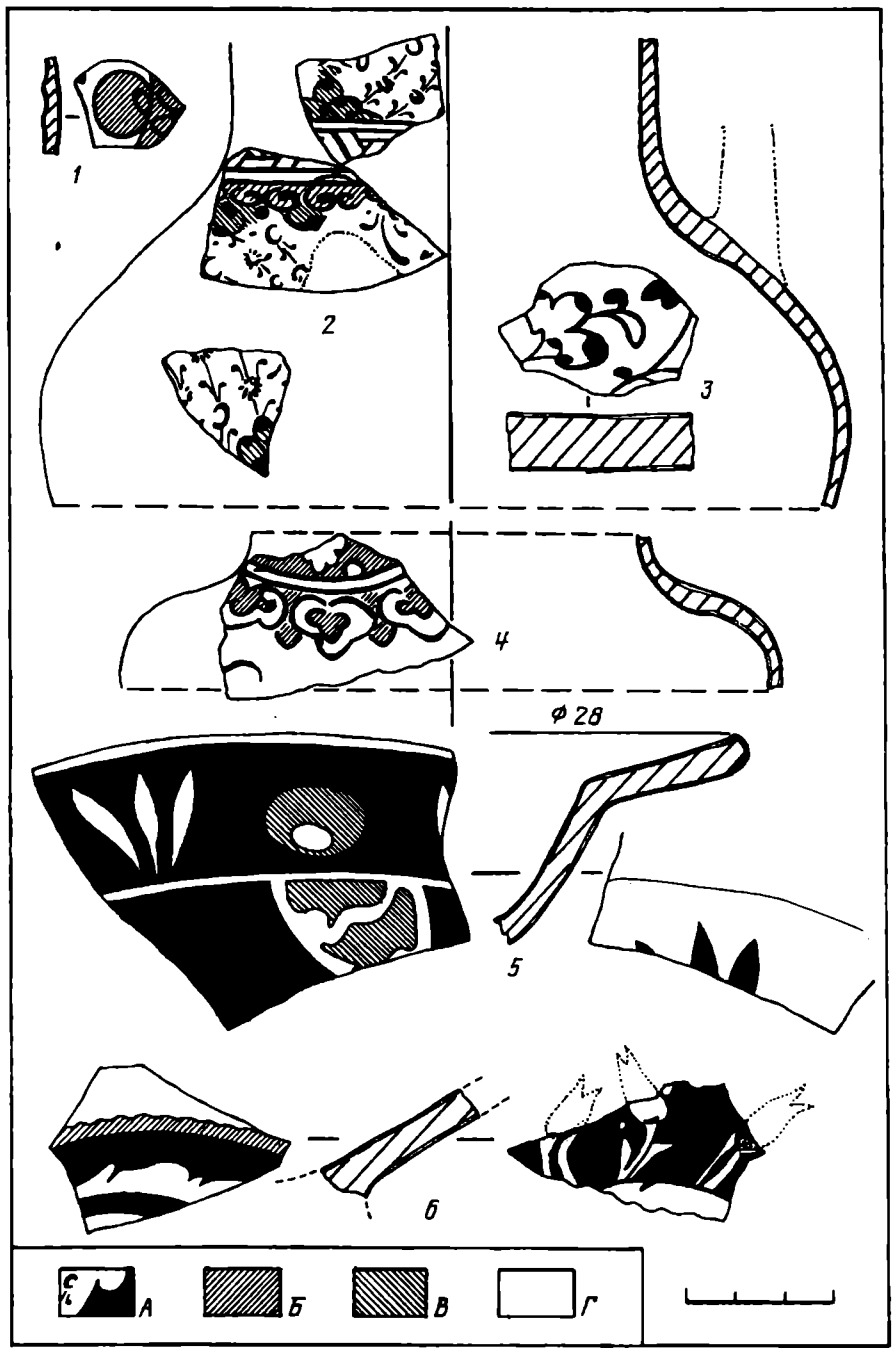


Рис. 3. Турецкие (*1–3, 5–6*) и иранские (*4*) полихромные полуфаянсы XVI в. из раскопок в Московском Зарядье: типы 4 (*5, 6*), 5 (*1–3*), 6 (*4*). А – темно-синяя роспись и подцветка, Б – светло-синяя подцветка, В – зеленая краска, Г – пурпурно-фиолетовая краска

ной и пурпурной красок начинается с появлением типа Изник II (1525–1555) (Lane A., 1957, p. 49, 50; Aslanapa O., 1971, p. 217; Миллер Ю.А., 1972, с. 53). Мотивы резервированных тюльпанов и "глазков" наиболее характерны для росписи керамики Изника и Дамаска XVI в. (Lane A., 1957, pl. 34*a*, *b*, 48*b*; Oriental Islamic Art..., 1963, № 45, 58; L'Islam..., 1977, № 600; Sousteil J., 1985, fig. 28; Миллер Ю.А., 1972, с. 120). Стратиграфические условия залегания обеих находок соответствуют датировке по аналогиям. В других городах Руси такая керамика не известна.

Тип 5. Полуфаянсы с бихромной (синей и бирюзово-зеленой) росписью

Изготавливались они из белого мягкого кашина, облицованного белым ангобом и покрытого тонким слоем прозрачной бесцветной свинцовой глазури с крупным или

Таблица

Результаты спектрального анализа полив КВП

Тип керамики, место находки, номера	Оксиды химических элементов, %									
	SiO_2	Na_2O	K_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	PbO	Fe_2O_3	MnO	SnO_2
Люстровая керамика типа 1 (Манежная пл. – 1993 – Р. 8. – № 191)	66,3–67,7	13,5–13,9	1,7–1,8	4,6–5,0	3,6–4,1	1,4–2,3	0,9–1,7	0,7–1,0	–	–
Полуфаянс типа 6 (Манежная пл. – 1995 – Р. 17. – № 60)	67,4–71,2	4,2–5,7	2,2–2,3	4,2–4,5	1,7–2,5	1,1–1,7	–	0,6–1,0	–	–
Полуфаянс типа 5 (Зарядье – 1957 – № 28985/296)	53,0–53,3	2,7–3,2	1,0–1,2	0,9–1,4	–	–	32,1–33,6	0,3–0,4	–	4,0–5,8
Кашинная бусина (селище Мякинино 2 – 1995 – Р. 1. – № 73)	82,1–86,1	–	0,2	1,0–2,4	0,6	1,2–1,5	0,9	0,6–0,7	–	–
Бирюзовый монохромный фаянс (Кремль – 1959 – Р. 2 – № 174 – № 24661/352)*	Основа	2–	4	4	4	5	4–	–	5+	3–
Керамика типа "минаи" (Кремль – 1959 – Р. 2 – № 291 – № 24661/354)**	Основа									
белая опаковая полива		3	4	4	4	5	4	–	5	3–
синяя эмаль (окрашена кобальтом)	Основа	3	4	4	4	4	4	–	5	3–
Иранский люстровый изразец XIX в. (Музей "Коломенское". Кол. № И–4679/2)***	67,4–69,4	11,5–11,9	2,3–2,9	5,2–5,5	2,9–4,0	0,8–1,2	1,3–1,8	0,7–1,0	–	–
Иранская люстровая керамика XIII в. (городище Ростиславль, 1991 – № 39)	65,0	8,8	1,8	5,6	2,2	1,9	12,0	–	–	2,6

*По журналу проведения качественных спектральных анализов, выполненных Ю.Л. Щаповой, хранящемуся на кафедре археологии МГУ. Пластинка 353. № 5. Выражаю свою искреннюю признательность Ю.Л. Щаповой за разрешение использовать эти данные.

**Там же. №№ 7, 6.

***Благодарю хранителя фонда керамики музея "Коломенское" С.И. Баранову за предоставленные результаты анализа.

средним цеком. Глазурь типа Pb–Na–Si, с примесью олова, но не потерявшая при этом прозрачности[11], отличается от других исследованных глазурей КВП из Москвы (см. таблицу), но имеет большое сходство с глазурями золотоордынской красноглиняной керамики (полумайолики) (Булатов Н.М., 1976, с. 77) и византийской керамики домонгольской эпохи (Макарова Т.И., 1967, с. 70). Подглазурная роспись выполнялась темно-синей краской (кобальтом), отдельные детали подцвечены прозрачно-голубым расплывшимся кобальтом и кое-где – бирюзово-зеленой краской.

Пять обломков от слегка обгоревшего в пожаре кувшина с цилиндрическим горлом и шарообразным туловом, профиль которого удалось частично реконструировать (рис. 3, *2*), найдены в Зарядье (1957 – № 28958/263, 267, 268, 295, 296), но только один из них имел паспортные данные (Раскоп 5, Кв. 101. Глубина 330 см), соответствующие слою XVI в. (Дубынин А.Ф., 1957, с. 97). Три обломка опубликованы в цвете (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *15, 16, 19*). Форма кувшина и его орнаментация в виде закрученных в спираль растительных побегов идентичны турецкой керамике Изника (тип II по А. Лэйну, датируемый второй четвертью XVI в.), данная разновидность которой называлась ранее "керамикой Золотого Рога" (Lane A., 1957, p. 49–51, pl. 29*a*; Islamische Keramik, 1973, № 304; Fehervary G., 1973, pl. 89*a*, № 201; Charleston R.J., 1979, № 280, p. 94). К этому же типу полуфаянсов, возможно, относятся обломки кувшина и блюда из раскопок у дома бояр Романовых (1985 – № 459-б, 1984 – № 127, рис. 3, *1, 3*), стиль и рисунок синей росписи которых близок изникской керамике XVI в. (Atil E., 1973, pl. 13, 21), причем они могли принадлежать и другому, более раннему (начала XVI в.) типу изникской керамики с монохромной синей росписью (Atil E., 1973, pl. 11). В других городах Руси такая керамика не найдена. В Москву она могла попадать через Крым, где известны ее многочисленные находки (Миллер Ю.А., 1972, с. 133, 134).

Тип 6. Полуфаянсы с бихромной (черной и синей) контурной росписью

Сосуды из белого твердого, но пористого кашина покрывались толстым слоем блестящей стекловидной глазури типа Na–K–Ca–Mg–Al–Si (см. таблицу) с крупным цеком. Роспись в четких контурах черного (или зеленовато-серого) цвета дополнялась раскраской **расплывающимся** кобальтом. Восемь обломков, найденных при раскопках в Зарядье в разные годы (1951 – № 7401/182; 1955 – № 28958/254, 255; 1957 – № 28958/294, 297-299, 301) в слоях XVI–XVII вв. и частично опубликованных в цвете (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *3, 17, 21*), принадлежали одной тарелке (рис. 4), имевшей фестончатый край и глазурованную нижнюю сторону дна (с бледно-бирюзовой подцветкой). В ее декоре интересна двойная черная полоса на внешней стороне кольцевого поддона, являющаяся подражанием аналогичным синим полосам на китайских фарфоровых изделиях XV–XVII вв. Точно такие же полосы имеются на поддоне иранского блюда с черно-синей росписью из Мешхеда (XVI в.) в коллекции Музея искусства народов Востока (Кол. № 1139 II) (Масленицына С.П., 1975, с. 184, № 208). Аналогии росписи прослеживаются в декоре бутыли первой половины XVII в. из Мешхеда, где, как считают, как раз и применялась черная контурная роспись "кобальтовых" изделий (Lane A., 1957, p. 98, pl. 76*b*).

К этому же типу полуфаянсов относился обломок тарелки (рис. 5, *2*) из раскопок 1995 г. на Манежной площади (раскоп 17, слои XVII–XVIII вв.), обломок обгоревшего в пожаре блюда из Кремля (1975 – № 60), возможно, два мелких обломка кувшинов, найденные при раскопках у дома бояр Романовых в слое XVI в. (1985 – № 459-а, 452, рис. 5, *1, 3*) и фрагмент кувшина из раскопок в Зарядье (1955 – № 7397/468, 469), опубликованный в цвете (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *5*). Последний (рис. 3, *4*), отличавшийся от прочих рыхлостью кашина и облицовкой очень толстым (до 1 мм)

[11] В составе золотоордынских **прозрачных** полив (правда, не свинцовых, а щелочных) также отмечено присутствие примеси оксида олова в размере до 6%, не повлиявшей заметно на прозрачность поливы (Булатов Н.М., 1969, с. 114).

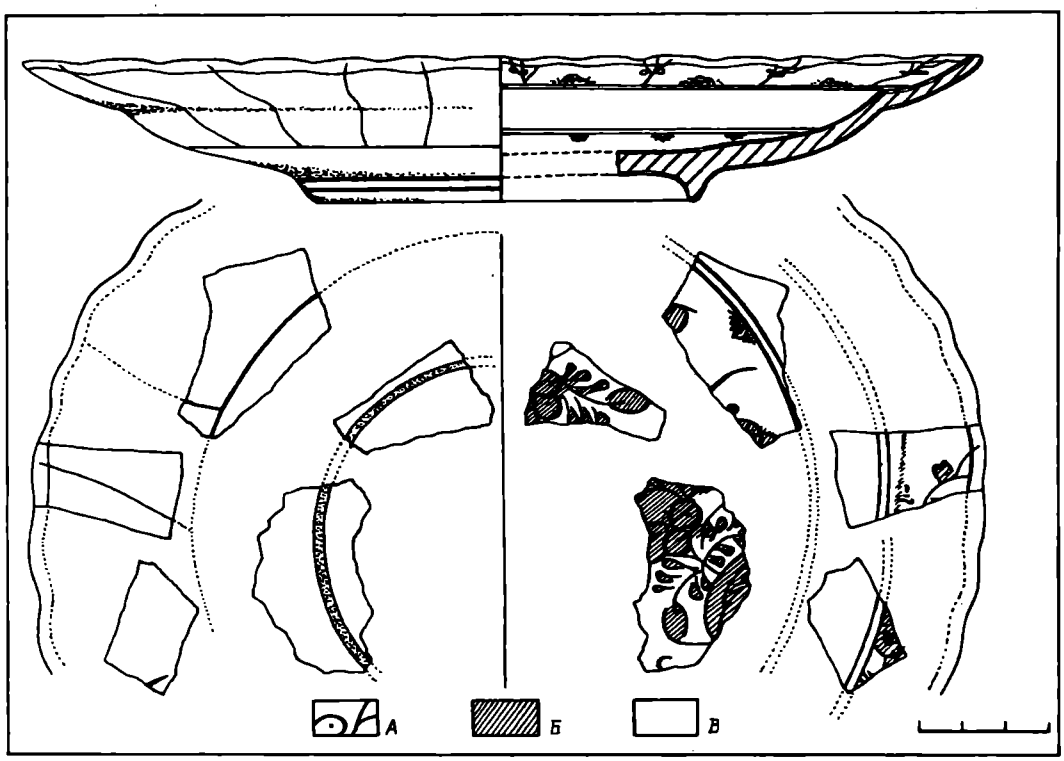


Рис. 4. Полуфаянсовая расписная (типа 6) тарелка из раскопок в Московском Зарядье. Реконструкция. А – черная контурная роспись, Б – синяя подцветка, В – бирюзовая подцветка дна

слоем белого ангоба, найден в слое XVI в. совместно с обломком горла изникского кувшина типа 3 (Дубынин А.Ф., 1955, с. 43, табл. XLI, *3, 4*; 1959, с. 97). Его орнаментация идентична декору иранской керамики XVII в. (Kuhnel E., 1976, pl. 108), являясь подражанием китайскому фарфору. Твердое (за отмеченным исключением) кашинное тесто, высококачественная щелочная полива, формы сосудов этого типа находят аналогии среди разнообразной поливной керамики Ирана XV–XVII вв. При этом ближайшее сходство прослеживается с изделиями Хорасана. По составу глазури (см. таблицу) эта керамика близка иранским люстрам XVII–XVIII вв., но резко отличается от турецкой керамики Изника XVI в.

Тип 7. Полуфаянсы с монохромной синей росписью

Главной отличительной чертой керамики этого типа было использование в росписи только синей кобальтовой краски различных оттенков. Часто ее ранний вариант называют "тимуридской" керамикой, поскольку она стала доминировать в Передней и Средней Азии в эпоху Тимуридов (XV в.). Однако бело-синяя керамика продолжала бытовать и в XVI–XVIII вв.

Вид 1. Керамика из рыхлого белого кашина (шесть находок). В Кремле найдены венчик миниатюрного сосудика (1964 – № 233) (Панова Т.Д., 1986, рис. 3) и часть ручки кувшина из желтовато-белого крупнопористого, но не рассыпчатого кашина (1975 – № 45, рис. 5, *4*). Из раскопок в Зарядье происходит обломок слегка обгоревшей в пожаре чаши (1955 – № 28958/261) с гофрированными стенками и орнаментацией внутренней поверхности вертикальными перистыми листьями (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *4*). Подобный орнамент встречается на золотоордынской керамике конца XIV – начала XV в. (Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995, с. 125). Еще пять обломков от трех чаш полусферической формы найдены в 1995 г. на ул. Ильинке. По характеристикам кашина, поливы и орнаментике все они идентичны золотоордынской керамике Поволжья конца XIV – начала XV в. и связаны в Москве со слоями XV в. Кроме Москвы одна находка обломка такой керамики известна в Переяславле-Рязанском.

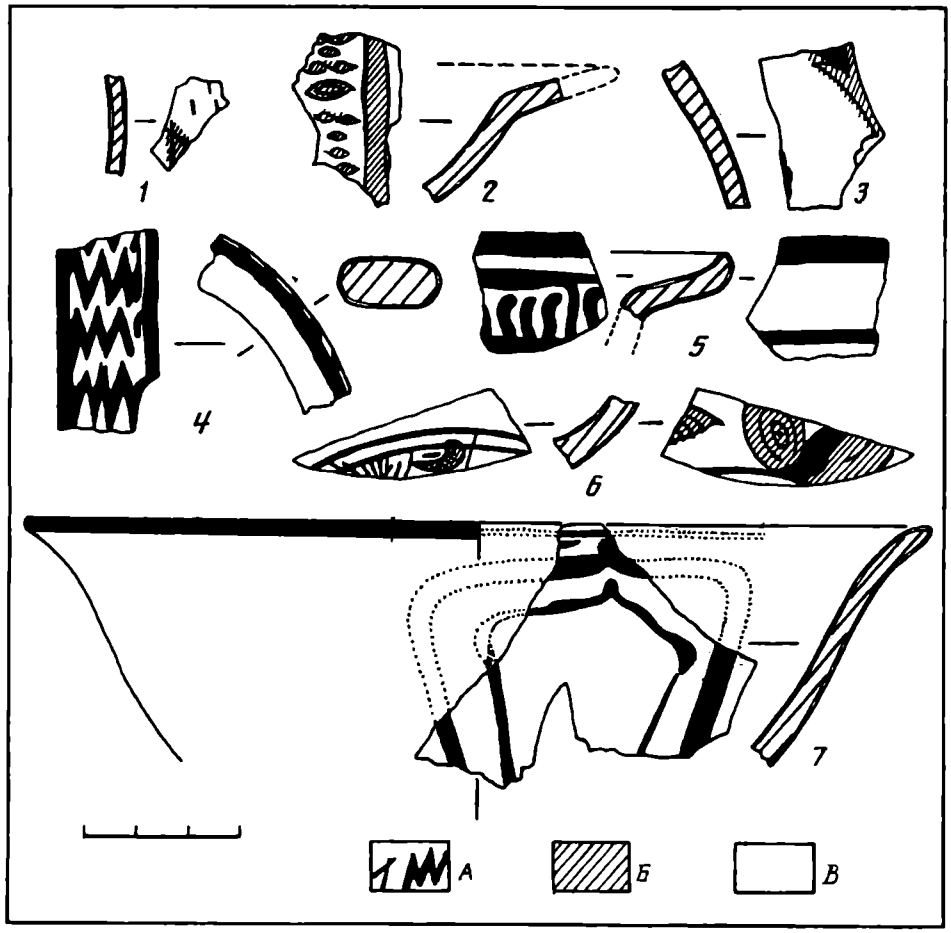


Рис. 5. Восточные полуфаянсы из раскопок в Москве: полихромные расписные типа 6 (*1–3*), монохромные синие типа 7 (*4, 6*), бирюзовые с черной росписью (*5, 7*). А – роспись темно-синего и черного цветов, Б – светло-синяя подцветка, В – бирюзово-голубая глазурь

Вид 2. Керамика из мягкого кашина. Два обломка сосудов, вероятно, изникского производства XVI в. описаны выше (см. тип 5), поскольку их типовая принадлежность определяется неоднозначно (рис. 3, *1, 3*).

Вид 3. Керамика из твердого белого кашина. Твердый кашин и блестящая глазурь с очень крупным цеком являются признаками иранского происхождения находок. Один обломок чаши с растительным орнаментом (Кремль – 1975 – № 85) может датироваться XV в. (Панова Т.Д. 1986, с. 226, рис. 3). Дно блюда из Зарядья с изображением лани датировано XVI в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 24, *7*, с. 70), а обломки чаши (рис. 5, *6*) из раскопок ЦАИ в Замоскворечье на ул. Б. Ордынка (д. 1/5) в 1995 г. найдены в слое XVII в. Роспись кобальтом серого оттенка (на последнем образце) считается признаком иранских изделий XVII–XVIII вв. из города Кашан (Квер-фельдт Э.К., 1947, с. 107), однако аналогии в орнаментике указывают на связь с керманской керамикой XVI в. (Lane A., 1957, pl. 64*b*). К самому позднему варианту иранских кобальтовых полуфаянсов относится чашечка – ритуальный сосудик из погребения № 202 (конца XVII–XVIII в.) некрополя Моисеевского монастыря (раскопки ЦАИ 1995 г. на Манежной площади).

Кроме описанных образцов к данному типу принадлежали три чаши и обломки бутыли из числа находок под полом Благовещенского собора, происхождение которых требует специального исследования.

Подгруппа Б. Полуфаянсы с бирюзовой поливой

Расписные полуфаянсы, покрытые бирюзово-голубой поливой (окрашенной окисями меди и олова), встречаются в Москве редко и представлены пока только одним **типом – полуфаянсами с черной подглазурной росписью** (без рельефной моделировки поверхности). Все обломки принадлежали чашам из рыхлого белого кашина. Орнаментация в виде черных крестиков на внутренней поверхности и изогнутых каплевидных фигур на наружной была одной из самых распространенных в золотоордынском Поволжье (Булатов Н.М., 1968, с. 104; Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989, рис. 23, *1*). Именно такой рисунок имеется на фрагменте чаши из раскопок на месте Казанского собора (1992 – № 668) и трех обломках чаш из Кремля (Панова Т.Д., 1986, с. 226). На некоторых других образцах (Кремль – 1988 – № 6; Казанский собор – 1992 – № 40; Ильинка – участок 1 – № 85) встречена линейная роспись черной краской, присутствующая также на крае блюда из Зарядья (1955 – № 28958/259 – рис. 5, *5*) (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *1*). К этому же типу относились ваза "гюльабдан" из числа находок в Благовещенском соборе Кремля и один обломок кашинной керамики из раскопок в Гончарной слободе в Заяузьи (Дзвонковский С.Л., 1993, с. 199). Датировка такой керамики в Москве по данным стратиграфии укладывается в XIV–XV вв.

К *особому варианту* данного типа принадлежал обломок чаши из раскопок ЦАИ 1995 г. на ул. Арбат (д. 1/7), найденный в слое XVII в. (рис. 5, *7*). Эта чаша была покрыта светло-голубой поливой без следов декора на внешней поверхности, изнутри она украшена сильно стилизованными лепестками лотоса, изображенными густым кобальтом почти черного оттенка. Орнаментация подобного типа известна на иранских и среднеазиатских блюдах XV–XVII вв. (Soustiel J., 1985, № 292; Fehervary G., 1973, pl. 72*a*, № 169; Davids samlung..., 1975, pl. 92).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арапова Т.Б., 1980. Китайские изделия художественного ремесла в русском интерьере XVII – первой четверти XVIII в. // ТГЭ. Т. XXVII.

Баллод Ф.В., 1923. Приволжские Помпеи. М.; Пг.

Беляев Л.А., 1991а. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Беляев Л.А., 1991б. Казанский собор на Красной площади в Москве. Отчет об археологических исследованиях в 1991 г. // Архив ИА РАН.

Беляев Л.А., 1992. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1992 года на участке Казанского собора на Красной площади // Архив ИА РАН.

Булатов Н.М., 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.

Булатов Н.М., 1969. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. М.

Булатов Н.М., 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.

Векслер А.Г., 1993. Отчет об археологических работах в г. Москве в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 1994. Отчет об археологических исследованиях на Манежной площади в Москве в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Галкин Л.Л., 1971. Кашинный кувшин из Селитренного городища // СА. № 3.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В., 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. № 1.

Дзвонковский С.Л., 1993. Новые археологические данные об изразцовом производстве в Москве конца XIV–XVI веков // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 2. М.

Дубынин А.Ф., 1954. Отчет Московской археологической экспедиции 1954 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1061.

Дубынин А.Ф., 1955. Отчет Московской археологической экспедиции 1955 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1110.
Дубынин А.Ф., 1957. Отчет Московской археологической экспедиции 1957 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1631.
Дубынин А.Ф., 1959. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77.
Кверфельдт Э.К., 1947. Керамика Ближнего Востока. Л.
Коваль В.Ю., 1996. Иранская люстровая керамика на Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь.
Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля-Рязанского // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 4. Рязань.
Кубе А.Н., 1923. История фаянса. Пг.; Берлин.
Латышева Г.П., 1971. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. // МИА. № 167.
Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда // САИ. Вып. Е 1–38.
Масленицына С.П., 1975. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л.
Миллер Ю.А., 1972. Художественная керамика Турции. Л.
Памятники архитектуры Москвы: Кремль, Китай-город. Центральные площади, 1983. М.
Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. № 1.
Рабинович М.Г., 1954. Материалы по истории Великого посада Москвы // Тр. МИРМ. Вып. 5.
Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // МИА. № 167.
Рапопорт И.В., 1970. К вопросу о поздней люстровой керамике Ирана // СГЭ. Вып. 31.
Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1–39.
Салтыков А.Б., 1962. Майолика Гжели // Избранные труды. М.
Скоробогатова Т.В., 1983. Одна из групп золотоордынской поливной керамики // СА. № 4.
Сухарев И.А., 1948. Два блюда XV в. из Самарканда // Материалы по археологии Узбекистана. Т. 1. Ташкент.
Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.
Фехнер М.В., 1956. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. // Тр. ГИМ. Вып. 31.
Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.
Шеляпина Н.С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле // МИА. № 167.
Шишкина Г.В., 1979. Глазурованная керамика Согда. Ташкент.
Aslanapa O., 1971. Turckish Ceramic Art // Archaeology. Vol. 24. № 3.
Atil E., 1973. Exhibition Catalogue of Turkish Art of the Ottoman Period. Washington.
Charleston R.J., 1979. World Ceramics. London.
Davids samlung. Islamisk kunst, 1975. Kobenhavn.
Fehervary G., 1973. Islamic Pottery. London.
Grube E.J., 1963. Raqqa-Keramik in der Sammlung des Metropolitan Museum in New Jork // Kunst des Orients. H. IV. Wiesbaden.
Islamische Keramik, 1973. Dusseldorf.
Kuhnel E., 1976. Islamic Arts. London.
Lane A., 1957. Later Islamic Pottery. London.
Lane A., 1958. Early Islamic Pottery. London.
L'Islam dans les collections nationales, 1977. Paris.
Mason R.B., Keall E.J., 1991. The Abbasid glazed wares of Siraf and the Basra connection: petrographic analysis // "Iran". Vol. 29. London.
Morgan P., 1991. New thoughts on old Hormus: Chinese ceramics in the Hormus region in the thirteenth and fourteenth centuries // "Iran". Vol. 29. London.
Oriental Islamic Art. Collection of the Calouste Gulbenkian Foundation, 1963. Lisboa.

Pope A.U., 1965. A Survey of Persian Art. Vol. 10. Tokyo.
Porter V., 1981. Medieval Syrian Pottery. Oxford.
Riis P.J., Vagn Poulsen, 1957. Les verreries et poteries medievales // Hama. Fouilles et recherches. Vol. IV, 2. Copenhague.
Sarre F., 1925. Keramik und Andere Kleinfunde der islamischen Zeit von Baalbek. Berlin; Leipzig.
Soustiel J., 1985. La Ceramique Islamique. Fribourg.

Центр археологических исследований г. Москвы

V.Y. KOVAL

CERAMICS ORIENTAL IN MEDIEVAL MOSCOW

(Experience of Systematization)

PART I. FAIENCE AND SEMI-FAIENCE

S u m m a r y

The study and systematization of archaeological finds of oriental ceramics from archaeological excavations in Moscow have shown that a major part of these imports accounts for kashi ceramics (i.e. faience and semi-faience) brought to Moscow from the Golden Horde Volga basin region where in the fourteenth century the production of such pottery based on the samples from the Middle East and Near East was available. A Khorezm origin of such ceramics is very unlikely. Practically all varieties of kashi ceramics manufactured in the Golden Horde have been found in Moscow: ceramics with polychromatic underglaze painting both with a relief modeling of the surface made by painting with the help of liquid kashi and without it, as well as ceramics with monochromic underglaze and inglaze painting ("Timuridskaya").

Glazed pottery from Iran appears in Moscow in the thirteenth- the fourteenth centuries, but the largest volume of import falls on the sixteenth-the seventeenth centuries, one of the finds of the late Iranian lustre ceramics comes from a closed complex dating to the end of the seventeenth-the beginning of the eighteenth centuries, confirming the chronology of these ceramics established earlier with the help of indirect data (A. Lane). Glazed ewers and plates with underglaze polychromatic painting from Turkey were brought to Moscow in the sixteenth century.

Finds of oriental ceramics in Moscow is an indication of multilateral cultural, political and trade links between Ancient Rus, the Moscow state and the Russian empire and the power of Chingizids, Iran and Turkey over the thirteenth-the eighteenth centuries.

С.З. ЧЕРНОВ

МОСКОВСКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 1 – ПЕРВЫЙ АКТ МОСКОВСКОЙ РУСИ НА БЕРЕСТЕ

27 августа 1988 г. при раскопках Московской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в Историческом проезде была найдена московская берестяная грамота № 1 (рис. 1). Поскольку грамота представляла собой фрагмент документа, в момент находки она привлекла внимание исследователей главным образом как свидетельство возможности обнаружения берестяных грамот в Москве. Проведенное исследование позволяет сегодня предложить интерпретацию грамоты и показать значение этой находки для изучения истории и культуры ранней Москвы[1].

Грамота была обнаружена при широкомасштабных раскопках, развернутых на всей площади Исторического проезда 20 августа (Чернов С.З., 1989, с. 15–17; 1991, с. 66–79). Примерно к 23 августа на территории к югу от фундаментов Воскресенских (Иверских) ворот (воссозданы в 1994 г.) (раскопы А и Б) была завершена разборка верхнего культурного слоя. После зачистки материка и выявления заглубленных в него срубов и ям началась разборка заполнения срубов, которая производилась пластами по 10 см. Работы осуществлялись группами, в которые входили как археологи, так и работавшие в экспедиции солдаты, которые получили к тому времени навык выборки культурного слоя пластами.

23–25 августа разбиралось заполнение срубов 1 и 6, а также ямы раскопа А (западная часть Исторического проезда). 26 августа работы велись на территории раскопа Б (восточная часть проезда), где в 7 м к югу от фундаментов Воскресенских ворот были расчищены сруб 7 и водосток. Поскольку водосток перекрывал сруб, утром 27 августа работы были начаты с разборки заполнения водостока. Около трех часов дня солдаты Михаил Мирошниченко, Константин Анисимов и Дмитрий Капралов, выбиравшие заполнение ровика, в который была уложена деревянная труба водостока, обнаружили сверток бересты. Вот как рассказал об этом Константин Анисимов: "Вынули кол (свая XVII в., пробившая древние отложения – *С.Ч.*) и копнули слой щепы рядом с бревнами. Вижу – на лопате береста – смотри-ка, что это? Передали Сергею Литвинову" (начальник участка. – *С.Ч.*).

Археологический контекст этой замечательной находки помогает установить причины ее сохранности, связать грамоту с конкретными сооружениями посада, позволяет предложить ее археологическую датировку и обрисовать планировочную ситуацию, существовавшую в момент попадания документа в землю.

Обращаясь к анализу материалов XV в. Исторического проезда (материалы XIII–XIV вв. опубликованы: Чернов С.З., Бойцов И.А., 1992, с. 211–230), следует напомнить особенности стратиграфии Красной площади. Хорошая сохранность органики в районе Исторического проезда, сделавшая, в частности, возможным обнаружение берестяной грамоты, обусловлена рядом факторов. Застройка посада, примыкавшая к нововозведенным стенам Кремля, погибла во время пожара 1493 г. и более не возобновлялась, а пространство перед стенами на глубину в 106 сажен было обращено в площадь. Поверхность первоначальной Красной площади – вымостка мелким

[1] Основные положения настоящей статьи были изложены в докладе, прочитанном на заседании Отдела славяно-русской археологии Института археологии РАН 6.05.1992 г.

[2] Цветные фотоснимки места находки грамоты и ее находчиков, сделанные мною вечером 27 августа, см.: Чернов С.З., 1991, с. 75

© С.З. Чернов, 1997 г.

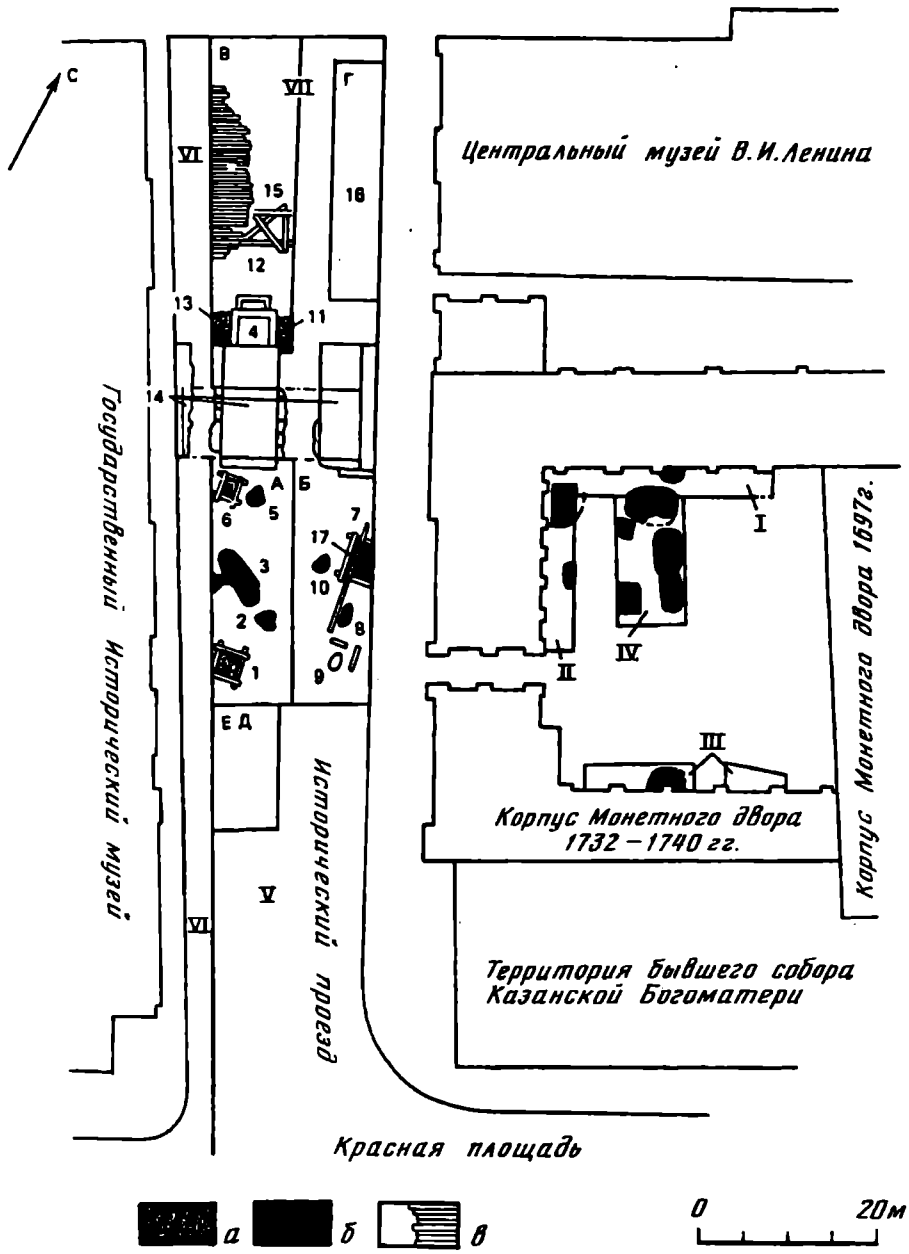


Рис. 1. План раскопок в Историческом проезде в 1988 г. и Монетном дворе в 1987–1988 гг. I–III – раскопы на Монетном дворе 1987 г.; IV – раскоп на Монетном дворе 1988 г.; V – зона неполного исследования; VI – зона, где нижний слой не вскрывался; VII – зона сплошных исследований; *1–3, 5–8, 10–13* – сооружения XIII–XV вв.; *4* – фундаменты часовни Иверской иконы Богоматери; *9* – хозяйственная яма XVII в.; *14* – фундаменты Воскресных ворот; *15* – крепеж берега р. Неглинной ок. 1535–1538 гг.; *16* – фундаменты Монетного двора (1732–1740 гг.); *17* – место, где была найдена берестяная грамота; А, Б, В, Г, Д, Е – обозначения раскопов; *а* – сооружения XIII–XIV вв.; *б* – сооружения XV в.; *в* – мостовая XVIII в.

гравием с обломками кирпича (7,5×14; 8,5×15; 7,5×13 см) – была зафиксирована на глубине 1,5 м от современной поверхности на всей исследованной территории Исторического проезда к югу от Воскресенских ворот. На раскопе Б, эта прослойка была несколько тоньше, чем на раскопе А, – не более 5–7 см. Она утончалась и выклинивалась в 2 м от края тротуара, образующего восточный край раскопа. Однако отдельные участки вымостки прослежены у самого края раскопа. Гравий был плотно утрамбован в материк. Возможно, прослойка гравия способствовала блокированию процесса гниения древесины, залегавшей в ямах, выкопанных в глинистом материковом горизонте, хорошо удерживающем влагу.

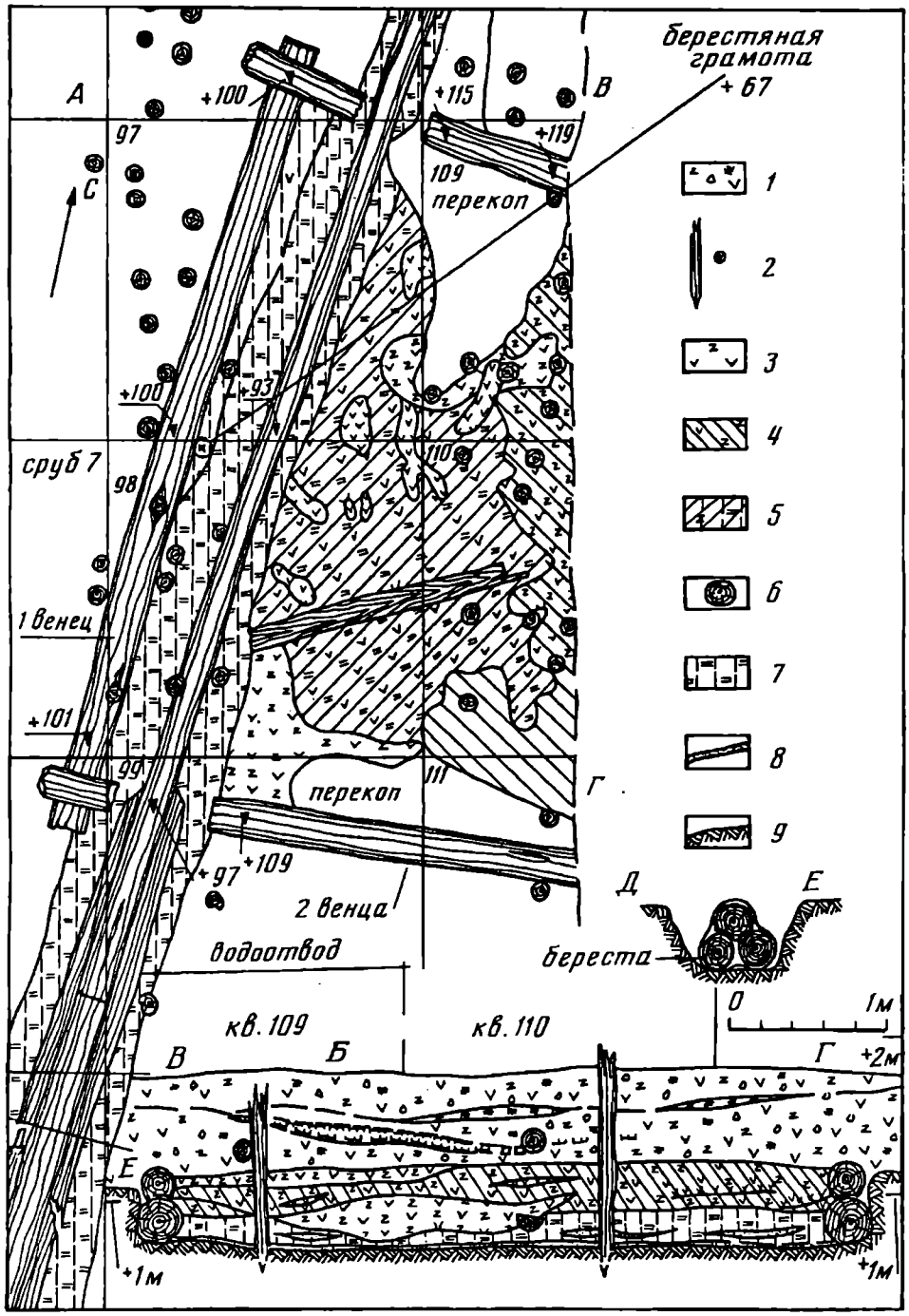


Рис. 2. План сруба 7, в котором была найдена берестяная грамота. *А* – план на уровне зачистки материка (глубина + 100 см); *Б* – разрез сооружения; *1* – темно-коричневая супесь с кирпичной крошкой, известью, древесным тленом и щепой (XVI–XVII вв.); *2* – частокол Монетного двора (около 1697 г.); *3* – щепа с углями; *4* – коричневая супесь с щепой и углями; *5* – темно-серая супесь с суглинком и щепой; *6* – бревна сруба 7, изображенные в разрезе; *7* – темно-серая супесь – заполнение траншеи водостока; *8* – песок; 9 – материк (3–6 – заполнение сруба 7)

Для датировки гравийно-кирпичной вымостки важно наблюдение, сделанное в северной части раскопа Б (Чернов С.З., 1988). При зачистке, произведенной на прилегающем к фундаментам Воскресенских ворот участке раскопа, выяснилось, что вымостка была срезана в 20–60 см к югу от края фундаментов. Поскольку последние возводились в 1535–1538 гг., можно полагать, что вымостка к тому времени уже существовала. Скорее всего она была сделана вскоре после 1493 г.

Гравийно-кирпичная вымостка делила культурные напластования раскопа Б на два горизонта (рис. 2, *Б*). Над вымосткой залегала влажная коричневая супесь со щепой и углями. Поверхность этого слоя была зафиксирована на отметках + 117 (на пониженном северном участке) + 168 см (на повышенном южном участке) на площади 23× ×6,2 м. (За нулевую отметку взят репер, вмонтированный в северо-восточный угол здания Государственного исторического музея).

Слой коричневой супеси был пробит двумя рядами частоколов, которые тянулись с севера на юг на протяжении 14,3 м от Воскресенских ворот до арки Монетного двора 1732–1740 гг. Здесь оба ряда были соединены между собой промежуточным частоколом длиной 2,6 м. Расстояние от внешнего (западного) ряда частокола до здания Монетного двора составляло 10,3 м. Столбы частокола располагались вплотную друг к другу, а забивались беспорядочно – в 20–60 см один от другого. Ширина каждого из рядов составляла 0,8 м, промежуток между рядами – 1,4 м. Общая ширина ограды – 2,6–3,2 м. Бревна частокола нетолстые, диаметром 8–15 см, заострены на конце (срезаны на три грани, длина заточки 0,3–0,4 м), сохранились на высоту 1–1,3 м. Уровень, с которого они вбивались в землю, соответствовал отметкам верха коричневой супеси. Нижние концы бревен глубоко заглублены в материк и частично нарушили культурный слой древних сооружений. Обнаруженный частокол, очевидно, является ограждением Китайгородского Монетного двора, образованного в 1697 г.

Слой коричневой супеси соответствует трем ярусам деревянных мостовых, а находки, встреченные в этом слое, типичны для городской улицы XVII в. Это детали кожаной обуви (фрагменты поршней, сапог, каблуки – всего 20 находок), кожаные ножны (№ 138), бронзовый прямоугольноконечный крест-тельник (№ 33), керамическая птичка-погремушка, ангобированная и расписанная красной краской (№ 51), железная шпора (№ 67), обломок красного рельефного изразца (№ 69), обломок ключа (№ 139), фрагменты лаптей (17), плетенки (7) и обрывки бересты (385 шт.). Среди посуды (2062 фрагмента) преобладают чернолощеная (лощеная сплошь – 25% и полосами – 12%), мореная (30%) и белоглиняная гладкая (21%) керамика XVII в. Белоглиняная грубая и красноглиняная гладкая керамика XVI в. составляет 5%, столько же – ранняя керамика (серая, красная грубая, краснолощеная), попавшая в слой из нижележащих горизонтов в результате перекопов.

После выборки гравийной вымостки был зачищен материк (отметки + 103 – + 117 см). Он представлял собой плотный рыжий суглинок с многочисленными трещинами, заполненными белесым суглинком – нижнюю часть горизонта Bt^3. При создании вымостки материк был подрезан примерно на 40 см. Одновременно был снивелирован и культурный слой, отражающий жилую застройку, существовавшую до 1493 г. Сохранились лишь сооружения, заглубленные в материк.

Наиболее крупным из них являлся *сруб* 7[4]. Западная стенка сруба имела длину 5,2 м (без выпущенных концов бревен – 4,4 м), северная и южная были раскрыты соответственно на 2,2 и 3,4 м. Сохранились два венца южной и северной стенок, заглубленных в материк на 0,4–0,5 м, а также один венец западной стенки. Значительные размеры постройки и массивность использованных для ее сооружения дубовых и еловых бревен (диаметр нижнего венца 30 см, верхнего – 20–22 см) отличают ее от более ранних срубов 1 и 6, исследованных на раскопе А. Сруб 7 рублен в обло с выпуском 20-сантиметровых концов; концы обрублены топором. С бревен аккуратно содрана кора, они хорошо, без щелей, подогнаны друг к другу. Пазы не проконопачены. Нижний венец лежал не на материке, а на песчаной подсыпке толщиной 3 см. Стенки сруба зажаты в материковых стенках котлована, а зазоры между ними засыпаны тем же плотным крупным желтым песком.

---

[3] Наблюдения проводились ст. научным сотрудником Института географии АН СССР А.Л. Александровским.

[4] Фиксация сруба и водостока проводилась сотрудником Московской археологической экспедиции И.А. Бойцовым. Подготовленное им описание использовано при написании настоящего раздела.

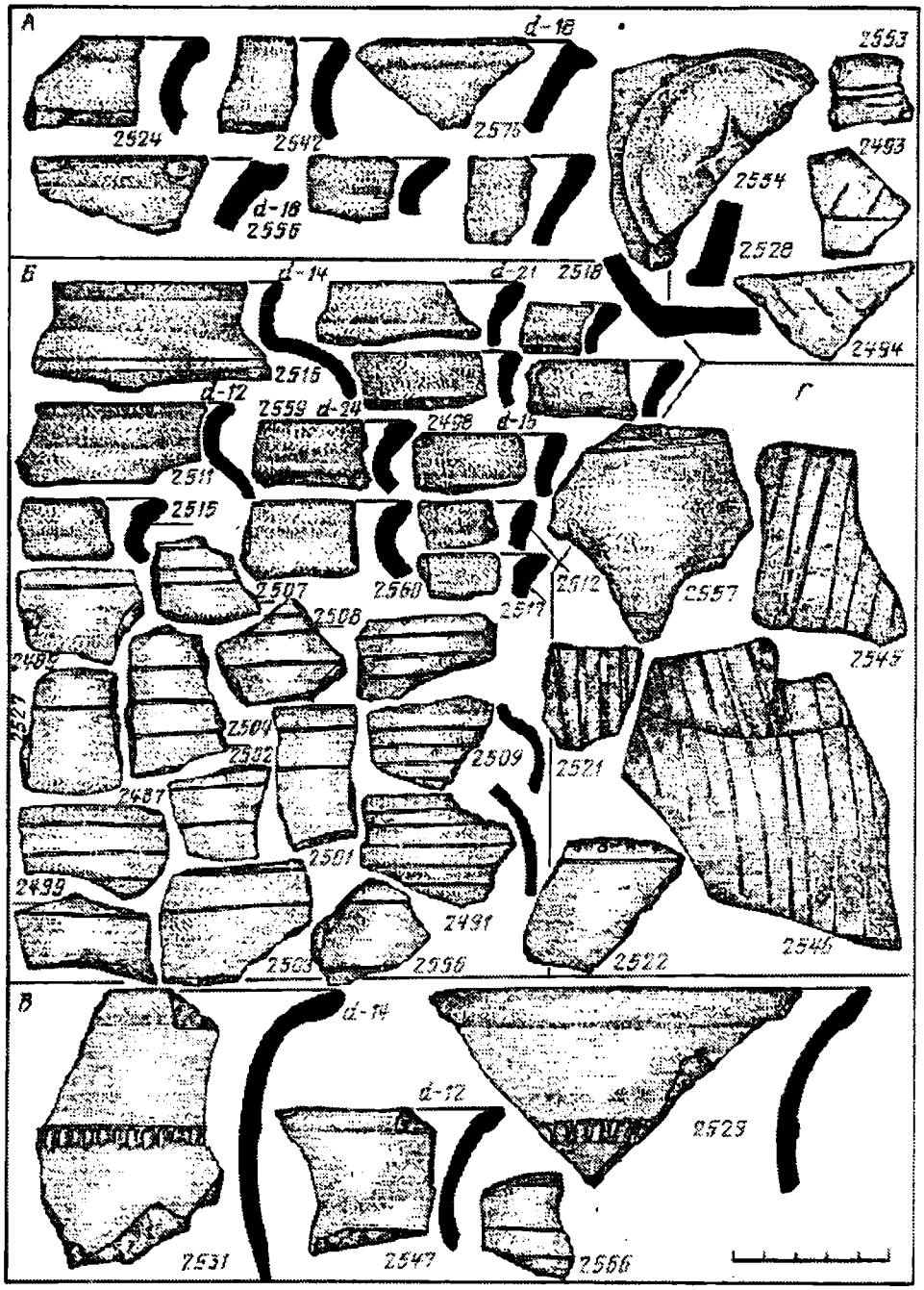


Рис. 3. Керамика из заполнения сруба 7 (*А*, *Б*) и водостока (*В*, *Г*). *А* – серая керамика из раннего слоя, разрушенного при возведении сруба; *Б* – красноглиняная грубая керамика из заполнения сруба; *В* – белоглиняная грубая керамика; *Г* – краснолощенная керамика

Для определения даты сруба с него, а также с бревен водостока были взяты спилы, однако из-за плохой сохранности дерева по ним не удалось построить графики и получить дендродаты.

Зачистки, проведенные на уровне + 107 и + 100 см, показали, что заполнение западной части сруба (плотная темно-серая супесь с материковым суглинком и угольками) отличалось от заполнения восточной его части (коричневая супесь со щепой, углями и суглинком, более рыхлая и влажная) (рис. 2). Различие обусловлено тем, что слой в западной части сруба представлял не что иное как заполнение траншеи (ширина 0,55–0,7 м на уровне + 100 см, глубина 0,45 см от уровня материка), в которую была уложена конструкция *водостока*, выполненная из трех сосновых бревен длиной 5–

Рис. 4 Рис. 5

Рис. 4. Московская берестяная грамота № 1. Фотография. Общий вид. Фотофиксация С.А. Орлова (то же для рис. 5–9)

Рис. 5. Московская берестяная грамота № 1. Фотография. Строки 1–3

4,2 м. Два бревна лежали вплотную друг к другу, и одно было уложено сверху, перекрывая щель между нижними бревнами. На всю длину нижних лежней была сделана подрезка сторон, обращенных в сторону их соприкосновения. Между бревнами оставался зазор до 7 см. Все три бревна после укладки были обмотаны берестой. В районе стыка бревен (кв. 87) они были обернуты тройным слоем бересты. Ко времени прокладки водостока сруб № 7 уже не функционировал. Для укладки бревен водостока были прорублены его северная и южная стенки.

Стенки траншеи водостока сужались ко дну под углом 75–80°. На глубине + 93... ...+ 97 см в траншее обнажилось верхнее бревно конструкции. Ниже, на глубине + 67 см, на границе квадратов 97 и 98, *в заполнении траншеи, на контакте этого слоя со слоем заполнения сруба 7 была найдена берестяная грамота.*

В заполнении сруба с уровня + 87...+ 83 см коричневые супеси сменились грунтами темносерого цвета, более плотными по составу. На границе между этими слоями

Рис. 6. Московская берестяная грамота № 1. Фотография. Строки 4–6

залегал наброс из досок, лежавших параллельно южной стенке сруба. В центре сруба на этом уровне была зафиксирована лага длиной 2,2 м и диаметром 18 см, лежавшая подтесанной стороной вверх. Кроме того, обнаружены развалы красноглиняных сосудов. Дно сооружения было зафиксировано на отметках + 56...+ 72 см. Оно было относительно ровным с небольшим прогибом в центре.

Материалы, собранные в заполнении траншеи водостока и в заполнении сруба, различались весьма существенно. В траншее была встречена красноглиняная грубая (1), белоглиняная грубая (4), краснолощеная (3), чернолощеная (1) и мореная (2) посуда (рис. 3, *В*, *Г*), что позволяет датировать сооружение водостока второй половиной XV в. (до 1493 г.).

В заполнении сруба 7 встречено 128 фрагментов керамики. Преобладала красноглиняная посуда (рис. 3, *Б*). Найденные там же фрагменты серой и курганной керамики, по всей видимости, происходят из более раннего слоя, разрушенного при сооружении сруба (рис. 3, *А*). Среди красноглиняной керамики доминируют горшки второго варианта с подтреугольным в сечении вертикально стоящим или наклонным венчиком. Плечики и верхняя часть тулова сосудов украшены горизонтальным

Рис. 7. Московская берестяная грамота № 1. Фотография. Строки 7–9

орнаментом в виде многочисленных нешироких полос, прочерченных по подсохшей поверхности сосуда. Тесто не имеет примесей дресвы и крупного песка, обжиг полный окислительный, цвет черепка красный и бордовый. Это красноглиняная грубая керамика, весьма далеко продвинутая в технологическом отношении, которая может быть датирована в пределах первой половины XV в. Изучавший комплекс И.А. Бойцов предложил обозначать керамику данного типа красноглиняной гладкой ранней (Бойцов И.А., 1991, с. 36).

Следует, впрочем, отметить, что характер орнамента описываемой посуды сближает ее с поздней серой керамикой. В связи с этим укажу на то, что горшки второго варианта с подтреугольным венчиком бытовали в период, когда серая керамика еще не вышла из употребления. Так, венчику № 2515 из сруба 7 весьма близок венчик из комплекса сооружения 1 Шавыкина монастыря, датируемого 1380–1390 гг. (Чернов С.З., 1995, с. 141, рис. 8, 15, 16). В срубе 7 найден фрагмент небольшого горшка (диаметром 12 см) с венчиком первого варианта, плавно отогнутым под углом 30°, с заостренным краем и миниатюрным валиком снаружи (№ 2511). Подобная форма существовала на раннем этапе развития красной грубой керамики. В качестве примера можно указать на венчик, украшенный ранней симметричной косой волной из селища Лешково 8 по Радонежем (№ 94/732), который датируется серединой – третьей четвертью XIV в. (Чернов С.З., 1994, с. 24, 29). Хотя венчик из сруба 7 технологически более совершенен, чем фрагмент из Лешково 8, наличие (в качестве рудимента) наружного валика, который был типичен для серой керамики, свидетельствует о том, что мы имеем дело с периодом бытования красной керамики, когда

Рис. 8. Московская берестяная грамота № 1. Фотография. Строки 10–11

формы венчика, использовавшиеся при изготовлении серой посуды, еще не совсем вышли из употребления. Эти наблюдения позволяют сузить датировку сруба 7 до первой трети XV в.

Поскольку грамота была найдена на контакте двух разных слоев, возможны две разные ее археологические даты: вторая половина XV в. – если она попала в заполнение траншеи водостока из слоя, датируемого белоглиняной грубой и чернолощенной ранней керамикой; первая треть XV в. – если она залегала в слое щепы, относящемся к заполнению сруба 7, или если первоначально залегала в нем, а затем попала в заполнение траншеи водостока в ходе засыпки последнего.

Внешнее описание грамоты и прочтение сохранившихся фрагментов текста. Грамота[5] представляет собой прямоугольный кусок бересты длиной 170 и шириной от 29 до 21,5 мм[6]. Это фрагмент документа. Верхний край грамоты соответствует верхнему краю документа. Он был обработан ножом с зазубринами, оставившими мелкие заглубления, расположенные под углом к краю (на сохранившемся участке в 29 мм их около 40). Левый, правый и нижний края грамоты оборваны. Найденный фрагмент сохранился более или менее удовлетворительно. Лишь в районе 9–11 строк текста фиксировались трещины. Грамота была отреставрирована в Новгородской археологической экспедиции МГУ В.И. Поветкиным.

---

[5] Грамота хранится в Государственном Историческом музее. Шифр: Опись 2663, № 1127, инв. № 108782.

[6] При распаривании берестяной грамоты, которое, в соответствии с принятой методикой было произведено сразу же после ее обнаружения, от нее отделилась подложка, которая в процессе высыхания сократилась в длину до 156 мм.

Рис. 9. Московская берестяная грамота № 1. Фотография. Строки 12–16

Фотофиксация грамоты производилась в три этапа. Вначале был изготовлен цветной слайд (опубликован: Чернов С.З., 1991, с. 75). Затем все графемы были сняты в 16-кратном увеличении, а вся грамота – в натуральную величину (рис. 4) и в 3,5-кратном увеличении (рис. 5–9).

В отличие от новгородских берестяных грамот, текст которых написан вдоль прожилок бересты, текст московской грамоты (рис. 10) написан перпендикулярно прожилкам бересты. Грамота имеет 16 строк, в каждой из которых присутствует от 7 до 1 знака (графемы). Указанные особенности рассматриваемой грамоты делают невозможным ее прочтение как целостного текста, но позволяют составить представление о значительной части документа по его небольшому фрагменту.

До того как обратиться к анализу графем, необходимо остановиться на их морфологических особенностях (рис. 4–9). Вертикальные элементы букв читаются достаточно уверенно. Еще более четко читаются горизонтальные элементы, так как

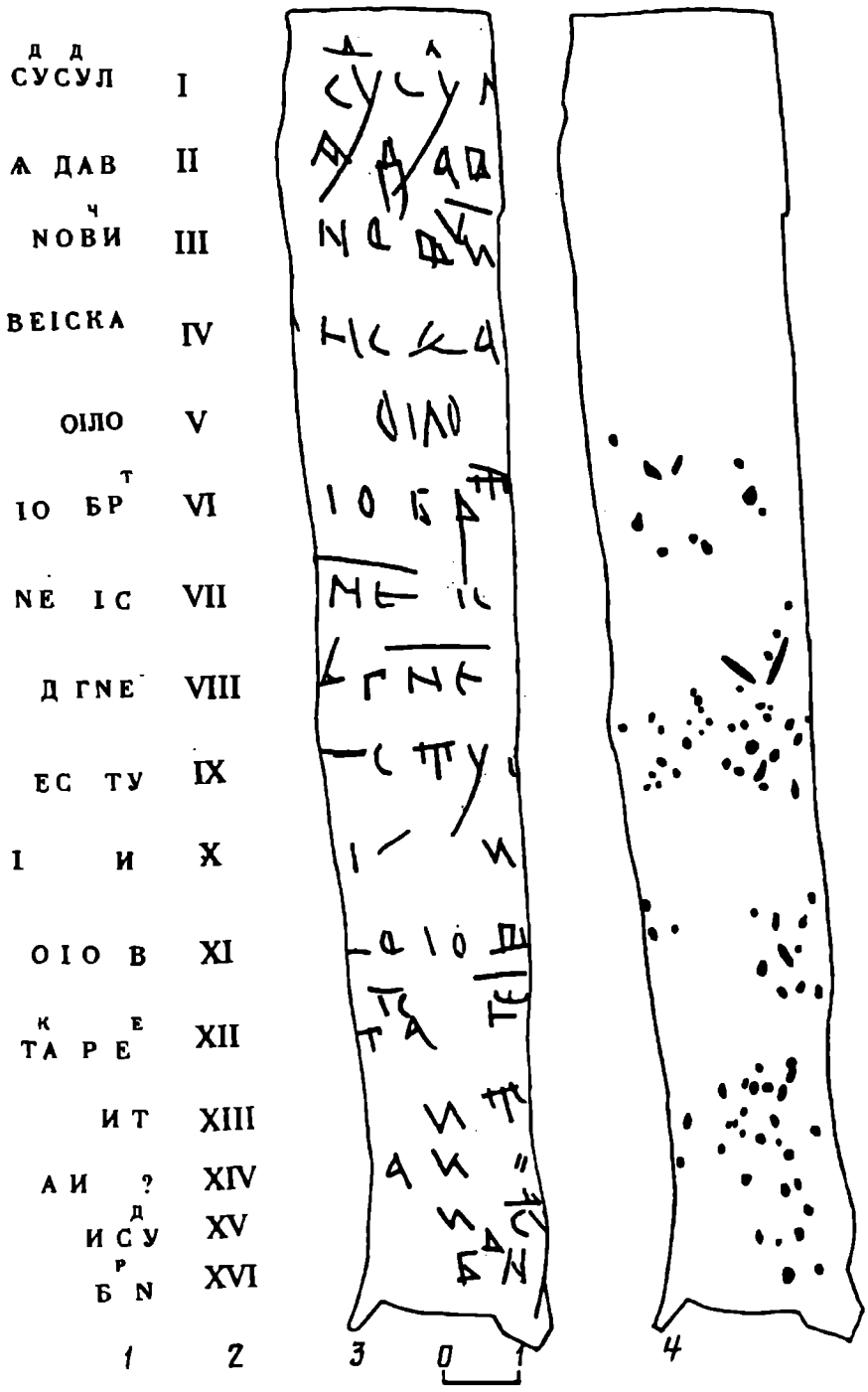


Рис. 10. Московская берестяная грамота № 1. *1* – прочтение; *2* – номер строки; *3* – пропись; 4 – повреждения грамоты

писало, двигаясь поперек прожилок бересты, смещало их, оставляя на поверхности рисунок в виде "елочки". Это позволяет проследить направление движения руки писца и отличить горизонтальные линии, прочерченные над строкой, а также титла от сгибов, которые возникли в результате свертывания грамоты (о них ниже). В тех случаях, когда вертикальный элемент графемы может быть спутан с трещиной, на помощь приходит подложка грамоты, на которой отпечатались графемы, но отсутствуют трещины, имеющиеся на поверхностном слое.

Палеография. Грамота написана полууставом (Щепкин В.Н., 1918). В ней фиксируется 66 графем – 18 букв алфавита, которые представлены от 1 до 6 изображениями (рис. 11–13).

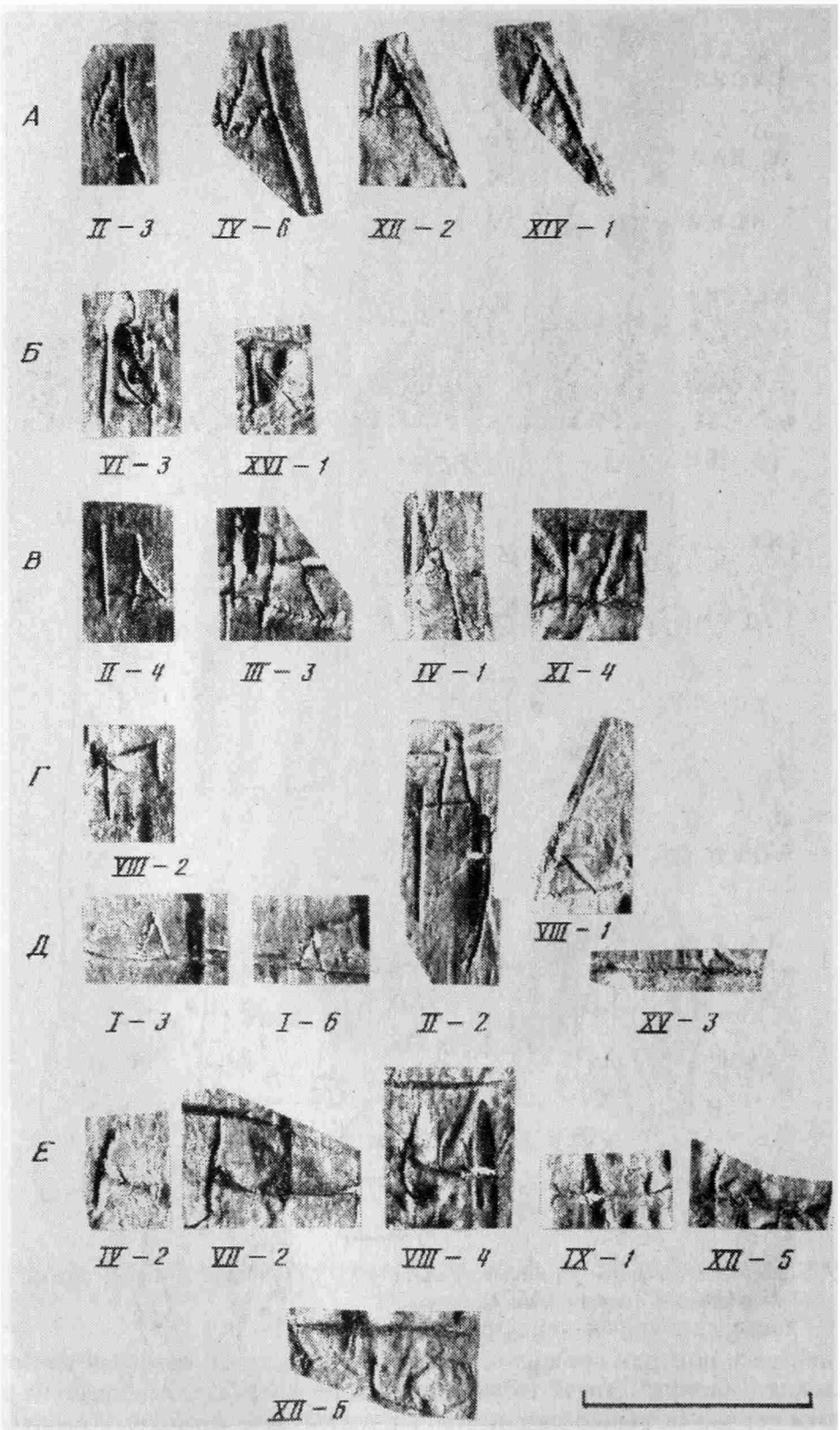


Рис. 11. Таблица начертаний букв Московской берестяной грамоты № 1. Буквы А–Е (римской цифрой дан номер строки, арабской номер буквы в строке, то же для рис. 12, 13)

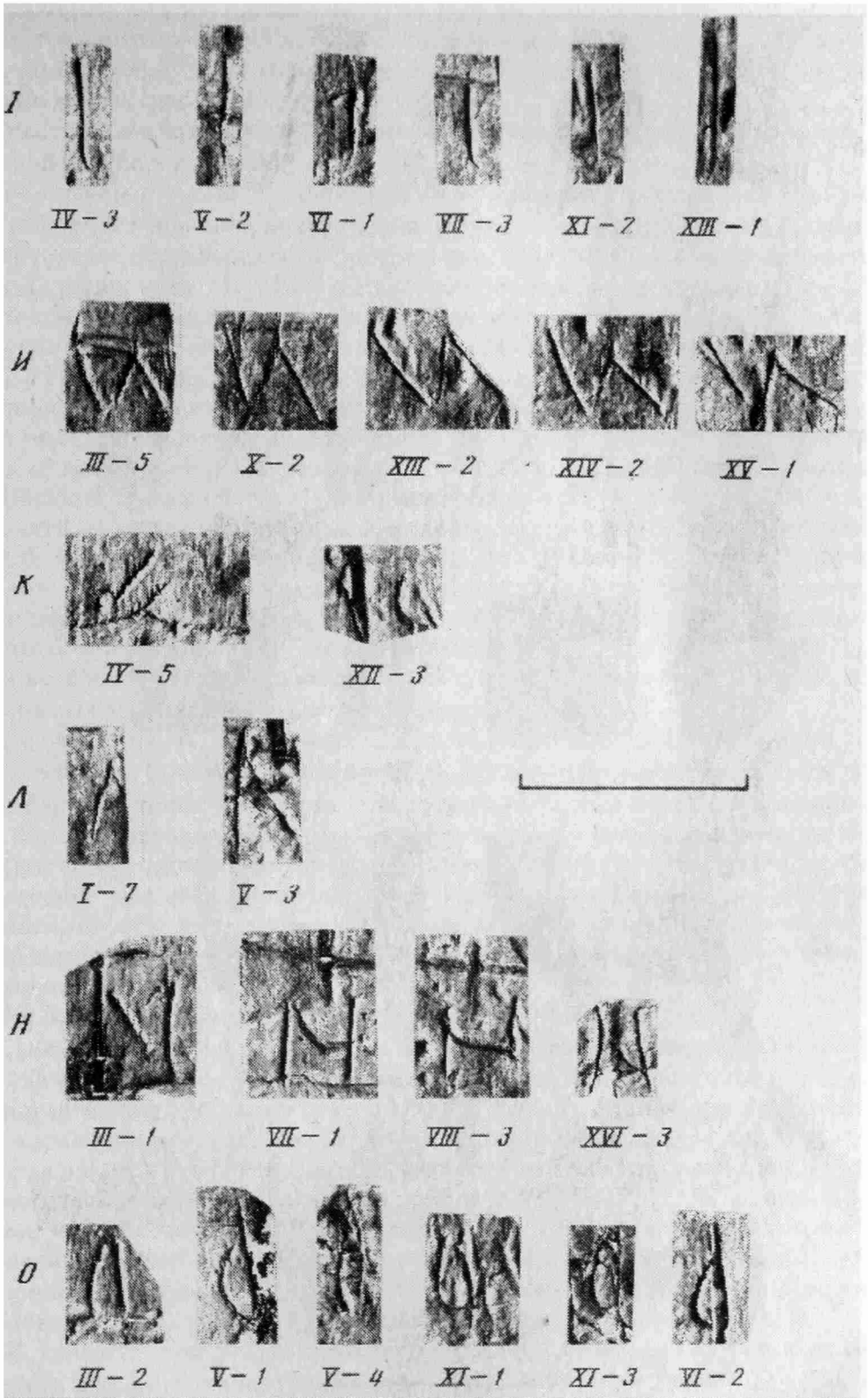


Рис. 12. Таблица начертаний букв Московской берестяной грамоты № 1. Буквы I–О

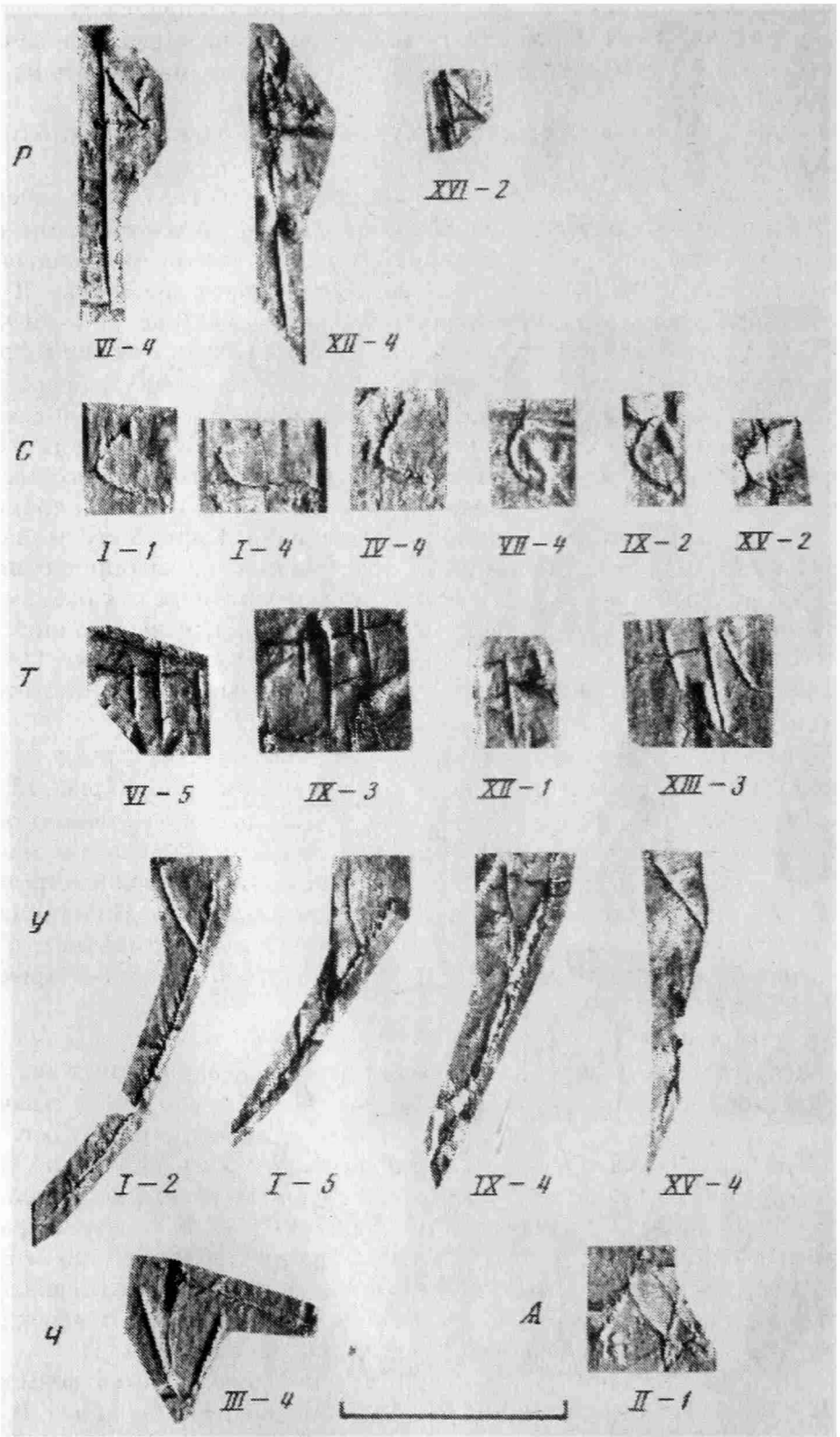


Рис. 13. Таблица начертаний букв Московской берестяной грамоты № 1. Буквы Р–А

А. Встречено четыре буквы "А", которые имеют вполне традиционное полууставное начертание без крышки (рис. 11).

Б. Две буквы "Б" имеют обычное полууставное начертание.

В. Хотя встреченные в грамоте три буквы "В" и написаны немного по-разному, все

они отражают модель написания этой буквы, использовавшуюся до появления четырехугольного начертания. Может быть четвертое "В" надо видеть в начале 4-й строки, но поскольку эта графема сохранилась фрагментарно, настаивать на данном прочтении нельзя (рис. 6; 11).

Г. Имеется одна буква обыкновенного начертания с несколько приподнятой горизонтальной чертой и отсечкой.

Д. Две строчные буквы "Д", фиксируемые в грамоте, имеют различное начертание. Одна буква имеет обычное полууставное начертание с длинными отсечками (рис. 11, II–2)[7], другая представляет собой треугольник, без отсечек и с высоко начатой левой стороной крыши (рис. 11, VIII–1). Надстрочные буквы имеют вид буквы "Л", вдоль нижнего края которой проведена длинная горизонтальная черта (рис. 11, I–3 и XV–3).

Е. Буква "Е" встречена пять раз, причем в одном случае сохранился лишь фрагмент графемы. Практически во всех случаях палочка длинная, направлена направо и имеет небольшой наклон вниз. Эта последняя деталь указывает на то, что мы имеем дело с полууставом, испытавшим определенную эволюцию, что дает основания относить грамоту ко времени не ранее первой четверти XV в. Отметим, что в грамоте великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю (ок. 1416–1417 гг.) палочка у "Е" приподнята, а в грамоте князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю (ок. 1435–1447 гг.) – опущена (таблица 1 № 3). Данное начертание отнюдь не украшает грамоту, однако оно не может рассматриваться как случайная неряшливость, но является устоявшейся особенностью начертания данной буквы. Кроме того, в берестяной грамоте имеется одно выносное лежачее "Е" рис. 11 (XII–6).

І. Во всех шести случаях изображалось в виде вертикальной черты без отсечек с характерным слегка вывернутым заострением внизу (рис. 12).

И. Все пять букв "И" наклонные, писались практически без отрыва руки.

К. Строчная "К" весьма далека от полууставного начертания (рис. 12, IV–5). Правая верхняя линия имеет росчерк уходящий далеко влево, что можно рассматривать как проявление элементов быстрого делового письма. Коль скоро оно нашло отражение в берестяной грамоте, материал которой не способствовал быстрому письму, последнее уже стало неотъемлемой чертой стиля писавшего. Надстрочное "К" изображено в виде двух палочек, одна из которых (левая) вертикальна, а другая (правая) имеет форму "С". (рис. 12, XII – 3). Возможно, в правой части 7-й строки было написано не "ІС", а такое же "К".

Л. Две буквы "Л" обычные, полууставные.

Н. Буква употреблена четыре раза. В двух случаях перекладина имеет вид наклонной линии без загиба, которая соединяет концы мачт по диагонали, но не смыкается с последними непосредственно (рис. 12, III–1, XVI–3). В двух других случаях фиксируется характерная косая перекладина в верхней части буквы, причем по следу на бересте видно, что рука писавшего косую черту на половине длины последней меняла направление – поворачивала вправо (рис. 12, VII–1 VIII–3). В качестве сравнения отметим, что оба начертания встречаются как в грамоте великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю, так и в грамоте князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю, однако в последней присутствует и начертание с перекладиной посередине, которое в берестяной грамоте отсутствует (таблица, № 1, 3).

О. В грамоте присутствуют шесть букв "О", поэтому имеется возможность проследить варианты начертания этой буквы. Таких вариантов было два. В первом случае "О" писалось в виде двух полукруглых линий, смыкающихся у верхнего и нижнего концов (рис. 12, V–1, V–4, XI–1, XI–3). Во втором случае вначале наносилась правая линия (почти вертикальная), а затем левая, причем на завершающей стадии ее начертания рука писца двигалась вправо так, что писало разрывало нижнюю часть ранее прочерченной линии (III–2, VI–2).

---

[7] Здесь и далее римской цифрой обозначен номер строки грамоты, а арабской – номер буквы в строке.

Таблица

Сравнительная характеристика подлинных правых грамот первой половины – середины XV в.

№ и название грамоты	Дата	Длина	Ширина	Знаков в строке	Знаков до "гне"	Знаков до "И"	Строк	Наличие печати	Просмотр
		мм							
1. Правая грамота великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю на деревни и луги Городецкие	ок. 1416–1417 гг.	189	147	39–45	177	337	28	Следов печати нет, край оборван	Подлинник
2. Правая грамота митрополита Фотия Чудову монастырю на деревни и луги Городецкие	12.11.1425 г.	361	147	47–55	173	300	38	Фрагменты	Публикация
3. Правая грамота белозерского князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю на д. Михалевскую Горкавого в Киснеме	1435–1447 г.	280	145	41–52	175	454	37	Восковая печать князя Михаила	Фотокопия с подлинника
4. Правая грамота судьи Михаила Федоровича Чудову монастырю на рыбные ловли в озере и речке Вашке (список XV в.)	ок. 1448–1452 гг.	156	148	42–60	181	365	15	–	Публикация

Таблица (окончание)

№ и название грамоты	Дата	Длина	Ширина	Знаков в строке	Знаков до "гне"	Знаков до "И"	Строк	Наличие печати	Просмотр
		мм							
5. Правая грамота, данная суздальским наместником Федором Васильевичем Спасо-Евфимиеву монастырю на землю Васильковскую	ок. 1449–1450 гг.	212	149	39–48	124	216	21	Восковая печать	То же
6. Правая грамота с доклада князю Андрею Васильевичу, данная судьей Дмитрием Давыдовичем Саввино-Сторожевскому монастырю на рыбные ловли в оз. Полецком	ок. 1461–1462 гг.	393	283	100–115	140	689	46	То же	"
7. Правая грамота с доклада кн. Андрея Васильевича Угличского, данная сместными судьями Саввино-Сторожевскому монастырю на слц. Суховерхово	ок. 1462–1469 гг.	420	146	46–55	162	527	46	"	"

Примечание. Грамота 1. Архивное хранение: РГАДА. ГКЭ. Переяславль. № 8725. Публикация: АСЭИ. Т. III. № 31.
Грамота 2. Архивное хранение. ГИМ. – Собр. Уварова, ящик 66/20, отд. III, № 3. Публикация: АСЭИ. Т. III. № 32.
Грамота 3. Архивное хранение. РГАДА. ГКЭ. Белоозеро. 20/721. Публикация: АСЭИ. Т. II. № 90.
Грамота 4. Архивное хранение. ЛОИИ. Собр. Беллюстина, № 2. Публикация: АСЭИ. Т. III. № 35.
Грамота 5. Архивное хранение. ЛОИИ. Собр. Муханова, № 31. Публикация: АСЭИ. Т. II. № 450.
Грамота 6. Архивное хранение. РГАДА. ГКЭ. Звенигород. 3/4677. Публикация: АСЭИ. Т. III. № 55.
Грамота 7. Архивное хранение. ЛОИИ. Собр. Строева. XLIX–5. Публикация: АСЭИ. Т. III. № 56.

Р. Две строчные буквы "Р", присутствующие в грамоте, написаны одинаково. Они состоят из строго вертикальной мачты и треугольного начертания с горизонтальной нижней линией (рис. 13).

С. Шесть строчных букв однотипны и не дают данных для палеографических наблюдений.

Т. Эта буква представлена тремя строчными и одним надстрочным начертаниями. Среди них ни одно не имеет трех ножек – начертания, распространившегося в период второго южнославянского влияния. Это придает грамоте облик документа, написанного на старом полууставе. Отметим, что в грамоте великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю последнее начертание встречается в строке наряду с более ранним. Впрочем, навык быстрого письма сказался и здесь: одна буква написана с росчерками, ненужными функционально и противопоказанными бересте как материалу (рис. 13, XIII–3).

У. В грамоте встречено четыре буквы "У". Все они написаны с длинными кривыми росчерками. *Подобные росчерки отсутствуют в грамоте великого князя Василия* Дмитриевича Чудову монастырю и присутствуют в грамоте князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю, для которой вообще характерны элементы зарождавшегося тогда быстрого делового письма (таблица, № 1, 3).

Ч. Встречена только в виде надстрочной буквы. Форма – расщепом без ножки. Однако, поскольку в нашем распоряжении нет строчного "Ч", нельзя трактовать данное начертание как показатель отсутствия в грамоте "Ч" с ножкой, исчезновение которой зафиксировано во второй четверти XV в. Точно такое начертание надстрочной "Ч" без ножки присутствует в грамотах великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю и князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю (таблица, № 1, 3).

Ѧ. Юс малый, встречающийся в грамоте лишь один раз, имеет под крышечкой не Т-образное, а традиционное начертание. Подобное начертание встречаем в грамотах великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю и князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю (таблица, № 1, 3), тогда как в грамоте великого князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Микуле (см. о ней ниже) начертание Т-образное. Тем не менее данный признак вряд ли указывает на молодость грамоты, поскольку встречается и в XIV в. и не может служить хронологическим определителем[8].

В заключение палеографического обзора необходимо отметить две графемы (или их фрагменты), которые пока не представлялось возможности прочесть. Это две параллельные косые палочки в 14-й строке (рис. 9, XIV–3) и надстрочный знак, фиксируемый над буквой "У" в 9-й строке (рис. 7). Последний (если это не дефект поверхности грамоты) напоминает надстрочные изображения буквы "З" (земля).

Малое количество целых слов не позволяет провести лингвистический анализ. Можно указать лишь на то, что сочетание "ІО" как будто несет отголоски второго южнославянского влияния[9].

Как видно из проведенного анализа, грамота не могла быть написана позже второй четверти XV в., когда старый русский полуустав был вытеснен почерком, сложившимся под южнославянским влиянием. По сумме палеографических признаков грамоту можно датировать 1410–1430-ми гг.

Палеографическая датировка позволяет сделать выбор между двумя предложенными выше вариантами археологической датировки и связать грамоту со срубом 7, который по найденному в нем материалу относится к первой трети XV в.

Лексика грамоты и реконструкция структуры документа. Для определения характера документа принципиально важным является прочтение его первой строки. В самой строке читается: "су сул" (рис. 5). Над первыми двумя буквами – "д", начерченная в виде двух наклонных линий, пересеченных у их оснований длинной горизонтальной

---

[8] Благодарю А.А. Медынцеву, указавшую мне на это обстоятельство.

[9] Благодарю О.А. Князевскую, указавшую мне на эту особенность грамоты.

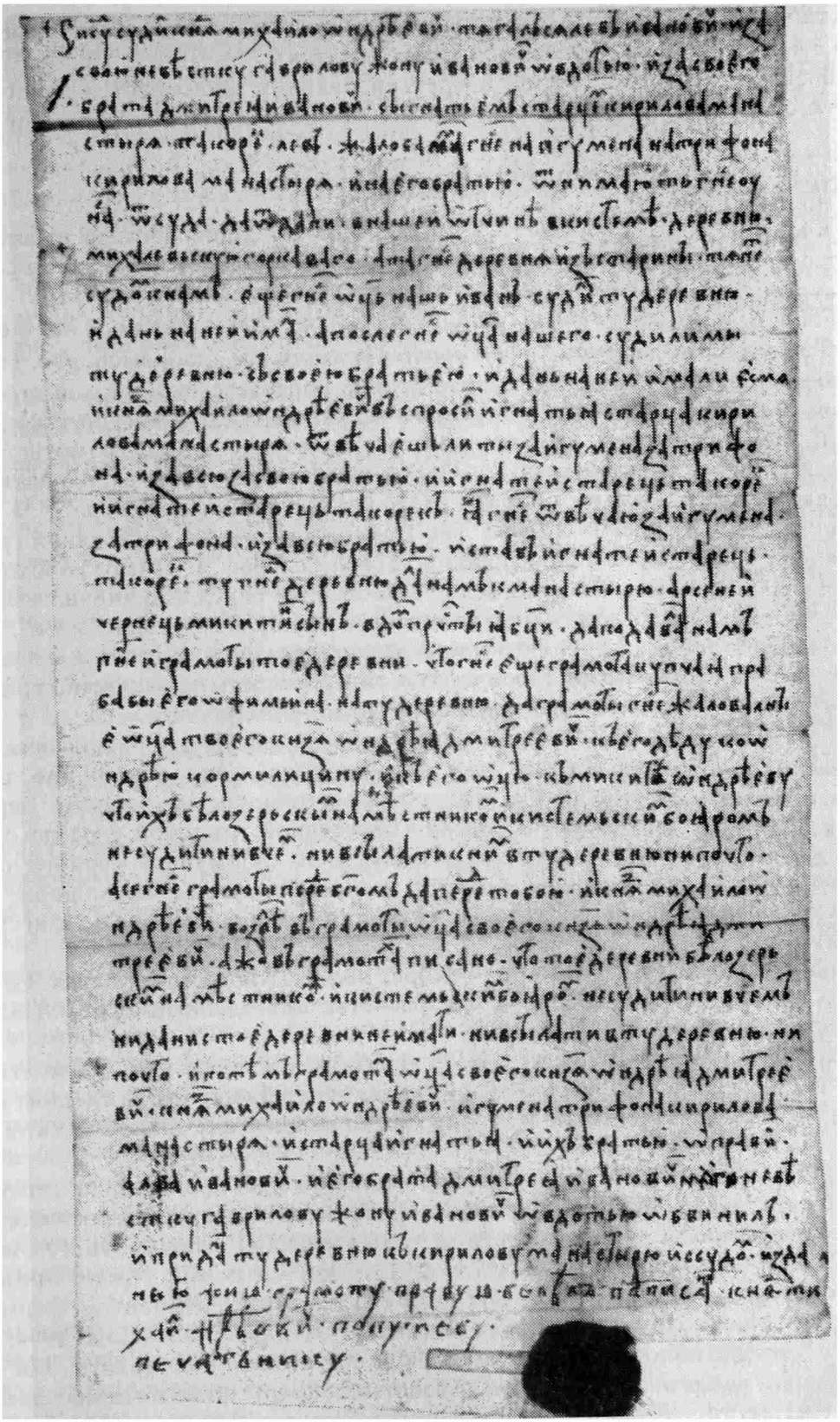


Рис. 14. Правая грамота белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю на д. Михалевскую Гаркавого в Киснеме (ок. 1435–1447 гг.) (Российский государственный архив древних актов. Фонд 281 – Грамоты Коллегии экономии. Белоозеро. 20/721). Фотография

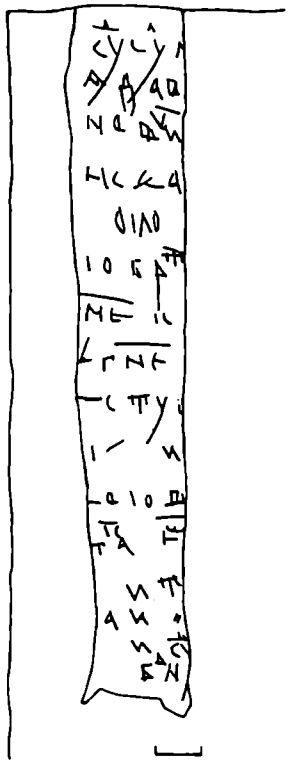


Рис. 15. Гипотетическая реконструкция размеров части берестяного документа

чертой (след в виде "елочки" отличает эту черту от расположенной правее складки).

Над второй и третьей буквами фиксируется аналогичный значок, но без горизонтальной черты. Наиболее вероятным прочтением является

"СУД СУД(И)Л" (I).

Обращаясь к поиску аналогий данного чтения в памятниках письменности Москвы первой половины XV в., обнаруживаем, что *подобный текст служил неотъемлемой частью формуляра судных списков, которые дошли до нас в виде начальной части правых грамот* (см., например, рис. 14). Учитывая, что данное чтение присутствует в первой строке берестяного документа, можно высказать предположение, что перед нами не что иное, как начало правой грамоты или судного списка: "[+ Си] суд судил...". В грамотах, написанных на бумаге, в первом слове над строкой выносилось "д", а во втором – "л" (рис. 14). Возможно, и писец берестяной грамоты привычно написал во втором случае "л" вместо необходимого в данном случае "д". Поскольку перед сохранившимся в первой строке текстом могло помещаться лишь "+ Си", можно полагать, что в нашем распоряжении находится левый край грамоты без лоскутка, содержавшего примерно по три буквы и имевшего ширину около 1,5–2 см (рис. 15).

В 7-й и 8-й строках дважды фигурирует написание "ГNE" под титлом, т. е. "г(осподи)не". Это обращение хорошо известно по новгородским письмам на бересте, однако в случае с московской берестяной грамотой гораздо существеннее, что оно является обязательным элементом формуляра судного списка, который фиксировал судоговорение. Повторное появление слова "г(осподи)не" на 8-й строке также вызывает в памяти судные списки, в которых это слово фигурирует неоднократно.

Читающееся во 2-й строке «нович» – скорее всего окончание отчества. Если это так, можно предполагать, что истцом (см. расчеты, приведенные ниже) было лицо боярского происхождения.

В 6-й строке фигурируют буквы «бр» с выносом «т» после них. Поскольку для написания выносного «т» горизонтальной черты не требовалось, последняя может быть интерпретирована как титло и строку можно в таком случае прочесть так: «і о бр(а)т[ье]».

В 13-й и 15-й строках текст начинается не от левого края грамоты, а с отступом в 1 см. Поскольку, как мы предположили выше, левый край документа располагался в 1,5–2 см от края грамоты, можно допустить, что в указанных строках текст начинался с абзаца. В обоих случаях он начинается с «И», причем в 15-й строке после «И» следует слово «суд...». Скорее всего мы имеем здесь дело с элементом формуляра судных списков типа: «И судьи спросили Ивашко: ''Отвечай...''» (АСЭИ, 1964, № 56, с. 87). На этом предположении, впрочем, вряд ли следует настаивать, так как в правых грамотах, написанных на бумаге, указанный элемент абзацем не выделяется.

Разумеется, ни упоминание слова «господине», ни написание с абзаца фразы «И суд...» сами по себе не могут служить основанием для сближения московской берестяной грамоты с актами, связанными с судопроизводством. Однако присутствие этих фрагментов в документе, первая строка которого содержит чтение «СУД СУД(И)Л», подкрепляет высказанное выше предположение.

Подлинные правые грамоты первой половины – середины XV в. Великого Московского княжества написаны на бумаге, на столбцах шириной в 145–149 мм, на

которых в строке умещалось от 40 до 60 знаков (фиксируется также грамота шириной в 283 мм, но она датируется 1460-ми гг.) (таблица, рис. 14)[10].

В грамотах слова «господине» появляются во второй статье судного списка как обращения к судье (судьям) истца и ответчика. Количество знаков от начала судного списка (начало правой грамоты) до слова «господине» в сохранившихся правых грамотах колеблется от 124 до 181 знака (считая и знаки над строкой). В зависимости от количества знаков в строке слово «господине» оказывается на той или иной строке.

В качестве примера приведем начало правой грамоты великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю на деревни и луг Городецкие (разбивка на строки и знаки препинания – оригинала; разбивка на слова и заглавные буквы – наша; надстрочные буквы опущены в строку и даны курсивом; устойчивые элементы формуляра (выделены жирным шрифтом):

+ **Сѣ суд судил** князь великии Василеи Дмитреевич. **Тѧгалис** // Парша. Сидорко. Василко. Ших Маковѣевъ. Степанко. Иг // натко. Михаль с черньцем с Денисьем Михаилова Чюда// архимандричим сь ѳаккимовым. **Так рекли** Парша и его друзи // Отъѧлъ **гсне** архимандрит ѳаким. оу нас деревни и луги Горо // дечьскии по старую дорогу к селу к Филиповскому. А тѣ // **гсне** деревни и луги наши купля и отчина. А нынѣ нас [..] // етъ вонъ. А не велит нам земль своих продавати никому. И Де // нисеи чернець **так рек**: То **гсне** земля извѣчнаѧ Стго Михаила // а тѣм **гсне** ни отчина ни купля. А посылал **гсне** ты князь вели //кии сего году. своего боѧрина Юрьѧ Василевич да Тимоѳе//ѳ Очкасова инѣ **гсне** ту землю очистив и отьехали к // Стму Михаилу. архимандриту ѳакиму к селу к Филипо//вьскому, по давному отводу по старую дорогу. А тѣ бы // ли туто же пред Юрьем на отъѣздѣ, а отчины и купли свое //ѣ не сказывали. **И князь великии Василеи Дмитреевич в** // **спросил** Парши, и его другов. В том ли отводѣ в давном. Стго Ми//хаила. сказываете свои земли. **Инѣ рекли**: в том **гсне** в да //вном отводѣ. **И князь великии Василеи Дмитреевичь по тому** // черньца Денисья **оправил**. а Паршу и Сидорка. и Ши//ха Маковѣева. Степанка. Василка. Игнатка. Михаля **обви//нил и присудил** тѣ деревни [и луги к Свято]му Михаилу а//рхимандриту Якиму, к селу к Филиповьскому. по давно//му отводу по старую дорогу. А тіх земль цркввных что//в том отводѣ в цркввном Стго Михаила. не велѣл продаватии//ни купити. никому. А кто имет продавати или [купити]//или архимандрита не слушати тѣх велѣл велики [князь]// архимандриту Михаиловьскому вон метати. А [на суде]//[были Оле]ксандръ Ондрѣевич. Володимеръ [.....] //[.....] дор [.....] Михаило Федорович.

Напомним, что правые грамоты состоят из судного списка, который включает преамбулу (в ней поименованы судья, истец, ответчик) и изложение судоговорения (речи истца и ответчика, вопросы судьи); докладного списка (в приведенном примере он отсутствует, так как суд осуществлялся высшей инстанцией); приговора; подписей.

Однотипность размеров правых грамот в сочетании с жестким формуляром, по которому они писались, позволяет сравнить их с берестяной грамотой по ряду признаков. Правые грамоты дают весьма узкий диапазон значений этих признаков (см. таблицу), что делает методически возможным их сравнение с фрагментарно сохранившимся текстом берестяного документа. Говоря проще, если последний написан по иному формуляру, несовпадения значений должны обязательно проявиться.

Обратимся к анализу, используя для сравнения семь сохранившихся подлинных правых грамот первой половины – середины XV в. (таблица). Слово «г(осподи)не» присутствует в начале 7-й строки берестяной грамоты, тогда как в грамотах,

---

[10] Автор благодарит дирекцию РГАДА за любезно предоставленную возможность ознакомиться с правой грамотой великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю на деревни и луга Городецкие и с фотокопией правой грамоты князя Михаила Андреевича Белозерского Кириллову монастырю на деревню в Киснеме (таблица, № 1, 3), а также признателен за разрешение опубликовать фотографию последнего документа в данной статье (рис. 14).

написанных на бумаге, оно появляется на 3-й (таблица, грамоты 5 и 6), 4-й (таблица, грамоты 2, 3, 4, 7) или 5-й строках (таблица, грамота 1). Данное несовпадение лишь кажущееся. Сопоставление числа знаков, изображенных на равных линейных отрезках берестяной грамоты и грамот, написанных на бумаге, показало, что знаки на бумаге писали вдвое более убористо, чем на нашей берестяной грамоте (показатели равны соответственно 9,6 и 4,6 знака на 3 см). Следовательно, если бы текст московской берестяной грамоты был бы написан так же убористо, как тексты рассмотренных правых грамот, то слово «господине» оказалось бы на середине 3-й строки, т.е. в пределах тех строк, на которых оно фигурирует в правых грамотах. Данное наблюдение важно, поскольку оно опирается на достоверно известное нам положение слова «г(осподи)не» на 7-й сроке документа, фрагментом которого является берестяная грамота.

Теперь сделаем следующий шаг. Поскольку признаком правых грамот, значения которого колеблются в наиболее узком диапазоне, является число знаков до слова «господине», попытаемся использовать этот признак для гипотетической реконструкции первоначальной ширины берестяного документа. Если разделить количество знаков до слова «г(осподи)не» в тех правых грамотах, где последнее слово падает на 3-ю строку (124–140 знаков – таблица, № 5, 6), на шесть строк, которые в нашей грамоте предшествуют слову «(господи)не», то мы получим 20–23 знака в строке. С учетом того, что в нашей грамоте на пространство в 3 см приходится в среднем 4,6 знаков, реконструируемый берестяной документ с 20–23 знаками в строке должен был иметь ширину в диапазоне 130–150 мм. Это точно *совпадает с реальной стандартной шириной столбцов, на которых написаны известные нам подлинные правые грамоты первой половины* XV в. – 145–149 мм (см. таблицу).

Дополнительное подтверждение того, что московская берестяная грамота представляет собой фрагмент акта, получаем, сравнивая ее с пергаменной жалованной грамотой Дмитрия Донского новоторжцу Микуле, происходящей из медного кувшина, который был найден в 1843 г. при земляных работах на территории Московского Кремля (РГАДА, Древлехранилище, № 2, л. 1; Бередников Я.И., 1844)[11]. Последняя написана на прямоугольном куске пергамена шириной 140 и длиной 191 мм. Количество знаков в строке колеблется от 26 до 30. Этот плотный листок пергамена не только совпадает по размерам с предложенной выше реконструкцией московской берестяной грамоты, но и весьма близок к ней по своим визуальным и техническим характеристикам (плотность, гибкость). (Фотографию грамоты новоторжцу Микуле см.: Кучкин В.А., 1995, с. 23).

Способ хранения грамоты. Внимательный осмотр грамоты новоторжцу Микуле и московской берестяной грамоты показал, что обе они были свернуты в древности почти идентичным способом. На поверхности первой из них на примерно равном расстоянии друг от друга (в среднем 32 мм) четко читаются пять горизонтальных сгибов. Добавим, что написанная на бумаге судная грамота великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю, датируемая временем около 1416–1417 гг., имеет семь горизонтальных сгибов на расстоянии в среднем 23 мм друг от друга.

На берестяной грамоте фиксируются шесть горизонтальных сгибов. Расстояния между ними равны (считая от верхнего края документа, мм): 5, 11, 14, 22, 23, 25, 30, 40. Как видно из приведенных цифр, берестяную грамоту начали складывать от верхнего края. Складывали ее не гармошкой, а свитком. Поэтому, чтобы выйти в конце концов на заданную ширину полосы (22–40 мм), вначале сделали несколько узких полосок.

Создается впечатление, что в основу оформления берестяного документа и его последующего хранения были положены приемы, использовавшиеся при оформлении

[11] Автор благодарит дирекцию и хранителей РГАДА за предоставленную возможность ознакомиться с этим документом.

московских пергаменных грамот второй половины XIV в. Документы писались на столбце шириной 14–15 см и складывались затем полосами шириной 2–4 см. Грамоты, написанные на бумаге, получившие широкое распространение с рубежа XIV–XV вв., также унаследовали указанные приемы оформления пергаменных документов.

Судьба берестяного документа и его интерпретация. Фрагментарность исследуемого берестяного документа затрудняет его интерпретацию. Тем не менее некоторые соображения на этот счет могут быть высказаны. Они базируются на имеющихся в распоряжении исследователей данных о характере судебной документации Московского княжества первой половины XV в. (Беляев И.Д., 1855, с. 115–128; Мейчик Д.М., 1883, с. 26–42; Черепнин Л.В., 1951, с. 230–232).

Если предложенная реконструкция берестяного документа верна, то мы имеем фрагмент верхних 16 строк судного списка, включавшего преамбулу и изложение судоговорения. На 7-й, 8-й строках и ниже читалось обращение истца. На 15-й строке, по всей видимости, следовало обращение судьи типа: «И суд[ья вспросил]».

Поскольку нижний край грамоты оборван, мы лишены возможности ответить на три вопроса, от которых непосредственно зависит интерпретация документа. Имелся ли после судного списка докладной список? Имелся ли после судного списка (или после него и докладного списка) приговор и подписи? Имелась ли при грамоте (имею в виду документ в его первоначальном виде) печать? Таким образом, грамота может быть интерпретирована либо как судный список (или судный список докладной), либо как правая грамота, либо как черновик указанных документов (не заверенный подписями и не скрепленный печатью).

Один черновик такого рода известен. Это запись, сделанная рукой Воздвиженского дьяка Куземки на полях написанного им же при великом князе Василии Дмитриевиче и митрополите Киприане (1389–1406 гг.) Апостола (ГИМ; Хлудовоское собр., № 37, л. 69). Запись гласит: "Си су(д) суди(л) архимандри (т) Серапионъ тѧгалъсѧ Куземъка с Дитроком тако рек Куземъ» (Щепкина М.В. и др., 1965, с. 176, 177; Горский А.Д., 1982, с. 33–35). Московская берестяная грамота, включавшая текст, имевший не менее 16 строк, мало похожа на эту пробу пера. Тем не менее на первый взгляд ничто не мешает считать ее черновиком. Однако при более внимательном знакомстве с сохранившимся фрагментом выявляется ряд моментов, которые позволяют усомниться в этом предположении.

Прежде всего обращают на себя внимание необычные для берестяных грамот углубления, которые нанесены не писалом, а тупым предметом (рис. 10, *4*). Общее количество углублений – 88. Углубления могут быть подразделены на два типа. Большая их часть – круглые или овальные – довольно глубокие, диаметром 0,5–1,5 мм. Имеются и несколько менее глубоких углублений удлиненной формы до 6 мм в длину.

Судя по тому, что значительная часть вдавлений приходится на участки вдоль правого и левого краев грамоты, можно полагать, что они наносились до того, как грамота была разодрана на отдельные полоски. Вертикальная мачта буквы «Р» в 12-й строке замята в результате нанесения вдавливания (рис. 9). Следовательно, можно утверждать, что вдавления были нанесены после написания грамоты (какой-то период, как было показано выше, она хранилась в сложенном виде) и до того, как она была разодрана и выброшена.

Возникает вопрос: каковы были цели человека, наносившего вдавления? Возможны два объяснения: либо грамота использовалась как подкладка при обработке какого-либо материала (чтобы уберечь от повреждений, к примеру, поверхность стола), либо удары наносились у целью нанесения ущерба берестяному документу. Первый вариант объяснения кажется маловероятным, учитывая обилие бересты в Москве того времени. Анализ расположения вдавлений склоняет ко второму объяснению.

По периметру грамоты вдавления располагаются неравномерно. Первые четыре

строки ими совершенно не затронуты. Далее они распределяются следующим образом: в районе 5-й строки – 4,6-и – 5, 7-й – 5, 8-й и 9-й – 33. В районе 10-й строки имеется небольшой промежуток. Между 10-й и 11-й строками фиксируется 7 углублений, в районе 12-й – 6. Затем, после небольшого промежутка, углубления вновь образуют скопление: начиная от 12-й строки и вплоть до 16-й их 28. Таким образом, человек, наносивший удары по грамоте, остался равнодушным к тексту преамбулы, зато сосредоточил свои усилия на том отрезке текста, который содержал изложение позиции истца. Также досталось и нижеследовавшему тексту, фиксировавшему ход судоговорения.

Подобные действия, которые скорее всего были произведены лицом, представлявшим одну из сторон в судебном разбирательстве, не находят объяснение в случае, если мы предполагаем в грамоте черновик, составлявшийся тем или иным дьком или писцом в канцелярии соответствующей судебной инстанции. Зато в случае, если перед нами документ, имевший силу публичного акта, объяснить эти действия не составляет особого труда. В первом варианте это правая грамота, выданная победившей стороне (вероятно, выступавшей истцом), а затем выкраденная проигравшей процесс стороной и варварски уничтоженная. Во втором варианте это экземпляр правой грамоты, которая была получена проигравшей стороной (видимо, ответчиком) и (учитывая его практическую ненадобность) стала жертвой гнева последнего.

Проведенный анализ склоняет к выводу, что мы имеем дело не с черновиком, а с документом, имевшим юридическую силу. В таком случае, коль скоро это правая грамота (или судный список), встает вопрос о возможности бытования в Москве и первой трети XV в. публичного акта, написанного на бересте. Утверждать, что в первой трети XV в. в Москве писали правые грамоты на бересте, станет возможным лишь после того, как будут найдены берестяные грамоты, оформленные соответствующим образом и имеющие при себе печати или их следы. Однако есть основания, высказать такую гипотезу.

Новгородский акт на бересте. Учитывая важность вопроса об актах на бересте, имеет смысл рассмотреть его с учетом сложившихся сегодня представлений о том, в какой степени берестяная грамота могла вообще выступать в роли акта. Представления эти сложились в ходе изучения новгородских берестяных грамот, поэтому мы должны несколько выйти за рамки темы статьи и коснуться новгородского материала.

После открытия новгородских берестяных грамот была предпринята попытка рассмотреть их в свете современного им актового материала, а также правовых и законодательных памятников (Черепнин Л.В., 1969). Подобный подход способствовал более точному истолкованию грамот, которые касались ситуаций, известных по памятникам законодательства. Однако некоторые выводы Л.В. Черепнина, например, его идея о новгородских берестяных грамотах как части семейных архивов, не нашли поддержки (Янин В.Л., 1971, с. 171; Горский А.Д., 1970, с. 136). В целом новгородские берестяные грамоты плохо укладывались в прокрустово ложе актового источниковедения, особенно когда в качестве сравнительного материала использовались образцы московской актовой документации. Новгородская традиция берестяного письма сложилась значительно раньше, чем письменная традиция Москвы, из которой Л.В. Черепнин брал многие материалы для сравнения. По мере осознания указанных моменов нарастало скептическое отношение к подходу, изложенному в работе Л.В. Черепнина.

Между тем трактовки Л.В. Черепниным ряда берестяных грамот как актов (в ряде случаев он шел здесь вслед за А.В. Арциховским и другими исследователями) выдержали проверку временем. Укажем на купчую Михаила у великокняжеского борца Василия (грамота № 318; дата 1340–1369 гг.) (Черепнин Л.В., 1969, с. 20; Янин В.Л., 1993, с. 186–189), рядную Якова с Гюрьгом и Харетоном, составленную «по бьсудьной грамоте» (грамота № 366; XIV в.) (Черепнин Л.В., 1969, с. 328) и духовные грамоты (грамоты № 28, 42, 138, 369), к которым позднее прибавилось

знаменитое завещание Моисея (грамота № 519 рубежа XIV–XV вв.) (Янин В.Л., 1975, с. 30–39).

В настоящее время эти документы трактуются как берестяные черновики частных актов (Андреев В.Ф., 1986, с. 99, 106, 115, 116). По мнению В.Л. Янина, «при сходстве формуляров берестяных и пергаменных документов первые вряд ли когда-либо могли выполнять роль официального акта хотя бы по той причине, что на бересту нельзя было наложить свинцовые печати, бывшие в Новгороде широко распространенными начиная с первой половины XII в.» (Янин В.Л., 1971, с. 171).

Традиция московского письма на бересте и московский акт на бересте. Постановка проблемы

Обнаружение московской берестяной грамоты № 1 позволяет во многом по-новому взглянуть на проблему актов на бересте применительно к территории Северо-Восточной Руси. Ключевым моментом здесь является то, что обнаруженная грамота по ряду своих особенностей выпадает из традиции письма на бересте, которая известна по находкам на территории Северо-Западной Руси, а также в Твери (Жилина Н.В., 1987). В отличие от грамот, происходящих из этого региона, московская берестяная грамота по своим внешним параметрам близка грамотам второй половины XIV в., написанным на пергаменных столбцах шириной 14–15 см. Для того, чтобы сообщить грамоте подобную форму, исходный лист клали вертикально и писали поперек прожилок бересты. После изготовления грамоты ее сворачивали полосками шириной 2–3 см, в результате чего получался уплощенный свиток.

В свете этих наблюдений может быть понято и свидетельство о «свитцах на бересте», на которых в Троицком монастыре писали во времена Сергия Радонежского. По палеографическим данным грамота датируется 1410–1430-ми гг. Она написана полууставом, который уходит своими корнями в XIV столетие. Таким образом, и по форе (столбец), и по особенностям письма московская берестяная грамота, по всей видимости, отражает традицию, которая восходит ко второй половине XIV в.

Этому выводу не противоречат археологические материалы, фиксирующие бытование в Москве стилей, предназначавшихся для писания на бересте, в XIV–XVI в. Древнейший костяной стиль найден в Зарядье, на территории Великого посада Москвы в слое XIV в. (Беленькая Д.А., 1975, с. 47, 48, рис. 1, 2).

В отличие от Новгорода с его традицией свинцовых печатей в Москве с середины XIV в. со времени княжения Симеона Гордого, получают распространение восковые печати. Исследователи связывают их появление с влиянием дипломатической практики Сербии, в которой с начала XIV в. отмечается распространение бумаги, требовавшей применения печатей из воска (Соболева Н.А., 1991, с. 131–135). В Москве начало распространения восковых печатей также шло параллельно с распространением бумаги как материала для написания актов. В этих условиях восковые печати в ряде случаев вполне могли скреплять тексты, написанные на бересте.

Изучение формуляра духовных грамот XIV–XV вв. Северо-Восточной Руси свидетельствует о влиянии на него законодательных памятников, в том числе переводных, распространившихся с конца XIII – начала XIV в. (Семенченко Г.В., 1983, с. 11). Таким образом, XIV в. явился для Северо-Восточной Руси периодом, отмеченным весьма динамичными процессами в дипломатике и сфрагистике актов.

Московская берестяная грамота № 1 представляет собой ранее не встречавшийся тип берестяных документов, который, по всей видимости, отражает особенности московской традиции написания актов на бересте XIV–XV вв.

Отмеченные особенности московской традиции письма на бересте, которые роднят

ее с пергаменными актами, заставляют предположить, что подход, предложенный Л.В. Черепниным и не давший ожидаемых результатов в случае с новгородскими берестяными грамотами, может оказаться весьма уместным для изучения московских берестяных документов.

Обнаружение актов на бересте на территориях Северо-Восточной Руси, входивших в сферу влияния Москвы, может рассматриваться теперь как вполне реальная задача. Подобные находки могут существенно пополнить наши знания о раннемосковской эпохе. Важно и количественное приращение документов, число которых для XIV в. невелико, и фиксация ранее неизвестных их типов. Кроме того, исследование традиции письма актов на бересте могло бы продвинуть вперед изучение вопроса о времени появления частного акта Северо-Восточной Руси и ранних стадиях его эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев В.Ф., 1986. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л.

АСЭИ: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв., 1958. Т. II. М.

АСЭИ: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в., 1964. Т. III. М.

Беленькая Д.А., 1975. О грамотности московских горожан в XIV–XV вв. // КСИА. Вып. 144.

Беляев И.Д., 1855. Списки судные и докладные и грамоты правыя и безсудныя в Московском государстве // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Н. Калачевым Кн. 2. Пол. I. Отд. III. М.

Бередников Я.И., 1844. Записка об открытых в Московском Кремле древностях. СПб.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возниконовение гончарной слободы в Москве // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.

ГИМ: Хлудовское собрание, № 37.

Горский А.Д., 1970. Некоторые итоги, задачи и перспективы изучения новгородских берестяных грамот // История СССР. № 6.

Горский А.Д., 1982. О вотчинном суде на Руси в XIV–XV вв. // Россия на путях централизации.

Жилина Н.В., 1987. Тверская берестяная грамота № 1 // СА. № 1.

Кучкин В.А., 1995. Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. № 2.

Мейчик Д.М., 1883. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М.

РГАДА: Государственное древлехранилище хартий и рукописей // РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. IV. № 2. Л. 1.

Семенченко Г.В., 1983. Духовные грамоты XIV–XV вв. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Соболева Н.А., 1991. Русские печати. М.

Черепнин Л.В., 1951. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М.

Черепнин Л.В., 1969. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.

Чернов С.З., 1988. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в г. Москве в 1988 г. Т.З. Раскоп Б // Архив ИА РАН. Р – 1. № 13156.

Чернов С.З., 1989. Дневник раскопок в Историческом проезде // Архитектура и строительство Москвы. № 4.

Чернов С.З., 1991. Археологическая летопись Москвы // Наука и человечество. Международный ежегодник.

Чернов С.З., 1994. Отчет 1994 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р – 1, не оприходован.

Чернов С.З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

Чернов С.З., Бойцов И.А., 1992. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // СА. № 1.

Щепкин В.Н., 1918. Учебник русской палеографии. М.

Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Голышенко В.С., 1965. Описание

пергаменных рукописей Государственного исторического музея // Археографический ежегодник за 1964. М.
Янин В.Л., 1971. Рец. на кн.: Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969 // ВИ. № 5.
Янин В.Л., 1975. Комплекс берестяных грамот № 519–521 из Новгорода // Общество и государство феодальной России. М.
Янин В.Л., 1993. Берестяная грамота № 318 (Историко-географический комментарий) // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.

Институт археологии РАН,
Москва

S.Z. CHERNOV

MOSCOW BIRCH BARK LETTER № 1 IS THE FIRST ACT OF MOSCOW RUS ON THE BIRCH BARK

S u m m a r y

The article is a publication of Moscow birch bark letter № 1 found during the excavations conducted in Istorichesky proezd in 1988. The letter is interpreted as a fragment of a court ruling that dates 1400 – 1430-s.

Дискуссии

Н.А. РЫЧКОВ

ТРАДИЦИЯ, ОБЫЧАЙ, ОБРЯД

(к соотношению понятий)

Начатая в журнале дискуссия (Ольховский В.С., 1993) по сути касается трех разных проблем: соотношения понятий обычай, обряд, их мировоззренческой основы и структуры погребального памятника. Решение их требует разного подхода и предполагает три параллельные дискуссии. Я коснусь лишь первой проблемы.

В.С. Ольховский, несомненно, прав, говоря о недопустимости терминологического разнобоя в науке и о необходимости упорядочения терминов. Начинает он с разбора человеческой деятельности, разработав свою схему ее структуры. Однако здесь сразу же заметны некоторые противоречия. Представленная им схема структуры деятельности по сути является схемой различных видов действий. Конечно, любая деятельность состоит из определенных действий, но, разлагая действия на ментальные и физические, он тут же именует их деятельностью (Ольховский В.С., 1993, с. 79, 80, рис. 1). Получается, что «деятельность» и «действия» – одно и то же. Позвольте с этим не согласиться. Деятельность – феномен, присущий лишь человеку, выражающий способ его существования, а действия – это составляющие элементы деятельности. Часть их может совершать и животное.

Очевидно, говоря о деятельности, следовало бы оговориться, что под ней подразумевает автор. Известно, что в психологии выделяют так называемые «высшую» и «элементарную» психическую деятельность. Первая характерна лишь для человека и отражает его специфику и отличие от животных. Ее делят на внешнюю и внутреннюю. Внешняя подразумевает физические действия человека с окружающими его предметами, а внутренняя – только умственные действия и не с реальными, а с воображаемыми предметами, иначе говоря, с их умственными моделями. По сути этому разделению и соответствуют выделенные В.С. Ольховским ментальная и физическая деятельности.

С этой позиции представляется противоречивым выделение В.С. Ольховским трех уровней ментальной деятельности человека: низшего, включающего привычку, инстинкт и традицию; среднего – здравый смысл и высшего – идеологию. Инстинкт, на наш взгляд, не должен включаться в сугубо умственную деятельность человека, потому что он присущ и животным. Это, как уже говорилось выше, из области «элементарной» психической деятельности. Привычка – не что иное, как обычное (привычное) для данного индивида, повторяющееся действие. Оно может быть обусловлено, в частности, тем, что автор называет «здравым смыслом». Кстати, последнее понятие весьма расплывчато, ведь чисто физиологические, инстинктивные или рефлексные действия большей частью также содержат в себе здравый смысл.

Вовсе непонятно отнесение традиции к самому низшему уровню умственной деятельности. Автор совершенно зря не разбирает значения этого понятия. Традиция – это основа культуры человечества, это как раз то, что выделяет человека из мира животных. Здесь нужно отметить, что автор смешивает умственные действия, при-

© Н.А. Рычков, 1997 г.

сущие каждому индивиду, с действиями, являющимися результатом деятельности коллектива, членом которого он является. Инстинкт, привычка, да и здравый смысл существуют на уровне деятельности отдельного человека, в том смысле, что они являются результатом его индивидуальной умственной деятельности. Традиция же и идеология являются результатом деятельности человеческого коллектива, а индивид лишь выполняет установленные коллективом нормы поведения, которые по сути превращаются для него в ту же привычку. Словом, здесь уравнены категория физиологическая (инстинкт) и категория сугубо социальная (традиция), что по существу неверно. Вообще же классифицировать умственную деятельность человека весьма сложно, поскольку она предшествует любому физическому действию, им совершаемому. Может быть поэтому лучше это и не делать историку, оставив эту задачу для специалистов других наук?

Втиснуть в рамки определенной схемы какую-либо систему понятий – всегда очень трудная задача, и здесь без противоречий, условностей, да и просто ошибок не обойтись. Если исходить из того, что умственная деятельность есть по сути высшая психическая деятельность, а физическая – ее результат, то представляется целесообразным говорить о сферах, в которых этот результат достигается. Таковых можно выделить три: экономическая, социальная и духовная, хотя и это членение весьма условно, поскольку в действительности они часто настолько переплетены и взаимосвязаны друг с другом, что их трудно разделить. Например, в погребальном обычае в той или иной степени отражены все три сферы деятельности человека.

Физические действия В.С. Ольховский делит на целесообразные и нецелесообразные. Первые реализуют ментальную установку на достижение определенной цели, а вторые – случайные, без целевой установки. Целесообразные действия могут быть нормированными и ненормированными, а нецелесообразные – всегда ненормированные (Ольховский В.С., 1993, с. 81). Ненормированные действия далее не делятся, а нормированные разделяются на утилитарные, стереотипные и символические. Этот уровень деления весьма спорен и вызывает целый ряд вопросов. Например, почему не нормированные действия не могут быть утилитарными или даже стереотипными? Ведь непредвиденная ситуация преодолевается теми же методами и приемами, что и запланированная, т.е. привычными для людей действиями. Далее, почему утилитарные действия не могут быть одновременно и стереотипными, т.е. повторяющимися, постоянными, обычными? То же рытье колодца (утилитарное, по В.С. Ольховскому, действие) отвечает всем параметрам стереотипного. Это же касается и символических действий, которые также характеризуются стереотипностью, стандартностью и т.п. По-видимому, данный уровень деления произведен автором не совсем корректно. Это он и сам чувствует, подчеркивая его условность, а также тесную связь утилитарных, стереотипных и символических действий (Ольховский В.С., 1993, с. 82).

Таким образом, можно заключить, что вся деятельность человека может быть разделена на умственную и физическую. Первая вырабатывает представление и установку на предстоящую физическую деятельность, последняя же реализует эту установку. Все действия, способствующие реализации мысленной установки, являются целесообразными. Часть из них нормирована, но часть может быть и ненормирована. Нецелесообразные действия – это случайные, которые не направлены мыслительной деятельностью. Все целесообразные нормированные действия можно разделить на утилитарные и символические. Последнее разделение как раз и подводит к решению проблемы таких понятий, как обычай и обряд.

Обычай В.С. Ольховский определяет как «нормированные и целесообразные физические и ментальные... действия. Это исторически сложившиеся, регулируемые не юридическими установленными, а силой привычек и традиций действия». Обычай, таким образом, является «...овеществленной в действиях» традицией, содержащей заранее запрограммированные действия, которые необходимо осуществить в определенной ситуации конкретному человеку (Ольховский В.С., 1993, с. 82). Следо-

вательно, традиция, по В.С. Ольховскому, выражает ментальную деятельность, а обычай – реальную. Но в то же время и обычай, по нему же, включает ментальную деятельность! Как же тогда соотносятся эти понятия? У автора на это ответа нет. С одной стороны, обычай регулируется традицией, а с другой – реальные действия только тогда становятся обычаем, когда закрепляются в традиции, где они консервируются с утратой целесообразности (Ольховский В.С., 1993, с. 82, 83). Как видим, налицо противоречие: традиция устанавливает обычай, но она же и возникает из него! К тому же обычай в традиции теряет свою целесообразность. Но это прямо противоречит сказанному в определении обычая!

В дальнейшем автор делает вывод о том, что цель обычая – достижение реального и символического результата. Благодаря последнему, очевидно, обычай и сближается с обрядом, который своим происхождением обязан обычаю как одному из источников его формирования. В то же время обряд так же, как и обычай, – проявление традиции (Ольховский В.С., 1993, с. 83, 84). Так не она ли тогда и формирует и то и другое?

Погребальный обряд В.С. Ольховский определяет как «совокупность стереотипно-символических (реальных, целесообразных, нормированных) действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего». Структурно он делится на две сферы: идеологическую и практическую. Первая связана с ментальной, а вторая – с реальной, физической деятельностью (Ольховский В.С., 1993, с. 85). Как же тогда быть с понятием «погребальный обычай»? Выходит, что это вторая сфера обряда. Значит понятие обычай у́же понятия обряд? Но что же тогда делать с обычаями, имеющими семантическую нагрузку? (Ольховский В.С., 1993, с. 85). Получается, что существуют отдельно погребальные обычаи и погребальные обряды. Как их разделить и определить, где мы имеем дело с погребальным обычаем, а где – с погребальным обрядом, не ясно.

Как видим, из сказанного возникает ряд вопросов, которые касаются в основном соотношения трех уже упомянутых мною понятий: традиции, обычая и обряда. Их чаще всего разрывают и рассматривают каждое в отдельности. У В.И. Мельника обычай и обряд – это отдельные феномены и второй по сути лишь дополняет первый (Мельник В.И., 1993, с. 95). У В.С. Ольховского обряд – это «система обычаев» (Ольховский В.С., 1993, с. 82). В то же время он, как и обычай, есть проявление традиции, но обычаем становится только то стереотипное действие, которое закрепляется традицией (Ольховский В.С., 1993, с. 83, 84). В практическую сферу погребального обряда, по В.С. Ольховскому, входят стереотипные действия. В то же время они входят и в погребальную практику во внеобрядовые действия. Почему же во внеобрядовых действиях они именуются обычаями, а в обрядовых нет? (Ольховский В.С., 1993, с. 85, рис. 2). По схеме В.С. Ольховского выходит, что идеологическая сфера погребальной обрядности не входит в погребальную практику. Почему? Не ясно. Далее. Погребальный памятник (археологический объект) – есть отражение не обряда и обычая, а погребального памятника как части тафосферы. Конечно, он отражает далеко не все действия погребального обычая, но какую-то его часть, а именно ту, которая находит материальное выражение, он все же отражает.

Возникшие вопросы можно продолжать дальше. Например, вовсе не ясно, для чего потребовалась схема на рис. 3, которая практически повторяет предыдущую. Сам автор говорит о том, что погребальная обрядность тесно переплетена с поминальной. На наш взгляд, это части одного целого, что по сути В.С. Ольховский сам назвал погребально-поминальной практикой (Ольховский В.С., 1993, с. 86, рис. 3). Из само́го термина вытекает, что данную практику можно разделить на погребальную и поминальную. Если первая длится до окончания процесса захоронения, то вторая продолжается и после него.

Таким образом, схема В.С. Ольховского, показывая сложность рассматриваемых понятий, недостаточно ясно освещает их соотношение. А суть дела заключается как раз в том, чтобы, уйдя от видимой сложности к простоте, тем не менее связать

воедино эти понятия и тем самым наметить основу, которая могла бы поглотить в себе все те действия, которые рассматривает В.С. Ольховский в своей схеме на рис. 1. Эта основа, на наш взгляд, заключается в симбиозе трех понятий: традиции, обычая и обряда (Рычков Н.А., 1990, 1992).

Понятие и термин, которым оно обозначается, взаимосвязаны, но эта связь зачастую интерпретируется по-разному. Поэтому порой очень трудно прийти к общему знаменателю, тем более что часто каждый из интерпретаторов в чем-то прав. Следовательно, чтобы выйти из создавшейся ситуации, нужно найти такие отправные точки, которые независимо от мнений разных исследователей должны были бы истолковываться одинаково. Одной из таких точек должна быть этимология слова. Значение термина, обозначавшего научное понятие, не должно противоречить этимологии слова, его представляющего. Из упомянутых нами трех терминов традиция (от латинского traditio – передача) означает одну из функций человеческой деятельности: функцию преемственности опыта поколений. Обычай (стереотипный, обычный способ поведения) означает способ реализации этой функции традиции. А обряд (от обряжать, т.е. украшать, наряжать, придавать чему-либо особую форму, соответствующую мировоззрению людей) – это по сути часть обычая, как бы его «наряд».

Таким образом, напрашивается заключение: данные понятия могут быть структурно и иерархически соподчинены. Начнем с того, что все они относятся к единой системе деятельности человека и, стало быть, должны занимать в ней свои определенные места.

Деятельность как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в меру своих потребностей, включает в себя цель, средство, процесс и результат. Анализируя остатки результата и частично средств деятельности, археолог реконструирует цель деятельности и ее процесс.

Деятельность включает в себя как рациональный, так и иррациональный аспекты. Первый является выражением завоеваний общественно-исторической практики, второй – ее поражения в борьбе с природой (Анисимов А.Ф., 1971, с. 131). Рациональное и иррациональное находятся в непрерывном единстве в процессе и в результате деятельности и находят свое выражение в опыте, который появляется и накапливается в результате повторяемости процесса деятельности и явлений природы. С развитием производительных сил общества происходит как бы разъединение рационального с иррациональным.

История общества – процесс общения индивидов, результатом которого является преемственность опыта человеческой деятельности. Механизмом, осуществляющим преемственность, является традиция. Назначение ее – зафиксировать единство знаний и умений, достигнутых в результате определенной деятельности, с тем чтобы сохранить его, передать опыт следующему поколению. По сути весь совокупный опыт деятельности с механизмами его передачи и составляет культуру конкретного коллектива.

Деятельность человеческих коллективов совершается в различной социальной и природной среде, приспособляемость к ней у каждого коллектива разная, поэтому форма проявления деятельности будет разной. Следовательно, и результат деятельности – опыт и традиции – будут разными. В связи с этим уже на очень ранних этапах развития общества возникают локальные различия в культуре человечества.

Таким образом, человеческая деятельность благодаря многократной повторяемости воплощается в опыте, который закрепляется и передается от поколения к поколению при помощи традиции. Функция традиции заключается в сохранении преемственности опыта. В этом большое значение имеет такое свойство традиции, как консервативность – стремление освоить и закрепить имеющийся опыт во времени. Консервативность традиции заключается в существовании обратной связи между традицией и деятельностью человеческого коллектива, которую она отражает. Определенная деятельность вырабатывает определенные традиции, или «стереотип поведения»

(Гумилев Л.Н., 1967, с. 93), которые довлеют над коллективом и в какой-то мере препятствуют приспособлению его к изменившимся внешним условиям. Поэтому можно сказать, что развитие – это постоянное преодоление традиции. Несмотря на, казалось бы, отрицательную роль консервативности традиций, являющихся своеобразным тормозом для появления новации, они играют положительную роль, поскольку по сути являются своеобразными эталонами, с которыми сравниваются новации, и свое место уступают лишь тогда, когда новое доказывает свою большую эффективность, жизнеспособность. Можно сказать, что «любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенции будущая традиция» (Арутюнов С.А., 1989, с. 160). Но традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества, новация же необходима для его развития (Арутюнов С.А., 1989, с. 161).

В сфере производственной, рациональной деятельности, такая конкуренция была весьма наглядной. Здесь необходимость смены традиций была наиболее очевидной, и поэтому подобные традиции чаще подвергались изменениям. В духовной же сфере, т.е. преимущественно в сфере иррациональной деятельности, бóльшая эффективность новации была менее выразительна и заметна – отсюда более медленная смена подобных традиций.

Рассматривая традицию в структурном плане, находят, что она состоит из идеи (представления), обычая (опредмеченного правила поведения) и обряда (символического воплощения обычая) (Першиц А.И., 1981, с. 71). Идея означает «смысл», «значение», «сущность» какого-либо процесса или явления (Философский словарь, 1972, с. 142). По сути в данной структуре традиции идея является представлением о смысле определенной деятельности. Сущность традиции вообще заключается в сохранении и передаче от поколения к поколению способа человеческой деятельности, необходимого для сохранения жизнеспособности индивида и общества в целом. Сущность каждой конкретной традиции заключается в сохранении и передаче опыта той или иной конкретной деятельности. Представление о том, как достичь определенной цели, у разных коллективов различно, поскольку в каждом из них сохраняется то, что объективно становится достоянием индивидов благодаря их практике (опыту). В свою очередь практика каждого коллектива находит варажение в обычае, обусловливает его и в то же время им регламентируется. Например, существует традиция ингумации умерших. Цель ее заключается в погребении умершего в земле. Но поскольку в каждом отдельном этническом коллективе имеется свое представление о способе достижения этой цели, выражающемуся на практике в обычаях, постольку существует много способов ингумации.

Обычай часто отождествляют с традицией. В упомянутой же выше структуре М.И. Першица понятие «традиции» шире понятия «обычай». Традиция включает в себя представление о смысле определенной деятельности и практической способ достижения цели этой деятельности, регламентируемый обычаем. Традиция выражает принцип поведения и указание на его практическое осуществление, обычай только регламентирует детальные предписания действия. Другими словами, в традицию входят: сущность, которая дает ответ на вопрос, что делать, и обычай, который дает ответ на вопрос, как делать.

Таким образом, первыми двумя компонентами, по А.И. Першицу, и можно ограничить структуру традиции. Что же касается третьего компонента структуры – обряда, то он, на наш взгляд, должен входить в структуру обычая. Существует мнение, что обычай включает в себя лишь целесообразные действия, направленные на достижение конечной его цели (Викторова В.Д., 1982, с. 9). Нецелесообразные[1] же (символические) действия, объединенные понятием «обряд», существуют независимо, сами по себе и входят в структуру традиции наравне с обычаем (Першиц А.И., 1981,

[1] Необходимо отметить, что трактовка термина целесообразность, по В.С. Ольховскому, очевидно, более верная с точки зрения этимологии слова: целесообразные действия – действия, сообразные установленной цели, а это могут быть и символические действия. Поэтому в данном случае лучше использовать термины «рациональный» и «иррациональный».

с. 71). Думаю, что это не совсем так. Понятие «обряд» должно целиком входить в понятие «обычая», составляя с ним органическое целое. Обряд – это составная часть обычая, он означает «совокупность установленных обычаем символических действий, лишенных непосредственной практической целесообразности» (БСЭ, 1972; 1974; 1976; 1978). Это по сути внешнее выражение в обычае верований человека. В.И. Мельник верно заметил, что различия между трактовками обычая пролегают в основном по объему понятий, включать ли в него обряд или нет (Мельник В.И., 1993, с. 94). Лично он разъединяет эти понятия, но поскольку они этому сопротивляются, он, идя вслед за С.А. Токаревым, вынужден применить термин «обрядовый обычай» В.И. Мельник выделяет три вида последнего: ритуализованный, иррациональный, обычай-символ (Мельник В.И., 1993, с. 95). В данном членении, на наш взгляд, нарушена логика: обычаи-символ также иррационален, как и предыдущий, а ритуализованный обычай может быть одновременно и символическим, и иррациональным.

Очевидно, резонней считать, что в структуру обычая входят действия, как сугубо рациональные, направленные на выполнение основной цели обычая, так и иррациональные (символические). Если можно согласиться с утверждением В.И. Мельника о том, что обряд дополняет обычай и «придает особое значение ряду деталей процесса», то с тем, что он «проявляется в независимом виде, когда символические действия предшествуют, сопровождают или заключают действия, установленные обычаем», можно спорить. Спорным представляется и его замечание относительно разных целей обычая и обряда: обычай – удовлетворение бытовых, а обряд – духовных потребностей. Причем, «хотя цели обычая и обряда расходятся, результат они имеют общий – погребальный памятник» (Мельник В.И., 1993, с. 95). По-моему, как раз общий результат и свидетельствует о единстве цели обычая и обряда.

Наверное, не следует разрывать эти два понятия. Они – части одного целого, но в процессе своего существования это целое может в той или иной степени терять ту или иную свою составную часть. В первобытности большинство практических действий человека (обычаев) было сопряжено с соответствующим обрядом. Действие, обычное в более поздние эпохи, в ранних окутывалось сетью иллюзорных представлений, что было вызвано низким уровнем познания объектов и явлений природы и общества, следствием чего было наличие различного рода заблуждений, которые нередко приобретали вид фантастических представлений. Возникновение иллюзорного представления о действительности было линией наименьшего сопротивления в познавательной деятельности человека. Эта иллюзорность находила выражение в обрядах. Вначале каждый обычай по сути включал в себя обрядовую часть. Со временем одни обычаи могли ее утратить и превратиться в обычное, утилитарное действие, другие же сохраняли обрядовые иррациональные черты на очень длительный срок. Это, в частности, касается погребального обычая. И то, что в современности можно считать обрядом, как бы отдельным от обычая, на самом деле – лишь рудименты отжившего обычая. Другими словами, сегодняший обряд – есть более древний обычай, утративший свою утилитарную часть и облаченный в обрядовые одежды.

Конечно, со временем часть обрядов отделяется от обычаев и только в этом смысле нужно считать обычай «источником обряда» (Ольховский В.С., 1993, с. 85). Именно поэтому так часто встречаются синонимические употребления этих терминов. Хотя обычай и обряд практически возникают одновременно, с развитием общества обрядность, с одной стороны, выделяется в особую сферу духовной деятельности, на основе которой возникает религия, а с другой – уходит в небытие, оставляя лишь утилитарные, обычные действия, так сказать, необряженные.

Таким образом, человеческая деятельность в различных сферах существования общества воплощается в соответствующем опыте, который закрепляется в сознании людей при помощи традиции. Последние включают в себя сущность деятельности, представление о ней, т.е. ментальную, по В.С. Ольховскому, деятельность, и обычай, регламентирующие на практике как рациональные, так и символические действия, т.е. реальную деятельность. Это логично, поскольку реальная деятельность, будь она

утилитарной или символической, не может производиться без предварительной мысленной установки на то или иное действие.

Конечно, разграничение рациональных и иррациональных действий довольно условно, поскольку мы часто даем им как бы «внешнюю», современную оценку, а не «внутреннюю», т.е. ту, которая давалась древними людьми (Черник Е.Н., 1982, с. 15; Ольховский В.С., 1993, с. 85). С точки зрения древнего человека, все его действия рациональны. Поэтому, реконструируя древний обычай, мы лишь условно разграничиваем в нем рациональное с иррациональным, считая первыми те действия, которые непосредственно направлены на достижение основной цели обычая, без которых она не может быть достигнута, а вторыми – те, без которых можно бы и обойтись. Например, при ингумации умершего главная цель – сокрыть его под землей, поэтому рытье ямы – действие рациональное, оно соответствует основной цели, и без него ингумация не может быть осуществлена. Но то, как яма будет ориентирована в пространстве и какой она будет формы, уже не столь важно, следовательно, это действие иррационально. Это, конечно, прагматический подход, и он тем более условен, что даже, казалось бы, полностью иррациональное действие обычая может выполнять вполне рациональную и необходимую функцию, например воспитание в индивиде этнического самосознания: Вообще же иррациональное и рациональное в обычае настолько тесно переплетены, что разграничить их весьма сложно и, наверное, возможно лишь условно.

В этом отношении погребальный обычай можно рассматривать как целиком иррациональное действие. Его рациональность можно, казалось бы, объяснить лишь гигиеническими соображениями. Однако нельзя не признать, что по отношению к цели погребального обычая, будь это стремление сохранить или избаваться от трупа, многие его действия вполне рациональны. Ради избавления можно зарыть в землю, сжечь или просто оставить на съедение шакалам, ради сохранения – мумифицировать покойного (Токарев С.А., 1964, с. 171).

На наш взгляд, обычай нужно понимать как любой «стандарт», правило поведения. Любая технология производства в первобытности – это тоже обычай, который ведет к однообразному опредмечиванию деятельности. В этом смысле в обычае присутствуют и утилитарные, и стереотипные, и символические действия.

Обычаи могут быть простыми и сложными. Простой обычай включает в себя одно однотипное действие, приводящее к желаемому результату, конечной цели деятельности: скажем, рытье могилы. Сложный обычай включает в себя ряд последовательных разнотипных действий. Так, погребальный обычай можно рассматривать как комплекс последовательных, разнотипных действий, т.е. это сложный обычай. Сейчас мы можем наблюдать «опрощение» погребального обычая, утерю им своей обрядовой части. Но вместе с тем появляются новые обрядовые черты.

Таким образом, приняв предлагаемую схему соотношения трех понятий: традиция, обычай, обряд – как составных частей человеческой деятельности, можно наполнить ее видами действий, по В.С. Ольховскому. Так, традиция как способ передачи коллективного опыта от поколения к поколению, во-первых, отражает умственную деятельность, поскольку вырабатывает представление и установку на предстоящую физическую деятельность. Во-вторых, сама же и реализует эту мысленную установку при помощи целесообразных и нормированных физических действий. Организованные одной целью эти действия представляют собой обычай, в котором в свою очередь можно выделить действия утилитарные и символические. В зависимости от того, в какой из сфер человеческой деятельности осуществляется обычай, в нем преобладает то утилитарная, то символическая (обрядовая) часть. Первая, как правило, преобладает в экономической сфере деятельности, а вторая – в духовной.

В заключение нужно еще сказать, что В.С. Ольховский, прав в том, что в нашей коллективной монографии (Генинг В.Ф. и др., 1990) кое-где просматривается подмена понятий «погребальный памятник» понятием «погребальный обряд». Тут мы, пожалуй, не смогли отойти от бытующей среди археологов тенденции употребления этих

терминов как синонимов. Но задача нашей работы заключалась именно в анализе погребальных памятников как археологического источника, а не обряда. Может быть именно поэтому в нашу работу и закралась досадная неточность в оценке работы В.С. Ольховского 1986 г. за что мы, хотя и с опозданием, приносим ему свои извинения. Однако в его схеме из той работы заметны и противоречия. Например, в структуру погребального культа входят погребально-поминальная обрядность и погребальный памятник, а погребальный обычай находится вне ее (Ольховский В.С., 1986, с. 67, рис. 1). В свою очередь погребально-поминальная обрядность включает в себя как элементы практическую сферу погребального и поминального обрядов ($Г^3$ и $Д^3$). Это те системы погребального обряда, которые, по В.С. Ольховскому, в конечном счете реально могут отразиться в погребальном памятнике. Следовательно, уже погребальный памятник, занимающий отдельную позицию в данной структуре, по сути входит в практическую сферу погребально-поминальной обрядности как ее реальный конечный результат. Вот именно поэтому структура погребального памятника (как археологического источника) повторяет структуру погребальной обрядности, конечно, в сильно усеченном виде. Автор и сам с этим согласен (Ольховский В.С., 1986, с. 91).

Что же касается вывода В.С. Ольховского о том, что в нашей работе не соблюдена «вертикаль» соподчинения погребальных объектов – могильник, курган, погребение (Ольховский В.С., 1993, с. 92), то с этим можно согласиться лишь отчасти, так как в целом мы стремились ее соблюдать. И если в схеме она, может быть, недостаточно выражена, то на практике она есть, поскольку принцип иерархической соподчиненности археологических объектов был заложен в нашу схему с самого начала (Генинг В.Ф. и др., 1990, с. 41). Замечание о том, что нами опущена идеологическая сфера обрядности, а отражена лишь практическая, в общем-то верно. Но мы и не ставили перед собой такой задачи, анализируя лишь структуру погребального памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов А.Ф., 1971. Исторические особенности первобытного мышления. М.; Л.

Арутюнов С.А., 1989. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.

БСЭ: Большая Советская энциклопедия, 1972. Т. 8. М.

БСЭ: Большая Советская энциклопедия, 1974. Т. 18. М.

БСЭ: Большая Советская энциклопедия, 1976. Т. 25. М.

БСЭ: Большая Советская энциклопедия, 1978. Т. 30. М.

Викторова В.Д., 1982. Традиции, обряды и обычаи как формы деятельности и общественных отношений первобытного общества // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии (погребальные памятники). Киев.

Гумилев Л.Н., 1967. Этнос как явление // Докл. отделений и комиссий географического об-ва СССР. Л.

Мельник В.И., 1993. Погребальные обычай и погребальный памятник // РА. № 1.

Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.

Ольховский В.С., 1993. Погребальная обрядность // РА. № 1.

Першиц А.И., 1981. Традиции и культурно-исторический процесс // Народы Азии и Африки. № 4.

Рычков Н.А., 1990. Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Рычков Н.А., 1992. Отражение культуры в археологии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл. науч. конф. Липецк.

Токарев С.А., 1964. Религия в истории народов мира. М. Философский словарь, 1972. М.

Черных Е.Н., 1982. Проявления рационального и иррационального в археологической культуре // СА. № 4.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

N.A. RYCHKOV

A TRADITION, A CUSTOM, A RITE

(Correlation of the Terms)

Summary

The article analyses three terms – a tradition, a custom and a rite – as integral parts of man's intellectual and physical activity. The author considers that a tradition as a means of transmitting collective experience reflects intellectual activity, develops concepts (directives) and implements this mental directive by means of physical actions. These actions (utilitarian and symbolic), organized by one objective represent a custom. In the event of a predominance of symbolic actions a custom turns into a rite. A tradition is defined structurally as the whole complex of a concept (directive), a custom and a rite.

В.С. ОЛЬХОВСКИЙ

ОБЫЧАЙ И ОБРЯД КАК ФОРМЫ ТРАДИЦИИ

Обращение археологов-практиков к теоретическому осмыслению и обобщению исследуемых ими материалов, как уже не раз отмечалось, – явление вполне закономерное и более чем своевременное. В последние десятилетия этот интерес стимулировался не только открытием весьма сложных археологических объектов (погребально-поминальных комплексов, святилищ, обсерваторий и т. д.), но и появлением большого количества работ лингвистов, философов, филологов, этнологов и религиоведов, в которых так или иначе затрагивались вопросы взаимосвязи духовной и материальной сфер человеческой деятельности, отражения этого взаимодействия в вещественных памятниках. К сожалению, основной поток данных публикаций движется как бы параллельно потоку археологической литературы, почти не соприкасаясь с ним. Так, в первых нет или почти нет упоминаний об археологических материалах, во вторых же ссылки на "смежную" литературу встречаются значительно чаще, но, как правило, выборочно и лишь в одном интересующем исследователя аспекте – для подкрепления конкретной археологической гипотезы.

Итак, немногочисленные попытки перебросить мостик между указанными публикационными потоками в отечественной литературе наблюдаются прежде всего со стороны археологов. Именно с данной тенденцией следует связывать проводимую журналом "Российская археология" дискуссию о погребальной обрядности. Тем же объясняется и одна из особенностей дискуссии: основными участниками ее являются специалисты-археологи, вынужденные вторгаться в сферы наук, весьма далеких от археологической практики, действуя в данных сферах скорее как любители или дилетанты, чем профессионалы. Тем не менее, подобный взгляд со стороны на, казалось бы, очевидные и априорные положения и выводы других наук иногда дает интересные результаты. Что же касается взаимной критики, то недостаточный профессионализм участников дискуссии при обсуждении вопросов, прямо с археологией не связанных, не избавляет от необходимости возможно точнее и логически непротиворечиво формулировать свои заключения. Именно с таких позиций рассмотрим выводы и критические замечания, высказанные Н.А. Рычковым в ходе разбора материалов дискуссии (Ольховский В.С., 1993; Мельник В.И., 1993), посвященной феномену погребально-поминальной обрядности в широком аспекте его изучения (все приводимые ниже цитаты Н.А. Рычкова взяты из статьи, публикуемой в данном номере журнала (Рычков Н.А., 1997)).

Прежде всего отмечу, что предлагаемое разделение темы дискуссии на три "проблемы": соотношение понятий обычай и обряд; их мировоззренческая основа; структура погребального памятника – может быть принято лишь сугубо условно; в действительности же, как это и мыслилось организаторами дискуссии, главная цель дискуссии состоит в разработке возможно более строгой системы адекватного п о н и м а н и я (исследования – реконструкции – интерпретации) такого сложного явления, как погребение (процесс и памятник). Указанные три "проблемы" являются тремя взаимозависимыми гранями этого явления. Так, без уяснения мировоззренческой основы трудно дать определение обычаю и обряду, а без увязки последних с понятием "погребальный памятник" нельзя выйти на более высокий уровень обобщения (погребальный культ) и т. д. Мнение же о необходимости р а з н ы х подходов к

© В.С. Ольховский, 1997 г.

решению трех данных "проблем" просто неверно. Единое по сути явление (а именно таковым является погребальный культ, ментальное и "физическое" проявления которого – погребальный обряд и погребальный памятник) для своего изучения требует единого подхода, который должен быть логически корректным, системным и по возможности "историческим" (учитывающим эволюцию объекта исследования в диахронии). Именно практиковавшиеся ранее р а з н ы е подходы археологов, этнологов и религиоведов привели к тому, что изучающие одно явление исследователи, добившиеся несомненных успехов в своих областях знаний, до сих пор говорят об одном и том же "на разных языках".

Рассмотрим наблюдения и замечания, высказываемые Н.А. Рычковым, конкретно.

Нет сомнения, что именно деятельность, представляющая собой совокупность упорядоченных (как правило) действий, резко выделяет человека из мира животных; именно она обеспечила появление человеческой цивилизации. То, что действия – "слагаемые" деятельности – могут быть различными по способу выражения, ориентированности, степени внутренней сложности и ментальности, также вряд ли вызывает сомнения. В рамках же данной дискуссии обращение к более подробному рассмотрению видов деятельности было вызвано увязкой последних с понятиями погребальной практики, погребального обряда и обычая в статье В.И. Мельника (Мельник В.И., 1990). Попытка разобраться в данном вопросе результировалась в моей схеме классификации и взаимосвязи понятий ментальной и физической человеческой деятельности как совокупности действий разных видов (Ольховский В.С., 1993, с. 79, рис. 1). Упрек в отождествлении понятий действий и деятельности я принять не могу, так как специфика исследования предполагает в данном случае анализ, т. е. расщепление явления на составляющие его элементы. Безусловно, деятельность состоит из действий, как ходьба – из шагов (движений), мелодия – из звуков и т. д. Однако, разлагая подобные явления на их составляющие, любой исследователь изучает соответственно не только составляющие, но и их совокупность, осуществляя операцию синтеза. Именно поэтому, ни в коем случае не отождествляя действия и деятельность, я пытаюсь характеризовать общее (деятельность) через его элементы (действия), классифицируя последние (вместе с тем замечание Н.А. Рычкова позволило дать классификационной схеме более корректное название – см. рис. 1).

Философский же аспект разделения деятельности (присущей человеку) и действий (присущих преимущественно животным) в данном случае вообще не затрагивался, ибо, как известно, проявления погребальной обрядности и тем более погребального культа свойственны исключительно человеку. Поэтому в археологических работах представляется малоперспективным использование сугубо специальных определений высшей и элементарной деятельности, заимствованных из арсенала психологии, что не помешало, однако, создать сходные по сути системы понятий. Кстати, следуя в данном "психологическом" направлении, придется признать, что человек нередко осуществляет действия, присущие животным (и не относящиеся к "деятельности"), а также и то, что животные, совершая многоэтапную цепь взаимосвязанных действий, фактически занимаются деятельностью (бобры, пчелы, муравьи и т. д.). Человек вышел из мира животных, поэтому ставить непреодолимую преграду между ним и животными путем введения терминологических дефиниций в области физических действий вряд ли необходимо. Различия эти, однако, достаточно ярко проявляются при рассмотрении иной – ментальной – сферы деятельности. Не случайно именно здесь оказались инстинкты – первые ментальные, но имеющие в своей основе физиологические причины стереотипы. Этот уровень, очевидно, соответствовал первому этапу формирования ментальности в процессе возникновения homo sapiens. Непонятно "дискриминационное" отношение Н.А. Рычкова к инстинкту на основании того, что он присущ не только человеку, но и животным. Инстинкт является несомненным (и отнюдь не чисто физиологическим) проявлением связи человеческого и животного миров, сохраняясь в человеке как весьма полезный атавизм.

Привычка – более сложный, присущий уже только человеку стереотип поведения;

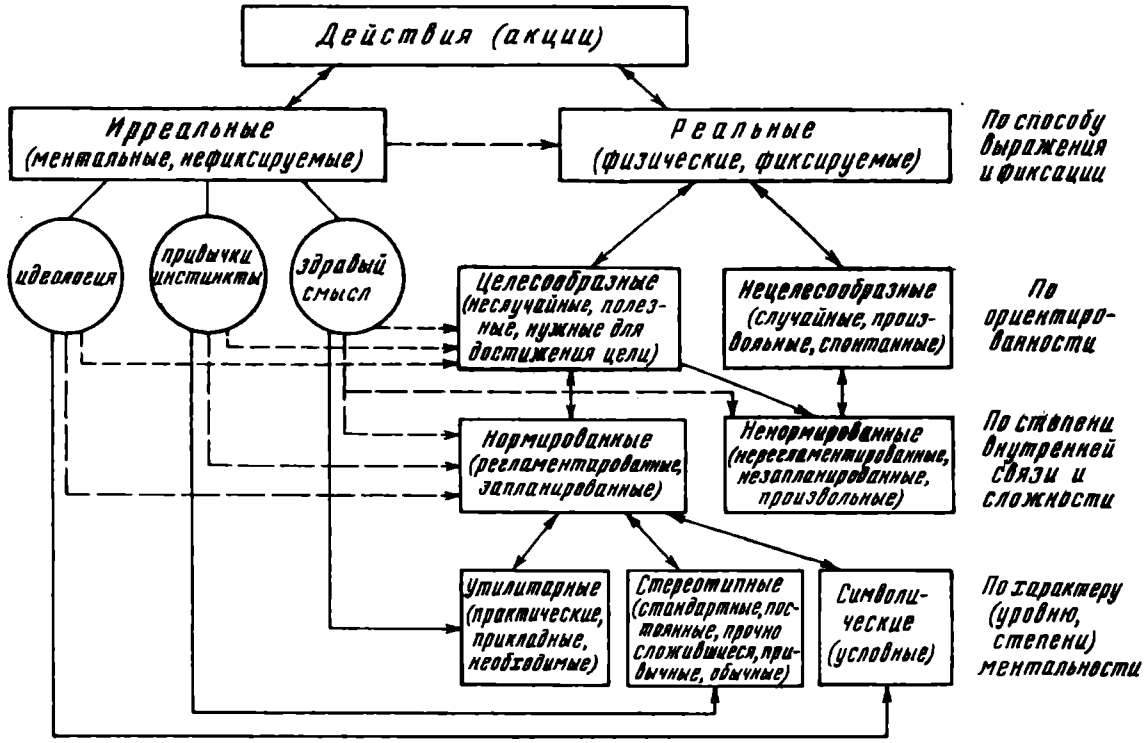


Рис. 1. Структурная схема видов действий, осуществляемых в процессе ментально-физической деятельности человека (по В.С. Ольховскому)

она может представлять собой как действие, так и деятельность. Появление привычек может быть обусловлено разными причинами – физиологическими, экологическими и т. д. Понятие же традиции включено в данный уровень в качестве обозначения любых стереотипных, повторяющихся во времени и пространстве действий, для своего совершения требующих соответствующего ментального потенциала (ниже оно будет уточнено). Однако во избежание возможной путаницы принимаю замечание Н.А. Рычкова, исключив упоминание традиции среди элементов первого уровня ментальности (рис. 1).

Введение второго уровня (здравого смысла) было обусловлено представлением о том, что между начальным и высшим уровнями человеческой ментальности должен находиться промежуточный уровень, свойственный сугубо человеческому обществу. Понятие "здравый смысл", конечно, не столь однозначно, как прочие; существует, например, следующее его определение: "Здравый смысл – стихийно складывающиеся под воздействием повседневного опыта взгляды людей на мир и самих себя, принципы понимания и оценки явлений, правила действия в определенных ситуациях. Достоверность содержания здравого смысла обосновывается отсылкой к опыту, авторитету, общедоступным данным науки (если таковая существует в конкретном обществе. – *В.О.*), к искусству и другим видам человеческой деятельности... В здравом смысле откладываются результаты разнообразного опыта людей, прошедшие длительное и довольно строгое испытание в ходе истории человечества" (Философский..., 1989, с. 197). В нашем представлении, к данному (среднему) уровню ментальности следует относить все достаточно сложные действия (деятельность) человека, не отягощенные существенной идеологической нагрузкой.

Идеология соответствует высшему уровню ментальной деятельности человека; проявлениями ее являются разнообразные мифологические, религиозные, политические и иные концепции и системы. Разумеется, идеология существовала не изначально; формирование ее было обусловлено усложнением структуры человеческого мозга, появлением возможности накапливать абстрактные представления и оперировать ими с помощью речи, а затем и письменности. Появление идеологических представлений

оказало огромное влияние на развитие не только человеческой психики, но и других сфер жизни человека; в частности, существование развитых религиозно-мифологических представлений явилось основой формирования погребального культа.

Таким образом, выделенные три уровня ментальности в общем отражают этапы становления и усложнения умственной деятельности человека в процессе его выделения из мира животных. Относительно того, кто же является носителем конкретных умственных действий, заметим следующее. Мнение Н.А. Рычкова, что инстинкт, привычка и здравый смысл "существуют на уровне деятельности отдельного человека... являются результатом его индивидуальной умственной деятельности", а "традиция же и идеология являются результатом деятельности человеческого коллектива", представляется далеко не бесспорным. Так, инстинкт формируется в результате жизнедеятельности как минимум нескольких поколений, а не одного индивида, представляя собой генетически закрепленный положительный коллективный опыт; привычка же может являться реакцией индивида на требования коллектива. Идеология же, как показывает мировая история, чаще всего является плодом творчества не человеческого коллектива, а отдельных личностей – "гениев" (Заратуштра, Мухаммед, китайские, индийские, античные философы и др.). "Уравнивания" же физиологических (инстинкт? – *В.О.*) и социальных (традиция) умственных действий в реальности не происходит, ибо это понятия разноуровневые, хотя и относящиеся к ментальной сфере.

Ряд замечаний Н.А. Рычкова касается предложенной схемы – классификации реальных (физических) действий (рис. 1).

В подтверждение своей точки зрения замечу, что нецелесообразные действия (случайные, спонтанные, произвольные) отделены от прочих прежде всего потому, что по определению совершаются людьми, находящимися в состоянии аффекта, наркотического или иного опьянения, эмоционального стресса или шока, при повреждении нервной системы и т. д. В случае возникновения же непредвиденной ситуации последняя, кстати, далеко не всегда преодолевается теми же методами, что и запланированная (при неожиданной встрече с вооруженным противником можно бежать, сражаться, сдаться, совершать ритуальные действия, даже петь и т. д.; выбор варианта действий при этом во многом зависит от нервно-психического состояния индивида). Совершаемые при этом действия именуются ненормированными, потому что они не соответствуют предписанным идеологической сферой обряда (на ее процессуальном уровне) действиям, являются новшеством, реакцией на "неканоническую" ситуацию. Утилитарные же действия, разумеется, вполне могут быть повторяющимися, постоянными, обычными и в этом соответствовать действиям стереотипным. Различие же их проявляется в "привязке" к разным уровням ментальности: стереотипных действий – к низшему, утилитарных – к более высокому уровню здравого смысла. Так, в нашей интерпретации стереотипные действия может совершать и животное, человек же – не только (и не столько) стереотипные, но и утилитарные (практически необходимые, полезные) действия. Той же привязкой к уровню ментальности (в данном случае – к высшему, идеологии) объясняется выделение символических действий, которые, разумеется, могут быть стереотипными, стандартными, но могут осуществляться только человеком и в рамках определенного идеологизированного действа (например, обряда).

Подводя итог, Н.А. Рычков предлагает свою схему – классификацию человеческой деятельности, которая, будучи реализована графически (рис. 2), по сути оказывается слегка редуцированной (сокращенной) копией предложенной мной схемы (рис. 1): убраны лишь стереотипные действия и уровни ментальности (полным аналогом последних являются "представление и установка"). Подобное совпадение весьма примечательно.

Обратимся к анализу понятий обычай, обряд, традиция, не забывая, однако, что речь идет о терминах, содержание которых определяется участниками дискуссии поразному, и критика здесь бесполезна, если каждое понятие корректно увязано с другими (в рамках концепции каждого участника).

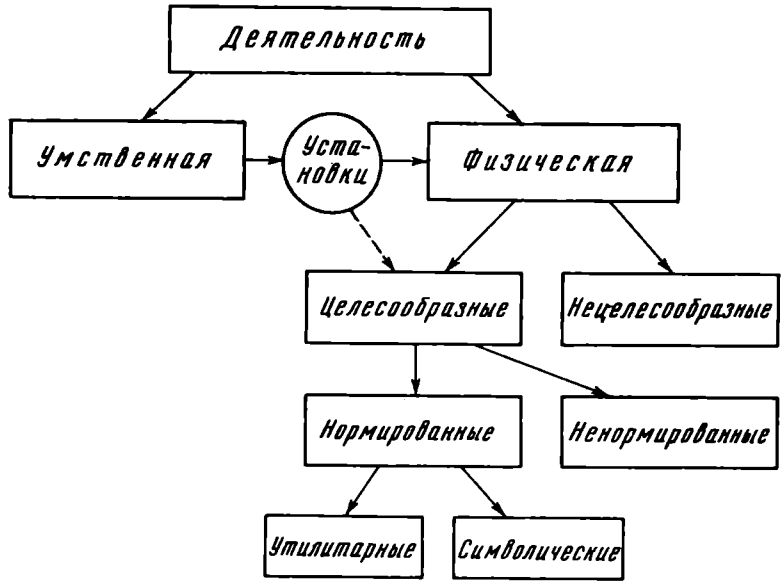


Рис. 2. Структурная схема видов действий, осуществляемых в процессе ментально-физической деятельности человека (по Н.А. Рычкову)

Сначала ответим на вопросы оппонента, касающиеся деталей. Да, во внеобрядовых действиях стереотипные действия могут быть обычаями, а в обряде – нет, ибо, по моим представлениям, будучи включенным в обряд, обычай интегрируется, теряя свою специфику, становясь частью нового целого – обряда.

Обычай действительно представляет собой запрограммированное действие, в большинстве случаев он действительно имеет ментальную (иногда физиологическую) подоснову; это действия прежде всего реальные, включающие, разумеется, ментальное обоснование. Таково вкратце соотнесение понятий "ментальность" и "обычай". Специфика же обычаев заключается в отсутствии, как правило, четкой (письменной, юридической и др.) фиксации их содержания, широком распространении их во всех социальных группах определенного социума, в утрате представления об их реальном генезисе либо переосмыслении последнего на уровне обыденного сознания.

Обычай действительно (и несомненно) является одним из источников формирования обряда, хотя далеко не все обычаи в конечном итоге оказываются включенными в обряд. Многие обычаи (хотя и не все) несут семантическую нагрузку, и делать с ними из-за этого ничего не нужно. Я стараюсь не употреблять понятие "погребальный обычай", хотя считаю, что подобные обычаи являлись хронологическими предшественниками погребальных обрядов; в этом смысле они, конечно, существуют "отдельно". Вероятно, можно говорить о погребальных обычаях в том случае, если таковые являются чуждыми, инокультурными для данной среды элементами, по той или иной причине оказавшимися включенными в структуру присущего определенной этнокультурной среде погребального обряда.

Отличить погребальный обычай от погребального обряда помогает знание их структуры. Обычай, как правило, одноактен и несложен, обряд – многоэтапен и обязательно идеологизирован, нередко достаточно протяжен во времени. Да, в нашем представлении понятие обычая уже понятия обряда; последний же, как отмечалось, является не механической "системой обычаев", а связанной внутренней логикой, семантически единой сложной последовательностью действий (реальных, символических и др.). Отсюда следует, что обряд как таковой существует не изначально, а возникает только тогда, когда ментальные возможности человека позволяют свободно оперировать абстрактными понятиями, когда складывается идеология, т. е. упорядочивается взгляд на мир и место человека в нем, формируется представление о возможности влияния хотя бы на конкретный микрокосм посредством целенаправлен-

ных (обрядовых) действий. Идеологическая же сфера погребальной обрядности действительно не входит в погребальную практику, так как это разные сферы (рис. 1): первая обусловливает вторую. Но обе они (сферы) входят в понятия погребально-поминальной обрядности и погребального культа; то, что это части одного целого, не дает основания для их слияния: первая существует в "мыслях" участников церемонии, а вторая – в реальной природной среде, получая физическое выражение.

Итак, погребальный обряд есть совокупность ритуально-практических действий, совершаемых (в соответствии с несущими религиозно-мифологическую нагрузку нормами) с целью захоронения умершего (Ольховский В.С., 1995, с. 88). В реальности погребальная обрядность тесно переплетена с поминальной. Схема, приведенная в нашей статье (Ольховский В.С., 1993, с. 86, рис. 3), иллюстрирует данное понятие в редуцированном виде, так как полное воспроизведение ее дает весьма сложную картину.

Уяснив предлагаемую интерпретацию содержания понятий обычай и обряд, обратимся к третьему понятию – традиция, которое в моих предыдущих работах подробно не рассматривалось. Более того, Н.А. Рычков улавливает противоречия в соотношении употребляемых мной понятий обычай, обряд, традиция. Прежде всего отмечу, что понятие традиции в моей интерпретации совершенно не соответствует понятию традиции у Н.А. Рычкова, который решение проблемы видит в уходе от видимой (? – *В.О.*) сложности к простоте, в связи воедино, симбиозе трех понятий: традиции, обычая и обряда.

За отправную точку, которая позволила бы исследователям найти общий язык в интерпретации указанных понятий, Н.А. Рычков предлагает принять этимологию слов. При этом традиция (от латинского "передача") становится наиболее общим понятием, обозначающим функцию преемственности опыта поколений; назначение традиции – сохранить достигнутые знания и умения, передать опыт следующему поколению. По сути понятие традиции по Н.А. Рычкову равнозначно понятию культуры конкретного коллектива. Традиция также является и "стереотипом поведения", консервативным по своей природе, но необходимым для поддержания существования общества. Структурно же традиция, по Н.А. Рычкову, состоит из идеи (представления), обычая (опредмеченного правила поведения) и обряда (символического воплощения обычая). Заметим, что данное понимание традиции имеет некоторое распространение в этнологии и философии, откуда оно и привносится Н.А. Рычковым в археологию.

Если предлагаемые понятия логически непротиворечивы, их взаимосвязь может быть выражена графически (в частности, с использованием кругов Эйлера). Настойчивые упоминания о сущности и особенностях традиции не избавляют от необходимости дать четкое определение содержанию и объему данного понятия. Так, по Н.А. Рычкову, традиция является: а) функцией преемственности поколений; б) стереотипом поведения; в) культурой в целом, она также: г) отражает мыслительную деятельность и реализует ее при помощи физических действий.

Выразить подобную совокупность признаков единой логической схемой мне не удалось. Стремление к простоте в данном случае оборачивается невразумительностью, что свойственно ситуации, когда собственная концепция "складывается" из фрагментов чужих систем. Но, не давая однозначного определения традиции, Н.А. Рычков тем не менее характеризует ее структуру (рис. 3, *а*: А + Б + В = традиция).

Однако данная схема, реконструируемая по описанию, не согласуется с постулатом Н.А. Рычкова о том, что обряд является частью обычая, его "нарядом". Попробуем отразить данное условие в другом варианте схемы (рис. 3, *б*). Теперь понятие обряда (В) действительно является частью, целиком входящей в понятие обычай (Б), но отнюдь не видно, что обряд является "одеждой" обычая (скорее наоборот).

Итак, даже самый беглый анализ взаимосвязей понятий традиция, обычай, обряд показывает, что и модель, предложенная В.Д. Викторовой (и в основном поддерживаемая Н.А. Рычковым), и еще более простая – двухкомпонентная – модель А.И. Першица в действительности оказываются весьма расплывчатыми, малокон-

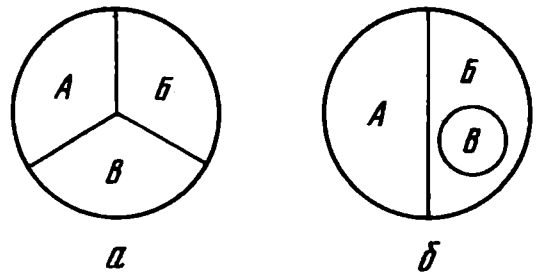


Рис. 3. Варианты структуры понятия традиция по Н.А. Рычкову (А – идея, Б – обычай, В – обряд)

кретными. Все указанные авторы дают столь широкую и всеобъемлющую трактовку понятию традиция, что последняя становится просто непригодной для элементарных логических операций (подобные определения весьма популярны в философии, но применение их в конкретных науках, в частности в археологии, реальной пользы пока не принесло, вызвав, однако, целый поток "теоретических" статей). Таким образом, попытка решить "проблему обряда" (и обычая) путем структурного сопряжения с понятием традиция оказалась малоудачной – может быть, потому, что понятия эти разноуровневые? Попробуем в этом разобраться.

В концепции Н.А. Рычкова обряд – это составная часть обычая, совокупность установленных обычаем символических действий, лишенных непосредственной практической целесообразности (неужели все действия, совершаемые при захоронении, лишены практической целесообразности? – *В.О.*). Однако тут же констатируется, что в структуру обычая входят действия – как сугубо рациональные, так и иррациональные (символические). В итоге единый однопорядковый процесс (и обычай, и обряд = = действия) оказывается расщепленным на обряд (только символические действия?) и обычай (рациональные и иррациональные действия?), причем обряд является "одеждой" обычая, входя в его структуру; при этом и обычай, и обряд (целое и его часть) имеют... единую цель. Не слишком ли велика плата за соблазн заменить сложное простым, в реальности еще более сложным и логически некорректным?

Все рассмотренное выше позволяет заключить, что понятия обряд и обычай должны быть реально разделены и соподчинены так, чтобы простое являлось частью сложного, а не наоборот. Попытки приживить этнологическую трактовку указанных понятий малопродуктивны, ибо ныне существующий понятийно-терминологический аппарат этнологии нельзя признать всеобъемлющим, корректным и общепринятым даже в рамках этой науки. "Пересадка" отдельных понятий на древо археологии возможна лишь при пересмотре их содержания и объема и включении их в систему, которая это позволяет. Появление терминов типа "обрядовый обычай" (Мельник В.И., 1993, с. 95), простой и сложный обычай способно лишь запутать картину: так, неизбежно встанет вопрос, с какого момента кончается сложный обычай и начинается простой обряд, и т. д. Рытье могилы, к примеру, я не могу рассматривать как простой обычай, поскольку ясно, что оно является важной составной частью погребального обряда (ритуала), а не наоборот.

Обряд (действия) никак не может быть "одеждой" обычая (тоже действия). Вместе с тем он действительно является "одеждой", но идеологической сферы – религиозно-мифологического ядра обряда, которая включает в себя два уровня – семантический и процессуальный (см.: Ольховский В.С., 1993, с. 85, рис. 2). В связи с последним определенный интерес представляет понимание обряда, например, в современном православии: «Смысл слова "обряд" противоположен смыслу слова "откровение". Откровение – лишение покрова, разоблачение, раздевание. Обряд – обряживание в одежду, это облачение. Эти противоположности совершенно неразрывны (! – *В.О.*). Откровение рождает обряд...» (Кротов Я., 1994, с. 3). Как это ни парадоксально, данный пассаж демонстрирует удивительное совпадение с нашей схемой структуры погребальной обрядности, понимаемой как неразрывное единство содержания и фор-

мы – идеологической сферы ("откровение", религиозно-магическая суть, содержание) и практической сферы (внешняя форма, "обряд"). Без "откровения" обряд действительно невозможен, хотя формирует обряд не только оно, но и множество других факторов (Ольховский В.С., 1986, с. 73, 74).

А теперь ответим на некоторые замечания, сделанные уважаемым оппонентом по поводу схемы взаимосвязи понятий, имеющих отношение к погребальному культу. Так, погребальные обычаи (нормы) действительно обозначены вне структуры погребально-поминальной обрядности, но безусловно входящими в состав погребального культа, что отражено и в схемах, и в тексте (Ж = В + ГД + Е; Ольховский В.С., 1986, с. 72; с. 67, рис. 1; И = В + ГД + Е + Ж; Ольховский В.С., 1993, с. 85, рис. 2).

Не могу согласиться с истолкованием Н.А. Рычковым моей фразы «Если же считать "древо" (погребального обряда. – *В.О.*) схемой структуры погребального памятника, приходится признать ее крайнюю неполноту и местами нелогичность» (Ольховский В.С., 1993, с. 91) как согласие с тем, что структура погребального памятника по сути повторяет структуру погребальной обрядности "в сильно усеченном виде". Сравнение указанных структур показывает, что "последняя ничем не напоминает первую" (Ольховский В.С., 1993, с. 91). То, что погребальный памятник является конечным результатом действий практической сферы обрядности, отнюдь не означает, что он "по сути" входит в эту практическую сферу либо копирует ее; это явления, конечно, сопряженные, но разные по своей природе: физические действия (нефиксируемые археологически) и физический объект (фиксируемый погребальный памятник). Система (практическая сфера погребальной обрядности), отразившаяся в погребальном памятнике, не тождественна объекту отражения, ибо последний вследствие своей природы отражается преломленно и не в зеркале, а в материальной среде. Указанный пассаж в работе Н.А. Рычкова фактически является слегка завуалированным оправданием отождествления структуры погребального памятника и погребального обряда, с чем я определенно не согласен.

Рассмотренные замечания Н.А. Рычкова относительно предложенных мной схем структуры погребального памятника и обрядности, как показано выше, не могут быть приняты. С другой же стороны, помимо признания, что в цитированной коллективной монографии (Генинг В.Ф. и др., 1990) кое-где просматривается подмена понятий "погребальный памятник" понятием "погребальный обряд", заметных сдвигов в (пере)оценке своей концепции у уважаемого оппонента (одного из авторов коллективной монографии) не наблюдается. Очевидно, данная концепция вполне удовлетворяет ее создателей?

К сожалению, за время, прошедшее после публикации первых развернутых схем структуры погребального памятника и погребально-поминальной обрядности (Ольховский В.С., 1986; 1993), попытки комплексного решения данной проблемы, судя по известной мне отечественной литературе, не предпринимались, что вряд ли способствует прогрессу в разработке понятийно-терминологического аппарата археологической науки.

В заключение вернемся к анализу понятия традиция, подробно рассмотренного Н.А. Рычковым в контексте соотнесения с понятиями обычай и обряд. Привлекает внимание мнение о сложности и многоплановости содержания понятия традиция, включающего и мыслительную, и физическую деятельность. Однако, учитывая приведенные выше соображения, с предложенным соотнесением понятий традиция, обычай и обряд согласиться трудно, что обусловлено и спецификой определения традиции (по Н.А. Рычкову).

На наш взгляд, под традицией, учитывая многообразие трактовок этого понятия в научной литературе, следует понимать всю совокупность накопленной конкретным обществом информации, важной (значимой) для общества и приспособленной к передаче (трансмиссии) посредством ментальной и физической деятельности. Таким образом, далеко не весь опыт (= информация), накапливаемый обществом, закрепляется в традиции, становится традицией, "овеществляясь" ментально или физически.

В свою очередь традиция не вечна, с течением времени по разным причинам процесс трансмиссии опыта может затухать и прерываться. Способы передачи "традиционной информации" многообразны и зависят от уровня развития общества; основными же являются: визуальный (наглядный, меморативный – посредством созерцания предметов, процессов и т. д.), вербальный (пересказ легенд, мифов и др.), подражательный (обучение, воспитание), письменный (составление хроник, летописей и т. д.). Объектами традиции могут быть не только физические предметы (реликвии, орудия труда, сооружения и др.), но и вербальная, визуальная и иная информация. Реальное сохранение традиции, возможное только в живом социуме, осуществляется не только передачей физических предметов, но и путем сохранения и репликации обычаев, навыков, обрядов и т. д. Традиция, таким образом, не создает обычай; она сама и есть обычай, который одновременно становится и формой проявления традиции. Функция традиции – не создавать что-либо, а поддерживать уже созданное, сопротивляясь всему новому, которое по сути своей отрицает традицию, канон. Совокупность традиций существенно влияет на менталитет и все стороны жизни социума, формируя такой "ментальный фон", в котором сохранение, к примеру, определенного обычая путем его репликации (многократного повторения) становится не только желательным, но и обязательным условием жизни индивида и общества в целом.

С учетом вышесказанного понятие традиции во многом действительно перекликается с понятиями культуры, культурного наследия, информационного фонда человеческого общества, хотя культура – понятие явно более широкое, включающее и все то, что еще не стало или уже не является традицией. Очень многое в культуре, от привычек до идеологии, является проявлением традиций разной степени сложности. Ментально-физическая природа традиции такова, что зарождение и существование ее в отличие от инстинктов возможно только в человеческом обществе, хотя суть и инстинкта, и традиции одна – передача информации на физиологическом (инстинкт) либо ментально-физическом (традиция) уровне.

Предлагаемая трактовка понятия традиции столь многопланова, что выводит последнюю в ряд наиболее общих категорий антропо- и социогенеза. Именно поэтому ставить традицию в один ряд (цепочку) с обычаем и обрядом не следует. Последние, разумеется, являются формами проявления традиции, но таковым является и практически все, имеющее отношение к погребальному культу (и не только к нему). По той же причине включать традицию в структуру погребального памятника или погребально-поминальной обрядности в качестве отдельного элемента вряд ли верно.

Являясь одновременно и конкретной информацией, и информационным "полем", традиция обеспечивает механизм нормального функционирования и выживания человеческого коллектива в изменяющейся среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев.

Кротов Я., 1994. Обряд – одежда, сшитая богом // Газ. "Куранты". № 43 (810). 5 марта.

Мельник В.И., 1990. Погребальная практика и погребальный обряд // КСИА. Вып. 201.

Мельник В.И., 1993. Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. № 1.

Ольховский В.С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.

Ольховский В.С., 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. № 1.

Ольховский В.С., 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2.

Рычков Н.А., 1997. Традиция, обычай, обряд // РА. № 2.

Философский энциклопедический словарь, 1989. М.

Институт археологии РАН,
Москва

V.S. OLKHOVSKY

A CUSTOM AND A RITE AS FORMS OF TRADITION

Summary

The article analyses critical comments made by N.A. Rychkov during the discussion of the elements and the structure of funeral rites. A structural pattern of actions implemented in the course of man's mental and physical activity, links between the actions, various levels of mentality and traditions and rites are confirmed. A tradition is defined as the whole complex of information accumulated by a specific society and which is important for this society and adapted for transmission by means of physical and mental activity. Four means of "traditional information" transmission, objects of tradition and its forms are characterized, the latter include customs and rites.

Публикации

А.Ф. ГОРЕЛИК

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА У ХУТОРА РОГАЛИК (Украина)

Исследователи палеолита давно обратили внимание на неравномерность распространения памятников палеолитического искусства на территории Евразии. К числу районов, где находки предметов изобразительной деятельности человека были большой редкостью, традиционно относился юг Русской равнины в целом и бассейн Северского Донца в частности. В последнем регионе факты, подтверждающие существование палеолитического искусства, были неопределенны, хотя некоторые и упоминались в литературных источниках. Среди них – женская схематическая статуэтка из мела, найденная в палеолитическом слое стоянки Миньевский Яр (Формозов А.А., 1959, с. 57), женская стилизованная статуэтка из кварцита, случайно обнаруженная возле железнодорожной станции Родаково (Писларий И.А., Филатов А.П., 1972, с. 32), два изображения человека, выгравированных на кости, из раскопок С.А. Локтюшева в районе Долгой балки (г. Луганск) (Писларий И.А., Филатов А.П., 1972, с. 34), точкообразные выбоинки и насечки на наконечнике дротика из бивня мамонта, найденного у с. Веселая гора (Локтюшев С.А., 1930, с. 7). К сожалению, перечисленные предметы не были изучены специалистами: все они утеряны, всерьез не публиковались и поэтому не могут считаться введенными в научный оборот.

Среди до сих пор твердо установленных фактов существования палеолитического искусства Северского Донца можно отметить лишь два: находку пястной кости с параллельными нарезками и сверленые ракушки из слоя Рогалик-Якимовской стоянки, раскопанной С.А. Локтюшевым (Локтюшев С.А., 1947, с. 283–287). Естественно, что такое состояние источников по изучаемой проблеме делает публикацию новых достоверных произведений палеолитического искусства насущной и актуальной.

Речь идет о предметах, обнаруженных в ходе планомерных работ, которые уже шесть лет ведутся между поселком городского типа Петровка (хутор Рогалик) и с. Передельское Станично-Луганского р-на Луганской обл. в месте сосредоточения группы палеолитических стоянок, датированных концом позднеледниковья (Горелик А.Ф., 1993, с. 112–119). Изучаемые памятники, представляющие собой четко локализованные в пространстве скопления культурных остатков, неравномерно располагались на территории междуречья Евсуга и Айдара – притоков Северского Донца – площадью 3×4 км. Пять из них (Рогалик II, III, IV, V, XII) приурочены к Якимовской балке, расчленяющей правый коренной берег р. Евсуг неподалеку от впадения ее в Северский Донец. Именно с этой группой местонахождений связана бóльшая часть предметов палеолитической изобразительной деятельности, продолжающих ряд упомянутых выше находок со стоянки Рогалик – Якимовская (Рогалик I).

Рогалик II. Стоянка расположена на поверхности левого борта Якимовской балки площадью более чем 2 тыс. м^2. На сегодняшний день здесь изучены четыре скопления находок. В одном из них, условно обозначенном литерой "А", обнаружена женская стилизованная статуэтка. Скопление Рогалик II "А" представляло собой концентрацию

© А.Ф. Горелик, 1997 г.

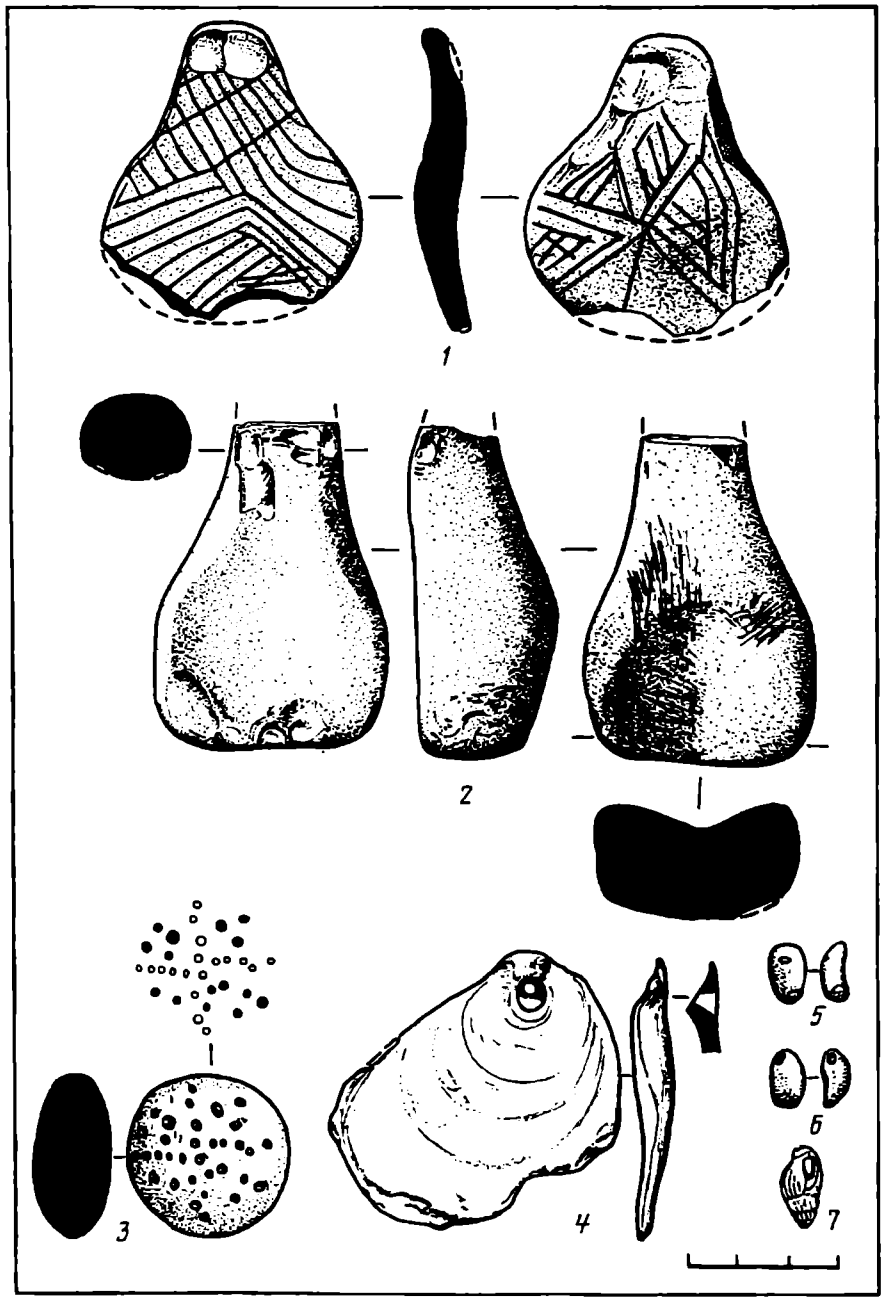


Рис. 1. Произведения искусства из Рогаликских стоянок. *1* – женская статуэтка (Рогалик II "А"); *2* – женская статуэтка (Рогалик XII); *3* – "амулет" (Рогалик XII); *4–6* – сверленые раковины (Рогалик III); *7* – сверленая раковина (Рогалик XII)

культурных остатков подовальной формы размерами 18×9 м. Статуэтка располагалась в центре скопления, в основании культурного слоя, состоящего главным образом из камней и раздробленных костей животных. Она находилась в горизонтальном положении, седалищной частью вверх. Обе стороны фигурки были покрыты толстым слоем известкового натека.

Статуэтка (рис. 1, *1*; 2*а*, *б*) изготовлена из лимонитовой корки, которой очень незначительной подработкой, преимущественно по бокам и со стороны спины, приданы антропоморфные очертания. По одному боку сохранились следы работы абразивным материалом, формирующей симметричность талии. С противоположного бока со стороны спины прослеживается широкая фасетка плоского среза, придавшего фигурке

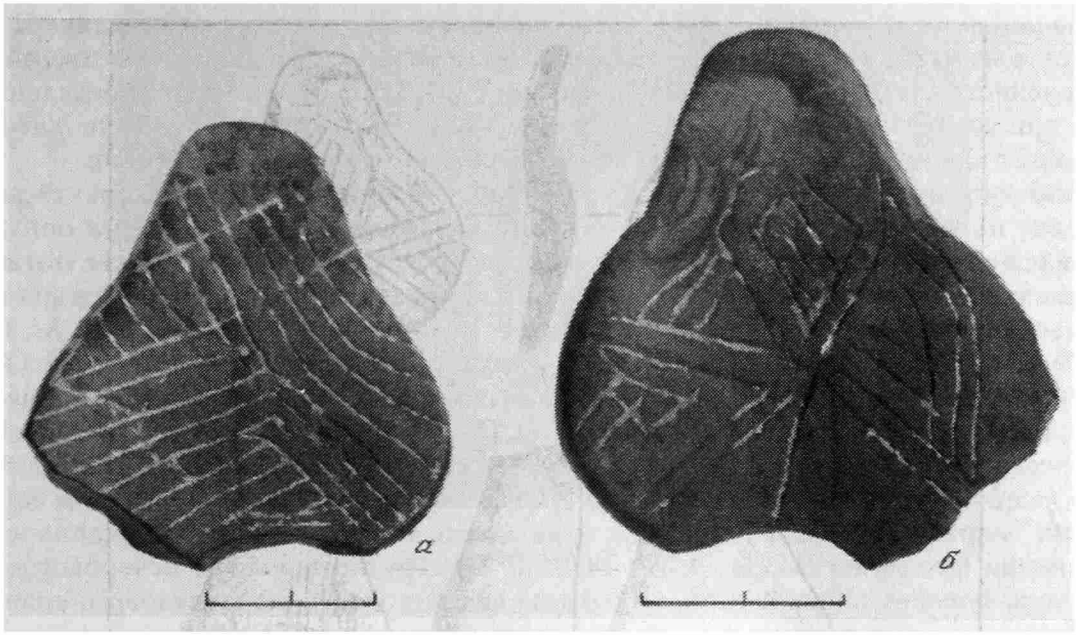


Рис. 2. Женская статуэтка из Рогалика II "А".*а* – лицевая плоскость; *б* – тыльная плоскость

характерный рельеф и профиль. Дополнительная обработка удачно подобранной естественной формы привела к созданию очень стилизованной женской фигурки с широким тазом, выделенным в профиле ягодичным выступом и едва намеченным коротким торсом. Размеры статуэтки (см): высота – 5,7, толщина – 0,6, ширина в верхней части – 1,9, в нижней – 5,1.

В древности статуэтка была повреждена. В нижней части, которая, по-видимому, закруглялась, она обломлена в двух местах. В верхней части с лицевой стороны отмечены две каверны выкрошенности.

С обеих сторон поверхность статуэтки покрыта резными графико-ритмическими композициями, основу которых составляет многорядный зигзаг (елочка). Система орнаментации обеих сторон изделия объединена повторением опорной схемы: деления поверхности на ряд секторов – шевронов или ромбов, границы которых пересекаются в одной точке, расположенной в центре статуэтки. На лицевой стороне таких секторов три, на тыльной – пять. На лицевой стороне орнаментальное поле в виде шевронов ограничивается не только формой самой статуэтки, но и специальной линией, дублирующей эту форму. На тыльной стороне такой ограничивающей линии нет. Отмеченная схема гравировки усложнена с лицевой стороны статуэтки тремя параллельными линиями в верхней части, направленными слева направо – снизу вверх. Здесь обращает на себя внимание разница углов, лежащих в основе каждого из трех секторов, которые соответственно составляют 120, 85 и 155°.

С тыльной стороны три сектора трактованы как шевроны, образованные под острым углом (40–60°) сдвоенными линиями, два – как ромбы. Внутреннее пространство у одного шеврона заштриховано тремя поперечными параллельными линиями, у второго прорезается одной продольной линией, у третьего заполняется ромбом с расположенной внутри него Х-образной насечкой. Внутри одного из ромбов прочерчены две параллельные линии, другой покрыт штриховкой в виде многорядного шеврона.

Статуэтка из Рогалика II "А" не имеет прямых аналогий. Поиск ближайших из них приводит к мезинским орнаментированным фигуркам, отнесенным З.А. Абрамовой к разряду "условных женских изображений" (Абрамова З.А., 1966, с. 20). В этом комплексе мы находим не только стилистические параллели в форме части фигурок, но и аналогии в мотивах орнаментации, среди которых важное положение занимают зигзаг и шеврон (Шовкопляс И.Г., 1965, с. 224). Сочетание в мезинских статуэтках соответ-

ствующей формы "елочного" орнамента, аналогичных статуэтке из Рогалика II "А", делает рассматриваемые элементы сходства показательными и существенными. Отмеченное устойчивое соединение женской скульптуры и графики определенного типа при всей сложности "прочтения" знака – образа, датированного палеолитом, – позволяет наметить наиболее предпочтительный вариант его интерпретации.

Известно, что ритмический елочный зигзаг – явление достаточно характерное в графике палеолита. Существует ряд попыток объяснения этого мотива в орнаментации палеолитических изделий. А. Маршак, интерпретируя геометрические мотивы в орнаментации фрагментов бивней мамонтов из Елисеевичей, Супонево, Межиричей и Гонцов, связывал их с аспектами символизма, родственного воде (Marshack A., 1979, p. 279), в частности ручья, бегущего из родника (Marshack A., 1976, p. 124). Х. Обермайер полагал, что за двойным шевроном на азильских гальках кроется схематическое изображение сидящего человека (Couraud C., 1985, p. 64). Имело место космологическое объяснение, связывающее шеврон с кометообразным знаком (Marshack A., 1976, p. 124). Была попытка увидеть за количеством линий в дублированном зигзаге (мотив "пирамида"), выгравированном на кости из грота Плакар, цикличность в изменении фаз Луны (Marshack A., 1970, p. 73). Трудно привести исчерпывающий перечень существующих версий, но одна из них, исходящая из смыслового единства пластического образа и сопутствующей ему графики, кажется наиболее убедительной. Это объяснение шеврона на изображениях женщины как женского знака, признака пола (Marshack A., 1976, p. 122; Шовкопляс И.Г., 1965; Столяр А.Д., 1972, с. 202–219; 1985, с. 257). Женские изображения из других пунктов Рогалика убеждают в значимости женского образа для населявших их палеолитических коллективов.

Рогалик XII. Местонахождение расположено в 23 м ниже по склону от раскопа стоянки Рогалик II. Условия его размещения специфичны. Раскопом площадью 108 м^2 был вскрыт участок ложбины, заполненной в древности культурными остатками и разнообразными почвенными отложениями. Оба предмета со следами изобразительной деятельности, найденные в раскопе, были переотложены.

На поверхности склона древней ложбины выше уровня палеолитического культурного горизонта на 0,3 м была найдена женская статуэтка из диабаза размерами 6,5×4,5×2,5 см (рис. 1, *2*; *3*). Она представляет собой стилизованный женский торс с выраженной в профиле седалищной частью и выделенными ягодицами. Верхний конец статуэтки обломлен в древности, причем края слома завальцованы. Бока фигурки искусственно сформированы. На них прослеживаются остатки граней первичных плоскостей, с помощью которых в начальной стадии обработки камня создавался общий контур фигуры. Лицевая поверхность изделия не профилирована, но тщательно зашлифована, на что указывают косые царапины на ней. На смоделированной спине фигурки обращают на себя внимание два участка: один – слева на ягодице и второй – на месте седалищной впадины. На первом участке отмечаются грубые вертикальные царапины от прорезания резцом, на втором участке следы прорезания дополняются выщербинами от пикетажа и выскабливания. За исключением седалищной впадины вся фигурка пришлифована мелким абразивом, о чем свидетельствуют разнонаправленные царапины на ее поверхности. От основания фигурки вверх и от ее слома в верхней части вниз прослеживаются отдельные негативы сколов, заглаженные пришлифовкой.

Женская фигурка из Рогалика XII относится к тому же типу стилизованных статуэток, что и фигурки из Рогалика II "А". Она отличается объемностью, отсутствием орнаментации и несколько большей реалистичностью исполнения. Близкие аналогии ей в материалах евроазийского палеолита, за исключением, быть может, антропоморфной скульптуры мадленского времени из баварской пещеры Мауэрн и отчасти Венеры из района Тразименского озера (Италия) (Graziozi P., 1960, p. 87) нам не известны.

Второй предмет – "амулет" из песчаника – был обнаружен на дне ложбины, в "кротовине", заполненной черноземом, на 0,1–0,15 м ниже уровня палеолитического

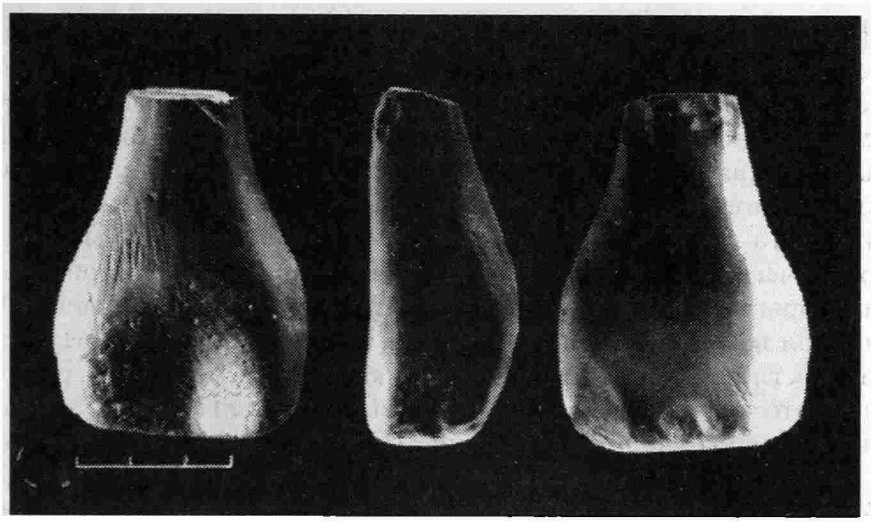


Рис. 3. Женская статуэка из Рогалика XII

горизонта. Поскольку над палеолитическим культурным горизонтом выше его на 1 м располагалось жилище салтово-маяцкой культуры, приуроченное к черноземной почве, вопрос об идентификации "амулета" с палеолитической эпохой не имеет однозначного решения. В пользу соотнесения "амулета" с палеолитическим временем говорят заизвесткованность его поверхности, отсутствие, по заключению специалистов, аналогичных изделий в салтовских древностях, рассеивание кремней из палеолитического слоя в черноземе.

"Амулет" представляет собой уплощенный песчаниковый диск, линзовидный в сечении, диаметром 3,2 и толщиной 1,3 см с нанесенной с одной стороны композицией сверленых вертикально или под небольшим углом к поверхности разноразмерных ямок (рис. 1, *3*; 4). В центре композиции лежит крест не очень строгих очертаний, образованный мелкими, чуть ли не строчечно нанесенными ямками. Стороны этого креста симметричны. По длинной его оси нанесены 12 ямок (по 6 от центра), и по короткой оси – 6 ямок (по 3 от центра). В каждом из четырех секторов пространства, разграниченного крестом, нанесены ямки за малым исключением большего размера в кратных по отношению друг к другу парных величинах: 3–6, 4–2.

Дисковидные изделия с ямочной орнаментацией сравнительно редки в искусстве верхнего палеолита. Среди известных мне предметов – орнаментированный диск из бивня мамонта, найденный в Сунгире (Бадер О.Н., 1978, с. 170), амулет-подвеска из мергеля, обнаруженный во втором слое стоянки Косоуцы (Борзияк И.А., 1989, с. 11–26), которые очень далеки от Рогаликского амулета и по мотивам орнаментации, и, очевидно, по назначению, учитывая присутствие в них сквозных отверстий.

Помимо изделий, описанных выше, в раскопе местонахождения Рогалик XII была найдена раковина Nassa recticulata (L) с отверстием для подвешивания (рис. 1, *7*). Целая серия ракушек с просверленными отверстиями была найдена в раскопе стоянки Рогалик III.

Рогалик III. Стоянка размещалась на 100–120 м восточнее Рогалика II на правом берегу Якимовской балки. Сверленые раковины были найдены в двух скоплениях культурных остатков. Одно из них примыкало к углубленному очагу. Здесь были найдены четыре сверленые раковины (три вида Theodoxus, рис. 1,*5* и одна – Ostrea edulis L., рис. 1, *4*). Во втором скоплении найдены две сверленые раковины Theodoxus (рис. 1, *6*).

Предметы палеолитической изобразительной деятельности были найдены еще на двух местонахождениях, расположенных неподалеку от Якимовской балки, – на стоянке Рогалик VII и местонахождении Рогалик XI (VIIIa).

Рогалик VII. Расположена на плакорном участке междуречья Евсуга и Айдара в

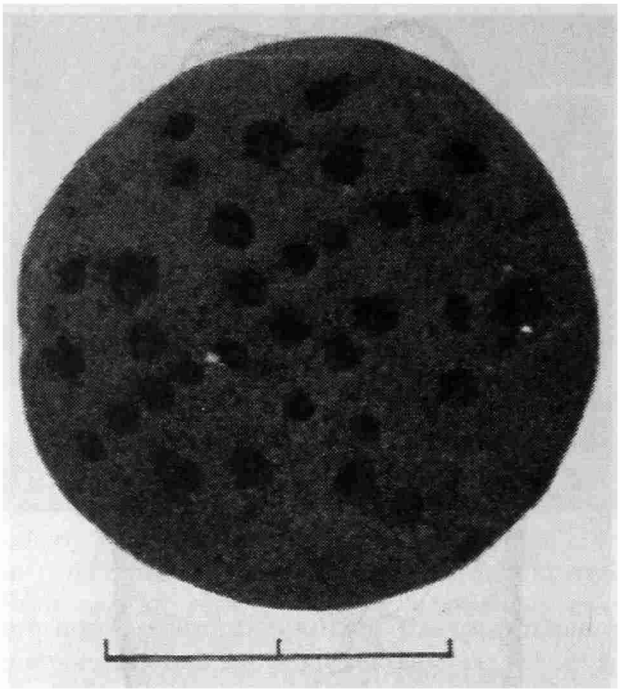


Рис. 4. "Амулет" из Рогалика XII

1 км к западу от стоянки Рогалик II. В раскопе площадью 208 м^2 выявлены два скопления культурных остатков, состоящие из кремневых изделий и расколотых костей животных. На периферии одного из скоплений был обнаружен массивный ретушер – отбойник из сланцевидной породы камня (карбоновый сланец). Изделие имеет вытянутую плитчатую подпрямоугольную форму с сужением одного из концов. На его заглаженной поверхности выделяются три участка сработанности: один с наиболее интенсивными выбоинами у края суженного конца и еще два с царапинами, образовавшимися при использовании в качестве ретушера. По центру орудия прослеживается поперечная линия, процарапанная резцом, опоясывающая его по периметру. В торцевой и боковой плокостях она крестовидно пересекается с продольной линией.

Рогалик XI (VIIIa). Местонахождение располагалось в 700–750 м к северу от Якимовской балки и связанных с ней памятников, на пологом склоне правого коренного берега р. Евсуг высотой 40 м над поймой реки. Культурный слой памятника разрушен делювиальными процессами и распашкой, поэтому изучение его состояло в сборе подъемного материала. В коллекции, собранной на поверхности, присутствуют палеолитические кремни и сланцевый ретушер с женским изображением, найденный Н.И. Тарасенко (Горелик А.Ф., Тарасенко Н.И., 1993, с. 28–34).

Ретушер, изготолвенный из уплощенной сланцевой плитки подпрямоугольных очертаний размерами 15,5×6×1,7 см, несет на себе следы сработанности в виде мелких выщербин, рисок и царапин, главным образом с одной стороны плитки (рис. 5; 6 *а*, *б*). Участки наиболее интенсивной утилизации расположены по краям и одному концу изделия, поверхность которого частично повреждена плугом.

Женское изображение выгравировано вдоль центральной оси ретушера по наиболее сработанной его стороне. В районе головы и спины и в некоторых других местах оно соприкасается с участками со следами от ретуширования кремневых орудий. Для установления достоверности находки в контексте палеолитического искусства чрезвычайно важны следующие обстоятельства. Во-первых, подобные ретушеры типичны для всех палеолитических памятников Рогалика, где они были встречены в культурном слое; во-вторых, по мнению А.К. Филиппова, осмотревшего изделие под бинокуляром, царапины, возникшие при ретушировании, перекрывают женское изображение, а характер патинизации резцовых борозд не оставляет сомнений в их древности.

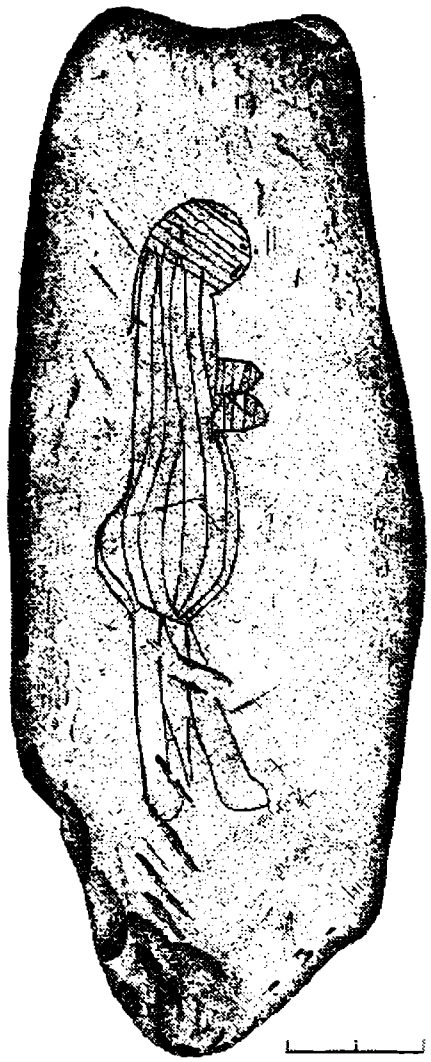


Рис. 5. Ретушер с женским изображением из Рогалика XI (VIIIa)

Силуэт стройной стоящей женщины изображен в профиль. Части тела переданы предельно обобщенно, но сравнительно пропорционально по отношению друг к другу. Голова шаровидной формы без каких-либо деталей сильно выступающего лица слегка наклонена вперед. Ее контур выделен косой штриховкой из семи параллельных линий. Шея и руки отсутствуют. Туловище цилиндрической формы с небольшими торчащими грудьми, сведенными в одной плоскости и заштрихованными 5–6 линиями, плавно переходит в округлый, выпуклый внизу живот без лобкового треугольника и более резко – в выступающие ягодицы. При изображении туловища художник использовал прием дублированного силуэта, когда линии штриховки повторяют внешний контур, простираясь от головы до низа живота. Одна короткая линия разделяет ягодицы. Внизу туловища линий штриховки – семь; будучи симметрично искривленными, они создают эффект объемности фигуры. Тонкие ноги, слегка укороченные по отношению к туловищу, переданы прямыми линиями силуэта, причем левая нога выдвинута вперед. Ступни ног укорочены и трактованы обобщенно выступающими закруглениями. Между ногами прослеживается изображение, которое можно трактовать как первую попытку прочертить левую ногу либо, что менее вероятно, как силуэт хвоста.

Рельеф изображения не одинаков по своей глубине и четкости: наиболее выделена тыльная линия фигуры, заметны следы, когда резец срывался или по инерции проскакивал за пределы намеченной плоскости.

Женское изображение из Рогалика, относящееся к художественно стилизованным

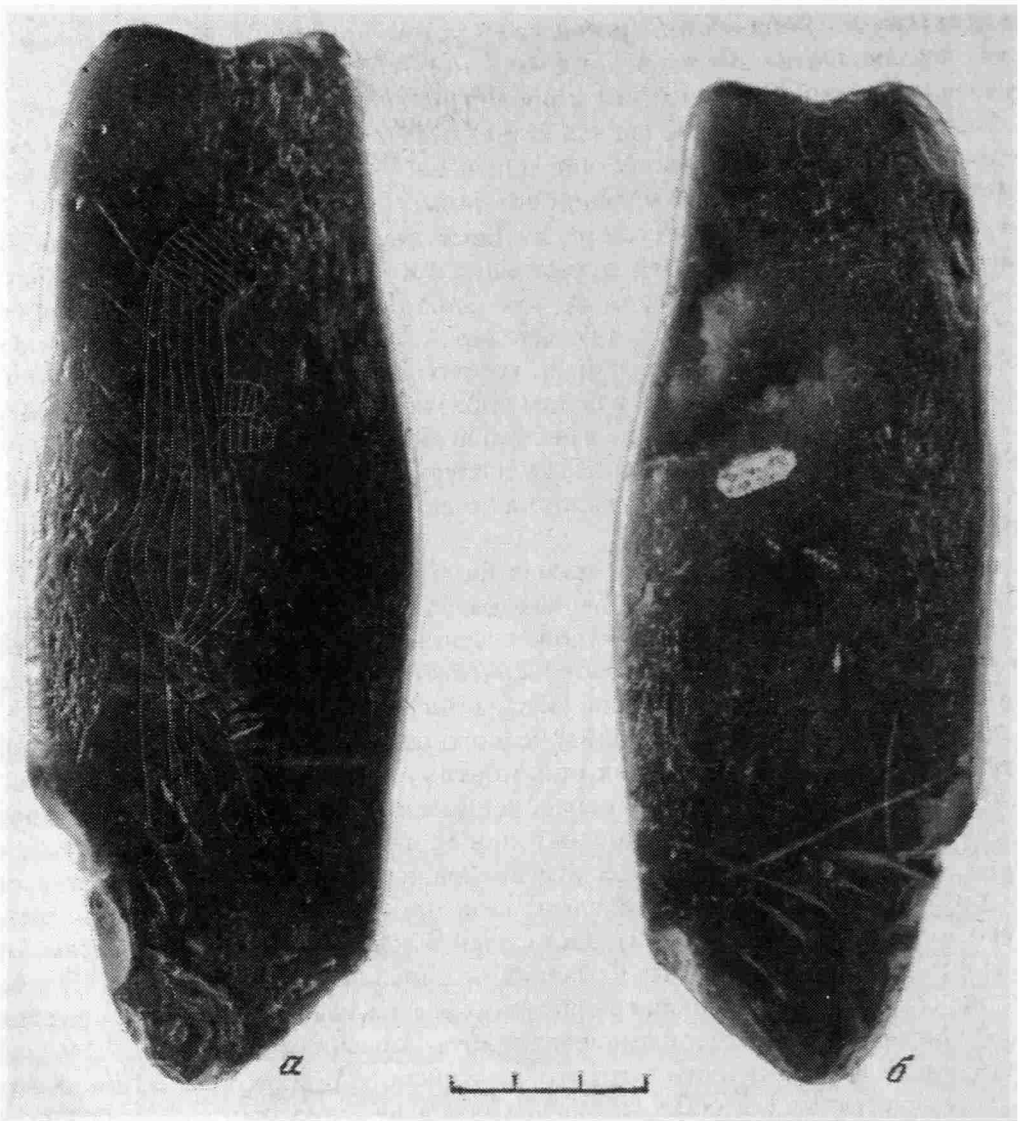


Рис. 6. Ретушер с женским изображением из Рогалика XI (VIIIa). *а* – плоскость ретушера с гравировкой; *б* – тыльная плоскость

или сюжетным формам изобразительной деятельности человека (Филиппов А.К., 1972, с. 220–222; Столяр А.Д., 1972, с. 202), уникально в палеолитическом искусстве Евразии главным образом благодаря широкому использованию штриховки и линий дублированного силуэта в качестве изобразительного элемента. Единственный известный нам пример в какой-то степени аналогичного применения линий внутри силуэта – заметное стилизованное изображение женщины в фас на бивне мамонта из Пшедмости (Абрамова З.А., 1966, с. 43). Возможны различные версии, объясняющие применение подобного технического приема. Очевидно, что штриховка помогла обособить части человеческого тела: голову, груди, туловище и ноги. Штриховка могла передавать головной убор, прическу или маску. Примечательно использование штрихов в устойчивом и, очевидно, сакральном для палеолита количестве – семь (Фролов Б.А., 1974, с. 138–141). Штриховка туловища, придавая ему предметность и некоторую объемность, могла символизировать одежду.

Манера исполнения гравировки дает возможность воспроизвести некоторые гносеологические аспекты восприятия и воплощения человеческого образа. Интересна, например, плоскостная передача палеолитическим художником представлений о парности человеческих органов – груди, ног. Изображая ноги, мастер, судя по неудачной

попытке, столкнулся с еще одной проблемой – устойчивостью фигуры. Эмпирически, интуитивно предвосхитив знание закона фронтальности, он заставил ее сделать шаг, выдвинув, подобно древнегреческим и древнеегипетским скульпторам, левую ногу вперед. Левая нога дает лишь сигнал к движению, но тело за ним не следует. Обращает на себя внимание отсутствие рук и треугольника Венеры, очевидно, не обладавших знаковой функцией в идейно-образной концепции художника.

Женское изображение на ретушере из Рогалика при всей своей уникальности вписывается тем не менее в ряд профильных женских гравированных фигур в искусстве малых форм, характерных для Западной Европы в конце позднего палеолита (Абрамова З.А., 1966, с. 147; Столяр А.Д., 1985, с. 252). В позднем палеолите Восточной Европы, в частности на территории Русской равнины, подобные изображения пока не найдены, хотя в целом образ женщины в искусстве, как известно, здесь представлен хорошо. Сочетание в ансамбле антропоморфного палеолитического искусства, представленного в Рогалике, скульптуры и гравюры говорит об известной самобытности Рогаликского очага палеолитического искусства на фоне искусства палеолита Восточной Европы.

При всем разнообразии искусства малых форм в Рогаликском комплексе палеолитических памятников, бóльшая часть находок, за исключением украшений, может рассматриваться как единый идейно-художественный ансамбль. Во-первых, очевидна ведущая роль собирательно-абстрактного женского образа, воплощенного в художественные стилизованно-реалистические формы (Филиппов А.К., 1972, с. 220–222). Во-вторых, для многих предметов палеолитического изобразительного искусства характерно использование геометрических орнаментальных композиций, основанных на выделении центра предмета через пересечение линий. Причем эти центрические композиции существуют и как самостоятельные знаковые символы, и в качестве дополнения к сюжетным реалистическим изображениям. В-третьих, заметна определенная ритмика в повторяемости элементов орнамента (прямая линия, ямка) в составе его мотивов (ромб, шеврон), адекватная числовым закономерностям, обнаруженным в ряде палеолитических памятников Евразии. Например, 5 и 7; 3 и 6; 4 и 2 – типичные способы группировки графических элементов на предметах искусства из Рогалика – считаются закономерными в палеолите Евразии (Фролов Б.А., 1992, с. 76).

Существующая вариативность в трактовке женского образа в памятниках палеолитического искусства из Рогалика, когда сосуществуют статуэтки женщин с широким расплывшимся тазом и изображение стройной грациальной девушки, свидетельствует о неоднозначной, сложной семантической основе женского образа. Судя по опыту изучения палеолитического искусства Евразии, даже в материалах отдельных стоянок этот образ передается через изображения, заметно отличающиеся одно от другого, в том числе и в конституционально-телесном плане (Столяр А.Д., 1985, с. 256).

Открытие Рогаликского очага позднепалеолитического искусства в его наиболее редком антропоморфном идейно-образном выражении находится в ряду появившихся за последние десятилетия фактов, характеризующих искусство на некоторых палеолитических памятниках степной зоны (Мураловка, Брынзены I, Косоуцы, Молодова V), которые нивелируют резкие различия в этом отношении с палеолитом Русской равнины. Вместе с тем очевидно, что колоссальное увеличение наших знаний о палеолите Северного Причерноморья и Северного Приазовья явно не привело к пропорциональному росту представлений о палеолитическом искусстве степной зоны. В силу этого слабая репрезентативность проявлений палеолитического искусства в степной зоне справедливо считается дополнительным признаком, характеризующим ее своеобразие (Praslov N.D. et al., 1989, p. 790). Случаи обнаружения палеолитического искусства в том или ином районе степной зоны нуждаются в специальном объяснении.

Существуют разные гипотезы, объясняющие локальное возникновение "очагов" позднепалеолитического искусства. Обычно в качестве решающей предпосылки указывают на более высокую ступень в организации обществ, сопровождаемых находками палеолитического искусства (Абрамова З.А., 1966, с. 156; Gamble Cl., 1991, p. 4).

Сложное общество в палеолите, к примеру Франко-Кантабрийское или Костенковское, которое характеризуется более высокой плотностью населения, значительной степенью оседлости, групповой эксплуатации разнообразных сезонных ресурсов с гибким применением различных экономических стратегий, считается благоприятной основой для появления палеолитического искусства (Gamble Cl., 1986, p. 31). В то же время возникновение палеолитического искусства может свидетельствовать не только о процветании общества. В ряде случаев его появление отражает судорожную борьбу за предотвращение экономического кризиса путем расширения системы социальных коммуникаций, в том числе и посредством искусства (Gamble Cl., 1991, p. 4).

Имеющиеся сведения об экономической организации обитателей Рогалика в палеолите (Горелик А.Ф., 1993, с. 119) не дают оснований для идентификации их общества с первой упомянутой моделью. Более вероятной представляется вторая модель. Включенность Рогаликского социума в широкий информационный обмен с синхронными ему обществами перигляциальной Европы, в частности Русской равнины, фиксируется по очевидным совпадениям в наборе типов орудий, позволившим Ст. Козловскому писать о так называемом тарновском технокомплексе в развитии финальнопалеолитической культуры Западной, Центральной и Северной Европы (Kozlowski St. K., 1975, p. 3), черты которого во многом распространились и до Подонья, а быть может, и более восточных территорий. По мнению К. Гэмбла, сравнительная однородность, однообразие культуры охотничье-собирательских обществ является результатом бедности и вариативности используемых ими ресурсов, что побуждает их к большему общению между собой. Общение предполагает устранение возможных барьеров между коллективами, установление открытости. Одно из средств перехода к информационной открытости – нивелировка культурных различий. Появление сходных образов, стилей, мотивов в искусстве служило своего рода индикатором готовности к социальному общению (Gamble C., 1982, p. 103). По-видимому, подобная модель рассуждения могла быть положена в основу объяснения фактов появления женских гравированных изображений или статуэток в материалах финальнопалеолитических памятников южнорусских степей. В конце плейстоцена в связи с изменением границ растительных сообществ происходят разрастание социокультурных единств, интенсификация информационного обмена (Schild R., 1984, p. 262), которые могли приводить к распространению сходных идеологических представлений и их знаковых воплощений. Следуя этой гипотезе, появление антропоморфных изображений в инвентаре некоторых позднепалеолитических памятников Азово-Причерноморских степей можно интерпретировать как указание на включенность в самом широком плане оставившего их населения в социальную сеть взаимодействия с теми регионами Европы, прежде всего Русской равнины, где подобный репертуар в искусстве и формы его воплощения являются традиционными.

Аргументом в пользу предложенного объяснения фактов проникновения антропоморфных изображений в южнорусские степи является то обстоятельство, что предметы палеолитического искусства были найдены в инвентаре одной из двух культурных групп памятников, выделенных по особенностям микролитического кремневого снаряжения на Рогалике, – в культурной группе, кремневый комплекс которой генетически связан с индустрией памятников типа Боршево 2. Памятники второй группы, судя по характеру кремневой индустрии, восходят к традициям каменнобалковской культуры, получившим свое развитие в инвентаре верхнего слоя приазовской стоянки Федоровка (Неприна В.И. и др., 1986, с. 25–35) и стоянки Каштаева балка, расположенной в верховьях р. Молочной (Оленковский Н.П., 1991, с. 124–132). Таким образом, генетические истоки одной из групп памятников, исследованных у Рогалика, стали благоприятным фоном для проникновения соответствующих идеологических представлений и их знаковых воплощений на территорию южнорусских степей, для которой в палеолите они были, очевидно, чуждыми[1].

[1] Автор выражает сердечную признательность за помощь и консультации, оказанные при написании данной статьи, сотрудникам Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры РАН

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А., 1966. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.

Бадер О.Н., 1978. Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. М.

Борзияк И.А., 1989. Предметы изобразительной деятельности человека на многослойной позднепалеолитической стоянке Косоуцы на Среднем Днестре // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев.

Горелик А.Ф., 1993 Некоторые итоги предварительного пространственно-функционального анализа Рогаликской группы местонахождений позднего палеолита // Сб. статей ЛГПИ им. Т.Г. Шевченко. Луганск.

Горелик А.Ф., Тарасенко Н.И., 1993. Женское изображение на ретушере из палеолитического местонахождения Рогалик VIIIa на Северском Донце // Древние культуры Подонцовья. Луганск.

Локтюшев С.А., 1930. Доисторический очерк Средней Донеччины. Луганск.

Локтюшев С.А., 1947. Палеолітична стоянка Якимівська балка // Палеоліт і неоліт України, Т. I. Київ.

Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А., 1986. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев.

Оленковский Н.П., 1991. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. Херсон.

Писларий И.А., Филатов А.П., 1972. Тайны степных курганов. Донецк.

Столяр А.Д., 1972. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // МИА. № 185.

Столяр А.Д., 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.

Филиппов А.К., 1972. О двух типах изобразительной детельности верхнепалеолитического человека в связи с критикой "магической" природы происхождения искусства // МИА. № 185.

Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.

Фролов Б.А., 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск.

Фролов Б.А., 1991. Первобытная графика Европы. М.

Шовкопляс И.Г., 1965. Мезинская стоянка. К истории среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Киев.

Couraud C., 1985. l'Art azilien origin survivance. Paris.

Gamble Cl., 1982. Interaction and alliance in palaeolithic society // Man. № 17.

Gamble Cl., 1986. Hunter – Gatherers and Origin of States // States in History. Oxford.

Gamble Cl., 1991. The Social Context for European Palaeolithic Art // PPS. № 57. Part 1.

Graziozi P., 1960. Palaeolithic Art. London.

Kozlowski St. K., 1975. Cultural differentiation of Europe from 10-th to 5 millenium B.C. Warsawa.

Marshack A., 1970. Notation dans les gravures du Paleolithique superieur. Bordeaux.

Marshack A., 1976. Les courants stylistiques dans l'art mobilier au paleolithique superieur. Nice.

Marshack A., 1979. Upper Paleolithic Symbol Systems of the Russian Plain: Cognitive and Comparative Analysis // CA. V. 20. № 2.

Praslov N.D., Stanko V.N., Abramova Z.A. et al., 1989. The steppes in the Late Palaeolithic // Antiquity. V. 63. № 241.

Schild R., 1984. Terminal Palaeolithic of the North European Plain: A Review of Lost Chances, Potential, and Hopes // Advances in World Archaeology. V. 3.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

З.А. Абрамовой, Е.Ю. Гире, А.К. Филиппову, старшему научному сотруднику Института геологии НАН Украины В.А. Присяжнюку, художникам А.Н. Усачуку, И.Н. Павловой, фотографу О. Снуку.

A.F. GORELIK

FINDS OF GOODS OF A PALEOLITHIC MAN FIGURATIVE ACTIVITY NEAR A FARMSTEAD ROGALIK (Ukraine)

Summary

The article publishes information on portable Paleolithic art goods found during a research of a group of sites dating to the final Paleolithic Age located in the Severskoy Donets basin between a small town Petrovka (a farmstead Rogalik) and a village Peredelskoye of the Stanichno-Lugansky district of the Lugansk area. A woman's image stylistically interpreted in one engraving on the stone and two stone statuettes are the most important finds. Apparently, the intensification of social and cultural links that was typical for the population of Europe at the end of the Paleolithic Age resulted in a penetration of this plot and forms of its implementation characteristic for the Russian plain Paleolithic Age into Southern Russian steppes.

К. КУРБАНСАХАТОВ, В.Н. ПИЛИПКО

СТРАТИГРАФИЯ КУМЫШ-ДЕПЕ

(Туркменистан)

Кумыш-депе находится в 72 км северо-западнее Ашхабада или в 1,5 км восточнее селения Дев-кала Бахарденского р-на. Расположенный рядом с оживленной автомобильной трассой памятник неоднократно посещался археологами, но его изучение не вышло за рамки рекогносцировочных исследований, обследование обычно ограничивалось беглым осмотром, в ряде случаев сопровождавшимся сбором подъемного материала. Один из наиболее ранних осмотров Кумыш-депе относится к 1947 г., когда его посетил Б.А. Литвинский, возглавлявший археологическую группу V отряда ЮТАКЭ. В опубликованном отчете описание памятника отсутствует, но он отмечен на прилагаемой историко-археологической карте области Нисы как памятник X–XII вв. н. э. (Литвинский Б.А., 1953, с. 254). Тремя годами позднее Кумыш-депе осмотрел С.А. Ершов, обнаруживший на поселении помимо средневекового материала фрагменты керамики ахеменидского времени[1].

В 1970 г. памятник обследовала Парфянская экспедиция Института истории АН ТССР под руководством В.Н. Пилипко. При этом на холме наряду со средневековой и ахеменидской керамикой обнаружены материалы эпохи энеолита. В 1986 г. В.Н. Пилипко и К. Курбансахатов провели на Кумыш-депе стратиграфические работы, в результате которых исследована вся толща культурных отложений этого памятника.

Расположенные в этой местности остатки нескольких древних поселений в настоящее время превратились в высокий сильно оплывший холм, имеющий в плане неправильные округлые очертания. Максимальные его размеры в поперечнике составляют 200–210 м, высота около 8 м. Склоны в верхней части довольно крутые, у основания они переходят в пологий "шлейф" (рис. 1). Общая площадь, занимаемая холмом, достигает 3 га, в ближайших его окрестностях имеется еще ряд увалов, дающих редкие находки керамики периода развитого средневековья. Поверхность холма в ряде мест, особенно с северо-восточной стороны, повреждена крупными ямами-капонирами.

Шурф размерами 4×2,5 м заложен вблизи вершины холма на восточном его склоне. За условный репер принята выступающая на поверхность вблизи северного угла шурфа толстая алебастровая промазка пола средневекового здания. Этот условный репер находится на 0,8 м ниже самой высшей точки холма и на 7,2 м выше его южной подошвы. По техническим причинам площадь шурфа террасообразно уменьшалась с 10 до 1,5 м^2. На глубине 2,9 м она сокращается до 7,5 м^2, на 4,75 – до 5, на глубине 6,6 – до 3, на глубине 11,5 м – до 1,5 м^2. Общая глубина шурфа составила 13 м, с отметки 12,75 м начинаются "материковые" слои, представленные рыхлым суглинком (рис. 2).

Кумыш 1. В нижнем культурном слое архитектурные остатки не встречены, что, вероятно, следует объяснять небольшой площадью шурфа. Слой представлен плотной

[1] Материалы разведывательных поездок С.А. Ершова 1950–1951 гг. остались неопубликованными. Полевые дневники С.А. Ершова хранятся в Институте истории АН Туркменистана.

© К. Курбансахатов, В.Н. Пилипко, 1997 г.

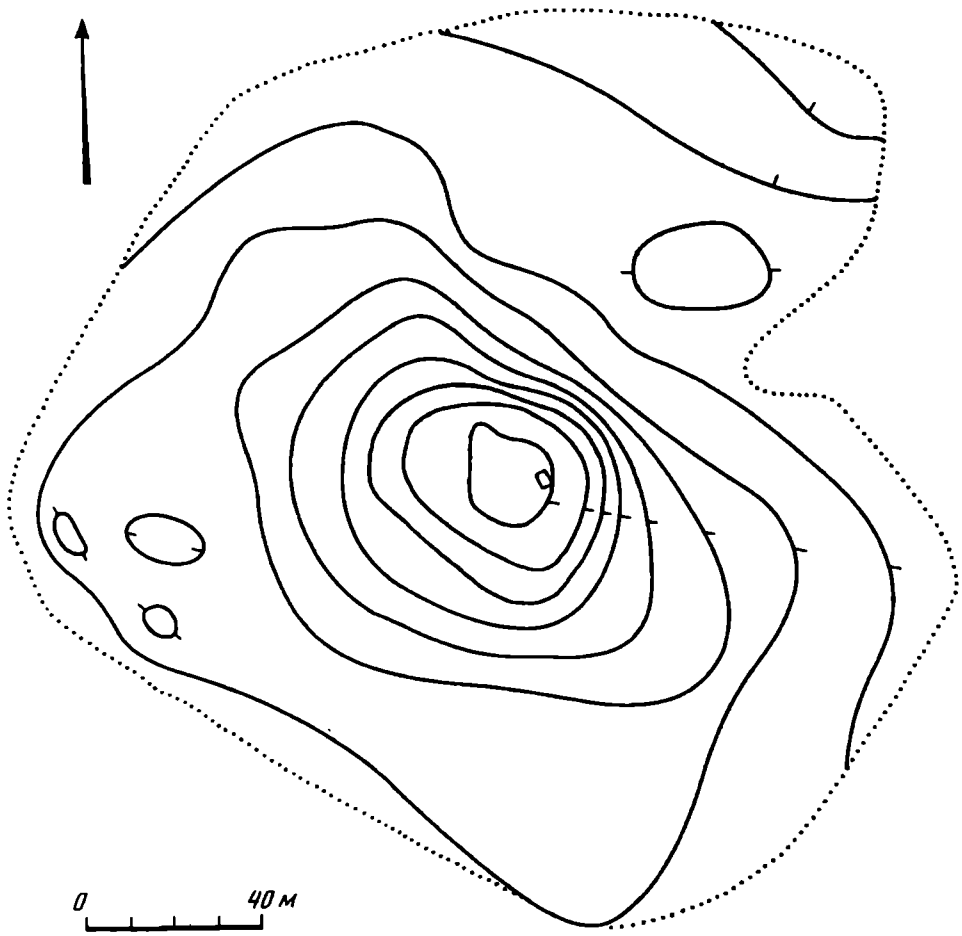


Рис. 1. План поселения Кумыш-депе. Инструментальная съемка А.А. Ляпина и В.Н. Пилипко

серой глиной с включениями обломков сырцовых кирпичей, зольников, крупных и мелких камней, а также фрагментов керамики. Толщина этого слоя более 2 м. Найденная здесь керамика представлена тремя группами: толстостенной, тонкостенной и кухонной. Керамика первой группы имеет грубое пористое тесто со значительной примесью крупнорубленной соломы, иногда с добавлением дресвы и песка. Цвет черепка в изломе коричневый или желтый, ангоб красный или желтый, обжиг, как правило, неравномерный. Часть данной керамики имела роспись, выполненную черной или темно-коричневой краской. Мотивы росписи из-за небольших размеров имеющихся фрагментов точно не устанавливаются.

Тонкостенная керамика изготовлена из хорошо отмученной глины, в керамическую массу добавлены сильно измельченные тонкие растительные частицы. Обжиг относительно хорошего качества. Сосуды этой группы покрыты плотным красным ангобом и большей частью расписаны черной или темно-коричневой краской. Роспись представлена следующими основными мотивами: горизонтальные ряды силуэтных треугольников, наклонные ленты, часто образующие контурные геометрические фигуры, а также роспись в виде схематического дерева (рис. 3, *3*). Обращают на себя внимание два экземпляра расписных венчиков, имеющих явные следы лощения (рис. 3, *9*, *10*). В особую подгруппу может быть выделена керамика, имеющая на внешней стороне бурый, а на внутренней – красный ангоб. Для этой группы характерна роспись в виде горизонтальных параллельных полос (рис. 3, *2*).

Кухонная керамика имеет грубое тесто с примесью дресвы, шамота и песка, стенки сильно закопчены от употребления на открытом огне. Широко распространены две формы сосудов: горшки и плоские сковороды с ручками.

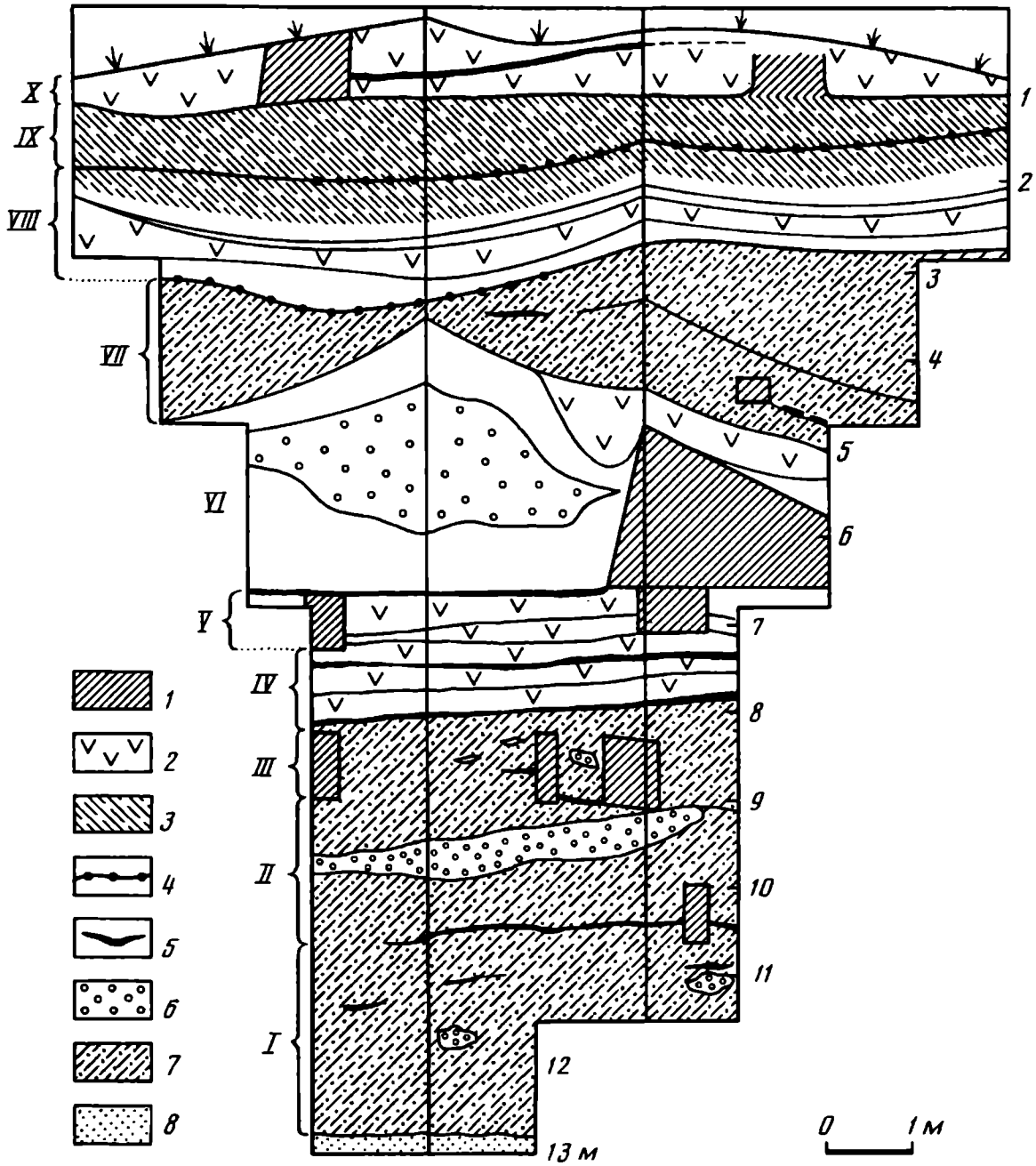


Рис. 2. Стратиграфический шурф: *1* – стены; *2* – рыхлый мусор; *3* – завал; *4* – древняя поверхность; *5* – полы и зольники; *6* – слои с камнями; *7* – плотный мусорный слой; *8* – "материковый" суглинок

Данный комплекс керамики находит близкие аналогии среди находок из слоев 13–5 Северного холма Анау и других памятников подгорной полосы Копетдага эпохи раннего энеолита (Курбансахатов К., 1987, с. 63–72). На этом основании он может быть отнесен к позднему этапу периода Намазга I.

Кумыш 2. Толщина этого стратиграфического горизонта составляет около 1,5 м. В нем можно выделить несколько прослоек, представляющих отдельные периоды обживания. На глубине 10 – 11 м в шурфе обнаружена сырцовая стена, сохранившаяся на высоту 0,6 м, толщина ее 25 см. С этой стеной связана мощная зольная линза, прослеженная почти по всей площади шурфа. Выше, на глубине 9 – 10 м обнаружено скопление крупных камней, часть из них плотно лежит друг на друге, и данный завал, возможно, представляет собой остатки сильно разрушенной каменной стены (рис. 4, *В*).

В керамическом комплексе данного горизонта представлены те же группы

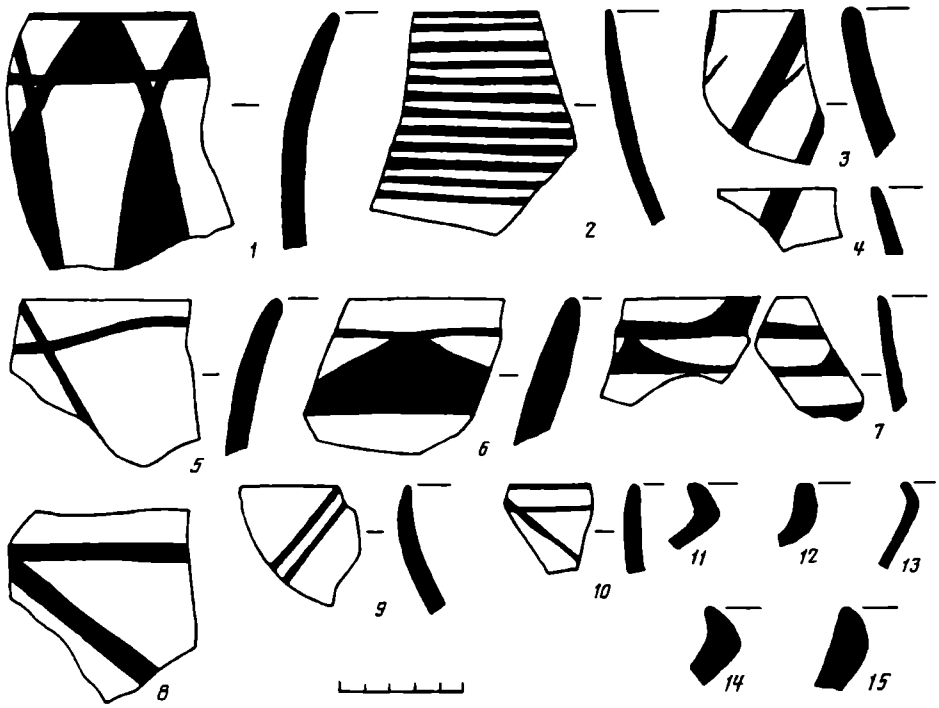


Рис. 3. Керамический комплекс Кумыш 1

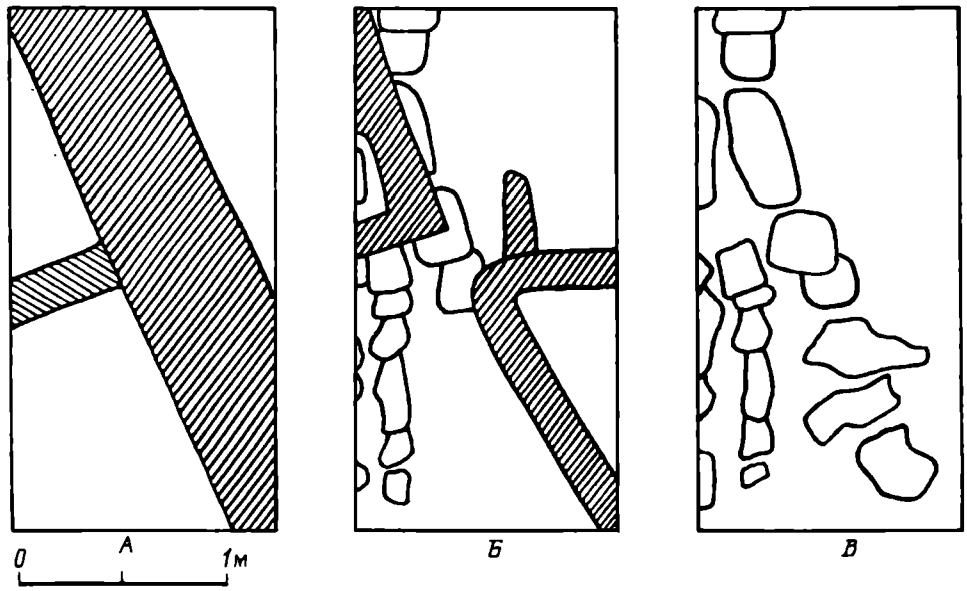


Рис. 4. Остатки архитектурных сооружений на глубине 7; 8,5 и 9,5 м

керамики, что в комплексе Кумыш 1, – толстостенная, тонкостенная и кухонная, хотя наблюдается изменение в количественном соотношении групп. Толстостенная керамика встречается значительно реже. Тонкостенная красноангобированная расписная керамика в нижних прослойках еще достаточно многочисленна. Ведущий орнаментальный мотив на фрагментах данного региона – широкие темные ленты (рис. 5, *2*, *3*, *5*), иногда с добавлением точек и пилообразных элементов (рис. 5, *8*). В верхних прослойках эта керамика полностью исчезает. Кухонная керамика по-прежнему многочисленна. Как и прежде, она представлена двумя ведущими формами: горшками и сковородами. Важнейшим признаком этого комплекса является появление двух совершенно новых керамических групп: краснолощенной и серолощенной.

Краснолощенная керамика характеризуется значительной примесью гипса и дресвы.

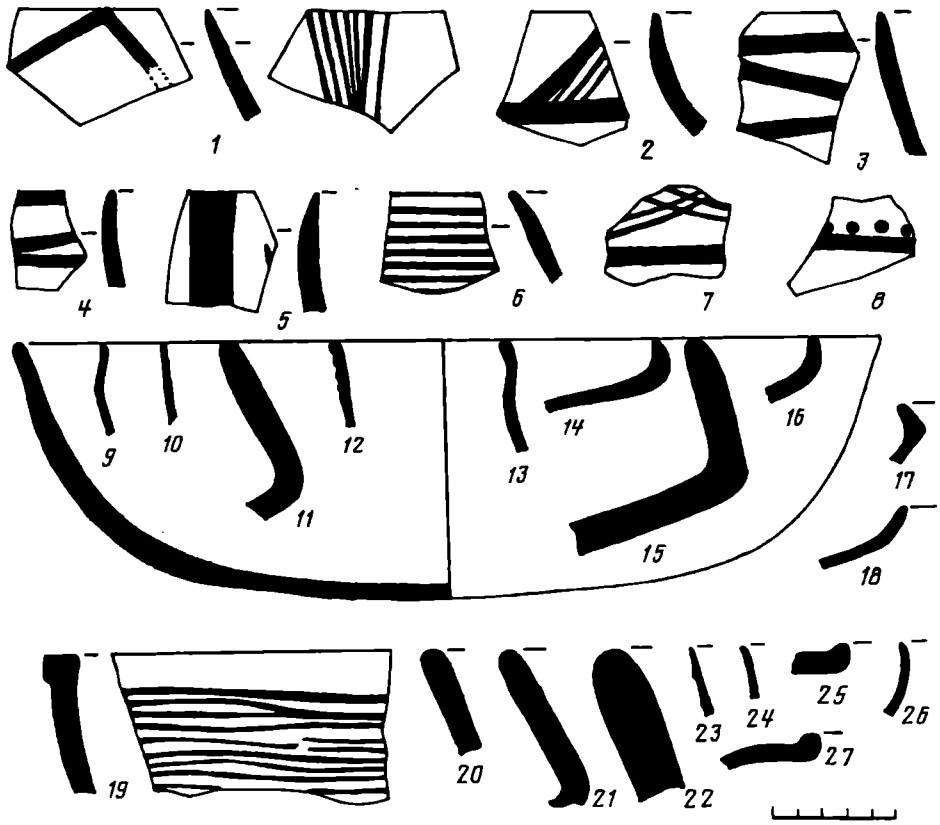


Рис. 5. Комплексы Кумыш 2 (*1–19*) и Кумыш 3 (*20–27*)

Поверхность изделий покрыта красным ангобом и залощена до блеска. На стенках сосудов, как правило, имеются черные пятна, образовавшиеся в процессе обжига. Данная группа представлена многочисленными фрагментами крупных круглодонных горшков с шаровидным туловом и средневысокой раструбообразной горловиной (рис. 5, *11*, *15*, *18*). Обращает на себя внимание фрагмент красноангобированной чаши, сочетающей лощение с росписью в виде параллельных лент вдоль венчика (рис. 5, *6*).

Сероглинная лощенная керамика изготовлена из качественной глины иногда с добавлением в тесто мельчайших частиц кварца. Внешняя поверхность, в зависимости от качества ангобного покрытия, бывает темно-серой или светло-серой. Поверхность сосудов тщательно залощена. На двух фрагментах тонкостенных серолощенных сосудов имеются ровные рельефные кольцевые валики, заставляющие предполагать использование специальных вращающихся подставок (рис. 5, *12*). Эта группа представлена разными видами чашевидных изделий (рис. 5, *9*, *10*, *13*). Подробное описание форм невозможно из-за сильной фрагментированности.

Комплекс Кумыш 2 по набору керамических групп явно тяготеет к керамике из слоев 4–3 Северного холма Анау (Курбансахатов К., 1987, с. 69–74), причем особо следует отметить характерное для этих комплексов сочетание краснолощенной керамики с расписной. Такое сочетание, видимо, следует считать типичным для ранних этапов периода Намазга II. На этом основании комплекс Кумыш 2 следует датировать временем раннего Намазга II.

Кумыш 3. Культурные отложения этого горизонта имеют толщину около 1 м и находятся преимущественно на глубине 8 – 9 м. На площади в 3 м^2 здесь выявлены остатки двух помещений, очевидно, принадлежащих двум разным постройкам (рис. 4, *Б*). Стены имеют толщину 25–30 см и сохранились на высоту 50–75 см. В связанных с ними завалах и культурных отложениях встречаются зольные линзы и отдельные

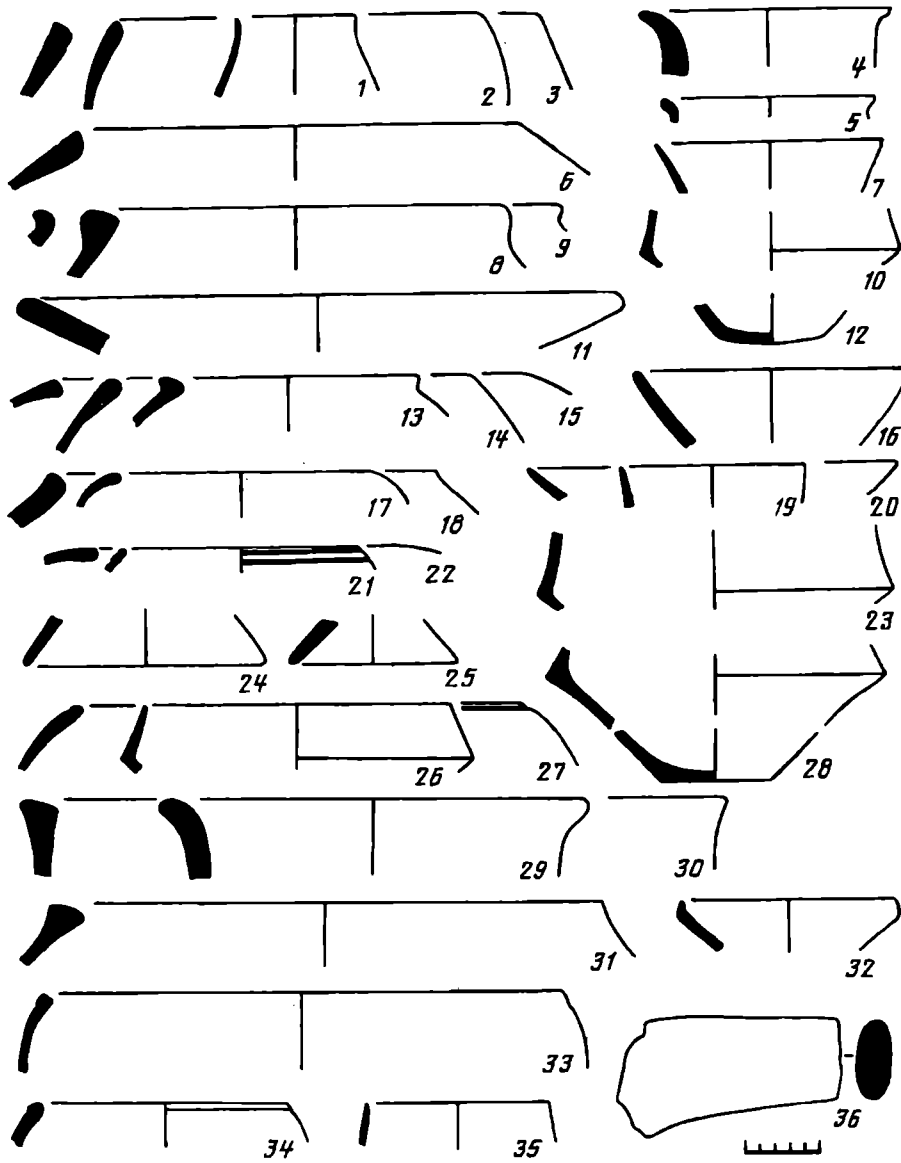


Рис. 6. Керамика из отложений с отметками 660–715 (*1–12*) и 715–800 (*13–36*)

крупные камни. Сверху отложения данного горизонта четко ограничены сплошной прослойкой более позднего пола (рис. 2).

Керамический комплекс из этого горизонта (рис. 5, *19–27*) характеризуется полным исчезновением красноангобированной расписной керамики и значительным увеличением количества серолощенной и краснолощенной. Появляется ранее не встречавшаяся группа керамики с желтовато-кремовой поверхностью, по фактуре сильно напоминающая кухонную, но не имеющая следов закопченности (рис. 5, *20 – 21*). Особый интерес представляет находка фрагмента серолощенного чашевидного сосуда, имеющего на внутренней стороне роспись красной краской в виде небрежно нанесенных и еле различимых параллельных венчику тонких полос (рис. 5, *19*).

Комплекс Кумыш 3 находит близкие аналогии в материалах слоев 1–2 Северного холма Анау (Курбансахатов К., 1987, с. 75, 76) и может быть сопоставлен с материалами 22-го яруса центрального шурфа (№ 1) на Намазга-депе, которые А.Ф. Ганялин рассматривал как самостоятельный культурно-хронологический комплекс Намазга II (Ганялин А.Ф., 1956, с. 46–48). В.М. Массон отказался от подобного рассмотрения материалов из этих отложений и интегрировал их в состав более обширного комплекса, также получившего название Намазга II (Массон В.М., 1956, с. 296–298).

Кумыш 4. Общая толщина отложений данного горизонта составляет 70–80 см. Архитектурные остатки в шурфе отсутствуют, но зафиксировано несколько почти горизонтальных уровней полов. Между ними – рыхлый мусор. Изменения в керамическом комплексе прежде всего характеризуются практически полным отсутствием краснолощенной керамики, столь многочисленной в нижних слоях. В отложениях данного горизонта она составляет около 2% и скорее всего представляет собой инородную примесь, перемещенную из нижележащего слоя так же, как два фрагмента толстостенных изделий с растительной примесью в тесте, явно принадлежащих к периоду Намазга I. Наиболее многочисленной группой является так называемая кухонная керамика, имеющая, как правило, серый черепок с минеральной примесью в керамическом тесте. Часть этой керамики имеет коричневый в изломе черепок. Формы и размеры сосудов разнообразны. Встречаются крупные корчаги с массивным часто уплощенным венчиком диаметром до 48 см (рис. 6, *18*, *29*, *30*), сосуды с вертикально поставленным венчиком и сосуды, лишенные горловины. Очень популярны были безгорловинные средних размеров горшки с сильно раздутым, вероятно, шаровидным туловом (рис. 6, *14*, *15*, *17*, *21*, *22*). Около 42% приходится на долю серолощенной керамики, представленной преимущественно небольшими изящными столовыми сосудами. Ведущими формами являются конические чаши (рис. 6, *16*, *20*) и биконические кубки (рис. 6, *23*, *26*, *28*). Существовали также вазы на высоких конических ножках, но на имеющемся материале их форма полностью не восстанавливается. Некоторые сосуды были украшены кольцевыми параллельными венчику ложбинами (рис. 6, *21*).

Комплекс Кумыш 4 обнаруживает определенное сходство с материалами так называемого комплекса ЮЗТ-V, представленного могильниками долины Сумбара, и в хронологическом отношении может быть признан синхронным комплексам типа Намазга III (Хлопин И.Н., Хлопина Л.И., 1984).

Кумыш 5. К этому стратиграфическому горизонту отнесены отложения между отметками – 720 и – 660 см. Здесь выявлены остатки двух стен, возведенных под прямым углом другу к другу (рис. 4, *А*). Сложены они из сырцовых кирпичей размерами 52×30–32×10–11 см. Образованные этими стенами помещения заполнены рыхлыми мусорными отложениями с обильной примесью золы и угольков. Сверху остатки стен и культурные слои этого периода снивелированы более поздней постройкой, относящейся уже к другой эпохе.

Судя по стратиграфическим наблюдениям и составу находок, отложения данного горизонта обнаруживают тесную связь с отложениями периода Кумыш 4 и хронологически относятся к той же эпохе. Керамика представлена теми же фактурными группами, и количественное соотношение между ними сохраняется примерно в тех же пропорциях. Не отмечено каких-либо существенных изменений и в формах сосудов (рис. 6, *1–12*).

Кумыш 6. Низ этого горизонта четко ограничивается хорошо фиксируемым по всей площади шурфа полом на отметках – 650–660 см. Пол представлен тонкой прослойкой коричневого мусора, под ним – глинистая подсыпка толщиной 5–10 см. В северо-восточной части шурфа частично выявлена связанная с этим полом стена толщиной не менее 1,5 м (рис. 2), принадлежащая какой-то монументальной постройке. Она сложена из сырца размерами 58×36×11 см – удалось замерить только один кирпич. Максимальная сохранившаяся высота стены в пределах шурфа составляет 1,8 м. Со временем функционирования данной постройки связан слой серого рыхлого мусора, залегающего между отметками – 660 и – 525 см, но поскольку раскопки велись горизонтальными штыками, достоверно относящимися к этому горизонту можно считать только материалы из отложений между отметками – 600–660 см (рис. 7, *36–44*).

Состав керамического комплекса коренным образом изменяется. Свыше 50% находок приходится на долю керамики с хорошим коричневым черепком без специальных примесей. Бóльшая ее часть изготовлена на гончарном круге, но

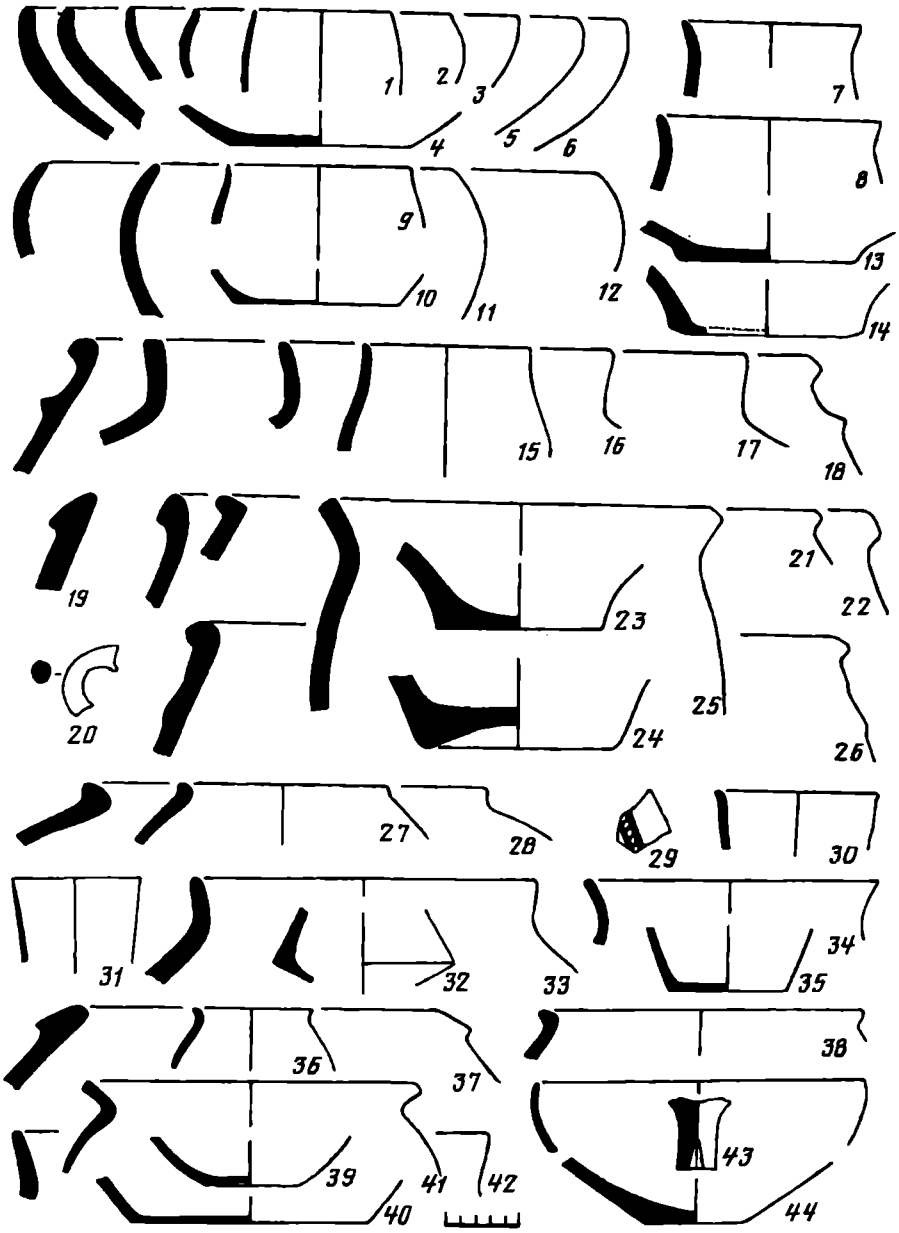


Рис. 7. Керамика из отложений с отметками 500–560 (*1–26*), 500–605 (*27–35*) и 605–660 см (*36–44*)

имеются и лепные изделия, преимущественно это крупные тарные сосуды. В коллекции имеется подтреугольный венчик лепного хума (рис. 7, *37*). На круге изготовлялись корчаги с объемистым, видимо, шаровидным резервуаром, завершающимся коротким венчиком-оттибом (рис. 7, *38*), а также небольшие горшки (рис. 7, *36*), чаши и вазы на высокой ножке (рис. 7, *43*). Особую группу составляет круговая керамика с плотным темно-красным ангобом, представленная преимущественно чашевидными изделиями (рис. 7, *44*). Часть этой керамики поверх ангоба имела лощение. В этот период стали формироваться на круге некоторые сероглиняные изделия, но большинство керамики этой группы продолжало изготовляться вручную. Количество сероглиняной керамики в отложениях данного горизонта сокращается до 20%. Довольно многочисленной продолжает оставаться кухонная керамика, следует отметить, что в этот период исчезают безгорловинные горшки с загнутым внутрь краем, столь характерные для периодов Кумыш 4 и 5. Как зарождение новой традиции следует рассматривать появление пока еще немногочисленной кухонной керамики,

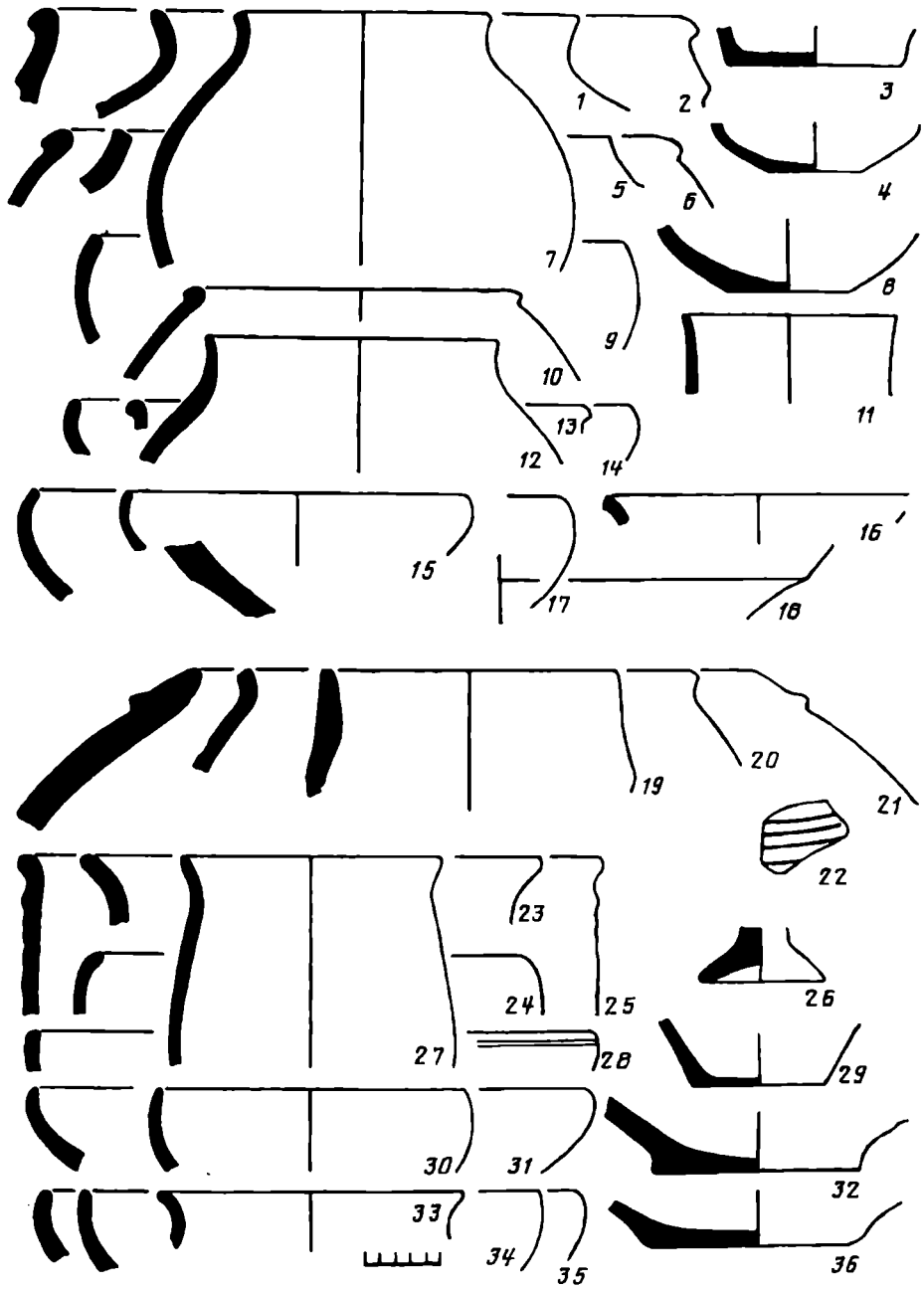


Рис. 8. Керамика из отложений с отметками 370–390 (*1–18*) и 390–410 см (*19–36*)

содержащей в качестве отощающей примеси шамот. Начиная с отложений этого горизонта в шурфе появляются керамические кружки́ с центральными отверстиями и без таковых, выточенные из стенок сосудов. Диаметр их 2,5–6 см. Края обычно неровно оббиты, форма неправильная, что заставляет усомниться в их использовании как пряслиц. Скорее всего кружки без отверстий выполняли роль игральных фишек или небольших крышек, а диски с отверстиями могли использоваться для фиксации фитилей светильников или как ткацкие грузила.

Датировка этого комплекса представляет значительные трудности из-за малочисленности керамического материала и его сильной фрагментированности. Но, основываясь на появлении круговой керамики, особенно чаш с темно-красным ангобом, этот комплекс можно отнести к эпохе поздней бронзы (период Намазга VI).

Кумыш 7. Этот горизонт объединяет многочисленные слои запустения, залегающие между отметками – 265 и – 590 см. Выделяются три основных слоя. Нижний представ-

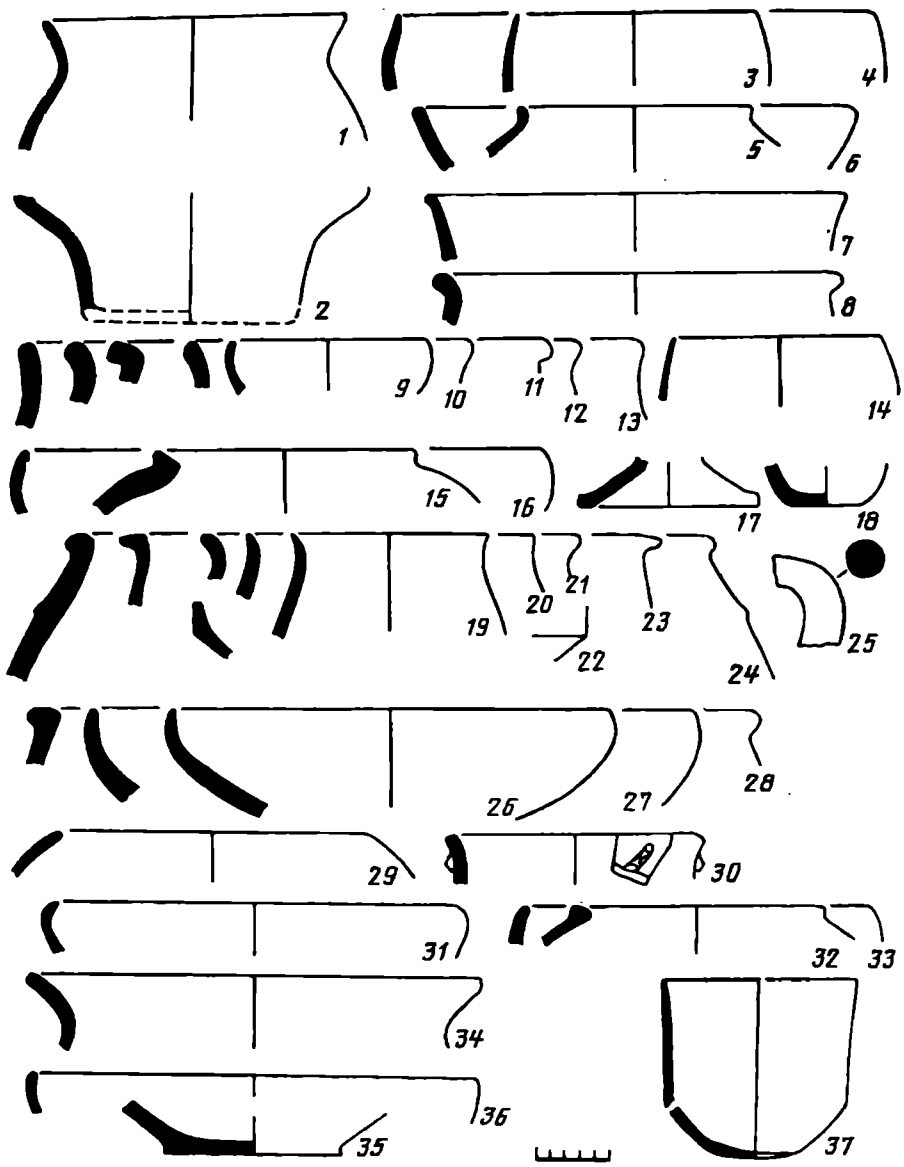


Рис. 9. Керамика из отложений с отметками 240–260 (*1–8*), 280–335 (*9–25*) и 335–370 см (*26–37*)

ляет собой единовременную каменную засыпку руин глинобитных строений предшествующего периода. Большинство камней имеет диаметр 4–8 см, но в самом низу встречены несколько булыжников, имеющих в поперечнике до 40 см. Камни перемежаются с рыхлым мусором, насыщенным фрагментами керамики и костями животных. Толщина слоя значительно увеличивается в северном направлении. Средний слой образован систематическими сбросами бытового мусора, в этих отложениях наиболее мощной является прослойка рыхлого коричневого мусора. Третий, верхний слой состоит из плотного серого мусора. Отложения данного слоя формировались постепенно в течение длительного времени, в его толще на разных уровнях обнаружены зольные линзы и даже плохо сохранившаяся сырцовая стена (рис. 2). Общая толщина плотного серого мусора местами превышает 2 м. Все эти слои залегают со значительным наклоном, поэтому при раскопках, осуществлявшихся горизонтальными штыками, не удалось четко вычленить материалы из каждого слоя. Можно лишь отметить, что существенной разницы в их содержимом нет и они, вероятно, представляют отдельные этапы одной эпохи.

В отложениях седьмого горизонта обнаружено свыше тысячи фрагментов керамики.

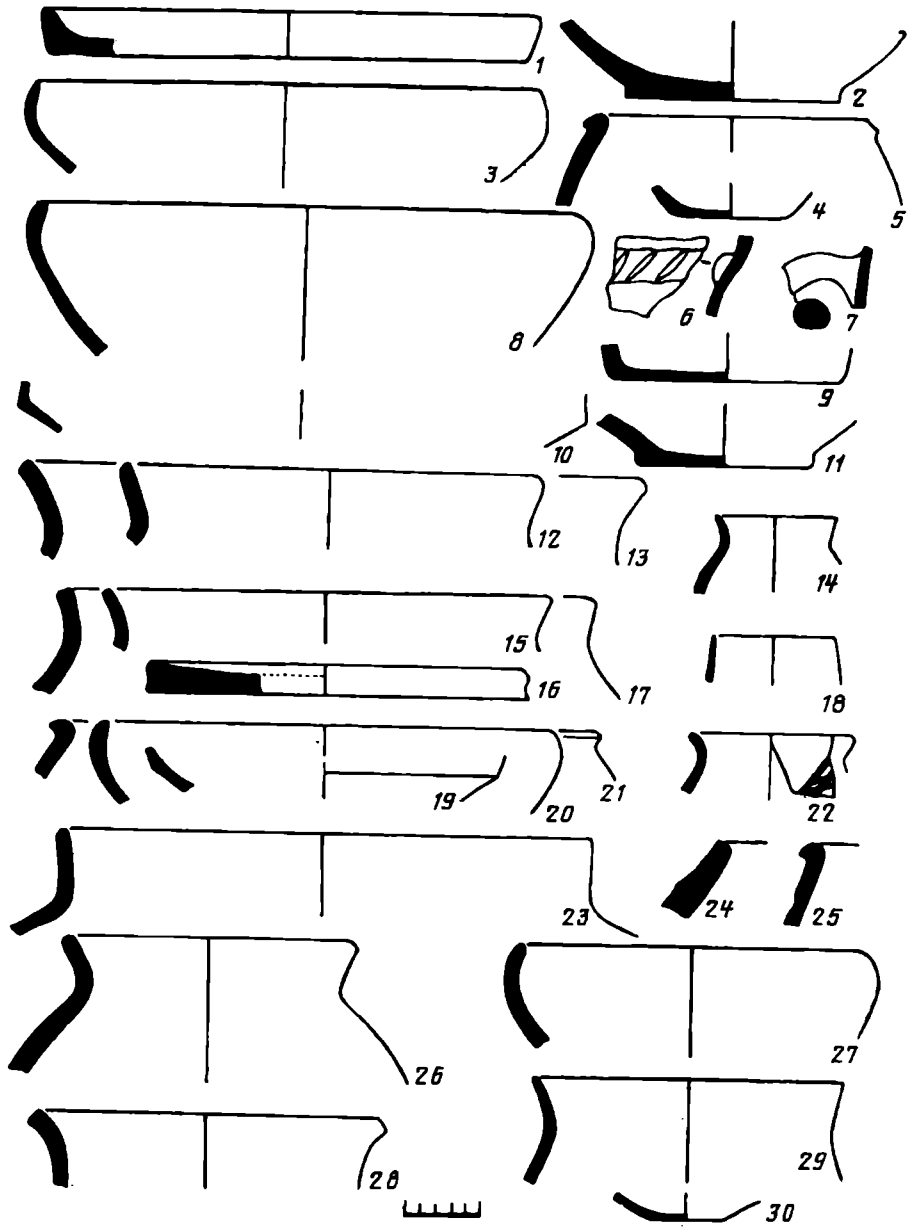


Рис. 10. Керамика из отложений с отметками 410–500 см

Но ценность этого сравнительно большого собрания относительно невелика, так как обнаруживается смешение материалов разных эпох – поздней бронзы и раннего железа – и в условиях плохого знания местного материала возникают трудности с хронологическим определением части находок. К поздней бронзе определенно относятся фрагменты крупных кругового изготовления корчаг с сильно раздутым туловом и невысоким утолщенным отогнутым наружу подтреугольным венчиком (рис. 7, *27*, *28*). Вероятно, этим же сосудам принадлежат вогнутые придонные подкосы (рис. 8, *3*, *18*), на некоторых из них сохранились отпечатки чашевидных форм-подставок. К эпохе поздней бронзы относятся чашевидные сосуды, имеющие форму шаровидных сегментов с загнутым внутрь краем и покрытые, обычно с двух сторон, плотным темно-красным ангобом. Часть подобных изделий была снабжена высокими ножками (рис. 9, *17*). К эпохе бронзы относятся также небольшие вогнутые донца крупных горшковидных сосудов (рис. 7, *24*).

К эпохе раннего железа определенно относятся две группы керамики. Первая – лепная керамика с примесью шамота (иногда шамот сочетается с минеральными

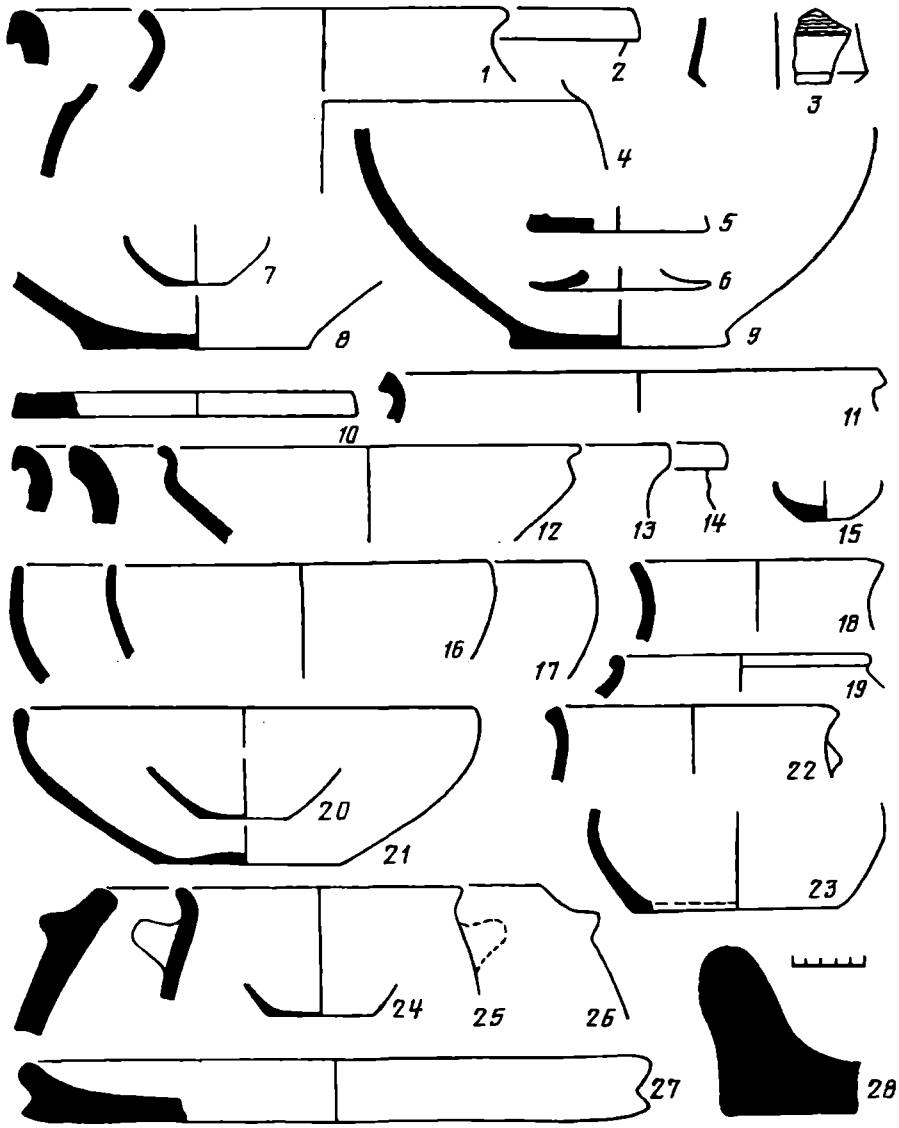


Рис. 11. Керамика из отложений с отметками 140–240 см

добавками), представлена преимущественно крупными корчагами с невысокими раструбообразными горловинами (рис. 10, *12*, *13*, *15*, *17*, *26*). Часть подобных сосудов была снабжена дисковидными поддонами (рис. 10, *2*, *11*; рис. 8, *32*). Вторая группа представлена всего двумя фрагментами. Это лепные сосуды с росписью. Черепок в изломе светло-коричневый или желтоватый, в керамическую массу добавлены мелкоизмельченный шамот и минеральные частицы, внешняя поверхность светло-серая, роспись выполнена коричневой краской – вероятно, это треугольники с сетчатой штриховкой. Один фрагмент принадлежит небольшому горшочку с плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 10, *22*). По фактуре черепка и характеру росписи эти фрагменты обнаруживают сходство с расписной керамикой эпохи раннего железа других районов подгорной полосы Копетдага (Марущенко А.А., 1959; Пилипко В.Н., 1986). Большая часть находок из этого слоя также принадлежит к эпохе раннего железа или поздней бронзы, но четкое разделение этих комплексов в условиях плохого знания материалов западной части Ахала затруднительно. Среди них особо следует отметить черноглиняные чаши, близко напоминающие гирканские триподы (рис. 10, *20*), хотя следов прикрепления ножек на имеющихся фрагментах обнаружить не удалось. В значительном количестве встречена керамика более ранних эпох. В целом по наиболее позднему материалу отложения седьмого горизонта следует относить к эпохе

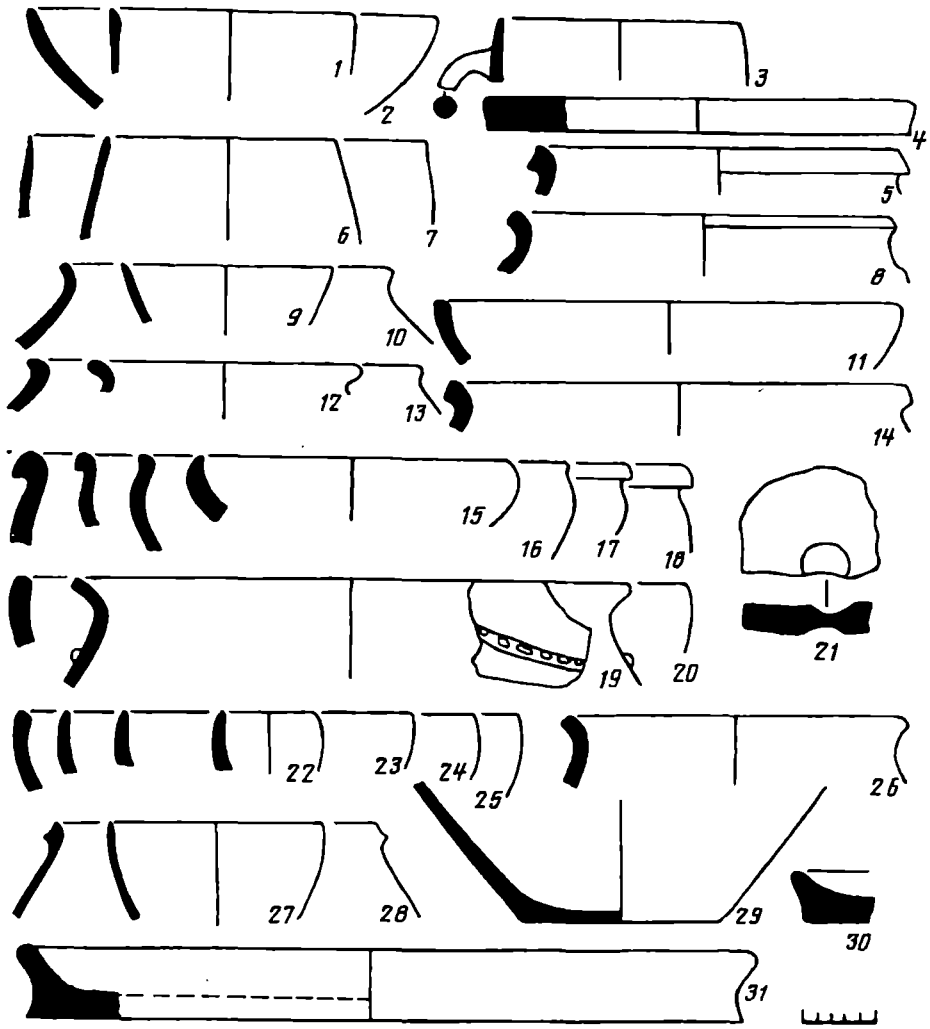


Рис. 12. Керамика из отложений с отметками 0–140 см

раннего железа, отмечая при этом обильную примесь фрагментов керамики времени Намазга VI.

Кумыш 8. К этому горизонту отнесены отложения между двумя четко выраженными "полами", отмеченными гравийными прослойками. Нижний уровень имеет отметки 265–350, а верхний 140–180 см ниже репера (рис. 2). Существенных отличий в структуре отложений в сравнении с предшествующим периодом нет. Архитектурные остатки в шурфе не зафиксированы. Горизонт представлен наклонно залегающими мусорными слоями. Можно лишь отметить иное направление наклона: если раньше падение уровня древних поверхностей имело направление с северо-запада на юго-восток, то теперь оно становится противоположным.

Как и в предшествующем горизонте, здесь обнаружен мешанный материал эпохи поздней бронзы и раннего железа, представленный теми же фактурными группами и формами сосудов (рис. 9, *1–18*; рис. 11, *10–28*), за единственным исключением – здесь отсутствуют и ранее редкие находки расписной керамики. Случайность это или хронологический показатель, могут определить лишь более широкие археологические исследования.

Кумыш 9. Горизонт представлен плотной глинобитной структурой, возможно, специальной нивелировочной забутовкой. Снизу этот слой ограничен упомянутой выше щебнистой поверхностью с отметками – 140-180 см, а сверху – полами вышележащего горизонта, расположенными на отметках – 100–110 см. Архитектурные остатки здесь также отсутствуют.

Как и в нижележащем слое, в отложениях периода Кумыш 9 представлен мешанный материал эпохи поздней бронзы и раннего железа. Но если раньше это смешение отчасти можно было объяснять методическим несовершенством раскопок горизонтальными штыками, то в данном случае это объяснение неприемлемо, так как и из однородной засыпки III яруса также получен мешанный материал (рис. 12, *15–31*). Состав находок примерно тот же, что и в предшествующем горизонте. Особо следует отметить находку из IV яруса – фрагмент тонкостенного черноглиняного биконического сосуда, украшенного параллельными рядами тонких процарапанных линий (рис. 11, *3*). Этот фрагмент относится к так называемой актепинской керамике, характерной для центральной части подгорной полосы Копетдага в период Намазга IV, и в данном случае явно представляет собой инородную примесь.

Кумыш 10. Горизонт представлен плохо сохранившейся пахсовой (?) стеной шириной около 1 м, пересекающей шурф с юго-запада на северо-восток. Основание стены и связанные с ней полы находятся на отметках – 100–110 см. К северо-западу от стены расположен плотный слой мусора, а к юго-востоку от стены мусор более рыхлый, в нем встречаются натечные включения. На отметках – 40–80 см наклонно залегает прослойка зеленоватого мусора, фиксирующего какую-то древнюю поверхность (рис. 2).

Основная масса керамики из этих отложений может быть отнесена к эпохе раннего железа – периоды РЖ II и III по нашей периодизации (Пилипко В.Н., 1986). Она имеет красно-коричневой гаммы хорошего качества черепок, внешняя поверхность красно-коричневая, желтая или беловато-серая. Вся эта керамика за исключением некоторых хумов изготовлена на гончарном круге быстрого вращения. Находки представлены мелкими фрагментами, не дающими полного представления о форме изделий. Есть венчики корчаг в виде слабовыраженных утолщенных с наружной стороны отгибов. У некоторых изделий ниже венчика выделено ребро, сопровождающееся некоторым искривлением профиля стенки. Четких манжетовидных или клювовидных венчиков в отложениях данного горизонта не обнаружено[2], хотя есть венчики как бы переходных вариантов от клювовидных к манжетовидным (рис. 12, *5*). Другой достаточно представительной формой являются слегка наклоненные внутрь венчики тонкостенных сосудов (рис. 12, *6*). Эти венчики, вероятно, принадлежат сосудам типа тюльпановидных бокалов (Пилипко В.Н., 1986). В рассматриваемом слое наряду с изделиями этекского типа присутствуют фрагменты черноглиняных лощенных чаш, характерных для Гиркании (рис. 12, *2*). Возможно, гирканской формой является также венчик кружки с круглой в сечении ручкой (рис. 12, *3*). Как и в предшествующих горизонтах, в небольшом количестве присутствует керамика более древних эпох.

Таким образом, стратиграфические исследования позволили выявить основные этапы функционирования древних поселений, существовавших на месте Кумыш-депе. Древнейший поселок на месте холма возник на позднем этапе периода Намазга I, что в абсолютном выражении может определяться как конец V или начало IV тыс. до н. э. Затем непрерывно или с небольшими перерывами поселение продолжало функционировать еще несколько исторических периодов, хронологически соответствующих Намазга II и, вероятно, Намазга III. В эти эпохи поселение, по-видимому, достигло значительных размеров, и его контуры почти соответствовали контурам современного холма, т. е. площадь его составляла около 3 га. В дальнейшем в истории поселения наступил долгий и глубокий кризис, но жизнь на нем, вероятно, полностью не замерла. На это указывают находки отдельных фрагментов керамики, характерной для периода Намазга IV (рис. 11, *3*). Новый активный период функционирования приходится на эпоху поздней бронзы и раннего железа – конец II – первая половина I тыс. до н. э. К сожалению, в шурфе эти слои сильно перемешаны. Относительно четко выделяются лишь самый древний слой периода поздней бронзы – Кумыш 6 – и самый

[2] Подобные находки имеются среди подъемного материала наряду с обломками типичных для этого времени небольших цилиндроконических кубков ("банок").

поздний периода раннего железа – Кумыш 10, который хронологически соответствует комплексам типа Яз II и РЖ II. Общая толщина слоев эпохи поздней бронзы и раннего железа достигает 6,5 м. Участок, затронутый шурфом, в это время большей частью оставался незастроенным, сюда многократно сбрасывался мусор, и в результате перекопов произошло значительное смешение слоев.

Кумыш-депе – на сегодняшний день самый западный пункт обнаружения расписной керамики эпохи раннего железа, если не принимать во внимание своеобразные находки с Чиле-депе, расположенного около селения Бами (Вдовин В.Ю., Мурадова Э.А., 1993). Судя по топографии находок и конфигурации холма, поселение этого времени занимало лишь центральную часть холма, площадь его составляла около 1 га. В месте заложения шурфа над слоями раннего железа непосредственно расположен пол какого-то здания периода развитого средневековья (XIII–XIV вв.). Однако подъемный материал свидетельствует о том, что на холме существовало небольшое поселение периода раннего средневековья. На поверхности холма собраны фрагменты керамики, аналогичной материалам комплекса Яндаклы III, датируемого IV–V вв. н. э. (Вдовин В.Ю., 1992). Среди них наиболее показательны находки хумов на небольшой неустойчивой ножке. Поселение этого времени, видимо, было небольшим; судя по концентрации соответствующих находок, оно располагалось на юго-западном склоне холма.

После значительного перерыва на холме, вероятно, возникла какая-то небольшая усадьба X–XII вв., на что указывают редкие находки поливной керамики с росписью черной краской по белому фону. Последний период активного функционирования поселения на Кумыш-депе относится к XIII–XIV вв. В это время был застроен практически весь холм и даже часть прилегающей к нему равнины. Из числа находок этого времени особо можно отметить почти целый каменный котел и донце глазурованного блюда с изображением хоровода черных рыбок на синем фоне. После XIV в. поселение приходит в окончательное запустение, материалы более позднего времени здесь не обнаружены за исключением четырех серебряных монет сефевидского времени: они относятся к чекану шаха Тахмаспа I (Массон М.Е., 1955, с. 234) и, вероятно, представляют клад, спрятанный в развалинах, уже оставленных людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вдовин В.Ю., 1992. Итоги исследования поселения Яндаклы-депе // Археологические исследования в Туркменистане. Ашгабат.

Вдовин В.Ю., Мурадова Э.А., 1993. Стратиграфические исследования на Чиле-депе // Изв. АН Туркменистана. Сер. гуманит. наук. № 3. Ашгабат.

Ганялин А.Ф., 1956. К стратиграфии Намазга-тепе // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. 2. Ашхабад.

Курбансахатов К., 1987. Энеолит Анау. Ашхабад.

Литвинский Б.А., 1953. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. (рекогносцировка района Безмеин – Кизыл-Арват) // Тр. ЮТАКЭ. Т. 2. Ашхабад.

Марущенко А.А., 1959. Елькен-депе // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. 5. Ашхабад.

Массон М.Е., 1955. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948–1952 гг. // Тр. ЮТАКЭ. Т. 5. Ашхабад.

Массон М.Е., 1956. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // Тр. ЮТАКЭ. Т. 7. Ашхабад.

Пилипко В.Н., 1986. Ранний железный век Этека // Информ. бюл. Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 11. М.

Хлопин И.Н., Хлопина Л.И., 1984. Поздний энеолит Юго-Западного Туркменистана // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. № 3. Ашхабад.

Институт истории АН Туркменистана, Ашхабад

Институт археологии РАН, Москва

K. KURBANSAKHATOV, V.N. PILIPKO

STRATIGRAPHY OF KUMYSH-DEPE

(Turkmenistan)

Summary

Kumysh-depe located at a distance of 72 km to the north-west of Ashkhabad near the village Devkala, is an archeological site typical for the mountainous range of Kopetdag: remains of several ancient settlements that were sporadically reborn on the same place. Total dating of the site covers several millenia. Stratigraphic analysis conducted has revealed cultural layers with a total thickness of 12.75 m (Fig. 2). 10 stratigraphic layers have been identified. The earliest layer dates to the Namazga I period (the end of the fifth-the beginning of the fourth millenia BC). Then the settlement continued its functioning during the period of Namazga II and Namazg III when its area became the largest (around 3 hectares). A new active period of its functioning dates to the Late Bronze Age and the Early Iron Age. Layers that represent these ages are very mixed. Total thickness of the layers reaches 6.5 m. Two fragments with an Early Iron Age painting (Fig. 8. *22*) found among other artifacts are of particular interest. As of today, Kumysh-depe is the most western point of such finds. From the middle of the first millenium BC to the beginning of the Mongol invasion the hill was developed only sporadically. There are no artifacts of this age in the pit, but they have been found in the pick-up artifacts (collected from the surface). The last period of the settlement active functioning falls on the thirteenth – the fourteenth centuries AD.

В.А. БОРЗУНОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ПРИКАМЬЯ

(городище Алтен-Тау)

История изучения ананьинских древностей на протяжении последних 140 лет отмечена как взлетами творческой мысли, так и периодами относительно спокойного накопления и осмысления новых данных. Время, прошедшее после выхода известных монографий В.А. Иванова (1982; 1984), С.В. Кузьминых (1983) и В.Ф. Генинга (1988), на наш взгляд, в основном более соответствовало последней характеристике. Памятников раскапывалось достаточно много, однако из-за ограниченных издательских возможностей введение в научный оборот результатов последних исследований задерживалось на многие годы. Эта участь постигла также бóльшую часть коллекции предметов и остеологических остатков раннего железного века, собранных в ходе раскопок на городище Алтен-Тау – одном из наиболее полно и детально исследованных укрепленных поселений ананьинской культурно-исторической общности.

В предыдущей статье (Борзунов В.А., 1997) мы ознакомили читателей с историей изучения, топографией, стратиграфией, мезолитическим комплексом и ананьинскими оборонительными сооружениями этого многослойного памятника. Напомним, что он расположен на р. Нижняя Мулянка в Среднем Прикамье, в окрестностях г. Перми. В 1951 и 1959 г. городище исследовалось В.Ф. Генингом, в 1958 г. – Е.Н. Черныхом (раскопы I–III) (Черных Е.Н., 1959), в 1980–1982 гг. – автором статьи (раскопы IV–VII). Общая площадь памятника – 4800 м^2, всех раскопов – около 1200 м^2, в том числе раскопов IV–VII — 845 м^2. Сейчас мы имеем возможность опубликовать материалы раннего железного века, полученные в процессе последних работ на холме Алтен-Тау. Эти находки относятся к трем последовательно сменявшим друг друга ананьинским укреплениям и предполагаемому раннегладеновскому селищу, основанному поверх остатков разрушенных городков.

Коллекция материалов периода раннего железа из раскопов IV–VII (без учета остеологических остатков), а также из сборов разных лет краеведа Р.А. Галина на месте старых раскопов (12 предметов) насчитывает 5817 ед. хр. В из числе – 5541 фрагмент керамики (97% всего массива находок), остальное – изделия из кости, камня, глины и металлов. Основная часть этих предметов залегала в валу и слоях поселенческой площадки, соответствовавших разным этапам развития городища.

Керамика (рис. 1; 2). Посуда, найденная на памятнике, относится глвным образом к ананьинской культуре и частично – к формирующейся на ее основе в Пермском Прикамье гляденовской. Точнее, как установлено ранее Е.Н. Черныхом, этот комплекс «... иллюстрирует эволюцию позднеананьинской керамики и намечающийся переход ее в гляденовские формы» (Черных Е.Н., 1959, с. 160). Скурпулезный анализ достаточно представительной коллекции 1958 г. (более 700 сосудов), выполненный этим исследователем, освобождает нас от излишней детализации и позволяет сосредоточиться на основных, визуально фиксируемых характеристиках нашей керамики.

Без учета миниатюрных сосудов с диаметром по венчику менее 10 см посуда из раскопов IV–VII представлена 1050 обломками шеек с венчиками и 4585 фрагментами стенок, придонных частей и днищ. По 997 обломкам шеек выделено не менее 672

© В.А. Борзунов, 1997 г.

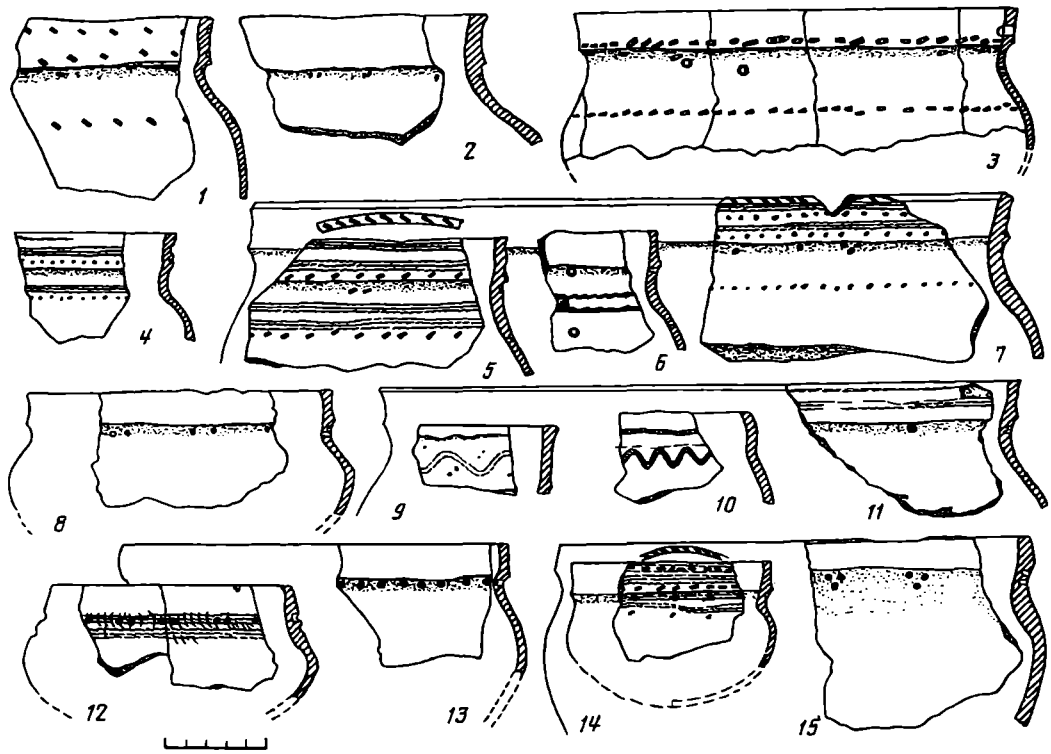


Рис. 1. Городище Алтен-Тау. Ананьинская и ананьинско-гляденовская керамика

сосудов – глиняных круглодонных чаш, горшков и мисок ручной лепки, подразделяющихся на две группы: с характерным наплывом-«воротничком» с внешней стороны шейки (409 экз. – 60,1% сосудов) и без такового (263 экз. – 39,1%). Керамика желтых, серо-желтых, серых и розоватых тонов. Изготовлена из глины с добавлением толченой раковины (84,1% – сосудов), реже – с примесью только шамота, органики и песка. Обжиг посуды неравномерный, костровый. Венчики сосудов в основном плоские и уплощенные (89%), различных разновидностей – горизонтально скошенные наружу, реже – с карнизиком и грибовидные; крайне мало округлых (9,5%) и приостренных (1,5%). Шейки, если таковые имеются, невысокие (1,8–5 см), слабо отогнутые и вертикальные. У отдельных чаш и мисок шейки не выделены: верхняя часть стенок отогнута наружу либо наклонена внутрь емкости сосуда (рис. 2, *9*, *16*). Орнаменты довольно бедные и разреженные, привязанные к определенным морфологическим зонам: главным образом к шейке (54,9% сосудов) и плечикам. У 45 (6,7%) сосудов рядами наклонных оттисков гребенки или гладкого штампа украшен венчик. Небольшая часть обломков без шеек, на которых имеется орнамент (170 экз. – 3,7%), очевидно, относилась к зоне плечиков сосудов. Основными элементами орнамента являются расположенные в основании шейки пояски ямок и наклонов (31,4% всех узоров)[1], на верхней части шейки и на плечиках – концентрические горизонтальные линии отпечатков шнура (28,5%), пояски редких наклонных оттисков гребенки (35,1%), в основном двузубчатой (24,8%). Большой удельный вес последнего элемента является специфической чертой керамики данного памятника. Прочие узоры – пояски скобок, ногтевых оттисков, насечек, прочерченные линии – крайне редки (5%).

Керамика обеих групп при общем сходстве имеет определенные различия. Подавляющее большинство (90%) «воротничковых» сосудов содержит в глине примесь толченой раковины. Венчики у них обычно плоские (91%), как исключение округлые (7,3%) и приостренные (1,7%). Шейки большей частью орнаментированные (68,4%

[1] В эту цифру условно включена небольшая группа обломков посуды с поясками сквозных отверстий, хотя последние несут не знаково-семантическую, а функциональную нагрузку (сосуды для производства молочнокислых продуктов и т.д.).

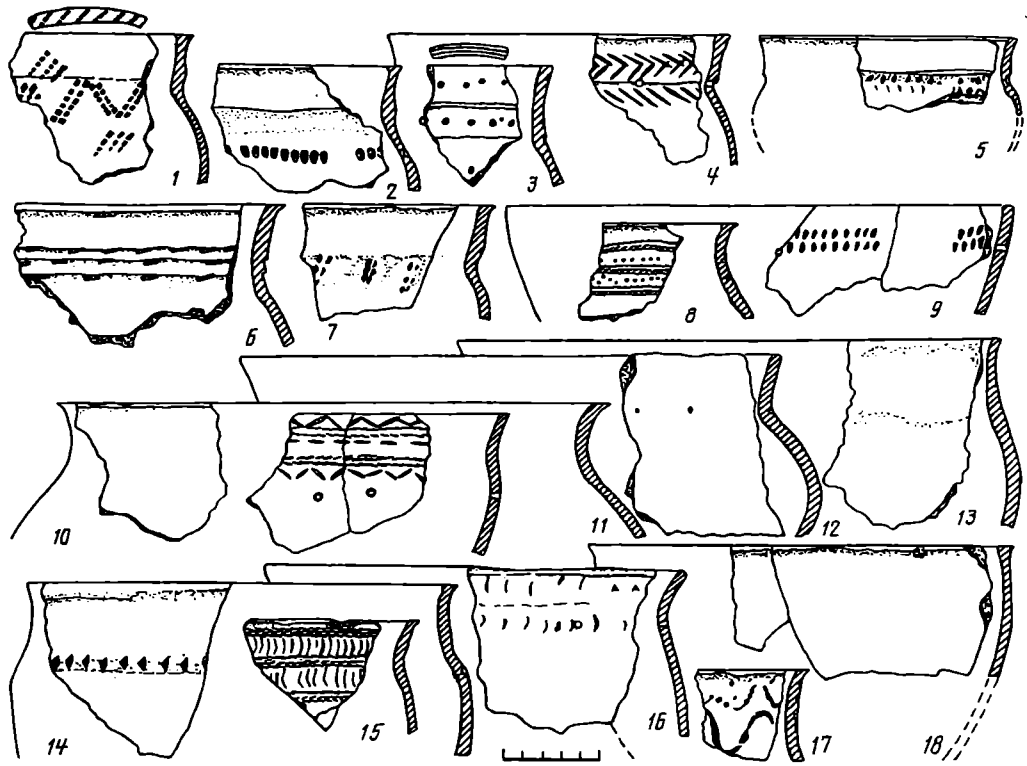


Рис. 2. Городище Алтен-Тау. Ананьинская и ананьинско-гляденовская керамика

сосудов). Венчики у «воротничковой» керамики украшались чаще, чем у «безворотничковой» (9,7 : 2,7%). Несколько больше средней нормы распределения по всему керамическому комплексу памятника на «воротничковой» посуде доля узоров, выполненных гребенчатым штампом (39,3%), в первую очередь двузубчатым (30,3%). В то же время доля ямочных и прочерченно-резных орнаментов меньше этой нормы (соответственно 27,5 и 4,5%). Что касается оттисков шнура, то их на "воротничковой" керамике несколько больше, чем на «безворотничковой» (28,7 : 26,3% всех узоров). Четверть группы «безворотничковых» сосудов не имеет примеси толченой раковины. Наряду с плоскими венчиками (86% сосудов) у «безворотничковых» емкостей достаточно часто встречаются округлые (12,9%) и лишь как исключение – приостренные (1,1%). Керамика этой группы украшалась значительно реже. В частности, у 66,2% сосудов шейки, как, впрочем, в большинстве случаев и все остальные зоны, вообще лишены орнамента. Орнаментальные композиции, если таковые имеются, составлены преимущественно ямками и оттисками шнура (44,7 и 26,3% всех узоров). Выше средней нормы распределения по комплексу у посуды этой группы доля насечек, скобок, ногтевых вдавлений, резных и прочерченных узоров (10%) и значительно ниже – гребенчатых орнаментов (19%). Процент оттисков, нанесенных двухзубчатой гребенкой, здесь вообще ничтожен (2,8%).

Для изучения тенденций развития керамического комплекса памятника весь массив находок по каждому участку в отдельности был разделен на три части в соответствии с тремя условными горизонтами: верхним (слой подзола – период позднего селища), средним (поздняя насыпь, средние слои поселенческой площадки) и нижним (ранняя насыпь, нижние слои поселения). В целом, судя по обломкам шеек сосудов, от раннего горизонта к среднему, а затем к позднему происходит постепенное уменьшение доли «воротничковой» керамики (соответственно 65,5; 59 и 44,1% всех сосудов горизонта), количества сосудов с орнаментированной шейкой (61,1; 61,9 и 33,9%) и с примесью толченой раковины в глине (91,5; 81,3 и 54,8%). В то же время постоянно увеличивается процент емкостей с орнаментированными венчиками (7; 7,5 и 28,5%), без «воротничков» (34,5; 41 и 55,9%), без орнамента на шейке (38,9; 48,1 и 66,1%) и без

примеси раковины (8,5; 18,7 и 42,2%). В позднем горизонте по сравнению с более ранними увеличивается группа посуды с округлыми венчиками (17,8%) и сокращается – с плоскими (80,6%). Определенные изменения прослеживаются и в технике орнаментации. От раннего горизонта к среднему, а затем к позднему, уменьшается удельный вес гребенчатых орнаментов (36,7; 33,7 и 31,2%), в том числе нанесенных двузубчатым штампом (25,4; 24,2 и 23,4%). Более сложна динамика других орнаментов. Сравнивая керамику нижнего горизонта с посудой верхнего, можно легко установить, что на второй несколько чаще, чем на первой, встречаются ямочные (31,2 и 29,1%), шнуровые (28,5 и 27,9%), прочерченно-резные узоры (9,1 и 6,3%). В горизонте позднего городища ямочных и шнуровых орнаментов на керамике больше, а насечек, скобок и резных меньше, чем на сосудах других горизонтов (соответственно 34,6; 29,4 и 2,3%).

Приводя эти цифры, мы совсем не склонны их абсолютизировать, как и всякие другие. Относительная неточность «абсолютных данных» объясняется не только субъективными причинами – возможными погрешностями системы подсчета и анализа, но и объективными. К последним в числе прочих можно отнести особенности залегания материалов в валах (наличие в поздних горизонтах насыпей предметов, попавших сюда при перестройках оборонительных систем из ранних слоев вала и с прилегающих участков поселенческой площадки), а также обычную для любых локальных раскопок ущербность полученной выборки. Коллекция, собранная на отдельных раскопах, всегда представляет собой только часть всего сохранившегося на памятнике керамического материала, а он в свою очередь является далеко не всей посудой, некогда использовавшейся на поселениях холма Алтен-Тау. Тем не менее, несмотря на все это, следует признать, что полученные статистические данные относительно верно отражают общие тенденции развития керамики Пермского Прикамья начала эпохи железа. В целом вся поздняя посуда памятника – переходная от ананьинской к гляденовской – становится более простой по форме и орнаментике по сравнению с ранней. Судя по отдельным реконструированным сосудам, в поздних слоях увеличивается группа закрытых и открытых мисок; изменяется форма «воротничка» – от рельефного, четко выраженного карнизика к слабопрофилированному треугольнику или сегментовидному валику; возрастает доля резных орнаментов; практически одинаковым становится количество сосудов с гребенчатыми, ямочными и шнуровыми композициями (31,2; 31,2; 28,5% всех узоров).

Сопоставляя позднюю керамику Алтен-Тау с посудой памятников пьяноборского времени – городищ Чеганда I, Федотовского, Осинского, селища Култаевского, костищ Гляденовского и Юго-Камского (Генинг В.Ф., 1959, с. 193, 194, рис. 16; 1970, рис. 43, 44; 1988, с. 146–155), можно определить, что по технике орнаментации наша керамика наиболее близка комплексам Федотовского и Осинского городищ (68,8 и 57,3% сходства) и больше всего отличается от посуды Гляденовского костища (34,1% сходства)[2]. Развитие гляденовской керамики, особенно Гляденовского костища, происходит по линии резкого увеличения доли резных узоров в ущерб всем остальным, хотя в двух комплексах – Федотовского и Осинского городищ – гребенчатый орнамент все же остается превалирующим.

В материалах городищ Алтен-Тау и Осинского встречаются сосуды с плоскими ручками (рис. 3, *8*) (Генинг В.Ф., 1959, рис. 6, *3*), происхождение которых пока неясно.

В коллекции из раскопок городища Алтен-Тау 1980–1982 гг. имеется также пять сосудиков, диаметр по венчику у которых варьирует в пределах 4,6–10 см (рис. 1, *14*; 3, *2–5*). Два из них изготовлены техникой ленточного налепа (рис. 1, *14*; 3, *5*), как и вся крупная бытовая посуда, остальные вылеплены или выдавлены из целого куска глины. Керамика серых, желтых и серо-оранжевых оттенков, обожжена на костре. В качестве примеси использовались толченая раковина и органика. Несмотря на не-

[2] Рассчитано по скорректированному методу Д. Брейнерда – В. Робинсона (Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975, с. 47, 58, 59).

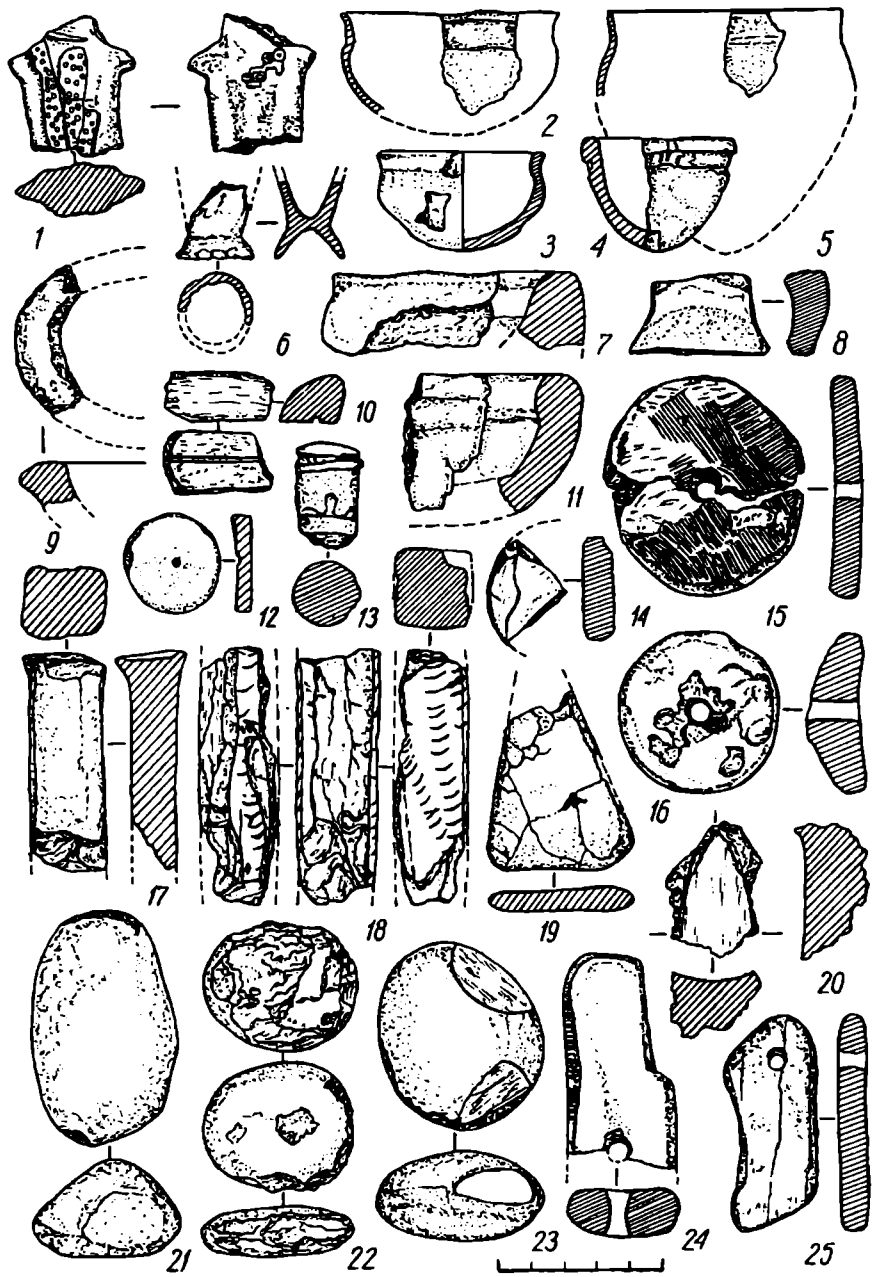


Рис. 3. Городище Алтен-Тау. Ананьинские изделия из глины (*1–13, 15–18*) и камня (*14, 19–25*)

брежность исполнения, эти миниатюрные сосуды достаточно точно воспроизводят основные ананьинские формы – чаши и горшки, а также их детали – невысокие, слабо отогнутые шейки, «воротнички», округлые днища. Два сосудика украшены орнаментом – ямочным, гребенчатым и шнуровым. Кроме того, найден обломок грубо вылепленного рюмковидного горшка или котла с поддоном диаметром 2,2 см (рис. 3, *б*). Сходные малые емкости довольно часто встречаются на ананьинских и гляденовских памятниках. Е.Н. Черных определил сосудики городища Алтен-Тау «... как игрушечные, изготовленные детьми» (Черных Е.Н., 1959, с. 157), хотя не исключены или даже более вероятны другие версии. Это могут быть культовые, парфюмерные или другие предметы. А.В. Збруева при описании одного из таких изделий употребила термин «тиглеобразный сосудик» (Збруева А.В., 1952, с. 258), А.Х. Халиков в свое время установил, что чаши и горшки с диаметром по венчику менее 10 см являются особой, часто встречающейся в ананьинских могильниках разновидностью погре-

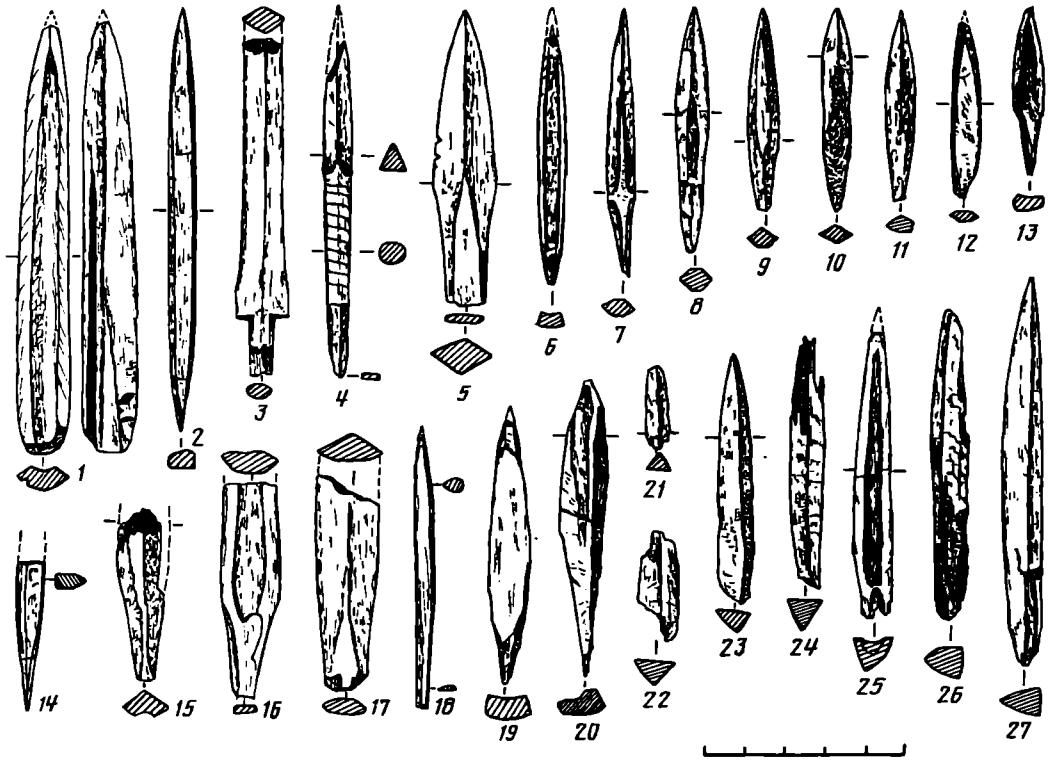


Рис. 4. Городище Алтен-Тау. Ананьинские наконечники стрел из кости

бальной посуды (Халиков А.Х., 1977, с. 229, 233, рис. 88, 90, *5*, *7*, 91, *1*, *3*). Ритуальный посудой, погребальным инвентарем, погребальными урнами, жертвенными сосудами считали мелкие керамические формы В.Ф. Генинг и Ю.А. Поляков. Это логично: на ритуальных памятниках гляденовской культуры, в том числе на Гляденовском костище, малые емкости диаметром до 15–16 см составляли 60–70% всего керамического комплекса (Генинг В.Ф., 1988, с. 147, 152, 157, рис. 37; Поляков Ю.А., 1967, с. 204, 209).

Вещевой комплекс и датировка памятника раннего железного века. Наиболее представительной категорией находок после керамики являются изделия из кости и самая массовая их разновидность – наконечники стрел (61 экз.) (рис. 4; 5). Основная часть последних представлена отслужившими свое время орудиями – сломанными или со следами дефектов (46 экз.). Вместе с тем имеется 13 целых предметов и 2 заготовки. Длина минимально поврежденных и целых экземпляров варьирует в пределах от 4,1 до 11,3 (в среднем 6,3) см, ширина – от 0,5 до 1,5 (в среднем 0,76) см. Преобладают короткие и средней величины относительно узкие изделия: соотношение ширины и длины у них от 0,06 до 0,21 (в среднем 0,12). Наконечники черешковые, различных модификаций (40 экз.) и бесчерешковые с плавно сужающимся книзу пером, переходящим в насад, игловидной и листовидной формы (10 экз.), включая один с округлым основанием (рис. 4, *1*). Большинство наконечников обоих типов имеет треугольное сечение (39 экз.), меньше изделий четырехгранного, многогранного и сложного профиля (19 экз.). Следует подчеркнуть, что стрелы последних разновидностей ранее на городище не находили (Черных Е.Н., 1969, с. 160). Наиболее оригинальны крупные наконечники (рис. 4, *1–5*, *16*, *17*), малые и средние довольно стандартны. Судя по форме и размерам, преобладали орудия, предназначенные для охоты на пушного зверя и птицу. Вероятно, стрелы с малыми и средней величины костяными наконечниками могли использоваться и в качестве боевых наряду с бронзовыми. Такое оружие довольно легко изготовить и в большом количестве; кроме всего прочего, на производство его не требовалось тратить ценный металл. Мас-

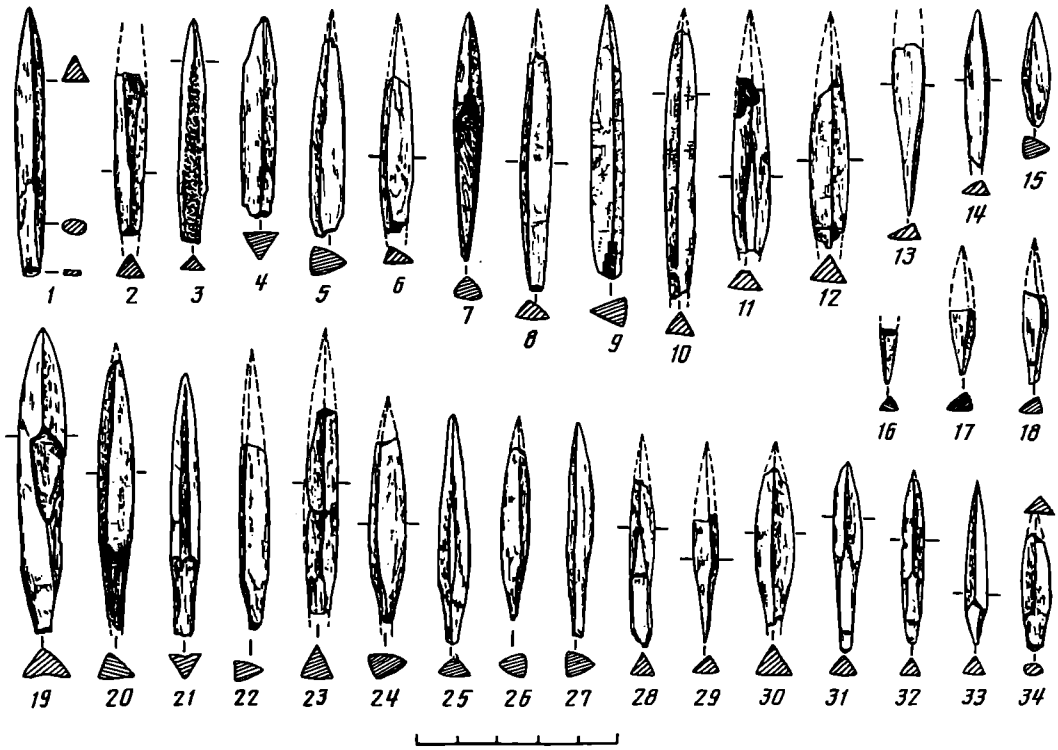


Рис. 5. Городище Алтен-Тау. Ананьинские наконечники стрел из кости

сивных костяных наконечников стрел для добычи крупных мясных животных в коллекции мало.

Среди других предметов из кости и рога выделяются ручки ножей и шильев (рис. 7, *18–21*), проколки и острия (рис. 6, *18–21*), «пуговица» (рис. 6, *11*), трехдырчатый псалий (рис. 6, *7*), а также группа орудий в виде пластинок с заостренными или прямыми концами (рис. 7, *1–6, 9–16*). Последние обычно определялись как кочедыки (Збруева А.В., 1952, с. 244, 245; Черных Е.Н., 1959, с. 160, 161), но не исключено, что часть этих форм относилась к псалиям или предметам иного назначения. Три изделия – с одним-двумя сквозными отверстиями и стилизованными резными головками животных (теленка, лошади, медведя) (рис. 6, *2–4*) – являются хорошо известными по находкам на других памятниках раннего железного века Приуралья псалиями или амулетами (Вечтомов А.Д., 1962, с. 87; рис. 36, *1, 2*; Збруева А.В., 1952, табл. XXIV, 10, XXXIX, *10–12*; Корепанов К.И., 1981, с. 131, 132). Все они вырезаны из костей (метаподий) медведя[3]. Сходное с ними стилизованное зооморфное изображение, изготовленное из треугольной межчелюстной кости лося (рис. 6, *1*), также напоминает орудия, которые А.В. Збруева интерпретировала как рыболовные крючки (Збруева А.В., 1952, табл. XLIV, *3–5*). Достаточно обычными для ананьинских памятников Прикамья являются найденные на городище бабки лошади с глубокими продольными коническими углублениями (13 экз.), а также мелкие косточки (первые фаланги) бобра и медведя с поперечными сквозными отверстиями (рис. 6, *13–17*). Обе эти категории предметов могут рассматриваться как амулеты. Уникальными находками следует признать антропоморфную пряжку из рога (рис. 6, *5*), браслет-ожерелье из 17 мелких первых и вторых фаланг лисицы или зайца (рис. 6, *12*), накладку из рога лося, покрытую резным орнаментом (рис. 6, *8*). Рисунок на последней разными исследователями трактуется неоднозначно. Одни видят в нем головку грифона, другие – фигуру водоплавающей птицы. По нашему мнению, здесь изображена «сцена

[3] Видовое определение костных остатков, из которых изготовлены орудия, выполнено кандидатом биологических наук П.А. Косинцевым.

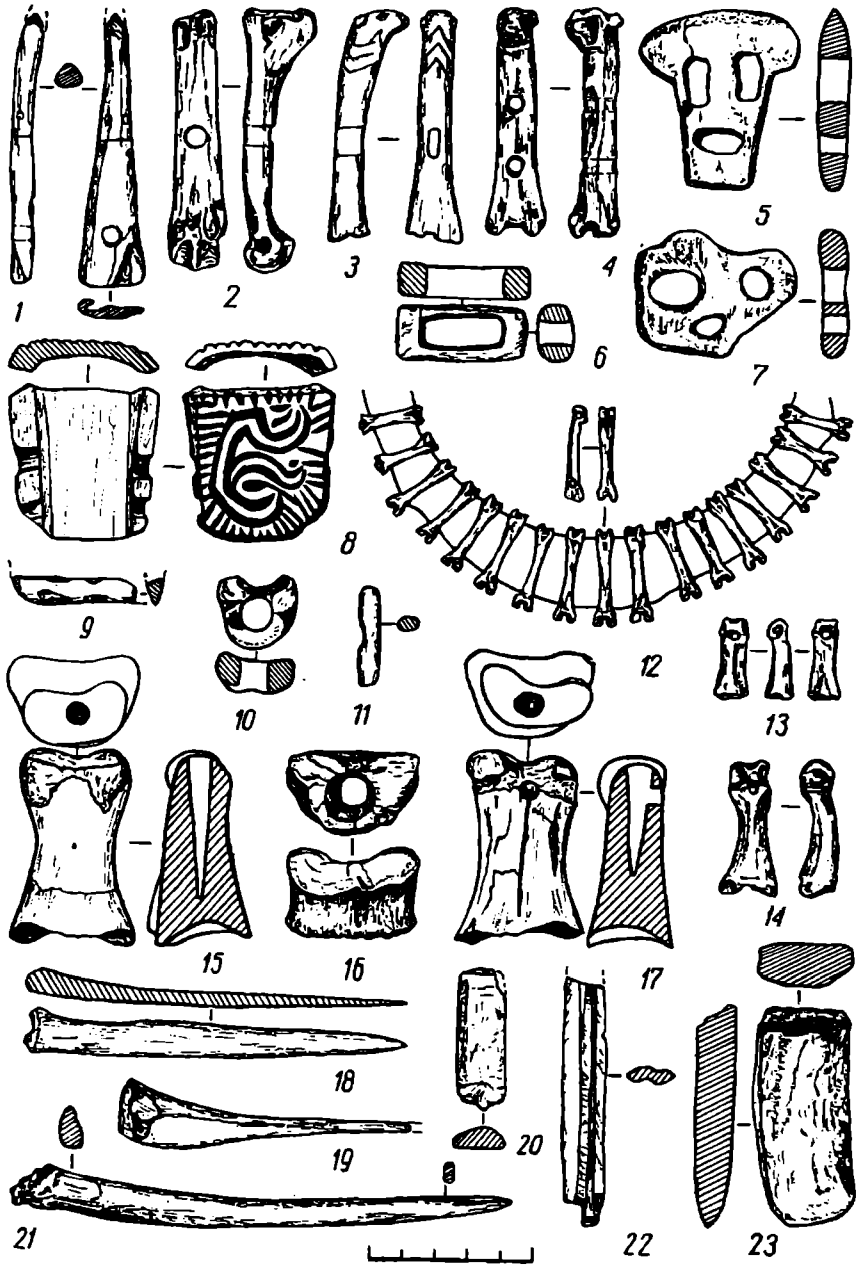


Рис. 6. Городище Алтен-Тау. Ананьинские изделия из кости

терзания», выполненная в «зверином стиле», близком к скифо-сарматскому. В центре композиции просматривается некое крупное животное со склоненной головой (возможно, лошадь), между ногами которого находится голова и шея какой-то птицы. От фигур идут резные «лучи», вероятно, выполнявшие только роль фона.

Предметы из глины и обломков глиняной посуды представлены одним лепным и семью керамическими кружками-маховичками, в том числе двумя заготовками (рис. 3, *12*, *15*, *16*), двумя фрагментами сильно прокаленных глиняных стержней неопределенного назначения, включая одно, орнаментированное рядами ногтевых оттисков (рис. 3, *17*, *18*), а также верхними частями четырех чашевидных тиглей (рис. 3, *7*, *9–11*). Один обломок тигля был использован вторично: на нем пропилен неглубокий узкий канал (рис. 3, *10*). Точное назначение нового орудия установить трудно: возможно, оно использовалось как абразив для заточки игл и шильев, в качестве формы для отливки этих изделий и т.д. Столь же неясно использование дошедшего до нас в виде обломка сильно прокаленного глиняного цилиндра диаметром 1,8 см (рис. 3, 13). В качестве

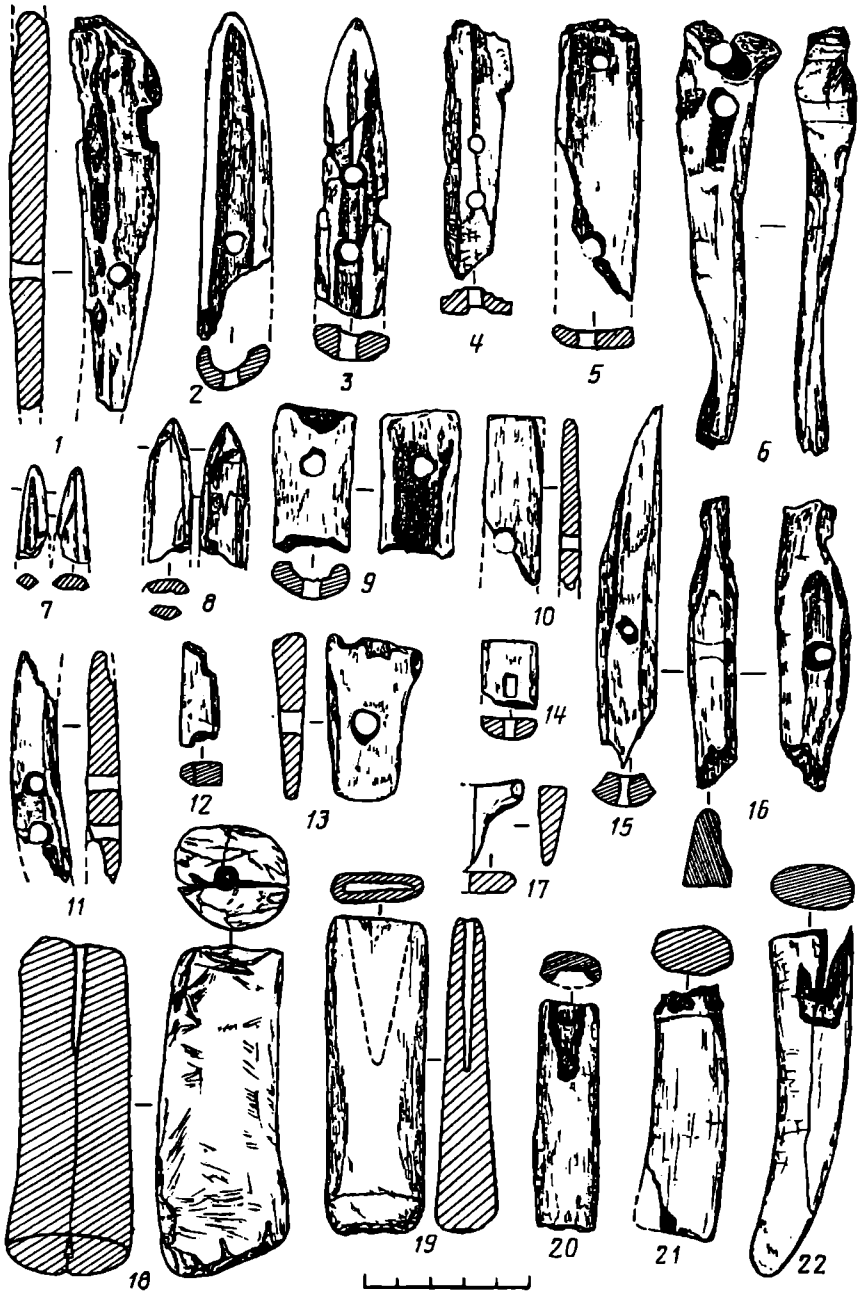


Рис. 7. Городище Алтен-Тау. Ананьинские изделия из кости

одной из версий можно допустить применение его как вкладыша при отливке крупного втульчатого орудия.

Вместе с тем самым замечательным изделием из глины, найденным на городище. является обнаруженная под очагом 8 (уч. Ж/10) (Борзунов В.А., 1997, рис. 8) горизонта поздней ананьинской фортификации фигурка мужчины с гривной (?) на шее, одетого в легкий распашной кафтан (рис. 3, *1*). Последний оторочен по краям широкой полосой, орнаментированной полой трубочкой, в свою очередь окаймленной по обеим сторонам более узкими полосками. Орнамент, вероятно, изображает мех. Под кафтан надета рубаха с вырезом, украшенная таким же «кольчатым» узором. На спине верхняя одежда покрыта сложным орнаментом. При этом вся одежда не просто изображена резьбой или рельефом, что обычно для подавляющего большинства керамических фигурок, а искусно налеплена тонким слоем глины на "голое" тело человека, затем разделена на верхнюю и нижнюю и покрыта орнаментом. Изделие сохранилось неполностью: голова, руки и нижняя часть тела человека ниже пояса

обломаны. Размер сохранившейся части фигурки 7,1×2,7–3,8×1,1 см. Покрой одежды ананьинского божества или героя находит аналогии в изображениях на рельефном серебряном сосуде IV в. до н. э. из известного скифского кургана Гайманова Могила, отчасти – на чертомлыцкой серебряной вазе-амфоре конца V – начала IV в. до н. э., серебряном сосуде и золотом гребне из кургана Солоха IV в. до н. э. К настоящему моменту на разновременных ананьинских и пьяноборских поселениях Прикамья и низовьев Белой найдено более 40 глиняных антропоморфных фигурок (Ашихмина Л.И., 1977, с. 157, 158, рис. 8, *8*, *9*; Вечтомов А.Д., 1962, рис. 36, *12*; 1967, с. 137, табл. I, *118*, *187*; Генинг В.Ф., 1970, с. 112, табл. XXIV, *9–13*; 1971, рис. 41; Збруева А.В., 1952, с. 85, 214, 215, 249, 252, 273; 1954, с. 116; Иванов В.А., 1976; Казанцева О.А., 1987, с. 141, 142, рис. 4, *12*; Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989, с. 78; Прокошев Н.А., 1948, с. 188, рис. 4; Черных Е.Н., 1959, с. 161, 162). Они варьируют от крайне схематичных до относительно совершенных. Почти все изделия сломаны в результате использования в каких-то культовых действиях. Практически все археологи считают, что эти фигурки являлись изображениями женского божества домашнего очага или плодородия. Наша находка, равно как одна мужская фигурка, найденная на Гремячанском поселении-святилище (Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989, с. 78), заставляет усомниться в однозначной интерпретации приуральских статуэток.

Группа изделий из камня включает оселки со сквозными отверстиями (рис. 3, *24*, *25*)[4], тщательно обработанную, но сломанную в верхней части, треугольную плитку из песчаника (подвеску 9) (рис. 3, *19*), обломок зашлифованного кружка из известняка (рис. 3, *14*), а также серию пестов и абразивов из галек различной величины (рис. 3, *21–23*; 8). Последние орудия довольно часто встречаются на ананьинских и гляденовских памятниках. Крупные и средней величины формы с одним или двумя рабочими краями принято считать пестами, терочниками и курантами для размельчения зерен культурных злаков либо молотами для дробления руд (Вечтомов А.Д., 1967, табл. I, *42*, *78*, 144; Генинг В.Ф., 1959, с. 193, рис. 6, *5–7*; 1970, с. 97; Збруева А.В., 1952, с. 46, 56, 231, 232, табл. X; XI, *5*; Халиков А.Х., 1977, с. 156, 157). С такими объяснениями функции данной категории каменных орудий можно было бы согласиться, но автора всегда смущали некоторые противоречия. Первое: резкое преобладание каменных пестов именно в Среднем Прикамье, т.е. в районе, менее приспособленном в древности для развития земледелия по сравнению с более южными территориями ананьинской общности. Второе: полное отсутствие следов выплавки цветных металлов из руд. Последнее было объяснено С.В. Кузьминых тем, что сырьем для изготовления медных и бронзовых изделий в восточных областях ананьинского металлургического очага служил в основном привозной зауральский металл, в редких случаях – медь, выплавленная из местных медистых песчаников (Кузьминых С.В., 1983, с. 171, 175). В этой связи мы склонны полагать, что основная часть пестов, молотков и абразивов являлась орудиями кузнечного и ювелирного производств и служила для обработки бронзовых изделий, а также использовалась в металлургическом производстве для проковки железных криц и орудий из черного металла. Остальные предметы этой категории применялись в керамическом, косторезном и других производствах (дробление камня, керамики, раковин, шлифовка изделий), а также для переработки зерна.

Металлические изделия представлены коротким (8,7 см) черешковым однолезвийным железным ножом с дуговидным обушком, двумя железными шильями длиной 4,3 и 11,1 см, овальным в сечении (9×5 мм) железным стерженьком[5] с плотно

---

[4] Наличие следов сработанности на этих предметах указывает на использование их для заточки металлических и иных изделий, что расходится с мнением А.Х. Халикова о применении ананьинских оселков в качестве "запоров" поясов (Халиков А.Х., 1977, с. 158). Безусловно, это не исключает, что сквозные отверстия служили для подвешивания оселков шнурками к поясам.

[5] Ныне полностью разрушился.

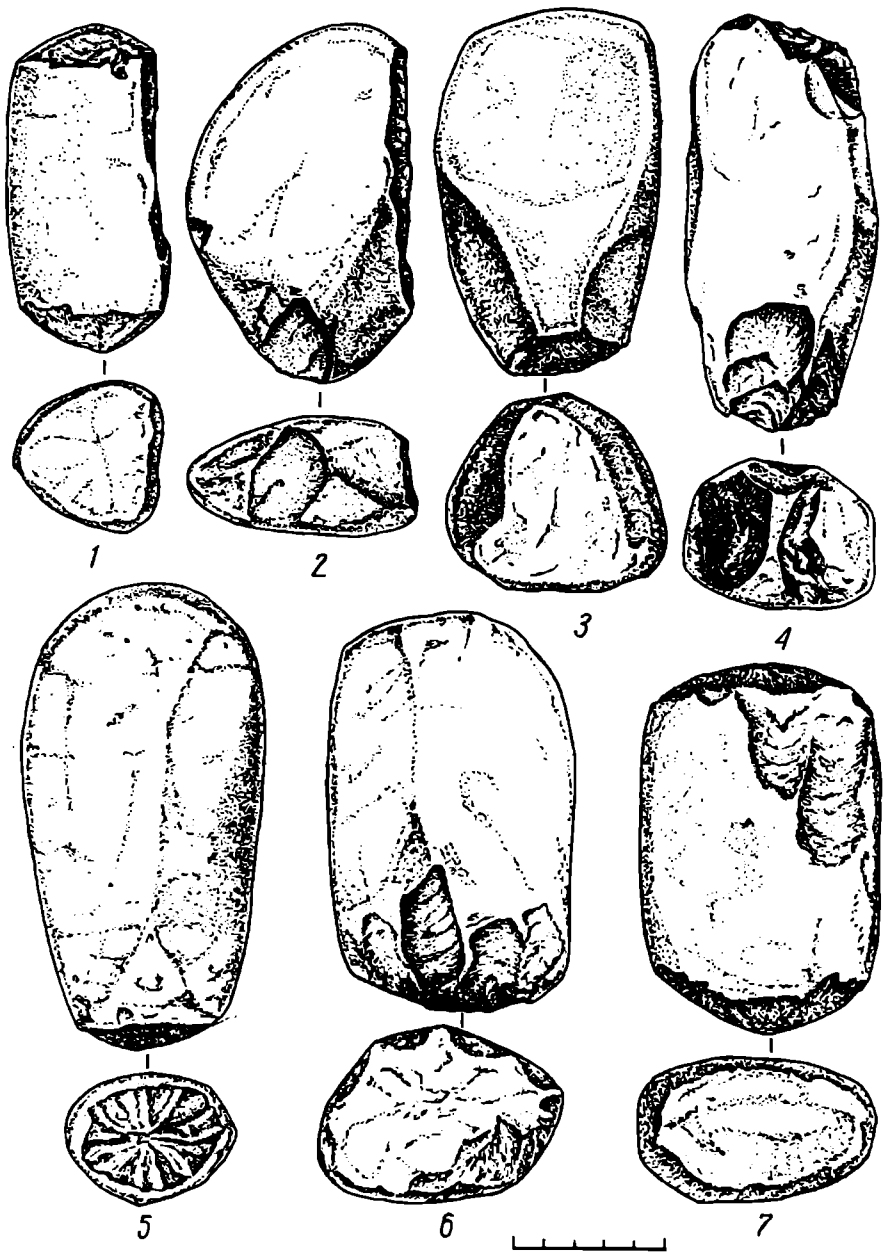


Рис. 8. Городище Алтен-Тау. Ананьинские песты из галечника

нанизанными на него восемью бронзовыми колечками, изготовленными из желобчатых полосок длиной 2,4 см, шириной 3–5 мм, тремя бронзовыми наконечниками стрел и височной подвеской (Борзунов В.А., 1997, рис. 5, *19–26*). Одни из наконечников – трехлопастной с выступающей втулкой и треугольной головкой, длиной 28 мм, второй – трехлопастной с внутренней втулкой, сводчатой головкой и выступающими шипами, длиной 29 мм, третий – трехгранный с внутренней втулкой и треугольной головкой, длиной 21 мм. Они сходны с савромато-сарматскими изделиями типов 9а (IX а), 9в (IX в), 12 (XII), 16 (XVI), с ананьинскими формами конечных типологических разрядов (КТР) С-41, С-50, С-94, С-98, датирующимися IV–III, IV и IV–II вв. до н. э. Последний наконечник, отличающийся, кроме того, малыми размерами, тяготеет к III–II вв. до н. э. (Кузьминых С.В., 1983, с. 109, 110, 114, 238, табл. XLII; Мошкова М.Г., 1963, табл. 14–16; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 12, 13). Бронзовая височная подвеска в виде знака вопроса – так называемого чегандинского типа – изготовлена из проволоки, раскованной в узкую (до 3 мм) длинную пластинку, которая затем была свернута в коническую трубицу. Единично такие изделия производились в

Видовой состав костных остатков городища Алтен-Тау

Вид	Год раскопок					Всего
	1958	1959	1980	1981	1982	
Крупный рогатый скот	115/5	14/2	361/12	108/10	319/19	917/48
Мелкий рогатый скот	10/2	–	46/2	7/2	67/10	130/16
Свинья	13/3	2/1	36/5	18/4	96/11	165/24
Лошадь	189/7	23/2	516/12	219/14	711/30	1658/65
Собака	2/1	–	–	–	–	2/1
Всего домашних животных	329/18	39/5	959/31	352/30	1193/70	2872/154
Северный олень	1/1	–	10/2	1/1	7/3	19/7
Лось	–	1/1	8/2	1/1	6/3	16/7
Косуля	–	1/1	–	1/1	–	2/2
Медведь	4/1	–	2/2	1/1	3/2	10/6
Волк	–	–	–	1/1	–	1/1
Лисица	–	–	–	5/2	1/1	6/3
Куница, соболь	–	–	1/1	3/3	2/2	6/6
Заяц	4/2	6/2	26/5	9/3	40/10	85/22
Бобр	2/1	1/1	4/2	7/3	30/7	44/14
Всего диких животных	11/5	9/5	51/14	29/16	89/28	189/68
Всего млекопитающих	340/23	48/10	1010/45	381/46	1282/98	3061/222
Неопределенные млекопитающие	–	–	896/?	239/?	347/?	1482/?
Хомяк	–	–	6/2	1/1	34/9	41/12
Водяная полевка	–	–	–	1/1	–	1/1
Птицы	7/7	1/1	21/?	14/?	25/?	68/?
Рыбы	–	–	1/1	–	–	1/1
Амфибии	–	–	2/?	1/1	–	3/?

Примечание: В числителе указано количество костей, в знаменателе – минимальное количество особей. В коллекциях 1980 и 1981 гг. учтены три псалия или амулета из метаподий медведя.

конце ананьинской эпохи, но в основном характерны для пьяноборского времени (III в. до н. э. – V в. н. э.). Несколько подобных украшений найдено на Гляденовском костище, остальные – на пьяноборских памятниках в бассейнах Ика, Сюни, низовьях Камы (Агеев Б.Б., 1981, с. 103–106, рис. 2; Генинг В.Ф., 1970, с. 91, 92, 142, табл. I, *1*, *2*, рис. 20, *21*, *22*; 1988, с. 141, рис. 4, 9, *3*, 17, *1*, 32, *3*).

Первый наконечник найден в нижней насыпи вала, два других – в верхней. Подвеска лежала под слоем красно-бурого стерильного суглинка, на поверхности верхней насыпи. Бронзовый наконечник IV–III вв. до н. э. из раскопок 1958 г. обнаружен в среднем горизонте городищенской площадки (Черных Е.Н., 1959, с. 160–161). В целом по этим находкам слои раннего железного века городища Алтен-Тау можно датировать концом V–III/II вв. до н. э., что в основном совпадает с ранее предложенной датой (Черных Е.Н., 1959, с. 162, 163).

Остеологический комплекс и хозяйство. В ходе работ 1980–1982 гг. на памятнике найдена 4261 кость животных, птиц и рыб[6]. Вместе с коллекциями 1958 и 1959 гг. общее количество костных остатков насчитывает 4657 ед. (таблица)[7]. Подавляющая их часть принадлежала млекопитающим: 3060 костей приблизительно от 221 особи[8].

[6] Детальный анализ коллекции будет опубликован П.А. Косинцевым отдельной статьей.

[7] Определение костных остатков из раскопок 1958 г. выполнено В.И. Цалкиным (Цалкин В.И., 1962, приложение 10), из раскопок 1959, 1980–1982 гг. – П.А. Косинцевым.

[8] Здесь и далее все подсчеты проведены без учета костей собаки, водяной полевки и хомяков, а также без предметов из резной кости (за исключением учтенных в коллециях 1980–1981 гг. псалиев или амулетов из метаподий медведей).

Исходя из соотношения особей домашних и диких видов (153 : 68 = 69,2 : 30,8%), главным хозяйственным занятием жителей поселков раннего железного века на холме Алтен-Тау являлось скотоводство. Ведущее место в стаде занимали лошади (42,5% особей домашних животных) и крупный рогатый скот (31,4%). Разводили также свиней (15,6%), коз и овец (10,5%). На охоте и при выпасе стад использовалась собака. По данным остеологических коллекций 1981–1982 гг. (раскопы VI, VII), от ранних городищ к позднему доля остатков особей диких животных уменьшается, а домашних возрастает (57,9 : 42,1%; 73,8 : 26,2%); на позднем селище восстанавливается практически первоначальное соотношение домашних и диких видов (58,9 : 41,1%)[9]. На крупных лесных копытных – лося, северного оленя, тем более на косулю – ананьинское и раннегляденовское население охотились довольно редко. Особое значение имел промысел пушных животных (75,8% всех диких особей): главным образом зайца и бобра (31,8 и 21,2%); охотились также на медведя, соболя, куницу, лисицу и волка. Из шкур пушных животных аборигены шили одежду. Вместе с тем основная масса пушнины, вероятно, использовалась населением Прикамья в обменных операциях со степными племенами. Рыболовству и собирательству в системе хозяйства местных общин раннего железа отводилась, по-видимому, менее заметная роль. Бесспорных данных о наличии земледелия у ананьинского населения Среднего Прикамья, по-нашему убеждению, пока нет.

В целом представленные материалы не выбиваются из общего контекста ананьинской культуры на позднем этапе ее развития. Кроме того, они подтверждают ранее высказанное мнение о постепенной трансформации данной культуры в Пермском Прикамье в гляденовскую. Вместе с тем даже этот краткий обзор находок и оборонительных систем городища Алтен-Тау убеждает нас в том, что ряд категорий керамического и орудийного комплексов, равно как и некоторые виды культовой практики, производственной и хозяйственно-бытовой деятельности ананьинских племен, требуют пересмотра и переосмысления. За 45 лет, прошедших после выхода в свет сводной работы А.В. Збруевой (1952), издана серия монографических исследований, посвященных различным аспектам ананьинской проблематики и отдельным локальным образованиям ананьинской культурно-исторической общности. Тем не менее огромный массив новых источников, появление оригинальных, подчас диаметрально противоположных концепций генезиса и развития этой общности делают необходимым проведение повторного анализа и обобщения всех накопленных данных и публикации результатов такого исследования в виде авторского или коллективного труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б., 1981. Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.

Ашихмина Л.И., 1977. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.

Борзунов В.А., 1997. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // РА. № 1.

Вечтомов А.Д., 1962. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // ВАУ. Вып. 2.

Вечтомов А.Д., 1967. Периодизация и локальные варианты памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗПГУ. № 148.

Генинг В.Ф., 1959. Осинское городище // Отсчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М.

Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) // ВАУ. Вып. 10.

Генинг В.Ф., 1971. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н. э. – II в. н. э. // ВАУ. Вып. 11.

[9] Расчет произведен по 1490 костям животных от 128 особей, для которых установлено точное положение в слое.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.
Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13.
Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.
Збруева А.В., 1954. Население берегов Камы в далеком прошлом // По следам древних культур (От Волги до Тихого океана). М.
Иванов В.А., 1976. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. № 3.
Иванов В.А., 1982. У подножия Рифейских гор. Уфа.
Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху железа. Уфа.
Казанцева О.А., 1987. Исследования Яромасского городища в бассейне Камы // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск.
Корепанов К.И., 1981. Изображения медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н. э. //ВАУ. Вып. 15.
Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.
Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10.
Поляков Ю.А., 1967. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Прикамье // УЗПГУ. № 148.
Прокошев Н.А., 1948. Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье // САП. № X.
Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9.
Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.
Цалкин В.И., 1962. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. № 107.
Черных Е.Н., 1959. Городище Алтен-Тау // Отчеты Камской (Воткинкой) археологической экспедиции. Вып. 1. М.

Уральский государственный университет,
Екатеринбург

V.A. BORZUNOV

NEW MATERIALS ON THE EARLY IRON AGE OF THE KAMA BASIN

(the Hill-fort Alten-Tau)

S u m m a r y

In 1980–1982 excavations of a multi-layer hill-fort Alten-Tau near the city of Perm continued under the leadership of the author of the article. During the work around 5600 fragments of clay molded ware dating to the end of the fifth- the third/second centuries BC, 176 goods made of bone, stone, clay and metals as well as 4261 bones of animals, fish and birds were found. The analysis of the artifacts confirmed a finding made by E.N. Chernykh on a gradual transformation of the Late Ananyino ceramics into the Glyadenovo ceramics in the Perm Kama basin. A fragment of a tiny clay figure of a god or a hero dressed in a caftan of a Scythin cut, carved artifacts made of bone – amulets or cheek-pieces with animal heads (horses, a calf, a bear), an anthropomorphis buckle, a plaque with an intricate ornament in the "animal style" etc., as well as bronze arrow points of a Scythian-Sarmat type should be named among most interesting finds. Given bone remains, cattle herding was the main economic activity of the population of three Ananyino culture settlements that replaced each other over time on the hill Alten-Tau and the early Glyadenovo village founded in the place of the last hill-fort destroyed. Hunting game, mostly fur animals played a secondary role. Apparently, gathering and fishing played a less noticeable role in the economic system of the Early Iron Age. Indisputable data on agriculture is not available.

А.И. ПУЗИКОВА

УНИКАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ МОГИЛЬНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У ДЕРЕВНИ ДУРОВКА
(Среднее Подонье)

Курганная группа, расположенная у д. Дуровка-Вербное Красненского р-на Белгородской обл., была впервые открыта и обследована разведками Острогожского отряда Воронежской Лесостепной экспедиции (под руководством автора) в 1961 г. Лепная керамика, собранная на распаханных курганах, позволила предварительно датировать группу IV–III вв. до н.э., т.е. временем, синхронным расположенному поблизости Кировскому городищу. В 1963 г. был снят план могильника, а в 1964 г. начаты его раскопки, продолжавшиеся и в следующем сезоне 1965 г. За два сезона было исследовано 10 насыпей (по пять курганов в каждом сезоне). Результаты работ опубликованы (Пузикова А.И., 1966, с. 80–91; 1969, с. 82–95). Затем работы были прерваны вплоть до 1984 г., когда при обследовании памятников скифского времени Среднего Дона, проводившегося с целью постановки их на учет и охрану, было установлено, что насыпи курганов Дуровской группы находятся в аварийном состоянии. Многие из них, хорошо заметные 20 лет назад, в результате систематической тракторной вспашки почти исчезли с лица земли; на некоторых были видны свежие грабительские ямы. Исходя из этого, было решено продолжить раскопки Дуровского могильника и постараться исследовать его до конца. Раскопки могильника были возобновлены в августе 1985 г., продолжены в 1986 и окончены в 1987 г. Всего в группе исследовано 23 насыпи.

Дуровская курганная группа располагалась на правом, высоком коренном берегу р. Камышенка, левого притока р. Тихая Сосна, на восточной окраине д. Дуровка, которая теперь называется Вербное. Могильник делился лесополосой на две неравные части, расположенные на землях двух соседних колхозов. Одна из насыпей (№ 13) находилась в лесополосе, южнее основной массы курганов (рис. 1, план могильника).

Курган 14, о котором пойдет речь, располагался в северо-восточной части могильника (рис. 1). Насыпь его была сильно распахана и выделялась на окружающей местности еле заметным всхолмлением высотой до 0,20 м. Снимали ее бульдозером путем общей зачистки по обеим сторонам от центральной бровки (шириной 1 м), ориентированной в направлении север – юг.

Как и в большинстве курганов, в насыпи кургана 14 был обнаружен материковый выкид из могилы, располагавшийся в виде сплошного кольца (рис. 2, план кургана). Ширина кольца выкида с южной и восточной стороны кургана – 2,20 м; в северной и западной – 4–4,40 м. Мощность слоя выкида – 0,10–0,30 м (рис. 2, профили кургана). В центре насыпи, сразу после черноземного пахотного слоя, встречались небольшие куски дерева от перекрытия размерами 0,20 × 0,15, 0,20 × 0,10 м. Расположение их было настолько бессистемным, что определить устройство перекрытия по этим остаткам невозможно. В профилях кургана, как в восточном, так и в западном, отчетливо прослеживались нарушения в двух местах (норы или грабительские лазы), прорезавшие могильную яму с севера и юга (рис. 2, профили кургана).

Пятно могильной ямы, зачищенное на глубине 0,80–0,90 м от нулевой отметки, вначале имело аморфные очертания, которые затем приобрели более правильные контуры. Форма могилы прямоугольная, ориентированная длинными сторонами в направ-

© А.И. Пузикова, 1997 г.

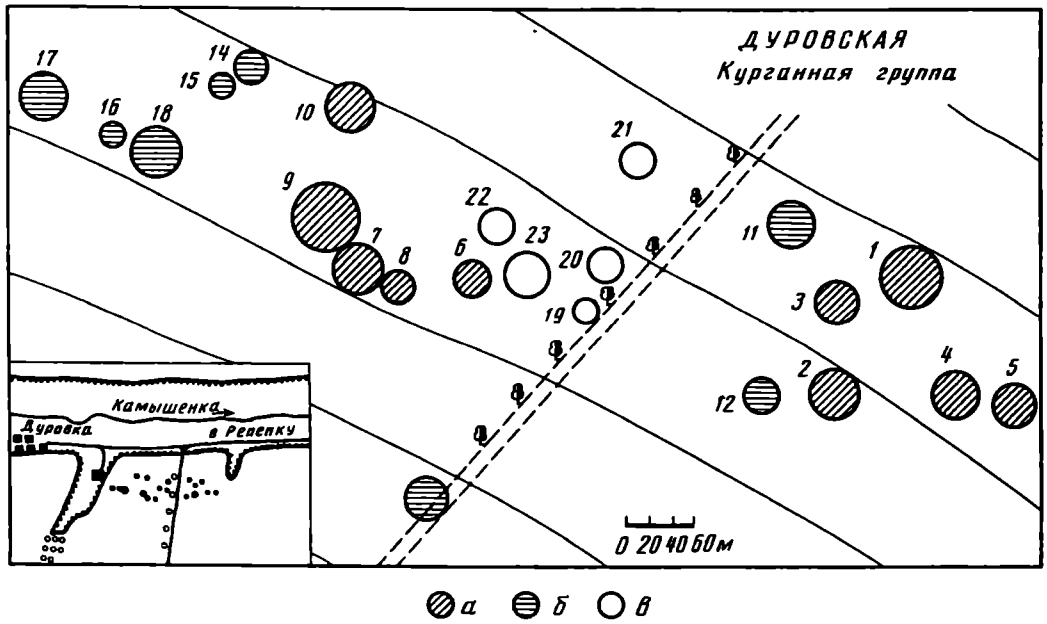


Рис. 1. План Дуровской курганной группы (*а* – курганы, раскопанные в 1964–1965 гг.; *б–в* – 1985–1986 гг.; *в* – в 1987 г.)

лении северо-восток – юго-запад. Размеры ее – 4,30 × 3,30 – 3,80 м. Северо-западный и юго-западный борта имели искривления вследствие нарушения грызунами и грабителями. Одна из нор, заполненная растительной трухой, четко прослеживалась почти в середине юго-западного борта. Дно могилы было зачищено на глубине 1,20–1,25–1,35 м от нулевой отметки (–0,40 м от уровня погребенной почвы). Сохранившиеся борта были отвесными. На дне в нескольких местах прослеживались отпечатки деревянной облицовки в виде канавок с отпечатками дерева шириной 0,10 и глубиной 0,05 м (рис. 3, план могильной ямы), а также коричневый древесный тлен от подстилки. В центре могилы находилась ямка от столба диаметром 0,35 м и глубиной 0,80 м.

О положении погребенного в могиле, его позе и ориентировке сказать ничего невозможно, так как погребение не сохранилось. Во время снятия насыпи на глубине 0,20–0,25 м в центре кургана было встречено несколько сильно разложившихся человеческих костей, среди которых можно было различить кусочки ребер и бедренной кости.

Несмотря на ограбление, в могиле сохранилось довольно много вещей. Бóльшая часть находок была сосредоточена в ее юго-восточной части. Там были обнаружены in situ железные конские удила с двудырчатыми прямыми псалиями, оканчивающимися широкими круглыми шляпками. Рядом с удилами находились парные бронзовые бляшки в виде голов волка и фигурок стоящих оленей, заключенных в круг. Принадлежностью конской уздечки являлись несколько бронзовых и железных конических ворворок, полусферических бляшек различных диаметров с петлей на обороте, многочисленные бронзовые пронизки, служившие украшением ременного оголовья, а также длинная бронзовая пластинка с двумя парами отверстий для прикрепления к дереву или коже. Рядом с удилами и уздечкой были обнаружены обломок бронзового котла, а также железные наконечники копья и дротика, втоки от которых находились в противоположном, северо-восточном, углу. Поблизости от уздечки найдено железное изделие, условно названное "черпачком", и обломки амфоры. И наконец, в заполнении столбовой ямки был обнаружен серебряный круглодонный кубок (рис. 3).

Целых, хорошо документированных конских захоронений в памятниках Среднего Дона практически нет. Только в двух курганах, раскопанных до 1917 г. (№ 3 группы "Частых" и № 2 в Мостюгино), их исследователи А.И. Мартинович, В.Д. Языков и Н.Е. Макаренко отмечают наличие конских скелетов, но сведения в обоих случаях

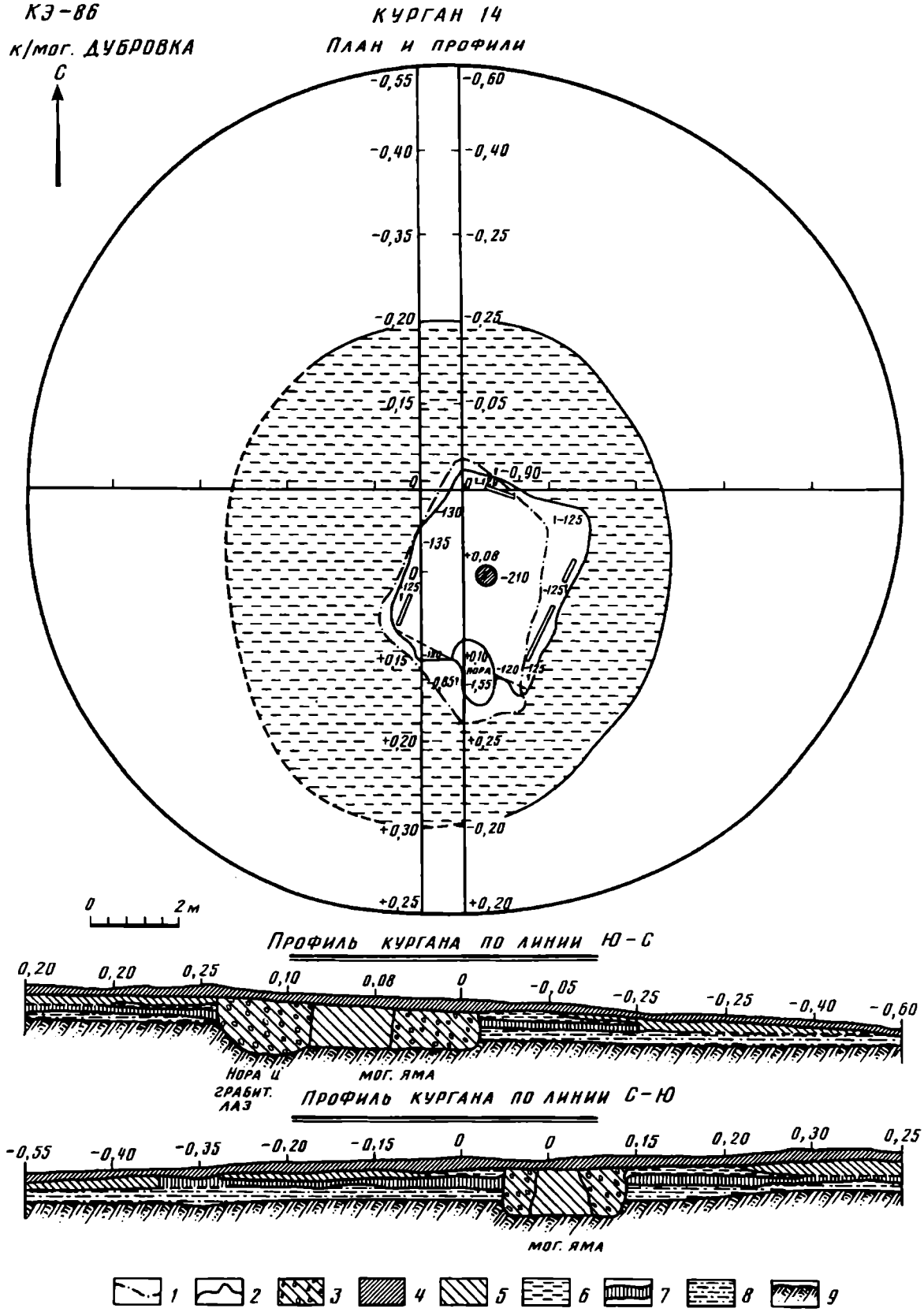


Рис. 2. План и профили раскопа кургана 14: *1* – первоначальные контуры пятна могильной ямы; *2* – контуры могильной ямы по дну; *3* – мешаный грунт; *4* – пахота; *5* – насыпь; *6* – выкид из могильной ямы; *7* – погребенная почва; *8* – предматериковый темножелтый суглинок; *9* – материковый светло-желтый суглинок

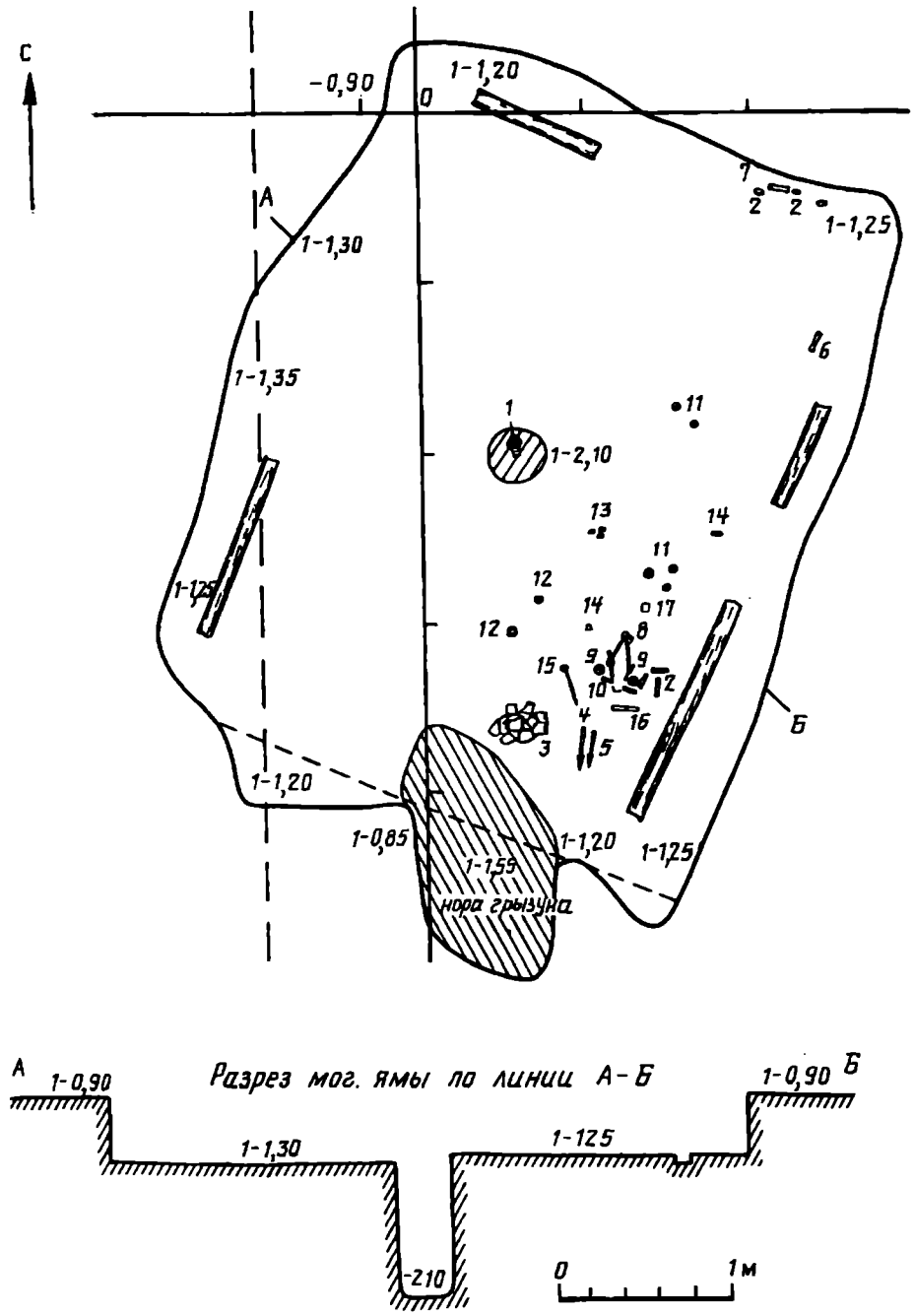


Рис. 3. План и разрезы могильной ямы кургана 14. Находки на дне могильной ямы: *1* – кубок серебряный; *2* – пронизки бронзовые уздечные; *3* – обломки амфоры; *4* – наконечник копья, железный; *5* – наконечник дротика, железный; *6* – вток копья; *7* – вток дротика; *8* – удила железные с псалиями; *9* – бляшки от уздечки бронзовые (2 шт.) в виде головы волка; *10* – бляшки бронзовые в виде фигурки оленя; *11* – ворворки бронзовые (5 шт.), диаметр 4 см; *12* – ворворки бронзовые (2 шт.), диаметр 1,5–2 см; *13* – ворворки железные (3 шт.); *14* – ворворки бронзовые, конусовидные; *15* – и черпачок с витой ручкой; *16* – пластинка бронзовая; *17* – обломок бронзового котла

не достоверны и противоречивы. Видимо, С.Н. Замятнин, опубликовавший материалы дореволюционных раскопок, совершенно правильно считал, что в данном случае имела место только напутственная пища (Замятнин С.Н., 1946, с. 23).

Обычай класть в могилу вместо коней принадлежности конских уздечек, символизирующих их, был широко распространен у населения Подонья. В 16 комплексах было обнаружено 28 пар удил с псалиями или без них. Если же учитывать находки

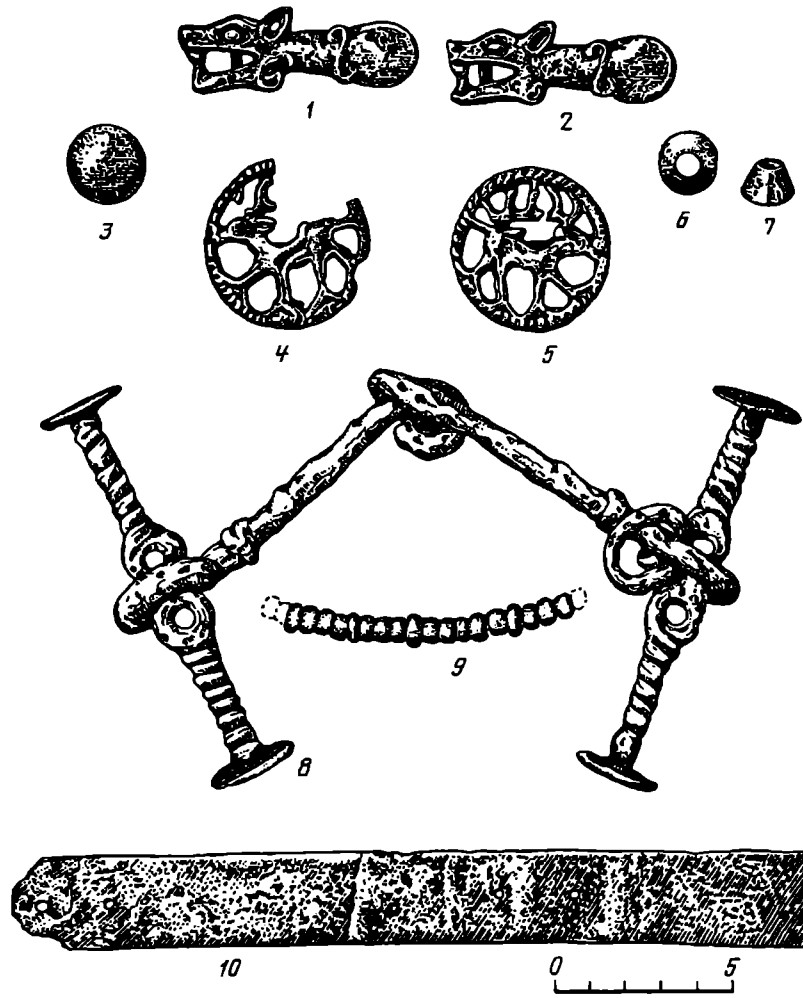


Рис. 4. Уздечный набор из кургана 14: *1–2* – бляшки бронзовые в виде головы волка или собаки; *3* – бляшка бронзовая, полусферическая; 4–5 – бляшки бронзовые – олени; *6–7* – ворворки бронзовые; *8* – удила железные; *9* – пронизки бронзовые; *10* – пластина бронзовая

отдельных псалиев, различных разрозненных бляшек и пронизей, то количество комплексов, содержавших вначале в своем составе конскую узду, возрастает более чем вдвое (38). Наибольшее количество удил, по четыре пары, содержали три комплекса из "Частых курганов" (№ 1, 7 и 31 раскопок ВУАК и П.Д. Либерова) (Замятнин С.Н., 1946, с. 15, 31; Либеров П.Д., 1954). Три пары обнаружены в кургане № 9 в Дуровке (Пузикова А.И., 1969, рис. 4, *1–5, 7*), по две – в курганах № 2 в Мастюгино (ОАК, 1906, с. 109, 110) и № 1, 13 и 14 – в могильнике "Русская Тростянка" (Пузикова А.И., 1962, с. 220, рис. 1, 9; 1964, с. 30, рис. 10, 13, 21, 23).

В кургане № 14 были обнаружены принадлежности одной уздечки. Железные удила (рис. 4) относятся к типу, распространенному повсеместно с VI в. до н.э. Они состояли из двух круглых стержней, концы которых загнуты в кольца. Длина стержней равна 11 и 12 см: во внешние кольца их пропущены дополнительные кольца для крепления ременного оголовья (сохранилось только одно кольцо). На оба стержня напущено по одной круглой шайбочке. Псалии – железные, двудырчатые, относятся ко II типу, характеризующемуся прямыми стержнями, которые оканчиваются коническими шишечками или широкими плоскими (или полусферическими) шляпками. Стержни их украшены прямой нарезкой. Наиболее ранние экземпляры их обнаружены в комплексах середины V и рубежа V–IV вв. до н.э. (курганы № 17 в Русской Тростянке; № 11, 1954 г. в "Частых"; № 9 в Дуровке) (Пузикова А.И., 1980, с. 41, рис. 2, *2, 3*).

Украшениями служили две пары бронзовых блях, выполненных в зверином стиле. Мотив первой пары – в виде головы волка или собаки – аналогичен встреченным в курганах № 40/26 в Мастюгино и № 9 в Дуровке (Пузикова А.И., 1969, рис. 5, *18*). Бляшки почти идентичны, так что создается впечатление об изготовлении их или одним мастером, или мастерской. Животные изображены с вытянутой вперед мордой, раскрытой пастью, внутри которой торчат два клыка, и полуприжатым ухом. Шея ограничена S-видным, вертикально поставленным завитком. На обороте бляшки – вертикальная петля для крепления на ремне. Длина бляшек 6,5 и 6,7 см (рис. 4, *1, 2*). Бляшки парные, что говорит об их расположении на оголовье по обеим сторонам морды лошади. Однако, вопреки обыкновению, головы изображений направлены в одну сторону. Ближайшие аналогии данный мотив находит в изображениях хищников (волков?) на поясных крючках из тех же среднедонских курганов (Гуляев В.И., 1969, ил. 6), а также на бронзовых имитациях кабаньих клыков, украшавших конские уздечки в савроматских курганах могильника Пятимары I в Приуралье (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 79, *2–5*; 80, *5, 8*).

Вторая пара бляшек представляла собой стоящих оленей, заключенных в рубчатый круг (рис. 4, *4, 5*). Диаметры бляшек равны 4,5 и 4,8 см. Одна из них сохранилась полностью, вторая частично повреждена в верхней части. Олени изображены в профиль, с головами, повернутыми вправо и влево. Ветвистые рога, расправленные вдоль спины, верхними концами упираются в рубчатый бордюр. Широко расставленные ноги вместо копыт оканчиваются треугольными ластами, переходящими в косые насечки круга. Головы животных оформлены в виде большого выпуклого глаза. Образ оленя является одним из самых излюбленных мотивов звериного стиля. Однако, как правило, их изображали лежащими, с подогнутыми под живот задними и передними ногами и рогами, расправленными над спиной в виде веера. Так они изображены на золотых нашивных бляшках (Либеров П.Д., 1965, рис. 33, *2*; Пузикова А.И., 1966, рис. 29, 2), на поясных крючках (Гуляев В.И., 1969, рис. 7, *1–4*), на бронзовых уздечных бляшках (Замятнин С.Н., 1946, рис. 6, *4, 5*). Фигура стоящего оленя до нашей находки была встречена лишь однажды на золотой пластине – обивке края деревянного сосуда из кургана 11 группы "Частых" раскопок П.Д. Либерова в 1954 г. (Либеров П.Д., 1965, рис. 28, *9*).

Принадлежностью конской уздечки являлись две бронзовые (рис. 4, *6, 7*) и три железные ворворки; четыре полусферические бронзовые бляшки диаметром 1–1,2–1,5–2,2 см с перемычкой на обороте (рис. 4, *3*), а также многочисленные бронзовые пронизки, служившие украшением ременного оголовья (целых экземпляров собрано 62; рис. 4, *9*). Рядом с удилами и украшениями уздечки находилась длинная бронзовая пластина длиной 23 и шириной 2,5 см с двумя парами отверстий для прикрепления к ремню (рис. 4, *10*). И если ясно, что ворворки и круглые бляшки применялись для закрепления концевых узлов различных ремней и их перекрестий, то функциональное назначение данной пластины определить трудно.

В том же юго-восточной углу находились наконечники копья и дротика. Копье относится к 1 типу II отдела, по классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова А.И., 1964, с. 40, 42–44, рис. 14, *1, 2, 3, 4*), который характеризуется наличием ребра посередине пера (рис. 5, *1*). Общая длина копья равна 41,5 см. Коническая втулка длиной 21 см на нижнем конце стянута обоймой шириной 1 см. Перо линзовидного сечения с ребром посередине почти равно по длине втулке (20,5 см).

Наконечник дротика имел жаловидное перо, частично обломанное, и длинную втулку. Общая (сохранившаяся) длина дротика равнялась 30 см (рис. 5, *2*).

Втоки от копья и дротика обычной для памятников Среднего Дона рюмковидной формы были обнаружены в противоположном углу могилы. Высота втоков равна 7 и 5,5 см. Вток копья отличался более массивными пропорциями (рис. 5, *3, 4*).

Копья и дротики – довольно частые находки в Среднедонских могильниках. Как правило, с умершими клали одно или два копья и несколько дротиков, количество

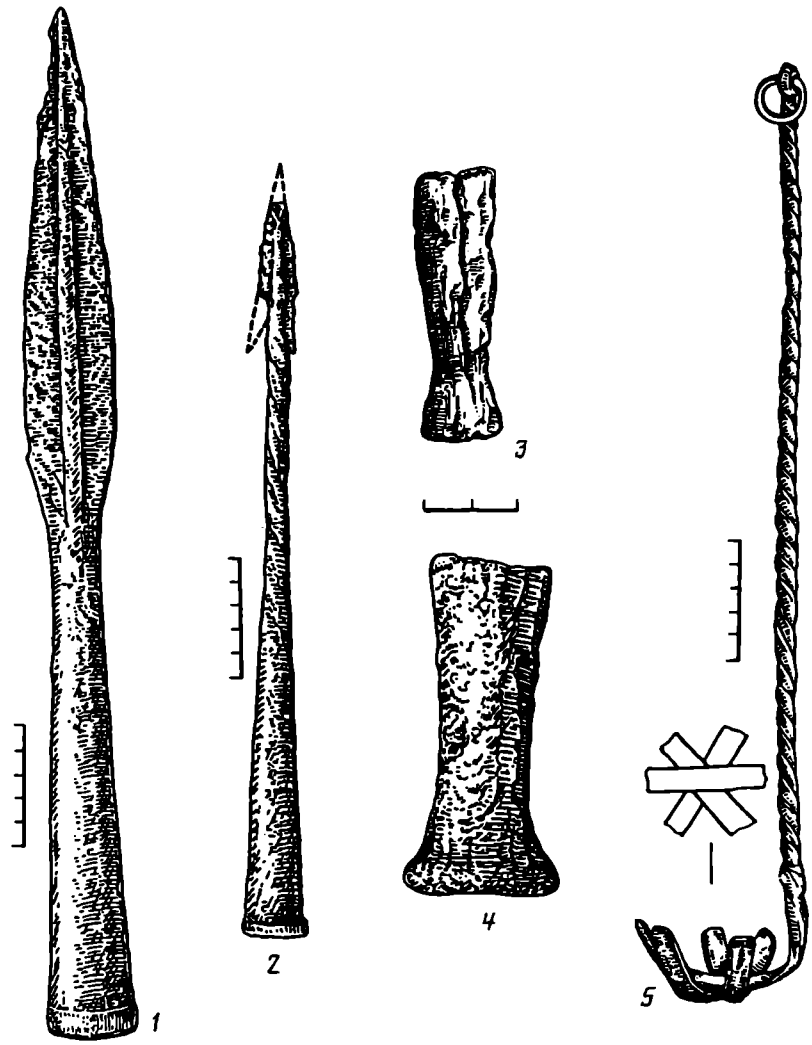


Рис. 5. Оружие, утварь из кургана 14: *1* – наконечник копья; *2* – наконечник дротика, железный; *3, 4* – втоки дротика и копья; *5* – "черпачок" железный (для доставания мяса из котла)

которых иногда доходило до 7–8 экз. в одном погребении (Либеров П.Д., 1965, рис. 18, *1–27*).

В том же углу могилы, рядом с удилами, украшениями уздечки и оружием был обнаружен еще один предмет, условно названный нами "черпачком" (рис. 5, *5*). Он представлял собой длинный витой стержень, с одного конца оканчивающейся петлей, в которую продето кольцо для подвешивания. Другой конец его, раскованный в узкую (шириной до 1 см) плоскую пластину, загибался вверх. К нему были присоединены две такие же пластины, также загибавшиеся вверх и образующие все вместе нечто вроде чашечки цветка с несомкнутыми лепестками. Общая длина предмета равнялась 39 см, диаметр чашечки – 6 см. Аналогичный предмет был обнаружен в кургане № 4 того же Дуровского могильника, только черпачок там состоял из четырех лепестков, конец его с кольцом для подвешивания был обломан (Пузикова А.И., 1966, с. 91, рис. 31, *3*). Подобрать аналогии и объяснить назначение предмета в те годы нам не удалось. Однако в 1979–1980 гг. в курганных могильниках Украины – Песочинском и Полковая Никитовка – были обнаружены подобные изделия. В первом случае "ковшик" состоял из трех лепестков, во втором – из пяти. В обоих случаях предметы находились рядом с бронзовыми котлами и использовались, видимо, для выуживания мяса из котлов (Береснев С.И., 1980, с. 18, ф.э. 9725; Бородулин В.Г., 1979, с. 17, ф.э. 9411; 9412, рис. 10, *7*).

Рис. 6. Кубок серебряный, шаровидный

Кубок серебряный, круглодонный был обнаружен в столбовой ямке, в центре могильной ямы. Отпечатки веревочки на гладкой поверхности горла кубка, обнаруженные во время реставрации, говорят о том, что он был подвешен к столбу. Высота его – 11 см, диаметр горла 6 см; диаметр наиболее широкой части тулова 10,5 см (рис. 6). Схема декора поверхности обычна: дно покрыто восьмилепестковой розеткой; гладкое горло отделено от декорированной поверхности узкой полоской гравировки в виде полуов со следами позолоты. Тулово покрыто двумя многолепестковыми розетками, идущими навстречу друг другу от дна и горла, но не смыкающимися. Между ними, на наиболее широкой части сосуда, расположен орнаментальный фриз. На фризе гравировкой изображены две пары гиппокампов, обращенных головами друг к другу, а между ними – ныряющие рыбы. Между парами расположена одиночная фигура гиппокампа, у головы которого изображена ныряющая рыба, а у хвоста – фигура уточки (рис. 6, *б*). Полоски, ограничивающие фриз сверху и снизу, так же, как и фигуры животных, носили следы позолоты.

Находки кубков в погребениях скифского времени не редки. В настоящее время, по данным В.А. Рябовой, их насчитывается 30 экз. (без Дуровского). Обнаружены они и в царских курганах, и в богатых погребениях: Солоха, Куль-Оба, Чертомлык, Гайманова могила, Толстая могила, Рыжановка, Чмырева могила, Волковцы, Будки, Частые курганы и т.д. Проблемам их происхождения, производства, назначения, типологии, расшифровке смысла изображений и т.д. посвящена обширнейшая библиография (Ростовцев М.И., 1914, с. 79–93, рис. I; II, *1, 2, 13, 14*; III, *1–4*; Мелюкова А.И., 1979, с. 187–196, рис. 43; Ильинская В.А., 1973, с. 14, 15; Грач Н.Л., 1984, с. 100–109;

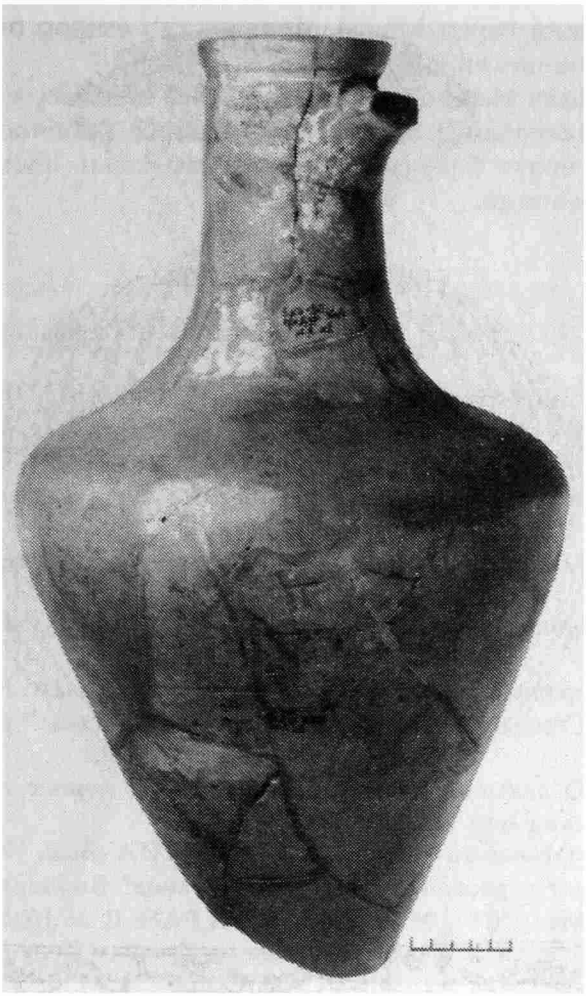


Рис. 7. Амфора из Менды

Алексеев А.Ю. и др., 1991, с. 129; Артамонов М.И., 1966, рис. 241; Раевский Д.С., 1977, с. 34–37; Онайко Н.А., 1970, с. 36–38, рис. 4, 6, табл. XXXI, *438–443*, *785–786*; Кузнецова Т.М., 1988, с. 17 и след.; Рябова В.А., 1986, с. 138–149 и т.д.). Большинство исследователей сходится во мнении относительно происхождений их от ритуальных глиняных кубков предскифского периода и ритуального их назначения, а также рассматривает их как продукцию боспорских мастеров по заказам скифских потребителей.

Наибольшие разночтения вызывают трактовки изображений на кубках. Изображения водоплавающих птиц и ныряющих рыб были встречены на кубках из Куль-Обы, Пантиниоти, на серебряных сосудах из Солохи и Чмыревой могилы (Онайко Н.А., 1970, с. 36–38, рис. 6, табл. XXX, *437*), на ритоне из кургана Карагодеуашх (Раевский Д.С., 1977, с. 58, 59, рис. 6) и т.д. Многие исследователи индоиранских религий склонны связывать образы водоплавающих птиц и рыб с культом Великой Богини и легендой о сотворении Вселенной (Онайко Н.А., 1970, с. 37; Раевский Д.С., 1977, с. 58–60). Видимо, и изображения на Дуровском кубке нельзя рассматривать как чисто декоративное украшение сосуда. Вероятнее всего, они тоже несли какую-то смысловую нагрузку, отражающую эту легенду. Дата погребения определяется амфорой (рис. 7). Обнаружена она была в виде скопления обломков в той же юго-западной части могилы. Из фрагментов амфору удалось реставрировать почти полностью (без ручек и ножки). А.В. Сазанов датировал ее IV в. до н.э.[1] Центром производства он

[1] Выражаю искреннюю признательность А.В. Сазанову за консультацию.

считает южнопонтийский город Менда. Данный тип амфор был впервые выделен И.Б. Брашинским (Брашинский И.Б., 1976, с. 67–74).

Итак, анализ материала только одного комплекса показал, что, несмотря на существенное ограбление, раскопки Дуровского могильника дали новые значительные материалы, которые позволят более полно осветить жизнь племен Среднего Дона в эпоху раннего железного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев.

Артамонов М.И., 1986. Сокровища скифских курганов. Ленинград; Прага.

Береснев С.И., 1980. Отчет о раскопках и разведках археологических памятников на территории Харьковской области в 1980 г. // Архив ИА АН УССР. Д. 1980/88.

Бородулин В.Г., 1979. Отчет о раскопках Песочинского курганного могильника в 1979 г. // Архив ИА АН УССР. Д. 1979/112.

Брашинский И. Б., 1976. Амфоры Менды // Художественная культура и археология античного мира. М.

Грач Н.Л., 1984. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // Тр. ГЭ. Л.

Гуляев В.И., 1969. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. № 151.

Замятнин С.Н., 1946. Скифский могильник "Частные курганы" под Воронежем // СА. № VIII.

Ильинская В.А., 1973. О священной чаше у скифов // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Киев.

Кузнецова Т.М., 1988. Скифские ритуальные сосуды // КСИА. Вып. 194.

Либеров П.Д., 1954. Отчет о раскопках "Частых курганов" Воронежской археологической экспедицией ИИМК АН СССР 1954 г. // Архив ИА РАН. Д. № 1024.

Либеров Л.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1-31. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М.

Мелюкова А.И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.

ОАК, 1906. СПб.

Онайко Н.А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. М.

Пузикова А.И., 1962. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка // СА. № 4.

Пузикова А.И., 1964. Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка // КСИА. Вып. 102.

Пузикова А.И., 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. Вып. 107.

Пузикова А.И., 1969. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. // МИА. № 151.

Пузикова А.И., 1980. Вуздечкові набори з Воронезьских курганів // Археологія. Вып. 35. Київ.

Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Ростовцев М.И., 1914. Воронежский серебряный сосуд // МАР. Т. 34. СПб.

Рябова В.А., 1986. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Институт археологии РАН,
Москва

A.I. PUZIKOVA

A UNIQUE COMPLEX FROM A SCYTHIAN AGE BURIAL GROUND LOCATED NEAR THE VILLAGE DUROVKA (the Middle Don Basin)

Summary

The publication of information on kurgan № 14 continues the introduction of artifacts from the burial ground Durovka discovered and uncovered by the author in 1964–1965, 1985–1987 into the scientific world. In addition to previously introduced items of weapons and household goods, a silver made roundbottomed bowl which is the second find of this type of goods in the burial grounds located in the Middle Don basin has been found and previously unknown motifs of animal style (standing stags enclosed in a circle) have been identified.

М.С. ГАДЖИЕВ

ДВЕ БРОНЗОВЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ ДАГЕСТАНА

(к хронологии культовой пластики)

Публикуемые статуэтки из частных собраний происходят из Ботлихского р-на (Дагестан), который хорошо известен специалистам как одно из мест сосредоточения находок древней бронзовой культовой пластики. К сожалению, более точное место и обстоятельства обнаружения данных фигурок установить не удалось, но можно полагать, что они, как и ранее известные, происходят из какого-либо культового места или разрушенного древнего погребения.

Первая статуэтка (рис. 1) высотой 8,1 см изображает обнаженного мужчину с короткой бородой и непропорционально узкими плечами и короткими руками, согнутыми в локтях и прижатыми к груди. Несоразмерно увеличенная голова проработана мастером довольно реалистично. Изделие имеет хорошую сохранность, но есть и дефекты – как древние (выщербины в нескольких местах, образовавшиеся, вероятно, при литье), так и современные (утрачен фаллос). Фигурка, очевидно, отлита в двустворчатой форме, на что указывают следы заусениц по бокам и неудаленный слой металла между ногами.

Данная статуэтка по своей характерной позе относится к группе в третьей серии, по классификации В.И. Марковина (Марковин В.И., 1986, с. 86). Наиболее близка ей как по композиции, манере исполнения, степени реалистичности, так и по размерам, пропорциям, отдельным деталям статуэтка из собрания А.К. Сержпутовского, происходящая из с. Карата и ныне хранящаяся в Эрмитаже (Марковин В.И., 1986, с. 86, 87, рис. 7, *16*). Чрезвычайно близкая аналогия, даже идентичность фигурок, позволяет полагать, что они отлиты или в одной форме или же одна из статуэток послужила моделью для изготовления литейной формы для отливки другой.

Вторая статуэтка (рис. 2) высотой 8 см (вместе с неудаленным литником-основанием 8,7 см) отлита по восковой модели и представляет итифаллическую скульптуру обнаженного опоясанного воина в шлеме. По классификации В.И. Марковина, она относится к группе б третьей серии (Марковин В.И., 1986, с. 86). Фигура мужчины показана в статичной позе на прямых расставленных ногах; левая рука согнута в локте и кистью лежит на груди; правая также согнута в локте, но приподнята вверх до уровня плеч; кисть правой руки утрачена, по всей видимости, еще в древности, но, судя по аналогиям, можно считать, что она была сжата в кольцо, в которое вставлялся металлический прут-копье. Достаточно натуралистично трактована голова с прямым крупным носом, узкой, выступающей вперед челюстью; подчеркнуты рот, глаза, брови, уши. Голову венчает четко выделенный шлем, имеющий полусферический колпак и высокий килевидный гребень.

С рядом статуэток этой серии рассматриваемая фигурка объединена не только композиционно, но и стилистически. Моделировка древним мастером показательных черт лица воина – носа, челюсти – особенно сближает эту статуэтку с подобными из Арчо (Берка) (рис. 3, *10*), Беледи (Зибирхали) (рис. 3, *6*), Аргунского ущелья, из водораздела между реками Андийское Койсу и Шато-Аргун (Марковин В.И., 1986, с. 75, 86–88, рис. 1, 7, *12*; 8, *2*; 11, *1*). С этими же и некоторыми другими скульптурками воинов (Марковин В.И., 1986, с. 87, 95, 97, рис. 7, *2*; 12, *25*; 13, *1*)

© М.С. Гаджиев, 1997 г.

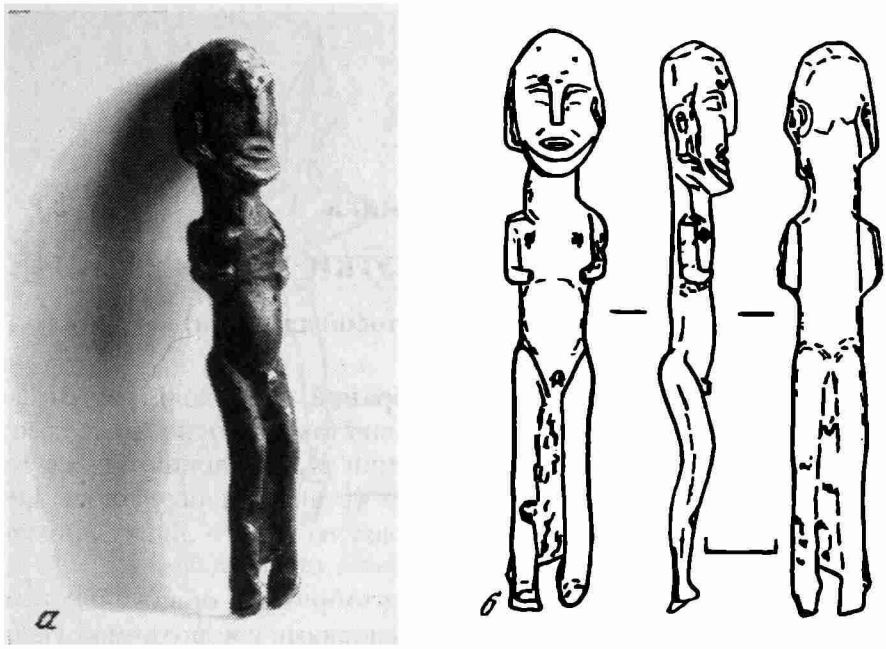


Рис. 1. Бронзовая статуэтка из Дагестана (*а* – фотография, *б* – прорисовка)

публикуемую статуэтку объединяет не только фаллический характер, но и наличие такой важной иконографической детали, как гребенчатый шлем, хотя и имеющий вариации по форме гребня (вееровидный, ромбический, килевидный). По конфигурации гребня ей особенно близки упомянутые фигурки из междуречья Андийского Койсу и Шато-Аргуна и из Беледи.

Вопрос датировки публикуемых статуэток, как и в целом данной категории памятников, происходящих с территории горных районов Западного Дагестана и Юго-Восточной Чечни, вызывает трудности из-за слабой разработки их хронологии. Это обусловлено главным образом тем, что предметы бронзовой культовой пластики этой зоны в массе своей представляют или случайные находки, или же происходят из недатируемых комплексов. После публикаций А.П. Круглова (Круглов А.П., 1946, с. 31–40) и И.В. Мегрелидзе (Мегрелидзе И.В., 1951, с. 281–291), проведших раскопки культовых мест на вершинах гор Берка и Кидилашан, наметилась тенденция датировать эти древности раннежелезным веком, скифским временем (см., например: Марковин В.И., 1989, с. 286, 287, табл. 115; Маммаев М.М., 1989, с. 24–26, рис. 12–20; Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 66, рис. 25), реже – значительным хронологическим диапазоном в рамках I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., как было осторожно предложено еще А.А. Иессеном (Иессен А.А., 1935, с. 37), и даже (для определенной группы статуэток) вплоть до развитого средневековья, "до появления в Западном Дагестане мусульманства" (Давудов О.М., 1991, с. 68).

Однако имеются по крайней мере два комплекса, которые могут быть достаточно надежно датированы и стать отправными для разработки хронологии культовой пластики данной территории. Первый – комплекс из Беледи (Зибирхали), находки из которого были приобретены в 1937 г. Северо-Кавказской экспедицией Института истории материальной культуры. В его составе имелись бронзовые фигурка воина (рис. 3, *6*), композиционно и стилистически близкая к публикуемой статуэтке, фигурка козла (рис. 3, *7*) и ритуальная ложечка с ручкой (рис. 3, *8*), украшенной двумя утолщениями-четырнадцатигранниками (Артамонов М.И., 1939, с. 13; Исаков М.И., 1966, с. 86, № 1061, табл. 11, *13–15*). По записи в полевом дневнике А.П. Круглова они происходят из одного разрушенного каменного ящика (Марковин В.И., 1986, с. 78). М.И. Артамонов в Отчете о работах экспедиции отнес эти находки ко времени, "предшествующему домусульманскому средневековью" (Артамонов М.И., 1939, с. 14),

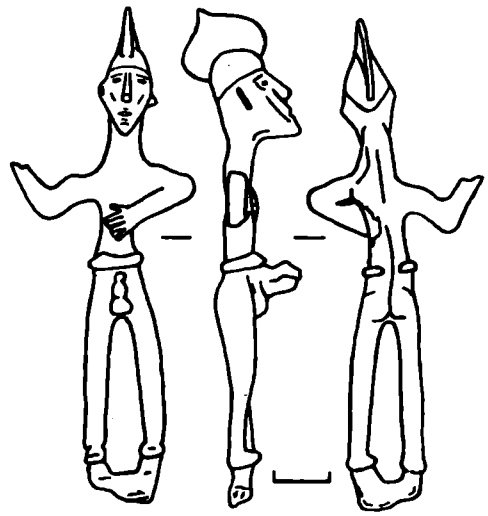


Рис. 2. Бронзовая статуэтка из Дагестана (прорисовка)

а М.И. Исаков, очевидно, опираясь на мнение Михаила Илларионовича, – к VI–IX вв. (Исаков М.И., 1966, с. 86, № 1061).

Второй комплекс происходит из Каратинского могильника, из погребения, расчищенного в 1921 г. М. Джемалом, и включает пять бронзовых человеческих фигурок (одну мужскую и четыре женские, в позе адорации и фертообразную) и аналогичную ложечку (рис. 3, *1–5*) (Исаков М.И., 1966, с. 87, № 1071, табл. 11, *1–5*; Марковин В.И., 1986, рис. 4, *6*; 5, *3, 16*; 12, *8*). По заключению А.А. Иессена, ознакомившегося с данным комплексом, "все эти предметы должны быть отнесены скорее всего к средневековью, до распространения ислама" (Иессен А.А., 1935, с. 34). Добавим, что в конце XIX в. в окрестностях селения Бухты были найдены бронзовые изделия, среди которых имелись фигурки человека, козла и такая же ложечка-амулет (ОАК за 1893 г., с. 41, рис. 25; ОАК за 1913–1915 гг., с. 160; Исаков М.И., 1966, с. 75, №№ 940, 941).

Совместное обнаружение образцов бронзовой культовой пластики и ритуальных бронзовых ложечек нельзя признать случайным. Взаимовстречаемость антропоморфных и зооморфных статуэток с культовыми ложечками была обусловлена их взаимосвязью в системе верований и ритуалов местного населения. Исследователи справедливо связывают рассматриваемые антропоморфные фигурки с культом плодородия, считая их конкретизированными образами божеств плодородия (Марковин В.И., 1986, с. 113–117). Воспринимая же данные ложечки, с одной стороны, как своеобразные языческие "лжицы для причащений" и, с другой – как символ сытости, благосостояния, довольства (Седов В.В., 1982, с. 267; Рыбаков Б.А., 1987, с. 541, 543), мы обнаруживаем их связь с культовой пластикой и культом плодородия. Находят объяснение и случаи выявления вместе с антропоморфными статуэтками и ложечками бронзовых фигурок козла, образ которого имеет тесную связь с культом плодородия в верованиях народов Горного Дагестана (Булатов А.О., 1991, с. 38, 39; Гаджиев Г.А., 1991, с. 101; Халидова М.Р., 1992, с. 40, 41) и, возможно, являлся одной из зооморфных ипостасей божества плодородия.

Сказанное позволяет считать закономерным явление совместных находок культовых статуэток и ложечек. Последние же выступают надежным хронологическим индикатором. Так, две таких ложечки были найдены в Килятлинском могильнике V–VII вв. (Атаев Д.М., 1961, с. 243, 245, рис. 25, *7, 10, 11*); одна – в погр. 1 раннесредневекового Хорочоевского могильника (Виноградов В.Б., 1970, с. 246, 248, рис. 3, *2*). В склепе № 2 Дурангинского могильника идентичная ложечка была выявлена вместе с бронзовыми браслетами с небольшим утолщением в центре, подвесками с

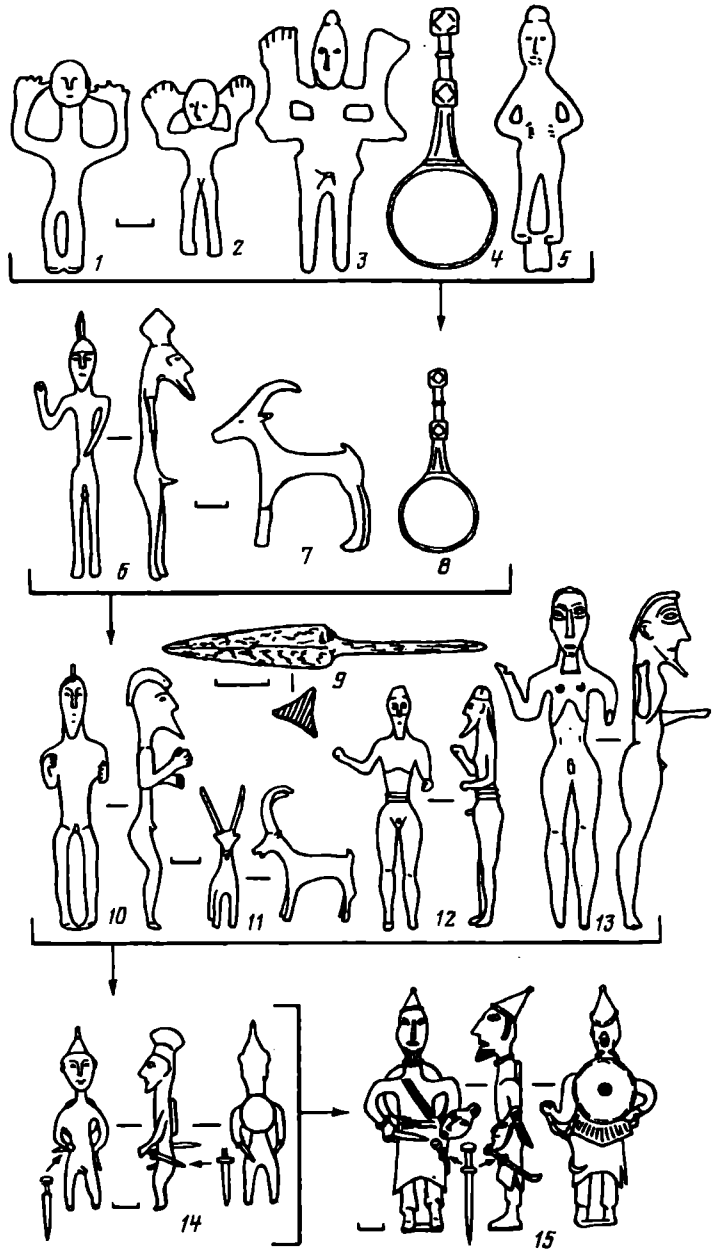


Рис. 3. Хронологическая и типологическая связь культовых статуэток. *1–5* – комплекс из селения Карата; *6–8* – комплекс из хутора Беледи; *9–13* – комплекс из селения Арчо (гора Берка); *14* – статуэтка из селения Химой; *15* – статуэтка из селения Гигатль (*1–3, 5, 6, 9, 10, 13, 14* – по В.И. Марковину; *4, 7, 8* – по М.И. Исакову; *11, 12* – по А.П. Круглову)

четырнадцатигранником, зеркалом с центральной петлей и рельефным зигзагообразным звездчатым орнаментом на оборотной стороне – показательными раннесредневековыми предметами (Пикуль М.И., 1991, с. 166–180, рис. 3–8). Такой основной элемент декора ложечек, как четырнадцатигранник, получил широкое распространение в раннесредневековом Дагестане и использовался для художественного оформления различных металлических (главным образом бронзовых) изделий – височных подвесок, серег, фибул и др. Нет никаких оснований относить данные ложечки-амулеты к предшествующим эпохам, как и полагать вторичное использование культовых статуэток, обнаруженных вместе с ритуальными ложечками.

Таким образом, Белединский и Каратинский комплексы на основании находок в них бронзовых ритуальных ложечек следует датировать раннесредневековым периодом. И

фигурки, входящие в эти комплексы (в позе адорации воины-копьеносцы, фертообразные – соответственно первая, третья (группа **б**) и четвертая серии, по В.И. Марковину), могут и должны выступать критериями для определения хронологии памятников бронзовой культовой пластики горной зоны Западного Дагестана и Юго-Восточной Чечни на основе предложенной их датировки ранним средневековьем, имеющихся типологических разработок (Мегрелидзе И.В., 1951, с. 286; Марковин В.И., 1986, с. 80–92) и художественно-стилистического анализа и сопоставления. Этим временем следует датировать и публикуемую фигурку воина из Ботлихского р-на, а также упомянутые близкие ей композиционно и стилистически статуэтки из Арчо, Аргунского ущелья, междуречья Андийского Койсу и Шато-Аргуна и др. Статуэтки в позе адорации, фертообразные, воинов-копьеносцев наиболее многочисленны и представляют не просто один композиционный, но выработанный, устойчивый иконографический тип, которому древние мастера следовали довольно строго, хотя и проявляли авторский подход. И с художественно-стилистической точки зрения эти изделия также являют собой творение одной эпохи, одного исторического периода. Уже сейчас, по нашему мнению, можно считать, что бóльшая часть статуэток названных серий, происходящих с данной территории, относится к раннесредневековому времени.

В связи со сказанным обратим внимание, что три статуэтки воинов-копьеносцев и фигурка козла из культового места на вершине горы Берка близ селения Арчо (рис. 3, *10–13*), раскапывавшегося Северо-Кавказской экспедицией в 1937–1938 гг., были найдены вместе с массивным железным трехгранным черешковым наконечником стрелы (рис. 3, *9*) (Артамонов М.И., 1939, с. 10–13; Круглов А.П., 1946, с. 31–35, рис. 11–13; Марковин В.И., 1989, с. 419, табл. 113, *5*), который также достаточно хорошо может укладываться в раннесредневековые рамки. Одна из арчинских статуэток (рис. 3, *10*) имеет, как отмечалось выше, близкое стилистическое и иконографическое сходство с публикуемой ботлихской статуэткой воина и фигуркой из датируемого Белединского комплекса (рис. 3, *6*). Если принять свойственный этим скульптуркам гребенчатый шлем за показатель их хронологического соответствия (а на это есть все основания, учитывая одинаковость поз, моделировки лица статуэток, их обнаженность и фаллличность), то можем сопоставить и синхронизировать статуэтку из Арчо с фаллической фигуркой обнаженного воина из Химоя (рис. 3, *14*), имеющей идентичный шлем с вееровидным гребнем и относительно близкую профилировку лица. Заметим, что подобный гребенчатый шлем имеет и бронзовая статуэтка всданика из Дидо (Марковин В.И., 1986, с. 99, рис. 14, *2*), которая находит близкое сходство в композиции с раннесредневековыми северокавказскими амулетами-всадниками.

Химойская статуэтка вооружена двумя кинжалами или короткими мечами: левая рука опирается на рукоять подвешенного сбоку меча с прямым перекрестием, правая рука сжимает меч с дисковидным навершием; на спине воина – круглый щит (Марковин В.И., 1986, с. 95, рис. 12, *25*). Представленные типы оружия находят многочисленные аналогии в археологических памятниках сарматского и раннесредневекового времени, но особенно показателен меч с дисковидным навершием, очевидно, имитирующий аналогичные престижные мечи с дисками-навершиями (главным образом халцедоновыми), распространенные в позднесарматское время и в первые века средневековья. Известны они и на территории Дагестана: такой меч обнаружен в погребении III–IV вв. Дербентского могильника (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991, с. 97, 98, рис. 11, *23*; 12, *7*), а обломок халцедонового диска-навершия найден в верхнем слое (V–VI вв.) городища Урцеки. Приведенные доводы, как представляется, позволяют синхронизировать фигурку воина из Химоя с рядом статуэток воинов-копьеносцев и отнести ее к середине I тыс. н.э. В свою очередь "химойский воин" может быть по амуниции надежно сопоставлен с фигуркой воина (рис. 3, *15*) из Гигатля (Марковин В.И., 1986, с. 90, 92, рис. 12, *24*).

Относительно последней были высказаны мнения, что "она передает образ

скифского обожествленного родоначальника Таргитая" (Давудов О.М., 1987, с. 55–57; 1991, с. 73–78) или изображает знатного скифского воина времен ранних скифских походов в Переднюю Азию (Горелик М.В., 1987, с. 50–53). Исследователей к такой интерпретации и датировке привел анализ атрибутов статуэтки из Гигатля, "особенно акинака с брусковидным навершием и почковидным перекрестием", который и изображен на рисунке к статье (Давудов О.М., 1991, с. 74, 76–78, рис. 2, *1*). В действительности же "гигатлинский воин" вооружен мечом с навершием-диском и чуть изогнутым, почти прямым перекрестием[1]. Иные принадлежности статуэтки – конический шлем-шишак, круглый щит с умбоном в центре и др. – не могут выступать существенными хронологическими признаками вследствии их широкого пространственного и временно́го диапазона бытования.

Вышесказанное и, наконец, сам факт отсутствия "особо заметного влияния скифов" на культуру и жизнь местных племен, достаточно обоснованный О.М. Давудовым (Давудов О.М., 1974, с. 106–119; см. также: Марковин В.И., 1989, с. 284, 286), не позволяют принять предложенную исследователями интерпретацию и датировку статуэтки воина из Гигатля.

Представляется более правомерным видеть в ней воплощение местного божества-воителя, героя. В образе же итифаллических статуэток воинов, носящих синкретический характер, очевидно, соединились и нашли единое олицетворение культ божества-воителя и культ божества плодородия. В этом симбиозе верховных кумиров, можно полагать, получило отражение усиление роли военной организации общества, роли войны как средства существования, обогащения, процветания в условиях активизации военно-политической ситуации в регионе с середины I тыс. н.э.

В заключение еще раз отметим, что датированные комплексы из Карата и Беледи, где культовые статуэтки найдены вместе с хронологически показательными ритуальными ложечками, позволяют отнести их и типологически и стилистически близкие им фигурки, обнаруженные в Западном Дагестане и Юго-Восточной Чечне, к раннесредневековой эпохе. В свете вышесказанного представляется целесообразным и плодотворным сопоставление бронзовой культовой пластики этой территории с известными металлическими амулетами Северного Кавказа VI–IX вв. (в частности, антропоморфными, фаллическими, зооморфными, амулетами-всадниками), которое позволит осветить новые стороны взаимосвязей Серира с Хазарией и Аланией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакаров А.И., Давудов О.М., 1983. Археологическая карта Дагестана. М.

Артамонов М.И., 1939. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в Дагестане в 1937–1938 гг. // Рукописный фонд ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33.

Атаев Д.М., 1961. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Т. II. Махачкала.

Булатов А.О., 1991. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала.

Виноградов В.Б., 1970. Раннесредневековый могильник у селения Харачой в горной Чечне // СА. № 2.

Гаджиев Г.А., 1991. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.

Горелик М.В., 1987. Раннее скульптурное изображение скифского воина // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Ч. I. Кировоград.

Давудов О.М., 1974. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.

Давудов О.М., 1987. О контактах населения древнего Дагестана с киммерийцами и скифами // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Ч. I. Кировоград.

[1] Статуэтка выставлена в экспозиции Дагестанского государственного объединенного историко-архитектурного музея (инв. № 18319).

Давудов О.М., 1991. Некоторые культовые места горного Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
Иессен А.А., 1935. Работы на Сулаке. Отчет о работах // ИГАИМК. Вып. 110.
Исаков М.И., 1966. Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). Махачкала.
Круглов А.П., 1946. Культовые места горного Дагестана // КСИИМК. Вып. XII.
Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XVI) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
Маммаев М.М., 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала.
Марковин В.И., 1986. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
Марковин В.И., 1989. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в скифо-сарматовское время // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Мегрелидзе И.В., 1951. Археологические находки в Дидо // СА. № XV.
ОАК за 1893 г., 1896. СПб.
ОАК за 1913–1915 гг., 1918. Пгр.
Пикуль М.И., 1991. Могильник у селения Дуранги // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
Халидова М.Р., 1992. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала.

Институт истории, археологии
и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала

M.S. GADZHIEV

TWO BRONZE STATUETTES FROM DAGHESTAN

(to the Chronology of the Cult Plastics)

S u m m a r y

Bronze statuettes from private collections presented in the article come from the Botlikh district of Daghestan known as one of the places where the early Bronze Age cult plastics finds are concentrated. The first statuette (Fig. 1) is practically identical to a statuette from the collection of A.K. Serzhputovsky (it is kept in the Hermitage) that comes from the village Karata. Apparently, they were either cast in one mold or one of the statuettes served as a model for making a casting mold for the other. The second statuette (Fig. 2) is a phallic statuette of a naked warrior-spearman wearing a belt and a helmet and has close compositional-typological and stylistic analogues (statuettes from Archo, Beledi, the Argun gorge, the watershed of the rivers Andi Koysi and Shato-Argun).

Using dated complexes from Karat and Beledi where the statuettes have been found together with chronologically indicative ritual bronze spoons (Fig. 3) as a basis, the authors have offered the dating of the said complexes, the figures presented in the article and a series of statuettes representing warriors and statuettes in the adoration posture to the Early Medieval period in contrast to a previously suggested dating to the Scythian Age or an indefinite dating within the first millennium BC-the first millennium AD.

О.Л. ПРОШКИН

ДРЕВНЕРУССКИЙ СЛОЙ МОЩИНСКОГО ГОРОДИЩА

Мощинское городище (Мосальский р-н Калужской обл.) известно как памятник эпохи раннего железного века, давшего название мощинской культуре. Однако в результате многократных раскопок на нем выявлен и древнерусский слой, содержавший большое число находок. Вероятно, к нему также можно отнести и остатки некоторых сооружений. Найденный материал представляет большой научный интерес и является основой для изучения социально-экономической структуры поселения, его датировки и роли в существовавшей тогда поселенческой системе.

Городище находится в 1 км к западу от с. Мощины на мысу правого берега р. Пополты (бассейн р. Рессы) (рис. 1). Площадка городища треугольной формы общей площадью чуть более 1000 м^2 возвышается над рекой на 18 м. С напольной стороны защищена валом высотой до 2,5 м и рвом глубиной до 1,5 м (рис. 2).

Первые исследования памятника провел Н.И. Булычев в конце XIX в. (Булычев Н.И., 1899, с. 16–18; Boulitchov N., 1900, p. 17–21). Затем городище было изучено во время археологической разведки Т.Н. Никольской в 1955 г. (Никольская Т.Н., 1959, с. 124–126). И наконец, в 1974–1980 гг. здесь проводились раскопки Среднерусской экспедицией Института археологии под руководством И.К. Фролова (Фролов И.К., 1975а, с. 85–86; 1976а, с. 95; 1977а, с. 78; 1978а, с. 93; 1979а, с. 87; 1980, с. 87; 1981, с. 96). Всего было вскрыто 803 м^2, т.е. большая часть укрепленной площадки. Культурный слой имел мощность до 2,7 м, а слой с древнерусскими находками – от 0,3 до 1,1 м. Однако четкого деления на горизонты, содержавшие находки разных эпох, не прослеживалось. Культурный слой мощинской эпохи был сильно перемешан в результате хозяйственной деятельности в эпоху Древней Руси и позднего средневековья.

Во время небольших раскопок Н.И. Булычева у вала городища были найдены остатки сооружений и различные предметы. Основная их масса относилась к древнему культурному слою городища; костяные стрела и иголка, глиняные пряслица, фрагменты лепной, в том числе лощеной, посуды, знаменитый клад бронзовых украшений с эмалями и многое другое.

В опубликованных Н.И. Булычевым материалах раскопок имеются предметы, относящиеся к эпохе Древней Руси: бронзовый решетчатый перстень, золото-стеклянная бочонковидная и зонная из красного печеного стекла бусины и др. К сожалению, исследователь не дал четкого описания стратиграфии раскопа и мест сделанных находок так же, как и остатков открытых им сооружений. Во время обследования Т.Н. Никольской на городище были заложены два шурфа, выявившие культурный слой только с фрагментами лепной посуды первой половины – середины I тыс. н.э. Большая коллекция древнерусских предметов получена из раскопок И.К. Фролова. Исследователь отметил распространение культурного слоя с находками эпохи Древней Руси на площади в 608 м^2 (76% вскрытой площади). Часть открытых сооружений по сделанным в них находкам он также датировал древнерусским временем.

По мнению И.К. Фролова, в древнерусский период жизни на городище продолжали функционировать вал и ров. Площадь первого была не менее 160 м^2 (Фролов И.К., 1979б). Склоны мыса были эскарпированы. В северной и северо-западной частях площадки (раскопы 11, 13) зафиксирована каменно-глинистая забутовка, находившаяся на стыке мощинского и древнерусского слоев, которая шла по краю площадки.

© О.Л. Прошкин, 1997 г.

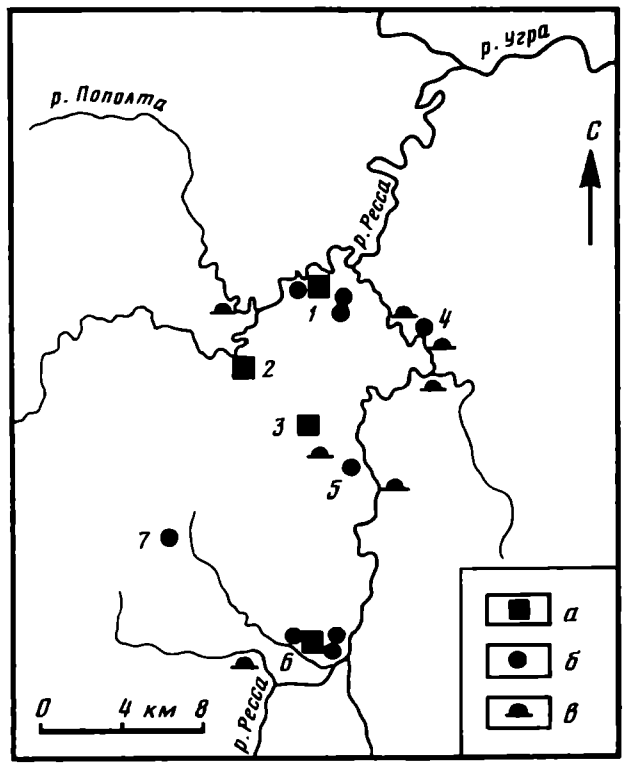


Рис. 1. Древнерусские поселения и курганы бассейна р. Рессы.
а – городище; *б* – селище; *в* – курганный могильник.
1 – Мощины; *2* – Спас-Перекша; *3* – Мосальск; *4* – Каплино;
5 – Тимофеевская; *6* – Серпейск; *7* – Мартюновка

И.К. Фролов интерпретировал ее как забутовку с целью укрепления склона (Фролов И.К., 1979б). С внутренней ее стороны в культурном слое прослеживались остатки столбовых ям диаметром 0,4–0,5 м и глубиной 0,2–0,3 м, располагавшихся параллельно склону, – следы частокола (тына), огораживающего площадку по периметру.

Среди остатков сооружений, относящихся в основном к мощинской культуре, И.К. Фролов выделил располагавшуюся в северо-западной части площадки городища одну жилую постройку и несколько ям и ровиков древнерусской эпохи, сосредоточенных к юго-западу и востоку от нее, находящихся в центральной части площадки городища. В частности, яма К-9 (раскоп 9, квадраты 55, 56) обозначена исследователем как остатки жилого сооружения типа полуземлянки (размеры по оси север – юг 2,4 м; по оси запад – восток 2 м, глубина от уровня материка до 0,2 м) (рис. 3, Б), исследована не полностью, лишь в пределах раскопа. Восточную и северо-восточную части дна занимала яма размерами 0,8 × 1,6 м (глубина до 0,35 м), в заполнении которой были обожженные камни, угли, зола, обожженное дерево, фрагменты гончарной посуды, в том числе фрагмент донца гончарного сосуда с клеймом "ключ" (Фролов И.К., 1978б, с. 33, рис. 61) (рис. 4, *4*). В развале, вероятно, печи-каменки ямы К-9 найден обломок проушного шлифованного каменного топора эпохи бронзы (Фролов И.К., 1978б, с. 33). Находки каменных топоров эпохи бронзы в некоторых древнерусских комплексах наводят на мысль об их культовом характере (положение в очаге, печи, под углом сруба и т.д.). Ближайшей аналогией подобному явлению следует считать находку сверленого топора в развале печи-каменки эпохи Древней Руси на городище 1 у д. Маламахово в бассейне р. Протвы (Прошкин О.Л., Фролов А.С., 1993, с. 19–21). Остатки другого углубленного сооружения (вероятнее всего, хозяйственного) расположены почти в центре площадки городища (раскопы 1, 5, сооружение 5). От него сохранилось углубление П-образной формы. Размеры его основной части около 2 × 4 м. Западный выступ имел размеры 2 × 2 м, северо-западный

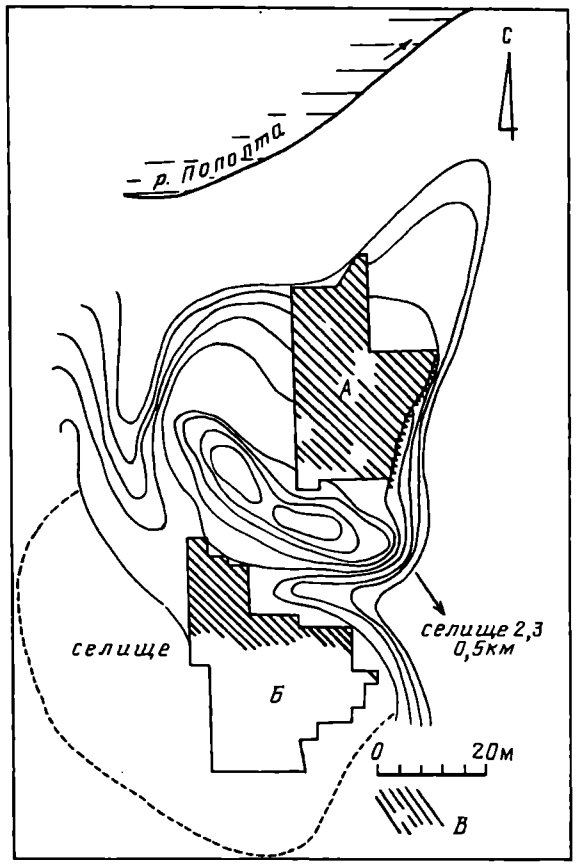


Рис. 2

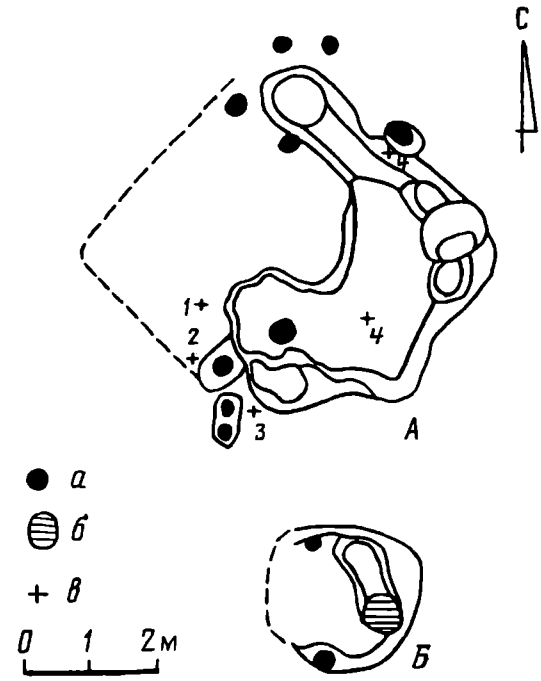


Рис. 3

Рис. 2. Городище и селище 1 у с. Мощины. План. *А* – раскопы на городище; *Б* – раскопы на селище; *В* – распространение слоя с древнерусскими находками

Рис. 3. Гордище у с. Мощины. Остатки древнерусских сооружений. *А* – сооружение 5; *Б* – сооружение – 9. *1* – перстень; *2* – пятилопастное кольцо; *3* – наконечники стрел, *4* – ключи. *а* – столбовая яма; *б* – развал печи, *в* – находка

– около 1 × 2 м. Сооружение углублялось в материк до 0,3 м (рис. 3, *А*). В его заполнении найдены фрагменты гончарной посуды (стенки, донца), на некоторых с линейным орнаментом, два железных ключа типа А, по Б.А. Колчину. С севера и юга к сооружению почти примыкали несколько круглых столбовых ямок, в заполнении которых кроме глиняной обмазки найдены фрагменты гончарной посуды. Здесь же, рядом с сооружением (к западу от него) были найдены 5-лопастное височное кольцо, наконечники стрел с ромбовидным пером. Назначение данной постройки – хозяйственное помещение. В пользу этого говорит и отсутствие отопительных сооружений.

К остаткам хозяйственных построек условно следует отнести несколько ям округлой и овальной формы диаметром 0,5–1,3 и глубиной 0,3–0,7 м, расположенных к северу от сооружения 5. В заполненнии этих ям также были найдены фрагменты гончарной посуды с линейно-ленточным орнаментом (Фролов И.К., 1977б; 1979б). Мелкие округлые ямки диаметром 0,2–0,4 и глубиной 0,1–0,5 м и ровики (раскоп 3, квадраты 4, 5, 9; раскоп 5, квадраты 20–22 и др.), вероятно, являются следами оградок.

Ряд мелких (столбовых) и три ямы диаметром 0,8–1,2 и глубиной 0,3–0,7 м, располагавшихся в 2 м к северо-западу от сооружения 5, остались, вероятно, от сооружения производственного назначения. Стенки этих ям сильно обожжены, а в заполнении найдено большое количество железного шлака, обожженной глины, камней, фрагментов гончарной посуды (раскоп 7, квадраты 25–29) (Фролов И.К., 1977б, с. 5).

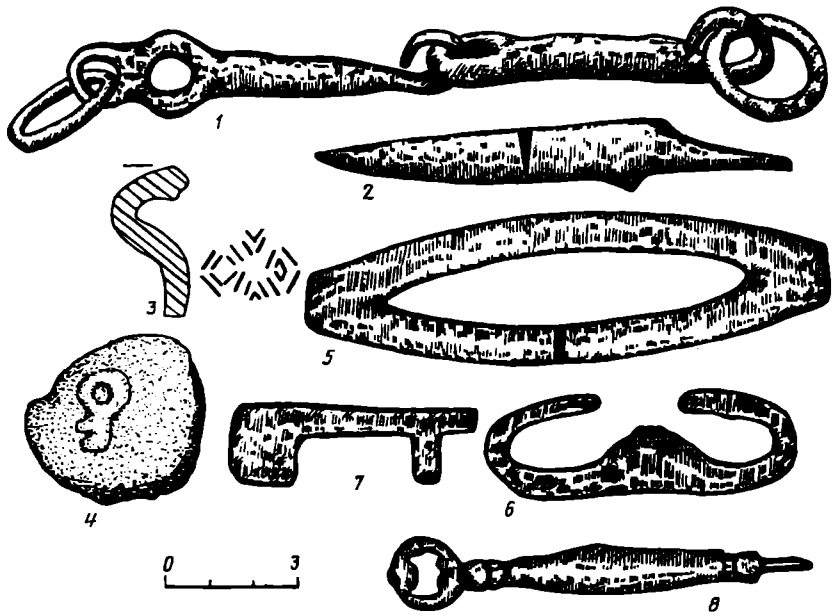


Рис. 4. Бытовые предметы: *1* – удила; *2* – нож; *3* – фрагмент венчика гончарного сосуда; *4* – донце с клеймом; *5*, *6* – кресала; *7*, *8* – ключи

Других данных о наличии каких-либо древнерусских построек нет. Вероятно они были наземными и не сохранили следов в материке.

Коллекция древнерусских находок с Мощинского городища к настоящему времени сохранилась не полностью, лишь ее небольшая часть – чуть более 50 предметов, включая незначительное число фрагментов гончарной посуды. Основная часть коллекции предметов из раскопок Н.И. Булычева хранится в ГИМе, а из раскопок И.К. Фролова – утеряна, и сведения о них можно получить лишь из отчетов. Все находки эпохи Древней Руси можно разделить на три группы: украшения, бытовые предметы, оружие.

Украшения. 5-лопастное височное бронзовое кольцо, миниатюрное, близкое к так называемому типу "Сельцо" (раскоп 3, пласт 4, квадрат 7) (рис. 5, *1*) (Фролов И.К., 1975б). Исследователи датируют их концом IX–XI в., считая более точной дату середина – вторая половина XI в. (Равдина Т.В., 1975, с. 223), что подтверждается и совместными их находками с монетами второй половины XI в. (Равдина Т.В., 1988, с. 129).

Литой бронзовый перстень с ложновитым (?) орнаментом в срединной, слегка сплющенной части (раскоп 7, квадрат 5) (Фролов И.К., 1977б). Близкие аналогии ему известны из Серенска – в погребении некрополя в северо-западной части детинца первой трети XIII в. – и городища Слободка на р. Навле в Орловской обл. в комплексе находок второй половины XII – первой половины XIII в. (Никольская Т.Н., 1986, с. 49, рис. 4, *7*; 1987, рис. 65, *2*).

Литой бронзовый широкосрединный решетчатый перстень с двойным рядом треугольных и округлых прорезей, с несомкнутыми или обломанными концами (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *8*) (рис. 5, *2*). Относится к широко распространенному так называемому простому типу решетчатых перстней. Датируется концом XI–XIII в.

Литой (?) бронзовый престень с расширением в срединной части в виде щитка и двумя овальновытянутыми прорезями по краям от него (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, 12) (рис. 4, *3*).

Пластинчатый бронзовый широкосрединный перстень с волнистым орнаментом (раскоп 5, квадрат 15) (Фролов И.К., 1976б). Общераспространенный тип древнерусских перстней в X–XIII вв.

Фрагмент пластинчатого бронзового браслета, орнаментированного выпуклыми по-

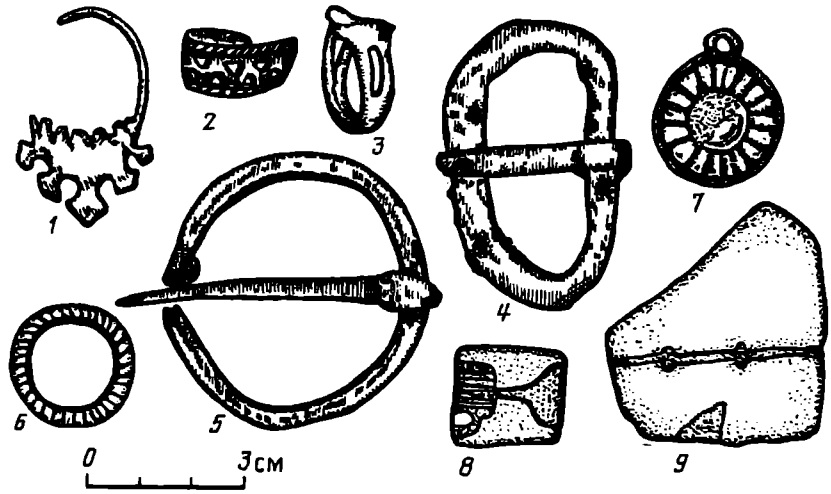


Рис. 5. Украшения. *1* – височное кольцо; *2*, *3* – перстни; *4* – пряжка; *5* – фибула; *6* – поясное кольцо; *7* – привеска; *8*, *9* – части литейных форм

лушариями (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, 15). Пластинчатые орнаментированные браслеты разных типов бытовали на Руси в XI–XIII вв. (Седова М.В., 1981, с. 103–110).

Фрагмент бронзового проволочного витого тройного браслета (раскоп 5) (Фролов И.К., 1976б). Наиболее распространенная форма в эпоху Древней Руси. Датируются в основном серединой XI–XIII в.

Привеска – бубенчик бронзовый шаровидный с линейной прорезью и двойным рельефным пояском (раскоп 3, пласт 2, квадрат 7) (Фролов И.К., 1975б). Датируется XI–XIII вв.

Привеска круглая бронзовая монетовидная, орнаментированная выпуклыми полушариями (Булычев Н. И., 1899, табл. XIV, *6*). Аналогичные подвески найдены в Серенске, в комплексе находок XII – середина XIII в. (Никольская Т.Н., 1981, рис. 89, *5*) в погребении Рогачевского курганного могильника в Белоруссии вместе с находками XI–XII вв. (Соловьева Г.Ф., 1972, рис. 16) в Новгороде в слое второй половины X – середины XI в. (Седова М.В., 1981, рис. 12, *1*) и др. пунктах.

Бусы золото-стеклянные бочонковидные (раскоп 5, квадрат 4, яма, количество неизвестно) (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *3*; Фролов И.К., 1976б). Широко бытовали на Руси с конца X до начала XII в.

Бусина золото-стеклянная двойная (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, 14). Найдены на многих древнерусских памятниках IX – начала XII в. (Равдина Т.В., 1988, с. 122; Фехнер М.В., 1959, с. 160).

Бусина из красного печеного стекла, зонная (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *4*). М.В. Фехнер датирует их X – началом XI в. (Фехнер М.В., 1959, с. 171). Аналогичная бусина найдена в комплексе XII в. городища Слободка (Никольская Т.Н., 1987, с. 154).

Бусы синестеклянные ребристые (раскоп 5, квадрат 4, яма, кол-во неизвестно). (Фролов И.К., 1976б). Датируются X–XIII вв. (Равлина Т.В., 1988, с. 31, 33; Никольская Т.Н., 1987, с. 164).

Фибула подковообразная железная со спиральнозагнутыми концами (Boulitchov N., 1900, табл. VI, *2*) (рис. 5, *5*). Подобные, но бронзовые фибулы найдены на многих древнерусских памятниках середины X–XI в. (Равдина Т.В., 1988, с. 27, 39, 64; Колчин Б.А., 1959, рис. 96, *2*, *3*).

Пряжка овальнорамчатая железная, прямоугольная в поперечном сечении (Boulitchov N., 1900, табл. VI, *3*) (рис. 5, *4*). Аналогичные найдены в Новгороде в слоях второй четверти XIII (Колчин Б.А., 1959, табл. 3, *29*) и конца XIV в. (Се-

дова М.В., 1981, рис. 96, *8*). Их наиболее ранние находки относятся к последней трети I тыс. н.э. (Розенфельдт И.Г., 1982, с. 99, рис. 22, *19*; Ковалевская В.Б., 1979, табл. III, *3*).

Кольцо поясное (разделитель) бронзовое литое рифленое, вероятно, круглое или овальное в поперечном сечении (рис. 5, *6*) (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *9*).

К данной группе предметов следует также отнести трехбусинную пронизку (раскоп 3, квадрат 5, ровик 1, в заполнении с фрагментами гончарной посуды) (Фролов И.К., 1977а), круглую орнаментированную привеску (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *10*) (рис. 5, *7*), а также части двух каменных литейных форм, вероятно, для отливки украшений (раскоп 3, пласт 2, квадрат 4 и пласт 4, квадрат 8) (рис. 5, *8*, *9*) (Фролов И.К., 1977б).

Бытовые предметы. Три железных ключа от навесных пружинных замков типа А, по Б.А. Колчину (раскоп 1, сооружение 5) (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, 18; Фролов И.К., 1974) (рис. 4, *8*). Датируются XI–XIII вв. (Колчин Б.А., 1959, рис. 66, *2*, *3*).

Ключ железный, вероятно, от навесного пружинного замка типа В, по Б.А. Колчину (Boulitchov N., 1900, табл. VI, *11*). Датируется в Новгороде вторая четверть XII – начало XV в. (Колчин Б.А., 1959, рис. 70).

Ключ железный от цельнометаллического неподвижного нутряного замка (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, 21) (рис. 4, *7*). В Новгороде датируется концом XI–XIII в. (Колчин Б.А., 1959, рис. 76).

Ножи железные черешковые с клиновидным поперечным сечением лезвия, хозяйственного типа (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *25*; Фролов И.К., 1976б) (рис. 4, *2*). Общедревнерусский тип ножей XII–XIII вв.

Кресало железное каланчевидное (Boulitchov N., 1900, табл. VI, *4*) (рис. 4, *6*). Датируется X–XI вв. (Колчин Б.А., 1959, рис. 84, *1–3*).

Кресало железное овальное (Boulitchov N., 1900, табл. VI, *5*) (рис. 4, *5*) XII–XIII вв. (Никольская Т.Н., 1981, рис. 29, *43*; 1987, рис. 61, *4*).

Крючок железный однозубцовый рыболовный (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, 23). Аналогичные найдены в Серенске (домонгольский слой) (Никольская Т.Н., 1981, рис. 99, *1*), на городище Слободка (середина XII – середина XIII в.) (Никольская Т.Н., 1987, рис. 66, *5*).

Удила железные кольчатые из двух подвижных звеньев с кольцами по краям, край одного звена имеет два отверстия (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *32*) (рис. 4, *1*). Близкие по форме найдены в кургане № 100 конца X в. Тимеревского могильника (Недошивина Н.Г., 1981, с. 181, рис. 4, *2*). Такие же точно удила найдены в Путивле, на городище в урочище "Городок" в строительном горизонте XI – середины XIII в. (Сухобоков О.В., 1991, с. 74, рис. 6, *20*). Пунктом находки таких удил на Верней Оке является селище Уткино (Смирнова М.Е., 1989).

Топор железный с опущенным выемчатым лезвием и проушным обухом с двумя выступами (Boulitchov N., 1900, табл. XVII, 4). Вероятно, является плотничьим топором переходного типа – от А (X – середина XII вв.) к типу Б (XIII–XIV вв.) по Б.А. Колчину (Колчин Б.А., 1959, с. 25, 26). Подобный топор найден в курганном могильнике Поречье в верховьях р. Березины, в погребении с дирхемом X в. (Равдина Т.В., 1988, с. 101).

Пряслице шиферное битрапецоидное с диаметром внутреннего канала 8–9 мм (Boulitchov N., 1900, табл. XV, *23*) Р.А. Розенфельдт датирует их второй половиной XI – серединой XII в. (Розенфельдт Р.Л., 1964). К этому же времени относятся и их находки в курганах (Равдина Т.В., 1988, с. 26, 103).

Фрагменты гончарной посуды с волнистым, линейным и линейно-ленточным орнаментом (количество неизвестно) (Булычев Н.И., 1899, табл. XVI; Фролов И.К., 1974; 1975б; 1976б; 1977б; 1979б) (рис. 6). В основном это части горшков древнерусско-

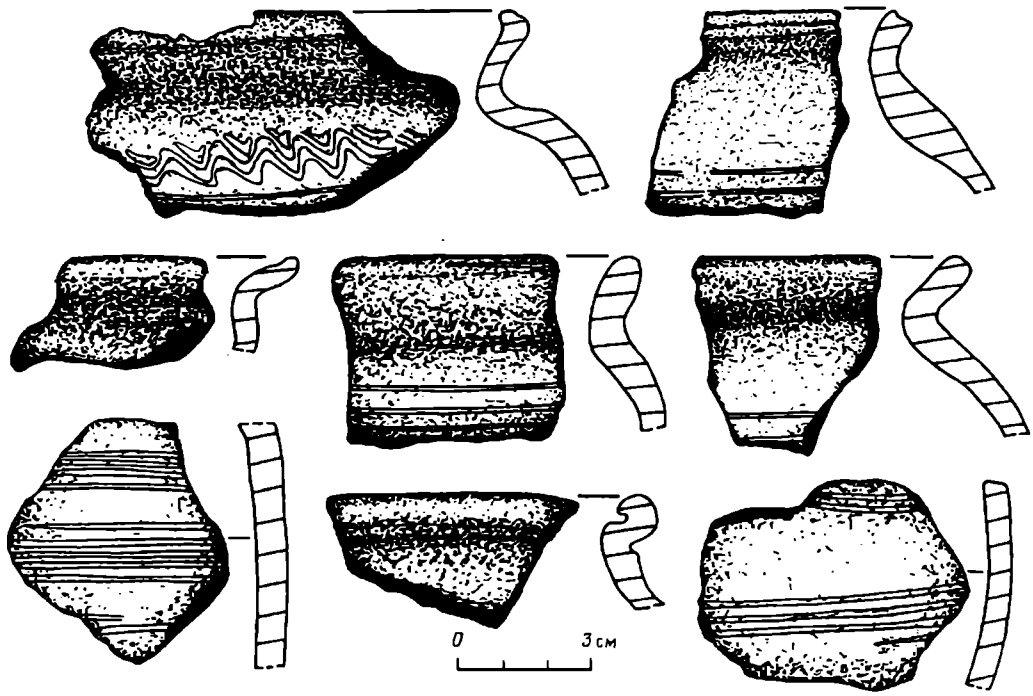


Рис. 6. Фрагменты гончарных сосудов

го "курганного" типа. На одном из фрагментов венчика и стенки гончарного сосуда (раскоп 1, пласт 2, квадрат 5) – оригинальный ромбовидный орнамент (рис. 4, *3*). Профиль венчика близок профилям горшков селища Алексеевка 2 в Подмосковье (XII–XIII вв.) (Чернов С.З., 1991, табл. 18, *а*) и VI типу керамики городища Слободка (XIV–XV вв.) (Никольская Т.Н., 1987, рис. 85).

Оружие. Наконечник копья железный втульчатый двушипный с пером узкой удлиненно-треугольной формы (раскоп 11, из отвала пластов 2, 3) (Фролов И.К., 1979б) (рис. 7, *1*). А.Н. Кирпичников датирует подобный тип (тип VII) IX–XIV вв. (Кирпичников А.Н., 1966, с. 17). И.Г. Розенфельдт удревняет их появление, относя его к последней трети I тыс. н.э. (Розенфельдт И.Г., 1982, с. 133, 134).

Наконечник копья железный втульчатый с пером удлинено-ромбовидной формы (Булычев Н.И., 1899, табл. XVI, 15) (рис. 7, *3*). Аналогичные наконечники известны в древностях Восточной Европы с середины I тыс. н.э. (городище Близнаки на Смоленщине и др.) до XIII в. включительно (Новгород и др.) (Медведев А.Ф., 1959, рис. 13, *1*).

Наконечник копья железный втульчатый клиновидный с широким четырехгранным пером (типа пики) (Boulitchov N., 1900, табл. VI, *10*) (рис. 7, *2*). Датируется по Новгороду X–XI вв. (Медведев А.Ф., 1959, рис. 5, *6*).

Наконечник копья (сулицы) железный черешковый плоский с пером кинжаловидной формы (Boulitchov N., 1900, табл. VI, *7*) (рис. 7, *4*). Близкие по форме найдены в Новгороде в слое XIII в. (Медведев А.Ф., 1959, рис. 5, *10*). А.Н. Кирпичников датировал эту находку X–XI в. (Кирпичников А.Н., 1966, с. 100, 101).

Наконечник стрелы железный черешковый плоский типа срезня (в виде треугольной лопаточки) (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *20*). Датируется XI–XII вв. (Медведев А.Ф., 1959, с. 167).

Наконечники стрел железные черешковые плоские с ромбовидным пером (не менее трех, раскоп 5, пласт 1, квадрат 13; пласт 3, квадрат 20) (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, 24; Фролов И.К., 1977б) (рис. 7, *5*). Широко бытовали с XI по XIII вв. (Никольская Т.Н., 1981, рис. 93; Медведев А.Ф., 1959, с. 166).

Наконечник стрелы железный черешковый плоский с широким ромбовидным пером

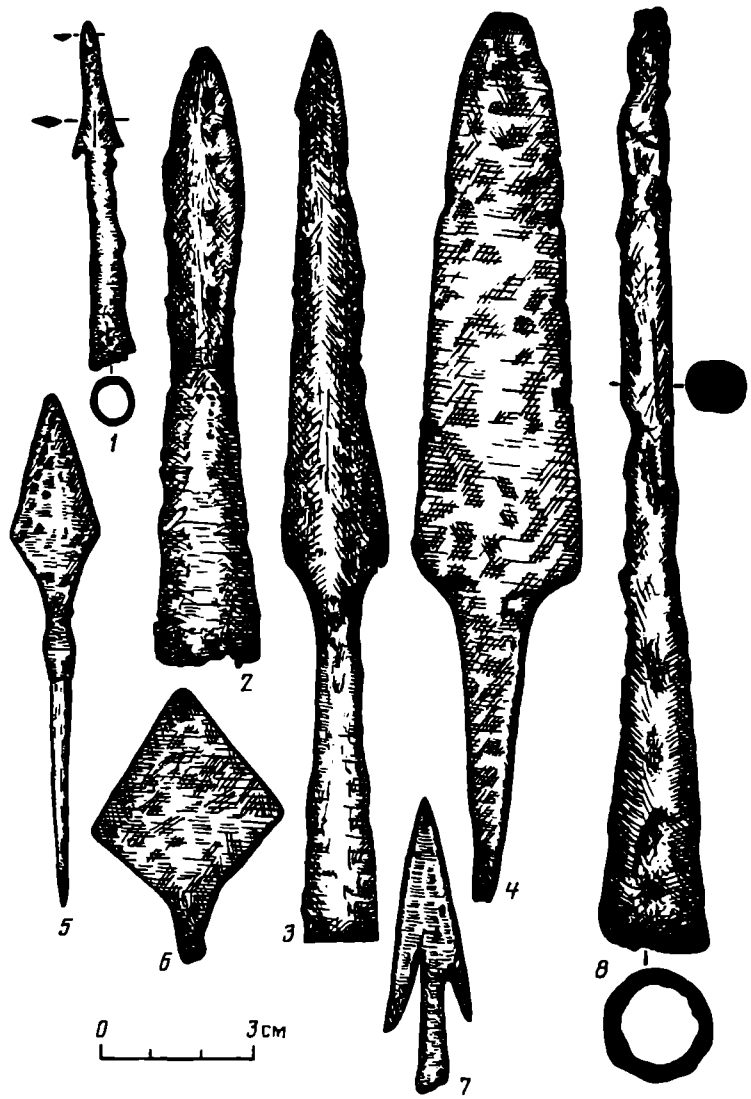


Рис. 7. Предметы вооружения. *1, 2, 3, 8* – наконечники копий; *4* – наконечник сулицы; *5–7* – наконечники стрел

(Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *31*) (рис. 7, *6*). Использовались в XI–XIII вв. (Медведев А.Ф., 1959, с. 166).

Наконечник стрелы железный черешковый плоский ланцетовидный (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, *27*). Датируется IX–XI вв. (Равдина Т.В., 1988, с. 116; Медведев А.Ф., 1959, с. 164; Никольская Т.Н., 1957, с. 186).

Дополнением данной группы предметов могут служить двушипный черешковый наконечник стрелы (Фролов И.К., 1979б) (известны с середины I тыс. н.э.) (рис. 7, *7*). Фрагменты железной кольчуги, сплетенной из проволочных колечек диаметром менее 1 см (раскоп 7, квадрат 40, ямка: раскоп 11, пласт 1, квадрат 7) (Фролов И.К., 1977б) (рис. 8).

Таким образом, на основании типологии и хронологии указанных предметов можно предположить, что древнерусский слой Мощинского городища датируется временем от рубежа XI–XII вв. и до второй половины XIII в.

О социальной структуре поселения сказать что-то определенное нельзя. Отсутствуют подробные данные о планировке, заселенности, типах сооружений и т.д. Найденные украшения и предметы быта характерны для многих городских и сельских поселений Древней руси, – как городищ, так и селищ, часто встечаются в курганных могильниках. Отсутствие археологических данных, соответствующих полному нали-

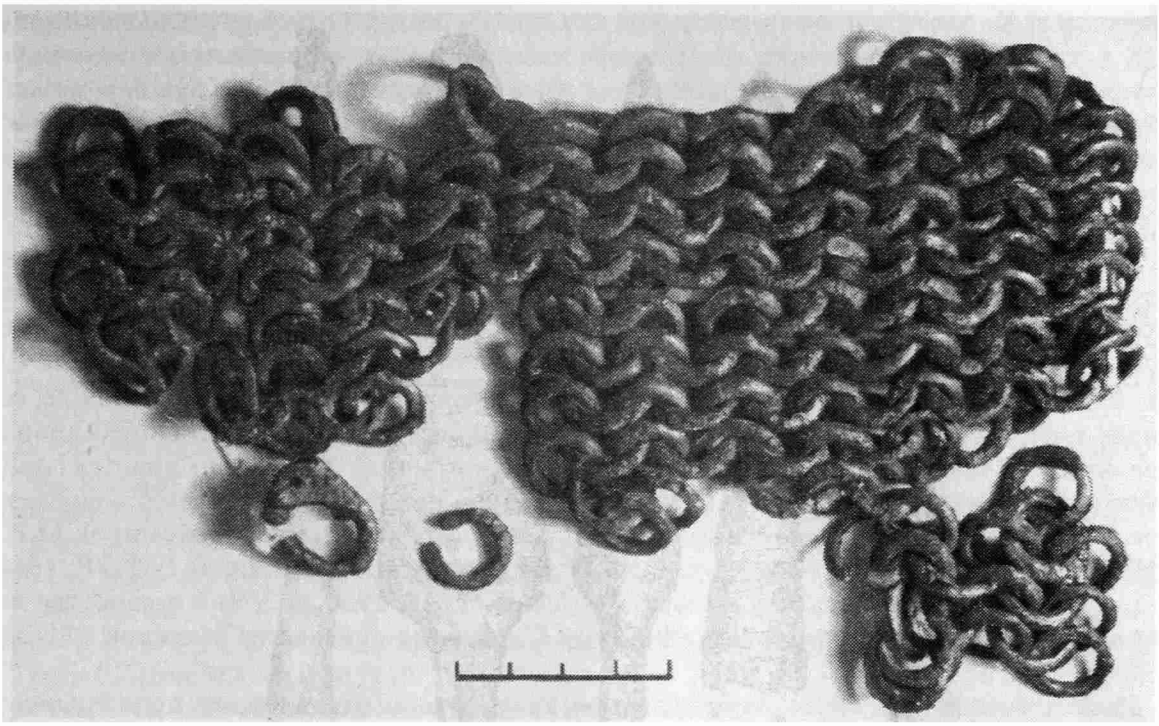


Рис. 8. Фрагмент кольчуги

чию городских признаков (укрепленный торгово-ремесленный посад, находки печатей, монументальное зодчество и т.п.), свидетельствует об ином социальном характере этого поселения. Нет на городище и признаков развитого сельскохозяйственного производства, что могло бы поставить его в ряд сельских земледельческих поселений. Лишь многочисленные находки предметов вооружения и доспеха говорят о наличии здесь воинов, присутствие которых является косвенным свидетельством того, что данное поселение в эпоху Древней Руси могло обладать военно-административными функциями.

Находки оружия и фрагментов кольчуги известны и из раскопок селища 1, расположенного за валом и рвом городища. Его общая площадь около 3000 м^2. Однако в результате раскопок И.К. Фролова слой с древнерусскими находками мощностью до 1,2 м выявлен на небольшой площади (около 300 м^2) у рва (Фролов И.К., 1974). Он содержал фрагмент семи-лопастного височного кольца, черешковые ножи, наконечник копья, фрагмент кольчуги, обломки гончарной посуды и т.п. Селище 1 существовало одновременно с Мощинским городищем.

Юго-восточнее городища (в 0,5 км) находятся еще два селища площадью 1,6 и 2,1 га, существовавшие также, судя по найденной там керамике, одновременно с городищем и являвшиеся единым крупным поселением. Топографически оба селища разделяет овраг, врезающийся в правый берег р. Грачевки.

Следует отметить, что в бассейне р. Рессы, поселенческих комплексов, подобных мощинскому, неизвестно (рис. 1). Два крупных укрепленных поселения с селищами-посадами, находящиеся южнее с. Мощины, являются остатками летописных городов Мосальска и Серпейска. Известные возле них селища входили в эпоху Древней руси в их городскую округу. Связанными с мошинскими поселениями могли быть только селище у д. Каплино (в 8 км к юго-востоку от с. Мошины, на правом берегу р. Рессы) и городище у б. с. Спасс-Перекша (в 9 км к юго-западу от с. Мошины, на правом берегу р. Перекши), а также, вероятно, и курганные могильники Дубровка, Кажаки, Любаховка, Богоявление, Тимофеевское и Васильевское, также расположенные близ села.

Селище у д. Каплино (селище 1) общей площадью 2,7 га с культурным слоем мощностью 0,3–0,4 м датируется по находкам лепной и гончарной посуды X–XI вв.

(Фролов И.К., 1977б). На городище у б. с. Спас-Перекша Н.И. Булычевым в конце XIX в. проводились раскопки. Найденные там предметы – фрагменты стеклянных браслетов, золотая привеска-лунница, костяные орнаментированные рукояти ножей, различные наконечники стрел и др., а также планировка и размеры (на высоком мысу площадью 2200 м^2), наличие мощного высокого (4 м) вала и глубокого (1,5 м) рва позволили Т.Н. Никольской считать это поселение феодальным замком (Никольская Т.Н., 1981, с. 83).

Интересно и то, что на поселениях у с. Мощины были найдены предметы более позднего времени – XIV–XVI вв. В частности, это железный нож с накладной ручкой (городище) (Булычев Н.И., 1899, табл. XIV, 30); железный втульчатый наконечник копья с узким пером типа пики (селище 1) (рис. 7, *8*) (Фонды КОКМ, коллекция Кп № 10590); фрагменты гончарной белоглиняной и темноморенной посуды (городище, селища 1–3) (Фролов И.К., 1974; 1976б). Это является свидетельством функционирования поселений в этот период. В "Списке городов" конца XIV в. упоминается город "Мащин", принадлежавший Литве. М.Н. Тихомиров предполагал, что "это современное селение Мощин поблизости от Угры, к северу от Мосальска" (Тихомиров М.Н., 1952, с. 224, 239). В 1503 г. он упоминается как "городища... Мощина" (АИЗР, 1846, т. I, с. 288), в 1504 г. – уже как волость "Мощын" (ДДГ, 1960, с. 359) и в качестве же волости в 1508 г., которую польский король Сигизмунд признал за Москвой (ФИЗР, 1848, т. II, с. 53–56).

Исследования поселенческих комплексов, аналогичных мощинскому, проводились в бассейне Верхней Оки Т.Н. Никольской и другими исследователями. Примерами могут служить поселения Комаровское (Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д., 1967, с. 63–72), Сенево (Фролов А.С., 1977; 1979) и многие другие. Все они состоят из городищ площадью от 1000 до 5000 м^2 с остатками оборонительных укреплений в виде земляных валов (иногда двойных) и рвов, имеют очень выгодное стратегическое положение на местности. Культурный слой их содержит находки предметов вооружения (наконечники стрел и копий, боевые топоры, фрагменты кольчуг и т.п.), стеклянные браслеты, украшения из драгоценных металлов, монеты конца XI – середины XIII в. К городищам примыкают синхронные им по времени селища – от двух до четырех довольно значительных размеров (более 1 га) с находками украшений, бытовых предметов, оружия, керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АИЗР: Акты, относящиеся к истории Западной России, 1846. Т. I. СПб.

АИЗР: Акты, относящиеся к истории Западной России, 1848. Т. II. СПб.

Булычев Н.И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.

ДДГ: Духовные и доворные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1960. М.; Л.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е1–36. Вып. 2.

Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы IV–IX вв. Пряжки // АСИ. Вып. Е1–2.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.

Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65.

Недошивина Н.Г., 1981. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Никольская Т.Н., 1957. Древнерусское селище Лебедка // СА. № 3.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА. № 72.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

Никольская Т.Н., 1986. Новые данные к истории Серенска // КСИА. Вып. 187.

Никольская Т.Н., 1987. Городище Слободка XII–XIII вв. М.

Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д., 1967. Раскопки древнерусских городищ в Орловской области // КСИА. Вып. 110.

Прошкин О.Л., Фролов А.С., 1993. О находке каменного боевого топора на городище у деревни Маламахово // Боровский краевед. Вып. 5. Боровск.
Равдина Т.В., 1975. Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. № 3.
Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.
Розенфельдт Р.Л., 1964. О производстве и датировке обручских пряслиц // СА. № 4.
Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Новгорода (X–XV вв.) М.
Соловьева Г.Ф., 1972. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской обл. // КСИА. Вып. 129.
Смирнова М.Е., 1989. Отчет Смирновой М.Е. о работе Тульского отряда ДЭ ИА АН СССР в 1989 г. // Архив ИА. Р–1. № 13613, 13614.
Сухобокова О.В., 1991. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.
Тихомиров М.Н., 1952. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Вып. 40.
Фехнер М.А., 1959. К вопросу об экономических связях друвнерусской деревни // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.
Фролов А.С., 1977. Отчет о полевых исследованиях в Калужской и Тульской областях в 1977 году // Архив ИА. Р–1. № 7219.
Фролов А.С., 1979. Отчет о раскопках у с. Сенево Алексинского района Тульской области в 1979 г. // Архив ИА. Р–1. № 9085.
Фролов И.К., 1974. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1974 г. // Архив ИА. Р–1. № 5429.
Фролов И.К., 1975а. Раскопки на городище у с. Мощины Калужской области // АО–1974 г. М.
Фролов И.К., 1975б. Отчет о работе Среднерусской экспедиции за 1975 г. // Архив ИА. Р–1. № 5679.
Фролов И.К., 1976а. Раскопки на городище и селище у с. Мощины // АО–1975 г. М.
Фролов И.К., 1976б. Отчет о работе Калужского и Орловского отрядов. 1976 г. // Архив ИА. Р–1. № 6037.
Фролов И.К., 1977а. Работы в Калужской и Орловской областях // АО–1976. г. М.
Фролов И.К., 1977б. Отчет о работе Среднерусской экспедиции в 1977 г. // Архив АИ. Р–1. № 6717.
Фролов И.К., 1978а. Работы Среднерусской экспедиции // АО–1977 г. М.
Фролов И.К., 1978б. Отчет о работе Среднерусской экспедиции за 1978 г. // Архив ИА. Р–1. № 8824.
Фролов И.К., 1979а. Работы Среднерусской эспедиции // АО–1978 г. М.
Фролов И.К., 1979б. Отчет Среднерусской экспедиции за 1979 год // Архив ИА. Р–1. № 7967.
Фролов И.К., 1980. Работы Среднерусской экспедиции // АО–1979 г. М.
Фролов И.К., 1981. Работы Среднерусской экспедиции // АО–1980 г. М.
Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.
De Boulitchov N., 1900. Kourgans et gorodietz. M.

Калужский областной краеведческий
музей

O.L. PROSHKIN

THE ANCIENT RUSSIAN LAYER OF THE MOSHINI HILL-FORT

Symmary

The hill-fort is located at a distance of one kilometer to the west of the village Moshini in the Kaluga area on the right bank of the river Popolta. The site of the hill-fort (its tital area is around 1000 m^2) is protected from the field side with a rampart and a moat. It is dated to the Early Irom Age, the Ancient Rus Age and the Late Middle Ages. It was investigated by N.I. Bulychev in 1898 and T.N. Nikolskaya in 1955 and I.K. Frolov in 1974–1980. More than 800 m^2 of the cultural layer up to 2.7 m thick were uncovered. Remains of two constructions slightly sunk into the ground – a dwelling house and a household building, several pits of household and production purpose, remains of the palings date back to the Ancient Russian Age. The collection of the finds include various decorations, household tools and weaponry that allow to date the Ancient Russian layer of the settlement to the turn of the eleventh–twelfth–the second half of the thirteenth centuries. Three settlements located in the neighborhood existed simultaneously with the hill-fort. A lack of any traces of dwelling houses on the hill-fort, numerous finds of weapons and armor that were also made in a settlement adjacent to it, availability of two large settlements (with a total area of more than two hectares) in the vicinity, mentioning of the hill-fort in the written manuscripts of the fourteenth–the beginning of the sixteenth century and other facts allow to suppose that the said settlement could perform a function of an administrative and economic center of the area.

История науки

М.И. ЗОЛОТАРЕВ, С.Б. БУЙСКИХ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЛАН ОЛЬВИИ П.И. КЕППЕНА

В богатом и разнообразном картографическом собрании Национального заповедника "Херсонес Таврический" хранится рукописный топографический план Ольвии, нигде ранее не опубликованный и должным образом не атрибутированный[1].

План (рисунок) выполнен на листе батистовой английской кальки конца XIX – начала XX в. в смешаной технике (контуровка – черная тушь, отмывка – акварель и сепия), масштаб – 20 саженей в 1 английском дюйме. Внутренние размеры чертежа – по рамочному оформлению 525×335 мм, внешние – по краям калечного листа 685×495 мм.

На плане в довольно крупном масштабе представлены средняя и южная части Верхнего плато ольвийского городища – I Поперечная балка, Центральная возвышенность, II Поперечная балка, Южное плато (т.е. район цитадели), а также бóльшая часть Террасного и Нижнего города. Чертеж достаточно четко и тщательно передает основные элементы рельефа представленной части ольвийского плато: с запада показана Заячья балка, с востока – линия берегового уреза на момент составления плана, выделено местоположение Зевсова кургана, нанесена берг-линия склонов Верхнего плато между ним и I Поперечной балкой. Под восточным склоном плато, на котором размещается Ольвийский теменос, показана оваловидная котловина, конфигурация и размеры которой отчетливо напоминают абрис амфитеатра. Практически в створе с ней, в северо-восточной части плато Нижнего города, недалеко от линии клифа нанесены очертания (или следы выборки?) какого-то крупного, квадратного в плане сооружения.

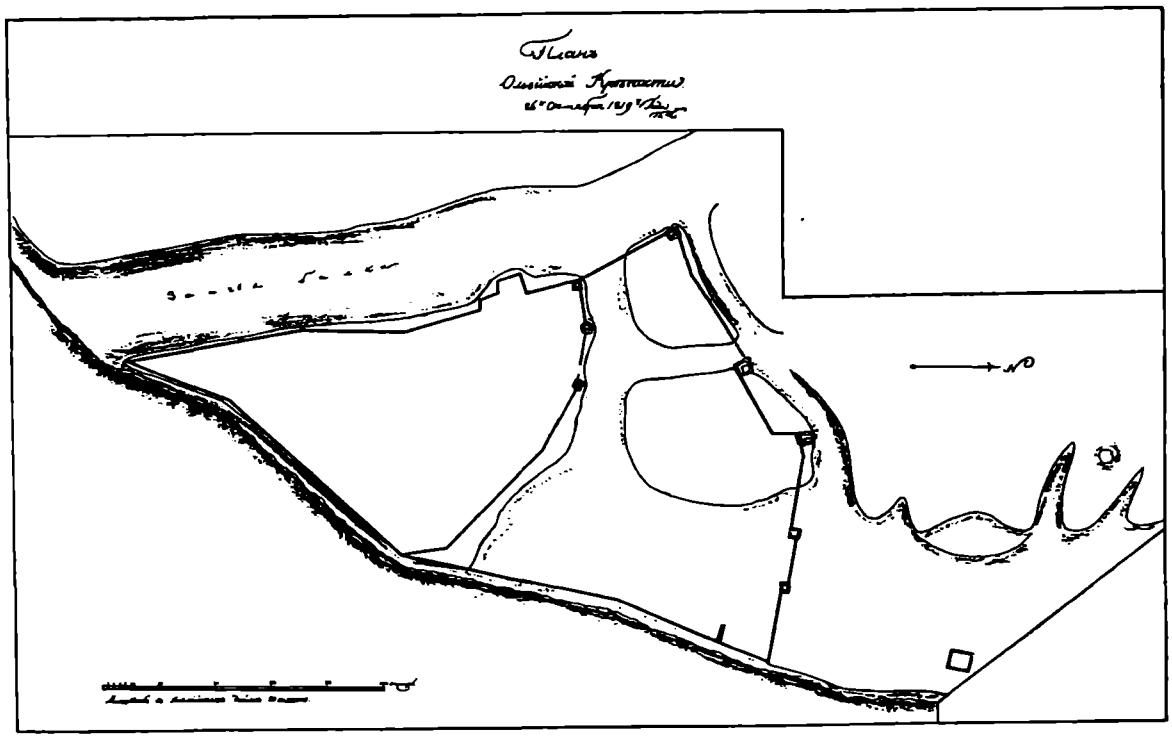
Наибольшая важность рассматриваемого плана состоит в показе оборонительных линий города и системы укреплений ольвийской цитадели на основе зафиксированных автором съемки выборок каменных куртин и башен (Золотарев М.И., Буйских С.Б., 1994, с. 49). На северной линии, перерезающей участок территории от берега Бугского лимана вплоть до Заячьей балки, показано пять отдельных куртин – две прямые и три с изломами и пять прямоугольных, почти квадратных в плане башен. Замыкает северную линию обороны города прямоугольная башня в северо-западной части Центральной возвышенности Верхнего города, показанная на мысу между I Поперечной и Заячьей балками. От юго-западного угла башни в направлении на юго-восток отходит куртина, пересекающая край плато Центральной возвышенности и II Поперечную балку. На плане она стыкуется с восточной и северной линиями обороны цитадели в южной части Верхнего города.

На северной линии стен цитадели размещено три башни: одна круглая и две прямоугольные. Очень точно выписано местоположение и размеры прямоугольной башни на западной линии, над Заячьей балкой. Далее, к югу от башни линия выборок оборонительных стен идет вдоль Заячьей балки вплоть до окончания Южного ольвийско-

---

[1] Архив Национального заповедника "Херсонес Таврический", инв. № 3223.

© М.И. Золотарев, С.Б. Буйских, 1997 г.



План Ольвии П.И. Кеппена из архива Национального заповедника "Херсонес Таврический"

го мыса и здесь смыкается с восточной линией. Восточная оборонительная линия от этого угла проходит по краю верхнего плато и в северо-восточной части цитадели раздваивается: одна линия, плавно повторяя микрорельеф плато, доходит до его края, спускается по склону на низменную платформу Нижнего города и сопрягается с северной линией городских стен. Недалеко от места стыка куртин показана траншея, очевидно, от выборки кладок, идущая от восточной куртины вглубь плато. Другая линия в северо-восточном углу цитадели имеет излом с резким поворотом направления на северо-запад и переходит в северную стену цитадели. Практически по одной оси и в северной линии обводных городских стен (перед I Поперечной балкой), и в северной линии стен цитадели (перед II Поперечной балкой) показаны четкие разрывы в куртинах, очевидно, фиксирующие местонахождение крепостных ворот.

В центре верхнего поля чертежа размещена каллиграфически выписанная надпись: "Планъ Ольвійской Крѣпости. 26 Октября 1819-го Года. П.К.". Эти инициалы, указанная дата съемки, а также тщательное сопоставление нашего плана с планом П.И. Кеппена, опубликованным и проанализированным А.Н. Карасевым (Карасев А.Н., 1956, С. 9–14, рис. 1), не оставляют сомнения в том, что его автором также является П.И. Кеппен. Помимо этого, мы приходим к выводу, что обнаруженный нами план является ничем иным, как исходным инструментальным чертежом к схематической врезке на известном плане П.И. Кеппена. На врезке, расположенной в нижнем левом углу, сделана попытка графической реконструкции оборонительных линий в южной части Ольвийского городища на основании зафиксированных автором следов выборок.

Наше предположение подтверждает полное совпадение оборонительных линий на этой вставке и на нашем плане с тем лишь качественным отличием, что на рассматриваемом плане они полностью увязаны с рельефом. Таким образом, несомненное достоинство вводимого в научный оборот документа в том, что эти линии даны не просто схемой, а с полной привязкой к местности.

Авторство плана позволяет установить также и указанная на нем дата съемки. Сам П.И. Кеппен писал, что план "древней крепости" в Ольвии он снял в 1819 г. (Кеппен П.И., 1822, с. III). В посмертной публикации кеппеновских описаний развалин древней

Ольвии говорится: "План, который сам я снял в октябре месяце истекшего 1819 г., представляет один только город, или два места перед ним, обведенные стенами и защищенные круглыми и угольными башнями. Из сего плана следует, что крепость была очень невелика. Вся длина оной состояла менее полуверсты, а ширина не превышала нигде 150 сажень" (Мурзакевич Н.Н., 1872, с. 405).

Отсутствие этого плана достаточно длительное время порождало в историографии ряд вопросов, принимавших порой форму серьезных претензий или сомнений в достоверности кеппеновской топосъемки Ольвии, либо даже прямых утверждений о том, что сам П.И. Кеппен план Ольвии не снимал, а лишь воспользовался планом И.П. Бларамберга (Карасев А.Н., 1956, с. 10; Леви Е.С., 1985, с. 8). Л.М. Славин, правда, говоря о П.И. Кеппене, осторожно пишет, что "ранее составленный (по-видимому, военными топографами) план Ольвии и ее окрестностей он дополняет на основании самостоятельной съемки и изучения местности в 1819 г. данными о сделах новых выборок камня из оборонительных сооружений Ольвии и другими деталями" (Славин Л.М., 1960, с. 47).

Попутно с П.И. Кеппеном критике подвергался и Н.Н. Мурзакевич, якобы явившийся источником заблуждений о двух планах Ольвии П.И. Кеппена (Карасев А.Н., 1956, с. 10). Теперь совершенно ясно, что речь шла действительно о двух планах Ольвии, снятых П.И. Кеппеном, – один из них уже хорошо известен в науке, другой рассматривается в настоящей публикации. И слова Н.Н. Мурзакевича приобретают в этой ситуации совсем другую окраску. В статье "Митрополит Евгений и академик Кеппен" Н.Н. Мурзакевич писал о том, что именно П.И. Кеппен "первый в 1819 г. посетил следы Ольвии... и тогда же сделал инструментальную съемку не только городской крепости (акрополя)..., но и окрестностей самого города с речной пристанью на р. Буг" (Мурзакевич Н.Н., 1872, с. 404).

Находка данного плана 1819 г. позволяет снять и ряд других серьезных претензий к П.И. Кеппену. Отмечая высокую квалификацию П.И. Кеппена в передаче ольвийского рельефа и нанесении на план археологических объектов, А.Н. Карасев месте с тем считал, что "П.И. Кеппен допустил большую погрешность, представив на плане восточные стены цитадели и куртины вдоль берега в Нижнем городе" (Карасев А.Н., 1956, с. 12). На нашем плане, однако, совершенно отчетливо видно, что юго-восточная оборонительная линия цитадели проходит по верхнему, возможно, и террасному плато, что, кстати, было подтверждено недавно работами В.В. Крапивиной (Крыжицкий С.Д., 1985, с. 158; Крапивина В.В., 1987, с. 132).

Располагая только одним кеппеновским планом, А.Н. Карасев ставил ему в вину и то, что южный угол цитадели на этом плане "чрезмерно острый и длинный, что совершенно противоречит местным ольвийским условиям", которые не могут допускать таких изломов в фортификационной линии (Карасев А.Н., 1956, с. 12).

Вместе с тем работы по изучению городских фортификационных комплексов, в частности на участке НГ в Нижнем городе (Славін Л.М., 1949, с. 7, 8) и в районе Западных ворот в Верхнем городе (Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А., 1988, с. 23), показали, что излом и уступы в линии куртин были обычным приемом для ольвийского оборонительного зодчества, применявшимся как в эллинистическое, так и в римское время (Буйских С.Б., 1977, с. 46, 47; 1991, с. 14).

Найденный план вносит существенные коррективы и в имеющиеся для Ольвии палеогеографические реконструкции, согласно которым восточные оборонительные стены города были разрушены в ходе трансгрессии во второй половине I тыс. н.э. (Шилик К.К., 1975, с. 30). Как явствует из плана, трасса восточных стен Ольвии первых веков н.э. отчетливо читалась на рельефе Верхнего и Нижнего города еще в первой четверти XIX в.

Что касается индекса достоверности, приведем ряд надежно подтвердившихся последующими раскопками фактов, вытекавших из ранее опубликованного плана П.И. Кеппена: 1) абсолютная точность местонахождения куртин и башни первых веков н.э. в Нижнем городе (размеры башни на плане и в натуре полностью совпали!) (Славін

Л.М., 1949, с. 7); 2) точность реконструкции оборонительной линии на Заячьей балке, наличие и размеры прямоугольной башни (Карасев А.Н., 1956, с. 12); 3) точность в направлении прохождения северной и северо-восточной куртин цитадели (Буйских С.Б., 1991, с. 25). Полностью соответствует истине и проложенная на плане восточная – юго-восточная линия стен цитадели, что подтвердилось открытием здесь остатков фундамента и фрагментов куртины шириной 2,03–2,60 м (Крапивина В.В., 1993, с. 29, 30). Таким образом, общая ситуационная схема плана оборонительных сооружений поздней Ольвии, намеченная П.И. Кеппеном, обладает достаточной выразительностью и точностью.

Думается, что, исходя из этого, и все остальные объекты, указанные на имеющихся теперь в нашем распоряжении двух планах Ольвии П.И. Кеппена, можно рассматривать как реальный археолого-топографический источник, а находка "Плáна Ольвийской крепости" 1819 г. служит неоспоримым аргументом против критиков П.И. Кеппена. Нелишне напомнить, что, располагая уже несколькими планами Ольвии XIX в., Б.В. Фармаковский предпочитал при публикации своих отчетов использовать именно план П.И. Кеппена (Карасев А.Н., 1956, с. 10; Крыжицкий С.Д., 1985, с. 39).

Следует, однако, сказать о том, что обнаруженный нами план, к сожалению, не является оригиналом, а лишь тщательно выполненной его копией. Об этом говорит то, что в правом верхнем углу плана отсутствует экспликация, хотя место для нее и оставлено; не доведены до конца некоторые линии и отмывки; примерно столетием позже составления плана датируется и материал основы, на которую он нанесен. Возникает вопрос: когда же и как попал этот важнейший для Ольвии историко-топографический документ в Херсонес?

Как известно, К.К. Косцюшко-Валюжинич, в течение 20 лет с 1888 г. бессменно заведовавший раскопками Херсонеса, энергично добивался открытия Херсонесского музея (Романчук А.И., 1991, с. 118, 119). Сознавая необходимость координации работ в рамках Археологической комиссии, он тщательно формировал будущие коллекции музея, а также его библиотечный фонд и архив на базе основанного в 1893 г. местного склада древностей. По его поручению между 1900–1908 гг. М.И. Скубетов выполнил хорошие копии планов ряда античных памятников Северного Причерноморья, хранившихся тогда в Одессе, в музее Одесского Общества истории и древностей (Щеглов А.Н., 1993, с. 15). Среди них и поныне хранящиеся в херсонесском архиве план А.Д. Критского 1823 г. о-ва Левки, план Херсонеса конца XVIII – начала XIX в., план А. Строкова Гераклейского п-ова 1786 г. и др.

Сходство техники копировки всех этих планов с нашим, идентичность материала, на котором все они выполнены – английская батистовая калька, позволяют предполагать, что рассмотренный "План Ольвийской крепости" П.И. Кеппена также хранился в Музее Одесского Общества истории и древностей, где его, очевидно, и скопировал М.И. Скубетов.

Найденный "План Ольвийской крепости" П.И. Кеппена наряду с другими важными находками последних лет – планами Ольвии И.С. Бориславского, фон Муцеля, Бьерна, А. Фогеля и др. (Ратнер И.Д., 1990, с. 76–78; Тункина И.В., 1989, с. 54; Папанова В.А., 1994, с. 4; Буйских С.Б., 1994, с. 92) – значительно пополняет картографический фонд Ольвии, полностью подтверждает некоторые важные итоги последних раскопок в городе (качественно дополняя уже известный план автора) и дает новые ценные материалы к дальнейшему изучению ольвийской топографии и фортификации.

Хотелось бы в заключение особо подчеркнуть, что эта весьма ценная архивная находка снимает с П.И. Кеппена ряд необоснованных историографических претензий. "План Ольвийской крепости" еще раз демонстрирует тщательность и достоверность всего того, что сделано в науке Петром Ивановичем Кеппеном (Тункина И.В., 1991, с. 98), подтверждая его авторитет как замечательного и неутомимого ученого-антиковеда, одного из первых в когорте талантливых отечественных исследователей Ольвии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буйских С.Б., 1977. Городские укрепления Ольвии I–III вв. н.э. // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев.

Буйских С.Б., 1991. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев.

Буйских С.Б., 1994. К истории изучения Ольвии в начале XX столетия // Древнее Причерноморье. Одесса.

Золотарев М.И., Буйских С.Б., 1994. "Ольвийская крепость" П.И. Кеппена // Ольвия-200. Тез. докл. междунар. науч. конф. 5–9 сентября 1994 г. Николаев.

Карасев А.Н., 1956. Планы Ольвии XIX века как источник для исторической топографии города // МИА. № 50.

Кеппен П.И., 1822. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М.

Крапивина В.В., 1987. Исследования в юго-восточной части цитадели Ольвии // Задачи советской археологии. Тез. докл. Всесоюз. конф. Суздаль, 1987. М.

Крапивина В.В., 1993. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.

Крыжицкий С.Д., 1985. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.

Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А., 1988. Комплекс Западных ворот Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.

Леви Е.И., 1985. Ольвия – город эпохи эллинизма. Л.

Мурзакевич Н.Н., 1872. Митрополит Евгений и академик Кеппен // ЗООИД. Т. VIII.

Папанова В.А., 1994. Некрополь Ольвії (Історична топографія та поховальний обряд): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.

Ратнер И.Д., 1990. Старейший план Ольвии и его автор // Проблемы археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. Херсон.

Романчук А.И., 1991. К.К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907 гг.) // Археологія. № 2.

Славін Л.М., 1949. Розкопки Ольвії в 1946 г. // АП. Т. 2.

Славин Л.М., 1960. Основные этапы изучения Ольвии // 30АО. Т. I (34). Одесса.

Тункина И.В., 1989. К истории изучения Ольвии в конце XVIII – начале XIX в. //Древнее Причерноморье: Тез. докл. I чтений памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса.

Тункина И.В., 1991. П.И. Кеппен как исследователь Ольвии // Древнее Причерноморье: Тез. докл. II чтений памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса.

Шилик К.К., 1975. К палеогеография Ольвии // Ольвия. Киев.

Щеглов А.Н., 1993. Основные структурные элементы межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь.

Национальный заповедник
"Херсонес Таврический", Севастополь

Институт археологии НАН Украины,
Киев

Критика и библиография

АРХЕОЛОГИЯ В ИСПАНИИ (краткий обзор)

Этот материал должен был появиться еще несколько лет назад, когда благодаря усилиям ряда археологов в России и Испании в июне 1990 г. в Мадриде была организована первая испано-советская конференция по археологии.

С нашей стороны там были представлены ведущие исследователи Института археологии Академии наук СССР: академик В.П. Алексеев (директор ИА АН СССР), Р.М. Мунчаев (зам. директора), В.И. Гуляев (зав. отделом теории и методики), Е.Н. Черных (зав. лабораторией естественно-научных методов), Х.А. Амирханов (зав. отделом палеолита и мезолита) и др. Принимающая сторона была представлена более широко: департамент доистории Центра исторических исследований (Мадрид), сотрудники которого отличались особой активностью, университетские центры в Сантандере (Кантабрия), Гранаде и Хаэне (Андалусия) и Мадриде (Университет Комплутенсе). Участники этой конференции сделали ряд информативных и теоретических докладов, достаточно подробно раскрывающих современное положение в археологии своих стран. Однако, последовавшие вскоре после этого драматические события в СССР (август–декабрь 1991 г.), внезапная смерть директора ИА АН СССР В.П. Алексеева и превращение Академии наук СССР в Российскую академию надолго задержали выход в свет соответствующей публикации итогов конференции. Таковая появилась лишь в конце 1993 г. с параллельным текстом на английском и испанском языках и под названием "Теория и практика археологии: взгляды с двух концов Европы". Отв. редактор Марибель Мартинес Наваррете, Мадрид-Сантандер, 1993, 345 стр. С илл. (Martinez Navarrete M.I., 1993).

С тех пор плодотворные контакты с испанскими коллегами развивают не только московские археологи (ИА РАН, ГИМ и др.), но и специалисты из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Кемерово и других российских городов (напомню лишь о представительной делегации российских ученых на конференции Европейской Ассоциации археологов в Сантьяго де Компостела, Галисия, Испания в сентябре 1995 г.). Этот позитивный факт делает еще более настоятельным публикацию на страницах общероссийского археологического журнала хотя бы самой краткой информации о ситуации в археологии современной Испании. При подготовке данного обзора мною были использованы, прежде всего, уже упоминавшаяся публикация "Теория и практика археологии...", а также монография "Иберы" Артуро Руиса Родригеса и Мануэля Молиноса (Ruiz Rodriguez A., Molinos M., 1993).

Поскольку до самого недавнего времени мы не знали об испанской археологии практически ничего (я не принимаю здесь в расчет хорошо известные российским специалистам хотя бы через их западноевропейских коллег большие достижения испанцев в изучении искусства верхнего палеолита – пещеры Альтамира, Монте Кастильо и др., а также местные исследования в области античной или классической археологии), то, на мой взгляд, необходимо дать здесь хотя бы очень краткую информацию об истории развития археологической науки в Испании.

Если оставить в стороне общий вклад ученых и энтузиастов XIX века (некоторые из них сделали для национальной археологии очень много – например, работа Марселино Санк де Саутуолы по хронологии палеолита на основе материалов пещеры Альтамира в Кантабрии в 1880 г.), то следует признать, что первые археологические учреждения появились в Испании лишь в первой четверти нашего века: это и кафедры доистории в университетах Мадрида в 1922 г. (возглавил археолог Х. Обермайер) и Барселоны в 1917 г. (возглавил археолог П. Бош-Химпера), и создание в 1912 г. Высшего Совета по Раскопкам и Древностям, а в 1913 г. – Комиссии по палеонтологическим и доисторическим исследованиям. В 1911 г. в стране было утверждено первое законодательство относительно порядка ведения

© В.И. Гуляев, 1997 г.

раскопок и консервации археологических объектов (Ruiz Zapatero G., 1993, p. 47).

Таким образом, в Испании с самого начала не было единого общенационального научного центра в области археологии. Развитие этой науки осуществлялось как через подготовку кадров специалистов на университетских кафедрах, так и путем проведения конкретных дел и проектов через имеющиеся специальные учреждения – Высший Совет по Раскопкам... и Комиссию по палеонтологическим исследованиям. Последние активно субсидировали и публиковали археологические исследования в стране. Совет издавал серию публикаций под названием "Записки" (Memorias), а Комиссия – "Монографии" (Monografias). К активно работающим археологам Мадрида и Барселоны вскоре добавилось и еще одно археологическое учреждение – "Служба доисторических исследований" в Валенсии (1927 г.). В целом, в течение 20-х – 30-х годов по всей территории Испании наблюдается оживление и расширение раскопочных работ.

В 1933 г. был опубликован так называемый "Закон 13 мая", который исправлял и дополнял старое археологическое законодательство от 1911 г. по защите и изучению национального историко-археологического наследия. Надо полагать, что этот закон сыграл для страны огромную роль, так как действовал на протяжении более чем 50 лет (Garcia Fernandez G., 1989).

Вместе с тем, испанские археологи в своей полевой практике в большинстве случаев не признавали значение стратиграфических наблюдений, а все свое внимание уделяли лишь находкам. Однако, уже в 30-е годы в стране было собрано столько важной археологической информации, что это позволило П. Бош-Химпере подготовить первый синтез испанской доистории – "Этнология Иберийского полуострова" (1932 г.).

Гражданская война (1936–1939 гг.) нанесла тяжелый удар национальной археологии. Были ликвидированы некоторые научные учреждения. Ряд крупных исследователей (в их числе П. Бош-Химпера) покинул страну, предпочтя тяготы эмиграции притеснениям франкистского режима. После окончания гражданской войны Высший Совет по Раскопкам и Древностям был заменен на новое учреждение – Генеральный Комиссариат Археологических Раскопок. Его возглавил Х. Мартинес Санта-Олалья, который сумел со временем создать целую сеть провинциальных и локальных комиссий, охраняющих и изучающих древности. Комиссариат продолжил публикацию серии "Записок" и "Сообщений", на страницах которой находила свое отражение практически вся археологическая деятельность в пределах Испании. Кроме того, в солидном академическом учреждении – Высшем Совете Научных Исследований, где всегда поддерживались лишь естественнонаучные направления, удалось открыть в Институте "Диего Веласкес" секцию археологии, выросшую затем в Институт археологии "Родриго Каро". В 1958 г. его реорганизовали в Испанский Институт Доистории и поручили руководство над ним известному археологу М. Альмагро. Этому Институту национальная археология обязана, по крайней мере, двумя ценными нововведениями: созданием лучшей специализированной библиотеки в стране по испанским древностям и организацией серии публикаций под рубрикой "Библиотека испанской доистории", в которой появились самые значительные исследования местных археологов.

Еще одним важным нововведением этого периода явились постоянные археологические "Конференции" (букв. "Встречи") и "Конгрессы", собиравшие вместе всех заинтересованных специалистов. Инициатором таких научных форумов стал А. Бельтран, проводивший первоначально в Картахене Археологические конгрессы Юго-Восточной Испании, а с 1949 г. сделавший их общенациональными и периодическими раз в два года.

Тематика и состав участников конгрессов были самыми широкими и поэтому они долгие годы представляли собой как бы хронику испанской археологии и единственное место для контактов ученых в масштабах всей страны.

Полезным начинанием была в 1941 г. публикация Высшим Советом Научных Исследований первой "Провинциальной археологической карты" в качестве составной части большого и амбициозного проекта так никогда и не осуществленного в действительности. Суть замысла организаторов состояла в постепенном издании сводов и карт всех археологических памятников для каждой провинции Испании. Однако, поскольку реализация проекта была отдана в руки местных властей, то они, в зависимости от имеющихся ресурсов и соответствующих научных кадров, а также с учетом общего числа имеющихся древностей, подошли к делу по-разному. В итоге – большинство провинций страны пока таких сводов не имеет.

Таким образом, период от окончания гражданской войны (1940 г.) и до смерти диктатора Франко (1975 г.) был довольно плодотворным для испанской археологии. Эта наука развивалась прежде всего в университетах, но вместе с ростом числа последних в стране росло

и общее количество групп археологов, причем все они при желании могли регулярно встречаться на общенациональных конгрессах или на региональных конференциях.

Что касается полевых исследований, то методы их заметно улучшились, приближаясь к среднеевропейским стандартам. Резко возросло число стратиграфических наблюдений. Усовершенствовались и способы фиксации и обработки массового археологического материала. Все эти позитивные тенденции позволили группе испанских исследователей во главе с Р. Менендесом Пидалем подготовить и издать между 1947 и 1954 гг. три тома первого выпуска "Истории Испании", построенные преимущественно на данных археологии.

Следующий этап в развитии испанской археологии приходится на середину 70-х (с 1975 г.) – начало 90-х годов. Конец диктатуры Франко и установление в стране новых демократических порядков, а также огромные изменения в экономической и социальной сферах жизни не могли не сказаться самым серьезным образом и на положении науки. Во-первых, значительно возросла роль университетов и университетского образования по всей Испании. А этот "университетский бум" привел к увеличению числа мест для преподавательского состава (в том числе – по археологии и доистории) и к созданию новых кафедр археологического профиля. В итоге, к началу 80-х такие кафедры возникли практически во всех более или менее значительных университетах.

Наблюдается и явный рост активности провинциальных музеев – увеличилось их общее число, археологические материалы и экспозиции заняли в их повседневной практике достаточно заметное место. Произошли существенные перемены и в организации центральных археологических учреждений страны. В 1985 г. испанский Институт доистории, в рамках общей реорганизации высшего Совета научных исследований, превратился в Отдел доистории, подчиненный Центру исторических исследований. Последний имеет в своем составе также Отдел археологии и древней истории. Общее число специалистов в этих двух отделах археологического профиля, к сожалению, очень невелико, а выделяемые на их научную деятельность бюджетные ресурсы пока остаются сравнительно ограниченными.

Что касается самых существенных перемен в общем статусе испанской археологии, то я могу назвать здесь лишь две самые существенные из них. Во-первых, ответственность за археологию была передана из рук центральной администрации чиновникам 17 автономных правительств (по числу внутренних делений государства согласно Конституции 1978 г.). Поэтому именно отделы культуры 17 автономных единиц, из которых состоит Испания, несут теперь полную ответственность за охрану и изучение археологического наследия на соответствующих территориях. Во-вторых, в 1985–1986 гг. был утвержден новый закон об археологическом наследии в Испании, который содержит определение понятия "наследия", вносит новые правила в порядок осуществления разведок и раскопок, относительно случайных находок и, наконец, устанавливает источники финансирования и сферы деятельности администрации, занимающейся управлением археологическим наследием (Escudero Garcia P., Pendas B., 1986).

В этот же период происходит и выход испанской археологии за пределы своей страны. Речь идет о начале деятельности испанских археологических миссий в Центральной и Южной Америке, в Судане, Египте, Иордании и Сирии (Anonimous, 1987), а также о работах испанской Школы истории и археологии в Риме. В последнее время наблюдается успешное сотрудничество испанских археологов в рамках совместных проектов и со своими европейскими коллегами, например, в Бибракте (Франция) со стороны Мадридского университета Комплутенсе (Almagro M., 1988) и в Каргалы (Россия) со стороны Центра исторических исследований (Chernij E., 1995; Agapov S. et al., 1995).

Испанские археологические учреждения

Главными учреждениями, осуществляющими археологические исследования в стране, являются университеты, музеи и организации Центральной, Автономной и Местной администрации. При этом, вне всякого сомнения, большую часть всех археологических работ в Испании (включая не только раскопки и разведки, но и публикацию их результатов) осуществляют университетские кафедры археологии и доистории. Второе по значению место занимают музеи, а также организации и учреждения центральной, автономной и местной администрации. Третью строку в этом перечне занимают отделы доистории и археологии Центра исторических исследований при Высшем Совете научных исследований.

Центральная администрация (или, по нашей терминологии, – федеральная), чтобы контролировать интересы государства в области археологического наследия, организовала в 1985 г. центральный Институт консервации и реставрации культурных ценностей, в

составе которого есть Отдел памятников археологии. Она курирует также небольшое число государственных музеев (среди них, бесспорно, важнейшим является Национальный музей археологии). Основная же масса музеев зависит от Советов по культуре автономных правительств. В ряде случаев в автономиях созданы специальные Археологические службы или назначены "территориальные археологи", призванные охранять и изучать памятники археологии в пределах своей провинции.

Эти "Археологические службы" сильно отличаются друг от друга, что частично зависит от политики местных властей, а частично от значимости археологических традиций в данном регионе и от богатства его археологическими памятниками. Вместе с тем, напомню здесь, что Археологические службы испанских автономий – это именно те учреждения, которые дают разрешение на раскопки на своей территории и выделяют для этого средства через Совещательные Комиссии, состоящие из профессиональных археологов (главным образом, университетских). Однако, следует отметить, что денег, выделяемых на раскопки всегда не хватает, а число исследователей, жаждущих их получить, постоянно растет.

В этом списке учреждений необходимо особо упомянуть два подразделения Центра исторических исследований: отдел доистории и отдел археологии и древней истории. Во-первых, их сотрудники, несмотря на сравнительно небольшую численность, имеют весьма высокую профессиональную подготовку, а во-вторых, эти отделы (подобно академическим учреждениям в России) целиком посвятили себя фундаментальным археологическим исследованиям, включая применение новых естественно-научных методов в археологии.

Современные тенденции в археологии Испании

Общее представление о тематике, а также географических и хронологических рамках археологических исследований в стране за 1980–83 годы можно получить из обзоров М. Фернандеса-Миранды (Fernandez-Miranda M., 1983) и Е. Серрильо (Cerrillo E., 1987), а также из Испанского Археологического Указателя (Repertorio de Arqueologia Espanola), опубликованного в 1994 г. испанским Министерством Культуры. О более поздних местных археологических публикациях обширная информация содержится в сводках двух французских научных центров – парижского Центра Пьера и Центра Лепэин де Тиллемонт (Fontaine J., Rouillard P., 1989), а также в трудах Германского Археологического Института в Мадриде. Библиографический обзор этого последнего учреждения содержит упоминания более чем о 2500 работах (включая не только Испанию, но и Португалию) с 1985 по 1989 гг. с кратким анализом каждой из них. В целом, из этих обзоров видно, что в стране достаточно полно представлены исследования по всем основным археологическим периодам – от палеолита до средневековья. Не имея возможности дать здесь хотя бы в самой краткой форме информацию даже о самых важных работах по каждому из этих периодов, я хочу надеяться на то, что в будущем редакция журнала "Российская археология" сможет организовать с помощью рецензий на выходящую в Испании археологическую литературу и обзоров по конкретным темам и периодам соответствующие публикации. Не предвосхищая конкретного содержания этих будущих публикаций, я хотел бы лишь сказать, что для российских археологов наибольший интерес представляют, на мой взгляд, результаты испанских исследований в области искусства эпохи палеолита, местных культур бронзового века, иберийской цивилизации I тыс. до н.э. и древностей римского периода.

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Гуляев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Agapov S., Kuzminij S., Lebedeva E., Vicent Garcia J.M., Rovira Llorens S., 1995. Kargali, the Oldest Metallurgical Centre in Northern Eurasia // European Association of Archaeologists First Annual Meeting. 20–24 September.

Almagro M., 1988. Excavaciones expanolas en el Oppidum de Bibracte // Revista de Arqueologia, 96. Madrid.

Anonimous, 1987. El Depertamento de Antropologia de America de la Universidad de Complutense de Madrid // Anthropos, 68. Madrid.

Cerrillo E., 1987. La arqueologia en Espana // Moberg C.A. Introduccion a la arqueologia. Madrid.

Chernij E., 1995. The development of metallurgy in European Prehistory // European Association of Archaeologists. First Annaual Meeting – Santiago 95. Abstracts. (Santiago de Compostela).
Escudero Garcia P., Pendas B., 1986. Regimen juridico del Patrimonio Historico Espanol (analisis sistematico de la Ley 16/1985, de 25 de junio). Madrid.
Fernandez-Miranda M., 1983. L'Archeologie en Espagne // Nouvelles de l'Archeologie, 13. Paris.
Fontaine J., Rouillard P., 1989. Histoire et Archeologie de la Peninsule Iberique Antique. Chronique IV – 1983–1987 // Revue des Etudes Anciennes, XCI (3–4).
Garcia Fernandez G., 1989. The new Spanish archaeological heritage legislation // Cleere H. (ed.). Archaeological heritage management in the modern world. London.
Martinez Navarrete M.I. (coordinador)., 1993. Teoria y Practica de la Prehistoria. Perspectivas desde los Extremos de Europa. Santander.
Ruiz Rodriguez A., Molinos M., 1993. Los Iberos. Barcelona.
Ruiz Zapatero G., 1993. Arqueologia y Universidad: la reproduccion del sistema // Revista de Arqueologia, 118. Madrid.

V. Kazakevicius. Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos archeologija 10. Vilnius, 1993. 219 p., 217 pav.

Новая книга известного литовского археолога В. Казакявичуса посвящена могильнику Плинкайгалис, исследованному им в 1978–1984 гг. Монография состоит из введения, пяти глав, каталога погребений и трех приложений Г. Чесниса, Р. Янкаускаса и И. Бальчюнене. Могильник располагался в центральной Литве возле с. Кракес Кедайнского р-на. Раскопками была охвачена площадь в 4500 м^2, на которой обнаружили 364 погребения с 379 костяками людей, 8 погребений с трупосожжениями и 3 захоронения с трупоположениями коней. На сегодняшний день могильник Плинкайгалис является крупнейшим погребальным памятником V–VI вв. на территории Литвы и первым целиком опубликованным. Для сравнения в могильнике Яунейкяй вскрыто 467 погребений, но они распределены в более широком хронологическом диапазоне – V–XII вв. Только 135 из них датируются V–VII вв., остальные – VIII–XII вв. В последние годы А. Астраускасом исследуется крупнейший из известных на территории Литвы могильник Марвеле в г. Каунасе на месте водоочистительных сооружений. Там открыто 322 трупоположения и 226 трупосожжений, а также 120 погребений коней. Однако хронологические рамки их также широки – II–XIII вв. Новые раскопки В. Казакявичуса в Западной Литве, на этот раз могильника Кальншикяй в Рассейнском р-не, пока охватили 110 трупоположений и 12 трупосожжений V–VI вв.

В долине р. Шушве помимо могильника находится целый комплекс археологических памятников. Это городище Плинкайгалис, могильники V–XI вв. в Пашушвис и X–XVI вв. в Шулайчяй, городище и поселение Вайтекунай I – начала II тысячелетия, курганный могильник Вайтекунай III–V вв. и могильник V–VI вв. Кайренеляй (рис. 8). Такая концентрация памятников объясняется наличием плодородных дерново-карбонатных почв, привлекших туда людей еще в неолите (с. 6–9).

Все могильные ямы могильника были прямоугольными. В 82 из них зафиксированы остатки гробов, что составило 22,8% от общего числа могил. Для внутренней конструкции ям были характерны камни. По одному или по два, реже больше их укладывали рядом с умершим или гробом. Они встречены в 113 погребениях или в 47,9% всех погребений (с. 11–16). Один-единственный раз в могиле № 159 вокруг умершего встречен "ящик" из камней (рис. 19).

Интересной оказалась ориентация захоронений в Плинкайгалисе. При детальном анализе выяснилось, что мужчин и женщин хоронили в противоположном направлении: мужчин – в сторону запада, меньше в сторону северо-запада и еще меньше юго-запада, а женщин – в сторону востока, меньше в сторону юго-востока и еще меньше в сторону северо-востока (рис. 34).

Подавляющее большинство погребенных были захоронены на спине в вытянутом положении с согнутыми и сложенными на груди, пояснице и бедрах руками. Автор монографии проанализировал положение рук у 86 мужчин и 69 женщин, выявив в итоге 13 вариантов положения рук у мужчин и 12 у женщин (рис. 35, 36). Думается, однако, что такое разнообразие связано еще со сползанием рук умерших в ходе тления трупов. В особенности это касается погребений в гробах, где земля долго не могла воспрепятствовать этому. Восемь погребений Плинкайгалиса совершены по обряду трупосожжения, все они датируются VII в. В этой же западной части могильника открыты три погребения четырех коней VII в. Особое сакральное значение коня в погребальной практике жителей Литвы, за исключением ее северной части, в V–XIII вв. хорошо известно (Вайткунскене Л., 1990), и погребения Плинкайгалиса, по-видимому, фиксируют начало их широкого распространения.

Впечатляет количество погребального инвентаря, обнаруженного в могилах, – более 2200 находок из железа, бронзы, серебра, стекла, янтаря, камня и глины. В. Казакявичус подробно описывает положение вещей в погребениях (с. 45–58). Так, в 91 мужской могиле, что составляет 75,8% от всех мужских погребений, найдены узколезвийные проушные и втульчатые топоры. Топоры клали у изголовья справа и слева (8 погребений), в области поясницы (рис. 84) с обеих сторон (17 погребений) и у ног покойника (рис. 86). Топография могил с топорами отражает хронологию могильника: узколезвийные проушные топоры обнаружены в его западной более поздней части, а втульчатых больше в восточной, где находятся ранние погребения (рис. 81).

© А.Р. Артемьев, 1997 г.

В 72 или в 60% мужских захоронениях обнаружены рабочие ножи, и только один нож – в женском погребении. Строгого порядка в их расположении не существовало, их находили у поясницы слева и справа, у плеча, возле бедер и голеней ног, между колен и ног, возле голеней (с. 47–48).

Строгое месторасположение в погребениях имели серповидные ножи, которые укладывали у изголовья (рис. 87), и только один был найден рядом с коленом правой ноги. Точильные бруски не имели строго определенного местоположения. Три обнаруженных в погребениях долота были уложены возле ног, а два огнива – у головы (с. 48, 50).

В 39 мужских могилах найдены боевые ножи, чаще всего (20 экз.) располагавшиеся с обеих сторон поясницы (рис. 89). Остальные найдены у ног, между головой и плечом, на бедрах (рис. 88).

Два из шести наконечников копий найдены в погребениях с трупоположениями, где они лежали возле головы и левого бока. Из шести пар шпор на ногах была встречена только одна, другие лежали у головы, рядом с левой бедренной костью и на правой тазовой кости. В двух погребениях возле головы и между бедренными костями найдены удила (с. 51).

Женские украшения в подавляющем большинстве погребений найдены на тех местах, где их носили (с. 52–58).

В могильнике обнаружено 103 топора: 91 в погребениях и 12 случайно, из них 67 узколезвийных проушных и 36 втульчатых. Металлографический анализ трех втульчатых топоров выявил три способа изготовления: свободной ковкой железа и сваркой двух или трех полос разных металлов. Анализ 20 узколезвийных проушных топоров показал, что они выкованы четырьмя технологическими способами: свободная ковка стали, "пакетная", науглероживание, сварка двух или трех железных и стальных пластин. Таким же способом были изготовлены подвергнутые анализу 9 из 85 найденных ножей. К бытовым предметам относятся также 8 серповидных ножей IV–V вв., 57 шильев, 20 пряслиц, 4 точильных бруска (рис. 121, *2*; 122; 123, *2*) и 2 огнива (рис. 127, *1*). Из орудий деревообработки отметим 3 долота (рис. 124, *3*; 125, *9*) и скобель (рис. 126, *1*). Сельскохозяйственные орудия представлены 20 серпами, 18 из которых найдены в женских погребениях (рис. 111) и 2 случайно, а также 3 мотыги (рис. 123, *3*).

Наиболее массовыми среди предметов вооружения в Плинкайгалисе были боевые ножи, которых там насчитывается 41 (с. 74–77). Этот могильник, так же как и Яунейкяй, выделяется среди других синхронных памятников многочисленностью этого вида оружия (Казакявичус В., 1988, с. 83). Из почти 150 боевых ножей, найденных на территории Литвы, около половины приходится на два этих грунтовых могильника.

Единственный однолезвийный меч был найден в погребении с трупосожжением № *B*. В соответствии с существовавшим тогда ритуалом он был согнут, а ножны сломаны (рис. 133, *1*, *4*). Из семи наконечников копий два также встречены в погребении с трупосожжением № *F*. Все наконечники втульчатые с пером ромбовидной или лавролистной формы типов IГ и IVБ (по В. Казакявичусу) (Казакявичус В., 1988, с. 29, 45) и датируются VII в. (с. 78, 79).

Наконечники стрел, обнаруженные в могилах № 162 и 336, не относятся к числу погребального инвентаря, а свидетельствуют о насильственной смерти погребенных. Все они черешковые, трехлопастные (с. 79, 80, рис. 135).

Снаряжение коня и всадника представлено в могильнике шпорами, удилами и бронзовыми спиралями, которыми украшали уздечку и гриву коня. Все 12 шпор найдены в погребениях парами в отличие от захоронений жемайтов и земгалов, где их клали по одной (с. 80–83, рис. 136, *1–6*). Удила встречены как в могилах людей, так и лошадей. Они двучленные и трехчленные (рис. 80). Многочисленны украшения, обнаруженные в Плинкайгалисе. Наиболее яркими среди них являются шейные гривны, которые автор монографии подразделил, согласно классификациям Х. Моора и М. Михельбертаса, на пять групп (с. 87–98). Их найдено 43 экземпляра: 28 из бронзы и 15 из серебра (рис. 145, *7*; 146–155; 156, *1*; 157–159). В могильнике найдено более 1250 бусин. Из них 513 стеклянные и из эмали, 416 из янтаря, 5 из глины и около 270 оловянных. Точное количество последних установить невозможно, поскольку в большинстве погребений они почти не сохранились. Большинство бусин найдены в 68 ожерельях, состав и количество которых были весьма различны (с. 98–102, рис. 160; 161, *2*; 162, *4*). Из 150 фибул 126 найдены в 117 захоронениях, а остальные случайно. Все они арбалетовидные, восьми типов, изготовлены в основном из бронзы, но встречены также серебряные и железные (с. 102–114, рис. 166–182). Подавляющее большинство булавок в могильнике происходят из детских погребений. Наиболее

многочисленны среди них посоховидные, которых встречено 105 экз.: 100 в 98 погребениях и 5 случайно. Кроме них встречены семь булавок с расширяющейся трубовидной головкой и по одной с кольцевой и крестообразной головками (с. 114–117, рис. 183, 185, 186). В 92 погребениях Плинкайгалиса найдено 164 браслета и еще 17 обнаружены случайно. Они подразделяются на шесть типов: с утолщенными концами, ленточные, спиральные, с треугольным выступающим ребром, с круглой дужкой и утончающимися концами. Наиболее распространенными среди них были браслеты первого и второго типа, соответственно 73 и 71 экз. (с. 118–121, рис. 187; 188; 189, *2*; 190, *5*, *7*; 191, *2*, *3*). Перстней обнаружено 117, из них 96 в 68 могилах. Большинство из них (44 экз.) – спиральные, 14 – с расширенным средним витком и 29 ленточные (с. 121–123, рис. 192).

Из предметов "роскоши" особого внимания заслуживают исключительные по красоте серебряные и бронзовые оковки от ритонов с геометрическим и звериным орнаментами, найденные в восьми мужских погребениях (рис. 204; 205, *2*; 208–213).

В 75 мужских погребениях могильника были найдены ременные пряжки: крупные от поясных ремней и более мелкие для ремешков шпор и стягивания голенищ сапог (рис. 193). Часть из них встречена вместе с наконечниками ремней (рис. 195). Особый интерес представляют ременные гарнитуры, обнаруженные в семи погребениях вместе с остатками обуви, позволившие В. Казакявичусу реконструировать внешний облик обуви мужчин Плинкайгалиса. Это были сапоги с высокими голенищами, которые ниже колен стягивались ремешками с бронзовыми или железными пряжками и наконечниками (рис. 196; 197).

Этническая принадлежность могильника определена автором монографии совершенно однозначно. Он полагает, что особенности захоронений из Плинкайгалиса, в частности камни на дне могильных ям, ориентация захоронений мужчин и женщин по разным сторонам света, появление в VII в. захоронений с трупосожжениями, погребения лошадей и материальная культура, свидетельствуют о принадлежности его племени аукштайтов.

К несколько иным выводам об этнической принадлежности жителей Плинкайгалиса пришел в своем приложении к монографии "Палеодемография, антропология и популяционная генетика населения Плинкайгалиса" Г. Чеснис (с. 182–196). По его мнению, в материалах могильника прослеживается перемешивание "жемайтского" и "аукштайтского" антропологических типов (с. 187).

Интересные данные о патологических изменениях скелетов, захороненных в могильнике, содержит приложение Р. Янкаускаса "Остеометрия и палеопатология могильника Плинкайга" (с. 197–208). Согласно его исследованиям, для мужской части населения Плинкайгалиса был характерен высокий уровень травматизма, причем особенно часты были травмы черепа: на 9 из 70 обнаружены следы 11 различных травм (с. 204). В развитом средневековье столь явный половой диморфизм травмы черепа имеют в Литве только в погребениях XV–XVI вв. из Вильнюса (Янкаускас Р., 1993, с. 137, 139).

Еще одно приложение, "Этническая одонтология жителей Плинкайгалиса", принадлежит перу И. Бальчунене. В нем она приходит к заключению, что населению Плинкайгалиса в V–VII вв., так же как всем западным аукштайтам и жемайтам, свойственны гомогенность и хорошо выраженный среднеевропейский одонтологический тип (с. 209–212).

В заключение следует подчеркнуть, что рецензируемая монография является наиболее существенным за последнее десятилетие вкладом в создание базы данных для разработки хронологии литовских древностей середины – второй половины I тыс. н.э., на неудовлетворительное состояние которой уже давно указывал А. Таутавичус (Таутавичус А., 1985, с. 144).

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток

А.Р. Артемьев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайткунскене Л., 1990. К вопросу о роли коня в древнелитовском погребальном обряде (V–XIII вв.) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.

Казакявичус В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.

Таутавичус А., 1985. Некоторые вопросы археологического исследования I тыс. н.э. в Литве // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин.

Янкаускас Р., 1993. К антропоэкологии средневекового города (по литовским остеологическим материалам) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВЕЛИКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

C. Dougherty. The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. X. 209 p.

Рецензируемая книга состоит из Введения, имеющего подзаголовок "Поэтика колонизации", двух частей (часть I называется "Повествования и метафоры: перевод города в текст"; часть II – "Тексты в контексте: стадии города") и Заключения с подзаголовком "Интерпретируя метафоры". Кроме того, имеются Дополнения (в них содержатся греческий текст и авторские переводы "Пятой пифийской", "Девятой пифийской" и "Седьмой олимпийской" од Пиндара и "Одиннадцатой" оды Бакхилида).

Основной задачей К. Догерти является исследование не реального процесса Великой греческой колонизации, а того, как память о ней функционировала в рамках греческой культуры. Подобный подход, несколько непривычный для археологов, тем не менее вполне правомерен и полезен, так как, в конечном счете, помогает выявить соотношение реальных факторов и общекультурной традиции, которая вполне могла деформировать память о фактах. Поэтому детальный разбор этой работы представляется полезным, поскольку археологи в анализе феномена колонизации слишком часто буквально воспринимают информацию источника, не затрудняя себя углубленным исследованием текста. Книга К. Догерти может служить своего рода "противоядием" против подобного упрощенного подхода, даже если мы не принимаем целого ряда из выводов авторов.

Учитывая важность проблемы и усложненность композиции книги (К. Догерти к одному и тому же вопросу возвращается неоднократно под несколько различными углами зрения), целесообразно сначала рассмотреть методические концепции, которыми руководствовалась автор книги (чему посвящено главным образом Введение), далее – ее основные выводы и систему их доказательства; затем мы попытаемся оценить в целом систему взглядов К. Догерти на исследуемые проблемы.

Поскольку, как уже отмечалось, основная тема книги – представления о Великой греческой колонизации, как они существовали и функционировали в рамках греческой культуры. К. Догерти использует в качестве инструмента некоторые исследования из популярных ныне концепций культурной антропологии и филологии.

Основные подходы К. Догерти – понимание архаического периода Греции, т.е. времени Великой греческой колонизации, как одного из типичных традиционных обществ, которое надо анализировать именно как таковое, со всеми теми методическими подходами и инструментарием исследования, которые выработала культурная антропология. Автор придает особое значение трудам М. Дуглас (Douglas M., 1985), К. Гиртца (Geertz C., 1973; 1983), В. Тэрнера (Turner V., 1974; 1981, p. 137–164). Прежде всего К. Догерти привлекает в них анализ "символов" каждой из традиционных культур, при этом символы понимаются очень широко, они включают в себя не только символы в узком значении этого слова, но также нормы поведения, институты и т.д., которые могут быть истолкованы соответствующим образом.

Опираясь на этот общеметодический подход, автор находит и необходимый инструментарий для более частных проблем. В частности, при анализе собственно исторической традиции К. Догерти исходит из тех идей, которые наиболее полно и последовательно представлены в работах Х. Уайта (White H., 1973; 1978). Его концепция касается особенностей исторической памяти в архаических культурах. С его точки зрения, историческое повествование, созданное в рамках таких культур, принципиально не отличается от

© Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко, 1997 г.

поэтического (т.е. фольклорного для него) или литературного текста (разница между которыми появляется только в культуре нового времени). В историческом повествовании архаической культуры соединены воедино миф, легенда, фольклор, а также и собственно исторические сообщения. Историческое повествование этого типа культуры ориентировано не на поиск истины о происшедшем, а целиком посвящено решению задач настоящего. В силу этого точная передача фактов менее важна, чем внутреннее единство текста и сохранение единой культурной традиции. В результате исторические, мифические и легендарные материалы комбинировались, для того чтобы представить изображаемое действие как легитимное.

Х. Уайт исследует под этим углом зрения и античную историографию; его основные выводы полностью принимаются автором данной книги. Она указывает, что предложенный Х. Уайтом метод анализа исторического повествования представляет основу для понимания традиции относительно колонизации: эта традиция дает рассказ о колонизации, как описание, ориентированное преимущественно на то, чтобы "организовать" материал в той форме, которая знакома грекам и была для них культурно значима.

К. Догерти признает, что Великая греческая колонизация представляла собой явление, резко изменившее греческое общество. Она считает, что понимание этих изменений может быть постигнуто путем использования концепции М. Салинса (Sahlins M., 1981; 1985), который специально изучал проблему приспособления архаических обществ к внезапным резким изменениям (в частности, он исследовал проблему реакции общества Полинезии на появление здесь европейцев). Основной вывод М. Салинса – традиционное общество обладало большой степенью приспособляемости к новым явлениям, оставаясь самим собой в основных чертах, хотя и меняясь в некоторых (часто довольно существенных) отношениях. Этот вывод верен как для идеологии, так и социальной структуры традиционного общества.

Что касается собственно литературных текстов, которые передают греческую традицию о колонизации и которые должны быть проанализированы в ходе исследования, то в подход к ним К. Догерти исходит из следующей принципиальной позиции: эти тексты – не только продукт жизни общества, его социальной, политической религиозной структуры, но и сила, активно участвующая в "культурном производстве". Вторая особенность ее подхода к тексту состоит в признании необходимости анализировать не только сам текст, но и учитывать более широкий контекст. Сказанное в первую очередь касается собственно языка. Необходимо помнить, что в процессе колонизации греки сталкивались с рядом новых явлений, начиная с новых незнакомых ландшафтов и кончая неизвестными ранее народами. Ограничения, накладываемые языком, должны, как подчеркивает автор, постоянно учитываться при анализе литературной традиции о колонизационных предприятиях. Примером для К. Догерти является исследование В. Франклин о колонизации европейцами Америки (Franklin W., 1979).

Наконец, отметим еще одну методическую особенность рецензируемой книги – достаточно частое обращение автора к сравнительному материалу, полученному при анализе колонизационных движений более позднего времени. Как указывает К. Догерти, греческое колонизационное движение, с точки зрения его "идеологического обеспечения", поразительно напоминает освоение Америки и Австралии европейцами. Напоминая об идеологической подготовке к началу массового переселения англичан в Новый Свет, она вспоминает о трактате Р. Кашмана (появился в 1621 г.), в котором наиболее ярко и адекватно передана идеология этого движения. Выделяются несколько наиболее важных тем: религиозный долг (европейцы обязаны распространять христианское учение среди язычников, населяющих Новый Свет); обилие свободной земли, практически не населенной (что особенно заметно на фоне перенаселенной Европы) и благодатные природные условия; Новый Свет рисуется как зона обширного и практически пустого хаоса, и задача европейцев – принести туда цивилизованный порядок.

Все это обычно характеризует идеологию европейской колонизации. Но нечто очень похожее мы видим и в архаической Греции в тех текстах, которые описывают великую греческую колонизацию. Огромную роль в ее осуществлении играет Аполлон Дельфийский, от которого обычно исходит божественный импульс для колониального движения. Те земли, которые являлись объектом колонизации, также обычно описываются наподобие Эдема – обширные, благодатные и пустые, которые греки обязаны "цивилизовать". Таковы исходные методические позиции.

Первая часть книги посвящена концептуальным моделям повествования об основании колонии. Как указывает сам автор, модели эти создаются на базе всего имеющегося в

источниках материала независимо от жанра произведения и от обычного противопоставления более ранних источников, считающихся обыкновенно более достоверными, более поздним. Эта часть состоит из четырех глав: 1. "Основание: повествование и культ"; 2. "Основатель-убийца"; 3. "Невозможное место"; 4. "Устройство земли".

Вторая часть сосредоточена на анализе отдельных произведений, основное внимание уделяется выяснению того, как выявленные автором модели представлены в этих произведениях. Она включает в себя следующие главы: 5. "Гиерон и Этна"; 6. "Пятая Пифийская ода: основатели колоний и победители атлетических состязаний"; 7. "Седьмая Олимпийская ода и Одинадцатая ода Бакхилида: убийство, победа и колонизация"; 8. "Девятая Пифийская ода: присвоение местного населения".

Первая глава книги требует особого внимания, поскольку в ней К. Догерти излагает свою основную схему, которая хотя позднее расширяется и обогащается, исследуется под несколько иными углами зрения, все же основной концептуальный "костяк" монографии представлен именно здесь.

Поскольку, как подчеркивает автор, специального жанра, посвященного только основанию новых городов, в греческой литературе не существовало, информацию необходимо собирать среди произведений различных жанров (эпос, лирика, драма, философские трактаты, исторические произведения, сочинения мифографов, надписи, собрания анекдотов). В качестве одного из своих основных принципиальных положений, К. Догерти указывает на необходимость не выделять какие-либо жанры в качестве предпочтительных с точки зрения достоверности сведений.

Самое основное положение концепции автора книги – "колониальное сказание", как оно отражено в греческой традиции, является *топосом*. Поэтому его анализ должен происходить как анализ именно топоса, а не реально происшедшего события:

Как правило, считает К. Догерти, процесс основания нового, колониального, города представлен в "колониальных сказаниях" несколькими стадиями: 1) кризис внутри города-метрополии; 2) обращение за советом к Аполлону Дельфийскому; 3) ответ божества, требующего для преодоления кризиса послать часть граждан за море для основания колонии; 4) сам акт основания нового города, что означает разрешение кризиса.

Кризис может иметь различную природу: неурожай, эпидемия, политический конфликт, убийство и т.п. Однако на "базовом уровне" причиной колонизации в сущности всегда выступает недостаток земли или продуктов питания. При этом, если современные специалисты спорят о причинах колонизации, то для древних греков предмета дискуссии здесь не было – колонизация всегда воспринималась как вынужденное весьма серьезными обстоятельствами переселение части населения на чужбину. В связи с этим находится то обстоятельство, что в различных вариантах "колониального сказания" большое внимание всегда уделяется кризису и неизмеримо меньшее – предназначению колонии и последующей (после основания) ее судьбе.

Греческому мышлению была свойственна тенденция персонифицировать общественные действия, и поэтому, например, внутренняя борьба в полисе в "колониальных сказаниях" часто выступает в обличии конфликта двух братьев, спорящих за власть.

Обычно ойкист-руководитель колонизационного проекта обращается к Аполлону Дельфийскому. Однако указание оракула также может иметь различную природу. В частности, иногда город или отдельный индивид обращается к оракулу по иному поводу, нежели основание колонии, но пророчество оказывается неожиданным приказом о посылке колонистов. Отсутствие обращения к оракулу, как правило, приводит к неудаче колониального предприятия.

Во всех описаниях основания колонии ойкист выступает как единственное действующее лицо. Сам факт основания города в традиции означает: распределение земли между переселенцами и определение границ города и священных участков внутри него, строительство храмов и алтарей; наконец, ойкист дает имя городу. Согласно всем источникам, получение участка земли – главное, что привлекает колонистов. Заключительный момент акта основания – смерть основателя (ойкиста или ктиста) колонии, погребение его на агоре и создание ему культа как герою. Обычно этот культ сопровождается ежегодными жертвоприношениями и атлетическими состязаниями. Именно создание культа ойкиста и означало превращение нового населенного пункта из колонии в независимое государство, поскольку данный культ принадлежал только новому городу и не существовал в метрополии. Поэтому культ ойкиста представлял универсальное явление в греческом мире.

Во второй главе рассматривается один из вариантов того внутреннего кризиса, который развертывается в метрополии и дает начало цепи событий, приводящих к созданию новой

колонии, – тот случай, когда основателем колонии является человек, совершивший убийство и отправленный в наказание в вечное изгнание. Проблема, которую ставит и решает автор, состоит в следующем: почему данный сюжет столь часто встречается в "колониальных сказаниях" и каким образом он "концептуализируется" в рамках общей схемы колонизации, как она сохраняется в коллективной памяти греков.

Отталкиваясь от рассказа Плутарха об основании Сиракуз (Plut., Moral. 772e–773b), К. Догерти прежде всего отмечает роль Аполлона Дельфийского в этом эпизоде. Она приходит к выводу, что, с точки зрения греков той эпохи, существует связь между "очищением" убийцы (функция Аполлона-Феба) и основанием нового города (функция Аполлона Дельфийского). Согласно греческим представлениям, убийство – не только уголовно наказуемое деяние, но и акт, приносящий "скверну" (в религиозном значении терминов) в город. Появление скверны – это привнесение хаоса в данный микрокосм, а очищение от нее – восстановление порядка, Аполлон же являлся божеством, который поддерживал как космический, так и морально-политический порядок в мире. Одна из возможных форм очищения – уход убийцы во вновь основываемый город. Именно здесь и смыкаются две сферы влияния Аполлона.

К этому варианту близок другой, когда ойкистом колонии выступает политический изгнанник. Сходство здесь заключается в том, что политический "диссидент" также привносит скверну в полис.

После этих рассуждений автор ставит основной вопрос: почему греки, объясняя самим себе (и остальному миру) колонизационное движение, хотели, чтобы руководителями его выступали либо убийцы, либо политические изгнанники?

В решении этого вопроса она опирается на общетеоретические разработки М. Дуглас (Douglas M., 1985). Концепция скверны и очищения в древней Греции, как и в других традиционных обществах, представляет собой сложную систему категорий и границ. Состояние осквернения наступает тогда, когда различные категории смешиваются и нарушаются границы. Концепция очищения, следовательно, позволяет обществу регулировать границы между тем, что считается священным и профанным, между чистыми и осквернённым, благодетельным и зловредным. В этой системе мышления очищение подразумевает отсечение и отбрасывание осквернённого элемента. Колонизация также представляет собой деление гражданского коллектива на две части: тех, кто остается, и тех, кто выбрасывается за пределы общества. Кроме того, процесс очищения объединяет отдельных индивидумов, в группы. Те, кто "извергнут", получают возможность начать новую жизнь, и поэтому акт колонизации в некоторых отношениях сходен с ритуалами инициации и "перехода" (Van Gennep A., 1960). Как и в ритуале перехода, группа людей соединена воедино тем, что все они должны быть исключены из общества, ее члены пересечь границы, и именно поэтому она становится опасной, как осквернённая, для общества. Наконец, переход от осквернения к очищению означает переход из состояния хаоса к упорядоченному состоянию, которое достигается как путем создания нового гражданского коллектива, так и путем очищения старого.

Все это показывает, как в менталитете греков идея очищения соединяется в единый комплекс с идеей колонизации и вследствие этого человек, совершивший убийство, оказывается в рамках этой концепции вполне "подходящим" для роли ойкиста. Ритуал очищения представлял для греков концептуальную модель, с помощью которой они описывали колонизацию в терминах исторжения части своего населения, превращения ее в единую группу, которой предстояла роль создателя нового полиса.

Наконец, автор обращает внимание на следующее обстоятельство: на первый взгляд убийца, выступающий в роли ойкиста, и создание его культа после смерти кажутся плохо согласующимися в рамках греческого мировоззрения. Однако в духе этого мировоззрения осквернённый человек, пройдя через наказание, посланное божеством, приобретает определенную сакральную силу. Именно поэтому ойкист города приобретает позитивную религиозную мощь.

Тема третьей главы – собственно оракул, который дает Аполлон будущим колонистам относительно того, где им поселиться. Пророчество занимает среднее место в "колониальном сказании" (между гражданским кризисом и основанием колонии) и соответственно играет важнейшую роль в этом процессе. Как известно, оракул обычно давался в крайне туманной форме, часто представляя собой загадку. Эта форма совершенно не случайна, она отражает одну из сторон менталитета традиционного общества вообще (автор ориентируется здесь на исследования о загадках у южных и центральных банту, проведенное И. Хэмнеттом) (Hemnett I., 1967, p. 372–392), а в данном случае представляет

одну из "метафор" для воспоминаний об опыте колонизации. Одна из важных особенностей загадки состоит в том, что она изолирует категории культуры, перед тем как их смешать, и решение загадки зависит от способности манипулировать классификационной системой данной культуры.

Загадка, как правило, касалась определения места будущей колонии, и на первый взгляд, в ответе, который давал Аполлон, оно описывалось таким образом, что, казалось, будто такое место не может существовать. Однако колонисты, в первую очередь ойкист, разгадывали загадку и поэтому как бы получили право на присвоение этой земли. В другом варианте речь шла о названии местности, и угадывание его также (в соответствии с тем принципом, что знание имени дает право на обладание) давало грекам право на землю. Это одновременно подчеркивало интеллектуальное превосходство греков.

Четверная глава посвящена еще одному виду "метафоры", использовавшемуся для описания греческой колонизации, – когда основание колонии описывается "в терминах бракосочетания". Отталкиваясь от сделанного Платоном сравнения между основанием колонии и браком ("Поэтому, предоставив матери, отцу и родственникам жены их жилища, сами новобрачные должны отправиться как бы в колонию. Однако они навещают своих родителей, и те навещают их. Родив и воспитав детей, они передают им – одни другим – жизнь, словно факел, и тем самым постоянно оказывая богам согласное с законом почтение". Plato, Leggs. 776a–b), автор далее развивает эту мысль.

В греческих представлениях о браке присутствуют две основные идеи (здесь автор следует М. Детьенну (Detienne M., 1977). Дж. Редфилду (Redfield J., 1982, p. 181–201), Ж.-П. Вернану (Vernant J.-P., 1982, p. 45–70), Дж. Оукли и Р. Синосу (Oakley J., Sinos R., 1993)). Одна из них связана с идеей цивилизационного типа, поскольку она переводит примитивную сексуальность в законный способ "производства" детей, что является главной целью брака. Это один из способов перехода от природы к культуре – идеи, столь важной в системе греческого мировоззрения. Именно этим объясняется, почему вся терминология брака (особенно все песни, исполнявшиеся во время свадьбы) наполнена сельскохозяйственными реминесценциями. Девушка-новобрачная сравнивается чаще всего с самой землей, готовой к тому, чтобы быть обработанной плугом и принять семя; мужчина же сопоставляется с плугом. Конечная цель законного брака – дети, и эта цель обозначается также в сельскохозяйственных терминах.

Вторая идея заключается в том, что в браке, хотя он заключается для блага обеих сторон, одна сторона – мужская – ведущая, а вторая – женская – подчиняющаяся. Именно поэтому в браке предоставлен комплекс идей, связанных с сексуальным насилием (которое проявляется в дефлорации). Он также облечен в сельскохозяйственную лексику. Поскольку греческое представление о браке заключает в себе идею об объединении ранее чуждых друг другу и противоположных элементов для цивилизованной жизни, но это объединение сопровождается актом насилия, то брак представляет собой удобную и ясную метафору для описания колонизационного движения, в частности взаимоотношений между греками и местным населением тех территорий, которые становятся объектом колонизации. Второе обстоятельство, которое усиливает это сравнение, – традиционное для греков представление о том, что основание нового города (неважно – колониального или нет) – это результат похищения каким-либо олимпийским богом местной нимфы. Итогом мифа, описывающего основание города, является, таким образом, победа культуры, мужского начала и олимпийских ценностей над природой, женским началом и "локальными" ценностями.

Понять природу греко-местных контактов, воспринимаемых через посредство брачных метафор, помогает римский миф о похищении сабинянок. Начавшееся с похищения, сказание заканчивается установлением политических связей между римлянами и сабинами. Именно под этим углом зрения и надо, по мнению автора, воспринимать брачную терминологию в колониальных сказаниях: взгляд на брак как на гармонизированный союз противоположных начал (мужского и женского) становится символом другого вида союза – между греками и местным населением.

Во второй части книги К. Догерти, по ее собственному утверждению, стремится проверить на конкретных примерах, насколько справедливы те выводы, к которым она пришла в первой части, изучая колониальную традицию в целом. Она начинает с эпизода об основании города Этна сиракузским тираном Гиероном в 476 г. до н.э. (глава 5). Эпизод этот, по мысли автора, очень удобен, так как отражен в ряде текстов (при дворе Гиерона творили Пиндар, Бакхилид, Симонид, Эсхил) и поэтому легко можно понять, как именно функционировало "колониальное сказание".

Хотя событие имело место в V в., Гиерон действовал в соответствии с практикой архаической колонизации. Диодор (Diod. XI, 49) сообщает, что одной из главных побудительных причин основания города для Гиерона стало его желание получить героические почести в нем после смерти. Этот же автор сообщает позднее, что действительно после смерти Гиерон был в Этне героизирован (Diod. XI, 66, 4, см. также Strab. VI, 2, 3).

К. Догерти, естественно, интересует, каким образом это событие – основание Этны – нашло отражение в творчестве поэтов и драматургов, бывших его свидетелями (хотя некоторое внимание уделяется и отражению его в вазописи и монетах, выпускавшихся Гиероном).

Основными источниками служат трагедия "Этна", созданная Эсхилом именно по поводу основания города, какая-то из поэм Симонида и "Первая пифийская ода" Пиндара, сочиненная в 470 г. в связи с победой колесницы Гиерона в Пифийских играх. К сожалению, из трагедии Эсхила до нас дошло только несколько строк (сохраненных в труде Макробия). Согласно Макробию, в трагедии речь шла о местных сицилийских божествах-близнецах Палики, которых трагедия делала детьми местной нимфы Талии и Зевса. Ясно видно, считает автор, что здесь происходит "культурная экспроприация": местные божества включаются в систему греческих религиозных представлений в соответствии с разработанной ранее схемой (брак местной нимфы и олимпийского божества). Вдобавок, как указывает тот же самый Макробий, Эсхил первым дал правильную этимологию имен божеств – естественно, исходя из греческого языка. Все это служит примером идеологического оправдания захвата греками местной территории. Важность построений Эсхила обусловлена особой ролью греческой трагедии для выработки самосознания гражданского коллектива.

Насколько можно судить, основные идеи поэмы Симонида близки, хотя и не идентичны трагедии Эсхила. Этна у него – местная нимфа, дочь Неба и Земли, выступающая в роли судьи в споре Гефеста и Деметры за владение Сицилией. Здесь также в рамках мифологической системы мировоззрения происходит "присвоение" местной территории греками.

Однако наиболее показательным источником является "Первая пифийская ода" Пиндара. Подобные произведения играли выдающуюся роль в выработке мировоззрения граждан каждого полиса, так как они исполняли хором на торжестве по случаю возвращения победителя, которое считалось огромным общегородским празднеством, поскольку, согласно представлениям греков, часть той благодати, которую приобрел победитель благодаря своей победе, переходила и на полис. В этой оде, по мысли автора, все те идеи, которые обычно бывают представлены в колониальном сказании, выражены с полной силой таланта Пиндара.

Предмет анализа (под тем же углом зрения) в главе 6 – "Пятая пифийская ода" Пиндара, прославляющего победу колесницы царя Кирены Аркесилая на Пифийских играх в 462 г. Она должа была быть исполнена во время праздника Карнеи. Автор особое внимание уделяет той связи, которую Пиндар устанавливает между Баттом – ойкистом и первым царем Кирены и Аркесилаем – победителем в колесничном беге на общегреческих играх, и приходит к выводу, что и в этом произведении черты колониальной идеологии занимают особое место.

В следующей главе рассматривается содержание "Седьмой Олимпийской оды" Пиндара, посвященной победе кулачного бойца Диагора в Олимпийских играх 464 г., и "Одиннадцатой оды" Бакхилида (на победу Алексидама из Метапонта в борьбе среди мальчиков). Выявляя уже отмеченное ранее использование определенных тем и способов выражения, связывающих данные конкретные события с общими принципами колониальной идеологии, К. Догерти и здесь видит обращение авторов к колониальному повествованию. В частности, например, колонизация Родоса (в описании Пиндара) выглядит несколько по-иному, чем у Гомера. Сын Геракла Тлеполем в обоих текстах выступает в роли руководителя этой колонизации (после невольного убийства родственника он вынужден бежать), но у Гомера он сразу же отправляется на Родос, а у Пиндара – перед этим обращается в Дельфы за оракулом.

Восьмая глава имеет в основе анализ "Девятой пифийской оды" Пиндара, в которой прославляется Телесикрат Киренский, победивший в беге при оружии в 474 г. Здесь Пиндар дает другой вариант мифологизированной истории Кирены. Основное место занимает миф о браке Аполлона с местной нимфой Киреной, известной по "Каталогу женщин" Гесиода. Таким образом, этот брак – одна из форм "присвоения" страны греками-колонистами на уровне идеологии.

Подводя итоги, К. Догерти следующим образом формулирует свои выводы. Когда греки-колонисты сталкивались с задачей описания нового мира и своих поселений на его территории, они испытывали определенные трудности, порожденные самим языком, и поэтому прибегали к помощи "метафор"; они использовали знакомое изображение, институт или концепцию, которые, как они полагали, были достаточно близки тому, что надо отобразить, чтобы "приблизить и присвоить" то, что было новым, и то, что было невозможно описать, опираясь только на привычные методы. Таких всеобъемлющих метафор было несколько. Очищение для убийцы, решение загадки, брак и победа атлета на соревнованиях – все эти метафоры помогали грекам отобразить и процесс ухода с родины и переселение на чужую территорию; благодаря использованию их они совершали переход от известного к неизвестному.

Очень отчетливо эта "стратегия" описания предстает в той модели, где ядром являются убийство и очищение. Во многих "колониальных сагах" (сказаниях об основании колоний) основателем нового города выступает убийца, который вынужден бежать со своей родины. Подобных сказаний так много, что невозможно допустить их полную достоверность. Автор книги пытается найти свое объяснение. Для того, чтобы убийца очистился от скверны, он должен уйти в изгнание на год, и именно Аполлон Дельфийский "наблюдал" за этим наказанием. Колонист, часто выброшенный из дома природными или политическими бедствиями, также обращался за советом к Дельфийскому Аполлону относительно основания города за морем. Именно в данном пункте происходит соприкосновение двух сюжетов, благодаря чему и устанавливаются концептуальные рамки для описания колонизации. Аполлон, который очищает, становится Аполлоном, который колонизирует; убийца принимает роль основателя. Платон освещает эту связь между колонизацией и очищением убийцы путем изгнания, характеризуя импульсы для обоих действий совершенно одинаковыми терминами – как процесс деления. Колонизация тем самым предстает как эвфемизм для обозначения очищения города от нежелательных ему элементов.

Эта модель "убийства-осквернения-очищения" порождена несколькими тревожными обстоятельствами самого колониального процесса. Она выражает обеспокоенность метрополии относительно того, что часть ее населения "выбрасывается" за пределы гражданского коллектива (хотя это делается для большего блага тех, кто остается). Средством для снятия этой моральной обеспокоенности служит использование религиозной символики, которая объявляет группу покидающих город людей оскверненной и затем через посредство изгнания трансформирует ее в источник позитивный силы. Основное внимание уделяется не проблеме – источнику осквернения, но ее решению – источнику силы. Сообщение о Тлеполеме, одновременно убийце и основателе Родоса, вставленное в текст "Седьмой Олимпийской" оды Пиндара, драматизирует концептуальное сходство между основанием колонии и очищением убийцы. Оба они, и основатель, и убийца, консультируются у Дельфийского Аполлона и оба высылаются из дома, чтобы заселить новую территорию. Религиозная сила, приобретенная убийцей после очищения, передается новому городу, как только убийца становится ойкистом. Частью его новой роли является почитание его как героя: погребение на агоре, ежегодные игры и жертвоприношения. Этот парадигматический миф затем соотносится с похвалой атлету-победителю. В этой оде Пиндар соединяет концепцию ойкиста-убийцы с похвалой в адрес юного боксера-победителя на Олимпийских играх и высказывает предположение, что Диагор станет источником силы и славы для родной земли, подобно Тлеполему. Такое соединение ролей происходит потому, что и убийца, и ойкист, и атлет – каждый переходит обычные границы поведения смертного и, как результат, каждый приносит экстраординарную силу своему городу.

Кроме того, эта модель соотнесена также с насилием, которое составляло непременную часть колониального предприятия. Как говорит Фукидид, колониальная экспедиция не отличалась от большого военного предприятия, так как и в том и другом случае были необходимы большие силы. Правда, применение силы редко упоминается в колониальных мифах или легендах. Но археологические и исторические свидетельства показывают, что конфронтация между греческими колонистами и местным населением довольно часто имела место, и мы можем считать, что у греков существовал определенный моральный дискомфорт, порожденный фактом насилия. Он находил свое выражение также в идее необходимости очищения ойкиста-убийцы. Ритуальный контекст заставляет предполагать, что подразумевалось убийство местного населения, а очищение имело в виду искупление и этого преступления.

В том же русле К. Догерти решает проблему прорицаний Аполлона Дельфийского, в

частности тех, где сталкиваются греческие и местные названия мест. Двуязычные загадки являются лингвистическим доказательством кросс-культурных контактов. Греки "отвоевывали право" на новые земли посредством решения загадок, которые требовали греческого слова для местного феномена. Колонизация не ограничивалась переселением населения и строительством городов на чужой земле; она требовала также подавления местной речи: для колонистов их язык представлял символ культуры и цивилизации. Конфронтация с местным населением, которое говорило на чуждом языке, требовало определенных "стратегий" в таком лингвистическом и культурном конфликте. Одна из них состояла в том, чтобы отрицать существование местного языка как такового – подразумевалось, что местное население настолько дико и отстало, что вообще не может общаться. Другая стратегия – перевод. Согласно этой стратегии, местное население говорит не на абсолютно чуждом языке. Невинный акт перевода, однако, представляет собой, с точки зрения греческого мировоззрения того времени, передачу силы. Дать чему-нибудь имя означает получить в собственность – это один из видов колониализма.

В дополнение к этой форме "лингвистического империализма" существует и другая: процесс основания колонии требовал распределения ключевых элементов греческой гражданской жизни в незнакомом окружении. Колонисты делили между собой новую территорию и устанавливали обязательные границы между гражданской, священной и частной землей. Акт решения загадки включал в себя подобный же процесс – признание и распределение собственного деления между интеллектуальными категориями. Таким образом, исторический процесс, состоящий в создании колонии, представлял собой в области сознания наложение гражданского порядка на чуждую землю, и именно таким образом он отражается в умственном акте решения загадки.

Пиндар в "Девятой Пифийской оде" эксплуатирует другую метафору колонизации – метафору брака. Она представляет собой иную модель для концептуализации греко-местных отношений – интегративную. Пиндар рассказывает историю основания Кирены как брак Аполлона и Кирены. Заморское поселение описывается как гармоничный союз противоположностей – один народ там, где было два, – хотя союз достигается только через акт насилия. Аполлон силой берет дикую охотницу из ее дома и делает хозяйкой нового города в Ливии, названного по ее имени. Их брак продуктивен, так как дает и сына, который должен стать бессмертным, и новый город, благословенный своими плодородными полями и богатыми плодами. Брак, как его понимали греки, означает приручение женщины, преобразование дикого в нечто плодородное и продуктивное, и этот процесс может быть насильственным. Таким же образом поселение на чужой земле выступает как акт насилия, военное предприятие, но из этого насилия проистекает плодотворный результат цивилизации – новый греческий город.

Обе метафоры, убийство и брак, несмотря на их различную ориентацию, порождены подспудным тревожным чувством, характерным для времени колонизации, поскольку она подразумевает огромные изменения в жизни всех коллективов, затронутых ею. Обе метафоры предполагают (и это очень показательно), что колонизация является актом, который требует пролития крови.

Наконец, согласно Пиндару, основание колонии похоже на победу в атлетическом соревновании. И ойкист, и победитель-атлет проходят через риск и благодаря своим усилиям приносят свему родному городу славу, распространяющуюся по всему миру, и оба они получают героический культ.

Таким образом, по мысли К. Догерти, все эти метафоры колонизации не дают позитивной картины того, как греки посылали экспедиции для основания колоний, однако они позволяют понять, как функционировала память о колонизации в греческом менталитете на протяжении долгого времени после того, как колонии уже были основаны. Посредством реконструкции типологии "колониального повествования" и исследуя его варианты, мы можем увидеть, что колонизация помнилась не как амбициозное открытие нового мира (как мы могли бы ожидать), но как нежелательное, но необходимое движение от состояния кризиса к его разрешению. Кроме того, колонизация вспоминалась и как явление, вызывающее моральный дискомфорт.

Память о колонизации играла важную роль консолидирующую роль в гражданских коллективах новых городов. Много лет спустя после того, как колонизационное движение закончилось, "колониальные сказания" включались в поэтические произведения гражданского звучания, исполняемые во время важных городских церемоний, что помогало грекам "колонизовать прошлое" и многократно напомнить о самих себе как об "имперской силе".

Столь подробный пересказ содержания книги и системы аргументации автора вызван несколькими обстоятельствами. К их числу относятся: большая новизна подхода, законченность концепции, значительное число отдельных частных наблюдений, имеющих важное значение для понимания процесса греческой колонизации в различных центрах и памяти о них. Наконец, эта работа служит своего рода предостережением против упрощенного подхода к письменному источнику, сообщающему нам ту или иную информацию относительно греческой колонизации. Вместе с тем некоторые из основных положений книги вызывают самый серьезный протест.

Первый из тезисов автора, который, как нам кажется, должен быть оспорен, – причисление Греции архаической эпохи к числу типично традиционных обществ. Не отрицая наличия некоторых черт, которые роднят его с так называемыми традиционными обществами, мы вместе с тем считаем, что это общество было слишком своеобразным, чтобы его можно было столь однозначно отнести к этой категории. Не перечисляя всех особенностей, отметим только самое основное. С точки зрения практически всех исследователей последних десятилетий, именно время архаики представляло собой наиболее динамичный период за все время существования античной цивилизации (см., например, Austin M.M., Vidal-Naquet P., 1972; Snodgrass A., 1980). Именно тогда происходили слом традиционных структур и становление целого ряда принципиально новых явлений – от полиса до философии. Именно поэтому принципиальный подход К. Догерти нам кажется дезориентирующим.

Соответственно ее подход демонстрирует свою уязвимость уже на уровне постановки проблемы и принятия методов исследования. Ориентируясь на концепцию М. Салинса относительно приспособляемости традиционных обществ к резким изменениям, К. Догерти не замечает того, что приводимый ею пример ориентирован в совершенно противоположном направлении. В качестве примера, показывающего, как традиционное общество сохраняет свою целостность, несмотря на огромные изменения, она ссылается на Полинезию времени первых плаваний европейцев в этот регион, когда полинезийцы восприняли Кука как воплощение одного из своих традиционных божеств плодородия. Однако К. Догерти упускает из виду самое основное: в период великой греческой колонизации роль полинезийцев XVIII в. играли жители тех территорий, которые колонизовались греками, а сами греки – роль англичан, поэтому в данном случае, если мы продолжим это сравнение, роль колонизации должна исследоваться под тем углом зрения, как это делал Б. Смит, – влияния исследований в Тихом океане на развитие европейской мысли (Smith B., 1990, p. 19–30).

Следующее наше возражение касается необходимости использования метафор для понимания и описания природы и общества, с которыми греки столкнулись за морем, – тезиса, столь важного в концепции К. Догерти. Ею приведен один, как ей кажется, удивительно показательный пример: европейским художникам понадобилось примерно двадцать лет на то, чтобы научиться правильно рисовать одно из австралийских растений, до этого они изображали его как дуб. Однако этот пример вряд ли удачен для понимания того, как греки осваивали незнакомый мир. Дело заключается в том, что греческие колонии не основывались так далеко, как европейские колонии нового времени. Все они располагались только на побережье Средиземного моря, в зоне практически тех же самых природных условий, что и в собственно Греции (см., например, Salaris R., 1991). Кроме того, контакты греков с местными народами зоны колонизации не имели того характера, что первые контакты европейцев с индийцами Америки, полинезийцами или коренными жителями Австралии. Главное, что отличает эти первичные контакты, – изумление европейцев перед совершенно непривычными культурами и даже внешним видом людей. Ничего похожего не наблюдалось при контактах греков с местным населением. И внешний облик людей, и уровень жизни, и характер культуры не имели столь чуждого характера. Кроме того, с целым рядом народов зон колонизации греки познакомились ранее, чем начали создавать свои колонии. Например, скифы, основные соседи греков-колонистов на северном побережье Черного моря, знакомы были грекам по их походам в Малую Азию. Фракийцы были в общем ближайшими соседями греков. Менее близко знали греки мир Западного Средиземноморья, но и здесь определенная степень знакомства имелась благодаря доколониальным контактам (Graham A.J., 1930, p. 45–60; Ridgway D., 1990, p. 61–72). В целом же, как нам кажется, автор явно преувеличивает степень новизны того мира, с которым греки столкнулись во время своей колониальной экспансии. Тем самым, как мы полагаем, степень создания и использования метафор явно преувеличена К. Догерти. В связи с этим отметим также, что автор несколько наивно смешивает два понятия,

обозначаемых одним и тем же термином "метафора". Существует все-таки разница между использованием этого термина в литературоведении и культурной антропологии.

Наконец, само выделение основной модели колонизации и соответственно главных метафор для ее описания вызывает большие сомнения. Дело в том, что мы должны на слово поверить К. Догерти, что именно эта модель представлена в большинстве случаев описания колониального предприятия. Вместе с тем она сама дает достаточно значительный (но далеко не исчерпывающий) перечень (прим. 8 на стр. 27–28) оснований колоний, в которых описание строится совершенно по иной модели, а именно – основная часть в этом списке принадлежит случаям, связанным с дальними морскими путешествиями, кораблекрушениями и тому подобными событиями.

В связи с этим вопросом находится и другой – относительно того, насколько типичным является тот способ описания колонизации, который К. Догерти считает типичным и который воплощен в систему создания метафор. Совершенно несомненно, что с той точки зрения, которую подчеркивает автор, – сохранения в коллективной памяти народа (культурной памяти) образа колонизации – именно те метафоры, которые столь обстоятельно исследует К. Догерти, служили главным средством его и закреплялись они также тем путем, который она также тщательно прослеживает – через посредство наиболее гражданственных видов греческой литературы: трагедии и торжественных од. Но, естественно, встает вопрос: не представлена ли в том перечне, о котором мы только что говорили, иная, так сказать, конкурирующая модель закрепления в культурной памяти процесса колонизации? Ведь нельзя забывать, что колонизация имела еще иной эффект – создание сети торговых путей, усиление коммуникации между отдельными частями Средиземноморского мира – одним словом, эффект на уровне не идеологии, а на чисто практическом, бытовом уровне. Для этого уровня также нужна фиксация информации, но несколько иной и зафиксированной иным образом. Остатками этого чисто или почти чисто практического информационного тезауруса являются греческие периплы. Явным недостатком книги К. Догерти, с нашей точки зрения, приходится считать полное невнимание к этому типу источника.

Этот же вопрос – о необходимости использования метафор для тех или иных вариантов описания основания колоний – немедленно встает при чтении главы, посвященной метафоре брака. Именно эта глава ярче всего демонстрирует слабость позиции автора, поскольку К. Догерти не приводит ни одного случая использования этой метафоры, если не принимать в расчет союзов между олимпийскими богами и местными нимфами. Единственный пример, на который К. Догерти смогла сослаться, к греческой колонизации отношения не имеет, поскольку в нем рассказывается о взаимоотношениях между римлянами и сабинянками.

Отметим также, что автор иногда подменяет один объект исследования другим. С самого начала К. Догерти указала, что собирается изучать Великую греческую колонизацию, т.е. колонизацию архаической эпохи. Однако в ходе работы она неоднократно соскальзывала в иную, более раннюю стадию, обращаясь к произведениям, отражающим колонизацию островов Эгейского моря в период "темных веков" или еще более раннего времени (например, греческая колонизация Родоса или основание Тиринфа). Вполне возможно, что эти два процесса "записывались" в памяти греков аналогичным образом, но столь же вероятно, что это происходило по-иному. Одним словом, автор, не выдержала тех условий, которые сама себе поставила. Поэтому вполне вероятно, что в этом отношении ее выводы не подкреплены серьезными доказательствами.

Не может работать в полную меру на ее концепцию и использование материалов относительно основания Гиероном Этны. Автор забывает, что здесь имеется в виду несколько иная ситуация, нежели при обычном "типовом" основании колониального города, поскольку предшествующие хозяева города – не местное население, а греки-ионийцы Накооса и Катаны. Они были изгнаны, и на их место поселены 5000 дорян из Пелопоннеса и 5000 жителей Сиракуз. Поэтому использовать этот пример достаточно опасно, ибо данная ситуация никак не соприкасается с проблемой взаимоотношений греков-колонистов с местным негреческим населением. Во всяком случае К. Догерти совершенно упускает из виду то, что было очень важно для Пиндара, – идею превосходства дорян над ионянами и надежду его на то, что дорийский образ жизни будет существовать в Этне вечно.

Из конкретных выводов К. Догерти хотелось бы оспорить один. Она, видимо, совершенно справедливо считает, что метафора, использующая образ убийцы, прошедшего очищение, в качестве ойкиста колониального города, отражает чувство внутренней

тревоги, которое возникало в гражданском коллективе, вынужденном выбрасывать часть своего состава в результате внутреннего кризиса. Однако невозможно согласиться с тем, что одновременно эта метафора отражала чувство вины греков, в ходе колониального предприятия вынужденных применять насилие по отношению к местному населению. Подобное умозаключение совершенно противно греческому менталитету, суть которого в данной сфере прекрасно выразил, например, Ксенофонт, сказавший, что все достояние побежденных, включая их жизнь, принадлежит победителю (Xen. Cyrop. VII, 5, 73). Греки не воспринимали порабощение побежденных, особенно варваров, как преступление, требующее искупления.

Заключая свой весьма затянувшийся разбор работы К. Догерти, мы должны будем признать, что при всем интересе, который вызывают отдельные выводы, при справедливости ряда заключений в целом книга все же вряд ли может удовлетворить специалиста в силу полной заданности основной идеи, которая проводится автором, несмотря на сопротивление источников.

Институт всеобщей истории РАН, Москва *Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко*
Институт археологии РАН, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Austin M.M., Vidal-Naquet P., 1972. Economies et societes en Grece ancienne (Periodes archaique et classique). Paris.

Detienne M., 1977. The Gardens of Adonis: Spices in Greek Mythology. Atlantic Highlands (New Jersey).

Douglas M., 1985. Purity and Danger. London.

Franklin W., 1979. Discoverers, Explorers, Settlers: The Diligent Writers of Early America. Chicago; London.

Geertz C., 1973. The Interpretation of Cultures. New York.

Geertz C., 1983. Local Knowledge: Further Essays in Interpretative Anthropology. New York.

Graham A.J., 1990. Pre-colonial Contacts: Questions and Problems // Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology. Canberra; Oxford.

Hamnett I., 1967. Ambiguity, Classification and Change: The Function of Riddles // Man. № 2.

Oakley J., Sinos R., 1993. The Wedding in Antient Athens. Madison.

Redfield J., 1982. Notes on a Greek Wedding // Arethusa. № 15.

Ridgway D., 1990. The First Western greeks and their Neighbours 1935–1985 // Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology. Canberra; Oxford.

Sahlins M., 1981. Historical Metaphors and Mythical Realities. Ann Arbor (Michigan).

Sahlins M., 1985. Islands of History. Chicago; London.

Salaris R., 1991. The Ecology of the Ancient Greek World. London.

Smith B., 1980. Greece and European Colonization of the Pacific // Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology. Canberra; Oxford.

Snodgrass A., 1980. Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley; Los Angeles.

Turner V., 1974. Dramas, Fields and Metaphors; Symbolic Action in Human society. Ithaca; New York; London.

Turner V., 1981. Social Dramas and Stories about Them // On Narrative / Ed. Mitchell W.J.T. Chicago; London.

Van Gennep A., 1960. The Rites of Passage. London.

Vernant J.-P., 1982. The Origins of Greek Thought. Cornell.

White H., 1973. Metahistory. Baltimore.

White H., 1978. Topics of Discourse. Essaies in Cultural Griticism. Baltimore; London.

***Plana Mallart R.* La chora d'Emporion. Paysage et structures agraires dans le nord-est Catalan à la période pré-romaine. Paris, 1994, 228 p. (Ánnales Littéraires de l'Universite de Besancon, 544; Centre de Recherches d'Histoire, Ancienne, V. 137. Espaces et paysages 2).**

Рецензируемая работа посвящена истории одной из греческих колоний – Эмпориона (современная Ампурия), основанной фокейцами на северо-восточном побережье Испании (в Каталонии), ее взаимоотношениям с местным населением и развитию хоры. Период, который рассматривается в книге, охватывает время от основания города до подчинения его Римской республике во II в. до н.э. Предисловие к книге написано известным французским ученым, проф. М. Клавель-Левек руководителем западноевропейского проекта по истории использования территории в античное время. В рамках этого проекта в университете г. Безансон (Франция) осуществлено и исследование Р. Плана Малларт.

Монография состоит из Введения, двух частей и Заключения. В конце ее имеется Библиография. Первая часть включает четыре главы: I – "Колониальная динамика"; II – "Влияние колонизации на местные общества"; III – "Пейзаж и общество"; IV – "Территориальная структура Северо-Восточной Каталонии". Вторая часть состоит из трех глав: I – "Эмпорион: город как порт и рынок"; II – "Хора Эмпориона: зона создания продукции".

Во Введении автор определяет цели работы. Она указывает, что, хотя Эмпорион изучается уже давно, основные усилия специалистов были сосредоточены на нем самом, его исследовали прежде всего как городской центр и очень мало внимания уделялось сельскохозяйственной территории (хоре), хинтерланду, связям Эмпориона с местным населением. Поэтому именно эти вопросы стали основными в данной работе. Ее отличает исчерпывающе широкий круг источников, которые анализирует Р. Плана Малларт. Это прежде всего античная традиция о городе и местных племенах, соседствовавших с ним, материалы археологических раскопок, проведенных как в самом Эмпорионе и его непосредственных окрестностях, так и во всем регионе, охватывающем Северо-Восточную Каталонию. Важную роль играет изучение аэрофотоснимков – и современных, и более ранних (40–50 гг. нашего века). Используются все доступные автору результаты изысканий, характеризующих экологическую ситуацию в регионе, начиная с эпохи финальной бронзы (палеоклиматические, карпологические, палинологические и т.д.). Наконец, большой сравнительный материал предоставляют сведения о природных условиях, системе расселения, характере хозяйства жителей данного региона в средневековую эпоху.

В первой главе первой части Р. Плана Малларт кратко, но отчетливо определяет те исходные принципы, которыми она руководствовалась в своем исследовании. Останавливаясь на обстоятельствах возникновения греческой колонии Эмпорион (на территории современного г. Ампурия), она указывает, что само название города подчеркивает его специфическое назначение: слово "эмпорий" в строгом смысле слова обозначает достаточно четко ограниченное пространство, которое служило местом для обмена между автохтонным населением и группами иностранцев. Нельзя путать эмпорий с полисом, хотя с течением времени некоторые из эмпориев трансформировались в настоящие города. Письменные источники, а также археология показывают, что в портовых городах имелось пространство, расположенное или за пределами городских стен, или по соседству с портом, которое играло роль эмпория. Наиболее типичным примером в этом отношении является Пирей (Bresson A., 1993, p. 163–226).

Торговля того типа, который требовал наличия эмпории (где проходили импортно-экспортные операции), видимо, развилась в Ионическо-Кикладской зоне в VIII–VII вв. до н.э., параллельно с кризисом древней модели аристократической торговли. Обмен превратился в независимую сферу деятельности и был ориентирован теперь на приобретение продуктов первой необходимости, прежде всего минерального сырья и продуктов питания, в частности зерна. Следуя концепции Б. Браво, автор считает, что уже в VIII в. поиски источников приобретения зерна стали для Греции одной из важных проблем (Bravo B., 1984). Каталония в этом отношении представляла один из перспективных районов.

Фокейцы создали целую сеть пунктов перераспределения продуктов по Средиземноморью. Но их эмпории, из которых состояла эта сеть, играли не только роль рынков. Одновременно они служили опорными пунктами, откуда осуществлялось проникновение в глубь хинтерланда (Morel J.-P, 1996, p. 378–420; 1982, p. 479–496; 1992, p. 15–25).

© Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко, 1997 г.

Вместе с тем необходимо помнить, что основание торговой колонии не означало, что колонисты пренебрегали поисками плодородной земли. Прибывшие в то или иное место греческие поселенцы стремились всегда не только создать собственно городские структуры, но и овладеть землей, чтобы обеспечить свое существование.

Исходя из этого комплекса идей, автор рассматривает конкретную историю греческой колонии в Ампурии. В непосредственной близости от греческого города обнаружены два местных населенных пункта: один из них существовал до появления греков, второй – тогда, когда греки уже совершали плавания в этот район, свидетельством чего являются предметы иностранного происхождения, найденные в слоях первой половины VII – VI в. до н.э. (этрусская, ионийская, фокейская и массалиотская керамика). Исходя из этого, делается закономерный вывод, что греки сознательно основали свое поселение там, где уже жило местное население, в надежде получить благодаря контактам с ним доступ к местным ресурсам (что, вообще, характерно для фокейской колонизации).

Хотя самый первый период истории колонии плохо документирован археологическими материалами, для автора представляется несомненным, что уже в это время рядом с греческим населенным пунктом существовал местный, расположенный у стен греческого эмпория. Контакты между двумя общинами были не всегда дружественными, как ясно из сообщения Тита Ливия (XXXIV, 9), однако преобладали отношения сотрудничества. Археология свидетельствует о совместном обитании греков и местных жителей начиная с IV в. до н.э., что подтверждает Страбон (III, 4, 8).

Создание греческой колонии в Ампурии имело место около 600 г. до н.э. Хотя традиционно считается, что колонию основали массалиоты, более вероятно, что все-таки роль основателей сыграли фокейцы и только несколько позднее Эмпорион попал в зависимость от Массалии. К моменту появления здесь греков местное население уже имело торговые контакты с карфагенянами и этрусками. Первоначально поселение представляло подлинный эмпорий и располагалось на маленьком островке у побережья, но около 580/570 гг. до н.э. греки перебрались на материк, что, вероятнее всего, было следствием укрепления контактов с местным населением. В них более всего была заинтересована верхушка местного общества, контролировавшая обмен и получавшая греческие товары, что увеличивало ее престиж и влияние. Вместе с тем необходимо помнить, что реальная цена товаров, произведенных в Элладе, была много меньше той, что уплачивалась здесь за них. Появление греков способствовало убыстрению развития местного общества и усилению позиции верхних его слоев. Вполне вероятно, что в результате подобного сотрудничества колонисты получили и определенную сельскохозяйственную территорию для создания своей хоры.

Греческое поселение на материке, традиционно называемое Неаполем, в течение VI в. до н.э. зависело от Массалии и не играло большой роли в экономике и политике региона, его влияние на местное общество было ограниченным.

В начале V в. до н.э. Массалия вошла в полосу тяжелого кризиса, одним из проявлений которого было почти полное прекращение импорта, но Эмпориона он не задел: импорт колонии не только не сокращается, а наоборот, увеличивается, причем важнейшей частью его становится аттическая керамика. Можно думать, что именно в это время Эмпорион стал независимым и начал развивать прямые (или через посредство Сицилии и Великой Греции) связи с Афинами, самое яркое свидетельство которых – обилие аттической краснофигурной керамики в период примерно от 475 г. до первой половины IV в. до н.э. включительно. Вместе с тем о падении роли связей с массалией говорит уменьшение числа массалиотских амфор. Не подлежит сомнению, что Эмпорион поддерживал тесные торговые контакты с карфагенянами. Экономические связи Эмпориона в V в. до н.э. резко расширились в местной зоне – не только на Иберийском п-ове, но и в Южной Галлии. Экономический подъем города нашел свое отражение и в начале собственной чеканки монеты в V в. до н.э. Вывозили из Эмпориона (например, в обмен на афинскую керамику), вероятнее всего, зерно, что, естественно, предполагает тесные связи его с хинтерландом, откуда поступало это зерно и где именно в это время отмечаются расширение сельскохозяйственной зоны и, кажется, улучшение самого процесса сельскохозяйственного производства. Кроме того, Эмпорион экспортировал лен и дрок. Возможно, определенное значение имели также минеральные ресурсы, поступавшие из Пиренеев.

Можно было бы думать, что торговля осуществлялась в Эмпорионе олигархией, как и в Массалии. Однако этому предположению противоречит то обстоятельство, что в торговых предприятиях, как показывают недавно найденные документы (письма на свинцовых пластинках, как греческие, так и на местном языке), участвовали и представители местного населения. Это, бесспорно, свидетельствует о прогрессе местного общества.

На раннем этапе истории Эмпориона две общины (и соответственно два населенных пункта) существовали рядом, но раздельно (Страбон назвал эту ситуацию диполисом), в IV в. до н.э. произошло объединение как общин (о чем говорят письменные источники), так и самих поселений (теперь их окружала общая стена). Объединение было выгодным для греков, поскольку создавало для них лучшие возможности эксплуатировать сельскохозяйственную территорию. Оно свидетельствовало также о достаточно сильной эллинизации верхнего слоя местного населения. Автор предполагает существование в городе олигархического режима.

Рассматривая влияние Эмпориона на более обширный район, нежели его непосредственное окружение, Р. Плана Малларт отмечает произошедшие изменения: во время зависимости колонии от Массалии (т.е. в VI в.) это влияние было ограниченным, но с начала V в. происходит резкое расширение зоны влияния города, охватившей всю территорию обитания народа индикетов (Северо-Восточную Каталонию). Это проявилось, в частности, в подъеме сельского хозяйства, дававшего товарное зерно, в возникновении и расширении сети oppida, являвшихся зачаточными формами местного города, возможно, в усилении расслоения общества. Представители верхнего слоя местного населения выступали в роли основных контрагентов граждан Эмпориона при приобретении зерна внутри страны и при продаже там предметов греческого импорта. Местная аристократия тем самым усиливала свои позиции внутри локальных политических образований. Автор очень доказательно показывает, как постепенно, но неуклонно расширялась зона сельскохозяйственного освоения территории, как возникала и расширялась сеть поселений и как менялся их характер.

Местные поселения занимали, как правило, высоты, расположенные по соседству с аллювиальными долинами. Анализ расположения поселений показывает наличие достаточно сложной, иерархически организованной системы: oppida и зависимые от них рядовые поселения. При этом Р. Плана Малларт обращает особое внимание на одно обстоятельство: в непосредственной близости к Эмпориону oppida полностью отсутствуют, что позволяет поставить вопрос о хоре Эмпориона.

Традиционно считается, что Эмпорион – прежде всего торговый центр – не обладал собственной хорой. Только в последнее время стало меняться отношение к этой проблеме. Высказывается мнение о том, что, хотя Эмпорион и не имел собственной хоры, от него зависела достаточно обширная зона, населенная местными племенами, снабжавшая город продуктами сельского хозяйства, в первую очередь зерном. Изучение системы межевания на территории, непосредственно примыкающей к Эмпориону, привело к открытию следов раздела, датируемого греческим временем. Именно это открытие стало отправной точкой для исследования автора. Она сопоставляет данные о расположении oppida (ряд которых явно фиксировал границы хоры Эмпориона), святилищ (которые также могли фиксировать эти границы), а также особенности природного ландшафта и намечает примерные границы хоры города, которые в общем совпадают с границами средневекового графства Ампурия. Размеры хоры Эмпориона – 20 км в направлении с севера на юг и 18 км в направлении с запада на восток, т.е. примерно 360 км^2 (что сопоставимо с хорой Херсонеса Таврического и Метапонта). Вместе с тем, как считает необходимым подчеркнуть Р. Плана Малларт, значительную часть этой территории занимали леса, болота, скалистые возвышенности.

Что касается величины самого города то, согласно подсчетам автора, в V в. до н.э. размеры Эмпориона определялись в ионийских мерах длины (ионийский фут равен 0,35 м) и были равны 600 футам в направлении север – юг и 300 футам в направлении запад – восток.

Во второй части книги Р. Плана Малларт пытается выявить основные этапы жизни города. Как уже отмечалось, древнейший греческий населенный пункт находился на острове. После переселения на материк греки прежде всего освоили северную часть современного города Ампурия, и, видимо, именно эта часть – вблизи порта – с ее основной деятельностью, ориентированной на торговлю, дала название всему населенному пункту. Находки в этом районе подтверждают именно такую направленность деятельности жителей. Дата древнейшего слоя здесь – около 550 г. до н.э. Южную часть в это время, очевидно, занимало местное поселение (extra muros по отношению к греческому). Следы его зафиксированы в районе теменоса храма Зевса Сераписа. Древнейшие жилища здесь относятся ко второй половине V в. до н.э.

Строительство новой стены, датируемой 375–350 гг. и расположенной далее на юг по сравнению с самой ранней стеной, видимо, представляет внешний знак происшедшего объединения двух населенных пунктов и соответственно двух гражданских общин в единое целое (синойкизм).

Именно к этому времени относятся и следы межевания территории, непосредственно окружавшей город Эмпорион. Особое внимание обращается на то обстоятельство, что следы межевания, представленные на аэрофотоснимках в виде темных линий (а на местности они фиксируются в виде невысоких каменных стенок, дренажных канав, остатков дорог и т.п.), соотнесены с направлением основных городских магистралей и в целом представляют собой прямоугольную сетку. Эти следы деления хоры на отдельные участки (которые способствовали и улучшению гидрологического режима в окрестностях города) впервые были выявлены в 1987 г., но тогда решили, что это следы римской центуриации. Двумя годами позднее, однако, было высказано предположение о греческом времени этих следов деления территории. Автор согласен с такой точкой зрения и старается не только подтвердить ее техническими наблюдениями, но и поставить в связь с развитием общеисторической ситуации в регионе.

Наблюдения и исследования аэрофотоснимков показали, как доказывает автор, что основой деления на сеть отдельных участков являлся ионийский стадий, равный 210 м. Зона, которая была разделена на участки, равна 150 км^2 (15 000 га), т.е. охватывала территорию приблизительно 10 × 15 км (правда, внутри нее не вся земля разделена). Можно думать, что хора Эмпориона была однопорядковой с хорой Метапонта (11 000 га) и Херсонеса Таврического (10 000 га). Небольшая разница с размерами хоры, которые были установлены раньше, относится Р. Плана Малларт за счет того обстоятельства, что, как правило, не вся хора делилась на участки: часть ее оставалась в общественной собственности или в виде земельного резерва или угодий, эксплуатировавшихся гражданами совместно. Как полагает автор, преобладал клер, имеющий размеры 210 × 210 м (т.е. около 4,5 га или 36 плетров), что приводит к выводу о том, что основная часть граждан принадлежала к категории мелких собственников.

В заключительной главе Р. Плана Малларт пытается охарактеризовать основные особенности сельского хозяйства Эмпориона, указывая на многоотраслевой его характер, хотя и с явным преобладанием производства зерновых.

Думается, что данная книга с интересом будет встречена всеми специалистами, работающими над проблемами истории великой греческой колонизации. Р. Плана Малларт доказательно построила свою схему развития небольшого колониального города, который, родившись как торговый пост, самой логикой развития превращается не только в центр производства, но и в полис, который аккумулировал весьма значительные ресурсы, произведенные за его непосредственными пределами, в "варварском" хинтерланде, оказывая влияние на обширную периферию – влияние несопоставимое с его политической мощью.

Выскажем только два упрека в адрес автора этой интересной книги. Прежде всего жаль, что ею не была произведена та работа, которая могла бы считаться самым последним итогом исследования – не была сделана попытка оценить самым суммарным образом количество товарного зерна, производимого хорой Эмпориона. Мы прекрасно сознаем всю условность подобных цифр, однако знание даже порядка этих цифр важно для понимания экономического потенциала города, как показало аналогичное исследование, осуществленное применительно к Метапонту (Carter J.C., 1990, p. 405–443).

Отметим также, что вряд ли сейчас можно согласиться с идеей, высказываемой в этой книге (и полностью отвечающей привычному строю мысли антиковедов, занимающихся сходными проблемами), согласно которой тем основным афинским товаром, который поступал в Эмпорион в обмен на хлеб, являлась расписная керамика. Сомнения относительно этого обычного взгляда высказывались уже давно, однако только недавно неправомерность его, кажется, была доказана окончательно (Vickers M., Gill D., 1994). Отметим некоторое (небольшое) количество фактических ошибок. Например, на с. 26 Херсонес Таврический почему-то присутствует в списке тех колониальных греческих городов, которые, будучи основанными на островах, перебирались затем на материк.

Институт всеобщей истории РАН, Москва *Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко*
Институт археологии РАН, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bravo B., 1984. Commerce et noblesse en Grèce archaïque. A propos d'un livre d'Alfonso Mele // DNA. N 10.

Bresson A., 1993. Les cités grecques et leurs emporia // L'Emporion / Ed. A. Bresson, P. Rouillard. P.

Carter J.C., 1990. Metapontum – Land, Wealth and Population // Greek Colonists and Native Population. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archeology / Ed. J.-P. Descoerdes. Canberra; Oxford.

Morel J.P., 1966. Les Phocéens en Occident: certitudes et hypothesès // PP. N 6.

Morel J.P., 1982. Les Phocéens d'Occident: nouvelles donneés, nouvelles approches // PP. N 21.

Morel J.P., 1992. Marseille dans la colonisation phocéenne // Marseille grecque et la Gaule. (Etudes Massalietes, 3).

Vickers M., Gill D., 1994. Artful Craft. Ancient Greek Silverware and Pottery. Oxford.

The Archaeology of Greek colonization. Essays dedicated to Sir John Boardman / Ed. G.R. Tsetskhladze, F.De Angelis. Oxford, 1994 (Oxford University Committee for Archaeology Monograph 40), X. 149 p.

Рецензируемый сборник состоит из Предисловия и восьми статей, написанных специалистами по различным проблемам греческой колонизации. В Предисловии издатели объясняют историю создания и некоторые обстоятельства, делающие его не совсем обычным. Данный сборник представляет собой издание курса лекций, прочитанных в 1994 г. в Музее Ашмолеан Оксфорда в честь проф. Дж. Бордмана в связи с предстоящим его уходом на пенсию.

Для подобного выбора темы курса существовало несколько причин, из которых авторы Предисловия выделяют следующие: 1) греческая колонизация представляет одно из самых важных (если не самое важное) достижений древнегреческой цивилизации; 2) возможности исследовать ее, опираясь только на данные письменных источников, давно уже исчерпаны, и археология играет все более важную роль в понимании этого феномена; 3) последние годы дали новый значительный археологический материал по проблемам колонизации, что не только расширило базу источников, но и привело к появлению некоторых новых точек зрения, которые нуждаются в детальном обсуждении. К чисто научным соображениям добавились также и некоторые иные, более персонального характера, связанные с особенностями творческой деятельности Дж. Бордмана. Среди археологов и историков Великобритании трудно найти человека, который бы сделал больше для понимания великой греческой колонизации, чем он, и поэтому было весьма логично ознаменовать его юбилей именно такого рода курсом лекций.

Когда чтение курса было уже близко к завершению, появилась идея опубликовать его в виде особого сборника. Издатели при этом оказались в довольно сложном положении. Обычно сборник трудов, издаваемых в честь того или иного ученого, не содержит статей чествуемого коллеги, однако выпустить в свет данный сборник без лекции, прочитанной самим Дж. Бордманом, означало обеднить его и исказить сам курс, в котором лекция проф. Дж. Бордмана занимала одно из ключевых мест. В силу этих соображений издатели решились на несколько экстравагантный шаг и издали курс лекций целиком, включая и текст, принадлежащий перу Дж. Бордмана.

Читатели, бесспорно, должны быть благодарны издателям, осмелившимся нарушить традиции, но давшим благодаря этому всем интересующимся великой греческой колонизацией очень интересный труд, в котором статья Дж. Бордмана органично завершает сборник.

Открывается он статей Э.М. Снодграсса "Развитие и месторасположение ранних западных колоний". Отправной точкой его исследования является появившаяся примерно 10 лет тому назад статья Ж.П. Мореля, которую Э.М. Снодграсс считает очень важной (Morel J.P., 1984). Однако его собственную статью нельзя рассматривать как своего рода

© Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко, 1997 г.

подведение итогов того, что было сделано учеными за этот период. Статья представляет своего рода протест против основного направления исследований этого времени. Автор следующим образом формулирует представления относительно колонизации, которые он считает сейчас господствующими: «Изоляция и отсталость Греции в течение раннего железного века были сильно преувеличены, настолько сильно, что сейчас было бы неправильно далее употреблять выражение "темные века". Греческие авантюристы, в первую очередь эвбейцы, установили контакты с заморскими территориями по крайней мере с X в. (при этом могут использовать или не использовать слово "торговля", однако всегда имеются в виду находки из Лефканди). Немного времени спустя начали основываться постоянные поселения (и эвбейцы здесь также были первыми): Эль-Мина на окраине восточных континентальных держав, за ней вскоре последовали Питекуссы, причем последнее поселение является предшественником нового стиля заморской экспансии, который мы называем колонизацией (эвбейцы и здесь были первыми), но это – не что иное, как продолжение идущего уже достаточно долгое время процесса. В течение этого периода финикийцы и греки оказались вовлеченными во взаимно дополняющую деятельность, иногда соперничая, иногда сотрудничая, иногда же так, что их было невозможно различить. Для греков этот процесс имел своим результатом включения Эгеиды в общую средиземноморскую сеть, для которой она стала центром, так как колонии были тесно связаны со своими метрополиями».

Конечно, не все в этой картине, по мнению Э.М. Снодграсса, абсолютно ложно. В частности, он согласен с тезисом о ранней финикийской активности на западе Средиземноморья. Что для него под вопросом – это степень участия греков в этой активности за пределами Эгеиды. Как указывает Э.М. Снодграсс, имеется достаточно свидетельств того, что некоторые виды товаров и некоторые технологические новшества приходили в Грецию, но очень трудно найти следы движения в обратном направлении – из Эгеиды. Вместе с тем необходимо подчеркнуть географическую ограниченность зоны, которая была вовлечена в этот процесс: только центральная Эвбея, центральный Крит, Афины и Додеканезские острова. Кроме того, в целом влияние Востока на материальную культуру Греции в результате этого процесса было незначительным.

Движение из Греции еще менее заметно. Практически нет никаких следов присутствия греков за пределами Эгеиды. Новые исследования об Эль-Мине, которую считают греческим эмпорием или даже колонией, доказывают, что нет никаких доказательств присутствия греков здесь ранее примерно 750 г. до н. э. (ранее принятая дата – примерно 825 г. до н.э.). Этот вывод тем более важен, что основан на изучении керамики, и именно керамика дает эти новые даты, тогда как только на базе керамики строилась концепция раннего присутствия греков в Эль-Мине. Кроме керамики в материальной культуре этого центра нет никаких серьезных доказательств присутствия греков. Кроме того, Ж.И. Перро (Perreault J.Y., 1993) доказал на основании всего, имеющегося материала, что Эль-Мина не отвечает понятию "эмпория" в строгом значении этого слова. Все эти наблюдения полностью подрывают столь популярную ныне картину участия греков в ранней деятельности по транспортировке товаров по Средиземноморью. Эту роль играли другие. Таким образом, есть основания думать, что размах доколониальной торговли в современной литературе сильно преувеличен, на эту роль "международных торговцев" среди греков могут претендовать только эвбейцы. Но, что еще более важно, это движение товаров по Средиземноморью вряд ли следует называть собственно торговлей. Кроме того, греческие товары, очевидно, перевозили не греки, а кто-то другой, например финикийцы.

Для понимания колонизации запада Средиземноморья большое значение имеют новые материалы по освоению северной Эгеиды. Э.М. Снодграсс указывает, что постоянные поселения выходцев из Центральной или Южной Греции на Халкидике фиксируются с XII или XI вв., самое позднее – с середины IX в. Очень характерная черта – постоянное наличие здесь эвбейской керамики (и местных подражаний ей). Нечто похожее мы наблюдаем на некоторых из Кикладских островов. Частично (по времени) это движение на север совпадает с ионийской миграцией. Таким образом, этот факт (движение греков на север) дает нам связь между ионийской миграцией и колонизацией запада Средиземноморья.

Движение на север в одном отношении напоминает ионийскую миграцию и колонизацию Запада: везде переселенцы на побережье входили в контакты с местным населением, им враждебным (реально или потенциально). Однако от ионийской миграции это движение отличается тем, что пионерами в нем выступали эвбейцы. Это обстоятельство приводило к ошибкам. Исследователи, опираясь на письменную традицию, считали, что движение на запад и движение на север примерно одновременны, что совершенно не верно.

Главное отличие западной колонизации от северной – расстояния. Большая удаленность обусловила ослабление связей между колониями и метрополиями, что было специфической чертой западной колонизации. Это обстоятельство способствовало также быстрому становлению полиса как института именно здесь. Все дело в том, что колонисты на западе сталкивались с целым рядом проблем, которых не знали жители Эгеиды, включая жителей колоний, основанных на северной ее окраине.

Статья М.Р. Попхэма "Преколонизация: ранние греческие контакты с Востоком" посвящена контактам греческого мира (т.е. материковой Греции, Эгеиды и Крита) с Востоком в течение раннего железного века, т.е. периода, последовавшего после падения греческой цивилизации позднего бронзового века.

Основная идея автора состоит в том, что после падения микенской цивилизации связи с Востоком никогда полностью не прерывались. Особенно верно, с его точки зрения, это утверждение для Кипра, куда явно прибыло определенное количество греков после гибели микенских центров. Эти связи окрепли и стали хорошо заметными около 950–900 гг. до н.э., о чем свидетельствуют главным образом раскопки некрополя в Лефканди на Эвбее (функционировавшего примерно до конца VIII в.). Очень большое количество находок явно ближневосточного происхождения в нем бесспорно доказывает, что Эвбея поддерживала тесные связи с ближневосточным миром. Соответственно встает вопрос об импорте с Эвбеи на Восток, и, естественно, эта проблема упирается в оценку керамических находок греческого типа, сделанных в Эль-Мине и соседних центрах. М.Р. Попхэм решительно не согласен с выводами Р. Кирсли (Kearsley R., 1989), на которых базировался Э.М. Снодграсс (в предыдущей статье). Смысл возражений состоит в том, что тот тип керамики, который ею анализировался, не может быть датирован столь поздним временем и что он происходит в Эвбеи, как это показывают анализы глины (на что Р. Кирсли не обратила внимания).

Автор доказывает, что товары с Востока в Грецию и из Греции на Восток перевозились на эвбейских кораблях, а не на финикийских, как это часто считается. В связи с этим необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в северной Эгеиде также хорошо заметна деятельность эвбейцев в это же самое время, но нет никаких следов деятельности финикийцев. Таким образом, в раннем железном веке эвбейцы развернули активную деятельность по освоению морских торговых путей и кульминацией этой деятельности эвбейцев стало основание первых колоний на Западе.

Статья Д. Риджуэя носит название "Финикийцы и греки на Западе: взгляд с Питекусс". Как указывает автор, в современной литературе существуют две основные точки зрения относительно взаимодействия греков и финикийцев на западе Средиземноморья в раннем железном веке: согласно одной из них, экспансия греков и финикийцев очень рано привела их к соперничеству (Burkert W., 1992); согласно другой, отношения между финикийцами и эвбейцами характеризовались определенным сотрудничеством, по крайней мере в период 760–700 гг. до н.э. (Aubet M., 1993). По мнению автора, в такой простейшей форме ни с одним из утверждений нельзя ни полностью согласиться, ни полностью отвергнуть его.

Он считает, что присутствие эвбейцев так же, как и финикийцев, на Западе необходимо рассматривать в контексте поисков источников металла. Бесспорно, на Питекуссах рядом жили греки (эвбейцы) и финикийцы. Столь же бесспорно, что в этих условиях взаимные контакты были более глубокими и плодотворными, чем в собственно Греции, куда финикийцы прибывали как торговцы и оставались там короткое время. Но, с его точки зрения, особое внимание необходимо обратить на то обстоятельство, что такие пункты постоянных контактов существовали не только на Питекуссах и возникли они много ранее, чем было основано поселение на этом острове. Д. Риджуэй подчеркивает значение Сардинии – острова, очень богатого минеральными ресурсами. На нем сейчас обнаружено несколько пунктов, где найдена как финикийская, так и эвбейская керамика. Им указывается на наличие таких пунктов и на побережье центральной Италии. Как полагает автор, финикийцы из Китиона на Кипре знали о путях на Запад еще в конце бронзового века.

В целом все эти наблюдения приводят Д. Риджуэя к выводу, что эвбейские плавания на Запад еще в доколониальный период были направлены в сторону Сардинии, деятельность греков с Эвбеи каким-то образом была связана с финикийцами и самые ранние пункты здесь, где засвидетельствовано присутствие эвбейцев, примерно на столетие предшествуют Питекуссам.

В завершении своей статьи Д. Риджуэй касается вопроса об изобретении греческого алфавита, т.е. сюжета, где уже давно "связаны" вместе греки и финикийцы. В общем, все согласны с тем, что письмо – именно та сфера, где финикийцы были учителями греков, однако существуют очень большие разногласия относительно того, где и когда это

конкретно произошло. Автор исходит из идеи, что самый акт должен был иметь место там, где финикийцы и эвбейцы сосуществовали долгое время бок о бок. В связи с этим Д. Риджуэй обращает внимание на новую находку, сделанную при раскопках местного некрополя железного века в Остерия делл'Оза в Габии (Лациум), а именно местный сосуд с греческой надписью, состоящей из одного слова (eulinos). Датировка этого сосуда очень ранняя – около 770 г. до н.э.

Следующая работа – "Исследователи и пионеры: Питекуссы, Кумы и центральная Италия" – написана Дж.Н. Колдстримом. Начиная с открытой критики тезисов Д. Риджуэя и Э. Снодграсса, автор прежде всего суммирует основные их идеи следующим образом: первые эвбейские исследователи на Западе были здесь далеко не первыми. Напротив, они включились в уже существующую сеть торговли между Западом и Востоком, которая начиналась с обмена кипрской меди на железо Сардинии в XII или XI вв. до н.э. Сардинская аристократия, находящаяся на высоком уровне развития, уже эксплуатировала залежи металла в Северной Этрурии задолго до того, как этим занялись финикийцы и, более опосредованно, греки (здесь автор ссылается не только на упомянутую выше статью, но также на Ridgway D., 1992). В западных водах финикийцы могли даже выступать в роли наставников греков, помогая им найти подходящие места для поселений.

Эту систему взглядов можно рассматривать как здоровую реакцию на эллиноцентризм, свойственный предшествующим поколениям ученых, но автор боится, что такая реакция заведет слишком далеко. Примером того, как легко дойти до настоящего экстремизма, являются и исследования Э.М. Снодграсса, который в первой статье данного сборника исключил греков из числа жителей Эль-Мины, а также отрицал всякую деятельность эвбейских искателей приключений за пределами Эгеиды до 800 г. до н.э. В отношении Востока, по мнению автора, М.Р. Попхэм представил очень веские контраргументы, которые следует усилить новыми археологическими находками. Нужно иметь в виду широкое распространение эвбейской керамики, которая была высококачественна и в силу этого пользовалась большим спросом на Востоке.

На Западе эвбейская керамика (а ее транспортировали, несомненно, на эвбейских кораблях) достигла Италии (в среднегеометрический II период) и была с энтузиазмом принята местным населением. Эвбейские сосуды (скифосы "с шевронами") поступали сюда еще в доколониальный период. Однако, как указывает Дж.Н. Колдстрим, первыми греками, оказавшимися на Западе, были не эвбейцы, а коринфяне. Эвбейцы пришли позднее, но пошли дальше коринфян. Главный мотив всех путешествий – поиски металлических руд в Этрурии. Во время своих дальних плаваний эвбейцы нуждались в постоянной базе, и такой базой стали Питекуссы, хотя вопрос, почему для нее выбрали именно этот остров, не имеет сейчас однозначного ответа.

Археологические исследования, проведенные на острове, позволяют сделать некоторые выводы относительно характера его населения. Несомненно, основная часть его – греки-эвбейцы, бесспорно присутствие некоторого числа коринфян, небольшая часть жителей – не греки (италийцы). По мнению автора, археология дает несомненные доказательства межэтнических браков (италийские женщины, вступавшие в брак с греками). Население здесь было организовано в полис. Хотя основная сфера экономической деятельности – торговля, но с самого начала поселения развивалось сельское хозяйство с целью самообеспечения гражданского коллектива. Можно предполагать существование аристократии, которая отнюдь не чуждалась торговли.

Хотя время основания Кум еще археологически не определено, видимо, это произошло около 740 г. до н.э., т.е. одним поколением позднее возникновения поселения на о-ве Питекуссы. Основание города на материке не привело к оставлению Питекусс. Упадок поселения на острове начался только после 700 г. Он связан с упадком торговли, хотя не исключена и другая причина (например, усиление вулканической деятельности).

Древнейший период Кум, к сожалению, известен еще мало. Ранее, в частности, предполагалось, что Кумы не имели гавани и соответственно являлись чисто сельскохозяйственным полисом, однако недавние исследования, показавшие, что в данном месте произошло отступление моря, привели к открытию следов древней гавани. Исходя из этого, автор приходит к выводу, что Кумы обладали не меньшими возможностями для развития торговли, чем Питекуссы.

Основное внимание Дж.Н. Колдстрим уделяет характеристике городской аристократии на основании анализа аристократических могил кумского некрополя. Он отмечает их определенное сходство с могилами царского некрополя в Саламине на Кипре и аристократическими могилами некрополя в Эретрии. Наличие ряда италийских черт в

погребальном обряде им объясняется брачными связями между верхушкой греческого полиса и местной аристократией.

Главная задача автора в этом разделе статьи, как он сам указывает, – доказать, что Кумы являются прямым продолжением Питекусс, а это в свою очередь предполагает опровержение мнения тех исследователей, которые полагают, что Питекуссы полностью отличались от любого другого западного колониального центра. Часто считают Питекуссы чем-то подобным Эль-Мине, т.е. чистым эмпорием, однако это не верно. Возможно, торговые интересы действительно послужили причиной основания поселения на острове, но греческие поселенцы очень скоро создали самообеспечивающуюся экономику, основанную на сельском хозяйстве. В силу этого Питекуссы представляли собой типичную греческую апойкию.

Исходное положение в статье Б.Б. Шефтона "Массалия и колонизация Северо-Западного Средиземноморья" – иное положение греческих колоний, основанных на побережье Южной Франции и Северо-Западной Испании, нежели греческих колоний в Сицилии и Южной Италии. Главное отличие состояло в том, что путь сюда был много более длительным и опасным.

Согласно письменной традиции, группа аристократов из Фокеи прибыла на место Массалии, вошла в контакт с местным правителем, один из фокейцев женился на его дочери, в результате они получили землю для поселения. Археологя показывает, что Массалия была основана там, где не имелось более раннего местного поселения. Этот район, однако, уже был известен этрускам, которые вели здесь торговлю. Наиболее показательно в этом отношении поселение Сэн Блэз недалеко от Массалии (расположенное, однако, ближе к устью Роны), где обнаружено очень значительное число находок этрусского происхождения (но много и греческого материала). Раньше даже говорили об этрусках как части населения данного населенного пункта. Сейчас, правда, эта идея уже не обсуждается. Но, как подчеркивает автор, нет свидетельств, что Сэн Блэз был настоящим эмпорием, привлекавшим ресурсы хинтерланда в порт для обмена с греками, этрусками или кем-либо еще.

Массалия была основана около 600 г. до н.э. Новые раскопки привели к некоторому изменению взглядов на ранний импорт в город. Раньше считалось, что этрусского материала в ранних слоях очень много, теперь же можно утверждать, что период 600–575 гг. дает явное преобладание восточно-греческого и коринфского материала и только после этого происходит резкое увеличение числа этрусских амфор. Чрезвычайно быстрое уменьшение их числа вскоре после середины VI в до н.э. автор считает весьма показательным. Аттический импорт в относительно небольшом количестве зафиксирован и в самый первый период существования колонии, но после примерно 530 г. он становится очень обильным. Считается и, видимо, справедливо, что предметы аттического и коринфского производства в ранний период поступали не непосредственно из этих центров, а через посредство Этрурии.

Раскопки показали, что в самом начале город был очень небольшим, а с 540 г. и вплоть до конца архаического периода наблюдается значительный его рост. После 540 г. начинается производство местных амфор в значительных масштабах, что является доказательством развития местного виноделия как для внутреннего потребления, так и для экспорта. В это же время проявляется и интерес Массалии к торговле с глубинными районами Европы. Сейчас трудно ответить на вопрос, куда именно была направлена активность Массалии в течение жизни первых двух поколений ее поселенцев. Можно только полагать, что она ориентировалась на прибрежные пункты, главным образом к западу от нее (от Массалии до Ампурии).

Последняя треть VI (после 540 г.) и начало V в. отмечены большой активностью массалиотов, направленной в сторону центра Европы, по долине Роны. Однако необходимо отметить, что целый ряд предметов роскоши явно греческого происхождения попал в этот регион еще до основания Массалии, другие – после, но до 540 г. Однако в отношении последних мы не можем быть уверены, поступали ли они из Массалии или через Альпы – из Италии.

Новый этап, начавшийся после 540 г., свидетельствует об изменении характера импорта: ранее аристократию Центральной Европы не интересовала греческая керамика, теперь же она достаточно широко стала распространяться здесь. Вино поступало в основном в массалиотских амфорах. Эти находки встречаются главным образом в укреплениях, расположенных на холмах, – твердынях местных аристократов. К сожалению, мы не можем сказать ничего определенного относительно того, как осуществлялась эта торговля.

Считается, что в V в. экономика Массалии переживает период упадка, однако это мнение слабо обосновано. Во всяком случае в пунктах по побережью к западу от Массалии фиксируется значительное количество аттической керамики, которая явно поступила туда через Массалию. Одновременно происходил процесс эллинизации прибрежных областей Южной Франции. Ярким свидетельством ее является недавно опубликованный документ (тексты на этрусском и греческом языках на свинцовой пластинке) из Пеш-Махо (возле Нарбона), в котором упоминается Массалия и Эмпорион, участниками сделки и свидетелями выступают греки и местные жители, имеющие иберийские имена. Другой важный новый документ происходит из самой Ампурии, из жилища, датируемого V в. Это также письмо на свинцовой пластинке (датируемое на основании палеографических признаков концом VI в.), которое является инструкцией, где говорится о корабле и товаре (вине). В тексте упоминается полис эмоританов, Сагунт. Текст на греческом языке, но назван человек с местным именем.

В связи с этими находками автор кратко рассматривает и проблемы Ампурии (Эмпориона). Он особо отмечает свое несогласие с наиболее распространенной точкой зрения, согласно которой Эмпорион является ключевым пунктом на торговом пути на юг Испании, в Тартесс. Б.Б. Шефтон считает, что фокейцы, основавшие этот город, прибыли в Испанию по тем путям, которые ранее уже освоили финикийцы, – вдоль северного побережья Африки. Из Южной Испании их деятельность распространялась на север, вдоль побережья, но в отличие от того, что было на севере, фокейцы на юге не создавали колоний.

Ф.Ди Анджелис в статье "Основание Селинунта: перенаселенность или удобный случай?" отмечает, что в тех дискуссиях, которые ведутся по поводу причин греческой колонизации, особое место занимает концепция перенаселенности как главной причины греческой колонизации. Это положение переносится и на причины вторичной колонизации – на тот случай, когда колония сама основывает новые колонии. Наиболее часто ссылаются на основание Мегарой Гиблейской собственной колонии – Селинунта (см., например: Berger S., 1991, p. 132). Автор ставит перед собой задачу проверить правильность этой точки зрения именно на данном примере. Поскольку письменные источники ничего не сообщают по этому поводу, единственный способ исследования – постараться использовать археологические материалы.

Мегара Гиблейская была основана в ходе первой волны колонизации, имевшей место во второй половине VIII в. до н.э., – в 728/7 г. до н.э. Вторая волна колонизации охватывает VII в. и проходила главным образом в форме вторичной колонизации. Точная дата основания Селинунта, одного из типичных примеров этой вторичной колонизации, неизвестна, так как в источниках представлены две даты. Автор считает, что, не занимаясь специально этим вопросом, можно принять за время основания города третью четверть VII в. (что охватывает период, включающий обе даты).

Чтобы решить поставленную проблему, Ф.Ди Анджелис рассматривает вопрос о размерах хоры Мегары Гиблейской, определяя ее в 400 км^2 для конца VII в. Земли, годные для занятий сельским хозяйством, составляют, по его предположениям, примерно 60% общей площади. Почва хоры была достаточно плодородна. Климат с эпохи античности кардинально не изменялся. Все это приводит его к выводу о достаточно высоком сельскозозяйственном потенциале полиса.

Рассчитывая количество жителей, которые могли нормально существовать на этой территории, Ф.Ди Анджелис использует два различных метода, получая в первом случае цифру 22 000 человек, во втором – 15 000–20 000. Число жителей города в начальный период его существования, по мнению Ф.Ди Анджелис, составляло в течение четверти столетия (725–770 гг.) примерно 240–320 человек, затем отмечается постоянный рост, и для четверти столетия (650–625 гг.) численность достигает 1710–2280 человек. Эти расчеты приводят его к выводу, что о перенаселенности в Мегаре Гиблейской в тот момент, когда ее граждане решили основать Селинунт, говорить нельзя, поскольку для пропитания указанного числа жителей необходимо было использовать только 10–15% пригодной для обработки земли. Кроме того, автор подчеркивает еще одно обстоятельство: именно в период начиная примерно с 650 г. началось активное общественное строительство в городе; строятся храмы, героон, стои. Исходя из этого, он делает вывод как об экономическом процветании полиса, так и явно заметном чувстве полисного патриотизма и единства гражданского коллектива.

Что касается Селинунта, то он с самого начала обладал обширной сельскохозяйственной территорией, которая в короткое время увеличилась в четыре или пять раз. Начиная с

момента основания граждане города развили активное строительство, что также свидетельствовало о процветании полиса.

В силу всех этих обстоятельств автор ищет другое, не вызванное проблемой перенаселения, объяснение для решения об основании Селинунта. Причину он видит в общей обстановке, сложившейся на Сицилии в это время. Как известно, мегаряне прибыли на остров позже халкидян и коринфян, в силу чего их обоснование на новой родине оказалось связано со значительными трудностями. Позднее они не могли расширять своей сельскохозяйственной территории, поскольку путь внутрь острова им преграждали владения Сиракуз и Леонтин. Когда наступила пора вторичной колонизации и различные греческие полисы стали посылать свои вторичные колонии в различные части острова, в этот процесс включились и находившиеся в этот момент в состоянии подъема мегаряне, основав Селинунт. Резоны были у всех греков одинаковыми: земля была главным богатством и основой существования, поэтому греки всегда стремились приобрести ее по возможности больше.

Граждане Селинунта оказались в очень выгодном положении: они располагали обширной территорией, рядом находились финикийские города, активно участвовавшие в международной торговле; наконец, их ближайшими соседями были элимеи – наиболее склонный к эллинизации народ Сицилии. Все это обеспечило городу процветание. Конечный вывод автора – повторение мысли Фигейры: "Колонизация по большей части была знаком жизненной силы" (Figueira T.J., 1985, p. 275).

Статья Г.Р. Цецхладзе носит название "Проникновение греков в Черном море". В начале ее дается краткое описание дискуссий относительно времени проникновения греков в Черное море и основания здесь первых греческих колоний. В частности, особо отмечается противостояние историков и археологов, при этом первые, опираясь на данные письменных источников, относят создание первых колоний на берегах этого моря к VIII в. до н.э., а вторые, исходя из датировок самого раннего археологического материала, – к VII в. до н.э. Без сомнения, все симпатии автора – на стороне археологов.

Г.Р. Цецхладзе выделяет три стадии греческой колонизации (правда, позднее, уже в заключение, он говорит еще и о четвертой стадии, но она относится не к архаической эпохе, а к началу следующей – классической). Первая стадия им датируется второй половиной VII в. до н.э. В течение этой стадии были основаны Синопа, Истрия, поселение на о-ве Березань, Аполлония на фракийском побережье, возможно, Трапезунт, Амис, так называемое Таганрогское поселение. Вторая волна колонизации, согласно автору, – начало VI в. до н.э. В то время наблюдается как расширение уже существующих населенных пунктов, так и создание новых. К числу новых населенных пунктов относятся Томы, Ольвия (происходит также создание ее достаточно обширной хоры), целый ряд греческих населенных пунктов на той территории, где позднее возникло Боспорское царство (Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Мирмекий, Тиритака, Гермонасса, Кепы, Патрей, населенный пункт, ныне разрушенный морем, но от которого сохранился так называемый Тузлинский некрополь).

Третья стадия колонизации началась, согласно мнению автора, после 560 г. до н.э., а закончилась около 530 г. Эта стадия характеризуется тем, что в колонизационный процесс включились и другие города, а не только Милет, который выступал единственной метрополией на более ранних стадиях. Правда, роль этих центров была меньшей, чем роль Милета. В этот период основаны Гераклея (на южном берегу Черного моря), Одессос (на западном); вдоль северного побережья также происходили значительные изменения: появились Тира, Никоний, увеличивалась хора Ольвии, в районе Боспора Киммерийского основаны такой в дальнейшем значительный полис, как Фанагория, а также греческий населенный пункт на месте будущей Горгиппии, Торик, Акра, Порфмий, Илурат. На азиатском берегу Боспора появилось значительное число сельских населенных пунктов. Именно тогда ионийцы начали осваивать и новый для них район – восточное побережье моря – Колхиду. Здесь были основаны Фазис, Гиенос, Диоскуриада, возможно, и некоторые другие. В связи с проблемой греческой колонизации Колхиды автор касается и проблемы мифа об аргонавтах, который рядом исследователей рассматривается как важный источник по проблеме греко-колхских контактов. Позиция Г.Р. Цецхладзе следующая: миф об аргонавтах не был столь популярен в Греции, как это иногда предполагается; Айя (земля, куда плавали аргонавты) лишь очень поздно стала отождествляться с Колхидой; использовать этот источник для характеристики общества Колхиды в момент первых контактов с греческим миром было бы методически неправильно.

Подводя итог своему исследованию, автор обращается к проблеме причин колонизации.

Его исходное положение – причины колонизации не могут быть едиными для всего греческого мира, для каждого отдельного случая необходимо выявлять свою причину. Поскольку основную (практически исключительную) роль в колонизации бассейна Черного моря сыграл Милет, автор обращает внимание именно на историю этого полиса, поддерживая те предположения, которые были высказаны Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецовым (Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д., 1992, с. 6–28).

Последняя статья сборника – "Поселение для торговли и земля в Северной Африке: проблемы идентичности" – принадлежит Дж. Бордману. Автор считает Северную Африку особенно интересным полем исследования для выяснения, можно ли с помощью одних археологических материалов решить следующие вопросы: мотивация греческого присутствия за морем; следует ли мир, возникший в результате того феномена, который носит название великой греческой колонизации, считать колониальным в узком смысле этого слова или нет; его влияние и на греков, и на местное население; проблема основания и развития поселений. Возможности для подобной постановки проблемы объясняются тем, что можно сравнивать процессы, происходившие в двух частях данного региона: в Навкратисе, который был эмпорием и одновременно греческим населенным пунктом с греческими храмами и магистратами и который в поздние дни даже назывался полисом; и в Киренаике, которая очень похожа на Сицилию и Южную Италию, но греческие полисы которой возникли благодаря переселенцам из другой части греческого мира – с Киклад.

В первой части своего исследования Дж. Бордман указывает на несколько положений общего характера, которые должны учитываться при решении проблем колонизации и экономических связей. Он считает, что греческие товары часто перевозились на кораблях, собственники которых не были гражданами тех полисов, в которых были произведены сами эти товары. Наиболее яркий пример – Эгина, которая играла важную роль в торговле, но сама не была сколько-нибудь крупным производственным центром. Более того, эти корабли не обязательно были греческими. Для классической эпохи мы, например, знаем, что финикийские корабли брали для своих торговых станций в Марокко (и для их местных соседей) афинскую керамику, как об этом сообщает Псевдо-Скилак. Его сведения подтверждают и результаты раскопок. Автор указывает на то обстоятельство, что афинская керамика перевозилась совместно с египетскими товарами, которые рассматривались как имеющие особую ценность. Это наблюдение приводит его к выводу, что и афинская расписная керамика также считалась ценным товаром. Наконец, Дж. Бордман отмечает, что керамика, которую находят при раскопках в колониях (в слоях, относящихся ко времени жизни первого поколения колонистов), не является указанием на место происхождения колонистов, а лишь указывает на то, какая керамика использовалась на их родине в момент отправления колониальной экспедиции. Это наблюдение справедливо и в отношении торговцев.

Проблемы политических и религиозных связей между колониями и метрополиями в настоящее время достаточно хорошо выяснены благодаря исследованиям Грэхема (Graham A.J., 1971) и Малкина (Malkin I., 1987), но торговые связи – проблема еще недостаточно изученная, и ее решение практически полностью зависит от анализа археологического материала. С точки зрения Дж. Бордмана, очень многое в экономических связях зависело от происхождения колонистов, хотя можно видеть и некоторые исключения. Имеющиеся сейчас материалы, кажется, подтверждают эту гипотезу. Автор, в частности, ссылается на совпадение данных письменных источников и керамического материала относительно эвбейского присутствия на Исхии и в Кумах. Керамика здесь эвбейская с сильной примесью коринфской, что указывает и на происхождение колонистов, и на сильный интерес Коринфа к этим районам, хотя зона колониальной активности его лежала южнее. Сиракузы – коринфская колония, и керамика первого слоя в основном коринфская. Тарент – спартанская колония, и соответственно здесь в древнейшем слое много спартанской керамики. Аналогичная ситуация и в Северном Причерноморье – милетское происхождение и милетская керамика в наиболее ранних слоях.

Особо Дж. Бордман подчеркивает роль вкуса покупателя-потребителя товаров при решении вопроса о торговле, а не только торговца и производителя, как это часто делается. Он также не согласен со взглядом об организации колониального предприятия, выдвигаемом Э. Снодграссом, который считает, что, как правило, метрополия давала только ойкиста и объединившуюся вокруг него небольшую группу, остальные же колонисты привлекались из многих других городов. Против этого предположения свидетельствуют древнейшие надписи и граффити, находимые в колониях и говорящие о гомогенности гражданского коллектива. О том же самом свидетельствуют и погребальные

обряды колонии, которые хотя и могли испытывать влияние со стороны соседей (греков или местного населения), в целом всегда оставались больше всего похожими на практику, существовавшую в метрополии.

Рассмотрев материалы из Навкратиса и Киренаики в свете высказанных выше положений, Дж. Бордман следующим образом формулирует свои конечные выводы: 1) совершенно неправильно искать для греческих дальних плаваний и создания поселений за морем какую-либо одну причину, будь то поиски земли или сырья, стремление к исследованию незнакомых территорий, торговля и т.д. В каждом отдельном случае были свои собственные причины, и очень опасно применять решение, выработанное для одного центра, к другому; 2) данные археологии должны проверяться текстами; при этом вопрос, *почему* древний автор сказал что-то, имеет не меньшее значение (а может быть и большее), чем *что* им сказано; 3) мы должны больше верить относительной археологической хронологии, чем относительной хронологии, почерпнутой из письменных источников; 4) абсолютная хронология должна основываться на письменных источниках, но предпочтительнее не на таких, которые отстоят от событий на 100 и более лет, а также предпочтительнее не на греческих.

Попробуем подвести итоги. Не подлежит сомнению, что данный сборник представляет значительный интерес для всех, занимающихся изучением проблем греческой колонизации. Его значение для понимания всего этого круга проблем не меньшее, чем недавно опубликованного сборника докладов, прочитанных на Первой австралийской конференции по классической археологии (Greek Colonists..., 1990; ср. Кошеленко Г.А., 1993, с. 229–239).

Однако, как и австралийский, данный сборник демонстрирует, что по целому ряду вопросов за последние годы не только не возникло какого-то определенного единодушия, но, наоборот, расхождения между исследователями возросли. Это, в частности, касается проблемы Эль-Мины, которая важна не сама по себе, а как один из тех пунктов, который указывает на характер связей между Эгеидой и Передним Востоком в раннем железном веке, на масштаб этих связей и время их установления. Также очень дискуссионной остается проблема взаимоотношений между греками и финикийцами на торговых путях Средиземноморья. Не прекратились споры относительно форм организации колониальных экспедиций. Есть и некоторые другие проблемы, вызывающие чрезвычайно горячие споры.

В то же время все большее число исследователей приходит примерно к тому же выводу относительно причин великой греческой колонизации, какой столь четко сформулирован Дж. Бордманом. Возможно, этот вывод следует несколько модифицировать: колонизацию необходимо рассматривать в первую очередь как метод решения проблем, возникавших перед полисом. Эти проблемы могут иметь самое различное происхождение, но важно, что в архаическое время полис часто искал выход из сложной ситуации именно путем основания колоний.

Весьма заметным становится стремление ряда ученых (в данном сборнике наиболее показательна в этом отношении статья Ф.Ди Анджелис), исследующих проблемы колонизации, перейти от общих описаний ситуации к попыткам дать количественные показатели, в первую очередь размеров хоры, ее продуктивности, количества населения.

Вместе с тем необходимо сказать и о некоторых особенностях данного сборника, привлекающих особое внимание. В частности, отметим, что в нем очень большое место занимает та проблема, которая ранее незаслуженно находилась в тени, – проблема расстояний между метрополией и колониями. Э. Снодграсс обращает внимание на различие в расстояниях между северной зоной колонизации (в первую очередь Халкидикой) и основными центрами Эллады, с одной стороны, и между Сицилией и Южной Италией и Эгеидой – с другой. Б.Б. Шефтон в свою очередь указывает на отличие ситуации, в которой оказались греческие колонии, основанные в Южной Франции и Северо-Восточной Испании, от положения на юге Италии и на Сицилии, в первую очередь на разницу в расстояниях между этими двумя регионами и собственно Элладой.

Э. Снодграсс и М. Попхэм привлекли внимание к северному направлению колонизации, до сего времени наименее исследованному. Они совершенно справедливо подчеркивают значение этого направления, которое, с точки зрения хронологии, является связующим звеном между ионийской миграцией и колонизацией Запада. К сожалению, и в этом сборнике, как и в предыдущем, нет статей, посвященных Боспору Фракийскому, Пропонтиде, вообще греческим колониям, стоявшим на рубеже между Средиземным и Черным морями.

Отметим также еще одно важное, с нашей точки зрения, обстоятельство: впервые за многие годы в сборнике, посвященном основным проблемам великой греческой

колонизации, полноправно присутствует и Причерноморский регион. Более того, соответствующий очерк имеет два важных достоинства: он охватывает все территории Причерноморья, а не какую-либо часть его, благодаря чему картина греческой колонизации здесь предстает достаточно "объемно"; этот очерк основан на современном уровне изученности проблемы, поскольку его автор хорошо знает не только западную литературу, но также и русскую, украинскую и грузинскую, которые, как правило, основной массе западных исследователей остаются недоступными.

Институт всеобщей истории РАН, Москва *Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко*
Институт археологии РАН, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кошеленко Г.А., 1993. Рец. на кн.: Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in Honour of Emeritus Professor A.D. Trendall. Canberra; Oxford, 1990 // ВДИ. N 4.

Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д., 1992. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Aubet M., 1993. The Phoenicians and the West. Cambridge.

Berger S., 1991. Great and Small Poleis in Sicily: Syracuse and Leontinoi // Historia. N 40.

Burkert W., 1992. The Orientalizing Revolution. Harvard.

Graham A.J., 1971. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester.

Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour of Emeritus Professor A.D. Trendall, 1990. Oxford.

Figueira T.J., 1985. Chronological Table: Archaic Megara, 800–500 // Theognis of Megara: Poetry and the Polis / Ed. Figueira T.J., Nagy G. Baltimore; London.

Kearsley R., 1989. The Pendent Semicircle Scyphos // Bul. of the Institute of Classical Studies. Supplement. N 44. London.

Malkin I., 1987. Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden.

Morel J.P., 1984. Greek Colonization in Italy and the West. Problems of Evidence and Interpretation // Crossroads of the Mediterranean / Ed. Hackens T., Holloway N.D., Holloway R.R. Louvain-la-Neuve; Providence.

Perreault J.Y., 1993. Les emporia grecs du Levant: mythe ou realité? // L'Emporion / Ed. Bresson A., Rouillard P. P. (Publications du Centre Pierre Paris, 26).

Ridgway D., 1992. Demaratus and His Predecessors // Greece between East and West, 10th–8th Centuries B.C. / Ed. Kopcke G., Tokamaru I. New-York.

Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» (XIX «КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ») (Москва, 1996)

С 15 по 17 апреля 1996 г. в Москве проходила очередная, ставшая традиционной межрегиональная конференция археологов-кавказоведов «Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа» (XIX «Крупновские чтения»). Конференция была учреждена в память о Е.И. Крупнове (1904–1970), видном археологе, воспитавшем целое поколение исследователей. Конференция подготовлена на базе Института археологии РАН (председатель Оргкомитета – зам. директора ИА РАН, д-р ист. наук Г.Е. Афанасьев). Средства на ее проведение были выделены Российским Гуманитарным научным фондом (РГНФ). Это была одна из самых представительных конференций, об участии в которой первоначально заявили 90 исследователей, приславшие тезисы докладов, из 17 городов России, а также Баку, Киева, Массачусетса. На форум прибыло 60 участников, было заслушано 49 докладов. Как и на предыдущих XVIII «Крупновских чтениях», были представлены почти все края и республики Северного Кавказа кроме Чечни и Ингушетии.

15 апреля состоялось открытие конференции. Со вступительным словом выступил директор Института археологии РАН д-р ист. наук Р.М. Мунчаев. Участники почтили память ушедших из жизни археологов Е.П. Алексеевой, Ю.Н. Воронова, П.А. Дитлера. Были зачитаны приветственные телеграммы в адрес конференции от семьи Крупновых и Д.А. Крайнова. В своем выступлении Р.М. Мунчаев обратился к роли Е.И. Крупнова в развитии кавказоведения, особенно в археологическом изучении Чечни и Ингушетии, и в организации Месопотамской экспедиции Института археологии (1969–1980 гг.). Докладчик обрисовал современное состояние исследований в Северо-Восточной Сирии.

Следующие доклады были в основном посвящены критике современных тенденций и искажению древней истории северокавказских народов, преследующих цель доказать превосходство своего народа над соседними. Эта тема прозвучала в докладе *В.И. Марковина* (Москва) «Археология Северного Кавказа и современность». Наряду с кризисными явлениями в исторической науке, связанными с ростом сепаратистских настроений в регионе, докладчик указал на ряд важных и ценных работ по истории кавказских народов, которые вышли за последнее время. Сообщение сотрудника Института этнологии и антропологии РАН В.А. Шнирельмана (Москва) называлось «Чей род древнее, или в погоне за призраком. К дискуссии о происхождении народов Северного Кавказа». Автор показал, что объективными причинами возникновения современных этногенетических мифов являются этнополитическая обстановка, эмоциональный настрой населения. «Об одном аспекте изучения тюркской проблематики в советской исторической науке» говорилось в докладе *З.В. Доде* (Ставрополь). Автор обратила внимание на то, что недостаточная изученность и недооценка тюркского наследия, господствовавшие в советской науке, вылились сегодня в уродливые формы исследований, основывающиеся на тюркском этноцентризме. «К вопросу о начале русской истории на Северном Кавказе» обратился *А.В. Найденко* (Ставрополь). Наиболее важный этап пребывания славян-русов в этом регионе докладчик связал с существованием Тмутараканского княжества на Таманском п-ове и в Восточном Крыму (X–XII вв.). Автор присоединился к мнению о том, что княжество было государственным объединением полиэтнического характера. Он таже призвал к взвешенной оценке роли славян на Северном Кавказе в период раннего средневековья, исключающей как ее преуменьшение, так и преувеличение.

В ходе обсуждения выступили В.А. Шнирельман, А.И. Семенов, М.Г. Гаджиев, М.С. Гаджиев, В.А. Кузнецов и Ю.Ю. Пиотровский. Все согласились с докладчиками в том, что вульгаризация истории народов Северного Кавказа, поддерживаемая зачастую местными правящими элитами, вызывает опасения как за обстановку в регионе, так и за судьбу кавказоведения. Была подчеркнута необходимость выработки методики борьбы с явлением этногенетического мифотворчества. В частности, В.А. Шнирельман и М.Г. Гаджиев высказались за развертывание междисциплинарных комплексных исследований с привлечением археологов, этнологов, лингвистов, антропологов и т.д., отработку новых методических подходов к проблеме этногенеза народов Северного Кавказа. В.А. Кузнецов, дав высокую оценку

© З.Х. Албегова, 1997 г.

докладам, сообщил о подготовленной им совместно с И.М. Чеченовым рукописи «Апология древней истории Северного Кавказа», где высказывается созвучная докладам точка зрения на вопросы тенденциозного искажения истории. А.И. Семенов акцентировал внимание на том, что мифы создаются и по отношению к истории русского народа. М.С. Гаджиев указал на то, что русы, принимавшие участие в ранних походах на Кавказ, – норманны арабских и скандинавских источников.

Завершая утреннее заседание, Р.М. Мунчаев поблагодарил докладчиков за актуальные сообщения и высказал пожелание напечатать полный текст докладов З.В. Доде, В.И. Марковина и В.А. Шнирельмана, а также внес предложение, чтобы Институт археологии РАН помог в скорейшем издании рукописи В.А. Кузнецова и И.М. Чеченова.

Второе, вечернее, заседание вел зав. отделом археологии Института истории, филологии и экономики Кабардино-Балкарского научного центра РАН канд. ист. наук И.М. Чеченов (Нальчик). Большая часть докладов была посвящена каменному веку. *В.П. Любин* (Санкт-Петербург) выступил с сообщением «Проблемы первоначального заселения Северного Кавказа». Он высказал предположение о первоначальном проникновении человека в данный регион в раннем плейстоцене (ст-ца Саратовская в Прикубанье, Цимбал на Тамани), а носителей ашельских индустрий – в конце среднего плейстоцена (Треугольная пещера в Карачаево-Черкессии). В своем докладе «К проблеме ориньякоидности ранних памятников верхнего палеолита Северо-Западного Кавказа» *Х.А. Амирханов* (Москва) пересмотрел определение общего культурного облика верхнепалеолитического материала Северо-Западного Кавказа как «ориньякоидного» (А.А. Формозов) и высказал мнение, что такая точка зрения возможна лишь для памятников первой половины верхнего палеолита Закавказья и Северного Кавказа. «К проблеме мустьерской вариабельности. По материалам губской культуры» – тема выступления *Е.В. Беляевой* (Санкт-Петербург). Автор разделяет мнение ряда американских и французских археологов, что различия между вариантами культуры связаны с функциональным профилем стоянок и интенсивностью их обитания. Однако она не согласна с ними в вопросе о преобладании в мустье культурной гомогенности и слабой роли традиций. *В.Б. Дороничев* в совместном докладе с *Л.В. Головановой* (оба – Санкт-Петербург) обобщил результаты комплексных исследований Треугольной пещеры и датировал ее средним плейстоценом (600 000 – 200 000 л.н.), дал характеристику четырех разнокультурных комплексов этой стоянки и палеогеографической ситуации. Во второй половине доклада Л.В. Голованова рассказала о результатах работ в Мезмайской пещере, подробно охарактеризовав антропологические находки: полный скелет ребенка в основании мустьерской толщи и фрагменты черепа в верхних мустьерских слоях.

Следующие доклады этого дня были посвящены эпохе бронзы. *В.Л. Ростунов* (Владикавказ) в очередной раз выступил с критикой взглядов В.И. Марковина на атрибуцию комплексов ранней бронзы памятников Северной Осетии (Дзуарикау, Загли Барзонд, Нижний Кобан) и Ингушетии (Эгикал) как атрибуцию северокавказской культурно-исторической общности. Докладчик отстаивал точку зрения, что материал этих памятников отвечает определяющим признакам куро-аракской культуры. В докладе *С.Н. Кореневского* (Москва) «Проблема стадиального соотношения поселений с накольчатой жемчужиной керамикой и поселений майкопской культуры (в свете текущей дискуссии)» поселения с накольчатой жемчужной керамикой были датированы предмайкопским периодом. Данная точка зрения расходится с мнением А.А. Формозова и В.И. Марковина, синхронизирующих их с майкопско-новосвободненской общностью. Завершающим было сообщение *Ю.Ю. Пиотровского* (Санкт-Петербург) «Изделия из золота и серебра на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы». На основании анализа изделий выступающий предположил, что их распространение отражает процесс цепной реакции переселений и перегруппировки населения в данный период в Центральной и Восточной Европе. Начало процесса отражает Варненский некрополь (V–IV тыс. до н.э.), конец – феномен Майкопа.

Дискуссия развернулась по поводу несоответствия дат заселения Северного Кавказа в докладах В.П. Любина (поздний средний плейстоцен) и В.Д. Дороничева (ранний средний плейстоцен), а также по поводу сопоставления В.Д. Дороничевым материалов из пещеры с карпатской стоянкой Королево. В дискуссии выступил В.П. Любин, Х.А. Амирханов, Л.В. Голованов. Х.А. Амирханов посчитал допустимым предположение В.П. Любина о заселении Северного Кавказа на этапе раннего плейстоцена, а датировку В.Д. Дороничева, ориентировавшегося на нижние слои Треугольной пещеры, не бесспорной из-за крайней малочисленности находок. Он также не разделил мнения В.Д. Дороничева о возможности сопоставления материалов пещеры с карпатскими. Л.В. Голованова поддержала выводы В.Д. Дороничева, использовавшего в исследованиях новейшую кислородно-изотопную шкалу. Она заметила, что Северный Кавказ в эпоху мустье и позднего палеолита неоднократно испытывал влияния не только со стороны Закавказья, но и Европы.

Утреннее заседание 16 апреля проходило под председательством д-ра ист. наук В.И. Марковина. Было заслушано девять докладов, посвященных эпохе бронзы и раннего железа. Первой выступила *А.Л. Нечитайло* (Киев) с сообщением «Энеолитические погребения Восточного Закубанья». Она дала пространственно-временну́ю характеристику ранних подкурганных погребений Северного Кавказа, ввела в научный оборот новые материалы из Восточного Закубанья из раскопок В.Н. Каминского, способствующие

решению вопроса о соотношении памятников степного энеолита и майкопской общности. В сообщении *Т.И. оглу Ахундова* (Баку) «Этапы этнокультурных процессов на Кавказе (по материалам Азербайджана)» автор проследил связь вышеуказанных процессов со средой обитания, геоклиматическими условиями, выделил четыре цикла этнокультурных и связанных с ними общественных и технических изменений. Выступление *М.Г. Гаджиева* (докладчик, Махачкала), *Р.Г. Магомедова* (Махачкала) и *Ф. Кола* (Массачусетс) было посвящено предварительным итогам раскопок катакомбных могильников (I и II) в приморском Дагестане, у с. Великент Дербентского р-на, относящихся к северо-восточнокавказскому варианту куро-аракской культуры и датируемых временем не позже середины III тыс. до н.э. С помощью радиоуглеродного метода была установлена та же дата для Великентских поселений I и II, о которых говорилось в следующем докладе этой же группы авторов (выступил Р.Г. Магомедов). Полученный материал изменяет прежние представления о культурно-исторических связях населения Кавказа и степей юга Восточной Европы. В сообщении *М.С. Гаджиева* (Махачкала) «О хронологии и интерпретации бронзовых статуэток Северо-Восточного Кавказа» на основе комплексов Беледи (Зибирхали) и Карати, художественно-стилистического и типологического анализов итифаллические статуэтки были датированы V–IX вв. Автор полагает, что они олицетворяли культы божества-воителя и божества плодородия. *С.Л. Дударев* (Армавир) рассматривал вопрос об этнокультурном атрибутировании «скифской триады». В докладе он дискутировал с Р.Б. Исмагиловым, считающим, что триада играет роль этнокультурного индикатора ранних скифов. Автор считал культуру ранних скифов феноменом многокомпонентного, гетерогенного происхождения, а единственно возможным критерием ее выделения – погребальный обряд. Доклад *В.Г. Петренко* и *В.Е. Маслова* (оба – Москва) «Исследования Новозаведенского II могильника» подвел итоги раскопок трех полевых сезонов курганов VII в. до н.э. Несмотря на то что они были ограблены в древности, исследователям удалось проследить особенности погребального обряда. *Е.Н. Черных* (Майкоп), перед тем как приступить к изложению темы «Новые памятники бронзы в Закубанье» оговорила, что в тезисе 1 Гамовская балка должна быть отнесена к эпохе средней, а не финальной бронзы; из тезиса 4 следует убрать предложение о проникновении в Закубанье одного из степных племен в позднесабатиновское-раннебелозерское время. В докладе были перечислены памятники позднебронзового периода (II тыс. до н.э.) подробно описаны керамические комплексы двух из них – Лесное и Чишхо, приведены параллели. Дискуссию вызвал доклад *А.А. Сазонова* «Относительная и абсолютная хронология протомеотского могильника Пшиш I» (IX–VII вв. до н.э.). Автор рассмотрел наиболее значимые комплексы, включающие богато орнаментированную керамику, бронзовое и железное оружие, предметы узды. Большое количество импортов дополнительно аргументирует датировку разновременных групп погребений, выстроенную по комплексу признаков, включающему развитие форм и типов инвентаря, изменение обряда.

По докладу В.Г. Петренко и В.Е. Маслова были заданы уточняющие вопросы А.И. Семеновым и В.А. Кузнецовым.

На вечернем заседании, проходившем под председательством д-ра ист. наук В.И. Козенковой (Москва), развернулось обсуждение доклада А.А. Сазонова. Выступили В.Р. Эрлих, С.Л. Дударев, В.И. Козенкова, В.Р. Эрлих критически отнесся к наличию среди комплексов материалов IX в. до н.э., полностью исключив такую возможность, а также к опоре на хронологию гальштатской культуры. Так как европейские ученые в своих датировках опираются на наши данные, то, синхронизируясь с ними, наши исследователи замыкают круг и получают плавающую хронологию. Однако выводы А.А. Сазонова были одобрены С.Л. Дударевым и В.И. Козенковой. Они также высказали сомнение в правомерности датировки М.С. Гаджиевым бронзовой антропоморфной фигурки из Гигатля ранним средневековьем.

После обсуждения с докладом «Некрополь римского времени в пос. Мысхако» выступил *А.В. Дмитриев* (Новороссийск). Он изложил информацию об одном из крупнейших некрополей I–III вв. н.э. (440 захоронений) на черноморском побережье Северного Кавказа. Сообщение *В.М. Косяненко* (Ростов-на-Дону) называлось «Зооморфная керамика некрополя Кобякова городища: искусство и магия». Автор отмечает, что заметное место в погребальном инвентаре городища (I–III вв. н.э.) занимали сероглинянные кувшины с зооморфными ручками. В этнографических параллелях таким ручкам приписаны охранительные свойства. Затем выступил *В.Р. Эрлих* (Москва) с докладом «Тенгинское городище II в свете бытовых памятников меотской культуры Закубанья». Автор датировал памятник VI–IV вв. до н.э. На основании данных раскопок он дал характеристику укреплений, жилых построек, планиграфии городища, хозяйства и торговых связей, выделил характерные черты варианта меотской культуры среднего течения Кубани. Сообщение *А.А. Малышева* (Москва) «Античный импорт (VI–IV вв. до н.э.) в Закубанье. По материалам раскопок Тенгинского II городища» тесно связано с предыдущим и было прочитано В.Р. Эрлихом, так как сам автор не смог прибыть. Основываясь на анализе 600 фрагментов импортной античной керамики, А.А. Малышев выделил два хронологических периода, различающихся по составу керамического комплекса, сделал вывод о контактах местного населения с греческими поселениями Причерноморья. Доклад *Г.Н. Вольной* (Владикавказ) «Опыт математического анализа зооморфного искусства Притеречья» посвящался результатам математического анализа 132 предметов скифо-сибирского звериного стиля по 28 признакам.

Были выявлены районы наибольшего скопления изделий и локализация предметов со скифскими, савроматскими и кобанскими признаками. Стеклянные бусы могильника Гастон Уота (V–IV вв. до н.э.) стали предметом исследования *А.В. Мошинского* (докладчик) и *А.П. Мастыковой* (оба – Москва). В докладе они дали характеристику монохромных и декорированных бус, их сочетаний и особенностей технологии изготовления в различные хронологические периоды, сделали вывод о торговых связях Кавказа с Ближним Востоком, откуда импортировались бусы. *Т.А. Габуев* (Москва) в сообщении «Аланские походы в Закавказье», основываясь на письменных источниках и археологических данных, предположил, что нарушение дружественных отношений алан с Грузией с середины III в. н.э. связано с массовым переселением алан в Предкавказье и установлением ими здесь своей гегемонии. Археологически этот вывод подтверждается сменой в этот период грунтовых могильников подкурганными катакомбами. Аланская проблематика была продолжена докладом *Б.Х. Атабиева* (Нальчик) «Некоторые итоги раскопок Зарагижского II катакомбного могильника». Автором с 1994 г. было раскопано 3 кургана с 7 катакомбными погребениями (II–III вв. н.э.) и 139 грунтовых катакомб (IV–V вв. н.э.). В сообщении были охарактеризованы конструкции катакомб, обряд и погребальный инвентарь, дана предварительная хронология.

В ходе обсуждения выступили И.О. Гавритухин, М.П. Абрамова, М.С. Гаджиев, В.И. Козенкова, Р.Г. Магомедов, И.О. Гавритухин подчеркнул большое значение материалов А.В. Дмитриева из Мысхако для разработки дробной периодизации римского времени, эпохи переселения народов. Он высказал пожелание скорейшего их опубликования и введения в научный оборот наряду с материалами из Зарагижского II курганного могильника Б.Х. Атабиева. Необходимость публикации результатов раскопок Б.Х. Атабиева подчеркнула и М.П. Абрамова. Она выступила с критикой версии Т.А. Габуева о смене грунтовых могил катакомбами в середине III в. в Предкавказье. По ее мнению, оба обряда сосуществовали на протяжении II–V вв. М.С. Гаджиев также выступил по докладу Т.А. Габуева. Он предположил, что нарушение отношений алан с Грузией в середине III в. связано с переориентацией закавказских правителей на Сасанидскую державу. Р.Г. Магомедов, отвечая на вопросы, затронул тему верхней даты куро-аракской культуры в Дагестане, которая, по его мнению, не заходит за рамки III тыс. до н.э. Выступающий высказал предположение, что материалы из Чечни и Дагестана, трактуемые В.Л. Ростуновым как куро-аракские, поздние и относятся к средней бронзе. Дав в целом высокую оценку докладу Т. Ахундова, Р.Г. Магомедов не согласился с его положением о проникновении куро-аракской культуры на Северный Кавказ с юга с середины III тыс. до н.э., считая Дагестан одним из очагов ее развития. Кроме того, выступающий высказал мнение о том, что с середины III тыс. до н.э. влияния шли не только с юга на север, но и с севера на юг. Это касается распространения майкопской, северокавказской, катакомбной и др. культур.

Наиболее насыщенной была программа последнего дня конференции, 17 апреля. Она была посвящена эпохе раннего средневековья. Утреннее заседание вел д-р ист. наук В.А. Кузнецов (Владикавказ).

Заседание открыл доклад *М.П. Абрамовой* (Москва). В нем говорилось о дискуссионности таких утвердившихся в литературе критериев выделения памятников алан на Северном Кавказе, как катакомбный обряд погребения и долихокранный антропологический тип. Согласно накопленным археологическим данным, распространение этих признаков не всегда является маркером мест расселения алан в Предкавказье. Например, в IV–VI вв. катакомбы были характерны для алан предгорно-равнинной зоны, в то же время в горах они использовали склепы. Доклад *З.Х. Албеговой* (Владикавказ) и *М.Г. Гусакова* (Москва) представлял собой попытку реконструкции культового назначения постройки 21 Маяцкого селища (IX–X вв.) с привлечением методов археоастрономии. Ориентировка помещения на точку летнего солнцестояния свидетельствует о посвящении постройки богу плодородия, грозовику. Выводы подкреплены материалами этнографии народов Кавказа. Сообщение было сделано З.Х. Албеговой. *И.А. Аржанцева* (Москва) сделала доклад о продолжающихся исследованиях Кяфарского городища.

Сообщение *А.Н. Карсанова* (Москва) «Где находилась страна аланов и русских?» было построено на анализе письменных источников об аланах XIII–XIV вв., которые локализовались в это время помимо Северного Кавказа еще и на нижнем Днестре. Здесь же, по предположению докладчика, находился и аланский город Дедяков. О результатах классификации керамики Мокрой Балки с применением статистических методов говорилось в совместном докладе *В.Б. Ковалевской* и *В.Ю. Малашева* (оба – Москва). Керамика рассматривалась в качестве источника по относительной хронологии памятника. Исследователи выделили основные этапы эволюции керамического комплекса и создали его периодизацию на основе взаимовстречаемости типов сосудов. *Е.Л. Соснина* (Пятигорск) рассматривала в своем сообщении «К вопросу о переселении алан на Дон» труд Яна Потоцкого «Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase» как источник по переселению алан с Кавказа на Дон. Она подчеркнула значимость поздних нарративных источников, вплоть до XIX в., при изучении древних племен Северного Кавказа. *Д.С. Коробов* (Москва) посвятил свой доклад сравнительной характеристике параметров катакомб Кисловодской котловины и аланского варианта салтово-маяцкой культуры. Рассматривалось соотношение размеров камеры катакомбы и количества погребенных в ней человек в качестве источника по реконструкции форм семьи у северокавказских алан. В сообщении *Е.И. Савченко* (Москва) «Погребальный обряд Мощевой Балки» были даны характеристики погребальных сооружений, половозрастных различий в положении костяков и в

инвентаре, ориентировок погребенных этого раннесредневекового могильника, относящегося к кругу аланских памятников Северо-Западного Кавказа и салтово-маяцкой культуры. Большой интерес вызвал доклад *В.С. Флерова* и *В.Е. Нахапетян* (оба – Москва). «Виды обезвреживания погребенных в катакомбах V – начала VIII вв. могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске». Суть обряда заключалась в частичном или полном разрушении скелетов погребенных. При этом вещи, в том числе и золотые, оставались в погребальных камерах, а входы в последние вновь плотно закрывались закладными плитами. В ходе обсуждения выяснилось, что подобный обряд был встречен в материалах раскопок В.Б. Ковалевской, С.Н. Савенко. В.А. Шнирельман обратил внимание на то, что в этнографии обряд разрушения целостности тела погребенного не всегда связан с обезвреживанием, но может относиться, например, к кругу культовых представлений о предках, когда части тела использовались как оберег, талисман и т.п. Поэтому имеет смысл пересмотреть термин «обряд обезвреживания». И.А. Аржанцева в ходе ответов на поступившие к ней вопросы согласилась с версией В.А. Кузнецова о том, что Кяфар мог быть резиденцией одного из аланских правителей. Она также рассказала о методике расчетов, которые позволяют определить количество людей, проживавших на территории Кяфара. В.Б. Ковалевская, подчеркнув положительные стороны доклада Д.С. Коробова, высказала свою точку зрения на проблему переселения алан на Дон. Носителям салтово-маяцкой культуры из алан Северного Кавказа, по ее мнению, наиболее близки по ряду категорий металлических предметов носители восточного локального варианта: Чечня, Дагестан, восточная часть Северной Осетии. Б.Х. Атабиев дополнил доклад М.П. Абрамовой новой информацией об аланских склепах IV–V вв. в Верхней Балкарии и Суканском ущелье.

Заключительное заседание проходило под председательством д-ра ист. наук Г.Е. Афанасьева (Москва). На нем рассматривались вопросы раннего средневековья. В начале заседания с докладом выступила *Л.Б. Гмыря* (Махачкала). Она рассмотрела историю взаимоотношений Хазарии с политическими образованиями прикаспийского Дагестана («страны гуннов», «страны Баланджар», «территории Вабандар», «владения Семендер», «царства Сувар», «территории Шайдан», «царства Хайдак», «страны неверных», или половцев) в VII–XII вв. Доклад *И.М. Чеченова* (Нальчик) и *В.А. Кузнецова* (Владикавказ) посвящался критике основных форм и методов вульгаризации этнической истории Северного Кавказа в работах середины 1980–1990-х годов. Такие труды, как правило, не содержат полного историографического и источниковедческого анализа, часто доказательства голословны, в них выборочно, тенденциозно используются мнения наиболее известных специалистов, упрощенно решаются сложные проблемы. Расцвет этноцентрических концепций авторы связывают с современным положением в регионе. В следующем сообщении «Аркасский склеповый могильник» *М.Д. Сагитова* (Махачкала) рассказала о конструкции склепов, погребальном обряде, инвентаре могильника X–XI вв. у с. Аркас. Материалы могильника заметно расширяют представления об истории Дагестана в период раннего средневековья. *А.И. Семенов* (Санкт-Петербург) рассмотрел в докладе «Луки Верхнего Чирюрта: проблемы культурной атрибуции» конструктивные особенности обкладки лука из катакомбы № 5 указанного могильника и пришел к выводу о невозможности связывать его происхождение с луками тюрков Центральной Азии. Обкладки же из одновременной грунтовой могилы № 19 Верхнего Чирюрта, наоборот, близки центральноазиатским. Этот факт является одним из косвенных доказательств того, что катакомбный и грунтовый могильники оставлены разноэтничным населением. В совместном докладе *А.И.* и *Т.А. Семеновых* (в тезисах он опубликован под псевдонимом А.К. Сайский) (Санкт-Петербург) была описана уникальная находка из армавирского кургана – серебряный с позолотой ложчатый светильник с раннехристианским (несторианскими) символами из Центральной Азии. В настоящее время сосуд находится в частном собрании. Докладчики уделили внимание проблеме приобретения государством уникальных предметов у частных владельцев. Основная часть сообщения *У.Ю. Эльканова* и *А.А. Демакова* (Черкесск) «Исследования на Нижне-Архызском городище» (VIII–XIV вв.) посвящалась археологическому изучению огромного, обнесенного каменной стеной сооружения – «Круга» (диаметром 92,5 м) и его астрономическому значению (У.Ю. Эльканов). Подробно результаты инструментальных астрономических измерений изложил во второй части А.А. Демаков. *С.М. Васюткин* (Элиста) рассказал в своем докладе о результатах раскопок 1985–1988 гг. средневековых подкурганных кочевнических погребений XI–XV вв. в зоне строительства канала Волго-Чограй. Новые данные позволяют уверенно говорить об обитании в западных районах Прикаспийской низменности поздних кочевников: «в XII – начале XIII в. – половцев, а во второй половине XIII – начале XV в. наряду с ними – частично монголов или пришедших с ними этнических групп». Доклад *Г.Е. Афанасьева* и *О.В. Лопан* (оба – Москва) посвящался средневековым глиняным котлам с внутренними ушками. На основании статистической обработки базы данных удалось выделить два устойчивых типа котлов (ранний и более поздний), имеющих местную линию развития, и показать, что данный тип керамики не является этномаркирующим признаком протоболгар. В докладе *И.О. Гавритухина* (Москва) «Кавказские двупластинчатые фибулы» шла речь о возможности выделить в развитии упомянутых фибул двух линий: первая характерна для центральной части Северного Кавказа, ее фибулы имеют аналогии в Поволжье и Джетыассарской культуре; вторая связана с восточно-понтийскими переработками центральноевропейских образцов. Дальнейшее развитие они получают в памятниках Средней Кубани и в отдельных пунктах Осетии

и Ингушетии. Завершение типологической линии прослеживается на нескольких находках Северной Осетии и Восточного Кавказа. Рассмотрены вопросы хронологии выделяемых в каждой из линий вариантов. *С.Н. Савенко* (Кисловодск) выступил с сообщением «Новые находки I – начала II тыс. н.э. из Кавминвод», где рассказал о новых коллекциях и отдельных предметах позднесарматского и раннесредневекового времени, поступивших в Кисловодский краеведческий музей за последние два года: о подъемном материале с поселений Кисловодской котловины; шлеме I в. до н.э. в сопровождении предметов вооружения; конской сбруе; керамических сосудах; о керамике из поминальной постройки могильника Горное Эхо; материалах из каменных гробниц первых веков н.э., из скальных могильников X–XI вв. н.э. В докладе *Э.Д. Зиливинской* (Москва) говорилось о работах на городище Маджары в Ставропольском крае. В ходе экспедиции были определены примерные границы городища, вскрыты и исследованы крупное здание из сырца 20–40-х гг. XIV в. и горн для обжига кирпича. В заключение было заслушано совместное сообщение *И.В. Волкова* (Москва) и *Э.Д. Зиливинской* «Керамическое производство и импорт в Маджаре». Исследователи выделили два массива керамики: первый – неполивная керамика, развившаяся на салтовских традициях; второй – поливная и неполивная, являвшаяся результатом смешения местных домонгольских, закавказских, золотоордынских и причерноморско-крымских традиций. Импортная керамика свидетельствует о торговых связях Маджара, среди которых особенно сильны были связи с городами Золотой Орды и Восточного Крыма.

Дискуссию вызвал доклад У.Ю. Эльканова и А.А. Демакова. А.А. Перфильева (Москва) высказала сомнение в возможности существования такого гигантского сооружения календарно-астрономического назначения, как «круг», в столь позднее время, как X–XII вв., так как подобные мегалитические постройки характерны для более ранних эпох. А.А. Демаков и У.Ю. Эльканов связывают постройку с аланами, считая ее многофункциональным культовым сооружением, которое использовалось и в календарно-астрономических целях. Не исключена возможность, что «круг» был построен на месте более древнего сооружения. Однако этого нельзя утверждать, пока не завершены раскопки. А.И. Семенов выступил с краткой характеристикой заслушанных докладов. Он рекомендовал пересмотреть датировки двух погребений из описанных С.М. Васюткиным Волго-Чограйских курганов. Возможно, впускное погр. 15 со скудным инвентарем относится к VII в., а 21 – к VIII–IX вв. С.А. Яценко (Москва) дополнил доклад В.С. Флерова этнографическим материалом из Ингушетии, Чечни и Осетии. Он привел примеры обряда нарушения костяков, связанного в магическими действиями против засухи и неурожая. В.А. Шнирельман обратил внимание присутствующих на необходимость более требовательного и дифференцированного подхода к выводам по вопросам этногенеза того или иного народа. Например, необходимо строго учитывать характер доминирования одного этноса над другим (языковое, политическое, культурное, демографическое и т.д.). Кроме того, необходимо исторически подходить к понятию этнос. Оно отличалось от современного. Древние люди, как правило, очень лояльно относились к системе чужих ценностей и были ориентированы на свой род, родственные связи больше, чем на этнос. В дискуссии выступил С.Н. Савенко, который дал оценку докладам по позднесарматской и раннесредневековой проблематике, остановился на важности детального подхода к изучению хронологии и погребального обряда, указал на необходимость включения в резолюцию конференции положений об отношении к фактам ограбления памятников археологии и покупки выразительных предметов музеями у частных лиц. По проблеме охраны археологических памятников и покупки предметов выступили А.В. Дмитриев, Л.Б. Гмыря, И.В. Волков, А.И. Семенов, Г.Е. Афанасьев. Выступающие отметили сложность проблемы и несовершенство современного законодательства, которое необходимо доработать. Они пришли к выводу о необходимости сформировать коллектив, который бы выработал предложения по его усовершенствованию.

Подводя итоги конференции, с заключительным словом выступил И.М. Чеченов. Он поздравил участников с 25-летним юбилеем «Крупновских чтений», сыгравших важную роль в консолидации археологов-кавказоведов, а следовательно, в объективном изучении древней и средневековой истории многонационального Северного Кавказа. С 1971 г. было заслушано около 700 докладов. И.М. Чеченов отметил, что за этот период улучшились подготовка и проведение конференции как в организационном, так и в научно-теоретическом отношении. Он еще раз подчеркнул важное значение докладов, посвященных критике ненаучных работ, искажающих историческое прошлое народов Кавказа (В.И. Марковин, З.В. Доде, В.А. Шнирельман, В.А. Кузнецов и др.). Присоединяясь ко мнению указанных авторов, И.М. Чеченов предложил вниманию участников конференции составленное им к XVIII «Крупновским чтениям» «Обращение к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования», где призвал ученых-кавказоведов и творческую интеллигенцию Северного Кавказа объединить усилия для распространения объективных знаний об истории народов региона и последовательного ограждения науки от фальсификации. После обсуждения «Обращения...» участники пришли к выводу о необходимости размножить этот документ, разослать для обсуждения участникам конференции. После внесения поправок И.М. Чеченов подготовит к печати окончательный переработанный вариант.

Участники конференции приняли резолюцию, в которой постановили: поручить Постоянному совету «Крупновских чтений» выступить на страницах массовой периодической печати с «Обращением...», призывающим к активизации творческой деятельности по широкому распространению подлинно научных

знаний об историческом прошлом народов Северного Кавказа и раскрывающим основные формы, методы и негативные последствия вульгаризации, фальсификации и идеологизации отечественной истории. В целях улучшения организационной работы Постоянного совета «Крупновских чтений» утвердить в его структуре должности координатора и ответственного секретаря. Считать избранными в Постоянный совет «Крупновских чтений»: а) координатором – д-ра ист. наук В.Л. Кузенцова; б) ответственным секретарем – д-ра ист. наук В.И. Козенкову; в) членом совета (от Краснодарского края) – И.В. Каминскую. Считать целесообразными координацию деятельности и взаимное сотрудничество Постоянного совета «Крупновских чтений» с Кавказской группой исследователей Института археологии РАН (председатель группы – д-р ист. наук В.И. Марковин). Просить администрацию Кавказских Минеральных Вод Ставропольского края дать согласие на проведение очередной межрегиональной конференции по археологии Северного Кавказа XX «Крупновских чтений» в мае 1998 г. на базе местного музея г. Железноводска. В качестве приоритетной темы XX «Крупновских чтений» утвердить «Проблемы социального развития общественно-политического строя народов Северного Кавказа в древности и в средние века».

К конференции был выпущен сборник тезисов (по 90 докладам) «Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX ''Крупновские чтения'')».

Институт археологии РАН,
Москва

З.Х. Албегова

Обращение участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа ("Крупновские чтения") к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования

За последнее 10-летие в России и других странах СНГ резко возросло количество всякого рода лженаучных открытий и учений, претендующих на новизну и сенсационность, широко распространяемых через всевоможные каналы информации. Стало обычным явлением бесцеремонное вторжение многочисленных любителей подобных "сенсаций" в те сугубо профессиональные направления конкретных наук, которые далеко не всегда соответствуют их основной специальности и профессии. К сожалению, в рядах таковых сегодня в числе прочих немало и дипломированных ученых: кандидатов и докторов наук, доцентов и профессоров. Они не только способствуют формированию и распространению псевдонаучных знаний среди широких слоев населения, но и явно дискредитируют науку.

Сказанное в полной мере относится и к отечественной историографии. Неправомерно используя свободу слова и печати, спекулируя на ускоренном росте национального самосознания и повышении интереса народов к своей истории и культуре, определенные категории некомпетентных или предвзято настроенных людей активно пропагандируют научно не обоснованные, тенденциозные, заведомо популистские версии и концепции, в корне извращающие картину объективного исторического развития этих народов.

Творцы таких антинаучных концепций, при всех их национальных и профессиональных различиях, расхождениях по тематике выступлений в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном – стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению, вопреки фактам, исторической роли своих народов, в способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма. Нагляднее и чаще всего это выражается в преднамеренных попытках того или иного автора доказать, что его народ является достаточно "чистокровным" по происхождению и одним из древнейших в Евразии, что он относился в прошлом к числу весьма крупных и цивилизованных этносов, имел довольно развитые формы своей ранней государственности, занимал более обширную, чем иные, территорию и т.п. Причем в подобных версиях зачастую вольно или невольно принижается, а то и вовсе игнорируется историческая роль других народов.

Нетрудно заметить, что стремительному росту численности, активности и сомнительной популярности представителей "паранауки", занимающихся непомерной идеализацией истории своих народов, способствует их ориентация на определенную конъюнктуру, сложившуюся в условиях нашего многосложного времени на основе обострения межнациональных отношений, усиления сепаратистских тенденций и ускорения процессов

© И.М. Чеченов, 1997 г.

суверенизации. Факты свидетельствуют, что, развивая свою бурную псевдотворческую деятельность, некоторые современные "новаторы" от обществоведения преследуют вполне конкретные цели: "научно обосновать" политические и территориальные претензии к соседним народам.

На Кавказе, в условиях малоземелья, необычайной этнической пестроты и многообразия национально-государственного статуса его народов, реальные негативные последствия общего кризиса в стране проявляются, как известно, в наиболее острой и сложной форме. Они соответствующим образом отражаются и на состоянии гуманитарных наук, заметно деформируют их развитие. Центробежные устремления в регионе, неугасаемые "горячие точки" и другие факторы ослабляют традиционные творческие связи историков-кавказоведов, препятствуют координации их усилий в организации фундаментальных исследований. Представляется не случайным, что предвзятое, крайне искаженное освещение истории кавказских народов, ее фальсификация и политизация достигли небывалых прежде масштабов именно во второй половине 80-х годов и особенно в течение последних пяти-шести лет, когда раздавались открытые призывы к национальному обособлению и проходил "парад суверенитетов".

К примеру, факты искажений, идеализации и идеологизации ранней истории и археологии Северного Кавказа находят свое выражение в том, что на коренное этнолингвистическое, генетическое родство своих предков с шумерами, египтянами, этрусками, скифо-сарматами и другими теми или иными известными этносами древних эпох одновременно претендуют в разных республиках региона представители и тюркоязычных народов (балкаро-карачаевцы, кумыки), и вайнахов (чеченцы, ингуши), а формирование осетин прямолинейно связывают с индо-арийцами эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.). Эти "сенсационные открытия" дополняются парадоксальными суждениями и выводами о скифо-алано-осетинском происхождении девы Марии, Иисуса Христа и 11 апостолов, а также германского императора Фридриха Барбароссы; об этническом тождестве в эпоху бронзы вайнахов и англичан; о генетическом единстве летописных касогов (предков адыгов) с китайцами или казаками, а тех же казаков с половцами; о принадлежности тюркам почти всех древних и средневековых кочевнических культур евразийских степей и о создании ими же нескольких ранних цивилизаций.

Вместе с тем авторы таких "сенсаций" пытаются доказать, что в ранние периоды истории именно родственные им этносы занимали огромные территории: предки осетин – "от Палестины до Британии", вайнахов – от Кавказа до Дона и Днестра, адыгов – от Малой Азии и Средиземноморья до Каспия, балкаро-карачаевцев и кумыков – от Эгейского моря до Сибири и от Месопотамии до Поволжья и Урала.

В разгар массового внедрения в обыденное сознание подобных измышлений на разных уровнях поднимались вопросы и о необходимости принципиальных изменений в национально-территориальном устройстве отдельных республик (Осетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии и др.), и об их переименовании с учетом известных в истории названий государственных и этнотерриториальных образований эпохи средневековья – Алании, Кыпчакетии, Черкесии и т.п. Напомним, что в отдельных случаях эти вопросы уже частично решены на местах (например, утверждение на парламентском уровне названия "Республика Северная Осетия – Алания"). Как известно, границы каждого из упомянутых выше средневековых этнополитических образований были соответственно несравнимо более обширными, чем основные территории проживания в наше время осетин или кумыков и балкаро-карачаевцев, адыгейцев и кабардино-черкесов.

Усердно "уточняются" границы и республик Закавказья. Так, в Тбилиси издана карта, согласно которой границы Грузии в прошлом охватывали значительную часть территории северокавказских горцев. А в одной "Исторической справке" (Степанакерт, 1992) заявлено, что еще с медно-каменного века весь Северный Кавказ до Ростовской области принадлежал армянам, и что русские и остальные народы являются здесь "пришельцами и изгоями"...

Таковы лишь отдельные, наиболее характерные примеры из огромного количества фактов фальсификации истории и археологии народов Северного Кавказа. Нет необходимости доказывать, сколь неприглядна и опасна псевдотворческая активность современных "новаторов" от историографии, в какую бы форму национального этноцентризма они ни рядились – индоарийскую, индоиранскую, тюркскую, кавказо-иберийскую, адыго-абхазскую, нахо-дагестанскую. Это очевидно. Отметим только, что авторы более чем сомнительных исторических версий и концепций отмеченного выше свойства все активнее настаивают на практической реализации результатов своих "исследований". И они в этом находят немало сторонников, получают от последних моральную и материальную поддержку. Те или иные их суждения и выводы стали проникать на страницы учебных программ и пособий; они используются некоторыми представителями общественных движений, вузов и НИИ, специальных экспертных комиссий и даже официальных властей при их выступлениях по вопросам межнациональных отношений, административно-территориального устройства,

культуры, народного образования. У нас нет сомнений, что такое неправомерное использование исторической науки, ее пронизывающая идеологизация и политизация, в той или иной мере характерные и для других регионов бывшего СССР, играет ощутимую деструктивную роль в межнациональных отношениях на Северном Кавказе и за его пределами.

Выражая свою тревогу и озабоченность по поводу изложенных выше негативных явлений, осознавая глубину их разрушительных последствий, мы обращаемся к ученым-кавказоведам, ко всем представителям творческой интеллигенции Северного Кавказа, других регионов России и всего СНГ с призывом: объединить усилия для координированного, более активного распространения объективных, научно обоснованных знаний об историческом прошлом наших народов, для последовательной и широкой популяризации подлинно научных достижений в области гуманитарных исследований, для системного и действенного ограждения отечественной науки от всяких проявлений нацчванства и конъюнктуры, от всяких попыток ее фальсификации и дискредитации.

Председатель Постоянного координационного совета межрегиональных научных конференций по археологии Северного Кавказа ("Крупновские чтения"), заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, к.и.н. *И.М. Чеченов*

АРХЕОАСТРОНОМИЯ В РОССИИ

(по материалам конференции "Наша Галактика" и междисциплинарного совещания; Москва, март 1996 г.)

27.03–30.03 1996 г. в Государственном астрономическом институте им. П.К. Штернберга (ГАИШ МГУ) состоялась научно-мемориальная конференция "Наша Галактика", посвященная памяти двух выдающихся астрономов П.П. Паренаго и Д.Я. Мартынова в год их 90-летия.

Важным обстоятельством проведения этой конференции стало то, что впервые в тематике астрономической конференции была специально выделена рубрика "Археоастрономия". В рамках этой сессии было представлено несколько докладов, среди которых большой интерес вызвал доклад канд. ист. наук *Т.М. Потемкиной* "Святилище Савин, III-е тысячелетие до н.э.".

К конференции было приурочено проведение междисциплинарного совещания по археоастрономии, посвященного вопросу о содержании понятия археоастрономии. В освещании принимали участие представители Института археологии РАН (ИА РАН), Евро-Азиатского астрономического общества (ЕААО), ГАИШ МГУ, Института Земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн (ИЗМИРАН), Института востоковедения (ИВ РАН), Института стран Азии и Африки (ИСАА при МГУ) и др. учреждений.

С пониманием и одобрением идеи более тесного сотрудничества историков, археологов и астрономов выступил гость из Болгарии, астроном, проф. *Н. Николов*. Он обратил внимание на развитие исследований по археоастрономии в Болгарии в рамках европейского сотрудничества, отмеченного, в частности, такими важными событиями, как совещание "Оксфорд-4" в 1994 г. и совещание "Оксфорд-5" в 1996 г. в Санта-Фе и создание Европейского общества "Астрономия в культуре".

Э.Н. Кауров (ЕААО) отметил, что практически первым вопросом сотрудничества ученых различных специальностей в археоастрономии является проблема преодоления различного подхода к тематическому и методологическому пониманию археоастрономии. Он подчеркнул важность результатов первых работ по применению специфически астрономических методов в археоастрономии таких исследователей-астрономов, как А.А. Гурштейн (Институт истории естествознания и техники – ИИЕТ РАН) и Ю.Н. Ефремов (ГАИШ МГУ).

Д.С. Раевский (ИВ РАН) подчеркнул, что астрономы не всегда представляют, насколько разнообразна информация, зафиксированная в исторических памятниках. В то же время он предостерег от прямолинейной интерпретации архаической, в частности зооморфной, символики.

В.Н. Обридко (ИЗМИРАН, сопредседатель ЕААО) особо выделил то обстоятельство, что предмет археоастрономии нуждается не только в уточнении, но и в углублении и расширении содержания. Хотя археоастрономия находится на стыке астрономии и истории астрономии, но история астрономии харак-

© Э.Н. Кауров, Т.М. Потемкина, 1997 г.

теризуется скорее систематизацией и обобщением истории астрономических открытий, в то время как археоастрономия ориентирована на решение таких вопросов, как выявление роли древней астрономии в жизни людей и, что более важно, детализации самой сущности древней астрономии. Он обратил внимание на уникальную значимость информации о древней природе и обществе как источнике сведений, которые помогают существенно корректировать, например, астрономические представления о ближайшей к нам звезде – Солнце.

А.М. Карапетьянц (ИСАА при МГУ) считает, что археоастрономия – это пока что рабочее название межотраслевой дисциплины, о которой идет речь. Есть другие источники о древней астрономии, не только археология и астрономия. Древнекитайский вариант восприятия небесной сферы дает альтернативный вариант философского познания окружающего мира, в котором важную семантическую роль играют определенные формы орнаментальных построений.

А.Г. Кифишин подчеркнул все возрастающую роль астрономических знаний в исследованиях ученых-шумерологов. Эта тенденция опирается на постепенное уяснение того основополагающего факта, что астрономия была гораздо более содержательной в жизни древнего Шумера, чем это представлялось до недавнего времени.

И.Л. Кызласов (ИА РАН) обратил внимание на методологическую неясность узкоспециализированного подхода к общенаучной оценке специфических археоастрономических аспектов в истории древних цивилизаций. Вскрывая глубинную сущность древних памятников, мы отталкиваемся от круга наших знаний и оценок, а адекватное понимание их можно обрести, только реконструировав систему знаний древних. Археоастрономия и является одним из важнейших источников научных представлений в иных, древних традициях, отличных от среднеземноморских, являющихся античным базисом современной европейской традиции.

Т.М. Потемкина (ИА РАН) обратила внимание присутствующих на ту важную роль, которую играют данные почвоведения и палеоботаники при проверке тех или иных гипотез, связанных с интерпретацией древних памятников в археоастрономии.

Н.Г. Бочкарев (ГАИШ МГУ, сопредседатель ЕААО, вице-президент СНОР) считает, что историки и археологи созрели для контактов больше, чем астрономы. Такие междисциплинарные контакты полезны. Важно только определить их наилучшие формы: семинары, рабочие группы, конференции, публикации. Он подчеркнул, что со своей стороны Евро-Азиатское астрономическое общество, бесспорно, поддержит любые полезные начинания в разнообразных междисциплинарных мероприятиях в рамках археоастрономии.

Совещание констатировало, что археоастрономия является бурно развивающейся отраслью науки на стыке археологии, астрономии и истории древнего мира и требует координации усилий ученых и исследователей смежных областей науки. В связи с этим была отмечена важная роль первой конференции по археоастрономии, проведенной в ИА РАН в 1994 г. Было предложено объединить усилия археологов, астрономов и историков в проведении различных научных мероприятий в области археоастрономии, в частности речь шла о необходимости координации в проведении второй конференции по археоастрономии осенью 1996 г. (ИА РАН) и намечаемой под эгидой ЕААО конференции по археоастрономии в ГАИШ МГУ в 1997 г.

Для проведения такой работы было решено создать междисциплинарную рабочую группу по археоастрономии из представителей археологической, астрономической и исторической дисциплин. Было признано целесообразным также организовать междисциплинарный методологический семинар по археоастрономии.

Первое заседание межотраслевого методологического семинара по археоастрономии, организованного в соответствии с решениями междисциплинарного совещания по археоастрономии (30.03.1996 г., ГАИШ МГУ), было успешно проведено 25 апреля в ГАИШ МГУ. В нем приняли участие представители ГАИШ МГУ, ЕААО, ИВ РАН, ИСАА при МГУ и др. организаций. С докладом "Проблемы Зодиака: историко-культурная реконструкция" выступил зав. отделом ИВ РАН, д-р ист. наук Д.С. Раевский.

Евро-Азиатское астрономическое общество, Москва
Институт археологии РАН, Москва

Э.Н. Кауров, Т.М. Потемкина

Технический редактор Е[illegible]на Л.И.

Сдано в набор 14.01.97 Подписано к печати 19.02.97 Формат бумаги 70 × 100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 23,4 Усл. кр. отт. 32,7 тыс. Уч.-изд. л. 28,8 Бум. л. 9,0
Тираж 1384 экз. Зак. 1028

Московская типография № 2 РАН, 121099, Шубинский пер., 6

ИНИВОН АН СССР